Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1926. ЯНВАРЬ 1

ИЗД. ГОСПЛАНА СССР. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ

1926 г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ принимают участие следующие товарищи:

Ай-Квак (Япония), Баженов, Базаров В. Г., Бер (Англия), Бессонов С. А., Богданов П. А., Боголепов Д., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И., Брон, Буланже П. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс Р., Виноградский Н. Н., Вишеров Л. А., Владимирский, Гавен Ю. П., Гинсбург М. С., Голендо М. Б., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р., Гордеев Г., Горев А. А., Гольцман А. З., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дзержинский Ф. Э., Дмитров (Болгария), Долгов А. М., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б., Кактынь Арт., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Красин Л. Б., Кравец, Кричман Л. Н., Кржижановский Г. М., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лауэстон (Америка), Лежава А. М., Лосицкий А. А., Людвиг (Германия), Мак-Манус (Англия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылев В. Е., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский Н., Первушин С. А., Поливанов М. К., Преображенский Е., Пряшников Д. Н., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рольф (Германия), Рой (Индия), Рудзутак Я. Е., Рыков А. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев, Спектатор (Нахимсон), Струмилин С. Г., Скобелев М. И., Тальгеймер (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Мак (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Туманов Н. Г., Фалькнер С. А., Фрумкин М., Хренников С. А., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Чиликин М. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шателен М. А., Шейн С. Д., Штейн Б., Штерн А. Б., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов, Юр и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 5

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. М. Кржижановский. К идеологии социалистического строительства 15
С. Г. Струмилин. На плановом фронте 32
В. Миллер. К вопросу о контрольных цифрах по кредиту 44
Н. Виноградский. Основные положения организации хлебной торговли в предстоящем году 54
В. А. Ларичев. Топливный план на 1925/26 г. 62
В. А. Базаров. О методах исчисления производительности труда 81
Г. И. Болдырев. О нашей акцизной системе 98
А. А. Никитский. Трехлетний финансовый план 109
С. П. Бобров. Проблема экономического барометра 132

ОТДЕЛ II

Экономика и техника

Н. Макаров. Элеваторное строительство и плановое хозяйство 155
А. А. Горев. Положение электрификации во Франции 169

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом

Л. Д. Троцкий. К вопросу о тенденциях развития мирового хозяйства 185
Т. С. Гордеев. „О новой аграрной программе Английской либеральной партии“ . 201
В. Позин. Хозяйство послевоенной Франции 216
А. Больгар. Проблема резины в мировом хозяйстве и мировой политике 233
С. А. Фалькнер. Об „Апологетах объективного знания“ и „Апологетах капитализма“ (ответ Е. Варге). 240

А. Мендельсон. К вопросу о динамических процессах в современном мировом хозяйстве 248
С. А. Фалькнер. Об экономической основе социальных отношений (ответ А. Мендельсону) 254
От редакции 261

ОТДЕЛ IV

По районам

М. Б. Вольф. Промышленность Северо-Западной области и ее положение в общей системе промышленности Союза ССР 265
К. М. Трояновский. Проблема реконструкции хозяйства Карачаево-Черкасской Автономной области 288
В. А. Голгофский. Вятско-Ветлужский край 310

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Р. Е. Вайсберг. Итоговая брошюра 329
Е. Хмельницкая. Otto Neurath 332
Вл. Лаврентьев. Д. Боголепов. Краткий курс финансовой науки 334
Металлопромышленность СССР на 1924/25 операц. год 337
С. Белюнов. И. Д. Михайлов. „Эволюция русского транспорта“ 338
Б. Гухман. „Труд в СССР“. Статистический справочник за 1924/25 г. 340
С. Кукель. Бюллетень Волховстроя 341
Я. Абрамович. „Труд и Хозяйство“ 343
С. Розенберг. Альфред Шмидт Гепке. Основы новой герм. денежной системы . 345
М. Иоэльсон. Г. Т. Вальтон-Ньюбольд. Железные дороги. 1825—1925 г. 348
С. Харин. М. Нахимсон (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны . . . 351
М. Шерешевский. Исследование о производстве 352
Новые книги 355

ОТДЕЛ VI

Статистика

Б. Гухман. Сумма доходов СССР 361

Динамика народного хозяйства СССР. Бюллет. № 11—12. Эконом.-Стат. Секция Госплана. Под ред. С. Г. Струмилина 369
Динамика мирового хозяйства. № 1 (13). Сектора Мирового Хозяйства при Конъюнктурном Совете Госплана. Под ред. проф. **С. А. Фалькнера** . . . 391

От редакции

Год тому назад вышел первый номер реорганизованного „Планового Хозяйства“.

Год тому назад мы поставили своей задачей „создание ежемесячного политико-экономического органа, который не только с достаточной яркостью и полнотой отражал бы текущую социально-экономическую жизнь страны, но который был бы действенным органом, руководящим и направляющим эту жизнь в обстановке борьбы планового, социалистического начала со стихией рынка“.

Оглядываясь теперь на работу журнала за минувший год, мы думаем, что хотя бы в основном нам удалось пойти по пути выполнения этой задачи. Журнал не просто отражал текущую социально-экономическую жизнь страны, но ставил вопросы, возникавшие в процессе хозяйственного строительства, и давал им освещение, направление и разрешение с общеплановой, народно-хозяйственной точки зрения, с точки зрения задач строительства социализма, ориентируя, таким образом, читателя и специфически вооружая его для текущей работы.

„Совершенно так же“, писали мы в своем обращении от редакции к товарищам, работающим над построением социалистического хозяйства, „как в течение ряда десятилетий со времени своего обоснования, марксизм был одновременно и единственно правильной и в то же время наиболее одиозной для всего буржуазного мира точкой зрения, совершенно так же и в наше время в области хозяйственного строительства СССР точка зрения планового хозяйства является одновременно и единственно правильной и максимально ненавистной для всего, связанного с частно-хозяйственным, а тем более капиталистическим, окружением.

Последовательное проведение этой единственно правильной в наших условиях социализирующегося хозяйства точки зрения во всех отраслях хозяйственной деятельности нашего великого Союза, опираясь на решения руководящих органов нашей партии и борясь со всяческой безхребетностью и эклектизмом, с одной стороны, с бюрокра-

тическими извращениями идеи планирования, с другой — вот основная задача нашего журнала".

Под тем же знаменем предполагаем мы итти и в наступившем году.

Во все время работы журнала мы вели эту борьбу, не всегда заметную для „постороннего" глаза, не всегда развернутую полным фронтом и доведенную до надлежащих по прозрачности формулировок, но всегда напряженную, ибо мы имеем и будем еще, конечно, иметь дело с противоборствующими явлениями не случайного порядка, с явлениями, уходящими своими корнями во все прошлое досоциалистической экономики.

Мы всегда защищали и продолжаем защищать ту точку зрения, что проведение в хозяйственную жизнь плановых начал осуществимо лишь в процессе длительной и упорной борьбы.

В этой борьбе „один шаг действительных достижений лучше дюжины программ" (К. Маркс). Но именно в меру величины и значимости этих достижений мы встречаем и будем встречать величайшие препятствия на путях их осуществления.

В самом деле, если справедливо, что на всем протяжении истории жизни и дел людских „мертвое хватает живое", то какова должна быть „хватка" по отношению к плановому хозяйству, долженствующему отправить на тот свет гигантское количество вековых навыков, традиций, организаций и установлений, живущих в порах рыночной стихии, частного почина и свободной конкуренции, и питающихся от них.

Новая экономическая политика, пока она остается нашей политикой в подлинном смысле этого слова, т. е. средством в руках пролетарской диктатуры, превосходно сочетается с курсом на плановое хозяйство. Но продолжите линию новой экономической политики вне координат пролетарской диктатуры, вне курса на социализм, и вы получите, как это показал недавний дискуссионный опыт, параболу падения в направлении к вязкому болоту роковых шатаний.

Год тому назад журнал написал на своем знамени: „борьба с идейной бесхребетностью, экономическим ликвидаторством, буржуазно-реставрационными и мелко-буржуазными уклонами в экономике, обильно питающими свои корни от стихии Нэп'а".

Эти лозунги теперь актуальнее, чем когда бы то ни было.

Союз Советских Социалистических Республик находится в настоящее время на последней четверти своего подъема к довоенным размерам хозяйства. Бурный и крутой подъем, увеличение активности

всех слоев населения, вызванное ростом их благосостояния, увеличение удельного веса и значения социалистических элементов в нашем хозяйстве — все это требует от пролетарского государства усиления плановости, увеличения твердости руководства, которое становится все более ответственным и все более экономически значимым.

Вместо этого в конце 1925 г. в нашей партии, постоянно испытывающей давление буржуазной экономики на свое сознание, обнаружилось течение, выступившее перед XIV съездом и на самом съезде с лозунгами и заявлениями, явно сбивающимися с прямого ленинского пути.

А впереди — еще такой тернистый путь трудной работы чернового социалистического строительства, столько еще труднейших этапов этого строительства. Тем большая энергия потребуется от нас для борьбы с этими тенденциями и уклонами, особо вредоносными в условиях нынешней мировой конъюнктуры.

Бодрому духу „авангарда пролетариата, впитавшего в себя энергию класса" (Ленин), Всесоюзной Коммунистической Партии Большевиков, всей трудовой армии Союза, работающей над построением социалистического общества в условиях подъемного разгара хозяйственного строительства, бесконечно чужд всякий пессимизм, всякое шатание. Тем бо́льшая ответственность падает на плечи журнала, обязанностью которого становится соответствующим образом выправлять линию идеологического фронта хозяйственной работы...

Мы считаем необходимым остановиться еще на одном факте. В журнале участвует немалое количество беспартийных товарищей, в особенности высоко-квалифицированных специалистов. Многие статьи написаны их руками. Уже в настоящее время, читая эти статьи, мы можем констатировать, как все теснее и теснее смыкаются ряды значительных групп беспартийных работников вокруг нашей партии. Это — весьма знаменательный факт. Ленин неустанно учил нас включать в строительство социализма силы именно такого „окружения". В наши дни мы уже имеем возможность наблюдать плоды его прозорливых уроков. А это — лишь „первые ласточки", прилетевшие на весенний период строительства. Подлинная жатва еще впереди. Мы еще — в стадии посева...

На втором году нашей работы мы уже можем пойти одним шагом далее предшествовавших заданий. Мы уже можем говорить не о перспективах наших работ вообще, а о перспективах работы, подсказанных нам практикой журнала.

Первый отдел журнала посвящен экономике и экономической политике СССР.

Мощный рост нашего народного хозяйства, процессы трансформации, происходящие в нем, требуют от нас все более углубленного теоретического анализа нашего хозяйства, как системы, стремящейся к социализму. Анализ хозяйственных форм СССР, тенденций их развития, теоретическое осмысление протекающих процессов, исследование закономерностей как этих процессов, так и всей системы в целом, процессы отмирания капиталистических форм и законов капиталистической экономики и „врастания в социализм“—все это потребует от нас еще больше внимания, чем в прошлом.

Далее, мы не просто занимаемся экономикой,—на нашем знамени написано: „плановое начало“. Внедрение планового начала в экономику СССР, методология и практика планирования, конкретные планы и их выполнение должны быть в центре внимания этого отдела.

Промышленность, сел. хоз., транспорт и связь, труд и проблемы воспроизводства рабочей силы в СССР в целом, товарооборот, денежное обращение—финансы и кредит,—каждая из этих отраслей народного хозяйства в отдельности и все они взятые вместе и в целом должны быть подвергнуты проработке с точки зрения перспектив их развития с точки зрения строительства в них социализма.

Но работа планирования и регулирования народного хозяйства невозможна без постоянной слежки за ходом его повседневного развития. Отсюда необходимость конъюнктурных наблюдений, результаты которых мы и впредь будем помещать в сжатой цифровой и диаграмной форме в специальных ежемесячных бюллетенях, прилагаемых в конце каждого номера, и в сведенной и экономически связанной форме в периодических статьях первого отдела.

Наконец, текущая конъюнктура, как хозяйственная, так и политическая, в каждый данный момент выдвигает с особой выпуклостью те или иные вопросы текущей экономики, или экономической политики, которые должны находить своевременно освещение в журнале.

Вот в основном программа первого отдела.

Мы, однако, впали бы в односторонность худшего пошиба, если бы ограничили наш кругозор только своей страной.

Хозяйство СССР с каждым годом все более и более входит в систему мировой экономики; строго говоря, оно не было оторвано от нее никогда, даже в моменты наиболее жесткой блокады и наиболее ожесточенных революционных боев.

Эта связь с внешним миром для нас особенно чувствительна теперь, в подъемный период строительства социализма, когда с неизбежностью она должна возрастать.

Теперь более, чем когда-либо за все предшествовавшее время, СССР испытывает на своем теле как конъюнктурные колебания и толчки, так и глубокие потрясения и сдвиги, совершающиеся в мировом хозяйстве.

Учет и анализ социально-экономических и политических процессов, развертывающихся в странах европейского и американского капитализма и в колониальных и полуколониальных странах Ближнего и Дальнего Востока и Юга, являются поэтому необходимой предпосылкой нашей экономической политики внутри СССР.

Этим вопросам посвящен специальный отдел.

Социалистическое общество не появляется как deus ex machinae. Элементы его, его предпосылки вырастают и зреют внутри капитализма. Одной из величайших по своему значению и решающих предпосылок является капиталистическая техника. Именно ее развитие и должно обеспечить высоту производительности труда, дающую возможность широкого удовлетворения потребностей народных масс, раскрепощающую человека от чрезмерного и принижающего труда.

„Железный раб“, о котором мечтал еще Аристотель, только теперь в XX веке приходит на смену человеческому рабству, заменяя его мускулы и нервы сталью машин и сетью электрических проводов.

Энергетика,—как источник питания этой „нервной системы“ социалистического общества; достижения техники—как победоносный путь освобождающегося человечества; реконструкция всех отраслей народного хозяйства—как наша ближайшая цель; наконец, реальные завоевания наши на этом пути по всем отраслям народного хозяйства,—вот проблемы, которым посвящен отдел экономики и техники.

Четвертый отдел журнала посвящен хозяйству районов.

Экономическое районирование является одной из основ социалистического строительства. Именно на этой основе будет строиться, разделение труда в плановом хозяйстве. Характер и особенности каждого района, перспективы его развития, его роль в общей системе хозяйства страны и будущего мирового социалистического хозяйства,—без исследования этих вопросов нельзя осуществлять построения сколько-нибудь рационального, действительно планового хозяйства.

Правильно проведенное районирование есть базис для бесперебойного, с наименьшей затратой энергии и материалов осуществляемого, движения хозяйства на его дальнейшие, высшие этапы.

С этим же критерием мы должны подходить и к оценке современного состояния хозяйства районов, к формам осуществления районирования, к местной электрификации и прочим проявлениям хозяйственной жизни районов.

Вот в основном программа четвертого отдела.

Пятый отдел посвящен критике и библиографии.

„Теория становится силой, когда она овладевает массами“,—говорил К. Маркс.

Та теория, которая вооружает массы и делает их силой, способной бороться с капитализмом и строить социалистическое общество, есть марксизм, есть ленинизм. Однако в условиях новой экономической политики и на ее почве произростает немалое количество теорий враждебных пролетариату и вооружающих его противников. Причем эти теории или их отголоски выступают не всегда в чистом виде, не всегда с открытым забралом. Наоборот. Очень часто они выступают под советской внешностью, в форме внешне доброжелательной пролетариату. Нередко и сами авторы их не отдают себе отчета в том, „куда растет“ такая теория. Книжный рынок наводнен социально-экономической литературой. Тем большая ответственность ложится на органы марксистской мысли, задачей которых в этом отношении является не допустить, чтобы лже-научные, антимарксистские теории становились силой, обезоруживающей массы в их борьбе против капитализма.

Поэтому нашей задачей являются не случайные заметки случайного читателя и не простая регистрация появления книг с изложением их содержания по образцу западно-европейской библиографической прессы.

Борющийся за свое освобождение пролетариат не может оставаться бесстрастным зрителем того, как выковывается оружие для его врагов. Он должен сломать это оружие прежде, чем оно станет направленной против него силой.

Поэтому мы ставим своей задачей систематический обзор всей сколько-нибудь значительной, вновь выходящей в СССР социально-экономической литературы (в том числе и периодической прессы) и строгую оценку ее с точки зрения ленинизма.

Кроме того, мы ставим своей задачей наладить критико-библиографические обзоры наиболее выдающихся зарубежных экономических работ.

Наконец, шестой отдел журнала посвящен экономической статистике, являющейся необходимым условием планирования.

Здесь мы будем систематически помещать статистические исследования народного хозяйства СССР, его балансовый учет и проч.

Кроме того, мы будем продолжать систематически печатание статистических бюллетеней, дающих ежемесячно выражаемую в цифрах и диаграммах картину состояния и тенденций развития народного хозяйства СССР и мирового хозяйства.

Заканчивая, мы считаем необходимым повторить сказанное нами в 1925 г. в обращении от редакции: мы далеки от мысли, что такой журнал может быть создан отдельными товарищами или группой литераторов; он может и должен быть поднят на свои плечи только великим коллективом строителей обобществляющегося хозяйства СССР.

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. М. Кржижановский

К идеологии социалистического строительства

„Пролетариат должен быть революционен, или он ничто"
К. Маркс

Глава I.—Целевая установка

Дискуссия, развернувшаяся на XIV Съезде нашей партии, чрезвычайно оживила надежды наших врагов. Перелистывая худосочные страницы белогвардейской прессы, легко заметить, что̀ является центром их внимания. Несмотря на всю ту переоценку исторической роли отдельных лиц, которая столь естественна в лагере индивидуалистов, мы наблюдаем на этот раз попытки разобраться по существу и расшифровать за столкновением лиц повороты в самой сущности вещей, т. е. наметить решающие сдвиги в самой нашей хозяйственной динамике.

Особое ликование в этом вражеском лагере наблюдается по той простой причине, что XIV Съезд, яко-бы, обнаружил линию явного отказа от революционного Ленинского наследства. Коммунисты-де колебнулись в самом основном пункте: для них самих стало ясно, что то строительство, которым они заняты, не представляет даже и пародии на социализм. Это-де тоже самое капиталистическое хозяйство, лишь насквозь проникнутое отвратительным привкусом азиатских бюрократических устремлений. Таким образом, под ногами „коммунистических властителей" СССР уже даже не пресловутая историческая апельсиновая корка, на которой им суждено роковым образом поскользнуться, а целая разверстая, зияющая пропасть, в которой они и сгинут безвозвратно в самом ближайшем будущем.

Если бы это было так, то радость наших врагов была бы вполне понятной. Жертвы Октябрьской революции, действительно, настолько велики, что нет никакой возможности расплатиться по ним простыми обязательствами капиталистического порядка. Неужели многомиллионная масса трудящихся Союза наших Республик, которая на наших глазах была вовлечена в водоворот решающих исторических событий, могла бы в последнем счете удовольствоваться мещанским прозябанием в полуколониальной отсталой стране? А ведь вопрос о перспективах социалистического строительства неизбежно знаменует именно такого рода дилемму: или еще целый ряд трудных и труднейших лет, новых этапов напряженной борьбы с защитниками старого мира и с его пережитками, но борьбы под воодушевляющим красным знаменем, на-

встречу новому миру, новым отношениям человека к человеку и человека к силам природы, отношениям, в которых развертывается все большее и большее освобождение человека от стихийного пресмыкательства перед слепыми силами окружающей его действительности, или—пребывание на „запятках“ капиталистической Европы. По трудной тернистой дороге, в грозе и молниях из нависших повсюду темных туч, но навстречу пробивающимся лучам подлинной свободы, подлинного социализма, или—неизбежный хвостизм в ряду капиталистических наций, далеко обогнавших нас по накоплению основных элементов капитализма, с перспективой порабощения двойного порядка: под тяжкой пятой современного капитала с одной стороны и с раздробленным фронтом армий труда перед гигантскими враждебными стихиями нашей суровой природы—с другой.

Можно ли вести спор относительно того, что в разгар великой октябрьской борьбы мы наступали на царя с окружавшей его сворой помещиков и фабрикантов под знаменем новых социальных отношений, при лозунге решительного боя именно с силами капитализма?

В этом бою немалая роль выпала на долю милитаризированных частей народных масс, а следовательно—на долю численно преобладающего ядра этих масс, т. е. крестьянства. Но разве можно сомневаться, что авангардом и главным двигателем этих масс был именно пролетариат, а авангардом этого пролетариата—его политическая большевистская партия? Отказ от идей социалистического строительства означал бы не простой провал Коммунистической Партии, а провал всей пролетарской гегемонии, как бы ни старались враги рабочего класса отделить советский коммунизм от пролетарской толщи. Выходит, таким образом, что, решая вопрос о центре тяжести нашего строительства, т. е., отвечая себе на вопрос о нахождении этого центра тяжести в координатах государственного капитализма, или в сфере нарождающегося социалистического хозяйства, мы одновременно, как это мы более отчетливо увидим ниже, отвечаем на вопрос о прочности гегемонии самого пролетариата в современной сложной политической и хозяйственной обстановке Союза Советских Республик.

„Госкапитализм или социализм?“—это по-истине вопрос вопросов, который и в прошлом, и в настоящем, и в ближайшем будущем должен явиться особенно законной целевой установкой целого ряда научных работ. Цель настоящей заметки—анализ основных моментов нашего хозяйственного строительства именно с этой точки зрения; сопоставление главнейших данных „за“ и „против“, могущих быть подытоженными в результате поучительных сдвигов в экономике в наши послереволюционные годы.

В каких бы формах ни происходила в настоящее время на наших глазах пресловутая, так называемая, стабилизация капитализма, несомненно, однако, что обстоятельства Октябрьской революции в России отнюдь не являются обстоятельствами узко локального характера. В свое время К. Маркс бросил крылатое замечание, по которому человечество ставит себе только разрешимые задачи. Многомиллионный коллектив наших народных масс, вовлеченный в грандиозную борьбу за защиту октябрьских позиций, мог выявить себя таким, каким он был на самом деле, именно потому, что при его посредстве разрешались великие задачи строительства, стоящие не только перед ним, но и перед всем миром трудящихся. Это такая самоочевидная истина, что ее не приходится доказывать. Лишь по этой причине, в последнем счете, мы наблюдаем в настоящее время знаменательную полосу пролетарских европейских делегаций, заботливо устремляющихся в разных направлениях по всему полю хозяйственного строительства наших Республик и неизменно констатирующих, что здесь, именно здесь, на этом определенном поле строительства, решаются судьбы громадной освободительной работы для всего пролетарского мира. Среди этих делегаций не мало лиц не только нейтральных по отношению к коммунистическим идеалам, но и лиц, психологически настроенных явно враждебно—ведь идеологи социал-демократии не дремлют! Тем более знаменателен тон этих отчетов, который делает определенную музыку. А эта музыка звучит явным похоронным маршем старому миру, ибо она говорит не о теории, не о победоносной теории хотя бы и научного социализма, а говорит о подлинной жизненной практике, о победоносной жизненной практике советского пролетариата, той самой практике, в которой „каждый шаг достижений лучше дюжины программ“.

Эти западно-европейские делегаты неизменно констатируют, что в авангарде всей громадной политической и экономической работы нашего Союза стоит именно пролетариат, именно его передовая группа. В ответ на клеветнические нападки многоликих защитников старого мира они бросают основной и грозный лозунг: „Если хотите видеть истинное лицо пролетарской диктатуры, отправляйтесь в Советскую Россию. Пусть на этом лице не мало следов тяжкого прошлого; пусть тело пролетариата великого Союза Советских Республик еще в рубище нищеты, пусть оно еще в рубцах от залечиваемых ран,—но именно этот пролетариат охвачен энтузиазмом строительства своего собственного „царства“, границы которого совпадают с границами вселенной.

Так было и так, может быть, еще не раз будет. Сравните современный паровоз „Пасифик“ с тем первобытным паровозиком, который был создан гением Стефенсона, и, тем не менее, не этот „Пасифик“, а именно тот паровозик, который ныне стоит в английском музее, явился провозвестником великой революции перехода к паровому транспорту.

Сосредоточивая наш анализ в особенности на конъюнктуре нашего строительства, мы, очевидно, вынуждены будем неоднократно делать экскурсы и в зарубежный мир, но прежде всего нам следует порыться в основных источниках нашей идеологии,—обратиться к нашим великим западным учителям.

Глава II.—Карл Маркс об этапах социалистического строительства

Основным моментом нашей новой экономической политики была, как известно, допущенная в широком масштабе свобода торгового оборота. В каком смысле такая свобода торгового оборота является отступлением от коммунистического строительства?—Чтобы разобраться в этом основном вопросе, достаточно обратиться к тем превосходным замечаниям, которые сделал Карл Маркс в своей исчерпывающей критике Готской социал-демократической программы. Как характеризуется Марксом в этом отношении то новое общество, которое возникнет на другой день после социалистического переворота? Он пишет: „Внутри товарищеского, основанного на общем владении средствами производства общества, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало употребленный на продукты труд является здесь как ценность этих продуктов, как вещественное свойство, которым они обладают". Ясно, что с выпадением обмена продуктов и ценностной формы этого обмена отпадает товарность хозяйства, а, следовательно, и такой товар, каким являются деньги. Если бы мы в нашей действительности, в результате Октябрьской победы, имели именно такое общество, то нет никаких сомнений, что переход к свободе торгового оборота был бы явным и решительным отступлением.

Намечался ли в эпоху военного коммунизма контур безденежного хозяйства? Легко показать, что такой контур явно намечался. Однако, было ли такое безденежное хозяйство в своей чистой форме нашей основной командной высотой, или могло ли оно быть таковой? На первую часть вопроса приходится ответить явно отрицательно. Правда, в этот период мы смело шли в сторону прогрессирующего обесценения нашей валюты. Мы явным образом переоценивали в сторону последовательного отрицания и всю экономическую весомость того золотого запаса, которым располагало в те времена наше государство. Однако, решительного отказа от маневрирования бумажной валютой и золотым чистоганом с нашей стороны не было. Подоплекой такой отрицательно „денежной" позиции, несомненно, были положительные расчеты на чрезвычайную близость мирового социалистического переворота. Если бы чаша исторических весов качнулась именно в этом направлении и Центральная Европа очутилась бы в рядах Советского Союза, то, кто знает, быть может мы перешли бы, и весьма прочно, к бесконъюнктурному хозяйству, к доминированию товарного рубля, бюджетного индекса, что, взятое в целом, было бы превосходным вызовом накопленным золотым резервам американских банков. Этого, как известно, однако не произошло... Мы проделали, следовательно, отступление весьма относительного порядка.

Но Маркс проводил в своих замечаниях к Готской программе резкую грань между тем коммунистическим обществом, которое развивается „на собственной основе", и таким, которое только что выходит из капиталистического общества, когда оно оказывается „еще покрытым

во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества". Ясно, что наш строй представляет категорию именно этого второго рода.

В историческом смысле „другой день" растягивается на длительный период, отдельные фазы которого во многих отношениях будут не походить одна на другую. Особая длительность и многообразие такого периода для нас вряд ли может оспариваться.

Итак, переход к свободе товарооборота и к более или менее чисто выраженной денежной системе для нас по целому ряду причин лишь в известном смысле является тактическим отступлением. Как следует расценивать такое отступление? Является ли оно, и в какой мере является, угрожающим отступлением?

Ясно, что это отступление мы проделываем прежде всего не в области производства, а в области распределения. Каков относительный вес этих подразделений? Критика Готской программы дает ясный ответ и на этот вопрос. Маркс утверждает, что „всякий раздел средств потребления есть только результат данного раздела самих средств производства. Последний же обуславливает характер данного способа производства. Так, капиталистический способ производства зиждется на том, что вещественные условия производства находятся в руках не рабочих, тогда как масса является собственником только личного условия производства—рабочей силы. Раз элементы производства распределены таким образом, то нынешнее распределение средств потребления вытекает из него само собой. Если вещественные условия производства будут составлять товарищескую собственность самих рабочих, то точно также получится само собою отличное от нынешнего распределение средств потребления. Вульгарный социализм (а от него в свою очередь часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства, поэтому он изображает социализм вращающимся главным образом вокруг распределения".

Итак, что сказал бы Маркс лицам, утверждающим, что поскольку в современной стране Советов все последовательнее и последовательнее развертывается власть денег, базирующаяся на денежно-товарном обороте вещественных благ, постольку же мы имеем здесь налицо явное преобладание капиталистических элементов над элементами социалистическими? — Он сказал бы, что такое понимание явным образом свидетельствует о вульгарной трактовке социалистической проблемы.

Мы видим, что капиталистический способ производства характеризуется Марксом прежде всего, как такой, в котором вещественные условия производства находятся в руках класса капиталистов. Изъятие этих вещественных условий производства из рук господствующего класса является поэтому первым основным моментом сдвига в сторону

социализма. Этому пока соответствует то положение, которое с особой резкостью и определенностью сформулировано нами как раз в 1921 году в период установления новой экономической политики. Размышляя о наших командных высотах, мы отнесли к этим командным высотам в одну из первых очередей национализацию нашей промышленности.

Достаточно ли одной этой командной высоты, чтобы осуществлять на ее базисе дальнейшее безпрепятственное движение к социализму? Отнюдь нет. В той же самой критикуемой Марксом Готской программе провозглашалось:

„В современном обществе средства производства составляют монополию класса капиталистов. Обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах".

Маркс делает определенную поправку в этом тезисе. Он утверждает:

„В современном обществе средства производства составляют монополию землевладельцев (монополия землевладения есть даже базис монополии капитала) и капиталистов. Статуты Интернационала в соответствующем месте не называют ни того, ни другого класса монополистов, а говорят о монополии средств производства, т. е. источников жизни". Прибавление „источников жизни" достаточно показывает, что земля включена в средства производства".

Мы видим, что в качестве другой основной позиции для продвижения к социализму здесь Марксом намечается национализация земли, т. е. как раз та вторая командная высота нашей хозяйственно-политической диспозиции после-октябрьского периода, которую мы с полной решительностью ставили рядом с национализацией промышленности.

Я отчетливо помню, что когда в 1921 году мне приходилось беседовать с Владимиром Ильичем именно на эту тему о решающих командных высотах нашей экономики и когда намечалось сопоставить рядом с этими двумя командными высотами, т. е. рядом с национализацией земли и национализацией промышленности, монополию внешней торговли, он присоединился к такому мнению не без некоторого колебания. Как раз к этому времени относятся переговоры Владимира Ильича с хозяйственниками по основным вопросам монополии внешней торговли. Он согласился отнести этот „распределенческий" момент к нашим командным высотам лишь на основании произведенного им тщательного, конкретного анализа всей нашей хозяйственной обстановки. Лишь тогда, когда для него выяснилось, что наша специфическая хозяйственно-политическая установка, со всех сторон сжимаемая вражеским кольцом, является наиболее эффективно вооруженной методом монополии внешней торговли, он перестал возражать относительно сопоставления трех вышеперечисленных командных высот. Вышеприведенные цитаты из критики Готской программы показывают, насколько был прав Владимир Ильич в такой осторожной оценке этой третьей высоты, доминирующей в области обращения.

В духе той дискуссии, которая велась на XIV партийном Съезде по вопросам „водораздела" между системами госкапитализма и социализма, нам могут, однако, возразить, что по существу командных высот никакого спора не было и не предвидится. Центр тяжести спора заключается лишь в решительном разграничении типа хозяйственного развития, к которому мы стремимся, от наличных форм этого развития. Никто-де не спорит, или уже перестал спорить относительно того, что наша государственная промышленность являет собой „последовательно социалистический тип", но если отсюда сделать заключение, что наша фабрично-заводская действительность является живым воплощением социализма, то такое заключение было бы ничем иным, как лишь явной иронией над мечтами и достижениями трудящихся.

Так ли это? И не является ли такого рода „тонкость" анализа прямым отходом от диалектического метода оценки действительности? В самом деле, каковы основные директивы диалектического метода познания? Не утверждаем ли мы в первую очередь, что правильный диалектический подход к изучению действительности заключается в динамическом охвате этой действительности. Другими словами, подходя к изучению того или иного явления в историческом процессе, мы прежде всего изучаем его внутреннюю динамику, те движущие силы, которые обуславливают и всецело объясняют смену форм проявления этого процесса. И опять-таки приходится удивляться тому мастерству диалектического анализа, какой дан Марксом в цитируемой нами „критике". Выше мы видели, что то коммунистическое общество, которое диалектически развивалось бы лишь на своей собственной основе, было бы, по Марксу, чуждо денежному обмену продуктов. На самом деле, утверждает Маркс, мы будем иметь целый ряд последовательных этапов перехода к истинно-коммунистическим основам человеческого общежития. „Лишь на высшей стадии коммунистического общества, — пишет Маркс, — лишь когда исчезнет холопская иерархия индивидов при разделении труда, а с ней и противоречия между умственным и физическим трудом; когда самый труд станет первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни; когда вместе со всесторонним развитием личности вырастут и производительные силы, и все родники общественного богатства изобильно потекут, — лишь тогда узкий буржуазно-правовой кругозор будет совершенно покинут и общество напишет на своем знамени: „С каждого по его способностям, каждому по его потребностям".

А до тех пор работникам социалистического переворота предстоит проделать большую черновую работу. Национализация промышленности и национализация земли масштабом своего воплощения в жизнь как раз предрешают в отношении обмена вещественных благ содержание и форму, находящие себе место в первой фазе социалистического строительства.

„При изменившихся обстоятельствах, — пишет К. Маркс, — никто не может дать ничего, кроме своего труда, а с другой стороны, ничто

не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления".

Контрольные цифры Госплана показывают, что мы фактически находимся на некотором расстоянии и от этой фазы социалистического строительства. Наш обмен совершается не на основе трудовых квитанций, а на денежно-товарной основе, и процессом этого обмена охвачены не только средства потребления, но, частично, и средства производства. Однако, что доказывает это обстоятельство? Лишь то, что, не впадая в вульгаризацию социализма, мы должны будем признать особую сложность фактической общественной трансформации. Выходит, что действительный процесс трансформации капиталистического общества в общество социалистическое носит гораздо более сложный характер, чем то представлялось даже гениальным провозвестниками научного социализма. В общем и целом, „узкий буржуазно-правовой кругозор" нами еще не покинут и еще не мог быть покинут. Но побрякушки этого кругозора нами решительно должны быть отброшены в сторону.

Никто иной, как Карл Маркс, в цитируемой нами критике, беспощадно высмеивает мечты лассальянцев относительно не урезанного „дохода от труда, принадлежащего на равном праве всем членам общества". Если считать, что урезанный „доход от труда" есть основа эксплоатации, то такое положение по Марксу является абсолютно неправильным. Лассалевский доход от труда, по мнению Маркса, должен быть переименован в продукт труда. Кооперативный доход от труда является, таким образом, общественно-валовым продуктом. Из этого общественно-валового продукта в целях поддержки правильного процесса воспроизводства работникам социалистического строя неминуемо придется произвести целый ряд вычетов. Эти вычеты должны предвидеть амортизацию средств производства и добавочную часть для расширения производства и запасный или страховой фонд. Размеры этих вычетов диктуются экономической необходимостью, но, иронически замечает Маркс, их никоим образом нельзя вычислить „из справедливости". „Каждый работник социалистического общества получает из общественного фонда средства потребления, говорит Карл Маркс, сообразно числу проработанных им часов". В основе здесь лежит обмен известного количества труда в одной форме на равное количество труда в другой. Но что означает здесь это равное право? „Равное право, — пишет Маркс, — здесь все еще заключено в буржуазные рамки. Право производителей пропорционально доставленному ими труду; равенство состоит в равенстве мерила — труда.

Но один человек превосходит другого физически или умственно, следовательно, доставляет за то же время больше труда или же может работать дольше; труд, чтобы служить мерилом, должен определяться по протяженности и напряженности, иначе он перестал бы быть мерилом. Это равное право есть неравное право для неравного труда... Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право". Маркс, таким образом, ясно предвосхищал основные трудности первых строительных этапов социалистического общества и их явную коллизию с громозвучными лозунгами справедливости и равенства... Но решительно отрицая общие фразы в этом направлении, он определенно подчеркивал, что устранение всякого социального и политического неравенства явится в дальнейшем естественным плодом устранения классовых различий.

Однако, „долог путь до Типеррари". Мы только знаем твердо и определенно, как идет этот путь и что именно надо сделать, чтобы „изобильно потекли все родники общественного богатства". Но в последнем счете окажется, что полное развертывание производительных сил неотделимо от „всестороннего развития личности". Вся роль коммунистов-революционеров сводится к тому, чтобы быть возможными ускорителями в этом неизбежно-длительном историческом процессе. Вы видите, как в этих рассуждениях Маркса причины и следствия меняют свои места. Сначала длительная, постепенная работа в сторону отвоевывания от стихии вещей позиций для сознательно действующих работников. Весьма урезанная заработная плата, обеспечение общественному коллективу максимума резервов, страхующих его все более и более от кризисных срывов и от всякого рода катастроф. На этой основе подъем производительных сил и соответствующее улучшение быта. Отсюда — положительные сдвиги квалификации живых сил, создание базиса для индивидуальных усовершенствований. На этой основе новый толчек в направлении нового подъема производительных сил, большего совершенства в организации всего хозяйства в целом, а это, в свою очередь, дает новый толчек для всестороннего развития личности, и т. д.

В другом месте и по другому поводу Маркс оттеняет иные моменты грядущей общественной трансформации. Он утверждает, что рабочему классу, революционному гегемону этой трансформации, в целых десятилетиях войн придется перевоспитывать самого себя для того, чтобы оказаться на высоте того творческого процесса, который исторически выпал на его долю. Он отмечает, что процесс пролетарского восхождения вверх будет сопровождаться рядом неизбежных ошибок и отступлений, нередко в явный ущерб внешней драматической красочности событий. Перечитывая соответствующие строки у Маркса и сопоставляя их с тем, что писал и говорил уже в наши дни на те же темы тов. Ленин, ясно видишь, как два мировых гения ведут своеобразную перекличку через головы поколений, их разделяющих. Один бросает лозунги и руководящие идеи, пользуясь методами своего гениально углубленного анализа, а другой — формулирует основные директивы для боевого развертывания революционных пролетарских армий, с поразительным душевным равновесием и глубочайшей ясностью ума выдерживая натиск самих гигантских борющихся стихий.

На-ряду с этой пестротканной действительностью, в которой мысли величайших умов человечества так переплетаются с горчайшей чело-

веческой страдой, в этом алом зареве грядущих, настоящих и будущих битв странное впечатление производят люди, пытающиеся оторвать вынесенные в тиши кабинетов типы социалистического развития от пробивающихся, вопреки всему и вся, первичных ростков социализма. В сотый раз они забывают, что каждый шаг практических достижений важнее дюжин программ, в каких бы ярких красках эти программы ни изображались.

Глава III.—Новое в старом

Выше мы видели, что правильная оценка возможностей будущего неизбежно приводит к выводу относительно чрезвычайной мучительности и трудности развертывания основных элементов этого будущего. Здесь как бы повторяется общий биологический закон, связывающий муки с процессом появления нового. Мы видели, что это новое неизбежно покрыто пятнами старого и что лишь в сложном процессе обмена сдвигов в области производительных сил и в области культуры обеспечивается общее подъемное движение. Однако, тот же анализ Маркса приводит и к обратному выводу. В той вечной смене форм, которая представляет сущность всего исторического процесса, грядущая на смену старому новая форма переживает некоторый инкубационный период, многообразно затаиваясь в недрах старого. В этом смысле действительно нет ничего нового под луной, и если не отходить от правильной диалектической оценки действительного процесса в целом, то приходится признать, что самые качественные изменения не что иное, как известное накопление чисто количественных перемен.

Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что великий мировой послевоенный кризис развертывает перед нами чрезвычайно поучительную картину основных сдвигов в сторону будущего. Анализируя эти сдвиги, мы наблюдаем такое громадное накопление элементов грядущего нового в рамках старых национальных и буржуазных отношений капиталистического мира, что без всякого преувеличения можно уже утверждать и настаивать на известности грядущего дня.

В настоящее время мы располагаем уже довольно обширной литературой, характеризующей довольно подробно общий ход мирового хозяйства. Останавливаясь на характеристике этого хозяйства, с самого начала приходится сделать целый ряд оговорок. Прежде всего приходится ответить отрицательно на вопрос о наличности единства в этом мировом хозяйстве. Дело не только в том, что картина послевоенного мира представляет еще более пеструю ткань отдельных национальных государственных группировок, чем это было до войны. Помимо „лимитрофирования“ Европы мы наблюдаем весьма явственный процесс выделения как бы обособленных целостных государственных систем. К одной системе государств принадлежит Союз наших Советских Республик, революционно противополагающий себя всему капиталистическому окружению. С ним географически граничит Европейский Запад, мечтающий ныне о Соединенных Штатах Европы, чтобы хоть как-нибудь сохранить равновесие в борьбе с системами своего востока и запада. Все более и более явственно намечается, вопреки потокам американского золота, углубляющийся процесс наростания противоречий между этим миром Европейского Запада и заокеанскими странами с Америкой во главе. Соединенные Штаты являются как бы единственным победителем в недавней войне народов, но уже явно не довольствуются и экономически не могут довольствоваться старинной доктриной Монроэ, явно стремясь к мировому владычеству. Обособленное положение занимает „Англия Востока“ — Япония, резко вкрапленная в гигантский, пробуждающийся к новой самостоятельной жизни, мир колониальных и полуколониальных народов Дальнего Востока и Юго-Востока.

Достаточно выделить эти государственные системы, чтобы видеть, с какой весьма и весьма большой относительностью можно говорить в настоящее время о некоторой стабилизации капиталистического мира. В самом деле, что явилось основной причиной мировой бойни народов? В последнем счете — борьба за преобладание на мировом рынке. Можно ли в XX веке уйти от этого мирового рынка, так или иначе замкнувшись таможенными стенами и искусственно ограничив хозяйственный размах национального организма? Очевидно, нет и прежде всего по той простой причине, что сумма производительных сил и уровень техники, которым располагает в настоящее время человечество, значительно выше, чем до войны. По данным Сектора Мирового Хозяйства Госплана, народная продукция и народный доход в процентах к довоенному уровню определяются в следующих цифрах:

Соединенные Штаты	140%
Франция	105—110%
Англия около	90%
Германия около	85%
С.С.С.Р. около	85%

Если взять взвешенную среднюю продукции этих народно-хозяйственных комплексов, то мы получим примерно довоенный уровень. На первый взгляд кажется, что оставив за своими плечами тяжкое десятилетие, мир вернулся к своим исходным позициям и, поплатившись горьким опытом, тем не менее может впредь уже рассчитывать на новую полосу длительного эволюционного процесса. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле эта мировая продукция далеко не соответствует новому уровню мировых производственных рессурсов. Даже, если отбросить гигантские технические возможности Соединенных Штатов и сосредоточиться на экономике европейской, то все же приходится признать громадное расхождение фактической продукции от возможной продукции. Производительная способность европейской

промышленности должна быть оценена уже и в настоящее время процентов на 40—50 выше довоенной. Ей корреспондирует и подъем технических возможностей европейского транспорта. Мировой торговый флот на 35% больше довоенного. Кроме того, этот мировой флот перешел к двигателям внутреннего сгорания, чрезвычайно увеличивающим его транспортные потенции. Автомобилизм и авиация с своей стороны вносят новую струю реконструкции в это быстро растущее транспортное целое, создавая все новые и новые возможности сплочения различных человеческих комплексов и настойчиво внедряя в сознание народных масс представление о человечестве в целом, перерастающим все национальные рамки.

При таких условиях весьма относительным является так называемое благополучие Америки и ее „неслыханный материальный расцвет". Своеобразные ножницы между продукцией возможной и продукцией фактической с чрезвычайной наглядностью могут быть иллюстрированы как раз на примере Соединенных Штатов. Максимальная продукция промышленности в Соединенных Штатах в 1921 г. могла бы быть доведена по своей стоимости до 74 милрд. долларов, а фактическая выработка была 42 милрд. долларов, т. е. всего 57% максимума. В 1923 г. возможный максимум составлял 83 милрд. долларов, фактическая же выработка—60 милрд. долларов, т. е. 71,8% максимума. В настоящее время фактическая продукция Соединенных Штатов составляет 75% максимальной. Добавим, что это весьма оптимальные цифры. Пресловутая комиссия Гувера, исследовавшая недуги послевоенного хода американской промышленности, пришла к тому общему выводу, что на каждый рубль выбрасываемой в Соединенных Штатах товарной ценности приходится рубль прямых производственных потерь Куцый план, нелепость конкуренции, несовершенство стандартов, расточение живой силы—вот что мешает немедленному удвоению американской продукции в ее нынешнем техническом уровне.

Итак, с точки зрения производственной, разрешима ли для современного человечества новая ступень человеческой культуры с таким изобилием материальных благ, которое до сих пор казалось совершенно недосягаемым? Уже поверхностный анализ позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. А раз это так, то возвращение к довоенным нормам представляет не прогресс в направлении стабильности, а чудовищное поражение. Мы знаем, что динамика производительных сил есть единственный правильный ключ к уразумению исторических перемен. Эти перемены неизбежны именно в таком направлении, что каждый шаг их реализации будет фактически все более и более ограничивать поле преступной расточительности производственных рессурсов.

Страницы современной европейской хозяйственной прессы представляют картину величайшего разброда и констатирования целого ряда безвыходных для буржуазного мира тупиков. Правы ли, с точки зрения священных заветов капитализма, Соединенные Штаты, неумолимо требующие погашения междусоюзнических долгов? Конечно, да, ибо уплата по векселю есть основной, по-истине железный, закон отношений человека к человеку в буржуазном мире. Однако, к чему приводит выполнение этого железного закона. Даже наиболее полнокровная, в капиталистическом смысле, европейская страна — Англия откровенно заявляет, что она не в состоянии будет выдержать только что данных ею по отношению к Америке обязательств, если последняя не смягчит нормы своего почти запретительного таможенного тарифа. Судьба французского франка наглядно показывает, что значит для этой страны пята американского капитала. Глубочайший кризис в Германии при наличности стабильной валюты и превосходно реконструированного промышленно-заводского оборудования наглядно показывает всему миру, каким образом американское здоровье знаменует германскую смерть.

Борьба текстильной промышленности Англии за закрепление индийского рынка, как известно, закончилась сдачей основной позиции: англичанам пришлось довольствоваться эмиссией своих капиталов для вложения их в текстильную индустрию самой Индии. Но разве это не является совершенно законным сигналом для аналогичной индустриализации из самых разнообразных источников огромной толщи китайской экономики? А в результате—новый удар для текстильной индустрии Англии, новый тягостный тупик в одной из важнейших отраслей ее промышленности. Капиталистический мир, по-истине, соткан из безысходных для него противоречий!

Бушевавший почти во всех странах Европы валютный кризис привел к значительному сокращению класса рантье и к неслыханному их обнищанию. Относительный вес покупательной способности рабочего класса чрезвычайно возрос в своей доле по сравнению с другими элементами, определяющими емкость рынка. А между тем, создание целого ряда новых локальных рынков, все растущие перегородки таможенных стен, индустриализация прежних аграрных стран,—все это взятое в целом должно неизбежно приводить к новому нажиму в сторону снижения заработных плат, все это должно питать целый ряд новых внутренних противоречий, не позволяющих послевоенному капитализму приблизиться даже и к рамкам довоенного темпа функционирования капиталистического механизма.

И, тем не менее, мы считаем, что центр тяжести грядущих трансформаций лежит отнюдь не в той плоскости, которая намечается подобного рода констатированиями, заимствуемыми нами со страниц Западно-Европейской экономической прессы. Крот истории прорывает гораздо более глубокие ходы под глубочайшими основами современной капиталистической экономики. Теперь уже не приходится говорить лишь предположительно о том, что хозяйственные карты промышленных стран на-ряду с кровеносной системой железных дорог будут иметь гораздо более развитую систему нервно-мускульных тканей электрических проводов. Взгляните на соответствующие карты Швеции, Гер-

мании, Австрии, Франции и Соединенных Штатов, и вы увидите, что действительность далеко обгоняет все предположения. Теоретически предвиделось, что узловые центры этой нервно-мускульной системы с течением времени должны принимать все более и более производственно-мощный характер в организационном смысле, представляя собой одновременно все более и более стройный и компактный механизм. Однако, кто мог бы думать какой-нибудь десяток лет тому назад, что будут строиться электрические районные централи с мощностью установок в едином центре свыше миллиона лошадиных сил, как это, например, осуществляется в настоящее время в Соединенных Штатах, и что персонал громадной электрической станции, управляющей большим промышленным районом, будет сводиться к смене в 4 человека, как это, например, имеет место на знаменитой гидроэлектрической станции Порнус на севере Швеции?

Гигантскому развитию западного электрохозяйства, цифровой материал какового в разное время в достаточном количестве был опубликован на страницах нашего журнала, корреспондирует целый ряд глубочайших сдвигов в теории и практике теплосилового хозяйства в целом. Закон сохранения энергии со страниц физико-математических органов переместился, в качестве основного постулата, во все руководящие справочники практической технологии. Возникла целая новая наука об энергетическом хозяйстве и его законах, долженствующих служить базисом всего хозяйственно-промышленного строительства в целом. В свете этой новой науки нам приходится, в буквальном смысле слова, производить решительную переоценку хозяйственных ценностей различных народно-хозяйственных комплексов. В свое время Содди с полнейшим основанием считал, что люди той позднейшей эпохи, когда использование внутриатомной энергии станет общечеловеческим достоянием, станут смотреть на наши времена с таким же глубоким сожалением и сознанием своего превосходства, с каким мы относимся с уровня нашей современной культуры к варварскому средневековью. Но в такой же мере был прав проф. Штейнмец, утверждавший, что расточение угольных калорий, практикуемое промышленностью Соединенных Штатов, с энергетической точки зрения есть тоже своего рода грубейший варваризм.

Глубочайший военный и послевоенный кризис в небывалой степени связал неразрывными узами работу техника и работу экономиста. Производственный оптимум, максимальный „выход“ при минимальных затратах, утилизация всевозможных отбросов, максимум экономии материальных и человеческих рессурсов в каждом из хозяйственных и производственных подразделений и отыскание такого удачного комбинирования производств, при котором общий расходный баланс является возможно минимальным,—таковы естественные сдвиги в новейшей технике Запада.

И параллельно этим сдвигам мы явственно наблюдаем, как в сумерках культуры Западно-Европейского мира начинают брезжить лучи

нового расцвета. Недаром даже жалкий „Vorwärts“ наших дней начинает страдать уклоном в сторону позиций планового хозяйства.

Великое учение Маркса о директивном влиянии на весь культурный человеческий комплекс его производственного базиса начинает своеобразно преломляться и находить себе некоторое выражение в широких слоях европейской и американской демократии в признании руководящего значения техники, в своеобразном культе этой техники. В новогоднем номере центрального органа союза германских инженеров помещена любопытная передовая статья проф. Дессауэра на тему „О мировом смысле техники“. Этот номер открывается такими знаменательными строками: „Подъем техники является одним из величайших событий всей человеческой истории, он является, быть может, самым великим событием последнего десятилетия. Техника так проникла и преобразовала как жизнь отдельного культурного человека, так и жизнь целых народов, что как бы решительно закрыла всякие иные пути. Каждый ожидает, сознательно или бессознательно, что это развитие техники отнюдь не завершило своего марша, что оно, наоборот, должно форсироваться и далее. Огромная преобразующая власть техники, наподобие великана, шествует по странам и по календарным свиткам, гонит миллионные армии к машинным приводам, в подземные рудники и к чертежным доскам, повелительно регулирует ритм наших деловых суток, пронизывает производство и обращение, домашнюю и общественную жизнь, носит нас на колесах или на крыльях аэропланов, спасает нас в лекарственных препаратах, поучает из книг и газет, согревает и одевает, дает защиту и кровлю, сближает нас с сочеловечеством, дает нам возможность почувствовать пульс мировой жизни при посредстве почты, телеграфа и телефона, заставляет звучать музыку и дает возможность наслаждаться красотами, пашет землю и готовит хлеб насущный—даже враг этого великана должен сражаться с ним таким же оружием, т. е. оружием той же техники“.

И это красноречивое введение проф. Дессауэр должен был сопроводить целым рядом оговорок, объясняющих, почему фактически, при такой творческой мощности техники, мир восприятия современного западного человечества проникнут чертами такой унылости и таких странных потуг к резкому отступлению вспять, к разнообразным упрощенческим примитивам. Ему также приходится разграничивать действительность и возможности этой самой действительности, апеллируя в последнем счете к творческим тенденциям технической работы, к какому-то 4-му „царству“ чистой техники, взятой самой по себе.

Почтенный профессор ошибается. 4-го царства техники нет и быть не может, а есть развернутый фронт техники и буржуазно-искалеченный фронт ее. Этому делу учеными рассуждениями не поможешь. Действительная помощь грядет не из 4-го царства, а от результатов победоносного железного марша рабочего класса, того самого рабочего класса, который некоторые ученые, не без основания, называли исторически последним четвертым сословием.

И поступь его уже явно чувствуется на работах основных столпов современной новейшей техники. Мысль о неизбежности того или иного „обобщения“ средств производства,—вот что читается все с бо́льшей и большей ясностью между строк громадного количества трактатов, пытающих по новому разрешить основную проблему максимальной экономии производственных рессурсов. Угроза американизма подводит все более и более неминуемо к заданиям такой централизации средств производства и такого типа массового производства на основе весьма ограниченных стандартов, что отсюда до национализации промышленности в государственном масштабе уже только рукой подать.

Научное районирование промышленности и возможность создания весьма прочных и колоссальных по своим территориальным размерам хозяйственных агрегатов, при громадной специализации в разделении труда, раз обеспечена прочная служба связи методами современного транспортного и энергетического хозяйства, входят все более и более в решительную коллизию с теми квази-хозяйственными районами, которые даются современнымя национальными единицами. А это хозяйственное районирование на энергетической основе уже явным образом не мирится с пан-европеизмом и требует все более и более широкого международного масштаба. Вслед за политической и хозяйственная история мира начинает все более и более ясно говорить языком интернационала.

Наш анализ привел нас к тому выводу, что лезвие ножниц возможной продукции по уровню имеющихся в наличности производственных факторов резко расходится от лезвия фактической продукции, превышая его даже для такой страны капиталистического перенасыщения, как Соединенные Штаты, на 25%.

Однако, еще более широко разошлись бы эти лезвия при сравнении возможностей рационально реконструированной промышленной организации с возможностями ее нынешней действительности. Как велико это второе, исторически решающее, расхождение? Когда-то, анализируя проблему ножниц в нашей советской действительности, мы одним из опорных пунктов вынуждены были считать сопоставление возможной и действительной производительности труда. Попробуем ответить себе в отношении к трактуемым нами мировым ножницам „реконструктивного“ характера на аналогичный вопрос.

Примем для грубого расчета, что для комплекса главного ядра промышленных наций в основу может быть положен десятичасовой рабочий день. Какой рабочий день потребовался бы миру в условиях рационализации всего мирового хозяйственного организма? В свое время некоторые подсчеты в этом направлении были даны в известной работе Атлантикуса—„Государство будущего“. Но в настоящее время мы не нуждаемся в такого рода чисто теоретических подсчетах. Международная промышленная статистика дает уже сама по себе достаточно поучительный материал. По данным С. А. Фалькнера, продукция Соединенных Штатов в 1924 и 1923 г.г. в важнейших отраслях составляла такие доли мировой продукции: уголь—43,3%, чугун—47,6%, сталь—49,3%, нефть—70,9% и хлопок—свыше 50%. В общем и целом, эти данные свидетельствуют, что если принять долю участия Соединенных Штатов в мировой продукции в 40%, то мы пойдем несколько ниже фактических соотношений. Население Соединенных Штатов составляет примерно 6% численности населения всего земного шара. Если представить на минуту, что в среднем уровень промышленной культуры поднялся до американского уровня, то окажется, что для выработки всей мировой продукции было бы достаточно при этом промышленном уровне использовать всего 15% трудовых рессурсов. Другими словами, сокращение рабочего дня с 10 час. на 2 часа соответствовало бы, при равномерной „американизации“ мира, не только получению той же суммы материальных благ, но и со значительными добавочными резервами.

Однако, мы видели, что в общественном смысле и с точки зрения основных постулатов новейшей техники Соединенные Штаты еще находятся на громадном расстоянии от подлинной рационализации хозяйства. Таким образом, расхождение лезвий „реконструктивных“ ножниц в 500—600% мы можем считать утрированно-благожелательной критикой уровня современного хозяйства.

Эти соображения наглядным образом показывают нам, насколько уже распахана та нива „проклятого“ труда, на который по библейской легенде было обречено несчастное человечество. И в этой области библия оказывается низринутой. Недалеки времена, когда в печальное прошлое уйдет и знаменитая монтажная лента излюбленного глашатая современной буржуазии—мистера Форда. Будущее человечество уже многосторонне и прочно вооружено необходимыми рессурсами, чтобы превратить труд из проклятой повинности в источник наслаждения. Перед нами уже не проблема количества, а проблема качества. На мрачной юдоли современной хозяйственной мировой „стабилизованной“ разрухи все явственнее и явственнее обрисовывается контур светлых пятен грядущего. Они служат порукой тому, что новое вино не будет влито в старые мехи. Они—наиболее крепкая порука грядущих обновляющих гроз.

(Продолжение следует)

С. Г. Струмилин

На плановом фронте

1. Госплан или крестплан

В текущий хозяйственный год мы вступили более вооруженными в плановом отношении, чем в какой-либо из прежних лет. В прежние годы мы располагали лишь планами и производственными программами по отдельным важнейшим отраслям нашего хозяйства. А ныне еще в августе месяце Госплан СССР выработал себе уже вполне цельную картину возможного развертывания всего народного хозяйства в целом на весь 1925/26 год и уже, исходя из этой общей хозяйственной перспективы, предлагал на утверждение высших органов власти те или иные конкретные оперативные планы.

Работники Госплана, да и не только мы одни, рассматривали до сих пор это обстоятельство как большое хозяйственное достижение. Но, повидимому, это далеко еще не общепринятое мнение.

„Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.“, выдвинутые Госпланом, уже в период их первого обсуждения летом встречены были некоторыми из наших хозяйственников весьма недоброжелательно. Однако, большинство нападок были до очевидности несостоятельны, а серьезные возражения сводились лишь к тому, что в некоторых своих частях работа Госплана требует еще существенных дополнений и что некоторые из намеченных цифр, в связи с меняющейся хозяйственной конъюнктурой, могут еще подвергнуться заметным поправкам и изменениям.

Такие возражения, несмотря на всю их несомненную справедливость, не могли сколько нибудь поколебать огромное значение той общей хозяйственной ориентировки, которую давали контрольные цифры Госплана. И они не поколебали его.

Лучше всего свидетельствует об этом недавняя оценка нашего хозяйственного положения в связи с контрольными цифрами Госплана со стороны столь авторитетного органа как пленум ЦК нашей партии.

„Несмотря на происходящие заминки в ходе хлебозаготовок, несмотря на несвойственное обычно этому периоду движение цен хлебопродуктов, что в значительной мере обусловлено состоянием погоды, острым недостатком промтоваров и отсутствием в этом году налогового нажима,—читаем мы в передовице „Правды“ от 15 октября 1925 г., резюмирующей „Итоги Пленума ЦК партии“—несмотря на все эти явления, у нас нет оснований отказываться от тех расчетов на предстоящий год, которые нашли свое выражение в контрольных цифрах Госплана. Остаются

в силе и экономические мероприятия, намеченные Госпланом в связи с контрольными цифрами“.

Пленум ЦК отнюдь не гарантировал этим, конечно, как и сам Госплан, что контрольные цифры Госплана оправдаются на все сто процентов. „Окончательные предпосылки наших расчетов на предстоящий год—читаем мы в том же документе—выяснятся вероятно к декабрю, к моменту партсъезда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это партсъезду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах.“

Это авторитетное решение приобретает для нас особенное значение в виду того принципиального спора по поводу контрольных цифр, который возбужден был в свое время т. Сокольниковым.

Еще 18 сентября в Совете Труда и Обороны т. Сокольников выдвинул против контрольных цифр в ряду многих других менее существенных возражений следующее, на наш взгляд, особенно многозначительное, соображение.

Значение контрольных цифр Госплана для практической работы т. Сокольников признал „минимальным“ уже потому, что они отнюдь не разрешают проблему безкризисного развертывания нашего хозяйства. Дело в том, что хозяйственной базой для всех наших плановых предположений на 1925/26 г. является сельскохозяйственный сбор 1925 г. Этот сбор имеется уже налицо в стране к моменту составлений наших планов, но он отнюдь не в наших руках. Решение стоящей перед Госпланом задачи, „конечно, могло бы быть очень легким“...—замечает т. Сокольников,—„если бы в самом деле возможно было организованное и плановое использование всех тех рессурсов, которыми страна в начале нового года располагает на основе истекшего хозяйственного года. Но как раз этого нет“. „... Огромное количество элементов находятся вне нашей плановой воли“... замечает далее т. Сокольников... и так как мы „имеем такой порядок, где, с одной стороны, есть целый ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюнктур, с другой стороны—наши планы, то это как раз и является само по себе объективной подготовкой для целого ряда кризисов“.

Приведенные нами по стенограмме замечания т. Сокольникова в СТО нашли затем свое дальнейшее развитие в том весьма четком противопоставлении Госплана крестплану, которое имело место два месяца спустя в его докладе от 20 ноября в Деловом Клубе. Но уже то, что было им сказано в СТО в сентябре, било настолько дальше непосредственной цели—дать оценку контрольных цифр Госплана на 1925/26 г.,—что вызвало тогда же между прочим такую реплику со стороны представителя НКРКИ В. П. Милютина: „Тов. Сокольников произнес, собственно говоря, речь против планового хозяйства. Его речь была не только против данных контрольных цифр, а против планового хозяйства вообще“.

И, действительно, хотел этого т. Сокольников или нет, а впечатление от его речи получилось именно такое. В самом деле. Рыночные отношения у нас восстановлены всерьез и надолго. Нэп'а отменять никто не предполагает. И если это создает такой „порядок", что выполнение государственных планов объективно наталкивается на противодействие 22 миллионов крестьянских планов, причем эти 22 миллиона крестпланов, по свидетельству т. Сокольникова, „реально проводятся в жизнь", а в области наших планов, по его же энергичному выражению, „в конечном счете все к черту летит", то с плановым хозяйством такой порядок едва ли в какой нибудь мере вяжется.

Однако, сам т. Сокольников отнюдь не делает еще вывода о бесплодности планирования вообще применительно к условиям Нэп'а. Он настаивает лишь на том „чтобы наш план умел приспособляться"... к „рыночной обстановке" или, что то же, к стихийно суммирующимся в ней требованиям 22 миллионов крестьянских планов. И сам Г. Я. Сокольников в осуществление этой задачи выдвигает такую программу: Наша основная задача в области развертывания народного хозяйства это „максимальное форсирование сельского хозяйства", отнюдь не страшась „той диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, на которую жалуются сейчас", ибо „предпосылкой развития нашей промышленности является именно возможность иметь такие излишки с.-х. продукции в стране, которые могли бы быть направлены на внешний рынок".

Эта „крестплановская" программа Наркомфина, выдвинутая т. Сокольниковым в противовес госплановской ориентировке—с явно „промышленным уклоном" по оценке наших критиков—заслуживает величайшего внимания.

Для нас, работников Госплана, этот „крестплановский" уклон Наркомфина представляется глубоко неправильным и совершенно неприемлемым. Признать вместе с т. Сокольниковым, что „организованное и плановое" использование сельскохозяйственных рессурсов у нас невозможно, это равносильно было бы отказу не только от контрольных цифр 1925/26 г., но и от всякой плановой работы в масштабе охвата всего народного хозяйства вообще. А между тем для этого решительно нет никаких оснований. Планы заготовок сельскохозяйственной продукции, хотя и не всегда в 100%, но все же выполняются. Воздействие на цены крестьянского рынка, хотя и не без усилий, мы оказываем, когда это необходимо. Вот почему мы никак не можем присоединиться и к той глубочайшей недооценке наших плановых возможностей в программе т. Сокольникова, которая в виде высшей экономической мудрости предлагает нам во избежание кризисов „приспособляться" в своих планах к рыночной обстановке. В капиталистических странах каждый хозяйчик искони выполняет этот „мудрый" совет, приспособляясь в своих „планах" по мере сил к требованиям рыночной стихии, но, увы, кризисов это отнюдь не устраняет и даже не смягчает, а, наоборот, лишь

углубляет их и обостряет. Не впадая в жалкую мещанскую утопию, ничего лучшего не можем ожидать и мы от такого планирования, которое будет подчинять свои пути и цели стихии рынка, приспособляясь к рыночной обстановке. Нет, не приспособляться к ней, а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям, вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и безкризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства.

Еще менее для нас приемлем путь этого развертывания по программе крестплана, т. е. путем диспропорционального усиления темпа развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Конечно, каждый толчек вперед сельского хозяйства будет косвенно служить и к соответствующему подъему городской индустрии, так как все отрасли хозяйства неразрывно скреплены между собою цепною связью. Но для нас далеко не безразлично, какое звено в этой цепи окажется в каждый данный момент сильнейшим и определяющим дальнейшее непрерывное развертывание. Струвианская идея развития производительных сил безотносительно к тому, куда ведет это развитие, нас отнюдь не прельщает. Наиболее общее задание, формулированное нами в контрольных цифрах Госплана, это не просто движение вперед, а продвижение вперед к социализму. И с этой точки зрения, если у нас есть хотя бы малейшая возможность продвинуть быстрее вперед социалистическое звено государственной промышленности по сравнению с мелко-буржуазным звеном крестьянского хозяйства, мы эту возможность используем без всяких колебаний.

Я знаю, в наших рядах найдется немало скептиков, которые возразят нам на это, что наши возможности в указанном отношении крайне ограничены, тем более, что форсировать развитие социалистических элементов нашего хозяйства за счет напряжения налогового бремени в ущерб жизненным интересам крестьянских масс политически нецелесообразно.

А если прослушать квалифицированных скептиков из Наркомфина, то окажется, что для гармонического развития промышленности в ногу с сельским хозяйством, а тем более для опережения сельского хозяйства индустрией у нас и вообще в настоящих условиях нет объективных предпосылок. „Мы должны констатировать,—безрадостно заверяет нас т. Шанин,—что наше сельское хозяйство развивается недопустимо медленно". А развитие промышленности, по соображениям того же автора, „неизбежно будет отставать от развития сельского хозяйства". По его словам, „нам надо отказаться от того ошибочного представления, что при отсутствии притока капиталов извне мы можем в нынешний период удовлетворить спрос крестьянства за счет нашей собственной промышленности, что мы в состоянии создать равновесие между обеими этими сферами народного хозяйства",—не прибегая к „иностранному промышленному предложению". („Эконом. Жизнь" от 3 декабря 1925 г.).

От этакой блестящей перспективы неизбежного отставания советской социалистической промышленности даже от „недопустимо

медленного" темпа развития нашего убогого крестьянского хозяйства можно было бы по-истине взвыть белугой и пойти с повинной на поклон к западному капитализму с его товарами и капиталами или даже к самому чорту с его бабушкой. К счастью, однако, гробовой пессимизм наших скептиков лишен всякой реальной почвы.

Лучшим ответом таким скептикам был бы с нашей стороны совет познакомиться с конкретными путями развития нашего хозяйства за последние годы. Положение крестьян за эти годы несомненно во всех отношениях улучшилось, налоговое бремя снижалось, доходы крестьянского хозяйства возрастали, и, тем не менее, накопление социалистических элементов в народном хозяйстве шло быстрее роста частнокапиталистических его слагаемых.

Громадный интерес в этом отношении представляет динамика доходов различных социальных слоев нашего городского и сельского населения. Пользуясь данными о подоходном налоге для непролетарских слоев населения, крестьянскими бюджетами и учетом зарплаты пролетариата, работники Госплана подсчитали, что за последнюю пару лет индивидуальные доходы отдельных групп населения росли следующим темпом.[1]

Динамика суммы индивидуальных доходов населения СССР
в милл. черв. рубл.
(приблизительное исчисление)

Группы населения	В милл. рублей			В %%		
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
1	2	3	4	5	6	7
А. Земледельческое						
1. Крестьянские х-ва . .	4.292	6.646	8.055	60,8	59,1	57,0
2. Батрацкая армия . .	118	264	305	1,7	2,3	2,2
Итого . . .	4.410	6.910	8.360	62,5	61,4	59,2
Б. Неземледельческое						
3. Рабочие, служащие, безработные . . .	1.357	2.660	3.969	19,2	23,7	28,1
4. Прочие группы . . .	1.293	1.680	1.801	18,3	14,9	12,7
Итого . . .	2.650	4.340	5.770	37,5	38,6	40,8
ВСЕГО	7.060	11.250	14.130	100	100	100
В том числе:						
а) пролетариат . . .	1.475	2.924	4.254	20,9	26,0	30,3
б) прочие	5.585	8.326	9.876	79,1	74,0	69,7

[1] См. Б. Гухман: „Сумма доходов СССР". „План. Хоз." 1925 г. № 12.

Расчеты эти довольно приблизительны, но все же они говорят нам совершенно определенно, что удельный вес земледельческого населения в экономике страны даже в урожайные годы в лучшем случае стабилен, мелко-буржуазные группы городского населения резко падают, а пролетарские быстро растут. И эта пролетаризация отнюдь не означает собою чьего-либо обеднения, ибо по расчету на одного самодеятельного все группы населения и в городе и в деревне стали не беднее, а каждый год значительно богаче по сравнению с предыдущим годом. К этому еще стоит прибавить, что чистая доходность общественного хозяйства Союза, т. е. государственных, коммунальных и кооперативных предприятий составляла у нас в 1922/23 г. всего 326 милл. руб., в 1923/24 г. она возрасла уже до 515 милл. и за 1924/25 г. мы ее определяем в Госплане не ниже 1.025 милл. червонных руб. А это значит, что и общие рессурсы обобществленного хозяйства возрастают у нас гораздо более быстрым темпом, чем суммарные доходы всех непролетарских групп населения.

А если это так, то где же почва для того пессимизма, который рекомендует нашей социалистической индустрии плестись в хвосте за рыночной обстановкой, которая создается при нашем благосклонном содействии ожидаемыми успехами 22 миллионов крестпланов.

Мы лично никакой почвы для такого пессимизма не видим. Наоборот, мы думаем, что быстрый подъем индустриального хозяйства и для расцвета нашей советской деревни сулит гораздо больше, чем такая экономическая политика, которая обрекает нашу промышленность на неизбежное отставание в развитии от экономического роста деревни. Нынешняя отсталость в развитии нашей госпромышленности по сравнению с запросами деревни, приводя к товарному голоду и высоким ценам промышленных товаров по сравнению с сельскими, и без того слишком сильно бьет по крестьянину, чтобы стоило возводить эту диспропорцию в идеал планового хозяйства.

И если тем не менее идеализация этой диспропорции, бьющей не только по социалистическому фронту нашего хозяйства, но и по интересам самих крестьянских масс, противополагается плановой ориентировке Госплана, то нужно к этому спору привлечь самое широкое общественное внимание. Мы должны твердо знать по этому вопросу мнение не только отдельных руководителей нашей внутренней политики, но и всей партии.

Какое же звено в нашем хозяйственном развитии должно быть выдвинуто на первый план?

Госплановское или крестплановское?

Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили новое и на этот раз наиболее для нас авторитетное разрешение поднятого т. Сокольниковым спора.

Этот спор нашел свое отражение в прениях по политическому отчету ЦК на XIV съезде нашей партии.

„Есть две генеральные линии—читаем мы в названном отчете т. Сталина.—Одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, она должна вывозить сельско-хозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии... Эта линия означает отход от задач нашего строительства. Эта не наша линия.

„Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной экономически самостоятельной, базирующейся на внутреннем рынке. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности—в меру и в соответствии тем рессурсам, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой она будет держаться и впредь“ („Правда“ от 22/XII—1925 г.).

По этому основному положению политического отчета возражал т. Сталину на съезде, как известно, один лишь т. Сокольников. Ничего существенно нового в этот спор своим выступлением он однако не внес. И т. Сталину пришлось резюмировать в своем заключительном слове суть спора по данному вопросу на съезде в следующих словах:

„...Здесь т. Сокольников выступает по сути дела сторонником дауэсизации нашей страны... Чего требует план Дауэса? Он требует, чтобы Германия выкачивала денежки на предмет выплаты репарационных платежей за счет рынков, главным образом, советских, наших. Что из этого следует? Из этого следует то, что Германия будет давать нам оборудование, мы его будем ввозить, а вывозить будем сельскохозяйственные продукты. Мы, т. е. наша промышленность, будем, таким образом, находиться на привязи у Европы. Эта и есть основа плана Дауэса“ („Правда“ от 29/XII).

Аграрный уклон тт. Сокольникова, Шанина и К° в вопросе о путях развития нашего хозяйства действительно как нельзя больше соответствует этой глубоко меткой характеристике т. Сталина.

Капиталистический запад желает нас обратить в свою колонию, получать от нас хлеб и сельскохозяйственное сырье, сбывать нам свою индустриальную продукцию. Это весьма понятно. Но должны ли мы итти ему навстречу в этом отношении? И, если должны, то в какой мере? Конечно, наш выход на внешний рынок кое к чему нас вынуждает. Но следует ли эту нужду возводить в плановую добродетель? В погоне за благами, которые нам сулит этот выход на внешний рынок, можно ведь растерять все свои принципиальные предпосылки. Капиталистический рынок ведь не только кое-что нам

дает, но и требует взаимных компенсаций. Так, например, он уже довольно внятно требует от нас на первый случай отмены монополии внешней торговли, затем потребует уплаты царских долгов, а затем, если мы выразим готовность спешно „приспособляться“ ко всем его „плановым“ директивам, потребует и много другого.

Будучи последовательным, т. Сокольников не остановится наверное в выполнении своей крестплановской программы и перед такими перспективами. Но, к счастью, партия за ним по этому пути следовать отнюдь не намеревается. Мы думаем, что если СССР нуждается во внешнем рынке, то и этот рынок в нашем сырье нуждается не в меньшей мере, а если это так, то пусть лучше он „приспособится“ к нашим планам, чем мы будем приспособляться к его вожделениям.

XIV съезд партии определенно выявил свою волю в указанном отношении следующей формулой:

„Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования“.

Это решение, надо надеяться, ликвидирует всякие дискуссии. Оно дает нам основание и впредь строить свое хозяйство по Госплану, а не по крестплану. И на этом мы можем поставить точку.

2. План и маневр

В процессе обсуждения наших хозяйственных планов на 1925/26 г. на-ряду с основным спором о генеральной линии нашего планирования возник и другой, не менее для нас интересный,—о взаимной связи и относительном значении хозяйственного плана и оперативного маневрирования.

Многие хозяйственники, в особенности по линии Наркомфина, подняли нынешнею осенью энергичную кампанию за общий пересмотр всех наших хозяйственных планов на 1925/26 г., объясняя все испытанные нами осенью затруднения в области хлебозаготовок и хлебоэкспорта чуть ли не исключительно дефектами нашей общей плановой ориентировки к началу хозяйственного года.[1]

...„Мы оказались жертвой плохих планов, которые... связывали нашу свободу маневрирования“—безапеляционно утверждает, например, т. Сокольников в своем докладе от 20 ноября.

Это достаточно серьезное обвинение, чтобы можно было оставить его без ответа. И у нас невольно возникает вопрос. О каких это планах идет речь? О ведомственных оперативных планах или о той общей плановой ориентировке, которая была дана еще в августе

[1] См. статьи проф. Юровского и Шанина о „Пересмотре хозяйственного плана“ в „Экономической Жизни“ (№№ 262, 276), доклад т. Сокольникова в Деловом Клубе и другие выступления.

в контрольных цифрах Госплана. И мы должны сказать прямо, что если идет речь о последних, то здесь наши критики впадают в глубокое заблуждение.

Контрольные цифры Госплана, к сожалению, слишком мало связывали чью-либо свободу. И это лучше всего видно из того, что даже столь скромная директива, заключенная в этом документе, как требование представить к 15 сентября всем хозяйственным органам конкретные поправки к плановым предположениям Госплана,—до сих пор не выполнена еще ни одним ведомством. Не лучше обстоит, разумеется, и с целым рядом других плановых директив.

Возьмем хоть область оплаты труда. Учитывая рессурсы будущего года и желательный темп социалистического накопления, Госплан запроектировал повышение месячной оплаты труда промышленного рабочего, включая квартирную прибавку, в червонных рублях на 16% и рассчитывал таким образом довести ее в среднем за 1925/26 г. до 48 червонных рублей (без квартирной надбавки до 45 руб.). А, между тем, заключение коллективных договоров шло своим чередом. Директивы контрольных цифр не связывали ничьей свободы, и уже в сентябре 1925 г. мы достигли среднего заработка в 50 руб. 89 коп. по Союзу. В течение года эта цифра несомненно возрастет еще более. А, между тем, директива контрольных цифр о повышении квартирной платы тоже не выполнена. И, в результате, в руках городского населения накопляется больше денег, чем мы можем предложить ему товаров.

Это создает нам, разумеется, немалые затруднения, ибо городской рабочий найдет все же для себя в городе нужные товары, а в деревне товарный голод от этого еще более обострится. Но повинен ли в этих затруднениях в какой-либо мере Госплан, директивы которого не выполнены? Разумеется, нисколько. А между тем иной раз даже те товарищи, которые сами вольно или невольно создают такие затруднения, игнорируя ориентировку Госплана, первые возлагают на него вину за результаты своей деятельности. Вспомним, например, хоть выступления т. Угланова на Московской партконференции. Еще сегодня он высказывался сам за дальнейшее повышение зарплаты текстилей с 1 января 1926 г., а на завтра мы читаем уже его суровые упреки Госплану за черезчур быстрое повышение оплаты труда в стране (см. „Правду“ от 12 и 13 декабря 1925 г.).

Какие выводы следуют из приведенного?

Один из них, может быть, сводится к тому, что вовсе не так просто в наших условиях сдерживать стихийный рост зарплаты плановыми директивами. Во всяком случае это задача гораздо более трудная, чем выругать тот или иной план, не дав себе даже труда хорошенько с ним ознакомиться. Но другой вывод для нас сейчас важнее. Этот вывод мы сформулировали бы так. Мы только еще боремся за плановое хозяйство. И пока что директивы планирующих органов зачастую даже неизвестны тем активным деятелям, которые

призваны их выполнять. Как же они могли бы связывать их свободу в маневрировании?

Контрольные цифры заключают в себе пока немало таких повисших в воздухе директив. Помимо директив о зарплате и о пересмотре квартирного закона, сюда можно бы отнести еще и директиву о снижении оптовых промышленных цен и много других менее важных. Но и те директивы, которые нашли уже себе оформление в утвержденных высшими органами ведомственных операционных планах,—например, в плане заготовок, экспорта, импорта и т. д.,—далеко не исключают собою самой широкой свободы маневрирования.

Следуя заветам В. И. Ленина, мы отнюдь не склонны к бюрократизации наших планов. В пределах общего да и то лишь обычно весьма ориентировочного задания оперативному ведомству предоставляется маневрировать, насколько оно окажется к этому способным. Стратегические диспозиции Госплана на хозяйственном фронте очень далеки от той детальной регламентации, которой отличалась много раз осмеянная старая немецкая стратегия Шфуля с его расписанием боя: „1-я колонна марширует... 2-я колонна марширует, 3-я колонна марширует“... Мы давно уже знаем, что такие расписания хороши лишь для парадов, а не для серьезных операций в обстановке подлинного боя.

Беда лишь в том, что если в области построения планов в качестве новичков этого дела мы нередко просчитываемся, то область хозяйственного маневрирования, где все эти просчеты должны бы выправляться на ходу, представляется для наших ведомств еще менее проторенным путем. И потому очень часто все затруднения в оперативной работе ведомств объясняются „плохими планами“ даже там, где следовало бы говорить прежде всего о неумелом маневре.

В самом деле, обратимся хотя бы к плановой практике текущего года.

Плановые „просчеты“ наши в текущем году уже определились с достаточной точностью. Основная ошибка хозяйственного плана, намеченного нами еще к началу августа 1925 г., была в том, что мы переоценили величину общего сбора хлебов. Мы не могли предвидеть, что необычная для этого времени года затяжная полоса дождей, начавшаяся в период уборки хлебов, приведет к гибели свыше 230 миллионов пудов неубранного зерна. Правда, по отношению к общему сбору эта гибель определилась всего в 5%, но по отношению к товарным излишкам крестьянского хлеба она выростает уже до 20—25%, а по отношению к намеченному для экспорта контингенту является еще большей величиной.

Каков же размер поправок, которые нам пришлось внести в свои первоначальные оперативные планы в связи с указанным „просчетом“?

Больше всего пришлось сократить план хлебо - экспорта. С 380 милл. пуд. мы его сокращаем в минимальном варианте до

235 милл., в максимальном—до 265 милл. пуд., т. е. минимум на 30%. В связи с этим общий план экспорта по всем товарам сокращается с 1.100 милл. руб. до 817—920 милл. руб. по двум вариантам, т. е. минимум на 17%. Далее, в связи с сокращением экспорта, сокращается также план импорта по фактическому завозу товаров с контрольной цифры 950 милл. руб.[1] до 735—812 милл. руб., т. е. по меньшей мере на 15%.

Конечно, поскольку народное хозяйство представляет собою связную систему элементов, то нарушение намеченного контрольными цифрами равновесия в одних частях этой системы повлечет за собой и целый ряд изменений в других ее элементах. Так уже сейчас можно предвидеть, что и в области намеченных контрольными цифрами масштабов эмиссии, а также в размерах учетноссудных и вкладных операций нашей кредитной системы тоже произойдет соответствующее сокращение. Если крестьянство реализует на сумму в 200—300 миллионов рублей меньше, чем предполагалось, своей продукции, то и сумма его накопления в денежной форме при прочих равных условиях будет меньше ранее намеченной,—на величину того же порядка. В контрольных цифрах намечалась сумма эмиссии за год, включая сюда потребности обращения и накопления, в размере около 816 милл. руб., в том числе крестьянское накопление учитывалось в сумме не ниже 200 милл. руб. Теперь, если снять эту последнюю сумму, получим цифру денежной массы в обращении к концу года что нибудь около 1.760 милл. руб., т. е. процентов на 10 ниже соответствующей контрольной цифры.[2]

Означают ли однако все эти весьма существенные поправки сколько-нибудь заметное сужение общего объема нашей хозяйственной деятельности в 1925/26 году?

Едва ли. Дело в том, что в контрольных цифрах были, повидимому, просчеты наших рессурсов не только в сторону преувеличения, но и в сторону преуменьшения их. Достаточно сказать, что наш бюджет, хотя и с напряжением, в конце-концов сведен в цифре 4.000 милл. руб. вместо намечавшихся летом в Наркомфине 3.560 и в Госплане 3.700—3.800 милл. руб.,[3] т. е. с превышением против первоначальных предположений минимум на 200—300 милл. руб. Капитальные вложения в народное хозяйство за счет государственных рессурсов, намеченные по контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г. в сумме 1.782 милл. руб., по новейшим подсчетам возрастают до еще более грандиозной цифры. Работа нашей промышленности, несмотря на все затруднения с импортом сырья и оборудования, развертывается все же шире рамок, намеченных контрольными цифрами. Работа транспорта идет по увеличенному против контрольной цифры Госплана оперативному плану.

---

[1] В первом оперативном плане импорт, включая резервный фонд, определялся цифрой 1.009 милл. руб.

[2] Напомним, что по летним предположениям Наркомфина эта цифра должна была достигнуть к 1/X—1926 г. не менее 1.157+750=1.907 милл. руб., а по заявлению т. Сокольникова в СТО от 18 сентября 1.600—1 650 милл. руб. для целей обращения плюс около 250 милл. руб. для целей накопления.

[3] Без валютной сметы.

Все это убеждает нас, что в общем и целом данная в контрольных цифрах плановая наметка направления и масштабов нашего хозяйственного развертывания сохраняет и после всех указанных поправок все свое ориентирующее значение.

Можно ли было ожидать от них большего?

„Нужно быть, по крайней мере, хозяйственником типа средневекового алхимика,—ответим мы на это словами одного из наименее снисходительных наших критиков т. Сокольникова,—чтобы вообразить, что можно заранее составить план, который учтет все решительно, все колебания погоды, все колебания рынка, все колебания международной конъюнктуры и т. д. Это вещь совершенно невозможная“ (см. стенограмму его доклада в Деловом Клубе).

А если это так, что несомненно, то т. Сокольникову не следовало бы столь категорически утверждать, что в пережитых нами затруднениях „мы оказались жертвой плохих планов“. В планы без просчетов могут верить лишь алхимики. Но все те колебания погоды и конъюнктуры, которые нельзя предвидеть в порядке плана, можно и должно учесть в порядке оперативного маневра. Конечно, полная успешность таких маневров немыслима до тех пор, пока мы не будем иметь достаточных резервов. Эти резервы предусмотрены нашими планами, но, увы, еще далеко не мобилизованы в надлежащих размерах. Тем не менее возможность и необходимость своевременным маневром исправлять неизбежные просчеты плана едва ли будет кем-либо оспариваться.

Что же было сделано в этой области нашими оперативными органами нынешней осенью?

Об этом уже много говорилось и печаталось за последние месяцы. Эпопея хлебозаготовок рисуется нам теперь в следующем виде. С неба целые месяцы лились на неубранный хлеб непрерывные потоки дождей, а из центра, по выражению М. И. Скобелева, одновременно лился на хлебозаготовителей обильный дождь червонцев из Наркомфина и поток понудительных телеграмм из НКВТ: заготовляйте, заготовляйте, заготовляйте!.. Хлеб поступал на рынок туго, цены вздувались. А госзаготовители перекапывали друг у друга дороги и портили мосты, чтобы перебить у конкурента лишний воз хлеба.

Это ли называется своевременным и умелым оперативным маневром?

Мы не будем умножать примеров этого рода. Скажем лишь, что почти каждому ведомству, не исключая и Наркомфина, в ответ на упрек в плохих планах мы могли бы посоветовать—„чем кумушек считать трудиться“... обратить сугубое внимание на чрезвычайно ценный афоризм т. Сокольникова, высказанный им в его докладе в Деловом Клубе:

„Мало одного планирования, надо уметь маневрировать“.

В. Миллер

К вопросу о контрольных цифрах по кредиту

За 4 года, истекших со времени учреждения Госбанка, наша система кредитных учреждений получила значительное развитие. Особенно бурный рост этой системы наблюдается на протяжении двух последних лет. Нижеследующая таблица дает общее представление о росте числа кредитных учреждений и принадлежащей им сети филиалов за это время.

Таблица № 1

	На 1 октября 1923 г.			На 1 октября 1925 г.		
	Учрежден.	Филиалы	Всего	Учрежден.	Филиалы	Всего
Государственный банк	1	270	271	1	446	447
Акционерные банки	4	50	54	6	116	122
Коммунальн. „	5	14	19	29	122	151
Кооперативн. „	2	49	51	2	94	96
Сельско-хозяйственная система	20	—	20	64	130	194
О-ва Взаимного кредита	38	—	38	160	—	160
ВСЕГО...	70	383	453	262	908	1.170

На-ряду с этим экстенсивным ростом наблюдается еще более бурное интенсивное развитие кредитной системы. Если на 1 октября 1923 года сводный баланс выражался в сумме 1.077,8 милл. рублей, то на 1 октября 1925 года он достигает колоссальной суммы в 5.410 милл. рублей. [1]

За тот же срок денежная масса, находящаяся в народном обращении, поднялась с 310 милл. руб. до 1.196 милл. руб.

Приведенные данные достаточно наглядно свидетельствуют о том громадном значении, которое в настоящее время приобретают вопросы государственного регулирования денежного и кредитного оборота. Поэтому вряд ли надо тратить много слов, чтобы доказывать не только желательность, но и прямую необходимость планового подхода к столь важным отраслям народного хозяйства. Если же принять во внимание,

[1] Все данные на 1 октября 1925 г., приведенные в настоящей статье, являются предварительными.

что в текущем году, в связи с проблемой восстановления основного капитала, поставлен на очередь вопрос о развитии системы долгосрочного кредита, то станет вполне очевидным, что в деле планового регулирования кредитного оборота нельзя более ограничиваться краткими квартальными периодами. Отсюда вполне естественно, что Госплан, поставив перед собой задачу разработки единого хозяйственного плана на 1925/26 год на основе динамического народно-хозяйственного баланса, не мог не включить в общую систему контрольных цифр данных по денежному обращению и кредиту.

Несмотря на столь очевидную и вместе настоятельную необходимость, попытка Госплана спроектировать контрольные цифры по денежной массе и кредиту на год вперед была встречена большинством специалистов весьма скептически, результаты же проделанной работы были подвергнуты суровой критике. Теперь, когда все „слова“, повидимому, уже сказаны, а частично успело произнести свой приговор и объективное время, будет вполне своевременным подвести некоторые итоги по методологии вопроса.

Прежде всего о значении контрольных цифр. На заседании коллегии НКФ-на [1] т. Сокольников выступил с авторитетным заявлением, что Госплану не удалась первая попытка дать контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. в точном смысле этого слова. Цифры Госплана имеют лишь вспомогательное перспективное значение.

Эту же мысль повторяет в своей статье [2] и т. Чалхушьян: „При всех ее недостатках работу эту можно было бы приветствовать, если бы эти цифры носили ориентировочный характер. К сожалению, Госплан придает своим цифрам иное, контрольное значение, рассматривая их не как перспективы возможного развития на будущее время, а как контрольные пути народного хозяйства“.

Очевидно, т. Сокольникову „точный смысл“ термина „контрольные цифры“ известен из практики НКФ-на, заменявшего еще так недавно твердый бюджет документом, носившим это название. В таком случае, какое же иное, как не ориентировочное значение, можно вкладывать в термин „контрольные цифры“. И почему т. Чалхушьян утверждает, что Госплан придает своим контрольным цифрам не ориентировочное, а какое то иное значение. И какой вообще может быть смысл подобных схоластических упражненнй. Оказывается, что смысл имеется, и притом весьма различный.

Общий голос критиков сходится на том, что Госплан преувеличил в своих расчетах перспективы эмиссии и кредита, а так как единственное значение контрольных цифр состояло в том, чтобы дать ведомствам при построении ими своих годичных планов именно „вспомогательное“ средство в виде единой системы общих экономи-

[1] См. „Фин. газ.“ от 18 сентября 1925 г. № 212.
[2] См. там же.

ческих показателей, во избежание обычного разнобоя, то каждый из критиков использует свой схоластический прием по мере сил и разумения. Тов. Сокольников спешит заявить, что поэтому цифры Госплана, „конечно, не могут быть приняты всерьез, как практическая директива, хозяйственниками или экономистами при их работе в 1925/26 году". А т. Чалхушьян на том же схоластическом основании считает себя вправе предъявить к работе Госплана повышенные методологические требования. Если выпад т. Сокольникова можно еще отнести к весьма понятному полемическому увлечению, не заслуживающему серьезного возражения и разъяснения, так как всем читавшим работу Госплана известно, какое значение придавал сам Госплан своим контрольным цифрам, то попытка т. Чалхушьяна опорочить самый метод построения контрольных цифр не может быть оставлена без должного внимания.

Известно, что Госплан применял в своих расчетах три главных метода: метод динамических коэффициентов, метод экспертных оценок и метод контрольных сопоставлений с довоенными данными.

Метод динамических коэффициентов, являясь общепризнанным научным методом проектирования, сам по себе не вызывает, конечно, никаких возражений у критиков контрольных цифр, не исключая и т. Чалхушьяна.

Сомнения вызывает лишь возможность продуктивного применения этого метода в отношении денежного обращения и кредита, так как наши наблюдения в этой области в лучшем случае ограничивались двумя неполными годами. Можно ли делать отсюда тот вывод, что для пользования методом динамических коэффициентов, как утверждает т. Чалхушьян, время еще не настало. Прежде всего, если подождать еще год, то тот же т. Чалхушьян будет утверждать, что время уже прошло, так как переживаемый нами своеобразный восстановительный процесс закончится, начнется какой-то новый период и тогда, чего доброго, мы так и не дождемся возможности применить на деле этот испытанный метод. Во всяком случае, подобные возражения со стороны ретивых критиков отнюдь не исключены. Не лучше ли поэтому послушать, почему двухлетний период наблюдений является недостаточным. Прежде всего потому, что период, отделяющий контрольные цифры от момента денежной реформы, не насчитывает и полутора лет. Далее, 1923/24 и 1924/25 гг. весьма различны по своей хозяйственной конъюнктуре. Наконец, бурный темп восстановления нашего хозяйства перекрывает влияние целого ряда противоречивых сезонных факторов. Все эти и тому подобные возражения скептически настроенных критиков не лишены, конечно, известного значения. Не подлежит ни малейшему сомнению, что обычная сложность явлений денежно-кредитного оборота неизмеримо возрастает в условиях переживаемого нами времени. Однако, доказано ли, что эта сложность не поддается никакому анализу. И нет ли в формах нашего хозяйства условий, значительно облегчающих такой анализ. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что наши критики отнюдь не ограничиваются голым отрицанием продуктивности метода динамических коэффициентов. Почти все выступавшие на собраниях и в печати критики имеют собственные варианты денежной массы и кредитных операций, причем большинство с трогательным единодушием утверждает, что контрольные цифры Госплана „преувеличены". Очевидно, „не так страшен чорт, как его малюют". Поэтому обратимся лучше к фактам.

Начнем со сводного баланса нашей кредитной системы, включающей, как было указано выше, около 1170 учетных единиц на 1 октября 1925 г. Как ни различны два прожитых нами года и как ни разнообразны входящие в систему кредитные учреждения, весьма характерным для нашего восстановительного периода является тот факт, что средний темп роста за каждый из этих лет почти не меняется: 123,3% в 1923/24 г. и 124,8 в 1924/25 г. Можно ждать, что совпадение будет еще более полным, так как баланс на 1 октября 1925 г. подсчитан по предварительным данным, которые подвергнутся некоторому сокращению при составлении генеральных балансов.

Если от общего итога сводного баланса всей кредитной системы перейти к итогам сводных балансов по отдельным группам банков, то картина получится совсем иная. Здесь мы увидим не историю суммарного развития всей кредитной системы, а историю каждой отдельной группы с ее специфическими особенностями.

Таблица № 2

Итоги сводных балансов кредитной системы СССР по отдельным группам учреждений

(в миллионах руб.)

	На 1 окт. 1923 г. (абсол.)	На 1 окт. 1924 г. (абсол.)	Годовой темп роста	На 1 окт. 1925 г. (абсол.)	Годовой темп роста
Государств. банки . . .	836,5	1.618,8	93,5	3.413,2	110,8
Акционерн. „ . . .	130,8	387,0	195,9	839,6	117,0
Коммунальн. „ . .	39,7	120,4	203,3	352,1	192,4
Кооперативн. „ . . .	47,4	112,1	136,5	185,6	65,6
Сельск. хоз. система . .	16,5	154,8	838.1	559,7	261,5
О-ва Взаимн. Кред. . . .	6,9	13,9	101,4	59,9	330,9
Общий итог . .	1.077,8	2.407,0	123,3	5.410,1	124,8

Из этой таблицы видно, что не только темп развития каждой отдельной группы значительно отличается от среднего темпа роста

всей системы, но и годовой темп роста по одной и той же группе весьма различен за каждый из истекших лет.

Если отвлечься от особенностей отдельных групп и вернуться к сводному балансу всей системы, разложив его на главнейшие составные элементы, то получится новая картина. Здесь, на-ряду с отклонением темпа развития главнейших рубрик от среднего роста баланса, бросается в глаза значительная устойчивость годовых темпов роста учетно-ссудных операций и привлеченных средств за оба истекших года.

Таблица № 3

Общий итог сводного баланса кредитной системы СССР с подразделением на главнейшие рубрики баланса

(в миллионах руб.)

	На 1 окт. 1923 г. (абсол.)	На 1 окт. 1924 г. (абсол.)	Годов. темп	На 1 окт. 1925 г. (абсол.)	Годов. темп
АКТИВ					
Наличные ценности . .	225,1	377,0	67,5	685,0	81,7
Учет-ссудн. операц. . .	560,0	1.267,0	126,3	2.879,0	127,2
Проч. ст. актива	292,7	763,0	160,7	1.846,1	141,9
БАЛАНС . . .	1.077,8	2.407,0	123,3	5.410,1	124,8
ПАССИВ					
Собств. капиталы	155,3	329,3	111,2	748,6	127,3
Тек. сч. вкл. и депоз. . .	395,0	890,8	125,5	1.993,4	123,7
Эмиссия	235,0	521,9	122,1	954,5	82,9
Проч. ст. пассива . . .	292,5	665,0	127,4	1.713,6	157,7
БАЛАНС . . .	1.077,8	2.407,0	123,3	5.410,1	124,8

На первый взгляд факты, изложенные в двух предыдущих таблицах, не дают особых оснований для применения метода динамических коэффициентов. Однако, стоит только от абсолютных выражений перейти к процентным соотношениям, чтобы притти к противоположному выводу. На двух следующих таблицах представлена динамика удельного веса каждой группы банков и каждой главной рубрики баланса по кварталам двух истекших лет.

Таблица № 4

Динамика удельного веса отдельных групп кредитных учреждений по итогам сводных балансов

	На 1/X 1923 г.	На 1/I 1924 г.	На 1/IV 1924 г.	На 1/VII 1924 г.	На 1/X 1924 г.	На 1/I 1925 г.	На 1/IV 1925 г.	На 1/VII 1925 г.	На 1/X 1925 г.
Государствен. банк . .	77,6	76,9	75,8	72,6	67,3	66,8	65,1	62,8	63,1
Акционерные банки . .	12,1	12,7	12,6	14,8	16,1	14,7	14,9	15,7	15,5
Коммунальные „ . . .	3,7	3,5	3,7	4,1	5,0	5,4	6,2	6,7	6,5
Кооперативн. „ . . .	4,4	4,7	4,9	4,8	4,6	4,4	3,8	3,5	3,4
Сельско-хоз. система . .	1,5	1,5	2,3	3,0	6,4	8,1	9,3	10,3	10,4
О-ва Взаимн. Кредита .	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	1,0	1,1
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица № 5

Динамика удельного веса главнейших рубрик сводного баланса

	На 1/X 1923 г.	На 1/I 1924 г.	На 1/IV 1924 г.	На 1/VII 1924 г.	На 1/X 1924 г.	На 1/I 1925 г.	На 1/IV 1925 г.	На 1/VII 1925 г.	На 1/X 1925 г.
АКТИВ									
Наличн. ценности . . .	20,9	21,3	18,7	15,9	15,7	14,0	14,2	12,9	12,7
Учетно-ссудн. опер. . .	51,9	44,3	43,4	45,4	52,6	50,8	50,4	48,1	53,2
Проч. ст. актива . . .	27,2	34,4	37,9	38,7	31,7	35,2	35,4	39,0	34,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ПАССИВ									
Собствен. капит.	14,4	14,0	14,5	14,5	13,7	13,8	14,3	14,6	13,8
Тек. сч. вкл. депоз. . .	36,7	36,9	36,5	35,4	37,0	36,9	37,9	35,8	36,8
Эмиссия	21,7	19,5	18,6	17,8	21,7	19,8	15,8	15,1	17,7
Проч. ст. пассива . . .	27,2	29,6	30,4	32,3	27,6	29,5	32,0	34,5	31,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Обе таблицы дают целый ряд чрезвычайно устойчивых тенденций.

Первая таблица дает нам историю борьбы отдельных групп за существование на кредитном рынке. На протяжении двух лет удельный вес Госбанка неуклонно и совершенно равномерно понижается. Напротив, все специальные банки растут в своем удельном весе, особенно система коммунального, и еще более система сельско-хозяйственного кредита в связи с крупными ассигнованиями по госбюджету. По вполне понятным причинам составляют исключение из

общего правила кооперативные банки. Наконец, на особом месте стоят Об-ва взаимного кредита, снизившие свой удельный вес в конце 1923/24 г. и поднявшие его в конце 1924/25 г. в полном соответствии с переменами в кредитной и торговой политике по отношению к частникам.

Не меньшей наглядностью с точки зрения устойчивости тенденций обладает и таблица 5, особенно в отношении уч.-ссудн. операций по активу и собственных капиталов и привлеченных средств по пассиву.

В заключение приведем еще одну таблицу, иллюстрирующую динамику поквартальных изменений итогов сводного баланса в целом и по отдельным группам кредитных учреждений.

Таблица № 6

Динамика темпа роста сводных балансов по группам кредитных учреждений

	За I кварт. 1923/24 г.	За II кварт. 1923/24 г.	За III кварт 1923/24 г.	За IV кварт. 1923/24 г.	За I кварт. 1924/25 г.	За II кварт. 1924/25 г.	За III кварт. 1924/25 г.	За IV кварт. 1924/25 г.
Государств. банк	31,3	24,6	15,0	2,7	24,7	20,6	13,4	23.6
Акционерн. банки	39,1	25,3	40,9	20,4	14,1	26,2	24,1	21,4
Коммунальн. „	25,9	32,6	34,4	35,1	35,1	41,4	27,7	19,8
Кооперат. „	39,9	32,6	20,0	6,3	18,5	7,0	8,5	20.4
Сельско-хоз. система	29,7	96,7	52,7	140,7	57,6	41,9	30,5	23,9
Об-ва Взаимн. Кредита	42,0	31,6	18,6	—9,2	44,6	34,3	70,7	30,0
Средний кварт. темп .	32,5	26 5	20,2	10,8	25,4	23,8	17,7	23,0

В этой таблице весьма характерно прежде всего то обстоятельство, что на протяжении двух лет каждый квартал дает неизменное повышение по всем группам банков, за одним только исключением по Об-вам вз. кредита. Эта сплошная картина роста связана, несомненно, с общим характером нашего восстановительного процесса. Далее обращает на себя внимание поквартальное соотношение темпов роста баланса Госбанка и сводного баланса всей системы. Для большей наглядности приведем последнюю строку в новой таблице.

Таблица № 7

Т Е М П	За I кв.	За II кв.	За III кв.	За IV кв.
1923/24 г.	32,5	26,5	20,2	10,8
1924/25 „	25,4	23,8	17,7	23,0

Здесь мы видим совершенно отчетливо, что общий восстановительный процесс отнюдь не затушевывает влияния календарных факторов, связанных у нас главным образом с сельским хозяйством. На протяжении двух лет, весьма различных по урожайности, мы тем не

менее наблюдаем неизменное снижение темпа за первые три квартала, вытекающее из общего влияния сельско-хозяйственной продукции на напряжение кредитной системы. Четвертый же квартал как нельзя лучше отражает за тот и другой год влияние степени урожайности.

Уже из этого, по необходимости беглого, обзора суммарных данных с полной очевидностью вытекает, что динамика нашей кредитной системы далеко не представляет из себя сплошного хаоса. Напротив, несмотря на бурный темп роста, конъюнктурные различия двух смежных лет и различный характер учреждений, входящих в систему, эта динамика делает целый ряд весьма устойчивых тенденций, из которых одни направлены на сохранение твердых соотношений, другие наоборот — на неуклонное изменение этих соотношений под влиянием различных факторов. Короче говоря, мы видим, что наша кредитная система за четыре истекших года настолько выросла и окрепла, что может уже служить довольно чутким и надежным барометром при анализе народно-хозяйственной динамики. Произведенное нами детальное исследование вопроса не оставляет в этом никакого сомнения.

Результаты этого исследования будут нами в ближайшее время опубликованы. Пока же вернемся к замечаниям т. Чалхушьяна по поводу метода динамических коэффициентов. „Метод динамических коэффициентов, говорит т. Чалхушьян, в том понимании, которое обычно вкладывается в это понятие, состоит в том, что из наблюдений за ряд лет устанавливают коэффициент динамики той или иной отрасли народного хозяйства и пользуются этими коэффициентами для предсказаний на будущее время. Госплан вкладывает в этот термин... несколько иное содержание. По Госплану метод этот состоит в некоторой закономерности восстановительного процесса... Это, конечно, так“. Повидимому, прежде всего необходимо отнести к чести Госплана, что он не разделяет „обычного“ понимания метода динамических коэффициентов, которое по т. Чалхушьяну довольно сильно смахивает на сплошную галиматью всех прорицателей. Нужно ли говорить, что никакими предсказаниями Госплан в своих контрольных цифрах не занимается. По Госплану контрольные цифры есть не только вероятные пути развития народного хозяйства, но и система экономических мероприятий, направленных на достижения желательных результатов. Метод же динамических коэффициентов неразрывно связан не только с установлением коэффициентов, но и с определением стоящих за ними закономерностей. А так как в конце приведенной выдержки т. Чалхушьян сам признает правильной конкретную закономерность установленную Госпланом для динамики восстановительного процесса, то остается только удивляться, для чего понадобилось ему возводить поклеп на „обычное“ понимание метода динамических коэффициентов. К сожалению, не один т. Чалхушьян заражен таким „обычным“ пониманием.

Не лучше обстоит дело, когда т. Чалхушьян переходит к усвоению закономерности, установленной Госпланом для динамики восста-

новительного процесса, согласно которому наиболее отставшие отрасли начинают вслед за тем развиваться наиболее энергично, причем по мере того, как их развитие приближается к норме, темп их развития соответственно замедляется. Соглашаясь с наличием указанной закономерности, т. Чалхушьян спешит однако внести свою „ложку дегтя", утверждая, что „нормы, о которых говорит Госплан,... представляют собой довоенные нормы". Если обратиться к подлинному тексту работы Госплана, то не трудно убедиться, что последнее утверждение т. Чалхушьяна не соответствует действительности. Говоря об имманентной восстановительному процессу закономерности, Госплан имеет в виду переход народного хозяйства от временной диспропорции к такому соотношению частей, которое необходимо для дальнейшего нормального развития. Таким образом приходится, к сожалению, констатировать, что т. Чалхушьян несколько увлекся заманчивой перспективой уложить противника на обе лопатки приемом чистого измышления. В самом деле, как это приятно. Оказывается, что метод динамических коэффициентов, научная ценность которого неоспорима, в руках Госплана самостоятельного значения не имеет, а является лишь вспомогательным приемом метода контрольных сопоставлений с довоенными данными, а так как последний для денежной массы и кредита явно не пригоден, то тут то и достается бедному Госплану. Выходит так, что Госплан применяет в своих расчетах совершенно недопустимую аналогию в соотношениях между денежной и товарной массой в настоящее и довоенное время и тем обнаруживает полное непонимание ряда изменившихся условий. Тут и степень натуральности товарооборота, и скорость обращения денег, и выпадение из оборота целого ряда ценностей, и даже изменение социальной структуры нашего хозяйства. Справедливость всех этих соображений не подлежит ни малейшему сомнению. Беда только в том, что т. Чалхушьян, додумавшись до них быть может и вполне самостоятельно, приходит с ними уже после того, как они были развиты комиссией Госплана, отвергнувшей в своих расчетах денежной массы и кредита метод контрольного сопоставления с довоенными данными.

Правда, об этом не было прямо сказано в опубликованной работе Госплана, но кто-кто, а т. Чалхушьян, присутствовавший на заседании комиссии Госплана, где этому вопросу было посвящено специальное выступление т. Громана, мог бы, во всяком случае, при более добросовестном отношении к делу, помолчать о методологических промахах Госплана. По адресу тех же критиков, которые не были посвящены в детали работы Госплана, мы ограничимся указанием, что комиссия Госплана пользовалась сравнением с довоенными данными не только, как методом исследования, но и для иллюстрации „тех специфических особенностей и сдвигов, которые характеризуют современную структуру народного хозяйства на достигнутой ступени его развития".

Третий, из применявшихся Госпланом методов, метод экспертных оценок, никаких возражений не встретил, если не считать общих соображений о неизбежной субъективности этого метода. Это последнее

замечание относится, повидимому, к области недоразумений. Дело в том, что под экспертными оценками комиссия Госплана понимала конкретные расчеты ведомств и отдельных специалистов по различным отраслям народного хозяйства. Этим отнюдь еще не предопределяется ненаучность подхода, и поскольку комиссия относилась критически к расчетам экспертов, указание на субъективизм этого метода, особенно при наличии ряда вариантов, теряет всякое значение.

Таким образом, мы видим, что деловая часть критики, считая в том числе и некоторые крупицы из лихих наездов т. Чалхушьяна, не дала никаких существенных указаний по методологии исчисления контрольных цифр в области денежного обращения и кредита. Большинство лиц, выступавших в печати и на собраниях, ограничивалось ссылкой на сложность проблемы и вытекающую отсюда сугубую условность всяких расчетов на длительный срок. Нисколько не отрицая условного значения контрольных цифр по денежному обращению и кредиту, мы однако склонны утверждать, что в наших условиях степень этой условности не превосходит условности контрольных расчетов по всем остальным отраслям народного хозяйства. Правильность этого положения подтверждается нами следующими соображениями. Прежде всего в лице советской кредитной системы мы имеем наиболее организованную и централизованную отрасль народного хозяйства, отчетность которой может быть поставлена на недосягаемую для других областей высоту. Во-вторых, степень зависимости кредитной системы от неорганизованной стихии рынка вряд ли на много превосходит степень такой-же зависимости других отраслей гос. хозяйства, в частности нашей торговли. В-третьих, взаимная связь между развитием кредита и других отраслей народного хозяйства в настоящее время настолько велика, что условность расчетов в одной области неизбежно ведет к такой же условности в другой. Наконец, не следует забывать, что кредит является могучим орудием финансового управления. Таким образом кредитный план и может и должен быть планом кредитной политики, которая должна отличаться не только одной эластичностью, но и надлежащей твердостью.

С другой стороны, наши эмпирические наблюдения показывают, что явления денежного обращения и кредита далеко не лишены устойчивой закономерности, выраженной в целом ряде динамических и статических коэффициентов. Анализу этих закономерностей будет посвящено особое внимание при пересмотре контрольных цифр. Однако мы позволим себе предвосхитить из этой работы один неоспоримый вывод: если правы те, которые подчеркивают „сугубую" условность кредитных планов на год вперед, то во всяком случае таковая не превышает условности квартальных планов. Поэтому в заключение этой статьи мы позволим себе выразить уверенность в том, что в процессе дальнейшей работы будут без остатка изжиты последние сомнения в возможности реального проектирования годичных планов по денежному обращению и кредиту.

Н. Виноградский

Основные положения организации хлебной торговли в предстоящем году

Вопросы организации хлебной торговли имеют громадное значение; они требуют бо́льшего внимания, чем им уделялось до сих пор; без надлежаще построенного заготовительного и распределительного аппаратов невозможно полностью использовать хороший урожай, а в условиях неблагоприятной или сложной конъюнктуры хлебного рынка отсутствие правильной организации заготовок и распределения еще усложняет и обостряет положение.

Удовлетворяет ли современная структура государственного и кооперативного заготовительных аппаратов потребностям хозяйственной обстановки в целом тем задачам, которые к ним предъявляются? На этот вопрос можно с совершенной определенностью ответить отрицательно; мы имеем опыт не одного года и, несмотря на всю значительность хлебной проблемы для советского государства, не сумели подойти к разрешению вопроса вплотную. Этому в значительной мере препятствовали причины объективного характера, но не обошлось здесь без субъективных причин—известных ошибок и нерешительности. Опыт истекшей половины кампании настоящего года с такой наглядностью вскрыл организационные недостатки нашей хлебной торговли, что настало время во всей широте поставить вопрос, притом поставить его на срочное принципиальное разрешение, с тем, чтобы своевременно приготовиться к будущей кампании. Это нужно сделать в течение ближайшего месяца, ибо организационная перестройка требует времени—начать разговоры в марте—апреле и проводить решения в мае—июне будет уже поздно.

Мы делим проблему на две части—на организацию заготовок хлеба и на его распределение, включая в последнюю операцию и процесс переработки зерна в муку.

I

Современное положение центрального заготовительного аппарата характеризуется главным образом множественностью заготовителей; эта особенность вытекает из обстановки, в которой складывался

этот аппарат, из соотношений между городом и деревней, существовавших в первые годы Нэп'а.

Множественность заготовителей объясняется следующими основными причинами: 1) хотя от продразверстки к установлению полностью рыночных отношений в деревне мы перешли постепенно, тем не менее, в виду сложности заготовки по сравнению с ссыпкой хлеба в порядке повинности, было признано невозможным передать заготовительные функции только органам Наркомпрода, хотя бы преобразованным, так как тогда они технически не справились бы с этим; 2) это обстоятельство плюс наличие возрождающейся кооперации привело к образованию ряда заготовительных организаций, которые к тому-же дифференцировались по целевому признаку использования заготовленного хлеба (внутреннее снабжение, мукомолье и экспорт); 3) государство не располагало достаточными денежными средствами для вложения крупных капиталов в хлебное дело, а потому финансирование операций шло по пути выделения небольших средств отдельными ведомствами, а, главным образом, строилось на началах краткосрочного кредитования Госбанком и, наконец, 4) необходимость множественности заготовителей объяснялась опасениями того, что единый аппарат мог бы использовать конъюнктуру в хозрасчетных целях; создавалось опасение порабощения крестьянского рынка к невыгоде производителя—оно могло найти свое выражение в том, что единый заготовитель, будучи хозяином на рынке (в особенности при слабо развитой тогда кооперации), будет исключительно понижать цены в целях получения больших коммерческих прибылей; предполагалось, что выступление нескольких заготовителей обеспечит здоровую конкуренцию, что только при такой именно системе государство при посредстве регулирующих мероприятий обеспечит производителю надлежащую цену, наконец, что наличие конкуренции поведет к рационализации самих аппаратов, к сокращению накладных расходов.

В какой мере оправдались вышеприведенные положения, на которых основывалась необходимость выступления на рынке нескольких заготовителей (не касаясь вопросов технических и финансовых)? Три кампании (ибо первая половина этого года позволяет сделать обобщения и подвести итоги) показали, что множественность заготовителей не обеспечивает государству проведение его регулирующих мероприятий; наоборот,—эта множественность исключает возможность действительного регулирования хлебного рынка; в 1923/24 году, в период массового предложения хлеба, выступление еще бо́льшего числа заготовителей не спасло от катастрофического падения хлебных цен и осенних ножниц; в 1924/25 же году и минувшей осенью, при сдержанном предложении хлеба, множественность заготовляющих организаций привела к конкуренции, но не здоровой, а подчас даже к весьма безобразной. Случаи нарушения преподанных центром общих линий и так наз. согласительных цен перестали быть исключениями; заготовители не только перебивали друг у друга амбары, взвинчивая

арендную плату (и тем увеличивая накладные расходы), но перехватывали продавцов хлеба, до порчи дорог, ведущих к соседу, включительно, создавая этим на рынке вредную психологию чрезмерной нужды государства в хлебе. Потребовались колоссальные усилия, чтобы изжить конкуренцию в нежелательных формах; не желая производить в разгар кампании ломки аппарата, пришлось итти на ряд полумер, по сути дела направленных к устранению параллельных ссыпных пунктов на отдельных базарах, введены в действие административно-карательные меры для так называемых „неисправных" заготовителей, крайне усилена была опека местных регулирующих органов—Губвнуторгов и Окрвнуторгов, отдельные мероприятия коих доходили до абсурда и т. д.

Здесь мы упираемся в основной вопрос: следует ли приписывать все указанные отрицательные явления плохим качествам и недисциплинированности заготовительных аппаратов, или эти явления органически свойственны самой системе множественного заготовительного аппарата? Мы категорически утверждаем, что они проистекают из этой системы и вот по каким соображениям.

Обстановка 1925 года в деревне существенно отличается от того, что было в 1922 и 1923 годах. В те годы крестьянское хозяйство только начало восстанавливаться, в области денежной системы деревня по отношению к городу была в особенно неблагоприятном положении: в то время, как она работала на падающем совзнаке, город имел твердую валюту—червонец. В настоящее же время сельское хозяйство в своем восстановлении по абсолютным размерам идет впереди других отраслей народного хозяйства; в крестьянском хозяйстве, в частности, значительно продвинулись процессы дифференциации, произошел определенный сдвиг в сторону бо́льшего накопления товарных излишков хлеба в руках зажиточных слоев; размеры этого накопления позволяют верхушке деревни занять выгодное положение на крестьянском рынке, она имеет достаточно сильную материальную базу для противопоставления своих собственных интересов интересам Советского государства в целом. И если главным орудием нашей борьбы с рыночной стихией, отвоевания позиций социалистического хозяйства, является монолитная централизованная крупная промышленность, то на грани соприкосновения этих двух начал, на смычке, мы идем по пути некоторого распыления социалистических элементов, создавая „конкурирующие" заготовительные организации, этим самым низводим их до степени стихийно-рыночных элементов. Нельзя при этом забывать, что государственные заготовители и кооперация не стоят лицом к лицу с производителем хлеба—сюда, в это самое чувствительное место нашего хозяйства, вклинивается частный торговый капитал, здесь он чувствует себя свободно и здесь с ним предстоит самая ожесточенная борьба, отсюда он уйдет в последнюю очередь. Из всего этого мы делаем первый вывод: современная экономическая обстановка, значительно отличаясь от 1922/23 годов, не только исключает необходимость

обеспечения конкуренции на заготовительных рынках, но, наоборот, требует единого выступления государства на этих рынках и создания такой системы организации заготовительных органов, которая обеспечила бы такое единство.

Далее, вытекает ли наблюдавшаяся нездоровая конкуренция из системы существующего аппарата, или потому, что он плох? Мы полагаем, что при всех недостатках заготовительных органов нельзя только или преимущественно этими недостатками обосновывать дезорганизацию хлебного рынка. При наличии нескольких заготовительных организаций, каждая получает определенное задание, строит на его основе свой план, разверстывая его по культурам и районам (а последними по более мелким разделениям до ссыпункта); задания отдельных организаций в преобладающей части носят обязательный характер (снабжение промышленных центров, окраин, экспортные контингенты); при ответственности заготовительных ячеек каждой организации перед ее верхами за выполнение полученного ею задания, эти ячейки, в случае общей недостаточности предложения хлеба, по силе необходимости толкаются на путь нездоровой между собой конкуренции и взвинчивания цен. Было бы нелепо думать, что эти явления проистекают от одной только злой воли, от неуменья работать, от желания выслужиться; мы видим, что корень их—в системе. От конкуренции ссыпунктов количество заготовляемого хлеба не увеличивается, а, наоборот, скорее уменьшается, так как взвинчивание цен и ажиотаж непременно имеют обратные последствия—предложение сжимается в надежде производителя на еще более высокие цены. Нужно откровенно признаться, что мы ни в одну из заготовительных кампаний полностью не овладели рынком. Ценой невероятных усилий нам удавалось создавать известные тенденции в движении цен, но хозяевами мы не были; эти тенденции, нами создаваемые, к тому-же в значительной мере, использовались в обратных целях; прошлогодним осенним снижением цен воспользовался частный скупщик, мы также не смогли удержать цены во второй половине кампании и этим воспользовались зажиточные хозяйства. Вопрос заготовительных хлебных цен приобретает бо́льшее чем когда либо значение, ибо они являются одним из главнейших факторов укрепления бедноты и середняка; существующая же система заготовительных аппаратов не обеспечивает за государством возможности регулировать хлебные цены, даже при наличии достаточных экономических предпосылок. Второй вывод—заготовительный аппарат должен быть перестроен так, чтобы сверху до низу мог бы быть проводником единой воли, единой политики; этому соответствуют монопольные формы организации заготовок.

Мы со всей решительностью высказываемся за слияние государственных заготовительных аппаратов в единый монопольный орган. Параллельно с ним остается работать кооперация, тесно с ним увязанная договорными отношениями. На самом же низу, в деревне, ни-

какой конкуренции между ними быть не может, так как сфера работы первичных кооперативов ограничивается кооперированным данной ячейкой населением; на крупных базарах, где имеются ссыпные пункты, кооперация не выступает.

Объединение государственных заготовительных аппаратов в одну организацию должно внести оздоровляющее начало в работу кооперативной сети, так как конкуренция государственных заготовителей в покупке готовых партий зерна у низовой кооперации и районных союзов также устраняется.

Объединение государственного хлебозаготовительного аппарата имеет еще следующие два преимущества: оно, несомненно, должно повести к сокращению накладных расходов; последние еще чрезвычайно велики и, если в текущем году в этой области достигнуто некоторое улучшение, то оно произошло отнюдь не как следствие конкуренции между заготовительными организациями, а под влиянием сильнейшего нажима регулирующих органов. В данном же случае можно достигнуть сильного сокращения накладных расходов как по линии гораздо более полной нагрузки ссыпных пунктов, так и сокращения издержек обслуживающих аппаратов в центре и в районах (одних срочных телеграфных сводок о ходе заготовок будет в три или четыре раза меньше, чем теперь), не говоря об экономии в людях; это же позволит подобрать штаты наиболее квалифицированных и опытных работников в аппарате сверху до низу.

Второе преимущество объединения заключается в том, что при наличии одного государственного заготовительного органа достигается наибольшая концентрация заготовленного хлеба, наименьшее его распыление: хлебные каналы сокращаются и уменьшается размер так называемых мертвых запасов (переходящие остатки на ссыпных пунктах, железнодорожных пакгаузах, пристанях к моменту закрытия навигации, на базах, элеваторах и т. д.).

Может ли встретить организация единого заготовительного аппарата препятствия? Мы таких не видим. Технически единую организацию можно создать без затруднений, ибо мы имеем несколько аппаратов и нужно не разрушать каждый в отдельности, а влить более слабые организации (Госбанк, Госторг) в Хлебопродукт. Такое объединение, как было указано выше, даст лишь улучшение квалификации всего аппарата, причем, если такое слияние, например, в отношении Госторга, встречало бы затруднения в прошлом году, когда сверху существовало двойственное регулирование, то теперь, после объединения Наркоматов Внешней и Внутренней Торговли, это препятствие отпадает.

Организация единого государственного заготовительного органа конечно предусматривает необходимость значительного финансового его усиления; для этого нужно, чтобы соответственные капиталы вливаемых в Хлебопродукт организаций были переданы в его основной капитал.

II

Вторая часть поставленной проблемы заключается в организации аппарата распределения заготовленного хлеба, в распылении его по потребляющим районам и центрам вплоть до потребителя, в концентрации его в порты для экспорта. В этой области у нас, к сожалению, также имеется много недоговоренности: кроме того, эта область подверглась наименьшему изучению, потребности страны в товарном хлебе недостаточно выяснены, насыщение отдельных потребительских рынков подчас идет стихийно, в значительной мере происходит за счет частного торговца и потому подвержено его капризам, нет четко выявленного аппарата распыления хлеба по стране.

Подходя к разрешению этой части задачи, необходимо прежде всего ясно определить преследуемые здесь цели и, кроме того, сочетать организационные мероприятия с системой заготовок. Слияние всех государственных заготовительных аппаратов в один орган наряду с кооперацией и запрещение выступать на рынке в качестве самостоятельного заготовителя другим государственным органам (торги, смешанные акционерные общества, тресты), все это вместе взятое, направленное к вытеснению частного капитала с заготовительного рынка, означает, что главными и почти единственными держателями хлебных масс, закупленных непосредственно у крестьянства, явятся Хлебопродукт, сельско-хозяйственная и потребительская кооперация; значительно меньшие и сравнительно незначительные количества хлеба будут сосредоточены у мукомольных объединений, заготовительная работа коих должна быть ограничена районами, непосредственно прилегающими к мельницам.

Отсюда следует, что на Хлебопродукт, сельско-хозяйственную и потребительскую кооперацию ложатся гораздо более ответственные, чем до сих пор, задачи снабжения внутреннего рынка и что в эту область надлежит внести гораздо больше плановости, чем до настоящего времени. Соответственно этим задачам должен быть построен и распределительный аппарат, как оптовый, так и розничный. Эти снабжающие органы должны лучше изучить свою клиентуру (в оптовом торге) и учитывать ее действительные потребности; точно также должны быть проверены их розничные аппараты. К этому нужно добавить, что с механизацией хлебопечения, которое к началу будущего года получит сильное развитие, процесс снабжения готовым хлебом непосредственно потребителя значительно упрощается.

Вся эта сторона дела подлежит основательной и детальной проработке до отдельных рынков включительно, ибо в хлебной торговле она имеет значение не меньшее, чем заготовка. Можно располагать большими хлебными фондами, снятыми с крестьянского рынка, но если они не будут надлежаще использованы при посредстве распределительного аппарата, цены в потребляющих районах не будут устойчивы, возможны перебои в снабжении. Мы не раз были свидетелями того,

как ажиотаж в потребляющих центрах имел причиной не недостаток хлеба, а невязки в его доведении до населения. Такой пример, в частности, мы наблюдали минувшей осенью в Средней Азии, где, благодаря отсутствию налаженного распределительного аппарата, наличный в крупных центрах хлеб не продвигался в деревню, и это привело к непомерному росту цен в кишлаках.

Необходимо, наконец, до конца выяснить и разрешить некоторые недоговоренности, о которых выше было сказано: к таковым относятся вопросы мукомольного и элеваторного дела.

Необходимо раз навсегда уяснить, что мукомолье и элеваторы составляют неотъемлемую часть хлебной торговли и должны быть органически увязаны с хлеботоргующими организациями. Всякие попытки рассматривать мукомолье как самостоятельную, самодовлеющую отрасль промышленности, организационно не связанную с хлеботоргующими организациями, должны быть решительно пресечены. За последние годы мы встали на правильный путь передачи крупных товарных мельниц Хлебопродукту и Центросоюзу, но до настоящего времени не разрешен окончательно вопрос о центре, регулирующем мукомолье.

Что касается элеваторов, то существующее положение вещей представляется в следующем виде: на-ряду с крупными элеваторами, унаследованными от старого строя, в течение последних двух лет Хлебопродуктом, Госбанком и Госторгом построен ряд новых элеваторов емкостью от 60 до 100 тысяч пудов; они полностью должны быть переданы Хлебопродукту, одновременно с слиянием заготовительных аппаратов последних. Крупные же элеваторы находятся в эксплоатации Госбанка и НКПС. Управление большей частью элеваторов Госбанком, в связи с намеченной реорганизацией, не имеет более оснований; сосредоточие этого дела в Госбанке до настоящего времени аргументировалось двояко: во-первых, тем, что он имел свой заготовительный аппарат, а, во-вторых, тем, что элеваторы предназначены для выдачи ссуд под ссыпаемый туда производителем хлеб, причем последняя аргументация обычно подкреплялась довоенной практикой.

Первый из указанных мотивов ныне совершенно отпадает, второй также не выдерживает критики: элеваторами до войны для залога хлеба пользовались или крупные помещики, или скупщики хлеба (крупные торговцы); рядовой же производитель никогда не вез и не повезет за несколько десятков верст мелкие партии порядка десятков или даже сотен пудов; залоговые операции в работе элеваторов в настоящее время занимают ничтожную долю и элеваторы являются учреждениями хранения, подсортировки и улучшения качества зерна, т. е. выполняют функции хлебной торговли в чистом виде. При этих условиях является нецелесообразным оставлять элеваторы в эксплоатации учреждения, вовсе не связанного с хлебной торговлей. Что же касается хлебозалоговых операций, то нужно усвоить, что они являются сильнейшим орудием нашей политики в деревне (укрепление

бедняцких и середняцких хозяйств), а также крупным фактором регулирования хлебного рынка. Хлебозалоговые операции, поэтому, нельзя рассматривать в довоенной плоскости; они у нас сосредоточены в системе сельско-хозяйственного кредита и основы их ведения увязываются с органами регулирующими хлебный рынок. Поэтому не имеется никаких предпосылок для ведения элеваторами в сколько нибудь заметном масштабе самостоятельных хлебозалоговых операций. Если, тем не менее, возник бы вопрос о частичной выдаче элеваторами ссуд под хлеб, ссыпаемый в них непосредственно производителем, то элеваторы могли бы выполнять такие операции в качестве посредника Госбанка на комиссионных началах. Однако, повторяем, такие операции не могут быть значительны.

По всем этим соображениям нужно со всей решительностью поставить вопрос о передаче элеваторов органам хлебной торговли, внутренних — Хлебопродукту, а портовых — Экспортхлебу. Соответственно этому излишней делается громоздкая организация высшего руководства элеваторным делом, сосредоточенная в настоящее время в Особом Комитете при СТО в силу разной подведомственности эксплоатация элеваторов. Это руководство необходимо передать Наркомторгу, как органу, регулирующему всю хлебную торговлю, с тем, что вопросы плановой увязки разрешались бы на общем основании Госпланом и СТО.

Сумма вопросов и организационных мероприятий, здесь изложенных, велика; они требуют основательной проработки и подготовки, а потому принципиальные решения должны быть вынесены в течение самого ближайшего времени.

Хлебная торговля должна быть одной из командных высот нашего социалистического строительства; ей нужно придать организационные формы, соответствующие этой задаче.

В. А. Ларичев

Топливный план на 1925|26 г.

Быстрый рост промышленности и резкое увеличение работы транспорта, начавшиеся еще в конце 1924/25 г., естественно, вызвали значительное увеличение потребления топлива. В соответствии с этим резко изменилась и вся обстановка в области топливоснабжения. Недавний, еще памятный всем, кризис сбыта топлива сменился весьма напряженной работой топливной промышленности, мобилизующей в текущем году полностью свои производственные возможности.

Предварительная оценка возможного роста потребления в 1925/26 г., дававшаяся в августе—сентябре месяце сего года, приводила к громадным цифрам 35%-ного увеличения против 1924/25 г. и казалась многим мало вероятной. Теперь по истечении 1 квартала и при большей ясности в перспективах развертывающейся промышленности можно подойти к составлению топливного плана на 1925/26 г. Хотя в настоящее время обще-промышленный план еще окончательно не утвержден, но в отношении 2-х главнейших потребителей топлива-транспорта и металлопромышленности имеются и план их работы и данные о работе в 1 квартале. По отношению остальной промышленности также выявляются их реальные производственные возможности на текущий год, в большей или меньшей степени, подтверждаемые данными о фактическом их выполнении за истекший период. Во всяком случае имеется достаточно данных, чтобы определить те требования, какие в текущем году предъявляются к топливной промышленности. Сопоставляя эти требования с имеющимися топливными рессурсами, необходимо выяснить возможность их удовлетворения и с одной стороны, определить практически возможный предел потребления топлива в текущем году, а с другой стороны, установить производственный план топливодобывающей промышленности, обеспечивающий топливоснабжение страны не только в текущем, но и следующем году. Намечая топливный план на 1925/26 г., нельзя не учитывать возможных ближайших перспектив. Действительно, при наличии в топливном балансе таких топлив как дрова, торф и нефтетопливо, имеющих по условиям добычи (заготовки) и снабжения ими весьма медленный оборот (8—12 мес.), мероприятия текущего года, естественно, должны отразиться на положении топливоснабжения будущего года. Поэтому необходимо одновременно с топливным планом текущего года оценить хотя бы в самых общих чертах возможность дальнейшего роста потребления топлива.

Промышленно-техническое потребление топлива

Общий размер промышленно-технического [1] потребления топлива (кроме собственного потребления на местах добычи), как он выявляется для 1925/26 г., и вероятные итоги 1924/25 г. приведены в табл. № 1.

Таблица № 1

ПОТРЕБИТЕЛИ	Расход в м. п. условн. 7000 кал. топлива					
	Ожидаемый в 1924/25 г.	По плану на 1925/26 г.	% потребления от общего расхода топлива	Увеличение в %% против 1924/25 г.	Предположительно в 1926/27 г.	Увелич. пр. 1925/26 г.
I. Жел.-дорожн. транспорт .	540,3	688,6	32,2	+ 27,2	740,0	+ 8
II. Водный транспорт . .	91,5	108,4	5,1	+ 18,5	125,0	+ 15
III. Промышленность . . .	865,2	1.214,9	57,0	+ 40,0	1.500,0	+ 23
В том числе:						
1. Металлическая . . .	316,7	510,2	24,0	61,5		
2. Текстильная	145,2	162,7	7,6	12,0		
3. Химическая	54,1	83,1	3,9	53,5		
4. Пищевая	91,8	140,5	6,6	53,0		
5. Обр. Минер. вещ. .	61,4	97,8	4,6	59,5		
6. Обр. жив. вещ. . . .	10,4	11,8	0,5	13,0		
7. Бумаго-полигр. . . .	42,6	47,1	2,2	10,5		
8. Горная	30,5	33,8	1,6	11,0		
9. Прочая	7,4	8,2	0,4	11,0		
10. Военная	26,6	30,6	1,4	15,0		
11. Водосвет	78,5	89,1	4,2	13,5		
IV. Прочие потребители . .	105,2	121,0	5,7	+ 15,0	135,0	+ 12
Всего м. п. усл. топлива	1.602,2	2.132,9	100	+ 33	2.500,0	+ 17

В основание расчетов, определяющих приведенный в табл. № 1 расход топлива в 1925/26 г. в 2.132,9 милл. пуд., легли следующие основные показатели развития работы транспорта и главнейших отраслей промышленности (табл. № 2).

[1] Под определением „промышленно-технического потребления“ обычно понимается расход топлива без дров для нужд населения, расход остальных видов топлива населением учтен в графе „прочие потребители“.

Таблица № 2

	1924/25 г.	1925/26 г.	Увеличение в $^0/_0$ $^0/_0$
1. Жел.-дор. транспорт			
а) Колич. перевоз. грузов	5034 м. п.	6410 м. п.	27,3
б) „ „ пассаж.	17500 м. пас./вер.	23400 м. пас./вер.	33,7
в) Пробег паровоз. в м. паров./верст	283,0 м.	353,6 м.	25,1
2. Металлопромышленность			
а) Выплавка чугуна	78,7 м. п.	151,3 м. п.	92,2
б) „ стали	111,5 „ „	183,7 „ „	64,7
в) Прокат	84,2 „ „	141,7 „ „	68,4
г) Машиностроение			60—100
3. Текстильная			
а) Переработка хлопка	12,6 м. п.	18,2 м. п.	44,4
б) Готов. хл.-бум. ткани	1610 м. мт.	2170 м. мт.	34,5
в) „ шерст. „	48 „ „	61 „ „	27,0
4. Химическая			
а) Кислоты	10,1 м. п.	14,9 м. п.	48
б) Щелочи	9,2 „ „	16,1 „ „	75
в) Соли	4,2 „ „	7,3 „ „	75
г) Суперфосфат	3,3 „ „	7,7 „ „	136
5. Обр. Минер. вещ.			
а) Цемент	4,36 м. боч.	9,3 м. боч.	116
б) Стекло	10,6 м. п.	16,5 м. п.	56
в) Огнеупорн. изд.	10,0 „ „	15,25 „ „	53

Приведенных в таблице № 2 цифр достаточно, чтобы объяснить и обосновать наметившийся в текущем году громадный рост потребления топлива. В соответствии с этими данными, характеризующими темп развертывания промышленности и транспорта, и увеличение потребления топлива с 1.602—2.133 милл. пуд., т. е. на $33^0/_0$, является вполне естественным. Но при этом важно было бы установить: в каких же пределах возможны отклонения от наметившейся в настоящее время цифры потребления топлива, в зависимости

от могущих быть изменений в общей хозяйственной обстановке текущего года, т. е. в том случае, если темп развертывания промышленности и транспорта окажется ниже. Если допустить уменьшение этого темпа в среднем даже на $10^0/_0$, то на потреблении топлива это отразится в сокращении его, вероятно, на $5—6^0/_0$, т. е. около 100—120 милл. пуд. условного топлива.

Однако, практически к этому вопросу приходится подходить иначе. Если учесть имеющиеся уже показатели работы транспорта в 1 квартале и ближайшие перспективы, то трудно предполагать, что бы здесь имело место сколько-нибудь существенное уменьшение расхода топлива против намеченного планом.

Далее, в отношении металлопромышленности имеется настолько много побудительных причин к обязательному выполнению ею намеченной программы, что необходимо должен быть поставлен вопрос о полном ее обеспечении топливом.

Если теперь из общего расхода исключить потребление топлива транспортом и металлом $(688{,}6 + 108{,}4 + 510{,}2) = 1.307{,}2$ милл. пуд. (см. табл. № 1), то остальной расход топлива будет около 825 милл. пуд. Тут уже даже значительные отклонения от намеченных плановых предположений не могут повлечь за собой резкого сокращения потребления топлива. И если в плановых предположениях остальных отраслей промышленности есть $10—15^0/_0$ преувеличение, то это на общем расходе топлива может отразиться всего лишь 50—60 милл. пуд. или $2\text{-}3^0/_0$.

Более или менее детальная проверка предполагаемого расхода топлива по отдельным крупным потребителям приводит к заключению, что при выполнении намеченного на 1925/26 года плана работ промышленностью и транспортом определяемый в 2.133 милл. пуд. расход топлива будет реальным. Возможные же отклонения в сторону снижения этих планов в процентном отношении в меньшей степени отразятся на уменьшении потребления топлива,—причем этот процент будет ниже того резерва, который топливная промышленность должна иметь в своих производственных возможностях.

Пытаясь оценить возможный масштаб потребления топлива будущего 1926/27 г., приходится исходить из того положения, что дальнейшее расширение работы транспорта и металлургии, этих главных потребителей топлива, неизбежно и необходимо. Нужно предположить некоторый рост и остальных отраслей промышленности. Дать более или менее детальную оценку перспектив будущего года, в настоящее время, конечно, очень трудно, но, ограничиваясь в данном случае грубо ориентировочной оценкой, можно предполагать, что общий размер потребления топлива определится примерно в 2.450—2.500 милл. пуд. условного топлива, т. е. на $15—16^0/_0$ выше плана текущего года.

Таким образом, имея цифры возможного потребления топлива в 1925/26 г.—2.133 милл. пуд. и предположительно на 1926/27 г.

до 2.500 милл. пуд., нужно дать ответ: можно ли и при каких условиях удовлетворить предъявленные требования и какие нужны мероприятия для обеспечения нормального хода топливоснабжения страны.

Производственные планы

А. Каменноугольная промышленность

Громадный рост потребления топлива заставляет искать удовлетворения его в max. использовании производственных возможностей топливодобывающей промышленности и прежде всего каменноугольной.

По мере восстановления каменноугольной промышленности, уголь по праву занимает главное место в топливном балансе страны и является основной базой для развития промышленности и транспорта. По плану 1925/26 г. каменноугольное топливо покрывает около 57% промышленно-технического потребления топлив (см. далее табл. № 7).

В основных элементах производственный план по каменноугольной промышленности по всем ныне действующим предприятиям СССР, как он принят Президиумом Госплана, приведен в таблице № 3.

Как видно из приведенных цифр, добыча брутто по каменноугольной промышленности должна быть с 1 млрд пуд. прошедшего года в текущем году доведена до 1.522 милл. пуд., т. е. развернута свыше чем на 50%, добыча же нетто увеличивается на 55,5%. В приведенных же цифрах „производственного нетто“ учтен лишь расход угля на собственные нужды рудников, для топливного же плана необходимо иметь „нетто коммерческое“, т. е. поступающий на рынок товар. Учитывая еще потери при коксовании,[1] отход при мойке и сортировке и т. п., что вместе с расходом угля на собственные нужды составит около 277 милл. пуд., коммерческое нетто будет около 1.300 милл. пуд., из коих:

угля	861	милл. пуд.
антрацита	271	„ „
кокса	168	„ „

Особенно важным в каменноугольном плане является выявить возможные размеры коксового производства, так как от этого зависит вопрос обеспечения металлургической промышленности. В текущем году предполагается, используя полностью имеющиеся возможности:

а) получить кокса донецкого	160,0	милл. пуд.
„ „ кузнецкого	8,3	„ „
б) предполагается ввоз кокса заграничного .	2,2	„ „

Это количество кокса должно обеспечить только minimum предъявленных на него требований. В общем, относительно намеченного

[1] Газ коксовых печей используется как топливо на рудниках и заводах, где установлены коксовые печи.

плана каменноугольной промышленности необходимо сказать, что он построен, исходя из необходимости максимального использования производственных возможностей главнейших районов. В частности Донбас, загружая в 100% действующие шахты и вводя из консервации до 40 шахт, кроме этого должен до предела развернуть работу мелкой каменноугольной промышленности (см. табл. № 3). Для остальных бассейнов период депрессии также сменяется полным напряжением их производственных возможностей. Здесь может итти речь лишь о попытках в очень небольших размерах (в общем около 10 милл. пуд.) расширения принятых программ по второстепенным районам. Громадный скачек в добыче в текущем году быстро привел каменноугольную промышленность почти к пределу использования существующего основного капитала и в настоящее время во весь рост встает задача нового шахтного строительства в очень крупных размерах. Однако, поскольку сооружение новых крупных шахт неизбежно связано с длительным промежутком времени (около 4 лет), а жизнь не ждет и уже ближайший год предъявит требования к дальнейшему расширению добычи угля, необходимо в текущем году направить крупные средства на расширение добывных возможностей существующих предприятий там, где это возможно, и, кроме того, итти, по намеченному Донуглем пути, к созданию новых, так называемых, „средних“ шахт с добывной способностью 2—3 милл. пуд. в год в одной единице. Сооружение шахт этого типа, нисколько не уменьшая и не отодвигая задач нового крупного строительства, дает возможность быстро и с небольшими средствами достичь определенного добывного эффекта (до 100 милл. пуд. в год при 40—45 единицах).

Чтобы свести топливный баланс будущего года, нужна добыча угля по СССР около 1.850 милл. пуд., т. е. дальнейшее ее расширение на 20%.

Поэтому перед каменноугольной промышленностью стоит задача не только выполнить программу текущего года, но и провести в жизнь намеченный темп капитальных работ полностью.

Б. Нефтяная промышленность

Рассматривая план нефтяной промышленности на фоне топливного плана, приходится сначала указать на то, что нефтяная промышленность не есть узко топливная, как, например, каменноугольная; с другой стороны, одной из серьезнейших ее задач является экспорт н/продуктов. Для характеристики этих моментов можно привести следующие соотношения, в которых распределяется поступающая на рынок общая масса нефтепродуктов.

	По количеству	По стоимости
I. а) Топливо	66,2%	45%
б) Проч. нефтепродукты . .	33,8%	55%
II. а) На внутренний рынок . .	74,8%	72%
б) „ экспорт	25,2%	28%

План каменноугольной промышленности на 1925/26 г. *Таблица № 3*

(Милл. пуд.)

	Добыча брутто							Добыча нетто					ПРИМЕЧАНИЕ
	1913 г.	1924/25 г.			1925/26 г.			1924/25 г.			1925/26 г.		
		Программа	Фактическая *	В %/% от программы	Программа	Программа в %/% от добычи 1913 г.	Программа в %/% от добычи 1924/25 г.	Программа	Фактическая *	В %/% от программы	Программа	Программа в %/% от добычи 1924/25 г.	
А. Районы общесоюзн. знач.													
Донуголь		554,0	559,9	102,0	845,0		151,0	469,1	484,5	103,0	752,8[2]	155,2	[1] В 1924/25 г. было произведено перераспределение отдельных рудников между Кузбассом и АИК, в силу чего программное исполнение следует брать по сумме добычи в обоих местах.
Мелкая промышлен.		10,7	9,0	85,0	68,0		755,0	9,6	8,2	85,0	62,5	733,0	
Итого		564,7	568,9	101,0	913,0		160,5	478,7	492,7	103,0	815,3	165,5	
Югосталь		133,8	146,7	109,5	200,0		136,3	113,1	121,1	107,2	179,0	148,1	
Химуголь		25,0	24,2	97,0	40,0		165,3	22,1	21,1	95,5	37,3	177,0	
Транспорткопи		31,5	33,2	105,0	44,0		132,7	26,9	27,8	103,2	38,3	137,8	
Итого по Донбассу	1.543,0	755,0	773,0	102,2	1.197,0	77,5	155,0	640,8	662,7	103,2	1.069,9	161,5	
Москвуголь	18,3	39,0	38,8	86,6	50,0	273,0	148,0	34,3	31,3	91,0	47,5	151,5	
Кузбасстрест [1]	47,2	42,0	31,4	75,0	45,0	189,0	143,5	34,6	27,2	78,5	39,9	146,6	
АИК Кузбас [1]		10,6	27,0	233,0	44,5		164,8	9,4	23,6	251,0	40,1	169,9	
Итого по Кузбассу	47,2	52,6	58,4	111,0	89,5	189,0	153,1	44,0	50,8	115,5	80,0	157,2	
Черембас	28,7	12,2	13,0	107,0	23,6	82,0	181,5	11,6	12,4	107,0	22,9	184,5	
Итого по районам общесоюзн. значен.	1.637,2	858,8	883,2	102,9	1.360,1	83,2	154,2	730,7	757,2	103,5	1.220,3	161,0	
Б. Районы республ. значен.													
Кизелтрест	53,8	40,0	48,0	120,0	65,0	121,5	135,5	37,0	45,8	123,8	63,1	137,5	
Богословский	11,3	14,0	14,0	100,0	14,0	124,0	100,0	13,1	13,1	100,0	13,1	100,0	
Егортрест	0,2	4,4	3,1	70,6	4,5	225,0	145,0	4,0	3,3	82,5	4,2	127,5	
Челябинский	7,8	11,5	13,0	113,0	16,0	205,0	123,0	10,0	12,4	124,0	15,0	121,0	
Итого по Уралу	73,1	69,9	78,1	112,0	99,5	136,0	126,5	64,1	74,6	116,5	95,4	127,8	
Сучанские	10,0	13,3	14,0	105,0	15,0	150,0	107,0	11,8	11,5	97 5	13,0	113,0	
Артемовские	9,0	13,5	15,5	115,0	19,5	211,5	125,5	11,1	13,0	117 0	17,0	130,5	
Кавдинские	не работ.	3,6	4,2	116,5	4,8	не работ.	114,2	3,1	3,7	119,0	4,2	113,5	
Черновские	17,8	8,0	9,0	112,0	9,5	53,4	105,5	7,2	8,4	116,6	8,8	104,6	
Итого по ДВО	36,8	38,4	42,7	111,0	48,8	132,8	114,1	33,2	36,6	110,0	43,0	117,2	
Хакасские	1,5	1,2	1,5	125,0	2,5	166.5	166,5	1,0	1,4	140,0	2,3	164,2	
Итого по район. РСФСР	111,4	109,5	122,3	111,8	150,8	135,2	123,0	98,3	112,6	114,8	140,7	125,0	
Туркестанские	8,4	5,8	4,8	82,5	6,2	73,8	128,1	4,1	3,2	78,0	4,4	137,5	
Закавказские	4,4	3,8	3,8	100,0	5,4	122,5	142,0	3,6	3,7	102,5	5,3	141,8	
ВСЕГО по СССР	1.761,4	977,9	1.014,1	103,8	1.522,5	86,4	150,0	836,7	876,7	104,8	1.370,7	156,5	

[2] Расход на собств. нужды по Донуглю принимается 92,2 милл. пуд., т. е. без учета газа коксов. печей, коксика, шлама и пр.

* По предварительным данным

План работ нефтяной промышленности на 1925/26 г., принятый Госпланом, приведен в табл. № 4, а возможный при выполнении этого плана добывной баланс с выделением интересующей в данном случае топливной слагающей дан в табл. № 5.

Относительно производственного плана нефтяной промышленности необходимо сказать то же, что и по каменноугольному плану— построен план по max. производственных возможностей и выполнение его возможно лишь при широком развертывании буровых работ, обеспечивающих как добычу текущего года, так и являющихся основной базой дальнейшего развития добычи нефти.

Не проводя здесь более детальной оценки плана, необходимо лишь подчеркнуть одно, что направление работы нефтяной промышленности, в силу указанных вначале причин, не может слепо следовать за обстоятельствами, диктуемыми интересами топливного плана. Обстановка же текущего момента такова, что вопрос нефтеснабжения в 1925/26 году стал особенно остро. Целый ряд причин, как то: низкие цены на нефтетопливо, наличие некоторого количества запасов в прошлом году и пр., привели к сильной тяге потребителей на нефть и вызвали к концу п/года резкое повышение нефтяного режима (не всегда имевшего под собой достаточно оснований), удовлетворить который полностью в текущем году оказалось невозможным. При спросе на нефтетопливо на 1925/26 г. в 285 милл. пуд. более или менее обеспеченным расход его может быть в размере 245—250 милл. пуд. Несмотря на проводимое в текущем году некоторое сжатие потребления нефтетоплива, все-таки необходимо считаться с тем, что в будущем году рост потребления нефтетоплива по абсолютной величине неизбежен. Относительное же участие нефтетоплива в общем топливном балансе будет продолжать сокращаться (см. табл. № 7).

Противодействуя всячески, появившимся под влиянием момента, тенденциям—свернуть опять нефтяную промышленность „на мазутный" путь, необходимо признать, что топливный вопрос, на-ряду с прочими требованиями, предъявляемыми к ней, ставит нас перед необходимостью дальнейшего ее развития. Доведя добычу нефти в текущем году почти до довоенных размеров, мы, как практически достижимый минимум, должны на будущий год иметь добычу в 600 милл. пуд. Однако, и при этом увеличении добычи мазутный вопрос едва ли может быть разрешен без тех ограничений, какие мы имеем в текущем году.

Возможность дальнейшего расширения добычи нефти в будущем году есть прямое следствие выполнения намеченного объема капитальных работ и, главным образом, программы буровых работ.

В. Местные топлива

Говоря о мероприятиях в отношении отдельных отраслей топливодобывающей промышленности, необходимо остановиться на одном моменте. Подходя к довоенным (1912/13 г.) размерам добычи

Таблица № 4

Производственный план нефтяной промышленности на 1925/26 г.

		Баку	Грозный	Эмба	Кубан.-Черн.	Фергана и Челикен	Всего по СССР
Добыча	1. Добыча нефти в 1913 г. в милл. пуд.	467,4	73,7	6,0	5,35	9,4	561,85
	2. Факт. добыча нефти и газа в 1924/25 г.[1]	294,2	126,0	12,0	4,7	(1,2)	438,1
	3. Производств. план на 1925/26 г.						
	а) добыча нефти	338,8	141,1	16,0	6,3	(2,5)	—
	б) „ газа	7,5	3,0	0,3	—	—	—
	в) Кустанной нефти	7,0	—	—	—	—	—
	Всего по району	353,3	144,1	16,3	6,3	(2,5)	522,5
	4. В % от добычи 1913 г.	76%	192%	272%	126%	27%	93%
	5. Увеличение в % от 1924/25 г.	21%	14,5%	36%	34%	(108%)	19%
	6. Расход топлива и потери на местах добычи и перер.	69,0	24,4	4,4	0,9	0,4	99,1
Переработка	7. Программа переработки милл. пуд.	212,0	128,5	10,0	5,4	(1,2)	357,1
	8. Выход нефтепродуктов:						
	а) нефтетопливо (включая остат. непереработ. сырой и экспорт. нефти)	188,0	79,6	6,5	3,2	1,8	279,1
	б) осветительн. смазочн. масла и прочие н/продукты	96,3	40,1	4,2	1,8	0,3	142,7
	Всего	284,3	119,7	10,7	5,0	2,1	421,8
Бурение	9. Бурение 1913 г. по пог. саж.	78.171	29.482	4.308	14.475	н. св.	126.436
	10. „ 1924/25 г. „ „	57.165	26.660	1.837	1.325	н. св.	86.987
	11. Программа буровых работ в 1925/26 г.:						
	а) бурение на промыслах	69.737	34.714	2.613	2.002	н. св.	109.066
	б) разведочное на новых площад.	2.007	2.000	650	—	—	4.657

[1] По предварительным данным.

Таблица № 5

АКТИВ	Нефтетопливо	Проч. нефтепродукты	Всего	ПАССИВ	Нефтетопливо	Проч. нефтепродукты	Всего
А. Баланс сырой нефти в милл. пуд.							
1. Запасы сырой нефти на промыслах на 1/X 1925 г. . .	—	—	33,9	1. Расход топлива и потери на местах добычи и перераб. .	—	—	99,1
				2. Выработка нефтепродуктов	279,1	142,7	421,8
2. Валовая добыча нефти и газа	—	—	522,5	3. Запасы сырой нефти на промыслах на 1/X 1926 г. .	—	—	35,5
Баланс	—	—	556,4	Баланс	—	—	556,4
Б. Баланс нефтепродуктов							
1. Запасы нефтепродуктов на 1/X—1925 г.				1. Расход на соб. нужды и утечка у нефтесиндик. .	3,5	—[1]	3,5
а) на промыслах	21.9	14.8	36,7	2. Реализация			
				а) на внутреннем рынке .	241,4	65,6	307,0
б) у нефтесиндиката . .	90.7	44 8	135,5	б) экспорт	33,5	68,9	102,4
	112,6	59,6	172,2		274,9	134,5	409,4
2. Выработка нефтепродуктов .	279,1	142,7	421,8	3. Запасы нефтепр. на 1/X 1926 г.			
				а) на промыслах	21,0	15,2	36,2
				б) у нефтесиндиката . .	92,3[2]	52,6	144,9
					113,3	67,8	181,1
Баланс	391,7	202,3	594,0	Баланс	391,7	202,3	594,0

[1] Утечка прочих нефтепродуктов отдельно не учтена.
[2] Включая резервный фонд установленный пост. СТО от 21/X 1925 г.

и потребления топлива, мы неизбежно попадаем в характерное для этих лет положение, так называемого „органического“ дефицита топлива, получавшегося вследствие хронического отставания каменноугольной и нефтяной промышленности от общего промышленного роста страны, когда пополнение дефицита шло в значительной мере за счет импорта заграничного угля.

В настоящее время, когда каменно-угольная и нефтяная промышленность утратили опережающий момент в своем развитии, растущее потребление транспорта и промышленного Юга будет в значительной мере поглащать возможный прирост добычи донецкого топлива и нефти и, следовательно, такие промышленные районы, как Центральный и Сев. Западный, будут попадать в тяжелые условия топливоснабжения. Поэтому, на время избытка топлива забытый вопрос о „местных“ топливах—дровах, торфе и местных углях-должен вновь привлечь к себе самое серьезное внимание. Одновременно с этим и вопрос о расширении электрификации, как одно из средств, влияющих на разрешение топливной проблемы, должен быть выдвинут с еще большей отчетливостью.

Дрова

Необходимость сверстать план 1925/26 г. и 1926/27 г. прежде всего заставляет обратиться к дровам. Здесь мы будем говорить лишь об обороте тех дров, которые идут для промышленно-технического потребления (ввиде дров и древесного угля), не касаясь вопроса о снабжении и потреблении дров населением. Конкретно в текущем году становится задача довести дровозаготовки для промышленно-технической группы потребителей до 5 милл. *куб. см.* Под давлением избытка минерального топлива и при наличии больших запасов, в прошлом году общий размер поступлений дров (самозаготовками и закупкой) для этой группы определяется примерно в 3,3 милл. *куб. см.* Следовательно, предстоит развернуть вновь (в большинстве случаев собственные) дровозаготовки на 1,7 милл. *куб. см.* Задача трудная, но совершенно необходимая для обеспечения топливоснабжения 1925/26 и следующего года, так как неиспользование наступившего зимнего сезона приведет к сильному истощению запасов и в корне подорвет возможность сколько нибудь нормального хода дровоснабжения. Для текущего момента вопрос осложняется целым рядом обстоятельств: с одной стороны, имевшими место ненормальностями при проведении торгов на лесосеки, а с другой стороны—крайней инертностью в получении лесосек самих потребителей, до сознания коих еще не дошла необходимость в этом, вызванная резко меняющейся обстановкой топливоснабжения. Последнее обстоятельство особенно опасно при массе децентрализованных потребителей и заготовителей. Во всяком случае выправление этого слабого места в топливном балансе должно стать задачей ударной.

Обращение столь усиленного внимания на дрова совершенно не означает „деминерализации“ топливного баланса, так как при его быстром росте роль дров не только не будет увеличиваться, но даже быстро уменьшится. Вопрос здесь сводится к тому, чтобы в условиях недостатка топлива полностью использовать этот ресурс в его практически доступных размерах. Дровозаготовки для нужд промышленного технического потребления в размере около 5,5 милл. *куб. см* (против 6—7 милл. *куб. см* довоенных) даже в настоящих условиях истощения наиболее удобных лесосек надо признать вполне возможными, но, с другой стороны, для будущих планов вероятно предельными.

Торфодобыча

Для плана 1925/26 г. мероприятия в отношении торфодобычи, конечно, не могут иметь какого либо значения. Но та тревога, которую вызывает вопрос топливоснабжения Центрального, Сев. Западного и Уральского районов, должна привести к тому, чтобы сезон 1926 г. был использован в полной мере в тех производственных возможностях, какие уже имеются в торфяном деле.

Не говоря пока об организации новых крупных торфяных хозяйств (кроме электростроительства), можно рассчитывать, что в сезон 1926 г. добыча может быть доведена до 270 милл. п., из коих:

Машинного и гидроторфа	210	милл. п.
Резного для промышлен.	15	„ „
„ „ населения	45	„ „

Но и здесь, при децентрализованности торфяных хозяйств и при отсутствовавших до сих пор стимулах к расширению добычи, нужно приложить не мало усилий, чтобы добиться поставленной задачи расширить добычу со 191 милл. п. п/года до 270 милл. п. в 1926 г.

Учитывая же дальнейшие перспективы топливоснабжения, нужно было бы уже теперь сделать определенные шаги к разрешению торфяной проблемы в более широком масштабе.

Топливные рессурсы и их использование

Подводя итоги производственному плану (данные в таблице № 6), мы видим, насколько велико напряжение работы топливной промышленности в текущем году, когда развертывание добычи должно быть произведено:

По кам.-угольн. промышленности	52%
„ нефтяной „	18,5%
„ дровозаготовкам	53,5%
„ торфодобыче	42%

Таблица № 6

Добыча топлива

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г. план	1926/27 г. предполож.
1. Дровозаготовки в т. к. с., для пром.—техн. потреблен. . .	4822	3291	5052	5591
±в % от предыд. года . . .	—	−32%	+53,5%	+10%
2. Торфодобыча м. п. машин. и резной	195,0	191,0	270,0	320,0
±в % от предыд. года . . .	—	− 2%	+42%	+18,5%
3. Каменно-угольн. топл. в м. п.	974,0	1006	1529	1845
±в % от предыд. года . . .	—	+3,5%	+52%	+21%
4. Нефть валов. добыча в м. п.	373	438	522,5	600,0
±в % от предыд. года . . .	—	+17,5%	+18,5%	+15%

Возвращаясь теперь к вопросу о возможности удовлетворения предъявленного спроса на топлива, в табл. № 7 дано проектируемое планом топливоснабжения на 1925/26 г. покрытие намеченного выше расхода по отдельным видам топлива. В табл. № 8 приведена динамика состояния запасов к началу года за предыдущие годы и как они выявляются в соответствии с производственным планом и планом топливоснабжения на 1925/26 г. и предположительными данными на следующий год.

Имея приведенные выше данные, мы можем свести ориентировочный топливный баланс (промышленно-технический), который дает наиболее полное представление общего положения топливоснабжения страны.[1]

Сопоставляя имеющиеся топливные рессурсы (добычу и запасы к началу года) с предъявленным спросом на топливо, мы приходим к выводу, что удовлетворение намеченного планом расхода топлива возможно лишь при условии:

1) Полного выполнения производственных заданий по добыче; но, кладя в основу плана топливоснабжения в полной мере эту часть топливных рессурсов, мы проявляем большой оптимизм. При этом:

2) Продукция каменно-угольной и нефтяной промышленности полностью идет на покрытие текущих нужд потребления. В отношении торфа и дров используются полностью имеющиеся к началу года запасы, причем дровяной расход на 20% должен быть покрыт из заготовок текущего года.

3) Намеченное на 1925/26 г. удовлетворение общего расхода топлива по отдельным его видам (см. табл. № 7) не всегда соответствует тем требованиям, какие предъявляются самими потребителями (главным образом в отношении нефтетоплива), и, покрывая суммарный расход, все же неизбежно мы будем иметь у отдельных потребителей ломку топливного режима, установившегося к началу текущего года.

[1] Цифры в балансе 1924/25 г. взяты по предварительным данным и поэтому подлежат еще уточнению, но для относительного сравнения с последующими годами мы считаем возможным ими воспользоваться.

Таблица № 7

Промышленно-техническое потребление

ТОПЛИВО	1923/24 г.	В %% от общего итога	1924/25 г.	В %% от общего итога	1925/26 г. план.	В %% от общего итога	1926/27 г. предпол.	В %% от общего итога
1.—Древесное топл. т. к. с.[1]. ± % от пред. года . . .	4532	37,6	4141 −8,5%	28,8	4645 +12%	22,5	5100 +10%	21,5
2.—Торф в милл. пуд. . . . + % от пред. года . . .	130,5	4,6	169 +30%	4,9	203 +20%	4,3	270 +33%	5,0
3.—Кам.-уг. топливо милл. п. + % от пред. года . . .	650	39,2	856 +31,5%	46,3	1305 +52,5%	56,6	1520 16,5%	57,9
4.—Нефтетопливо милл. пуд. + % от пред. года . .	174,5	18,6	224,1 +28,5	20,0	247,3 +10,5	16,6	270 9%	15,6
Всего усл. 7.000 кал топл.	1366	100%	1613 +18%	100%	2133 +33%	100%	2471 +16%	100%

Таблица № 8

Состояние запасов топлива

Запасы на 1 октября	1923 г.	1924 г.	1925 г.	план 1926 г.	предпол. 1927 г.
I.—Дрова и древесн. уголь, привед. к тыс. куб. саж.					
а) запасы в тыс. к. саж.	(4500)	4752	3902	4309	4800
б) обеспечен. расхода след. года в мес.	12,0 м.	13,8	10,1	10,1	(10,5)
II.—Торф.					
а) запасы в милл. пуд.	133,0	192,0	209	270	313
б) обеспечен. расхода след. года в мес.	12,3	13,6	12,3	12,0	12,0
III.—Кам.-уг. топливо.					
а) запасы общие м. п.	193,0	349,5	333	327,5	376,5
в т. ч. некоммерческ. . . .	26	31,0	45	54,5	65
а[1]) Запасы комм. сортов	167	318,5	288	273,0	311,5
б) обеспечен в мес. по расходу средн. между 2-мя смежными годами	3,4 м.	5,1 м.	3,2 м.	2,3 м.	(2,3)
IV.—Нефтетопливо.					
а) Запасы милл. пуд.	(150)	180,3	160,6	155,6	175,6
б) обеспечен. в мес. по расх. след. года	10,3	9,7	7,8	6,9	(7,0)

[1] Дрова и древесн. уголь, привед. к тыс. к. с.

АКТИВ — **Ориентировочный топливный баланс (промышленно-технический) за 1924/25—1926/27 г. г.** — ПАССИВ

ТОПЛИВО	Запасы к началу года: На мест. добычи и заготовки	Запасы к началу года: На внутренних складах	Запасы к началу года: У потребителей	Запасы к началу года: Всего запасов	Добыча и заготовка	Импорт	ВСЕГО АКТИВ	Потребление топлива: Топливо и потери на мест. добычи и заготовки	Потребление топлива: Промышлен. технич. потреблен.	Потребление топлива: Всего	Экспорт топлива	Запасы к концу года: На местах добычи и заготовки	Запасы к концу года: На внутренних складах	Запасы к концу года: У потребителей	Запасы к концу года: Всего	ВСЕГО ПАССИВ
I. Древесное топливо[1] приведен. к тыс. куб. саж.																
1924/25 г.	—	—	—	4.752	3.291	—	8.043	(247)[2]	(3.894)	4.141	—	—	—	—	3.902	8.043
План 1925/26 „	—	—	—	3.902	5.052	—	8.954	(340)	(4.305)	4,645	—	—	—	—	4.309	8.954
Предпол. 1926/27 „	—	—	—	4,309	5.591	—	9.900	(340)	(4.760)	5.100	—	—	—	—	4.800	9.900
II. Торф в милл. пуд. нат. веса																
1924/25 г.	—	—	—	192 0	190,8	—	382 8	4,6	169,1	173,7	—	—	—	—	209,1	382,8
План 1925/26 „	—	—	—	209,1	270,0	—	479,1	5,7	203 4	209,1	—	—	—	—	270,0	479,1
Предпол. 1926/27 „	—	—	—	270,0	320,0	—	590,0	7,0	270,0	277,0	—	—	—	—	313,0	590,0
III. Каменноугольное топливо в милл пуд. нат. веса																
1924/25 г.	143,7	23,5	182,3	349,5	1.006,0	(4,3)	1.359,8	155,0	852,5[4]	1.007,5	19,4	102,8	13,2	216,9	332,9	1.359,8
План 1925/26 „	102,8	13,2	216,9	332,9	1.529,3	31,0	1.893,2	227,0	1.304,4	1.531,4	34,4	105,7	12,4	209,3	327,4	1.893,2
Предпол. 1926/27 „	105,7	12,4	209,3	327,4	1.845,0	40,0	2.212,4	267,0	1.525,0	1.792,0	44,0	—	—	—	376,4	2.212,4
IV. Нефтетопливо в милл. пуд. нат. веса																
1924/25 г.	35,8	98,0	46,5	180,3	438 / 329,8[3]	—	510,1	95,6	224,2	319,8	29,7	21,9	90,7	48,0	160,6	510,1
План 1925/26 „	21,9	90,7	48,0	160,6	522 / 378,2	—	538,8	102,5	247,2	349,7	33,5	21,0	92,3	42,3	155,6	538,8
Предпол. 1926/27 „	21,0	92,3	42,3	155,6	600 / 435,0	—	590,6	105,0	270,0	375,0	40,0	—	—	—	175,6	590,6
ВСЕГО милл. пуд. условн. 7.000 кал. топл.:																
1924/25 г.	—	—	—	1.209,8	1.853,5	4,3	3.067,6	312,1	1.613,4[4]	1.925,5	61,2	—	—	—	1.080,9	3.067,6
План 1925/26 „	—	—	—	1.080,9	2.646,9	31,0	3.758,8	400,0	2.136,5	2.536,5	81,2	—	—	—	1.141,1	3.758,8
Предпол. 1926/27 „	—	—	—	1.141,1	3.134,0	40,0	4,315,1	447,0	2.471,0	2.918,0	100,0	—	—	—	1.297,1	4.315,1

[1] Дрова и древесный уголь приведенный к тыс. куб. саж. потребляемых дров.
[2] Условная цифра—потеря при выжиге древесного угля, приведенная по тепловому эквиваленту к тыс. куб. саж.
[3] Верхняя цифра—валовая добыча нефти, нижняя—нефтетопливо.
[4] В эту цифру включено полное потребление углей ДВО, которые в табл. 1 учтены не полностью, этим и отличаются итоги табл. 1—1.602 м. и баланса 1.613,4 м. п.

Состояние запасов топлива

Желая полностью удовлетворить потребление текущего года, нельзя не считаться с тем, как это отразится на состоянии запасов в течение года и к концу его и в какие условия будет поставлено топливоснабжение страны в будущем году.

Анализ состояния запасов за ряд лет, данный в табл. № 8, рисует следующую картину:

На 1 октября 1924 г. мы имели явно избыточные запасы по всем видам топлива, явившиеся следствием значительного опережения топливной промышленностью роста потребления топлива в 1923/24 г. и приведшего к значительному накоплению запасов.

Это обстоятельство заставило пойти в 1924/25 году при составлении плана на более медленный темп развертывания топливной промышленности и сократить дровозаготовки, так как кризис сбыта минерального топлива делал наличие почти 14 мес. дровяных запасов явно обременительным.

Таким образом основной задачей плана топливоснабжения на 1924/25 г. было задание добиться известного равновесия между потреблением топлива и его добычей, удерживая запасы в соответствии с ростом потребления. Фактический ход выполнения плана топливоснабжения дан в табл. № 10.

Таблица № 10

План 1924/25 г. и его выполнение [1]

	Дрова т. к. с.	Торф милл. пуд.	Уголь милл. пуд.	Нефтетопл. милл. пуд.	Всего 7.000 с.
А. Расход					
План	4.078	160	833 [2]	204,5	1546,0
Фактически . . .	4.141	169	852 [2]	224,1	1613,0
В %/% от плана .	101,7	105,6	102,3	109,7	104,3
Б. Добыча и загот.					
План	3.552	182	837 [3]	230 [4]	—
Фактически . . .	3.291	191	877 [3]	237 [4]	—
В %/% от плана .	92,7	105,0	104,8	103,0	—

Намечавшийся на 1924/25 г. план в части расхода топлива выполнен в общем с небольшим превышением в 4,3%, главным образом, за счет начавшегося уже в 4 квартале п/г. значительного роста потребления топлива.

[1] По предварительным данным.
[2] Включая и угли ДнО.
[3] Добыча нетто.
[4] Выход нефтетоплива нетто.

Несколько большему против плана потреблению по углю и по торфу соответствует и повышенная их добыча. В отношении же дров и нефтетоплива имеются некоторые невязки против плана:

а) по дровам имеется отставание дровозаготовок на 7—8%,

б) по нефти—перерасход ее около 10%.

Эти обе невязки, не влияя на ход топливоснабжения в истекшем году, отражаются прежде всего на состоянии запасов на 1 октября 1925 года. В отношении нефтетоплива особенно чувствительным является то обстоятельство, что перерасход нефтетоплива, главным образом, во втором полугодии 1924/25 г. создал настолько высокий нефтяной режим потребителей, что обеспечение его в 1925/26 г. по условиям добычи и завоза нефтетоплива не представляется возможным. Израсходование же против плана в п/г. 20 милл. пуд., бывших избыточными, остатков резко ухудшает процесс снабжения нефтетопливом в текущем году.

Запасы на 1 октября 1925/26 г.

Все же, несмотря на эти невязки, в общем мы вышли к 1 октября 1925 г. с запасами более или менее нормальными, обеспечивающими снабжение даже при наличии уже повышенного к концу 1924/25 г. потребления топлива и начало года протекает без каких-либо серьезных нарушений топливоснабжения.

Имея достаточно производительных возможностей, можно было бы в соответствии с ростом потребления вести и пополнение запасов, удерживая, таким образом, процесс топливоснабжения в нормальных соотношениях между добычей и потреблением.

Однако, удовлетворение полностью наметившегося спроса на топливо, даже при полном выполнении топливных программ, лишает возможности произвести хоть сколько нибудь значительное накопление по абсолютной величине запасов к концу текущего года (и, наоборот, по углю и нефти запасы даже снижаются) (см. табл. № 8). Следовательно, при растущем потреблении топлива, их относительная величина и степень обеспечения должны еще более понижаться, а это, при неблагоприятных прочих обстоятельствах, может привести к резкому ухудшению положения топливоснабжения страны.

Такое положение тем более опасно, что при минимальных запасах топливоснабжение становится в громадную зависимость от работы транспорта. Если же учесть, что и сам транспорт уже работает без всяких резервов, то такие обязательства, как снабжение Северо-Западной области донтопливом или центрального промышленного района—нефтетопливом цистернами из Петровска и Грозного, еще более усложняют и работу транспорта и процесс

топливоснабжения. Таким образом, и с транспортной стороны план топливоснабжения будет проходить с большим напряжением.

Оценивая вероятные перспективы на будущий год, необходимо прежде всего отметить, что вступим в него мы с очень небольшими запасами. Поэтому, помимо удовлетворения растущего потребления топлива, к добыче будущего года будет проявлено требование соответствующего накопления запасов. С другой стороны, оценивая с достаточным оптимизмом добывные возможности топливной промышленности и ограничиваясь степенью обеспеченности в запасах тем же низким уровнем как и на 1 октября 1926 г. (см. баланс и табл. № 8), можно сказать, что удовлетворение расхода топлива едва ли будет возможно в размере свыше 2.470 милл. пуд. Это обстоятельство указывает на то, что будущий год нам сулит может быть еще большие затруднения в топливоснабжении или прямое ограничение в дальнейшем развитии промышленной жизни Союза. Поэтому особенно важным является своевременное проведение мероприятий, направляемых к обеспечению добычи текущего года и дальнейшего ее развития.

Выводы

Приведенный здесь топливный план на 1925/26 г. есть лишь ориентировочный и жизнь, возможно, потребует целого ряда коррективов к нему; но все же он нам позволяет сделать два основных вывода:

1. Намеченный план расхода топлива является предельным, и отклонения от него допустимы лишь в одну сторону его снижения.

2. Выявляющиеся при этом запасы топлива к концу 1925/26 г. надо признать минимально-допустимыми, требующими весьма большой четкости в работе механизма топливоснабжения страны, чтобы удержать его при таком напряжении от перебоев.

Если в прошлом году необходимо было регулирование добычи в зависимости от потребления, не допуская перепроизводства, то при проведении в жизнь плана текущего года стоит задача совершенно обратная—добиться равновесия между возможными размерами добычи и потреблением, не допуская снижения запасов до размеров угрожающих перебоями в топливоснабжении страны.

Быстрый скачек в потреблении топлива, резко изменивший положение топливоснабжения, не дал возможности иметь сколько-нибудь длительный промежуток времени устойчивого равновесия. Поэтому сложившаяся обстановка заставляет обратить самое серьезное внимание на проведение в жизнь плана капитальных работ и пр. мероприятий в топливной промышленности с тем, чтобы этот год был использован как подготовка к еще более повышенным требованиям будущих лет.

В. А. Базаров

О методах исчисления производительности труда

Вопрос о способах и приемах определения производительности труда оживленно дискутируется в советской России уже не один год; но нельзя сказать, что в настоящее время мы ближе к его единодушному решению, чем в те времена, когда он впервые возник в нашей прессе. Столь скромный результат столь энергичных дебатов не может быть всецело объяснен сложностью обсуждаемой темы. Бесспорно, исчисление динамики производительности труда в полном и строгом соответствии с принципами, вытекающими из основного задания, представляет огромные технические трудности и при современном состоянии статистических источников нашего познания, строго говоря, не выполнимо. На практике нам приходится пользоваться заведомо неточными методами, делать целый ряд условных допущений, не вполне отвечающих действительности. Но спор идет не о размерах вероятных ошибок, вызываемых неизбежными отклонениями от принципиально выдержанной методологии исчисления, а о самых основах метода, о „понятии“ производительности труда, о постановке проблемы, т. е. все о таких вещах, которые не должны бы, казалось, возбуждать никаких разногласий среди мало-мальски грамотных экономистов, да еще исповедующих монолитное учение К. Маркса. Невольно рождается мысль: не следует ли искать разгадки упорства диспутантов в старом афоризме: „если бы чьим-либо интересам противоречил тот факт, что два-жды-два—четыре, то истина эта и до сих пор бы еще оспаривалась“?

Предположение это, однако, влечет за собой новую проблему: возможно ли, чтобы в нашей, если еще не социалистической, то во всяком случае находящейся в руках правящего пролетариата промышленности создавались такие сочетания интересов, которым противоречило бы методически корректное исчисление производительности труда? Последний вопрос не может быть решен попутно. Он несравненно сложнее проблемы измерения производительности труда; его добросовестное исследование потребовало бы глубокого и детального анализа социальной структуры советского хозяйства, что никоим образом не входит в задачу настоящей заметки. Я позволю себе, поэтому, принять без исчерпывающих доказательств, в виде условного допущения, что здесь имеет место не действительное, а мнимое противоречие: что правильное исчисление динамики производительности труда одинаково желательно для всех деятелей советской хозорганизации и лишь кажется неприемлемым некоторым из наших хозяйствен-

ников исключительно по причине неверного понимания ими тех интересов, которые они считают себя призванными отстаивать.

В самом деле, допустим, в виде примера, что среди рабочих какой-либо капиталистической страны наблюдается упорно и активно проявляющаяся тенденция настаивать на повышении заработной платы параллельно повышению производительности труда. Каждое отдельное предприятие тем легче и безболезненнее может итти навстречу требованиям повышения зарплаты, чем меньше доля этой последней в продажной цене продукта; причем с точки зрения ближайших интересов частного предпринимателя совершенно безразлично, почему именно изменяется отношение между зарплатой и ценой продукта: вследствие органических перемен в структуре производства, связанных с ростом производительности труда, или же вследствие благоприятной рыночной конъюнктуры, повышающей цены при неизменной и, быть может, даже ухудшающейся структуре производства. Очевидно, что для частного предпринимателя было бы не безвыгодно убедить рабочих, что производительность труда должна измеряться не количеством, а ценностью, или, лучше сказать, продажной ценой продукта, приходящегося на единицу рабочего времени. Внушив рабочим такое убеждение, частный предприниматель сделал бы некоторый шаг в сторону гармонизации классовых интересов, и даже самые горячие противники классовой гармонии не могли бы поставить ему в вину этого благонамеренного извращения понятий, ибо ни в одном коллективном договоре с частными предпринимателями не предусматривается обязанность хозяина обучать рабочих марксистской „политграмоте".

Но можно ли провести хотя бы отдаленную аналогию между этим гипотетическим случаем из чуждого нам мира частно-хозяйственных отношений и тем изумительным упорством, с каким марксисты З. Ледер, А. Гинзбург, А. Рабинович и многие другие высоко-авторитетные деятели на ниве нашей обобществленной промышленности отстаивают принцип „ценностного" измерения производительности труда? Совершенно ясно, что никакой аналогии здесь быть не может; представители государственного советского хозяйства кровным образом заинтересованы в том, чтобы рабочие строили политику заработной платы на основе отчетливого понимания всей сложности взаимоотношений между производительностью труда, себестоимостью, продажной ценой и другими входящими в задачу величинами. Источник ошибочных суждений в гипотетическом и действительном случае не может быть одинаковым и принятое выше условное допущение является, как мне кажется, при наличных обстоятельствах достаточно оправданным без дальнейших доказательств.

Исчерпывающий анализ проблемы построения измерителей производительности труда не входит в мою задачу. В 8-й книжке „Планового Хозяйства" С. Струмилин [1] подробно разобрал относящиеся

[1] См. его статью: „К методологии изучения зарплаты и производительности труда".

сюда основные методологические вопросы. Отсылая читателя к этой работе, я постараюсь не повторять сказанного там и остановлюсь лишь на тех сторонах темы, которые С. Струмилиным не освещены или недостаточно ярко подчеркнуты.

Успешность труда зависит от различных факторов, которые могут быть сведены к четырем основным категориям: 1) бо́льшее или меньшее совершенство технического оборудования, 2) более или менее рациональное использование наличного оборудования, 3) бо́льшая или меньшая напряженность труда, 4) квалификация труда. Первая категория не нуждается в комментариях. Что касается факторов второй категории, то я выделил их потому, что в нашей литературе их роль зачастую неверно интерпретировалась; утверждалось, например, что выработка в единицу рабочего времени (на один человеко-день, или человеко-час) неправильно учитывает рост производительности труда, так как повышается с увеличением нагрузки предприятия, хотя бы при этом не происходило никакого „реального" возрастания производительности труда, т. е. ни технических улучшений, ни интенсификации труда. В действительности „загрузка" (более полное и более рациональное использование наличного оборудования) играет в системе производительных сил общества совершенно такую же роль, как и введение новых машин, является столь же реальным фактором повышения производительности труда. „Загрузка", согласованность работы отдельных механизмов (НОТ), переход с односменной работы к двух или трех-сменной и др. методы рационализации труда при данной его напряженности вместе с усовершенствованием технического оборудования составляют тот элемент совокупной производительности труда, который Маркс называл „производительной силой труда".

Недоумение может вызвать далее упоминание о квалификации труда наряду с интенсивностью, т. е. количеством энергии (эргов, килограммметров, уаттов), затраченной в единицу времени. Здесь речь идет о переменах в квалификации труда, вызываемых техническим прогрессом в рамках производства продуктов данного неизменного качества, а отнюдь не о сопоставлении по квалификации разнокачественных трудовых процессов, что вообще невозможно. Следует отметить, что изменений квалификации труда требуют не только вновь вводимые машины, но и новые методы использования наличных машин. Так, например, увеличение скорости работы машин, переход от управления одним станком к управлению двумя, тремя и более станками рассматриваются обыкновенно, как типичные случаи повышения интенсивности труда. Между тем, ни откуда не следует, что при этом количество эргов затраченной рабочим энергии должно увеличиваться в точном соответствии с выработкой. Здесь предъявляются повышенные требования не только к затратам нервно-мускульной силы, но прежде всего к профессиональному вниманию рабочего, к его интеллектуальной приспособляемости, к его общей культурности. Таким образом, рост интенсивности труда очень часто может быть осуществлен

лишь при повышении квалификации рабочего, причем оба эти элемента реально между собой неотделимы. Вот почему предложенный некоторыми авторами измеритель, учитывающий выработку на единицу затраченной рабочим энергии (на один эрг, килограмм-метр и т. д.) практически не осуществим; да если бы и был осуществлен, не имел бы отчетливого экономического смысла. В области факторов производительности труда возможно и экономически целесообразно построение двух и только двух частичных показателей: 1) показателя динамики объективных факторов производительности труда (прогресса техники и рационализации) и 2) показателя динамики субъективных факторов производительности труда (интенсивности и квалификации).

Однако, теория и техника исчисления этих нигде еще не применяемых показателей нас пока не интересует. Несомненно, во всяком случае, что прежде всего надо выработать методологию построения интегрального показателя, учитывающего совокупный результат совместного действия всех факторов производительности труда, ибо именно этим совокупным результатом характеризуется уровень развития производительных сил в каждой отдельной отрасли народного хозяйства. Задача такого показателя—выразить в числовых коэффициентах динамику экономической мощности той или другой производственной организации, как таковой, т. е. в зависимости исключительно от ее внутренней структуры и при прочих равных условиях.

В числе „прочих условий“, влияние которых должно быть элиминировано для выявления динамики производительности труда в ее подлинном виде, находятся прежде всего рыночные колебания цен и все вообще явления, связанные с господствующими в данном обществе формами и способами реализации продуктов. Это не значит, конечно, что рыночная конъюнктура не может оказать воздействия на уровень производительности труда; конъюнктура рабочего рынка, например, очень и очень заметно отражается на интенсивности труда. Но поскольку мы занимаемся в настоящий момент не исследованием причин, вызывающих колебания производительности труда, а хотим определить самый состав последней, ищем меру ее, как фактически наличной данности, мы должны держаться „по ту сторону“ не только рыночных цен, но и самых общих категорий рынка; мы должны найти такой измеритель, который был бы независим от того, где и как продаются продукты данного производства, и продаются ли они вообще или каким-либо иным способом распределяются между членами общества.

Из сказанного ясно, почему мерилом производительности труда могут служить не цены и не какие-либо идеальные „ценности“ (все равно, строим ли мы эти последние на основе общественно-необходимого труда, предельной полезности или иной теории), а исключительно натуральные количества продукта, изготовляемого в единицу рабочего времени. И если мы на практике пользуемся, обычно, не натуральными единицами продукции, а их валютированным выражением, то операция эта допустима лишь постольку, поскольку цены, взятые для

валютирования каждой натуральной единицы, строго фиксированы, неизменны на всем протяжении исследования. Мы чаще всего прибегаем к довоенным ценам. Но, по справедливому замечанию С. Струмилина, мы с таким же успехом могли бы взять цены любого года и даже просто „с потолка“.

Возьмем пример. Пуд угля стоил в довоенное время, скажем, 13 коп.; оценим его „с потолка“ в 13 милл. руб. Если забойщик вырабатывал в начале изучаемого нами периода 40 пудов в день, а в конце стал вырабатывать 80 пудов, то совершенно безразлично, помножим ли мы каждую из этих величин на 0,13 или на 13000000: отношение полученных произведений будет в обоих случаях равно 2. А ведь только для получения этого соотношения, характеризующего динамику производительности труда, мы и позволили себе взять в качестве суррогата или заместителя натуральных единиц некие неизменные цены. И, как мы видим, замещение это правомерно потому и только потому, что неизменные цены, входя одинаковым по величине множителем в числителя и знаменателя полученных нами отношений, тем самым автоматически устраняются, исчезают в процессе вычисления.

Подобного рода субституция совершенно недопустима, однако, там, где задачей является выражение абсолютной величины производительности труда, ибо цены, как экономическое явление, имеют совершенно иную природу, иную, как сказал бы физик, размерность, нежели производительность труда. Предположим, что нам известны величины двух сил, действующих на два тела равных масс, но ни эти массы, ни сообщенные им ускорения не известны. Мы имеем полное право сказать, что отношение ускорений должно быть равно отношению сил (ибо сила измеряется произведением массы на ускорение), но мы сказали бы полную бессмыслицу, если бы стали утверждать, что ускорение одного тела равно первой силе, ускорение другого тела—второй силе. Измерять производительность труда величинами, имеющими экономическую размерность „ценности“ (или „цены“) такая же нелепость, как выражать ускорение в килограммах, расстояние в минутах. Абсолютную характеристику данного уровня производительности труда можно дать лишь в аршинах, пудах или штуках продукта, отнесенных к единице рабочего времени,—производительность труда есть, так сказать, „первая производная“ натуральной выработки по рабочему времени, чем и определяется ее специфическая размерность.

Отсюда непосредственно следует, что производительность труда сравнима лишь в рамках производства данного качественно определенного продукта. Чей труд производительнее: металлиста, вооруженного всеми чудесами современной техники, или захолустного крестьянина, ковыряющего землю примитивной сохой? Каждый из нас чувствует инстинктивную склонность отдать предпочтение металлисту, и многие, писавшие о производительности труда, облекли этот безотчетный

позыв в сложную сеть псевдологических дедукций. Между тем, очевидно, вопрос этот просто нелеп, лишен всякого смысла и по своей логической структуре совершенно подобен вопросу: что больше,—одна секунда или 300.000 километров?

А раз это так, то единицу производительности труда в сложных производствах или во всем общественном производстве никоим образом нельзя исчислять путем суммирования разнокачественных продукций и деления этой суммы на количество затраченных рабочими человеко-дней. Будем ли мы суммировать валовую или чистую продукцию, будем ли выражать ее в довоенных, в современных ценах, или в трудовой стоимости,—в итоге мы получим фиктивную „сумму" качественно разнородных единиц или же некий реальный аггрегат, но не имеющий ничего общего с производительностью труда. Итак, на почве более „реального", более „близкого к действительности" метода—так многие рекомендуют учет посредством прямого суммирования продукции—перед нами открываются лишь две возможности: или получить сумму секунд с километрами, или измерить ускорение пудами. Tertium non datur. Динамика производительности труда может быть учтена только индексным методом.

Как мы только что убедились, дело идет здесь вовсе не о большей или меньшей точности исчисления. При известном подборе соотношений и прием суммирования валовой продукции может дать практически приемлемые цифры; существенно то, что только метод выведения средних из относительных имеет в данном случае методологический смысл,—метод же сравнения сумм конкретных продукций представляет и логически, и экономически сапоги в смятку. [1]

[1] Мы противопоставляем метод суммирования продукций индексному методу, имея в виду ходячее представление об индексе, как средней из относительных. Теория индексов предусматривает однако и первый метод под именем „аггрегатного". Если брать не среднюю арифметическую, а среднюю геометрическую, то аггретатный индекс технически перестает отличаться от средней из относительных. В самом деле, пусть $n_1, n_2, n_3 \ldots n_i \ldots$ количества человеко-дней, затраченных в различных отраслях производства. Назовем валютированную продукцию одного человеко-дня в соответственных отраслях буквами $a_1, a_2, a_3 \ldots a_k \ldots$ для первого момента, буквами $b_1, b_2, b_3 \ldots b_k \ldots$ для второго момента наблюдения. Применяя среднюю арифметическую (и обозначая сумму символическим знаком Σ), получим

I. Аггрегатный индекс $\frac{\Sigma n_i b_i}{\Sigma n_i} : \frac{\Sigma n_i a_i}{\Sigma n_i}$ или $\frac{\Sigma n_i b_i}{\Sigma n_i a_i}$

II. Средняя из относительных $\frac{\Sigma n_i \frac{b_i}{a_i}}{\Sigma n_i}$ (где „i" принимает последовательно значения 1, 2, 3 . . . k . . .);

выражения I и II различны по составу и могут совпасть по величине лишь при исключительном подборе элементов.

Применяя геометрическую среднюю, имеем:

I. Аггрегатный индекс $\frac{\sqrt[\Sigma n_i]{b_1^{n_1} b_2^{n_2} b_3^{n_3} \ldots b_k^{n_k} \ldots}}{\sqrt[\Sigma n_i]{a_1^{n_1} a_2^{n_2} a_3^{n_3} \ldots a_k^{n_k} \ldots}}$ или $\sqrt[\Sigma n_i]{\frac{b_1^{n_1} b_2^{n_2} b_3^{n_3} \ldots b_k^{n_k} \ldots}{a_1^{n_1} a_2^{n_2} a_3^{n_3} \ldots a_k^{n_k} \ldots}}$

Знакомство с индексами и их природой получило у нас за последние годы достаточно широкое распространение, и тем не менее даже наиболее вдумчивые авторы статей о производительности труда не могут освоиться с мыслью, что индексный учет динамики различных процессов ни логически, ни экономически не предполагает соизмеримости абсолютных величин элементов объединяемой индексом совокупности. Причина этого недоразумения кроется, вероятно, в том, что индексы чаще всего применяются к движению цен на различные товары, т. е. к той именно характеристике качественно различных продуктов современного производства, которая как раз и устанавливает их рыночную измеримость и соизмеримость. Но с точки зрения основ индексного учета это обстоятельство является совершенно не существенным и случайным. Перед нами „совокупность" трех элементов: количество выплавленного чугуна, обороты товарных бирж и коэффициент брачности. Социально-экономические „размерности" этих элементов не имеют между собой ничего общего; было бы смешно искать для них какой либо единой меры, выражать какими бы то ни было коэффициентами или „весами" соотношение их абсолютных величин для каждого данного момента. Но процентные приросты выплавки чугуна, биржевых оборотов и брачности—вполне однородные отвлеченные величины, они имеют одну и ту же, так сказать, нулевую размерность и логически допустимо вывести из них среднюю. Если, к тому же, между колебаниями этих разнокачественных величин есть внутренняя связь и внешняя согласованность, то наша логически безупречная средняя приобретет совершенно реальный экономический смысл: смысл сводной характеристики данной совокупности динамических явлений. Именно этими соображениями и мотивируется возможность построения, так называемого, экономического барометра.

В непосредственном родстве с индексом производительности труда стоит все чаще применяемый за границей „индекс физического объема производства", т. е. средняя из относительных, выражающих прирост продукции различных отраслей хозяйства. Относительные получаются путем сопоставления не ценностных, а натуральных, „физических" величин продукции. Индекс производительности труда стоит к индексу физического объема в таком же логическом отношении, как скорость движущегося тела к пройденному им пространству; индекс производитель-

II. Средняя из относительных $\sqrt[\Sigma n_i]{\left(\frac{b_1}{a_1}\right)^{n_1} \cdot \left(\frac{b_2}{a_2}\right)^{n_2} \cdot \left(\frac{b_3}{a_3}\right)^{n_3} \ldots \left(\frac{b_k}{a_k}\right)^{n_k} \ldots}$;

выражения I и II тожественны.

Геометрическая средняя, как это доказано общей теорией индексов, вполне применимой и индексу производительности труда, имеет целый ряд неоспоримых преимуществ перед арифметической. Таким образом, при технически правильном построении индекса сопоставление за разные сроки средних (геометрических) из валовых продукций дает те же числовые величины, что и средняя из относительных. Но этим ничуть не ослабляется сказанное в тексте о невозможности выражать абсолютную величину производительности труда посредством средней из разнокачественных продукций.

ности труда есть прирост физического объема, отнесенный к единице рабочего времени и соответственным образом взвешенный.

Какое же именно взвешивание надлежит признать „соответственным“ поставленной здесь задаче? Обозначим количество человеко-дней, затраченных в различных производствах символами n_1 n_2 n_k и т. д., выраженную в натуральных единицах выработку одного человеко-дня в производстве № 1 в начальный момент наблюдения назовем a_1, в конечный момент наблюдения b_1 для производств № 2, № 3 и т. д. соответственные величины выработки будут: a_2 и b_2, a_3 и b_3 и т. д. Прирост производительности труда за период от начального момента к конечному в производстве № 1 выразится отношением $\frac{b_1}{a_1}$, в производстве № 2 отношением $\frac{b_2}{a_2}$ и т. д. Так как проблема состоит в отыскании сводного показателя, характеризующего динамику производственных эффектов фактически затраченного в народном хозяйстве рабочего времени, то и весом, который надо придать отношению $\frac{b_1}{a_1}, \frac{b_2}{a_2}, \frac{b_3}{a_3} \ldots$ и т. д. для вывода средней, должно быть, очевидно, рабочее время, т. е. количество человеко-дней, человеко-часов, или, в более грубом приближении, число рабочих в производствах № 1, 2, 3 и т. д. Другими словами, отношение $\frac{b_1}{a_1}$ надо взять с весом n_1, отношение $\frac{b_2}{a_2}$ с весом n_2 и пр.

Всякие принципиально иные оценки удельного веса отдельных отраслей,—в частности оценки, исходящие из учета относительной стоимости, товарной ценности или цены продуктов труда различного качества, — в данном контексте не имеют смысла, а потому при построении сводного показателя, характеризующего средний темп развития производительности труда, не должно быть и речи о придании весам n_1 n_2 $n_3 \ldots n_k \ldots$ и т. д. каких-либо поправочных коэффициентов, мотивированных соображениями ценностного порядка.[1]

Этот вывод неизбежен, раз принято приведенное выше определение понятия производительности труда. Между тем, не только наши практики хозяйственники, но и наши теоретики очень часто принимают определение и уклоняются от непосредственно вытекающего из него логического вывода. Так поступает, например, В. Тельнов, поместивший

[1] Если число человеко-дней, затрачиваемых в каждой отдельной отрасли, меняется из месяца в месяц, то при исчислении индекса за длительный период всего правильнее взять в качестве весов среднюю за весь период по каждой отрасли. Так, например, если в производстве № 1 в январе затрачено m_1 человеко-дней, в феврале m_2, в марте m_3, ... в декабре m_{12}, то при исчислении индекса на каждый месяц вес производства № 1 будет постоянным и равным $n_1 = \frac{m_1 + m_2 + m_3 + \ldots . m_{11} + m_{12}}{12}$.

При выводе среднего веса данного производства за весь изучаемый период можно довольствоваться средней арифметической, но, как уже было сказано, при выводе генерального индекса из элементов, характеризующих динамику отдельных отраслей, предпочтительнее брать геометрическую среднюю, ибо только в этом случае при постоянстве весов индексы, вычисленные на каждый месяц по отношению к базисному периоду, будут вместе с тем сопоставимы между собой.

в XXII книге „Вестника Статистики“ очень учено обставленную статью „о сводных показателях производительности труда“. Автор не забывает упомянуть в начале своего исследования о „незатуманенном методологическими соображениями“ понятии производительности труда: „производительность труда есть результативная величина—количество единиц продукции, приходящееся на единицу рабочего времени—человеко-день“, и тут же подчеркивает, что только практическая необходимость заставляет при определении производительности труда для групп предприятий или промышленности в целом прибегнуть к ценностному выражению величины производительности труда.

Но уже на следующих страницах „методологические соображения“ о праве созданных трудом ценностей „репрезентировать производительность труда“ начинают снова затуманивать чистоту только что установленного экономического понятия и шестью страницами ниже туман этот сгущается до такой степени, что автор совершенно теряет из виду исходное понятие. Теперь „ценность“,—в частности вновь созданная ценность, или валютированная чистая продукция, в противоположность валовой,—выступает не в качестве условного заместителя натуральных „единиц продукции“, а в качестве реального, „конкретного“ мерила производительности труда в отдельных предприятиях. Анализируя предложенный С. Струмилиным индекс производительност труда, автор пишет: „Суть этого метода в оперировании относительными числами. Что же дает полезного эта замена конкретных показателей производительности труда по отдельным предприятиям[1] относительными?“. Положительную сторону метода Струмилина В. Тельнов видит в том, что этим методом „убивается в корне давление ценностных масс валовой продукции“ на выводимую среднюю. Отрицательная же сторона Струмилинского метода, по его мнению, заключается в том, что он наряду с давлением ценностных масс, соответствующих доле сырья, топлива и амортизации, устраняет и давление ценностных масс чистой продукции. Между тем, „чистая продукция—не чуждый производительности труда фактор, наоборот, весьма точно репрезентирующая ее величина. Поэтому нивеллирование чистой продукции, принятие равными в действительности различных по разным предприятиям уровней чистой выработки,[1] усиливает влияние на величину среднего показателя предприятий с низкой чистой выработкой и, наоборот, недооценивает значение предприятий с высоким уровнем чистой выработки“.

Итак, тов. Тельнов предлагает при взвешивании относительных показателей динамики производительности труда по отдельным предприятиям принять во внимание ценностные величины чистой выработки на человеко-день, ибо эти величины, якобы, „точно репрезентируют“ производительность труда. Мы уже видели, что, отправляясь

[1] Курсив мой. В. Б.

от понятия производительности труда, нельзя без логического salto-mortale прийти к такому выводу. Не трудно, однако, проделать и обратную поверку, а именно показать путем анализа факторов колеблемости чистой выработки, что колебания эти никоим образом не могут быть пропорциональны колебаниям производительности труда.

Чистая выработка, или вновь созданная ценность, состоит из двух частей: заработной платы и прибыли. Различия в чистой выработке на один человеко-день складываются, следовательно, из различий в нормах эксплоатации и в нормах оплаты рабочей силы. Если отвлечься от колебаний рыночной конъюнктуры, повышающей продажные цены независимо от величины издержек производства, а следовательно влияющей и на фактическую норму эксплоатации (отношение прибыли к зарплате), то останутся два главнейшие фактора длительных отклонений норм эксплоатации в отдельных производствах от общественной средней. Это, во-первых, различия в органическом строении капиталов (тенденция к равенству норм прибыли приводит к тому, что при прочих равных условиях норма эксплоатации тем выше, чем больше постоянный капитал по сравнению с переменным); это, во-вторых, естественные или искусственные монополии, создающие сверхприбыль типа рентных доходов. Очевидно, что ни конъюнктурные, ни длительные причины колебаний чистой выработки в той ее части, которая соответствует прибавочной ценности, ничего общего с производительностью труда не имеют.

Остается доля чистой выработки, отвечающая заработной плате. Здесь мы, повидимому, ближе к „репрезентации“ производительности труда. Различия в оплате труда работников различных производств определяются, главным образом, их неодинаковой квалификацией, [1] т. е. одним из факторов производительности труда. „Квалификация“ — качественный показатель. Но допустим, что на рынке труда это качество превращается в количество сообразно, так сказать, внутренней диалектике испытывающего превращение объекта, так что пропорции заработных плат выявляют подлинные количественные соотношения квалификации труда. Следует ли отсюда, что при выводе динамического показателя мы должны взвесить процентные приросты производительности труда по квалификации его отдельных профессий? Другими словами, следует ли стремиться к тому, чтобы в сводный показатель процентное возрастание (или понижение) производительности труда каждого данного производства вошло с тем большим весом, чем выше достигнутый в нем уровень производительности труда? Не трудно убедиться, что подобного рода операция существенно исказила бы сводный динамический показатель, ибо в основе своей она есть

[1] Сопоставлять по интенсивности труд различных производств невозможно. Можно сравнивать интенсивность труда двух дровоколов или двух часовщиков. Но нельзя поставить вопрос: кто работает интенсивнее,—часовщик или дровокол? Измерение затрат психо-физической энергии в эргах или калориях привело бы к смехотворному соотношению коэффициентов; оказалось бы, вероятно, что самый ленивый дровокол работает в десятки раз интенсивнее самого прилежного часовщика.

не что иное, как „самовзвешивание“,—крупнейший дефект, устранение которого составляет первую заботу теоретиков индексного искусства. И было бы особенно пикантно, если бы мы на основании глубоких теоретических соображений сознательно внесли в наш показатель эту типическую погрешность наивных, методологически не продуманных индексов.

Но правильность теоретического положения, приведшего нас к такому методологическому конфузу, была допущена выше условно, и условность эта не соответствует никаким реальным соотношениям вещей. Тот способ, каким учитывает квалификацию заработная плата, не имеет ничего общего с мерой воздействия квалификации на производительность труда. Заработная плата или рыночная оценка товара „рабочая сила“, в общем и среднем, равна стоимости воспроизводства, иначе говоря, стоимости удовлетворения потребностей рабочего в размерах обычного для данной квалификации „уровня жизни“. Чем именно определяется этот „обычный“ или нормальный уровень жизни — вопрос в достаточной степени сложный, и в настоящий момент нам нет необходимости пускаться в его детальное расследование. Ясно и без детального анализа, что уровень жизни тем выше, чем значительнее квалификация. Как же обстоит дело с точки зрения производительности труда? Как уже было отмечено, при неизменном техническом оборудовании повышение интенсивности труда зачастую неразрывно связано с повышением его квалификации. Поскольку же дело идет о различных технических базах, на первый план выступает иной момент. Технические усовершенствования всегда сопровождаются повышением производительной силы труда, но в одних случаях они на-ряду с этим заменяют более квалифицированный труд менее квалифицированным—например, при вытеснении ремесленной выучки примитивной работой на автоматических станках; в других случаях, наоборот, предъявляют повышенные требования к обучению рабочей массы (пример: управление особо сложными машинами, требующее от рабочего некоторого политехнического образования). Возникает вопрос: в каком из этих двух случаев сильнее повысится производительность труда, предполагая, что производительная сила труда повышается в одинаковой степени? Ответ совершенно ясен: производительность сильнее возрастет в первом случае, при понижении квалификации. Ибо, если мы учтем все рабочее время, затрачиваемое на производство единицы продукта, то окажется, что в первом случае труд обучения рабочих в известной доле становится излишним; во втором случае потребуется, наоборот, добавочное количество труда этого рода. Следовательно, при прочих равных условиях, в первом случае на один человекодень труда всех прямо или косвенно участвующих в производстве работников придется больше продукта, чем во втором. Мы пришли к выводу, что, с точки зрения всего общественного производства в целом, повышение производительной силы труда в какой нибудь области увеличивает производительность труда тем сильнее, чем меньшие

требования квалификационного порядка предъявляются новыми механизмами к рабочим. Влияние колебаний квалификации на производительность труда обратно по знаку той оценке, какую дает различиям в квалификации рабочих рынок труда.

Итак, первая часть вновь произведенной стоимости, соответствующая заработной плате, столь же мало может служить конкретным показателем абсолютного уровня производительности труда, как и вторая ее часть, соответствующая прибыли. В качестве суррогата или заместителя натуральных единиц продукции вновь произведенная ценность имеет некоторые преимущества перед ценностным выражением валовой продукции; но, во всяком случае, это есть заместитель, условный символ конкретных и в своей конкретности несоизмеримых величин. Логически нелепая операция сложения производительностей разноименных видов труда ничуть не рационализируется привлечением к делу чистой продукции. Подобно валовой продукции, эта последняя пригодна лишь в качестве материала для вывода отношений производительности однородных видов труда во времени; сводный показатель производительности труда может быть лишь средней из этих относительных.

Не доведя своего анализа до конца в этом основном пункте, В. Тельнов пришел к ложному выводу, что метод суммирования валовой продукции дал бы идеально точные результаты при условии постоянства весов. Сопоставляя с построенной на основании этого вывода ошибочной формулой Струмилинский индекс, автор создал мнимый „критерий ошибочности“ [1] этого последнего и в заключение противопоставил ему свою собственную формулу во всех отношениях чрезвычайно дефектную.

Гораздо отчетливее и последовательнее формулировал основные предпосылки правильного учета производительности труда П. Иоффе. Статья его „О методах учета движения производительности труда“, помещенная в № 6 „Вестника Труда“, содержит в себе много метких

[1] Отмечу мимоходом одно забавное алгебраическое недоразумение, жертвой которого стал автор при выводе этого „критерия ошибочности“. Он предполагает, что все производство состоит только из двух предприятий, которые сравниваются в моменты 1 и 2. Производительность труда первого предприятия в эти моменты a_1 и a_2, второго предприятия b_1 и b_2. Автор утверждает, между прочим, что Струмилинский индекс больше истинного, когда $\frac{b_1}{b_2} > \frac{a_1}{a_2}$ и меньше истинного, когда $\frac{b_1}{b_2} < \frac{a_1}{a_2}$. Вот поистине загадочная закономерность! Ведь предприятия, характеризуемые величинами „a“ и „b“, ничем друг от друга не отличаются кроме обозначений, которые совершенно произвольны. Мы имеем, следовательно, полное логическое и математическое право во всех формулах поставить a_1 вместо b_1 и a_2 вместо b_2. Оказывается, однако, что при такой перестановке мистическая закономерность, найденная автором, превращается в свою собственную противоположность. Недоразумение возникло потому, что, сократив исходное неравенство $b_1 a_2 (b_1 - a_1) > a_1 b_2 (b_1 - a_2)$ на $(b_1 - a_2)$, автор забыл, что неравенство должно изменить знак при делении обоих его частей на отрицательную величину. Если бы он не упустил этого из виду, его „критерий“ гласил бы в данном случае иное, а именно: если $b_1 > a_1$, то индекс больше величины истинного показателя при $\frac{b_1}{b_2} > \frac{a_1}{a_2}$, и обратно.

Эта поправка устранила бы, впрочем, лишь алгебраическую ошибку, но отнюдь не сделала бы критерий, выдвинутый В. Тельновым, экономически более правильным.

и ценных замечаний о той путанице понятий, которая господствует в нашей литературе по данному вопросу. В частности автор вполне отчетливо сознает и настойчиво подчеркивает, что всякое ценностное выражение продукции может быть использовано при построении индекса производительности труда лишь в качестве „условного измерителя“, своего рода символа натуральных единиц продукта. Совершенно правильно, исходя из этого основного положения, разоблачает он „мифичность“ всяких попыток измерять ценами „реальные“ величины производительности труда в различных производствах и противопоставляет этой мнимой реальности подлинную реальность индексного метода: „именно в силу того, что индексный метод оперирует относительными числами, он может дать более близкую к действительности и, следовательно, более реальную картину движения производительности труда“.

Но подобно В. Тельнову, П. Иоффе никак не может примириться с тем, что реальные количества производительности труда в разных производствах суть величины различной размерности и по тому в корне несоизмеримые. Подобно В. Тельнову, он ищет общей меры этих величин и находит ее в „новой стоимости“; причем эту последнюю он, в противоположность В. Тельнову, стремится выразить не в каких либо фиксированных ценах („чистая продукция“), а в человеко-часах общественно необходимого труда. Утвердившись на этой призрачной позиции, т. Иоффе с упорством, достойным лучшей участи, изобретает целый ряд поправочных коэффициентов к весам индекса производительности труда. [1] Самое лучшее в его коэффициентах,—это их безвредность и притом в двояком смысле: 1) ни при какой полноте статистических данных невозможно исчислить ни одного из них, 2) если бы даже эта операция и оказалась осуществимой, внесение рекомендуемых тов. Иоффе поправок нисколько не изменило бы первоначального индекса, ибо, при суммировании, поправки, измеряющие отклонение отдельных предприятий от средней общественной нормы, должны, очевидно, уравновеситься, „сократиться“.

Сопоставление общественно-необходимой трудовой стоимости и фактической трудовой стоимости продуктов отдельных предприятий возможно, конечно, лишь в рамках одного специализированного производства. Трудовая стоимость есть обратная величина производительности труда ($T = \frac{1}{\Pi}$, где T труд. стоимость, Π—произв. труда) и уже из одного этого ясно, что измерять производительность труда различных отраслей трудовой стоимостью немыслимо.

Можно исчислить, во сколько раз трудовая стоимость аршина ситца, изготовленного на данной фабрике, больше или меньше нормальной, „общественно-необходимой“ трудовой стоимости ситца, изго-

[1] В цитируемой статье система этих поправочных коэффициентов не приведена, но автор развил ее в докладе, прочитанном в Эконом.-Стат. Секции Госплана СССР, и, надо думать, в ближайшем будущем опубликует в печати.

товляемого на всех фабриках страны; но нельзя спрашивать, насколько трудовая стоимость ситца данной фабрики отклоняется от нормальной трудовой стоимости национального производства вообще, так как это „вообще", в данном случае, не соответствует ничему действительному и не может быть даже реализовано в мысли.

Заметим мимоходом, что остается еще невыясненным, какой именно тип средней отвечает понятию „общественно-необходимого" труда; есть все основания думать, что экономический смысл этой категории Маркса лучше улавливается модой, чем арифметической средней. А это еще более усложняет расчеты даже там, где они методологически возможны.

П. Иоффе между прочим указывает, что „равенство производительности труда в исходный момент" для разных производств принималось, как предпосылка построения индекса самим его автором, С. Г. Струмилиным. Струмилин в своей статье, помещенной в № 8 „Планового Хозяйства", категорически оспаривает это и очень убедительно показывает невозможность такой предпосылки. Оплошность Струмилина заключалась лишь в том, что он возбудил вопрос о стремлении к равенству создаваемых разнокачественным трудом новых ценностей и о тенденции к равенству норм эксплоатации в связи с индексом производительности труда. Это не теоретическая, а только тактическая ошибка, но все же она имела печальные последствия, соблазнив кое-кого „из малых сих", и снабдив кое-кого из больших противников индексного метода лишним оружием. Дискуссия о тенденциях норм эксплоатации сама по себе очень интересна, но никакого отношения к индексу производительности труда она не имеет. И если бы даже Струмилин оказался не прав в этом споре, методология построения Струмилинского индекса не пострадала бы ни на йоту.

До сих пор шла речь о построении сводного показателя динамики производительности труда для всего общественного производства, причем предполагалось, что продукт, изготовленный в каждой из учитываемых отдельно отраслей, строго однороден по своему качеству. Между тем, в действительности нам приходится иметь дело с отчетными данными сложных производств, вырабатывающих конгломераты продуктов весьма различных сортов. Теоретически это обстоятельство не вносит ничего принципиально нового в рассматриваемую нами проблему. В самом деле, с точки зрения методологии индексного учета дифференциация одной сложной отрасли по сортам изготовляемых продуктов ничем не отличается от дифференциации всего общественного производства по отраслям промышленности. С полной строгостью учесть динамику производительности труда в пределах одной сложной отрасли можно только индексным методом. Основой для такого исчисления, как указал П. Иоффе, и подробно развил С. Струмилин, [1] могли бы служить соответственные специальные измерители, так называемые „учетные единицы", выработанные различными трестами. Учетная единица дает урочное рабочее время, потребное для изготовления 1 штуки продукта каждого сорта. Если сопоставить продукцию, выраженную в учетных единицах, и фактически затраченное на нее рабочее время, то получится отклонение производительности труда от урочной нормы для данного сорта и данного момента времени. Остается взвесить исчисленные таким образом относительные показатели по фактически затраченному в каждом данном случае времени и найти среднюю, чтобы получить индекс для всей отрасли.

[1] См. цитированные выше статьи этих авторов.

Однако, на практике невозможно пускаться в такие дробные и кропотливые изыскания, особенно, если приходится исчислять индекс движения производительности труда каждый месяц. Техническая сложность задачи заставляет довольствоваться значительно более грубым методом, а именно брать в какой нибудь фиксированной оценке (в довоенных ценах, напр.) процентные отношения всей разносортной продукции данной отрасли, т. е. пользоваться в пределах отдельных отраслей методологически несостоятельным аггрегатным индексом производительности труда. Возникающая отсюда неточность может, впрочем, достигнуть значительной величины лишь в том случае, если за период наблюдения произошли очень крупные сдвиги в составе сортов, вырабатываемых интересующей нас отраслью промышленности. С. Г. Струмилин приводит примерный расчет, в котором предположено, что некоторая промышленность, изготовляющая трех сортов продукты, повышает при переходе от первого момента наблюдения ко второму продукцию высшего сорта на 25%, среднего на 50% и низшего не на целые 75%, причем денежные оценки одной штуки продукта относятся к трудовым оценкам для первого сорта, как 10 и 6, для второго как 8 и 3, для третьего как 6 и 2. Несмотря на такие громадные сдвиги и диспропорции, индекс, полученный на основании суммарных валютированных данных, отличается от точного индекса всего на 3 с небольшим процента [1] (первый индекс 153, второй 148).

За последние годы, при полном почти отсутствии сколько нибудь значительных технических реконструкций в нашей промышленности, перемены в „ассортиментах" отдельных отраслей едва ли могли иметь диапазон более широкий, чем это предположено в только что разобранном примере. Можно, поэтому, думать, что до настоящего времени грубый метод суммарного учета сложных отраслей при построении общего индекса производительности труда давал практически удовлетворительные результаты.

[1] К сожалению, в этом примерном расчете автором допущена некоторая методологическая погрешность, а именно „точный" индекс, в сущности, также не точен, ибо получен путем сопоставления суммарных оценок в учетных единицах всей разносортной продукции за два срока, тогда как следовало бы вычислить прирост производительности труда по каждому сорту в отдельности и затем вывести взвешенную среднюю. Сделав такой пересчет, находим точную величину индекса: $\frac{125\times100+150\times100+175\times100}{300}$ или 150 вместо 148,—так что разница с приближенным индексом понижается до 2%.

Мне остается сказать несколько слов о составе элементов, подлежащих учету в индексе производительности труда.

Допустим сначала, что мы ведем счет продукции в натуральных единицах и, следовательно, строго дифференцируем исследование по сортам продуктов.

Спрашивается, на какое число человеко-дней надо делить число единиц данного продукта, чтобы получить элемент учитываемой индексом совокупности? Для этой цели необходимо сочитать полностью количество всех видов труда, затраченных обществом на изготовление данной физической массы продукта, т. е. не только труд всех стадий переработки, но и труд, воплощенный в сыром материале, в сношенной за период производства доле машин и строений, причем на всех ступенях этой лестницы должны войти в подсчет решительно все виды труда, связанные с данным производством (подлежит учету не только труд так называемых „производственных", но и так называемых „подсобных" рабочих, включая сюда, например, и персонал, обслуживающий фабзавучи, в той мере, в какой труд его восполняет естественное снашивание квалифицированной рабочей силы). При такой идеальной системе учета в составе охватываемой индексом совокупности окажутся лишь все сорта предметов конечного потребления. Колебания производительности труда в производстве сырых материалов, орудий, полуфабрикатов и вообще средств производства будут учтены при построении каждого отдельного элемента, но самостоятельными элементами совокупности быть не должны. Отдельно, вне интегрального индекса, должен вестись учет производительности труда в тех реконструктивных работах, продукты которых пока не применяются на деле, являясь фактически еще нереализованным накоплением основного капитала страны. Например, незаконченные постройкой машины нового усовершенствованного типа и вообще вновь строящиеся машины сверх того количества, которое покрывает текущее снашивание, повлияют на производительность труда тех производств, для которых они предназначены, лишь тогда, когда будут пущены в дело. Затрачиваемое на их изготовление количество человеко-дней является, следовательно, слагаемым величины, которая определит производительность труда в некоторый будущий момент. В настоящее же время динамика производительности труда от этих грядущих коэффициентов нисколько не зависит.

Таковы основные контуры идеальной схемы.

Совершенно очевидно, что построить по ней сплошной учет движения производительности труда невозможно. Поэтому приходится или отказаться от сплошного учета, или пожертвовать чистотой принципа и брать за элементы валютированные выражения продукции человеко-дня в тех вертикальных и горизонтальных подразделениях общественного производства, относительно которых периодически публикуются статистические данные.

Насколько велики погрешности, вызываемые этим обстоятельством? Они должны быть относительно малы для СССР после-революционного периода, так как в это время производительность труда развивалась у нас преимущественно за счет повышения интенсивности и рационализации использования наличного оборудования. При этом „восстановительном" характере нашего производства главное пертурбационное воздействие на индекс исходило от перемен в „ассортименте" продуктов, изготовляемых в пределах суммарно учитываемых отраслей промышленности. Но, как только что было показано, вызываемые этим обстоятельством искажения генерального индекса не могли быть значительны.

Иначе будет обстоять дело в том реконструктивном периоде, к которому мы, повидимому, подходим. Связанные с реконструкцией резкие сдвиги органического строения капитала, растущая доля производительного накопления, подлежащего реализации в более или менее отдаленном будущем, наконец, нормализация и стандартизация сортов (т. е. во многих случаях целые революции в области „ассортиментов"),—все это создаст новые мощные пертурбационные факторы, с которыми едва ли можно справиться на почве валютирования продукции разнородных по составу отраслей. Переход от валовой продукции к чистой лишь паллиатив, который не много улучшит положение.

Приходится, поэтому, подумать о возможности построения выборочного учета движения производительности труда, т. е. такого индекса, в основу которого были бы положены сравнительно немногие, но достаточно репрезентативные предприятия, тщательно изучаемые. Материал для построения подобного индекса, аналогичного по типу индексам движения цен, повидимому, уже подготовляется ВСНХ, которым поставлены весьма детальные периодические обследования производительности труда в определенной группе предприятий.

Проблема „репрезентативности" здесь особенно сложна, но детально разбирать ее будет целесообразно тогда, когда появится соответственный материал. Пока же ограничусь лишь постановкой вопроса.

Г. И. Болдырев

О нашей акцизной системе

Эволюция советского бюджета за последние пять лет характеризуется не только его бурным ростом, но и своеобразным, весьма резким, „перерождением тканей", выразившимся в коренном изменении его внутреннего содержания. Если это верно в отношении всего бюджета в целом, то особенно наглядным это является в отношении его доходной части. Именно, в силу характера последней, наш бюджет еще сравнительно недавно носил название эмиссионного бюджета. Действительно, 87% в 1921 году и 53% в 1922 г. составлял доход от эмиссии. В силу тех же причин наш бюджет в настоящее время заслуживает наименование „налогового". При самом беглом на него взгляде бросается в глаза, что подавляющую долю доходных поступлений в нем составляют налоговые поступления.

В самом деле, возьмем для примера наш последний исполненный бюджет, бюджет 1924/25 г. Из общей суммы в 2.593 милл. руб. фактических поступлений по обыкновенным доходам 1.304 милл. руб., или 50%, приходится на налоговые доходы. Но положение вещей будет еще более наглядным, если мы из рубрики „обыкновенные доходы" исключим доходы от транспорта, почты и телеграфа, представляющие собою в нашем бюджете простые оборотные суммы по соответствующим эксплоатационным расходам. В полученном таким путем нетто-бюджете налоговые поступления достигают в 1924/25 г. 81,0% всей суммы обыкновенных доходов. Соответствующий процент в 1925/26 г. колеблется также около 80. Иными словами, налоги в нашем бюджете играют теперь ту же роль, какую эмиссия играла в бюджете 1920/21 г. К этому необходимо добавить, что и 80% местного бюджета представляют собою в настоящее время доходы налогового характера.

В свою очередь налоговые доходы в том же 1924/25 г. состоят на 46% из поступлений от косвенных налогов, на 45% от прямых и на 9% из гербовых сборов и пошлин. В бюджете на 1925/26 г. поступления от косвенных налогов составляют уже 61% всех налоговых доходов, от прямых—31% и от гербовых сборов с пошлинами—8%.

Сравнивая эти цифры с соответствующими данными довоенного времени, мы находим, что, например, в 1913 г. косвенные налоги составляли 33,8%, а если присоединить сюда и выручку от продажи питей (винная монополия), то 76% всей суммы налоговых доходов, прямые только 13% и гербовые сборы с пошлинами—11%.

Таким образом, по сравнению с довоенным бюджетом, соотношение поступлений от прямых и косвенных налогов в нашем бюджете является несравненно более благоприятным. Однако, если мы будем рассматривать тот же бюджет безотносительно к прошлому, то нам придется признать, что роль, какую в нем играют косвенные налоги, подозрительно велика и невольно наводит на мысль о несомненной тяжести, может быть даже крайней обременительности для народного хозяйства обложения именно по этой линии.

Прежде чем перейти, однако, к оценке существующей системы косвенного обложения, ближайшим образом акцизов,—с точки зрения соответствия их платежным силам населения, в частности, интересам промышленности и торговли, необходимо несколько остановиться на изучении самого процесса постепенного роста этой системы и на характеристике важнейших этапов ее развития.

В то время как дореволюционные прямые налоги, одни фактически, другие хотя бы только формально, просуществовали в общем все же до начала 1921 г., а натуральный налог, введенный в 1918 г., продолжал существовать все время, вплоть до его реформирования и превращения в денежный единый сельско-хозяйственный налог, отмирание косвенного обложения совершалось гораздо более быстрым темпом. Уже в ноябре 1918 г., когда, в целях замены частно-торгового аппарата организацией планомерного снабжения населения необходимыми продуктами через государственные и кооперативные распределительные пункты, заготовка этих продуктов возложена была на Комиссариат Продовольствия, были отменены и все существовавшие в то время акцизные сборы. Взамен же акцизов ВСНХ предоставлено было право прибавлять к цене передаваемого Наркомпроду продукта определенное начисление в пользу государства. При этом, кроме продуктов, облагавшихся и ранее акцизами, начисления были установлены также для целого ряда других продуктов и изделий, в том числе, например, на изделия текстильные, резиновые, кожевенные и т. д. Начисления эти вскоре утратили свой налоговой характер и в январе 1920 г. были вовсе отменены.

Но еще до формальной отмены налогов в эпоху военного коммунизма доходная часть бюджета Союза ССР складывалась из трех главных источников: а) натуральное обложение сельского населения, б) продукция национализированной промышленности и в) бумажно-денежная эмиссия. В соответствии с указанными источниками наметился и тот характер истощения, который обнаружило народное хозяйство Советского Союза с течением времени.

Переходя к новой экономической политике, основой которой было провозглашенное товарное хозяйство, восстановление денежного обращения и принцип самоокупаемости для деятельности хозяйственных учреждений государства, советское правительство должно было озаботиться изысканием нового источника поступлений на покрытие государственных нужд, источника более гибкого, не подрывающего экономической мощи отдельных отраслей народного хозяйства и в то же время в достаточной мере обильного. Таким источником могли явиться при новых условиях только налоги.

Степень государственных потребностей, выяснившийся с переходом к денежному хозяйству колоссальный размах расходного бюджета обусловили необходимость использования всех возможных форм прямого и косвенного обложения. Однако, как раз в наиболее предпочтительной области, в области прямого обложения, Советское правительство оказалось перед фактом чрезвычайно суженной сферы налоговых объектов. Вместе с социализацией земли, национализацией промышленности, конфискацией денежных капиталов и муниципализацией городской недвижимости отсечены были и соответствующие объекты прямого обложения. О полном восстановлении прежней податной системы не могло быть и речи. Оставался, правда, вновь нарождавшийся торгово-промышленный оборот. Он и был привлечен в качестве налогового объекта. Но один промысловый налог, организованный к тому же в грубой, примитивной форме не мог дать сколько нибудь ощутимых фискальных результатов.

Необходимо было поэтому распространить обложения на предметы потребления и притом как раз на предметы массового потребления, предметы первой необходимости, так как только они могли обеспечить фиску значительные поступления. Первоначально была сделана попытка опереться на

такие косвенные налоги, как акциз с виноградного вина, спичек, табачных изделий и т. п. предметов, потребление которых свидетельствует об известной платежеспособности потребителя. Ограничиться этим, конечно, не удалось. Оказалось, мало допустить акцизы. Необходимо было ввести их в возможно большем количестве.

Дело в том, что та же скудость источников, то же крайнее сокращение потребления подакцизных продуктов долгое время исключали да и сейчас еще в значительной мере исключают возможность получения крупной суммы дохода от одного какого-нибудь акциза. Чтобы получить значительную сумму, необходимо было установить целую сеть акцизов, дабы с помощью этой сети, улавливая самые разнообразные проявления человеческой жизни, учитывая по возможности все важнейшие потребности человека, словом, „облагая почти все из того, что он ест, пьет, во что он одевается", собрать по мелочам то, что в богатых странах с развитым потреблением собирают с помощью двух-трех акцизов.

Вот та объективная обстановка, при которой вся масса ныне существующих акцизов была буквально выплеснута на народное хозяйство. Первый акциз—с виноградных вин—введен был 9 августа 1921 г., в ноябре к нему присоединились акцизы с зажигательных спичек, с табачных и гильзовых изделий, в марте следующего года—с соли (взамен отмененной государственной монополии), спирта, пива, свечей и нефтяных продуктов, в апреле—с сахара, в мае—с чая, кофе и всех видов суррогатов последних. Словом, в марте 1922 г. облагалось 8 предметов потребления, в мае—10, с августа—12, к октябрю—14 и в дальнейшем поток их хотя и ослабел, но еще не скоро прекратился. Помимо акцизов, получивших осуществление, параллельно разрабатывались еще следующие: с мыла, с парфюмерии, стекла, кожи, гвоздей. Само собой понятно, что при такой срочности проведения и многочисленности объектов не могло быть и речи о какой бы то ни было системе в выборе предметов обложения, кроме разве общей предпосылки, что они должны быть предметами, по возможности, широкого потребления, трудно заменимыми или вовсе незаменимыми. Не могло быть произведено в отношении каждого налога и учета специфических особенностей образования цены облагаемого предмета, условий его продвижения на рынке и могущих явиться последствий той или иной высоты акцизной ставки. По справедливости, это был период хаотического нагромождения акцизов.

Положение усугублялось еще тем обстоятельством, что налоговые ставки вместе с обесценением рубля очень быстро обесценивались. Из материалов, собранных в свое время Бюджетно-Финансовой Секцией Госплана, видно, например, что в 1921 г. за период с июня по декабрь ставки в переводе на товарные копейки упали для крепких вин с 7 р. 66 к. до 1 р. 44 к. с ведра, для керосина с 48 к. до 14 к. с пуда, для сахара с 4 р. 45 к. до 1 р. 50 к. с пуда и т. д. Наркомфин в своем стремлении парализовать действие указанного обесценения приходит к необходимости чуть ли не ежемесячно повышать ставки, выраженные в дензнаках. Подобные скачки от высокого акциза к низкому и обратно, отнюдь не способствовавшие упорядочению торгово-промышленной деятельности в рассматриваемый период, особенно резко проявлялись до мая 1923 года. С мая были введены твердые акцизные ставки в золоте с условным коэффициентом перевода в дензнаки. Амплитуда колебаний значительно уменьшилась, но колебание ставок как в номинальном, так и в реальном выражении не прекращалось до сентября указанного года, когда декретом (20 августа) введены были ставки в червонном исчислении с уплатой совзнаками по курсу дня.

Этот период борьбы Наркомфина с парализующим влиянием обесценения денежной единицы на материальный эффект слагающейся акцизной системы может быть в то же время охарактеризован как период экстенсивного фискализма.

Фискализм здесь проявился прежде всего в том, что при абсолютном отсутствии достаточно благоприятных показателей в самом народном хозяйстве Советского Союза, ставки акцизов непрерывно росли. Достаточно взглянуть на кривую движения акцизных ставок за соответствующие годы, чтобы убедиться, что Наркомфин, выравнивая ставки после обесценения, неизменно поднимал их каждый раз несколько выше прежнего реального выражения. Так, напр., акцизная ставка соли, стоявшая в октябре 1922 г. на уровне 6,3 червон. коп. с пуда, поднимается до 13,9 коп., а к январю 1923 г.—до 31,4 к. с пуда. Унав затем в феврале того же года до 26,1 коп., она в марте поднимается до 40.6 коп., затем вновь, под влиянием обесценения совзнаков, опускается в апреле до 27 коп., а к июлю постепенно поднимается до 45 коп. На этом уровне она и была потом закреплена при установлении ставок в червонном исчислении. Тоже самое происходило и с остальными акцизами на сахар, керосин, махорку, пиво и проч. Совзнак обесценивался, понижение его качества возмещалось количеством, торгово-промышленный оборот оперировал в области денежного обращения с астрономическими цифрами, давно оторвавшимися от своего истинного значения, но оздоровление народного хозяйства на втором—третьем году новой экономической политики уже ясно проступало в тысячах проявлений. Вместе с тем возрастала товарность крестьянского хозяйства, росло потребление подакцизных продуктов как со стороны сельского, так и в особенности со стороны городского населения и следом за ним, зорко следя за каждым признаком возрождающейся платежеспособности этого населения, чаще опережая ее, чем отставая, шел со своими акцизными ставками Наркомфин.

Частое повышение ставок в рассматриваемом периоде объяснялось необходимостью выравнивания их по мере падения денежной единицы, в которой они были выражены. Оно должно было, следовательно, служить страховкой для фиска от неизбежных потерь, но тот факт, что одновременно ставки взбирались все выше и выше, говорит о сугубом стремлении фиска сделать каждый раз, под благовидным предлогом, новый и новый поворот винта, сжимающего налоговой пресс. Высокие акцизные ставки не только ложились бременем на развитие производительных сил страны, но самый факт их периодического вздергивания вносил неуверенность и расстройство в торгово-промышленный оборот.

Отсутствие для данного периода систематических и сколько-нибудь сравнимых между собою данных о размерах продукции, движении сбыта, о себестоимости и ценах на подакцизные предметы не позволяет нам выявить в более конкретной форме влияние того или иного акциза на судьбу соответствующего продукта, но тот факт, что к моменту перевода акцизных ставок в червонное исчисление, т. е. к сентябрю 1923 г., они достигли чрезмерной высоты, находит себе яркое выражение в картине движения самих акцизных поступлений за ряд месяцев до и после наступления указанной даты. В то время как акцизные поступления за полугодие апрель—сентябрь 1922/23 г. дали прирост в 98% по сравнению с предыдущим полугодием (68 тыс. черв. руб. против 34.732 т. р.), поступления следующего полугодия, октябрь—март 1923/24 г., дали прирост по сравнению с предыдущим только в размере 24% (85.210 тыс. руб. против 68.741 тыс. р.). Картина падения продуктивности действовавшей системы акцизов станет еще нагляднее, если мы проследим движение акцизных поступлений по отдельным месяцам указанного периода. Так, в июле 1923 г. акцизов поступило 12.952 тыс. черв. руб., в августе—14.502 тыс. руб., а в сентябре, т. е. при действии червонных ставок, более или менее значительно повышенных—11.041 тыс. руб., в октябре даже только 7.845 тыс. руб.

Напряжение акцизных ставок привело в конце-концов к сокращению потребления подакцизных предметов и, как следствие, довольно резкому падению самих поступлений. Правда, эта заминка по времени совпадает с общим кризисом сбыта изделий промышленности осенью 1923 г., но само появление знаменитых „ножниц“ не в малой степени обязано описанной выше акцизной политике Наркомфина. Наркомфиновский фискализм этого периода может быть назван экстенсивным фискализмом, так как, в сущности, нашим финансовым ведомством в то время не принималось почти никаких мер к уточнению подхода к облагаемому объекту, к модифицированию акцизных ставок в зависимости от движения производства и сбыта подакцизного продукта. Точно также крайне примитивным долгое время оставалось дифференцирование ставок по роду и качеству, а, следовательно, платежеспособности облагаемого предмета. Самая техника взимания, в частности, учет выделки, хранения и продажи подакцизных предметов развиты были крайне слабо.

Таким образом, более или менее значительные налоговые поступления должны были явиться в данном случае лишь результатом большого числа акцизов и высоты ставок этих последних.

Крупные затруднения в сбыте, пережитые нашей промышленностью осенью 1923 года, и последовавшая затем политика снижения цен на промтовары имели своим последствием и некоторые изменения в акцизной политике. Начиная с ноября месяца 1923 года, когда был понижен акциз с соли, можно отметить в дальнейшем на протяжении большей части 1924 г. целый ряд случаев понижения акцизов: на табак, на керосин, на спички, на виноградный спирт, на байховый и плиточный чай и др.

Гораздо важнее, однако, чем понижение акцизных ставок, оставшихся в большинстве случаев все же очень высокими, было дифференцирование их в зависимости от сорта, качества подакцизного предмета, так как только путем пониженного обложения низших, дешевых сортов мы могли в последствии расширить сбыт товаров в деревне и тем повысить эффективность косвенного обложения, не говоря уже о том, что дифференциацией ставок мы вообще достигаем хотя бы некоторой уравнительности и в области косвенных налогов, вводим своего рода „прогрессию“ в этот род обложения.

Так, например, табак и табачные изделия первоначально облагались однообразной ставкой, вне всякой зависимости от сорта изделий. С августа 1923 года папиросы и курительный табак были подразделены в отношении акциза на три сорта, а в октябре 1924 года проведена была еще большая дифференциация: папиросы и табак были разделены на пять сортов с соответствующей ставкой для каждого сорта и со значительным понижением акциза именно на низшие сорта. То же самое можно отметить в отношении чая, сбыт которого вначале, вследствие высоких цен, был крайне незначительным, обнаруживая к тому же тенденцию не к росту, а к дальнейшему сокращению, как это было, например, в некоторые месяцы 1923 года, по сравнению с 1922 г. Акцизная ставка долго была при этом однообразной и только в феврале 1925 г., после годичного обсуждения вопроса, заграничные черные байховые чаи были разделены на три сорта и однообразная ставка акциза в 1 р. 20 к. была понижена до 75 к. с высшего сорта, 45 коп. с первого сорта и 25 коп. со второго сорта. Кроме того, акциз с зеленого байхового чая был установлен в 28 коп. с фунта вместо тех же 1 р. 20 к.

Далее, что касается акциза с изделий текстильной промышленности, то последний, будучи введен значительно позже прочих акцизов (в марте 1923 г.), сразу принял сильно дифференцированную форму, год спустя еще усиленную понижением обложения джутовой и вигониевой пряжи и пряжи из коровьей шерсти.

Усовершенствование подхода к строению акцизной системы, на-ряду с общим ростом благосостояния населения Союза ССР, не осталось без влияния на размеры сбыта подакцизных товаров. Достаточно сказать, что вместо 18 милл. пуд. керосина в 1922/23 г., в истекшем 1924/25 г. было реализовано около 30 милл. пуд., а программа на 1925/26 г. предусматривает сбыт на нашем внутреннем рынке свыше 40 милл. пуд. Еще резче обозначился за то же время рост потребления чая. В 1922/23 г. легальное потребление чая у нас не достигало и 3 милл. фунтов, спустившись в среднем до 0,02 фунт. [1] на душу населения против почти 1 фунта в довоенное время. В 1924/25 г. оно составило уже свыше 20 милл. фунт., а в 1925/26 г. составит не менее 40 милл. фунт. Наконец, потребление сахара за те же два года возросло втрое (с 12½ милл. пуд. в 1922/23 г. до 37 милл. п. в 1924/25 г.), а в 1925/26 г. достигнет 58—60 милл. пуд.

Параллельно с увеличением спроса со стороны населения на подакцизные предметы растут, в общем даже обгоняя его, и акцизные поступления.

	1922/23 г.	1923/24 г.	% прироста	1924/25 г.	% прироста	1925/26 г.	% прироста[2]
	В миллионах рублей						
Акцизы	103,5	240,6	132,6	503,5	109,2	1000,0	98,6
Таможенный доход . . .	**61,4**	**65,5**	**6,7**	**99,2**	**51,3**	**150,0**	**51,2**
Итого косвенных нал. . .	164,8	306,1	85,7	602,7	96,9	1150,0	90,8
Прямые налоги [3]	187,9	276,3	47,1	426,5	54,4	389,1	8,8
Герб. сборы и пошл. . .	23,8	70,9	197,5	115,8	62,3	150,3	30,6
Всего налогов. доходов .	**376,6**	**653,3**	**73,5**	**1145,0**	**75,3**	**1689,4**	**47,5**
Неналоговые доходы . .	456,3	844,5	85,1	1248,4	47,8	1908,8	52,9
Итого обыкн. дох. . . .	832,9	1497,8	79,8	2393,4	59,8	3598,2	50,3
Всего доходов вместе с чрезвычайн.	1347,0	2111,0	56,7	2643,9	25,2	3756,3	42,1

Как видно из таблицы, акцизные поступления обнаруживают необычайно высокую эффективность. Процент прироста по акцизам не только выше общего прироста поступлений по обыкновенным доходам, но и вообще самый высокий среди прочих доходных частей. Темп прироста поступлений по прямым налогам значительно отстает от такового по акцизам. В 1925/26 году прямые налоги, вследствие резкого понижения сельско-хозяйственного налога, дадут даже меньше, чем в предыдущем году. Если взять прямые налоги вместе с отчислениями местам, то в 1924/25 г. прирост будет равен 41,7%, а в 1925/26 году все же понижение абсолютной цифры на 1%.

Отстают в темпе прироста и неналоговые доходы, хотя последние и дали в 1923/24 г. 85% прироста, но акцизы в то же время дали 132% прироста. В 1924/25 г. неналоговые дали уже только 47,8% прироста, а акцизы 109,2%. И в дальнейшем первенство за акцизами обеспечено, в особенности, если принять во внимание появление среди них такой мощной доходной статьи, как обложение потребления спиртных напитков.

---

[1] Фактически норма эта была выше, если учесть нелегальное потребление контрабандного чая.

[2] Цифры 1925/26 года взяты из проекта бюджета, принятого Совнаркомом.

[3] Прямые налоги и соответственно итоги взяты без отчислений местам и без надбавок.

Это „первенство“ акцизов нельзя в то же время объяснить только тем, что, как было иллюстрировано выше, растет потребление подакцизных предметов. Рост потребления несет с собою и рост торгово-промышленных оборотов и, сверх того, обычно указывает и на общий рост ценностей в стране. Следовательно, должны были бы расти в одинаковой мере и поступления по прямому обложению, поскольку последнее не претерпело за это время резких изменений в сторону понижения налоговых ставок. В соответствующей степени должны были бы расти и поступления по неналоговым доходам. В действительности, мы этого не наблюдаем. И в результате, в то время, как прямые налоги давали в 1922/23 г. 49,9% всей суммы налоговых поступлений, а акцизы только 27,5%,—в 1924/25 г. прямые налоги дают только 37,3%, а акцизы—44% всей суммы налоговых поступлений и, наконец, в 1925/26 г. прямые налоги—23%, а акцизы 59%.

Итак, упомянутое выше первенство акцизов в смысле темпа прироста поступлений от них объясняется, на наш взгляд, не только общим ростом потребления в стране, но и целым рядом совершенно иных причин и первая среди них та, что налоговый винт здесь был зажат необычайно сильно еще в период экстенсивного фискализма 1922/23 гг., да так и остался по существу нисколько не ослабленным.

Между тем, положение дела за истекшие с тех пор три года резко изменилось. Косинспекция, которая вначале находилась в самом беспомощном состоянии по отношению к широким слоям населения, а корчемничество и контрабанда сплошным узором покрывали территорию Советского Союза, постепенно охватила потребителя подакцизных товаров железным обручем акцизного учета и акцизного надзора.

В строгие рамки введена теперь и деятельность государственных торгово-промышленных объединений, искренно недоумевавших в первое время после восстановления акцизов, чего ради они должны выполнять предписываемые Наркомфином стеснительные формальности по ведению учета оплаты акцизом отпускаемых товаров, заводить бланки акцизных накладных, провозные свидетельства и прочие „тонкости“.

Эффективность акцизов, а, следовательно, и их нажим на потребителя уже от одного этого по сравнению с прежним сильно возросли. Короче говоря, экстенсивный фискализм превратился постепенно в фискализм интенсивный. Семнадцать акцизов превратились в мощное средство собирания рессурсов для быстро растущего государственного бюджета.

Появилась даже особая „акцизная идеология“, направленная на оправдание существования столь густой сети акцизов. Указывают, что значительная нивеллировка имущественного положения граждан, произведенная Октябрьской революцией, парализует у нас обычную неуравнительность акцизного обложения. Чем меньше разница в налогоспособности плательщиков, тем равномернее ложится на них акциз, связанный лишь с потреблением, с расходом, с удовлетворением личных потребностей.

Однако, указание на существование у нас приблизительного равенства имущественного положения плательщиков налогов, указание, вполне основательное 3—4 года тому назад, при введении акцизов, в настоящее время, несомненно, устарело. В настоящее время дифференциация имущественного положения налогоплательщиков продвинулась довольно далеко. Статистические данные по промысловому обложению говорят о постепенном, но неуклонном укрупнении частных торгово-промышленных предприятий, а, следовательно, и частных капиталов. Неравенство платежеспособности бьет в глаза.

При этих условиях акцизы, падающие в общем одинаково и на рабочего, и на кустаря, и на фабриканта перестают быть безобидной формой обложения. Не убедительна и ссылка на пропорциональную зависимость, существующую между суммой акциза, падающей на одно хозяйство в год и

суммой затрат на одного едока в месяц, зависимость, которую делаются попытки представить, как „прогрессию в акцизах“. [1] В борьбе за первенство на звание „справедливого“ принцип пропорционального обложения давно уступил, как известно, место принципу чистой прогрессии.

Мы должны пересмотреть свое отношение к акцизам и, прежде всего, отказаться в этой области от политики интенсивного фискализма. Было бы, конечно, наивно и с точки зрения бюджетных интересов совершенно нецелесообразно строить здесь проекты безакцизного режима, но уже на ближайшее время необходимо принять программу постепенного ослабления той роли, какую теперь играют акцизы в нашей экономике.

К тому же у нас есть акцизы, представляющие собою совершеннейший анахронизм на общем фоне нашей экономической политики. Таков, например, акциз на соль. У нас есть акцизы, являющиеся не только бременем для соответствующих подакцизных товаров, но и форменным балластом для самой налоговой системы. Таков акциз с прохладительных напитков, акциз с гильз и папиросной бумаги, акциз со свечей и проч. С отмены этой группы акцизов и необходимо начать оздоровление нашей налоговой системы.

При гигантском росте нашего бюджета каждый из этих акцизов в отдельности в фискальном отношении представляет собою весьма скромную величину. Они берут количеством—увы!—при отсутствии сколько нибудь сносного качества.

Возьмем ту же соль. Только нужда, только горячее желание поднять наше денежное хозяйство из того состояния, в котором оно находилось в 1921/22 г., могло продиктовать в свое время введение в Советской России этого одиознейшего из всех существующих на земле акцизов.

В довоенное время (1912—1914 г.г.), когда этого акциза не существовало [2], средняя душевая норма потребления соли колебалась около 32 фунт., достигая в некоторых районах, напр., Предкавказьи и Центральном промышленном районе 34,4 фунт., а на Украине даже 37,2 фунт. Потребление же соли в 1922/23 г. определяют в среднем всего в 20 фунт., в 1923/24 г.—около 23 фунт., в 1924/25 г.—24 фунт., в 1925/26 г. оно должно достигнуть 24,5 фунт. на душу населения.

Если недостижение душевой нормой потреблений довоенного уровня имеет место у нас и по другим отраслям промышленности, то в отношении соли это нужно признать явлением наиболее болезненным. Дело в том, что в первом случае мы всюду имеем в большей или меньшей степени замену недостающих промышленных товаров изделиями кустарными и всевозможными суррогатами. Соль же, будучи продуктом первой необходимости, продуктом необходимого потребления, в то же время ничем не может быть заменена. Недопотребление ее является поэтому чистым минусом полезнейшего потребления.

Нечего и говорить, что целый ряд технических отраслей народного хозяйства, каковы—химическая промышленность, кожевенная, кишечное производство, промышленное маслоделие и пр., не может развиваться нормально без обильного притока соли. Промышленное же потребление соли сократилось у нас как раз наиболее резко. В 1924/25 г. приходилось всего 2,2 фунта на человека против 6,6 фун. довоенного промышленного потребления на человека.

В чем же причина низкого потребления у нас соли? Исключительно в высокой продажной цене. А высокая цена в свою очередь зависит от высокого акциза. Достаточно сказать, что, как показывают выкладки Солесиндиката, ставка акциза в 22 коп. с пуда составляет в настоящее время по отношению к трестовской цене до 259%, а по отношению к продажным ценам

[1] См. исследование по указанному вопросу А. К. Шмидта; Госплан УССР.
[2] Он был отменен в 1881 году.

Синдиката франко промысел и франко пристань-склад соответственно от 42% до 62% и от 32% до 52%.

Существует в настоящее время убеждение, что отмена акциза, напр., на соль не отразится заметным образом на розничной цене соли. Данные, представленные нам Солесиндикатом, следующим образом рисуют положение дела в этом отношении. Средняя оптовая цена по Союзу в настоящее время равна 70 коп., а розничная около $2^1/_2$ коп. за фунт. В случае же отмены акциза средняя оптовая цена понизится под влиянием не только выпадения из калькуляции 22 коп. акциза, но и общего изменения отдельных статей калькуляции, до 40 коп. за пуд, т. е. на 75%, а розничная цена понизится до $1^1/_2$ коп. за фунт, т. е. на 67%. Понижение цены, как можно видеть, очень заметное. Тоже самое, конечно, мы получили бы и в отношении других подакцизных предметов в случае отмены акциза.

По этим же соображениям необходимости удешевления продуктов полезного народного потребления мы должны очистить нашу налоговую систему от целого ряда других акцизов, в первую голову от акциза с крахмального сахара и с прохладительных напитков в виде меда, кваса, фруктовых и искусственных минеральных вод. Как то, так и другое мероприятие не нуждается в особом оправдании. Так называемый постный сахар, дешевые сорта варенья и конфект, в которые входит до 30% патоки, представляют собою предмет потребления беднейшего сельского и городского населения. Поэтому 1 р. 60 к. акциза с пуда этой патоки является, прежде всего, с социально-политической точки зрения ненужным налогом, не говоря уже о том, что он препятствует развитию самой крахмально-паточной промышленности. До сих пор акциз искусственно задерживал потребление крахмала в паточной промышленности, направляя его в текстильную промышленность. В настоящее время производственные возможности крахмальной промышленности далеко превосходят потребность текстиля в крахмале и последнему необходим выход на рынок в виде патоки и изделий из нее, что в свою очередь требует освобождения крахмального сахара от акциза.

Далее, пресловутый акциз с прохладительных напитков. Россия—издавна страна частых эпидемий и остро-желудочных заболеваний. Приучение населения к тому, чтобы оно вместо сырой воды пило кипяченую газированную воду (содовую) или фруктовые и хлебные квасы, является весьма важным культурным начинанием. Но на пути к удешевлению и широкому распространению этих напитков стоит акциз в 52 коп. с ведра, вносимый к тому же за полгода вперед. Чтобы понять, какой обузой для указанных напитков является акциз в 52 коп. с ведра, достаточно указать, что с виноградных вин, крепостью до 14°, ныне существует акциз в 64 коп. с ведра и справедливо считается обременительным акцизом. Не мало шума вызвала и недавно установленная ставка в 80 коп. (4 руб. 80 коп. с пуда солода) с ведра пива. А ведь вино и пиво не сравнить с хлебным квасом или содовой водой.

К этой же категории устаревших и ненужных акцизов, засоряющих нашу налоговую систему и непродуктивно вздувающих издержки взимания (необходим учет, необходим надзор, штрафы, взыскания и пр.), следовало бы отнести и акциз со свечей. Последний является по-истине налогом на бедноту и невежество, [1] так как взимается с восковых и парафиновых свечей, идущих почти исключительно для целей религиозной обрядности, отправляемой преимущественно слоями населения, наиболее отсталыми и в духовном и в экономическом отношении.

Лишенные возможности остановиться здесь на каждом акцизе в отдельности, укажем только, что приведенный выше перечень акцизов, подлежащих

[1] Последнее, пожалуй, и не плохо. *Ред.*

отмене в первую очередь, должен быть пополнен акцизом с гильз и папиросной бумаги и акцизом с виноградных вин, крепостью до 14°. В частности, освобождение от акциза столовых вин и расширение сбыта последних благотворно отразилось бы на положении наших виноградно-винодельческих районов, хозяйство которых вот уже ряд лет переживает тяжелый кризис.

Что касается фискального значения отмены перечисленных выше акцизов, то оно относительно очень невелико и к тому же сравнительно с общими результатами акцизных поступлений из года в год резко падает (в милл. руб.).

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Акциз с соли	13,77	15,14	15,57	18,05
„ с сахарн. крахм.	1,45	2,65	2,54	4,00
„ с прохлад. напитк.	1,30	0,43	0,67	1,00
„ со свечей	0,52	0,80	1,45	1,60
„ с гильз. и папир. бум.	0,62	1,63	1,35	1,50
„ с вин до 14°	1,75	4,75	7,04	1,41
Всего по данной группе акцизов	18,41	25,40	28,62	27,56
Общая сумма акцизов	103,45	240,65	50	1.000,00
Отношение первого ко второму	17,8%	10,6%	5,7%	2,8%

Из приведенной таблицы видно, что в абсолютном выражении поступления от рассматриваемой группы акцизов возрасли за последние три года с 18 милл. руб. до 27 милл. руб., в то время, как общая сумма акцизных поступлений возросла со 103 милл. руб. до 1.000 милл. руб. В процентном отношении указанная группа спустилась, таким образом, с 17,8% до 3%.

Не нужно при этом упускать из вида, что чем ничтожнее поступления того или иного налога, тем выше относительно его издержки взимания. Так, издержки взимания акциза с прохладительных напитков достигают 9%—10% всей суммы поступлений от указанного акциза, для акциза со свечей они колеблются около 6%—7%, крахмального сахара—$3^1/_2$%—4% и падают для акциза с соли, вследствие сравнительно высокой фискальной эффективности последнего, до $^1/_2$%—1% соответственной суммы поступлений. Реальная потеря фиска была бы поэтому значительно меньше указанной выше суммы—брутто.

Ценою потери нашим бюджетом трех процентов акцизного дохода мы могли бы освободить народно-хозяйственное потребление от п я т и акцизов полностью и значительно облегчить положение в отношении двух других подакцизных продуктов: виноградного вина и кофе.

Вопрос о кофе стоит, правда, особняком, так как это продукт исключительно привозной. Сейчас он несет у нас двойное обложение: таможенный сбор и акциз. Акциз был недавно понижен (с 80 коп. до 50 коп. с фунта) и в дальнейшем понижении его надобности не встречается. Однако, было бы весьма целесообразно акциз соединить с таможенным сбором. Это избавило бы аппарат Косналога от заботы об одном лишнем акцизе и, кроме того, дало бы возможность при обложении кофе не облагать тех суррогатов, которые примешиваются к нему в готовом виде. В настоящее время это неизбежно происходит при обложении акцизом готового продукта, вследствие чего потребитель несет акциз и с суррогатов кофе, хотя последние и свободны от обложения.

Выгоды подобного соединения акциза с таможенной пошлиной настолько очевидны, что за последнее время неоднократно возникали проекты объединения с таможенной пошлиной также акциза с чая и акциза с импортируемых текстильных изделий. Но насколько просто и легко провести это в отношении кофе, имеющего всего одну ставку акциза, настолько же сложно, почти неосуществимо то же самое в отношении чая и в особенности текстиля, имеющего сильно дифференцированную шкалу акцизных ставок.

В результате изложенной выше реформы по отмене и объединению акцизов путы, связывающие наш торгово-промышленный оборот, были бы значительно ослаблены и одновременно продвижение промышленной продукции в деревню и рост потребления сельского населения были бы заметно облегчены.

А. А. Никитский

Трехлетний финансовый план

(Окончание)

V. Общие итоги трехлетнего финансового плана

1. Общие замечания о материалах и источниках их получения

Познакомившись с методами и предпосылками проектировки, а также с основаниями для исчисления принятых в основу проектировки итоговых бюджетных цифр для 1913-го, 1921/22, 1922/23, 1923/24 и 1924/25 лет, [1] перейдем к анализу достоверности полученных для трехлетия 1925/26 — 1927|28 гг. результатов комбинированной проектировки бюджетов, валовой продукции и ее товарной части.

Эти результаты занесены на таблицу № 2 (напечатана в № 11 „План. Хоз.“). Первая строчка ее A_1 дает цифры валовой продукции, вторая A_2— цифры товарной части ее и третья A_3—бюджетов государственных доходов в миллионах товарных. Эти цифры получены до 1925/26 г. включительно путем перевода первоначальных сумм в червонных рублях по индексу соответствующего года в товарные рубли.

Первоначальные суммы в червонных рублях для бюджетов содержатся в строчке *4б*. В строчке *4а* приведены те же бюджеты государственных доходов, но переведенные из товарных рублей в червонные по одному среднему для шестилетия 1922/23—1927/28 года индексу в 1,53. Таким образом, в строчке *3а* бюджеты выражены в червонной валюте по ее средней покупательной способности в это шестилетие. Вследствие этого проценты ежегодного прироста бюджетов по отношению к каждому предыдущему году здесь одинаковы с процентами того же ежегодного прироста бюджетов в товарных рублях, приведенными в строчке $Б_3$. Строчка В дает проценты прироста к предыдущему году цифр валовой продукции строчки А, а строчка B_2—такие же проценты ежегодного прироста товарной части продукции строчки A_2.

Строчки B_1, B_2 и B_3 дают цифры валовой продукции, товарной части и бюджетов в %% к соответственным цифрам 1913 г.

Строчка Г указывает в каждом году процентное отношение между товарной частью валовой продукции и последней.

Наконец, строчка $Д_1$ и $Д_2$ показывают, какой % в каждом из приведенных лет составлял государственный бюджет—бюджет Союза за вычетом отчислений местам и краткосрочных займов, по отношению к валовой продукции и товарной ее части. Цифры валовой продукции и товарной ее части до 1925/26 г. являются результатом разных исчислений многих лиц и главнейшим образом Б. А. Гухмана, В. Г. Громана и С. Г. Струмилина.

Бюджетные цифры до 1925/26 г. исчислены нами на основании материалов НКФ при содействии сотрудников Госплана СССР А. М. Неусыпина и О. Г. Тара, а все цифры 1926 и 1927 годов представляют результат нашей комбинированной экстраполяции.

---

[1] См. „Плановое Хозяйство“ № 11 за 1925 г.

Мы не будем останавливаться здесь на простом повторении абсолютных цифр таблицы, а лишь на анализе % % прироста и получившихся процентных отношений, так как достоверность проектировки может выяснить лишь исследование взаимоотношений приведенных в таблице абсолютных цифр.

2. Соотношение между бюджетами, народным доходом, валовой продукцией и товарной частью ее

Как уже было отмечено предварительно при обсуждении метода комбинированной проектировки вообще, товарная часть продукции в 1913 г. составила 58% последней, а бюджет этого—15,2% валовой продукции и 25,4% товарной ее части в этом году. Не надо относиться к этим процентным отношениям, как к некоторому абсолютному закону. Если бы мы имели возможность установить среднее процентное отношение между интересующими нас абсолютными величинами валовой продукции и товарной ее частью и бюджетом, скажем, в пятилетие 1909—1913 г., мы получили бы другие процентные числа, однако, что важно отметить, близкие к тем, которые мы получили по 1913 г.

3. Четырехлетие 1921/22—1924/25 гг.

Как бы то ни было, единственная возможность, которой мы обладаем за отсутствием погодных данных о народном доходе в советское время, это брать отношение бюджетов к валовой продукции и к ее товарной части, поскольку худо ли или хорошо исчисления последних сделаны для каждого из последних лет.

Что же представляют и что говорят из себя эти процентные соотношения.

Вот табличка этих процентов:

Бюджеты госдоходов в %:	1913 г.	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25
а) к валовой продукции	15,2	10,8	9,6	9,2	10,0
б) товарной ее части	25,4	25,7	23,8	20,4	18,6

В 1921/22 г. валовая продукция пала до 41,5% ее довоенного уровня, товарная часть ее до 30,0% и бюджет несколько больше до 30,4% уровня 1913 г. Естественно, что бюджет составил в этом году лишь 10,8% валовой продукции и 25,7% товарной ее части.

В следующем 1922/23 г. отношения эти изменились немного, так как валовая продукция возросла до 56,2%, товарная часть до 39,1, а бюджеты лишь до 36,7% уровня 1913 года. Естественно, что бюджет оказался равным лишь 9,6% валовой продукции и 23,8% товарной ее части.

В 1923/24 г. валовая продукция дошла до 61,7% довоенного уровня, товарная часть до 47,9%, а бюджеты остались почти на прежнем уровне 38,6%.

Понятно, что процент их к валовой продукции пал до минимума в советское время, а именно до 9,2%, а к товарной части продукции еще резко понизился, упав до 20,4%.

Наконец, если оправдаются все исчисленные для 1924/25 г. цифры, то валовая продукция в этом году достигает 70%, товарная часть 64%, а бюджет 47,9% уровня 1913 г. В таком случае бюджет составит 10% валовой продукции. Но он составит еще меньший процент, чем в 1923/24 г., а именно 18,6% товарной части продукции 1924/25 г., так как в текущем году товарная часть нашей продукции делает впервые крайне резкий скачек вперед, а именно на $^1/_3$ против одной четверти в 1922/23 и 1923/24 году по отношению к предыдущему году.

Обратим теперь внимание на погодные проценты прироста валовой продукции, товарной части и бюджетов в четырехлетие 1921/22—1924/25 гг.

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
1. Валовая продукция	100%	+ 35,5%	+ 9,8%	+ 13,6%
2. Товарная часть ее	100%	+ 30,4%	+ 22,4%	+ 34,2%
3. Союзные бюджеты	100%	+ 20,5%	+ 5,2%	+ 23,4%

Из этих 4-х лет 1921/22 г. был сильно неурожайным, 1922/23—с урожаем выше среднего, 1923/24—с урожаем ниже среднего и 1924/25—с низким урожаем. В урожайный 1922/23 г. валовая продукция дает максимальный процент прироста, а именно на 35,0%, но гораздо более низкие в оба последующие года. Товарная часть дает, как и валовая продукция, пониженный % прироста в 1923/24 г., доходя до максимального в 34,2% лишь в текущем году весьма неурожайном, но с высокими ценами на хлеб.

Бюджет возрастает на $^1/_5$ в урожайном 1922/23 году, обнаруживает 5,2% прироста в 1923/24 году пониженного урожая и лишь в истекшем неурожайном году дает максимальный % прироста за истекшее время.

Что же получилось в общем для всего этого четырехлетия. Валовая продукция увеличивалась в среднем на 19,6% в год, товарная часть ее на 29,0%, а бюджеты всего лишь на 16,4% в год.

При этом наибольшая колеблемость процентов прироста оказалась у бюджетов, затем у валовой продукции и наименьшая у товарной части продукции, развивавшейся более устойчиво до 1924/25 года включительно.

В чем причина такой эволюции? Товарная часть была наиболее упавшей в 1921/22 г. по сравнению с 1913 г. и ей, согласно закону, по которому то, что в минимуме, должно торопиться, чтобы догнать ушедшее вперед, необходимо подравняться скорее с валовой продукцией, которая доходит в текущем году до 70% уровня 1913 года. Но все же, несмотря на более быстрый темп развития, товарная часть продукции дойдет в этом году лишь до 64% довоенного уровня.

В 1921/22 г. валовая продукция была менее упавшей (40,5%). Поэтому, а также потому, что она более зависит от урожаев, чем товарная часть, она обнаружила меньший темп развития, чем товарная часть.

Бюджет был 1921/22 г. почти столько же упавшим в количественоом выражении, как и товарная часть. В качественном же он состоял чуть ли не на половину из дохода от продналога, а на другую половину из доходов от эмиссии. Показав в 1922/23 г. под влиянием урожая и изменения финансовой системы удовлетворительный процент прироста +20,5%, он дал в 1923/24 г. опять таки под влиянием пониженного урожая, а также медленного совершенствования финансового аппарата и трудной приспособляемости финансовой системы к замене дохода от эмиссии другими источниками, небольшой прирост в 5,2%. Лишь в истекшем году благодаря реформам в этой системе бюджет покажет около 27,5% прироста. На прирост его в 1924/25 г. должно было также благотворно влиять то обстоятельство, что в текущем году государство впервые имело в течение всего года твердую валюту, что для бюджета имеет большое значение. Затем и финансовый аппарат взимания значительно улучшился только в истекшем году.

4. Трехлетие 1925/26—1927/28 гг.

Перейдем теперь к цифрам будущего, т. е. к цифрам трехлетия 1925/26—1927/28 гг.

Специальное исследование Комиссии по контрольным цифрам на 1925/26 гг. при Госплане СССР заставило ее после некоторого преувеличенного варианта остановиться для 1925/26 гг. на цифре в 17.840 милл. тов. или 29.417 милл. черв. валовой продукции и 9.247 милл. тов. или 15.236 милл. черв. товарной части этой продукции. В дальнейшем эти цифры будут фигурировать с несущественным округлением до 29.420, 9.250 и 15.240.

Наше исчисление, изложенное в „Объяснительной записке к контрольным цифрам для доходной части бюджета на 1925/26 год", дало для последнего цифру в 2.061 милл. тов. или 3.400 милл. черв. реальных в вышеуказанном смысле доходов за вычетом сверх того отчислений местам. Цифра всех доходов, как реальных, так и номинальных, включая и отчисления местам, была принята в размере 3.700 милл. черв. или 2.242 милл. тов. с оговоркой, что ее можно будет, повидимому, повысить до 3.800 милл. черв. или 2.303 милл. тов.

Однако, каким бы не оказался бюджет 1925/26 гг. при исполнении его, для проектировки трехлетнего плана это не имеет существенного значения. В качестве исходного пункта мы берем для 1925/26 г. 2.060 милл. тов. или 3.400 милл. черв., как цифры, сравнимые с бюджетом 1913 г. и притом сознательно преуменьшенную на 100 милл. черв. руб. против максимального варианта в 3.800 милл. черв. рублей.

Метод комбинированной проектировки, который мы защищаем, покоится на том, что все общественно-экономические явления развиваются закономерно и между ними должна быть, хотя и не лейбницевская предустановленная гармония, но все же известное постоянство в отношениях, известная пропорциональность отношений. Всякое нарушенное сильно равновесие должно восстанавливаться. Все, что забежало вперед, должно приостановиться в темпе своего развития. Все, что отстало, усилить его, чтобы догнать ушедшее вперед. В какой то год будущего вся система народного и государственного хозяйства должна притти в состояние примерно того равновесия, в котором она была во время своего высшего количественного расцвета, а именно в 1913 г. В этом году, как мы знаем, товарная часть продукции составляла 58% валовой, а бюджет 15,2% валовой продукции и 25,4% товарной ее части. Ниже мы увидим, что мы подойдем к этим отношениям в 1927/28 году.

Пользуясь методом комбинированной проектировки, мы проделали около двух-трех десятков вариантов разного темпа прироста бюджетов, валовой продукции и товарной части ее, прежде чем предложить тот вариант, который кажется нам наиболее вероятным и выдерживающим критику.

Прежде чем приводить цифры для 1926/27 и 1927/28 гг. в их сопоставлении с предыдущими, заметим следующее.

Восстановительный процесс по мере своего завершения требует при проектировке будущих цифр валовой продукции, товарной части и бюджетов ежегодного понижения %% прироста, при этом наибольшего для валовой продукции, среднего для товарной части и наименьшего для бюджетов, так как в 1925/26 г. валовая продукция окажется восстановленной на 90%, товарная часть на 80%, а бюджеты лишь на 70,6% их уровней в 1913 г.

Для того, чтобы уяснить, как могут повлиять здесь на темп прироста урожаи, припомним данные приводившейся выше таблички возможных валовых сборов хлебов, при условии принятых нами количеств десятин и урожайностей. Как видно из таблички, второй вариант валовых сборов, постепенно понижающихся (4.258– 4.099—3.955), может только содействовать погодному замедлению темпов прироста валовой продукции, товарной части и бюджета, обусловленному характером процесса восстановления. Первый же вариант, более вероятный с точки зрения чередования урожайностей, должен несколько замедлить темп прироста интересующих нас явлений в 1926/27 г. и усилить его в 1927/28 г.

Однако, это понижение и последующее повышение темпа развития продукции, товарности и бюджетов не может быть сколько-нибудь значительным.

В виду сказанного приводимые ниже два варианта трехлетнего бюджетно-хозяйственного плана мало разнятся друг от друга.[1]

Согласно первому из них валовая продукция увеличивается в 1926/27 г. на 12,1% против 13,0% второго варианта, но зато растет в 1927/28 гг. на 10,2% против 8,2%.

Также товарность продукции по 1-му варианту растет в 1926/27 гг. на 18,9% против 20% 2-го варианта, но зато увеличивается в 1927/28 гг. на 14% вместо 12%.

Наконец, союзный бюджет увеличивается по 1-му варианту только на 30,6% против 32,0% второго варианта, но зато дает в 1927/28 гг. прирост в 17,2% вместо 14,7% второго варианта.

Итак, сейчас было показано, как разные урожайности и валовые сборы хлебов могут модифицировать процесс погодного восстановления продукции, товарности и бюджетов. Но это не решает еще вопроса, почему мы приняли, вообще, такой темп развития, который привел к следующим результатам восстановления продукции, товарности и бюджетов.

	1-й вариант			2-й вариант	
В %% к 1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Валовая продукция . . .	70	90	100,8	101,2	111,1%
Товарная часть	64	80	95,6	96,7	109,0%
Бюджеты госдоходов . .	47,9	70,6	92,2	93,2	108,0%

Нам нет нужды особо мотивировать переход от 1924/25 гг. к 1925/26 гг., так как это результат работ Комиссии Госплана по контрольным цифрам. Этот результат получился вследствие того, что было принято при переходе от 1924/25 гг. к 1925/26 гг., возрастание продукции в товарных рублях на 28,0%, товарной части ее на 25% и бюджета на 48,4%. Вопрос заключается лишь в следующем: насколько вероятно и достоверно, что валовая продукция может достигнуть по 1-му варианту в товарных рублях 111%, товарная часть ее—109%, а бюджет 108,0% своих довоенных размеров в 1927/28 гг. Не мало ли и не много ли это?

Для ответа на эти вопросы приведем данные о %% ежегодного прироста интересующих нас явлений как в товарных, так и в червонных рублях за все исследуемое время, т. е. с 1921/22 по 1927/28 гг.

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1) Валов. продукц. в тов. руб. . .	—	35,5%	+ 9,8%	+13,6%	+28,0%	+12,1%	+10,2%
2) Валов. продукц. в черв. руб. .	—	—	+53,0%	+20,2%	+18,0%	+ 2,0%	+ 2,85%
1) Товарная часть в тов. руб. . .	—	+30,4%	+22,4%	+34,2%	+25,0%	+18,9%	+14,0%
2) Товарная часть в черв. руб. . .	—	—	+70,0%	+41,1%	+14,0%	+ 8,3%	+ 6,4%
1) Бюджеты в тов. руб.	—	+20,5%	+ 5,2%	+23,4%	+48,4%	+30,6%	+17,2%
2) Бюджеты в черв. руб.	—	—	+45,1%	+30,5%	+34,2%	+18,5%	+ 9,3%

[1] Все 5 вариантов, о которых будет итти речь ниже, нанесены на таблицу № 4.

Выше уже был дан анализ того, почему до 1924/25 гг. включительно развитие интересующих нас явлений шло именно такими темпами, а не иными. Остается доследовать три последних года. Неудивительно, что в таком высокоурожайном году, как 1925/26-ой, валовая продукция снова дает резкий скачек вперед на 28% в тов. рублях и + 18,0% в червонных и дойдет до 90% продукции 1913 г. Естественно также, что товарная часть продукции, только давшая в предыдущем году скачек на 34% в товарных рублях или на 41% в червонных в 1925/26 гг., несмотря на урожай, возвращается к 25% прироста ее в товарных рублях, и показывает, таким образом, в 1925/26 гг. меньший прирост, чем валовая продукция.

Кстати сказать, последняя должна быть лидером и итти впереди восстановления товарности (и бюджета), ибо прежде чем-либо продавать или покупать (или получить в бюджет), надо произвести соответственные блага. В 1923 и 1924 гг. валовая продукция показывала + 9,8 и + 13,6% ежегодного прироста, т. е. меньше, чем товарная часть, которая в это время развивалась за счет товарообмена в натуральной форме. Далее до 1925/26 г. дело с накоплением запасов хлеба, скота и прочего у сельского населения, а также товаров в промышленности и торговле, вообще, обстояло туго. Лишь в 1925/26 г. явятся, повидимому, такие необходимые запасы. Поэтому, если в 1925/26 г. не все, что будет произведено для продажи, будет продано, это будет в известных границах 2—3 месячного запаса шагом вперед. Это еще одна причина, почему в 1925/26 г. продукция должна дать больший процент прироста, чем товарная часть.

Бюджет же, наоборот, настолько отстал по разным причинам, не раз излагавшимся выше, и от роста валовой продукции и от товарной части (47,9% довоенного размера своего в 1924/25 г.), что даже в случае прироста в 1925/26 г. на 48,4% в товарных или 34,2% в червонных рублях он достигнет в 1925/26 г. лишь 70,6% уровня 1913 г., т. е. все же будет еще далеко позади и процента восстановления товарности (80%) и особенно продукции (90%). В то же время следует обратить внимание на то, что в червонных рублях он ежегодно увеличивается до 1925/26 г. включительно свыше, чем на $^1/_3$ с некоторой тенденцией ослабления этого прироста (+45,1% +30,5% +34,2%).

Переходим к 1926/27 году, который мы будем анализировать по цифрам I-го варианта, исходящего из предположения средней урожайности в 50 пудов и валового сбора примерно в 3.825 милл. пудов.

Мы допустили для него прирост валовой продукции в товарных рублях на 12,1% и в червонных на 2%. В таком случае, валовая продукция в этом году подымется до 100,8% довоенного размера ее. Допущенное снижение %% прироста с +28% в предшествующем году до 12—13% не представляет в смысле перехода ничего особенного, так как в 1922—1924 годах мы имели еще более резкий переход (+35,0% +9.8% +13,6%). Кроме того, валовая продукция завершает в 1926/27 году в среднем процесс восстановления; поэтому темп прироста ее должен, вообще, упасть по сравнению с 1925/26 г. Мы допустили сильное падение на 16% по сравнению с предшествующим годом, так как знаем, что восстановительные рессурсы наши, поскольку народное хозяйство СССР варится в собственном соку без существенного притока иностранных капиталов, пришли уже почти к концу. По этой же причине, а также и потому, что с 1927/28 года приходится уже уповать на одну реконструкцию, мы допустили прирост валовой продукции еще меньший, а именно на 10,2—8,2% в товарных или 2,85%—2,4% в червонных рублях. В случае, если оба эти года окажутся вопреки нашим ожиданиям малоурожайными, прирост валовой продукции будет в товарных рублях еще ниже. Другие мотивы, по которым мы остановились на указанных процентах прироста валовой продукции, станут ясны, после того как мы проанализируем полученные результаты проектировки с точки зрения получающихся при ней соотношений между бюджетами, товарной частью и валовой продукцией.

Товарная часть продукции возрастает, как мы видели, в 1925/26 г. на 25%. Мы допустили, что в 1926/27 году она возрастет еще на 18,9—20% в товарных или на 8,3—7,8% в червонных рублях, т. е. значительно больше, чем валовая продукция. Это неизбежно, раз товарная часть должна догонять в своем развитии валовую продукцию. Между тем даже при допущении только что указанных %% прироста, товарная часть и в 1926/27 г. не достигнет своего довоенного уровня, а лишь 95,6—96,7% его. Даже при дальнейшем допущении в 1927/28 г. прироста товарной части продукции на 14—12% в товарных или 6,4%—5,9% в червонных рублях, она достигнет 109% своего довоенного уровня против 111,1% достижения своих довоенных размеров валовой продукцией.

Другим соображением, побудившим нас допустить более крупные проценты прироста товарной части продукции, чем последней, было то, что поскольку предстоящее трехлетие будет более благоприятно, чем истекшее для работы мелкого и среднего частного капитала, это обстоятельство относительно более отразится в торговле, чем в производстве.

Наконец, рассматривая по приведенной выше табличке погодные %% прироста товарной части продукции с 1922/23 г. в товарных рублях, мы видим довольно постоянный прирост на 30,4 + 22,4 + 34,2 + 25,0 далее + 18,9 или 20% в 1926/27 г. и лишь в 1927/28 г. + 14 или 12%. Естественно опять, что в 1926/27 г. необходимо допустить некоторое снижение % прироста товарной части продукции по сравнению с любым из предшествовавших процентов, а в 1927/28 г. еще более резкое, так как и здесь процесс восстановления прежней товарности хозяйства почти заканчивается в 1926/27 году, а в 1927/28 году товарная часть продукции становится по своим абсолютным размерам больше довоенной.

Переходим к бюджету, который и в будущем 1925/26 г. достигнет лишь 70,6% уровня 1913 г. против 80% уровня товарной части и 90% размера в том же году валовой продукции. Для бюджета нами принят прирост от 30,6 до 32,0% в товарных или от 18,5 до 20,0% в червонных рублях для 1926/27 г. и в 17,2—14,7% в товарных или 9,3—8,3% в червонных рублях для 1927/28 года. Если эти %% прироста оправдаются, то бюджет СССР достигнет в 1926/27 г. 92,2—93,2%, а в 1927/28 г. 108,0%—106,8% своего размера в 1913 г.

Так как бюджет более всего отстал в процессе своего восстановления, то для него пришлось принять еще большие проценты прироста в 1926 и 1927 годах, чем даже для товарной части продукции. По тем же мотивам, что и для валовой части продукции и товарной ее части в 1927/28 г. допущено понижение темпа прироста бюджета в среднем для обоих вариантов почти вдвое.

Рассматривая опять-таки по приведенной выше табличке погодные проценты прироста бюджета СССР в товарных рублях с 1922/23 г., мы видим, что они испытывают и за весь этот период максимум колебаний. При этом естественно, что в 1926/27 году — втором урожайном — бюджет может дать + 30,6% прироста, если он смог дать + 27,5% прироста в 1924/25 неурожайном году и что в 1927/28 году он дает наименее низкий % прироста + 17,2—14,8%, если не считать исключительного для бюджета 1923/24 г., когда он дал в товарных рублях наименьший прирост в 5,2%.

Метод комбинированной проектировки позволяет прокритиковать теперь полученные результаты с точки зрения тех пропорций, которые получились у нас для цифр валовой продукции, товарной части и бюджетов в каждом году.

В 1913 г., как было установлено выше, валовая продукция равнялась 19.834 милл. товарных рублей, товарная часть ее—11.509 милл. товар-

ных руб., а бюджет—2.919 милл. товарных руб. При этих цифрах товарная часть продукции составляла 58% валовой продукции, а бюджет—15,2% этой продукции или 25,4% товарной ее части. В советское время эти коэффициенты были до 1923/24 г. включительно и представляются в результате проектировки (по 1-му варианту) для остального периода таковыми.

	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1913 г.
1. Товарная часть продукции в %% к валовой	41,9	40,4	45,0	53,2	51,8	55,0	56,9	58
2. Бюджеты в %%								
а) к валовой продукции . .	10,8	9,6	9,2	10,0	11,6	13,45	14,3	15,2
б) к товарной части ее . .	25,7	23,8	20,4	18,6	22,3	24,5	25,1	25,4

Рассматривая эту табличку, мы видим, что товарная часть продукции в общем шла и пойдет за это время к довоенному коэффициенту 58. При этом были колебания его вниз в те годы, когда валовая продукция делала резкий скачек вперед, как, например, в 1922/23 г. и в 1924/25 г., т. е. в оба высокоурожайных года. И, наоборот, когда товарная часть продукции показывала больший % прироста к предыдущему году, чем валовая продукция, то коэффициент был выше и правильно нарастал (в 1921/22, 1923/24, 1924/25, 1926/27 и 1927/28 г.г.). В частности для 1926/27 г. нами предположено крайне осторожное, можно сказать, скупое, повышение этого коэффициента, если, говоря вообще, он должен по правилу нарастать.

* * *

Обратимся теперь к анализу бюджетов в %% к валовой продукции. Мы видим здесь с 1921/22 по 1925/26 г. некоторую устойчивость этого коэффициента, колеблющегося около 10%; но сначала он падает—10,8%—9,6%—9,2%, а затем подымается—10%—11,6%. Этот подъем сохранен нами в оба остальные года, так что в 1926/27 г. мы имеем уже 13,45%, а в 1927/28 г. коэффициент—14,3%. Годом перелома в движении этого коэффициента, долженствующего тоже приближаться к довоенному в 15,2%, является 1923/24 г., когда бюджет, по причинам, изложенным выше, обнаружил в товарных рублях наименьший прирост.

В 1921/22 г. бюджет из продналога и эмиссии был относительно тяжелее, чем в 1922/23 г. и особенно в 1923/24 г. Для 1921/22 г. этому можно найти объяснение в том, что и продукция, а тем паче товарная часть ее были весьма низки—соответственно 41,5 и 30,0% своих довоенных размеров, при бюджете в 30,4% уровня 1913 г. Затем продукция быстро нарастает на 35,5 и 9,8%, а бюджет на 20,5 и + 5,2%, держась в среднем два года на 37,6% уровня 1913 г. Естественно, что он в эти два года берет уменьшающуюся долю из народного и, в частности, из крестьянского хозяйства. Так еще в 1922/23 г. сельхозналог (11,9%) плюс эмиссия (30,2%), тоже ложившаяся главным образом на крестьян, дали 41,5% всего бюджета. В 1923/24 г. сельхозналог (8,6%) плюс эмиссия (7,9%) дали лишь 16,5% всего бюджета, а в 1924/25 г. один сельхозналог—12% бюджета. Словом,

среди первых трех лет 1923/24 г. с точки зрения того, сколько брал бюджет из народного и крестьянского хозяйства, был для последних самым легким годом.

Дальнейшие годы с этой точки зрения равны по своему значению для народного хозяйства в целом: 1924/25 г., ему—1922/23 г., 1925/26 г. будет несколько тяжелей 1921/22 г., 1926/1927 г. и 1927/1928 г. подведут нас через коэффициенты 13,4% и 14,3% к коэффициенту 1913 г. в 15,2%. Однако, при этом не следует забывать, что это будет достигнуто благодаря, главным образом, усиленному росту неналоговых коммерческих, а не налоговых доходов, как об этом подробно говорилось выше в очерке социализации наших бюджетов. Такая реконструкция их не позволяет говорить об увеличении в ближайшие годы именно тяжести обложения.

* * *

Не останавливаясь на эволюции коэффициента, характеризующего отношение бюджета к товарности, мы видим, что в результате нашей проектировки для 1927 г. сравнительно с 1913 г. получились по 1 варианту такие абсолютные цифры и процентные отношения между ними.

	1923 г.	1927/28 г.	В %% к 1913 г.
1. Валовая продукция . .	19.834	22.040	111,1
2. Товарная часть ее . .	11.509	11.000	109,0
3. Бюджет госдоходов . .	2.919	3.152	108,0
4. Товар. часть в %% к продукции	58%	56,9%	
5. Бюджеты в %% . . .			
а) к валовой продукции	15,2%	14,3%	
б) к товарной части . .	25,4%	25,1%	

Итак, при абсолютных цифрах, несколько выше довоенных, процентные отношения между ними в 1927/28 г. получились несколько ниже довоенных. Такой результат кажется нам наиболее достоверным вследствие того, что нельзя допустить, чтобы в 1927/28 г. финансовый аппарат стал более совершенным, а финансовая система лучше приспособившейся к новым условиям извлечения доходов, чем это имело место в 1913 г. в результате векового процесса развития.

Обратное предположение, весьма оптимистическое, что в 1927/28 г. товарная часть достигнет большего развития, чем валовая продукция, а бюджет обгонит в своем развитии и товарную часть, приводит к 3-му варианту финансово-хозяйственного плана, приведенному на таблице № 4. Он построен на достижении в 1927/28 г. тех же 111,1% довоенного уровня валовой продукцией, но не 109, а 112% товарной частью ее и не 108, а 113% уровня 1913 г. бюджетом. В таком случае в 1926/27 г. для товарной части продукции приходится принять достижение 98,1%, а для бюджета 95,3% их размеров в 1913 г.

Получающиеся для обоих лет в этом случае коэффициенты отношений между товарной частью и продукцией—56,4 и 58,8% бюджетом и продукцией—13,9 и 15,0% (весьма высокий) и бюджетом и товарной частью—23,9% и 25,75—сами по себе возможны в таком сочетании. Но процент товарной части к продукции—58,8 выше довоенного 58,0%, а % бюджета к товарной части 25,75 тоже выше довоенного коэффициента в 25,4%. Все это говорит о крайней напряженности и малой вероятности такой проектировки.

Кроме того, для бюджета в этом случае приходится допускать весьма высокий процент прироста в 1926/27 г., именно + 35,0%, хотя и допущен-

ные в 1-м и 2-м варианте %% прироста к 1925/26 г. достаточно высоки—30,6% и 32,0%. Особенно это бросается в глаза, если обратить внимание на то, что они следуют после максимального из всех бывших ранее процентов прироста, а именно после прироста бюджета в 48,4% по отношению к 1924/25 г.

Последние замечания естественно приводят нас к варианту для скептиков № 4. Он отличается от предыдущих тем, что при предположении того же темпа развития за продукцией, принят меньший темп для развития товарной ее части (+ 16,8 и + 14,1%) и для бюджета (+ 26,2% и + 16,2%).

В таком случае восстановление товарной части в 1926/27 г. и 1927/28 г. достигнет соответственно 93,8 и 107,0%, а восстановление бюджетов—89,1 и 103,5%.

Коэффициенты же отношений между занимающими нас явлениями выразятся такими процентами: товарная часть продукции составит последовательно 54 и 55,9% валовой продукции, а бюджеты 13,0 и 13,7% продукции или 23,9 и 24,5% товарной ее части.

Во всех приведенных выше вариантах, кроме 2-го, прирост продукции был предположен в одном и том же размере, который кажется нам наиболее вероятным. Да и во втором варианте он изменен для 1926/27 г. и 1927/28 г. в виду того, что он построен на 2-м варианте принятых сборов хлебов.

В 5-м варианте предположен еще более крупный рост продукции в 1926/27 г., именно на 17,2% с понижением этого процента до 8 в 1927/28 г., чтобы не увеличивать ее еще больше в этом году. Такой прирост продукции, вообще, сомнителен, так как он дает для 1926/27 г.—105,3 довоенного уровня, а для 1927/28 г. даже 113,7%.

Далее при оставлении прироста товарной части продукции в том же масштабе (11.100 милл. тов.), как во 2-м варианте, она дает 53,1% валовой продукции в 1926/27 г. и 55,2% в 1927/28 г. Между тем мы считаем такой коэффициент, как 55%, скупым даже для 1926/27 г. Почему, это было объяснено выше. Если бы мы вздумали принять его для 1926/27 г. и в 5-м варианте, то мы подняли бы невероятно цифры товарной части продукции против цифр даже 3-го варианта, который мы признали максимальным.

В самом деле, приняв коэффициент в 55% для 1926/27 г., мы получили бы для этого года товарную часть продукции в 11.490 милл. тов. руб. или на 24,2% более, чем в 1925/26 г. Такой процент ее прироста, после того как она увеличилась в 1925/26 г. на 25% против 1924/25 г., мы считаем маловероятным. Допущение его привело бы нас далее к необходимости признать возможность восстановления товарной части продукции до 108,5% ее довоенного уровня уже в 1926/27 г. Наконец, процент отношения бюджета к товарной части (2.680 : 11.490) ненормально понизился бы до 23,4 вместо 24,1% и стал бы ненормально низким для этого года. Повысить же цифру бюджета до 2.780, как в 3-м варианте, это значило бы вернуться вновь к варианту бюджета, отвергнутого за его максимальность. Наконец, этот вариант сделан безо всякого согласования с возможными валовыми сборами хлебов.

Одним словом, поскольку метод комбинированной проектировки позволяет приводить доказательства от противного, постольку 5-й вариант представляет одно из доказательств этого рода: анализ этой проектировки, на первый взгляд тоже правдоподобной, показывает при более внимательном разборе ее ошибочность.

* * *

Нам осталось проанализировать полученные результаты (по таблице № 3) с точки зрения разных сопоставлений, которые могут обнаружить правдоподобность получившихся итогов по наиболее вероятному варианту № 1 таблицы № 4, нанесенному и на таблицу № 2.

Получившиеся у нас %% прироста к предшествующему году можно сравнить с таковыми же довоенных бюджетов 1907/08—1912/13 г., доходная часть которых пересчитана нами по операционным годам с октября по сентябрь.

Вот это сравнение:	1922/23	1923/24	1924/25		1925/26	1926/27	1927/28	
Проценты прироста государ. бюджетов к предыд. году	+ 20,5	+ 5,2	+ 23,4		+ 48,4	+ 30,6	+ 17,2	
			+ 16,4%				+ 32,1%	
	1907/08	1908/09	1909/10		1910/11	1911/12	1912/13	
	+ 3,0	+ 2,8	+ 12,1		+ 6,1	+ 4,1	+ 10,0	
			+ 6,0%				+ 7,4%	

Как видно из этих цифр, у нас запроектировано в урожайное трехлетие 1925—1927 гг. удвоение среднего процента прироста (+ 32,1) против неурожайного трехлетия 1922—1924 гг. (+ 16,4). Возможно ли такое допущение? Прямая аналогия с последними шестью довоенными годами не позволяет ответить на этот вопрос, так как там во второе трехлетие попал весьма неурожайный 1911 год, а в первое хорошо урожайный 1909 год. Поэтому средний процент прироста во второе трехлетие (+7,4%) оказался там немногим выше его в предшествовавшем трехлетии. Но, если мы сравним, напр., средние проценты прироста по двухлетиям 1907/08 годов и 1909/10 годов, то увидим, что первый +2,9% значительно ниже второго +9,2%, примерно в 3 раза. Процент прироста 1908 г. (+2,8%) в четыре с лишним раза менее такового же в 1909 г. (+12,1%), а 1911 г. (+4,1%) в 2,5 раза 1912 г. (+10,0%). Наконец, средний процент прироста трех лет—1907, 1908 и 1911—3,3% ниже такового же в 1909, 1910 и 1912 гг. 9,4% почти в 3 раза. Поэтому наше предположение, что в ближайшее трехлетие, если оно окажется действительно урожайным, средний процент прироста бюджетов будет примерно вдвое более высоким, чем в неурожайное, может вызывать сомнения разве лишь с точки зрения того, не является ли оно преуменьшенным.

Далее если в истекшее трехлетие средний процент прироста бюджета оказался 16,4 или почти в 3 раза большим, чем в трехлетие 1907—1909 гг., а в трехлетие 1925—1927 годов (+32,1%) будет в четыре с половиной раза больше, чем в трехлетие 1910—1912 гг., то это объясняется процессом восстановления нашего бюджета, который за это время возрастает с 30% до 108% своего довоенного уровня. Затем, как видно из %% прироста 1909 года к 8-му +12,1% и 1910 года к 9-му +6,1% бюджет давал во второй урожайный год значительно меньший процент прироста, чем в первый. Также и у нас запроектирован для первого высоко урожайного года прирост в 48,4%, для второго просто урожайного +30,6% и для третьего повышенно урожайного +17,2%. Таким образом, это понижение погодных процентов прироста вызывается не только тем, что восстановительный процесс заканчивается у нас в 1927/28 г., но и тем, что мы приняли под ряд три урожайных года.

В среднем для всего шестилетия у нас получился ежегодный прирост бюджета на 24,4% или примерно в $3^1/_2$ раза более высокий, чем в шестилетие 1907—1912 гг.—на 6,7%. В это шестилетие бюджет возрастал ежегодно на 171 милл. руб., а у нас возрастает на 377,3 милл. тов. руб. в год или на сумму в 2,2 раза бо́льшую. При этом в 1907—1909 гг. бюджет возрастал ежегодно в среднем на 144,6 милл. руб., а в 1922—1924 гг. на 167 милл. руб.;

в 1910—1912 гг. на 197 милл. руб., а в 1925—1927 гг. предположено возрастание на 586 милл. тов. руб. в год.

Прирост довоенных бюджетов по плавному уровню, исключенному для шестилетия 1907—1912 гг. по прямой линии, дает среднее ежегодное наростание в 173 милл. руб., почти совпадающее с средним приростом не по плавному уровню (см. выше 171). В шестилетие 1922—1927 гг. получается ежегодный прирост бюджетов по плавному уровню, исключенному тоже по прямой линии, в 395, т. е. в сумме несколько более высокой, чем приведенная выше в 377,3 милл. руб. прироста не по плавному уровню.

Наконец, наиболее точно, как видно уже из самых цифр таблицы № 3 (строчка Γ_3), отражает принятые в первой строчке таблицы цифры бюджетов для всего семилетия, плавный уровень их, исключенный по параболе 3-го порядка.

Выше было указано, что эмпирически процесс восстановления лучше всего характеризуется плавными уровнями, исключенными по параболам 3-го порядка.

Выше было указано, что мы исчисляем (см. таблицы № 1, 2 и 4) бюджеты СССР за вычетом отчислений местам и краткосрочных займов в 2.500 милл. руб. в 1924/25 г. и в 3,400 милл. черв. руб. в 1925/26 г. Если же брать бюджеты реальных доходов и прибавить отчисления местам, то итоги их поднимаются до 2.710 милл. руб. в 1924/25 г. и 3.640 милл. черв. руб. в 1925/26 г. Отсюда видно, что фактические бюджеты реальных доходов, если брать их с отчислениями местам, делаются выше сравнимых с 1913 г. бюджетами реальных доходов на 3,6% в 1924/25 г. и на 6,0% в 1925/26 г.

Если предположить далее, как было допущено выше, что контингент годового оклада сельхозналога будет из года в год несколько уменьшаться, а промысловый налог и лесной доход медленно наростать, то ожидать увеличения процента отчислений не приходится, разве только за счет изменения самого закона о размере этих отчислений или повышения ставок самого налога или цены копеечины.

Реальные доходы и при том без отчислений местам запроэктированы у нас по первому варианту таблицы № 4 на суммы в 4.035 милл. черв. руб. в 1926/27 г. и на 4.413 милл. черв. руб. в 1927/28 г. Если предположить, что фактические бюджеты будут больше сравнимых с бюджетом 1913 г. в 1926/27 г. на 6,5% и в 1927/28 г. на 6,3%, то итоги их повысятся соответственно до 4.297 и 4.693 милл. черв. руб., или за округлением до 4.300 и 4.700 милл. черв. руб. В таком случае рост валовых союзных бюджетов будет выражаться такими рядами в червонных и товарных рублях.

Валовые бюджеты реальных доходов с отчислениями местам в милл. черв. рублей.

Г О Д Ы	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
1. Реальные бюджеты . .	1.305	1,914	2.500	3.400	4.035	4.413
2. Отчисления местам . .	48	110	210	255	265	280
3. Бюджеты с отчислен. .	1.353	2.024	2.710	3.655	4.300	4.693
4. Прирост к предыд. г. .		+49,6%	+33,9%	+34,9%	+17,6%	+9,1%
5. Отчисления в %% к реальным бюджетам .	3,6%	5,0%	8,1%	7,0%	6,5%	6,3%
Тоже в миллионах товарных рублей						
1. Реальные бюджеты . .	1.070	1.126	1.389	2.061	2.690	3.152
2. Отчисления местам . .	40	64	117	154	177	200
3. Бюджеты + отчислен. .	1.110	1.190	1.496	2.215	2.867	3.352
4. Прирост к пред. г. . .	+24,7%	+7,2%	+25,2%	+48,1%	+30,0%	+16,6%

Вот в каком виде обрисовываются контуры возможных в ближайшее трехлетие союзных бюджетов вместе с отчислениями местам, а также погодное развитие их во все шестилетие. Эти итоги, как включающие отчисления местам, не совсем сравнимы с бюджетом 1913 г., но могут быть выражены в их отношении к принятым у нас цифрам валовой продукции и ее товарной части.

Приглядимся теперь к следующей табличке, характеризующей отношения фактических бюджетов с отчислениями местам к валовой продукции в соответственные годы.

	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1927/28	1928/29
Валовая продукция .	8.230	11.150	12.240	13.900	17.840	20.000	22.040
Бюджеты	890 [1]	1.110	1.190	1.496	2.215	2.867	3.352
% вторых к первой .	10,9%	10,0%	9,7%	10,7%	12,4%	14,3%	15,2%

Выше было уже отмечено и объяснено, почему бюджет 1921/22 года был весьма тяжелым для народного хозяйства. По мере денатурализации его и перехода к твердой валюте он становится более легким для народного хозяйства. Этот процесс закончился в 1923/24 г., когда бюджет составил всего 9,7% от валовой продукции. С 1924/25 г. начался плавный рост удельного веса бюджета в народном хозяйстве в смысле приближения его к довоенному коэфициенту около 15,2%. Теперь, когда мы относим в этой табличке к прежней цифре валовой продукции сумму бюджета с отчислениями местам, все мы получаем, что в 1927/28 г. бюджет достигнет, как и в 1913 г. 15,2% валовой продукции вместо 14,3%, полученный нами, когда мы брали возможный в этом году бюджет без отчислений местам.

5. Трехлетний план сводного местного бюджета

В заключение мы должны сделать попытку представить, сколько берут и будут брать из народного хозяйства государственный и местные бюджеты вместе. Это только предварительная попытка. Главная трудность здесь в установлении цифр современных местных бюджетов.

Мы приняли, что сводный бюджет местных доходов равнялся в 1922/23 г. 227 милл. черв. руб. или 186 милл. товарн. руб., а за вычетом отсюда 48 милл. черв. или 40 милл. товарн. отчислений из госбюджета 187 милл. черв. или 146 милл. товарн. руб. Для того, чтобы сумма в 227 милл. руб., как относящаяся к меньшей территории, была вполне сравнима с последующими, надлежало бы повысить ее еще на некоторый коэффициент. Но мы этого не сделали пока, так как встретили ряд затруднений в определении этого коэффициента, которые пока не удалось устранить. Поэтому в приводимых ниже динамических коэффициентах прироста местного бюджета в 1923/24 г. чрезвычайно высоких надо иметь в виду, что на самом деле

[1] Эта цифра только из принципа повышена нами на 2 милл. тов., ибо неточность в ее исчислении может значительно превосходить сумму отчислений этого года, исчисленной НКФ в 4,3 милл. золотых индексных руб. НКФ.

они должны быть ниже. Однако, не настолько, чтобы существенно изменить наше представление об этом коэффициенте для 1923/24 г. Ибо в этом году местный бюджет настолько резко вырос по сравнению с 1922/23 г., что какая нибудь поправка цифры 1922/23 г. на + 7,8% не может значительно изменить картины этой динамики.

Оффициальная цифра сводного местного бюджета 1923/24 г. 640,6 милл. черв. руб. (согласно с неопубликованным отчетом по исполнению бюджета на этот год). Мы округлили ее до 670 милл. черв., так как в нее не включен местный бюджет Закавказской СФС Республики. Эту прибавку нам пришлось разнести и по отдельным видам поступлений в этот бюджет.

Цифра наиболее вероятных действительных поступлений местного бюджета в 1924/25 г. определена нами в результате специального исследования в 970 милл. черв. или 539 милл. товарн. руб. против почти 900 милл. черв., предположенных отделом местных финансов НКФ ССР. В частности вся сумма отчислений из госбюджета в местные средства определилась в результате этого исследования в 210 милл. черв. руб. Эти отчисления могут оказаться еще на несколько миллионов выше, чем принято у нас, хотя отдел местных финансов НКФ ССР принимает их пока в сумме около 190 милл. рублей.

Наконец, для 1925/26 г. нами тоже произведено специальное исследование наиболее вероятных, действительных поступлений, причем как по отчислениям, так и по надбавкам к госналогам и доходам, цифры местных бюджетов 1924/25 и 1925/26 гг. совершенно увязаны с нашими исчислениями возможных выручек от сельхозналога, промналога и лесного дохода, сделанными для контрольных цифр Госплана. В результате второго исследования цифра сводного местного бюджета для 1925/26 г. была определена нами в 1.230 милл. черв. или 745 милл. товарн., причем не исключена возможность исполнения этого бюджета и в сумме до 1.250 милл. черв. руб.

Выше были приведены цифры отчислений для 1926/27 года—265 милл. черв. руб. и для 1927/28 г. — 280 милл. черв. руб., определенные чисто гипотетическим путем, а именно, обоснованным в тексте предположением, что процент их по отношению к реальным бюджетам должен несколько понизиться — с 7% в 1925/26 г. до 6,5% в 1926/27 г. и 6,3% в 1927/28 году.

Для того, чтобы иметь возможность просуммировать бюджеты собственно государственных и собственно местных средств, состоящих из надбавок к госдоходам дотаций или субвенций, и прочих средств (местные налоги и сборы, доходы от имуществ и предприятий и разные доходы до остатков—свободной наличности, позаимствований из фондов и кредитных операций), необходимо было еще определить наиболее вероятные цифры дотаций и субвенций. Последние были приняты в тех суммах: 22 милл. черв. руб. (дотации) в 1923/24 г., 50 милл.—в 1924/25 г., 75—90 и 100 милл. черв. субвенций последовательно в 1925/26—1927/28 гг. Тогда суммы отчислений и субвенций определились такими цифрами: 132 милл. черв. руб.—в 1923/24 г., 260 милл. черв. руб.—в 1924/25 г., 330 милл. черв. руб.—в 1925/26 г., 355 милл. черв. руб.—в 1926/27 г. и 380 милл. черв. руб.—в 1927/28 г. После этого (путем вычитания из принятых общих итогов местных бюджетов в интересующие нас годы) оказалось возможным определить и размеры собственно местных средств. При этом расчет для 1926/27 г. и 1927/28 г. сделан в трех вариантах, а возможность каждого из них тоже проверена разбивкой на отдельные слагаемые. Результаты проектировки занесены на следующую таблицу (см. след. стр.).

Местные бюджеты с отчислениями и субвенциями из госбюджетов в милл. товарн. руб.

	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Варианты: Преуменьш. 1926/27 г.	Преуменьш. 1927/28 г.	Принятый 1926/27 г.	Принятый 1927/28 г.	Преувелич. 1926/27 г.	Преувелич. 1927/28 г.
Отчисления . .	25	40	78	144	200	237	272	237	272	237	272
% прироста .	—	—	+ 90,5	+ 84,6	+ 40,0	+ 16,5	+ 14,8	+ 16,5	+ 14,8	+ 16,5	+ 14,8
Прочие средства . . .	618	146	316	395	545	626	707	663	793	730	858
% прироста . .	—	—	+116,4	+ 25,0	+ 38,0	+ 14,8	+ 13,0	+ 21,6	+ 19,6	+ 34.0	+ 17,5
Итого . .	643	186	394	539	745	863	979	900	1.065	967	1.130
% прироста	—	—	+111,8	+ 36,8	+ 38,2	+ 15,8	+ 13,4	+ 22,1	+ 18,3	+ 30,0	+ 16,8

Местные бюджеты с отчислениями и субвенциями из госдоходов в милл. черв. руб.

	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Варианты: Преуменьш. 1926/27 г.	Преуменьш. 1927/28 г.	Принятый 1926/27 г.	Принятый 1927/28 г.	Преувелич. 1926/27 г.	Преувелич. 1927/28 г.
Отчисления . .	—	48	132	260	330	355	380	355	380	355	380
% прироста . .	—	—	+ 27,5	+ 20,0	+ 26,9	+ 7,6	+ 7,0	+ 7,6	+ 7,0	+ 7,6	+ 7,0
Прочие средства . . .	—	179	538	710	900	940	990	995	1.110	1.096	1.202
% прироста . .	—	—	+200,0	+ 32,0	+ 26,7	+ 4,4	+ 5,3	+ 10,5	+ 10,5	+ 21,8	+ 9,7
Итого . .	—	227	670	970	1.230	1.295	1.370	1.350	1.490	1.451	1.582
% прироста	—	—	+195,2	+ 29,9	+ 26,6	+ 5,4	+ 5,9	+ 9,8	+ 10,4	+ 18,0	+ 9,0

Отчисления и прочие средства в %% к итогу каждого года.

	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Варианты: Преуменьш. 1926/27 г.	Преуменьш. 1927/28 г.	Принятый 1926/27 г.	Принятый 1927/28 г.	Преувелич. 1926/27 г.	Преувелич. 1927/28 г.
Отчисления . .	—	21,5	19,8	26,8	26,9	27,5	27,8	26,4	25,6	23,5	24,1
Прочие средства . . .	96,1	78,5	80,2	73,2	73,1	72,5	72,2	73,6	74,4	76,5	75,9
Итого . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Прежде чем исследовать вероятность цифр, приведенных в настоящей табличке, остановимся еще на цифрах 1913 г.

Местные средства в 1913 г. составились из следующих сумм: весь местный бюджет 1913 г. на территории СССР равнялся по нашему исчислению приблизительно 643,1 милл. руб., в том числе 618 милл. руб. собственно местных средств и около 25 милл. руб. дотации.

Обратимся теперь к анализу таблички местных средств. Для 1926/27 и 1927/28 гг. на нее нанесены три варианта вероятных итогов местных бюджетов: 1-й преуменьшенный. Он построен на гипотезе, что в 1927/28 г. соотношение между госбюджетом (3.352 милл. товарн.) и собственно местными средствами будет такое же, как и до войны, т. е. что госбюджет даст Союзу 82,5%, а места 17,5% всех средств проходящих через союзы публично-правового характера. Уже по этой табличке видно, что он преуменьшен. Этот вывод вытекает из весьма ничтожных процентов прироста, как всего местного бюджета, так и собственно местных средств (+ 5,4% + 5,9%, а также + 4,4 и 4,3%, в 1926/27 и 1927/28 гг. Еще лучше это видно из соответствующих этим процентам абсолютных цифр, которые разнятся друг от друга на 40—50 и 65—85 милл. руб.).

Третий вариант, наоборот, является преувеличенным. Он построен на предположении, что бюджет местных средств будет развиваться в черв. руб. такими же процентами прироста, как и госбюджет (см. выше) + 18/17,6% в 1926/27 г. и + 9,0% в 1927/28 г. В таком случае должны очень быстро расти собственно местные средства (все, кроме отчислений и субвенций). Однако для такого предположения 1924/25 и 1925/26 г., а равно и целый ряд других соображений не дают никакого повода. Еще яснее мы увидим это ниже.

Нами принят второй—средний между обоими упомянутыми вариант, в котором допущено лишь некоторое превышение процентов прироста собственных средств над приростом отчислений. Процент же прироста последних определился выше, когда мы допустили, что их суммы будут последовательно равны 6,5 и 6,3% итогов реальных государственных бюджетов соответствующих лет.

Из приведенных внизу табличек местных средств процентных отношений к итогу каждого года отчислений и собственно местных средств видно, что за исключением 1922/23 г. и 1923/24 г., когда собственно местные средства имели большой удельный вес 78,5 и 80.2% итога (местного бюджета), так как госбюджет мало мог помочь местам (21,5% и 19,8% указанного итога), в 1924/25 г. и 1925/26 г. мы видим понижение удельного веса собственно местных средств до 73,2 и 73,1% всего местного бюджета. Однако, было бы рискованно принять, как это имеет место в преуменьшенном варианте, дальнейшее ослабление удельного веса этих средств до 72,5 и 72,2% местного бюджета или, наоборот, такое увеличение этого веса, какое получилось в третьем преувеличенном варианте, а именно до 76,5 и 75,9% этого бюджета. Нами принято лишь некоторое повышение удельного веса собственно местных средств, а именно до 73,6 и 74,4%, против 73,2 и 73,1% в 1924/25 г. и 1925/26 г. всего бюджета и некоторое понижение значения отчислений до 26,4 и 25,6% итога местного бюджета. Реконструкция самых источников питания местного и государственного бюджетов в смысле необходимости усиленных капитальных затрат потребует от последнего такого напряжения этих затрат на финансирование сельского хозяйства и промышленности, что местные бюджеты не могут рассчитывать на большее увеличение субвенций, а суммы от отчислений и надбавок будут определяться общим развитием госбюджета.

Следующая табличка с более детальной разбивкой местных средств покажет еще наглядней, почему мы остановились для 1926/27 г. и 1927/28 г.

именно на том варианте, который является по цифрам средним между двумя крайними.

Детальная таблица местных бюджетов

(В милл. червон. руб.)

	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Варианты: Преум. 1926/27 г.	Преум. 1927/28 г.	Принят. 1926/27 г.	Принят. 1927/28 г.	Преув. 1926/27 г.	Преув. 1927/28 г.
1. Отчисления	—	1	110	210	255	265	280	265	280	265	280
2. Субвенции	—	—	22	50	75	90	100	90	100	90	100
Итого	—	49	132	260	330	355	380	355	380	355	380
3. Надбавки	—	55	140	187	260	289	325	289	325	289	325
Итого (1-2-3)	—	104	272	447	590	644	705	644	705	644	705
4. Местные сборы	—	48	70	59	68	71	72	71	75	72	78
5. Имущества и предприятия	—	75	243	370	465	480	497	535	615	622	667
6. Остальные доходы	—	?	85	95	97	100	96	100	105	107	120
Итого (4-5-6)	—	123	398	524	630	651	665	706	795	801	865
Итого (3-4-5-6)	—	178	538	710	900	940	990	995	1.110	1.096	1.202
Всего	—	227	670	970	1.230	1.295	1.370	1.350	1.490	1.451	1.582

Первые три источника доходов мы должны принимать во всех вариантах неизменными в 644 и 705 милл. руб., если брать их общую сумму. В таком случае все возможные вариации выпадают на долю 4, 5-го и 6-го источника доходов. Рассчитывать на быстрый рост местных налогов и сборов (4 строчка) не приходится. В 1924/25 г. мы видим даже падение выручки от них вследствие отмены многих из них. Местное налоговое творчество достаточно уже скомпрометировало себя, чтобы ожидать поощрения его в будущем. Можно поэтому оспаривать даже цифры возможной выручки от местных сборов, принятые нами (для 1926/27 и 1927/28 и для 1925/26 гг. по минимальному варианту), (68—71—72), не говоря уже про максимальный (72—78), или средний (71—75). Следовательно, роста местных бюджетов надо искать не здесь. Точно также не следует искать его среди „остальных доходов“, где только кредитные операции могут получить современем большое развитие. Пока же здесь можно ожидать только медленного прироста средств. Остаются, значит, собственные имущества и предприятия, т. е. доходы коммерческого характера.

Однако, если принять для 1926/27 и 1927/28 гг. бюджетные итоги в 1295 и 1370 милл. руб., то для прироста доходов коммерческого характера (5 строчка) не остается ничего, кроме 15 милл. в первом и 17 милл. во втором из этих

лет. С остальными доходами получается невязка. Приходится допустить их подъем до 100 милл. руб. и последующее падение до 96. Если же убрать 4 милл. из остальных доходов в 5-ую строчку, получается неверный динамический ряд по 5-ой строчке, а если совсем выкинуть 5 милл., то получается сомнительная динамика по 6 строчке и по всему итогу. Все это происходит потому, что нельзя уложить трехлетку в рамки 1230—1370 милл. черв. руб. Эти рамки слишком тесны, если не забывать притом, что 1925/26 г. может дать до 1250 милл. черв. руб.

Наоборот, в случае принятия итоговых цифр 3-го варианта в 1451—1582 милл. черв. руб., получается сомнительный по темпу прирост местных налогов и сборов, еще более сомнительный для „остальных доходов" и прямо невозможный по доходу с имуществ и капиталов с 465 в 1925/26 г. до 622 в 1926/27 г. и до 667 милл. черв. руб. в 1927/28 г. Вся резкость перехода от 1924/25 г. к 1926/27 приходится на прирост дохода от имуществ и предприятий. Невероятно, чтобы этот доход дал в один год прирост на 157 милл. руб. или на 33%.

6. Трехлетний план Союзного бюджета и местных средств

Выяснив размер собственно местных средств, можем ответить теперь на вопрос, каковы будут в ближайшее трехлетие размеры государственного и местного бюджета, взятых вместе. Необходимые для этого данные занесены на таблицу „Вариантов бюджетов государственных и местных средств" (см. стр. 127).

Обращаясь к этой таблице, мы видим, что в 1913 г. государственный бюджет пропускал через себя 2.219 милл. руб., местный—618, а оба вместе 3.537 милл. Соотношение обоих бюджетов было, как 82,5 к 17,5. Наконец, сумма их доходов в %% к валовой продукции составляла тогда 17,8% последней.

Принимая во внимание, что в 1913 г. продолжалась еще старая политика подавления мест центром, в результате чего местные средства были развиты относительно очень мало, трудно допустить, чтобы пропорция 82,5 к 17,5 могла сохранить ныне свое прежнее значение не только в смысле желательной нормы распределения доходных рессурсов между обоими бюджетами, но и в смысле простого факта. Очевидно, что поскольку места призваны сейчас играть бо́льшую роль, чем до 1913 г., упомянутая пропорция должна измениться в более благоприятную для них сторону.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что в 1922/23 г. процент собственно местных средств к итогу обоих бюджетов пал с 17,5 довоенных до 11,6%. Он объясняется тем, что 1922/23 г. был лишь вторым годом возрождения местных финансов. В этом году они достигли лишь 23,6% довоенного уровня 1913 г., в то время, как госбюджет, взятый всюду дальше с отчислениями и субвенциями, достиг 38,0% довоенного размера.

Далее, в 1923/24 и 1924/25 гг. мы видим то, чего следовало ожидать теоретически, а именно, что удельный вес собственно местных средств поднимается до 21%, а государственных понижается против 1913 г. до 79%. Произошло это потому, что в результате политики воссоздания местного бюджета, собственно местные средства стали восстанавливаться скорее (51,1 и 63,9%), чем происходило восстановление госбюджета—40,8 и 51,3% довоенного уровня. Хотя это явление будет иметь место и в 1925/26 г., однако в более слабой степени—75,5% восстановления госбюджета и 88,2% собственно местных средств. Поэтому удельный вес местных доходов в общем котле всех средств понижается вновь до 19,7%, но все же на 2,2% больше, чем был в 1913 г. По принятому нами варианту удельный вес их опускается в 1926/27 г. еще ниже

Варианты бюджетов государственных и местных средств

Г О Д Ы	1913	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28
БЮДЖЕТЫ	Варианты					I. Преуменьшенный		II Принятый		III Преувеличенный	
а) Государственные	2,919	1,110	1,190	1,496	2,215	2,867	3,352	2,867	3,352	2,867	3,352
б) Местные средства	618	146	316	395	545	630	707	663	793	730	958
Итого . .	3,537	1,256	1,505	1,891	2,760	3,497	4,059	3,530	4,145	3,597	4,310
Прирост к предыдущему году .		+41,0%	+19,9%	+24,9%	+46,0%	+26,7%	+16,1%	+27,2%	+16,8%	+30,3%	+19,8%
		Процентное отношение к итогу каждого года									
а) Госбюджетов	82,5	88,4	79,0	79,1	80,3	82,0	82,5	81.2	80,9	80,0	77,8
б) Местных средств	17,5	11,6	21,0	20,9	19,7	18,0	17,5	18,8	19,1	20,0	22,2
Итого . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
		Проценты восстановления по отношению к 1913 г.									
а) Госбюджетов	100	38,0	40,8	51,3	75,5	98,2	114,9	98,2	114,9	98,2	114,9
б) Местных средств	100	23,6	51,1	63,9	88,2	101,9	114,2	107,3	128,3	118,1	155,0
Итого . .	100	35,5	42,6	53,5	78,0	98,9	114,7	99,8	117,2	100,2	121,8
	Процентное отношение суммобоих бюджетов к валовой продукции										
	17,8%	11,2%	12,3%	13,6%	15,4%	17,4%	18,4%	17,6%	18,8%	17,9%	19,5%

до 18,8%, а в 1927/28 году снова подымается до 19,1% уровня 1913 г. Более оптимистическое предположение об увеличении этого веса местных средств до 20% в 1926/27 г. и до 22,2% в 1927/28 г. приводит к отвергнутому выше за преувеличенность третьему варианту (730 и 958 милл. тов. руб.). А предположение, что в 1927/28 г. повторится довоенное соотношение между обоими бюджетами, приводит нас ко второму варианту собственно местных средств, преуменьшенность которого была показана выше. Повидимому, в ближайшие годы удельный вес местных средств во всем бюджете Союза будет колебаться около 19% против 17,8% в истекшее трехлетие и против 21% в два последних года.

В 1926/27 г. процент восстановления местных средств повышается по принятому варианту до 107,3%, а госбюджета до 98,2%: В 1927/28 г. этот процент составит для первых уже 128,3%, а для второго 114,9%.

В заключение не лишнее привести сравнительную табличку получившихся процентов восстановления (в товарных рублях) валовой продукции, товарной части ее и обоих бюджетов взятых вместе.

Процент к 1913 г.

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Валовой продукции.	41,5	56,2	61,7	70,0	90,0	100,8	111,1
Товарной части . .	30,0	39,1	47,9	64,0	80,0	95,6	109,0
Обоих бюджетов . .	—	35,5	42,6	53,5	78,0	99,8	117,2

Как видно из этого сопоставления, оба бюджета лишь в 1926/27 г. обгонят процесс восстановления товарной части и лишь в 1927/28 г. обгонят и восстановление валовой продукции.

Что касается отношения сумм обоих бюджетов к валовой продукции, то оно равнялось 17,8% в 1913 г. В неурожайное трехлетие 1922/23—1924/25 гг. этот процент был последовательно равен 11,2%—12,3%—13,6%, т. е. мы видим медленное наростание его. В предположительно урожайное трехлетие 1925/26 и 1927/28 годов видно, наоборот, более ускоренное наростание его: 15,4% —17,6%—18,8%. В частности он почти достигает уровня 1913 г.—17,8% в 1926/27 г. и превосходит его на 1% в 1927/28 г. Даже в варианте, отвергнутом нами за преуменьшенность, этот процент составил бы 18,4%. Такой результат всей проектировки представляется приемлемым, поскольку точен сам довоенный коэффициент 17,8%, если вспомнить все то, что говорилось нами о более быстром темпе развития бюджетов, чем народного дохода в довоенное время, и чему мы сделали применение в настоящее время.

В следующей табличке приведены коэффициенты, которые характеризуют бюджеты по наиболее вероятному варианту, в отношении к товарной части продукции.

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1913 г.
	Бюджеты в %% к товарной части продукции			
а) Госбюджеты без отчислений	22,3	24,5	25,1	25,1
б) Тоже с отчислением	23,9	26,1	26,7	25,4
в) Государствен. и местные бюджеты . .	29,8	32,0	33,0	30,7

Здесь можно обратить внимание только на высокие коэффициенты в двух последних строчках для бюджетов настоящего времени по сравнению с довоенными процентами бюджетов к товарной части. Если признать их преувеличенными, то тому может быть причина в том, что нами низко запроектирована товарная часть продукции.

Об абсолютных цифрах государственных бюджетов мы можем думать лишь одно, что каждая из них будет во всех вариантах выше на те 40—100 милл. черв., на которые мы, как было указано выше, сознательно преуменьшили принятые для проектировки итоги бюджетов 1924/25 и 1925/26 гг. В эту сторону мы и хотим обратить внимание критики. Все наши возможные ошибки или неточности проектировки, думается нам, могут лежать скорее в преуменьшении темпа развития валовой продукции и особенно в товарной части ее, чем в преувеличении темпа развития бюджетов.

Эти вопросы не могут быть, однако, разрешены теоретической аргументацией в пользу того или иного представления о темпе развития разных элементов финансовых планов, а лишь разложением цифр нашего плана по валовой продукции, товарной части ее и бюджетов на те частные слагаемые, из которых они должны получиться в жизни, подобно тому, как нами было сделано такое разложение для местных бюджетов. Такое разложение, вследствие его большей трудности, будет дано нами для нашего трехлетнего плана в другой раз. Но можно итти в критике и другим путем, а именно противопоставлением всей нашей концепции—другой, построенной либо на тех же предпосылках, или на каких либо иных. Такой способ критики, конечно, гораздо убедительней, чем общие замечания о преувеличенности или преуменьшенности результатов нашего исследования. Для нас в этом первом опыте важны даже не самые результаты, а пропаганда самого метода исследования. С этой точки зрения была бы интересна критика, которая предложила бы и другие более совершенные методы проектировки многолетних планов, с изложением, конечно, результатов их в цифрах.

Наконец, окажется ли наш первый опыт применения метода комбинированной проектировки доходной части трехлетнего финансового плана удачным или нет, все же он, думается, будет небесполезен для всех тех лиц и учреждений, которые в интересах планового хозяйства должны заниматься подобного рода исследованиями. В целях уточнений проектировки мы дали ряд вариантов очень близких друг к другу, ибо мы хотим добиться в проектировке бюджетов такой точности, чтобы ошибка для первого года была бы не выше 5%, второго—7½% и третьего—10%. При этом 2% ежегодной ошибки мы принимаем за счет неточностей всех положенных в основу ее отчетных данных. Так, например, когда мы дали для 1925/26 гг. контрольную цифру всех возможных действительных поступлений в 3.700 милл. черв. рублей, то полагаем, что минимум их может быть 3.600, а максимум—3.800, а ошибка около 3%, т. е. меньше даже тех 5%, которые мы считаем допустимыми в принципе. Всякая проектировка с снисходительным допущением в принципе ошибок для первого года до 10% ни капли не удовлетворяет нас, ибо тогда она теряет уже ценность для тех, кто должен осуществлять ведение планового хозяйства и реализовать установленные планы.

Итак, все результаты нашей работы можно пока свести к следующим трем строчкам в милл. червонных рублей:

Валовая продукция	29.420	30.000	30.856
Товарная часть ее	15.240	16.500	17.563
Государствен. и местн. бюджеты.	4.555	5.295	5.803

Если прибавить сюда около 100 милл. черв., на которые нами сознательно была преуменьшена максимальная контрольная цифра в 3.740 милл. черв. рублей (без краткосрочных займов и валютных доходов) и провести, вытекающее отсюда преуменьшение цифр следующих лет по этим годам, то мы будем иметь такой ряд бюджетных итогов:—4.655—5.410—5.930. Он выше предыдущего в среднем на 2%. Но и это не все. Мы игнорировали до сих пор доходы валютных смет вследствие объективной невозможности изучить

Экономико-Статистическая
Секция Госплана СССР.

Приложение к докладу А. А. Никитского:
„Трехлетний финансовый план".

Таблица вариантов трехлетнего финансового плана

Г О Д Ы.	1925/26	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28
		1-й вариант		2-й вариант		3-й вариант		4-й вариант		5-й вариант	
	Валовые сборы хлебов в миллионах пудов										
Миллионы пудов	4.258	3.825	4.200	4.099	3.955	3.825	4.200	3.825	4.200	без согласования	
% изменения к пред. году	+49,9%	−10,2%	+9,8%	−3,7%	−3,5%	−10,2%	+9,8%	−10,2%	+9,8%	с возм. урожаями	
	Валовая продукция										
В милл. товар. руб.	17.840	20.000	22.040	20.160	21.820	20.000	22.040	20.000	22.040	20.890	22.560
% прироста к пред. году	+28,0%	+12,1%	+10,2%	+13,0%	+8,2%	+12,1%	+10,2%	+12,1%	+10,2%	+17,2%	+8,0%
В милл. черв. руб	29.420	30.000	30.856	29.837	30.544	30.000	30.856	30.000	30.856	31 335	31.585
% прироста к пред. году	+18,0%	+2,0%	+2,85%	+1,4%	+2,4%	+2,0%	+2,85%	+2,0%	+2,85%	+6,5%	+0,8%
	Товарная часть валовой продукции										
В милл. товар. руб.	9.250	11.000	12.545	11.100	12.430	11.280	12.890	10 800	12.320	11.100	12.430
% прироста к пред. году	+25,0%	+18,9%	+14,0%	+20,0%	+12,0%	+22,0%	+14,3%	+16,8%	+14,1%	+20,0%	+12,0%
В милл. черв. руб.	15.240	16.500	17.563	16.428	17.400	16.920	18.046	16.200	17.248	2.680	3.085
% прироста к пред. году	+14,0%	+8,3%	+6,4%	+7,8%	+5,9%	+11,0%	+7,0%	+6,3%	+6,5%	+30,0%	+14,0%
	Бюджеты государственных доходов										
В милл. товар. руб.	2.060	2.690	3.152	2.720	3.120	2.780	3.304	2.600	3.020	2.680	3.055
% прироста к пред. году	+48,4%	+30,6%	+17,2%	+32,0%	+14,7%	+35,0%	+18,7%	+26,2%	+16,2%	+30,0%	+14,0%
В милл. черв. руб.	3.400	4.035	4.413	4.026	4.370	4.170	4.624	3.900	4.228	4.020	4.320
% прироста к пред. году	+34,2%	+18,5%	+9,3%	+18,4%	+8,3%	+20,9%	+10,7%	+14,7%	+8,4%	+18,2%	+7,5%
	Валовая продукция, товарная часть ее и бюджеты в процентах к 1913 году										
Валовая продукция	90,0%	100,8%	111,1%	101,2%	110,0%	100,8%	111,1%	100,8%	111,1%	105,3%	113,7%
Товарная часть	80,0%	95,6%	109,0%	96,7%	108,0%	98,1%	112,0%	93,8%	107,0%	96,7%	108,0%
Бюджеты госдоходов	70,6%	92,2%	108,0%	93,2%	106,8%	95,3%	113,2%	89,1%	103,5%	91,8%	104,6%
	Товарная часть в процентах к валовой продукции										
	51,8%	55,0%	56,9%	55,0%	57,0%	56,4%	58,8%	54,0%	55,9%	53,1%	55,2%
	Бюджеты в процентах к валовой продукции и товарной ее части										
К валовой продукции	11,6%	13,45%	14,3%	13,3%	14,4%	13,9%	15,0%	13,0%	13,7%	12,8%	13,5%
К товарной части ее	22,3%	24,5%	25,1%	24,1%	25,1%	23,9%	25,75%	23,9%	24,5%	24,1%	24,6%
Общетоварный индекс Госплана СССР.	1,65	1,50	1,40	1,48	1,40	1,50	1,40	1,50	1,40	1,50	1,40

их в прошлом с такой тщательностью, чтобы использовать результаты этого изучения для проектировки будущих валютных доходов, которые, говоря вообще, должны расти быстро. Поэтому надо увеличить последний ряд цифр еще на все суммы возможных поступлений валюты. Эти добавки иностранной валюты оцениваются нами в 35 милл. для будущего года, 75 милл.—для 1926/27 г. и около 100 милл. для 1927/28 г. Вместе с ними бюджетные итоги государственных и местных средств могут составить в ближайшее трехлетие: 4.690—5.485 и 6.030 милл. черв. рублей.

В приводимых выше цифрах нет сумм от возможных краткосрочных займов, которые могут дать в три интересующие нас года последовательно 60—80 и 100 милл. черв. рублей. Наконец, более скорый темп роста расходов может потребовать установления новых источников дохода, как это уже обнаруживалось в текущем году. Эти новые источники дохода могут дать последовательно до 150—200—250 милл. черв. рублей. В таком случае принятые бюджетные итоги повысятся еще до 4.900—5.765 и 6.380 милл. черв. рублей. Но динамика развития опять переменится от этого мало, а именно мы будем иметь + 17,7% в 1926/27 г. и + 10,7% в 1927/28 г.

Наконец, если вычесть из только что приведенных сумм союзного и местных бюджетов 900—995 и 1.100 милл. черв. рублей собственно местных средств, то величина союзного для трехлетия 1925/26—1927/28 гг. определится суммами в 4.000—4.770 и 5.270 милл. руб., а проценты прироста будут равны: +19,2% в 1926/27 г. и +10,5% в 1927/28 г. Если же, наоборот, к принятым в таблице № 4 суммам первого варианта в 3.400—4.035 и 4.413 милл. черв. руб. прибавить последовательно 100—115 и 127 милл. черв. руб., т. е. ту сумму, на которую мы сознательно преуменьшили максимальную контрольную цифру Госплана в 3.800, то мы будем иметь такой ряд союзных бюджетов без отчислений, валютных доходов и краткосрочных займов: 3.500—4.150—4.540 с динамикой +18,6% в 1926/27 г. и +9,1% в 1927/28 г. При сравнении его с цифрами нашего максимального варианта (3-й на таблице № 4), который мы признали преувеличенным и который дает для 1926/27 г. цифру 4.170, а для 1927/28 г.—4.624 милл. черв. руб., видно, что если бы мы вели проектировку, отправляясь от максимальной контрольной цифры Госплана, мы все же не вышли бы за пределы варианта, признанного нами преувеличенным.

Тем не менее, в виду близости этих рядов, надо признать, что первый из них—3.500—4.150—4.540, а равно и вытекающий из него путем дальнейших упомянутых прибавок ряд полных союзных бюджетов в 4.000—4.770—5.270 милл. черв. руб., а с местными средствами 4.900—5.765 и 6.380 милл. черв. руб.—являются скорее преувеличенной, чем преуменьшенной оценкой наших бюджетных рессурсов в начавшееся трехлетие.

С. П. Бобров

Проблема экономического барометра[1]

I.

Конъюнктурная статистика, развившаяся за последние годы, главным образом, в работах американских ученых, для своих индексов пользуется, преимущественно, кривыми промышленности, торговли, банковой деятельности и положения на денежном рынке. В этих работах с особенным вниманием относятся ко всякого рода денежным кривым.

Предварительно стоило бы остановиться на одном принципиальном замечании. Надо иметь в виду, что у нас в СССР, у многих работников, близко соприкасающихся со статистикой (а иногда и у статистиков) имеется некоторое предубеждение против обобщенных показателей. Обычно говорят, что обобщающие показатели (индексы всех родов) неудобны для практической работы из тех соображений, что они, отражая движение целого ряда показателей, в некоторых случаях могут являться средними для неоднородных совокупностей. Последние работы американских ученых однако направлены к тому, чтобы при помощи индексов получить возможность обслужить и отдельных потребителей, и в этом достигнуты серьезные результаты.

Американские работы поставлены на „строго-деловую почву“. Работы экономических институтов продаются, и продаются за очень большие деньги. Так, например, в то время как научный журнал Гарвардской школы стоит 6 долларов в год, журнал с предсказаниями конъюнктуры стоит 100 долларов в год. Главная приманка кривых, которые публикуются в последнем издании, та, что каждый подписчик вместе с первым номером журнала получает маленькое руководство, указывающее, каким образом он может использовать барометр для личных целей и как за свои 100 долларов он может добыть действительно „деловые“ в американском смысле указания. Там указано, как можно обработать кривую продукции (или оборотов) того или иного завода, той или иной фирмы для того, чтобы, сопоставляя их с кривыми барометра, проверить работу отдельного предприятия и приблизительно предсказать движение оборотов в дальнейшем. Таким образом разрешается проблема обслуживания отдельных предприятий. Ясно, что это было бы невозможно, если бы барометр давал средние из неоднородных совокупностей. Поэтому думается, что проблема индексов общих экономических условий (барометров), послужившая темой для очень многих работ в Америке и Европе, проблема, над которой автору пришлось довольно много работать, в общем виде представляет для статистиков и экономистов СССР интерес, так как показания

[1] Помещая в дискуссионном порядке статью т. Боброва с целью ознакомления читателей „Планового Хозяйства“ с методами конъюнктурных предсказаний на западе и в Америке, Редакция обращает внимание тт. на совершенную ненаучность описываемых здесь „барометров“. Буржуазные „знахари“ считают возможным вести наблюдения и делать конъюнктурные предсказания не только не понимая причинной связи наблюдаемых явлений, но даже и недоискиваясь ее.

Задачей марксистской экономико-статистической мысли является, таким образом, прежде всего критический научный анализ этих практических приемов предвидения конъюнктуры американских и европейских дельцов. Само собою разумеется, что методы построения подобных барометров даже после такой критической проверки могут быть перенесены на советскую почву только с особой осторожностью, с учетом всех особенностей советской системы народного хозяйства. *Редакция*

барометроз могут быть использованы не только для общих указаний, но и для районов и даже отдельных предприятий. [1]

Работа эта производилась нами, главным образом, для Института Экономических Исследований Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов, а частью (по современным кривым) для Госплана. Обработка кривых ведется методами математической статистики и поскольку в этой статье излагается, главным образом, методология барометров, нам приходится просить снисхождения к тому формальному подходу, с каким нам приходится разбираться в нашей проблеме.

Разумеется, как говорили Меерварт и Ленин, в основу всякой статистической работы должно быть положено предварительное экономическое исследование. Без него всякие статистические попытки будут тщетными; однако, поскольку общие вопросы экономических процессов уже получают достаточное разрешение в рамках марксистской школы, мы можем перейти к статистическому анализу и не касаясь американских „теорий“; другими словами, поставить кривую в такие условия, в каких она должна говорить сама за себя. В данном случае наше статистическое искусство имеет основание пользоваться рядом формальных соображений и формальных определений. Мы, например, не имеем возможности ни здесь, ни вообще в течение нашей работы заниматься такими вопросами, как например, „что такое конъюнктура?“ Для нас лично конъюнктура является совокупностью относительных интенсивностей важнейших кривых народного хозяйства, и не больше. Вопрос практически заключается в том, какие из них действительно могут быть названы „важнейшими“.

Опыты многих исследователей, в частности Уаррена Персонса, главы Гарвардской школы, привели к тому, что при определении современной, так сказать, сегодняшней конъюнктуры условий торговли и промышленности, лучшими показателями являются индексы оптовых цен, а также индексы продукции. Конечно, число этих кривых может быть расширено. Может быть включен ряд других показателей, которые с несколько меньшей достоверностью будут определять конъюнктуру. Важно то в данном случае, что кривая индекса оптовых цен достаточна для определения „сегодняшней“ текущей конъюнктуры. Дело идет, конечно, не о кривых СССР.

Наблюдения дают нам ряд кривых, напр., кривую денежного обращения, либо (барометр Гарвардского Университета) кривую оборотов Расчетных Палат, либо (Канада) отношение кредитных операций банка к его активу, или, наконец, кривые учетного процента. Все эти кривые сами по себе не могут говорить о том процессе, который отражается на их движении. Эти кривые только симптоматичны, и с этой точки зрения их и надо рассматривать. Те сдвиги, которые определяют конъюнктурные изменения, происходят глубоко в толще потребителей и производителей и объясняются перераспределением доходов и потребления, взаимным соотношением производства и потребления, соотносительной ролью зарплаты, как % издержек производства и как основы потребления, и т. д. Непосредственно учесть эти процессы нет возможности, но нет и необходимости.

Когда мы изучаем наши кривые и указываем на параллельность их движений, чтобы на этом основании в дальнейшем делать предсказания, не нужно забывать, что связность движений большинства кривых не может быть рассматриваема, как причинная связь, и поэтому в большинстве случаев приходится ограничиваться только рассмотрением параллелизма и совершенно не входить в рассмотрение существа наблюденной связи. В конце-концов, если бы была возможность исследования причинной связи, не было бы необходимости в автоматически-действующих барометрах.

Методы математической статистики были в свое время разработаны для явлений случайных, сопричинных, подчиняющихся „нормальному“ распреде-

[1] Не надо смешивать барометры с так наз. „едиными показателями“, служащими не для предсказаний, а лишь для констатации.

лению (уравнения Гаусса и Бравэ). Большинство конъюнктурных временных кривых к этим распределениям отнюдь не подходят. Нельзя сказать, что явления высокой конъюнктуры, последующий за ней кризис и депрессия являются случайными, потому что известны причины, которые это определяют. Если мы возьмем конъюнктурную кривую на большом протяжении времени, то мы увидим, что последовательные точки этой кривой находятся друг с другом в определенной связи. Мы увидим, что кривая идет волнообразно и на отдельных промежутках (до того места, где происходит перелом, изменение направления), последовательные точки находятся в корреляции. Все точки идут во время повышающейся конъюнктуры, так что каждая следующая точка кривой будет лежать выше предшествующей, а в момент депрессивного периода каждая последующая будет лежать ниже предыдущей. На кривых случайных колебаний этого наблюдаться не будет. Мы говорим, что наши кривые находятся „в связи" друг с другом, поскольку приходится употреблять при исследованиях этот привычный термин математической статистики, но надобно оговориться, что, раз здесь явления не случайны и связаны друг с другом определенной сообразностью, можно уверенно говорить лишь о параллелизме кривых или, как выражаются американцы, о наличии сопутствующих колебаний. Термин этот принадлежит Д. С. Миллю, но американцы не вкладывают в него того смысла, который ему придавал его автор.

Переходя теперь, после общих замечаний, к одной из симптоматических конъюнктурных кривых, мы увидим целый ряд явлений, из которых она складывается и которые приходится изучать изолированно.

Диаграмма № 1 дает кривую цен на пшеницу в Лондоне с 1814 по 1910 год. Что мы видим? Мы видим, во-первых, что эта кривая имеет определенное поступательное движение за все время. Можно сказать, в общем, что она на протяжении столетия опускается. Если мы будем вглядываться более внимательно, мы увидим, во-вторых, что она опускается неровно, сначала более резко, затем спокойно, затем опять более резко. Эти колебания образуют волны, которые с первого взгляда наводят на мысль о какой-то эволюции. Мы называем это движение кривых, которое равномерно ощущается на продолжении довольно долгого времени, явлением плавного уровня.

Для того, чтобы изучать конъюнктурные колебания кривых, мы должны элиминировать этот плавный уровень кривой. Этот искусственный прием необходим, так как иначе невыброшенные уровни двух кривых окажут подавляющее влияние на коэффициент корреляции, и совершенно затемнят искомый параллелизм конъюнктурных колебаний. Некоторые из экономистов называют большие волны колебаний „большими циклами" уровня. Поскольку нас интересуют более мелкие колебания, мы относим „большие циклы" к уровню, отнюдь не предрешая этим вопроса о самом существовании „больших" циклов.

На более мелких волнах, которые занимают на нашей кривой в среднем около 9 лет, на так называемых циклических колебаниях, именно и обнаруживаются явления высокой конъюнктуры, кризиса и депрессии. Очевидно, что падение ниже уровня будет означать здесь депрессию. Подъем выше уровня будет моментом высокой конъюнктуры. Таким образом, путем исчисления разностей от уровня вы можете легко судить об изменениях конъюнктуры пшеничного рынка Лондона.

Одно из очень существенных движений, составляющих наши кривые, это движение сезонных колебаний. Если взять помесячные кривые, то на них легко заметить колебания, которые ежегодно вызываются постоянными факторами, из которых главным является урожай.

Диаграмма № 3 дает средние сезонные колебания русских цен, выведенные по построенному автором индексу с 1885 года по 1914 год. Колебания отнесены к средней годовой цене, принятой за сто.

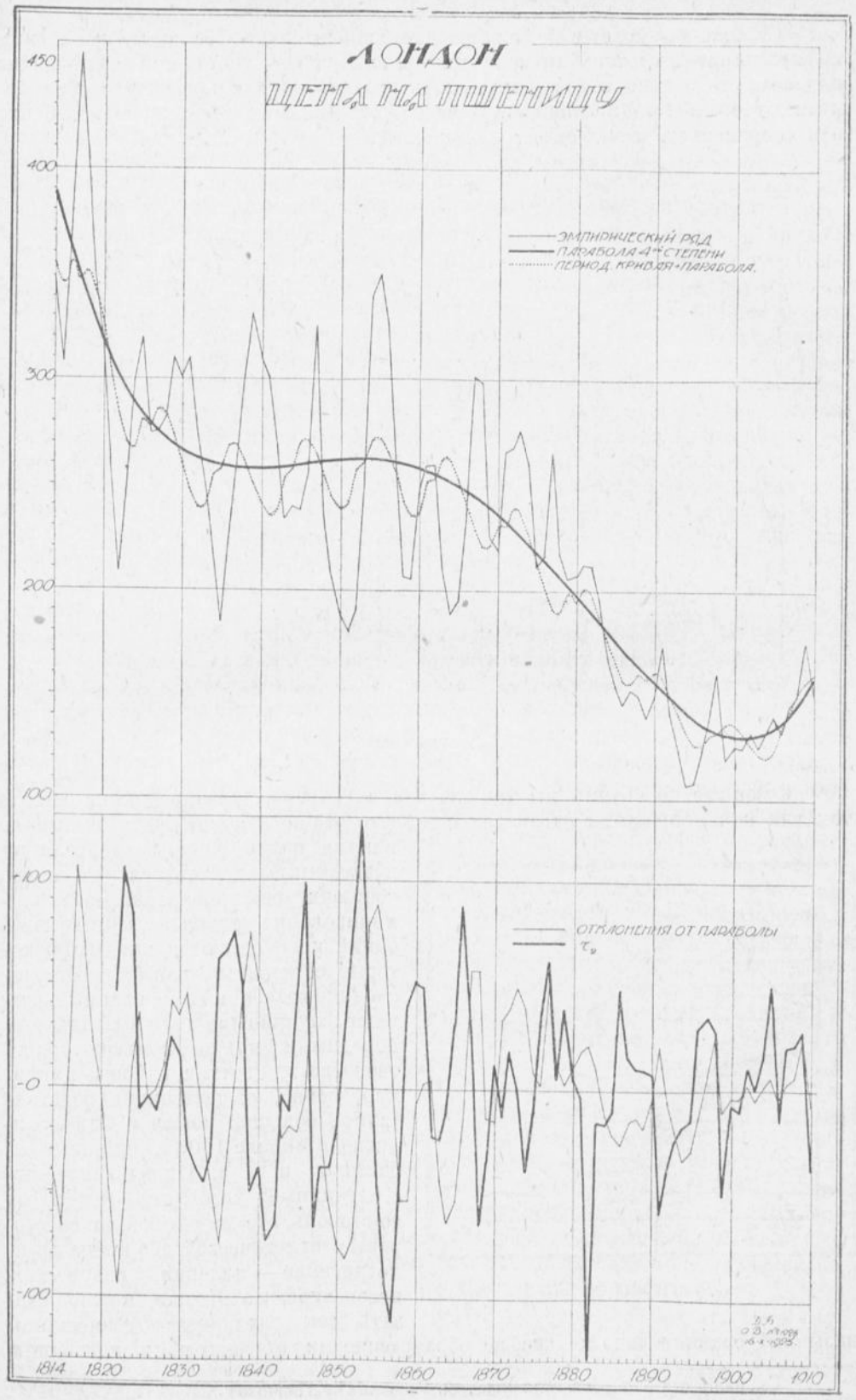

Диаграмма № 1

Сельско-хозяйственные товары дают значительные сезонные колебания, но промышленным товарам колебания много слабее. По нашим теперешним индексам это хорошо и точно проделать нельзя, так как наш индекс обнимает период всего в 2 года слишком. В некоторых движениях сезонные колебания цен современных и мирного времени схожи. [1]

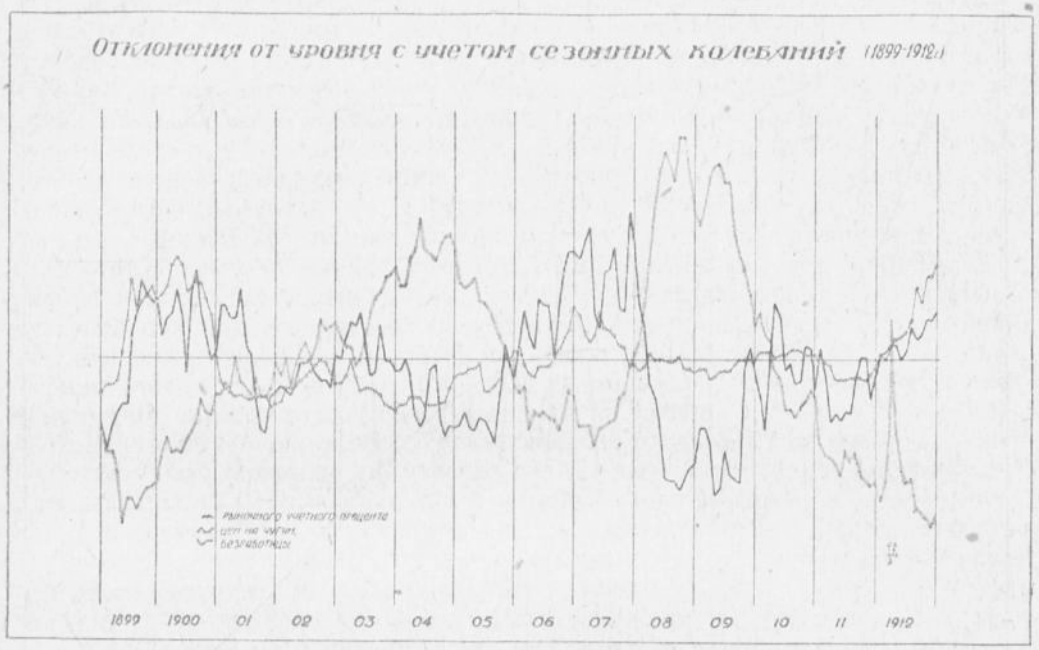

Диаграмма № 2

Сезонные колебания мы так же, как и уровень, должны элиминировать, так как иначе придется считаться с тем, что эти колебания будут оказывать влияние на коэффициенты корреляции и затемнять действительную связь конъюнктурных колебаний. После элиминирования уровня и сезонных колебаний у нас остаются циклы и некоторые остаточные колебания. Эти последние колебания американцы называют „случайными“; они вызваны разнородными, но не конъюнктурного свойства причинами, каковы, например, война, общественное бедствие (напр., большой пожар в Сан-Франциско в апреле 1906 г.), крупные забастовки и т. д. Определение это („случайные“ колебания) неясно ни со стороны экономической, ни со стороны статистической, ибо война и землетрясение — явления, разумеется, несоизмеримые. Проще можно сказать, что „случайными“ американцы называют сравнительно мелкие, не образующие циклических волн. колебания.

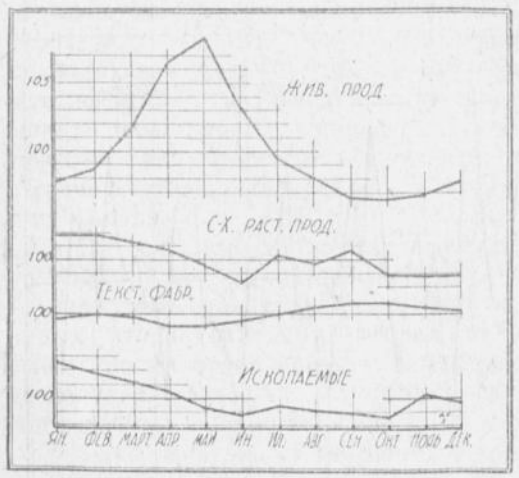

Диаграмма № 3

[1] См. нашу статью: „Два года индексов Госплана“ („Плановое Хозяйство“ 1925, №2).

На диаграмме № 2 нанесены 3 английских кривых (с 1899 по 1912), в них уже исключен уровень и сезонные колебания. Остаточные колебания выкинуть невозможно, хотя это и желательно. Здесь видны более подробно те же самые циклические колебания, что и на пшенице, но расположенные по месяцам. В таком виде получаются кривые после изложенной нами обработки.

Таким образом, мы имеем отклонения от уровня, который в данном случае приравнен к нулю, т.-е. выброшен (элиминирован). Самая операция отыскания того уровня, который надо элиминировать, является одним из самых сложных и темных вопросов во всей нашей проблеме. В общем, чем меньше срок кривой, тем труднее подобрать не вызывающий сомнений уровень. В нашем случае (пшеница) мы выбрасывали общее движение кривых такое, каким оно сложилось за сто лет, имея в виду не затрагивать циклических колебаний. В другом случае при изучении не самых циклов, а более мелких колебаний, уровню, разумеется, может и должен быть придан иной смысл, ибо в последнем случае уровень должен выравнять не общее движение, а именно циклические колебания.

Уровень можно получить по разному. Простейший способ заключается в вычислении средних из определенного количества месяцев (точек) и получении таким путем, постепенно скользя по кривой от точки к точке, плавной кривой. Но можно действовать проще и вернее—исчислять уровень, как параболу желаемого порядка, пользуясь методом наименьших квадратов. Для английской пшеницы, например, употреблена парабола четвертого порядка. Уравнение такой кривой в общем виде будет:

$$y = a_0 + a_1 x + a_2 x^2 + a_3 x^3 + a_4 x^4,$$

где буквы a с подписными значками суть параметры кривой.

В иных случаях имеется возможность применять некоторые общие соображения для определения формы уровня. Мы сошлемся на работу В. А. Базарова (доклад в Статсекции Госплана), где при исследовании наших современных кривых докладчик исходил из общих соображений о том, какой должна была бы быть теоретическая линия нашего реконструктивно-восстановительного процесса. В. А. Базарову, по аналогии с биологическими процессами, удалось получить очень понятную и остроумную модель того, как от нуля хозяйство должно подниматься к известному уровню, соответствующему хозяйственным потребностям. Конечно, это не более как аналогия, но, во всяком случае, этот тонкий путь заслуживает всяческого внимания. Однако, это не правило, а исключение, и пользоваться вообще таким методом чрезвычайно трудно. В общем виде проблема формы уровня пока еще не может быть разрешена.

Форма сезонных колебаний обыкновенно получается просто путем установления средних. Есть несколько более сложных способов: например, способ У. Персонса, но сложность здесь сводится к форме средней (медиана) и к употреблению ценного метода. В общем берутся средние сезонные колебания за ряд лет. Есть еще очень интересные работы американца Крума и проф. Н. С. Четверикова по вопросу о движении сезонных колебаний, где принято во внимание то, что сезонные колебания за ряд лет не остаются одними и теми же, а эволюционируют. Метод таков: вытягиваем в одну линию все январи, феврали и т. д. и вычисляем уровень, т. е. теоретическую кривую, для каждого из месяцев. После этой операции точки уровней располагаются в естественном порядке и получается общая кривая сезонных колебаний. Любопытно при этом заметить, что оба исследователя нашли ряд кривых, по которым движение сезонных колебаний из года в год значительно изменяется, испытывая явную, длительную эволюцию. [1]

[1] При употреблении метода Персонса кривая сезонных колебаний приобретает вид ломаной кривой (диагр. № 3). Выравнивание ее отнюдь не может быть рекомендовано из-за опасности смещения максимумов и минимумов (очевидно, что на кривой в 12 точек смещение на одну точку уже извращает всю кривую).

Тем или иным способом пройдя через эти этапы работы, мы элиминировали уровень и сезонные колебания. Позволительно теперь поставить вопрос о том, что же такое уровень и каковы последствия того, что мы его выкидываем из кривой? Очевидно, что линия уровня есть линия, так или иначе отражающая развитие (историю развития) производительных сил страны, а также всего громадного аппарата, обслуживающего капиталистическое общество, манипулирующего с капиталами, с распределениями прибыли и так далее. Ясно, что, выбрасывая уровень, мы предполагаем условие роста производительных сил постоянно, непрерывно и однообразно действующим на всем протяжении кривой. Однако, интенсивно повышающееся накопление действует на весь хозяйственный организм по разному, в зависимости от того, на какой стадии этого накопления мы находимся. Поэтому не надо забывать о том, что, исследуя отклонения, мы исследуем только их, и наши умозаключения будут правильны только для них, а не для всего явления в целом—и в его историческом развитии; не надо забывать и о том, что взаимоотношения колебаний около уровня не совпадают со взаимоотношениями (по крайней мере, нет оснований, чтобы они постоянно совпадали) кривых целиком. Эти соображения ставят на очередь актуальнейший вопрос конъюнктурной статистики—вопрос о связи отклонений с уровнем. Ниже мы коснемся этого вопроса подробнее.

II

Теперь, по рассмотрении этих обстоятельств, мы приступаем к исследованию наших колебаний. Здесь могут быть две точки зрения: или мы исследуем циклические колебания, т. е. движения высокой конъюнктуры, кризиса и депрессии,—что может быть проделано только на определенном, довольно большом промежутке времени, или мы исследуем другие колебания, более мелкие, элиминируя циклы. Обстоятельства, которые вызывают эти последние колебания, поскольку они не ведут к формированию циклов, являются обстоятельствами „случайного“ характера. С точки зрения конъюнктуры эти колебания не могут так сильно действовать на хозяйство, как флюктуации циклического характера, но, тем не менее, и остаточные колебания могут быть весьма ощутительны.

В наше время, когда мы беремся за исследование современных русских кривых, мы попадаем в очень трудное положение, так как чрезвычайно краткое время—два с половиной года (30 точек), не дает нам возможности точно установить уровень. Достаточно, чтобы получились не одна, скажем, а полторы „циклических“ волны, и половина, которая еще не закончилась, будет искажать для нас все движение уровня. Наши конъюнктурные показатели, наши индексы определенно показывают большую интенсивность волн, которые длятся иногда около года, и эти волны оказывают значительное влияние на все народное хозяйство. Волны эти, вызванные денежной реформой, лимитами и т. д., американец отнес бы к „случайным“, но они имели для нашего хозяйства очень большое значение.

Самые исследования, произведенные в Гарвардском университете, стоят определенно на точке зрения сопутствующих колебаний и, как сказано выше, не интересуются ни мало вопросом причинной связи кривых, исследуя исключительно параллелизм их движения. Имеется ли такая связь или нет—для барометрического исследования не важно.

В нашей науке имеется специальный термин: „ложная корреляция“. Мы наблюдаем явление, отвечающее ему тогда, когда две кривые не находятся друг с другом во взаимной зависимости, а таковая создается вычислительным процессом, но, расширяя это понятие, мы можем условно отнести к нему и те случаи, когда кривые, не находясь в прямой связи, находятся под влиянием третьей общей причины, которая на них одинаково действует.

Не приняв во внимание эту третью причину, вы можете впасть в заблуждение, утверждая, что два первых явления связаны непосредственно. Мы уже указывали выше, что большинство конъюнктурных кривых не связаны непосредственной связью, а находятся под влиянием одной общей всем причины. В данном случае наша „ложная“ связь не только не вводит нас в заблуждение, но ее можно использовать в целях исследования.

Рассматривая параллелизм наших кривых, можно сделать важное наблюдение: циклическая волна осуществляется на разных кривых не одновременно. Маркс отмечал, „что кризисам обыкновенно предшествует период, когда зарплата вообще повышается“, но это „относительное благополучие рабочего класса... является всегда буревестником наступающего кризиса“. Фраза эта, правда, носит полемический характер, но ее контекст отнюдь не противоречит констатации отставания зарплаты от кривой торгово-промышленной конъюнктуры. Гильфердинг указывает, что „так как наступление (биржевого кризиса) не зависит непосредственно от уровня учетного процента, то он может разразиться уже на некоторое время до наступления всеобщего торгового и промышленного кризиса. Но биржевой кризис—просто симптом, предвестие торгового и промышленного кризиса, потому что перемены на денежном рынке обусловливаются ведь теми же переменами в производстве, которые ведут к кризису“. Такие же наблюдения сделаны были и другими исследователями—Туган-Барановским, Касселем и др. Фишер, а за ним Бунятян, указывают на отставание циклов учетного процента от циклов торгово-промышленной конъюнктуры. Из этого Бунятян делает вывод, что этим отставанием регулируется перераспределение дохода в счет должников за счет кредиторов. Гильфердинг дает подробный анализ результатов отставания торгово-промышленного цикла от биржевого. Мы не можем здесь входить в рассмотрение причин отставаний и ограничимся лишь приведенными ссылками.

Вот это то отставание кривых, отмеченное рядом исследователей, и является главной проблемой работ американских ученых. Целый ряд кривых рассматривается и сопоставляется с целью выяснить: имеется ли основание допустить и утверждать, что между обследуемыми кривыми наблюдается стойкое отставание, констатация которого и является целью работы. Если это будет констатировано, то из этого можно сделать практические выводы. Если кривая учетного процента стойко отстает на долгом промежутке от кривой продукции тяжелой индустрии, то, очевидно, имеется возможность предполагать, что и в дальнейшем это отставание будет иметь место. А раз так, то, зная движение продукции, можно предсказать, что должно случиться с учетным процентом. Тем же порядком можно предсказать и движение продукции, если известно, что кривая оборотов расчетных палат предупреждает кривую продукции. Разница между циклами в среднем достигает полгода, но в иных случаях колеблется от 2 до 11 месяцев.

Кривые обрабатываются американской школой сравнительно очень просто: они коррелируются друг с другом с различными временными сдвигами, при этом ищется тот сдвиг, который даст максимальную корреляцию. Диаграмма № 4 показывает общий индекс экономических условий Гарвардской школы, составленный Персонсом. Здесь ясно видны циклические колебания. Видно также, как повышается сперва одна кривая, за ней другая, затем третья. Состав кривых такой: кривая „A“ составлена из кривых оборотов расчетной палаты Нью-Иоркского Сити-Банка и курса важнейших акций на Нью-Иоркской Бирже. Это кривая спекуляции (название, разумеется, неточное). Вторая кривая „B“,—кривая торговли и промышленности, куда входят индексы оптовых цен и продукция чугуна. Наконец, кривая „C“ показывает высоту учетного процента. Что же получается?—Кривая „A“ повышается раньше всех других, затем повышается кривая „B“ и после всех „C“.

Таков же порядок и понижения. Зная теперь, что кривая „A“ повышается, что обороты Расчетного Отдела Центрального Банка растут, растет чековой оборот, искусственно увеличивается количество кредитных денег, растет цена акций и спекулятивная биржевая деятельность,—вы можете определенно сказать, что конъюнктура крепнет и цены пойдут на повышение. Когда начнется, например, снижение, то вы, зная стойкий (средний) промежуток между этими кривыми, сможете предостеречь от увлечения расширением производства, так как через шесть месяцев на рынке нужно ждать затишья. Так именно и делаются эти предсказания.

Кроме отставания, эти кривые связаны еще одним условием. Если кривая „A“ идет вверх, а кривая „C“ в это время снижается, т. е. растут биржевые курсы, а учетный процент падает—деньги в изобилии и они дешевеют—то кривая „B“ должна изменить свое направление и, изменив, пойти на повышение. Если обратно: кривая „A“ падает, а кривая „C“ растет, то кривая „B“ в недалеком будущем изменит свое направление в сторону понижения. Все это проверено на достаточном промежутке времени. Вслед за опубликованием своего барометра, Гарвардская школа уже не один раз могла воспользоваться плодами своих работ и сделать предсказания, которые не

Диаграмма № 4

замедлили оправдаться. Теперь предсказания делаются из месяца в месяц, и вместе с новым номером журнала коммерсант-подписчик получает определенные указания о наивыгоднейшем направлении своей деятельности.

Кривая „B“—кривая торгово-промышленной конъюнктуры—настолько хорошо отражает конъюнктуру, что ее можно использовать в качестве конъюнктурного индекса и для целого ряда специальных работ (в нее за последнее время, кроме Брэд-Стриттовского индекса, введены еще обороты провинциальных расчетных палат). Американский исследователь Берридж в своей работе по циклам безработицы показал, что кривая занятых рабочих лежит немного позже кривой „B“. Очевидно, что эта кривая также может быть предсказана при помощи кривой „B“ (см. диаграмму № 6).

Как сказано выше, Гарвардские кривые, отличаясь высокой степенью репрезантативности, годятся для предсказаний операций отдельных фирм. В инструкции Гарвардской школы даются указания, как возможно наиболее просто элиминировать уровень и сезонные колебания по имеющимся кривым оборотов или продукции данной фирмы и как сравнить полученную кривую с кривыми Гарвардского барометра. Инструкция приводит пример того, как одно крупное предприятие (Уолуорс К°), составив кривую сбыта своих изделий, нашло, что эта кривая весьма близко следует за кривой „B“, а следовательно, все указания Гарварда о дальнейшем движении кривой „B“ будут вполне сообразными директивами для руководителей Уолуорс Компэни (диаграмма № 6). Таким образом, барометр Гарварда используется отдельными предприятиями, что показывает высокую чувствительность конъюнктурных кривых. Теперь такие барометры существуют во многих странах.

Для Англии барометр построен Артуром Боули в Лондонской школе. Он построен более упрощенно, но принцип тот же и кривые те же. Упрощение заключается в том, что кривые не выравниваются и уровень не выбрасывается. Сезонные колебания в большинстве кривых также не элиминируются.

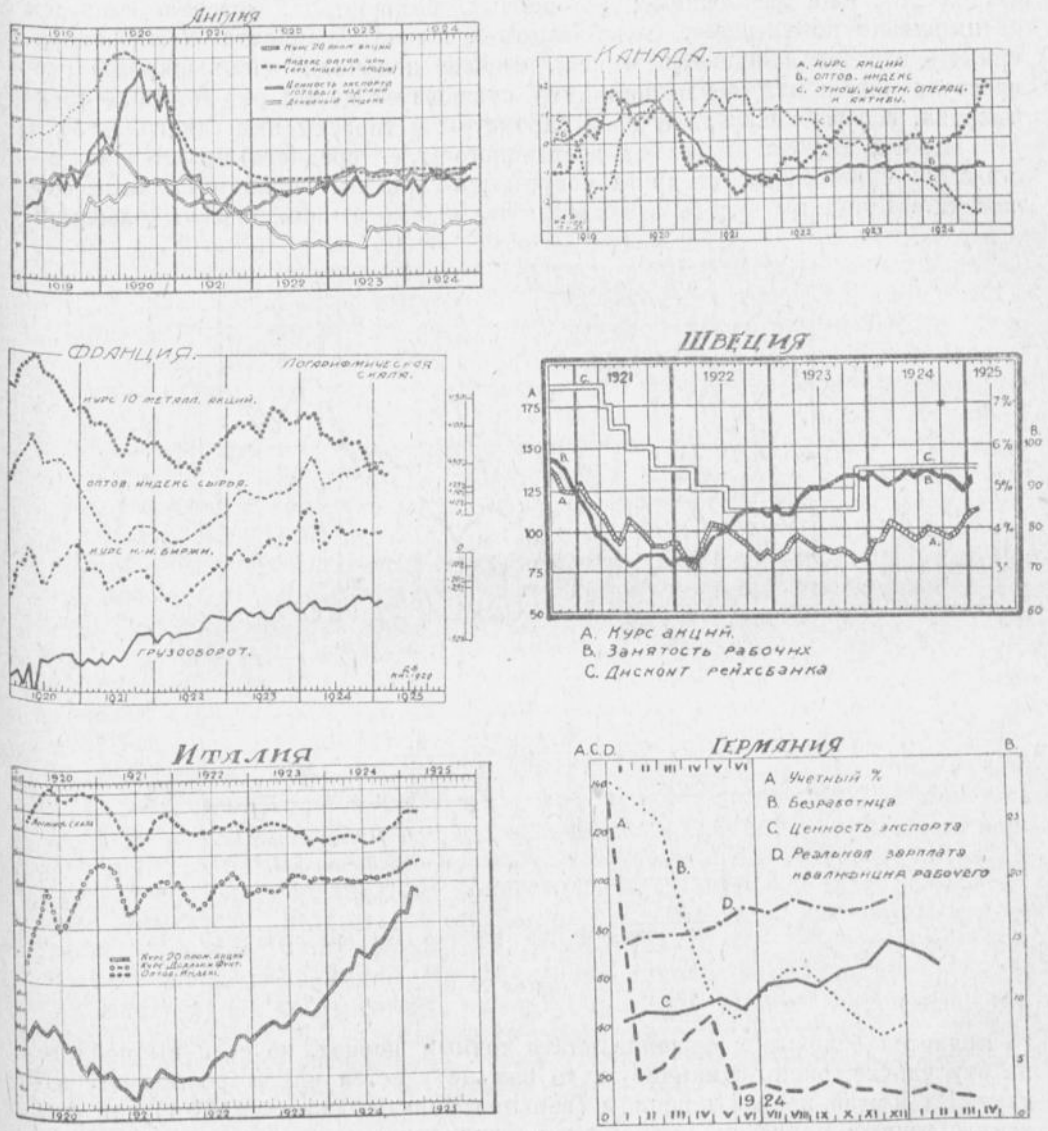

Диаграмма № 5

Механизм действия барометра от этого не меняется; отсюда можно видеть, что, несмотря на то, что циклические колебания должны быть связаны с уровнем, поправка Персонса на связь с уровнем (предположение, что высота циклической волны пропорциональна высоте уровня) вполне достаточна для учета роли уровня в деле образования циклов. Кроме того, у Боули добавлена к Гарвардским кривым кривая экспорта готовых изделий. Такие же барометры имеются во Франции, [1] Ита-

[1] Составлен проф. Л. Маршем (Париж), канадский—составлен проф. Мичелем (Торонто).

лии [1] и Швеции. Шведский барометр буквально повторяет Гарвардский набор, во Франции и Италии—странах слабой валюты,—добавлены кривые курсов отечественных валют. Такой же барометр имеется в Германии, [2] но там введены, кроме учетного процента и ценности экспорта, т. е. кривых „B“ и „C“, еще две кривые: во-первых, безработица, которая является очень чутким показателем, а во-вторых—реальная зарплата квалифицированного рабочего. Барометры теперь вообще получили очень широкое распространение, и в Америке, например, существует целый ряд частных предприятий, которые исчисляют свои барометры и торгуют ими (диагр. № 5).

Против метода изыскания постоянного (т. е. среднего) промежутка отставания кривых друг от друга могут быть серьезные принципиальные возражения. Когда вы будете рассматривать диаграммы циклических колебаний,

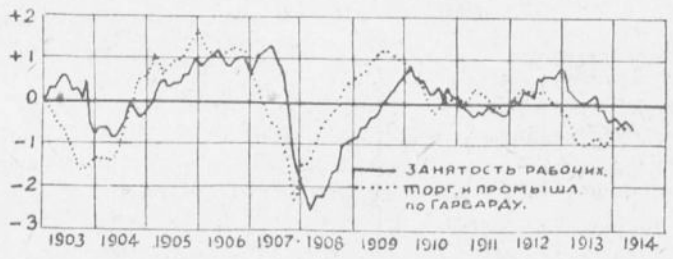

Диаграмма № 6

то является большое искушение найти точный период, но если вы пойдете на эту удочку, очень заманчивую, то вам не удастся найти решить эту задачу. На нашей кривой пшеницы (верхняя кривая, диаграмма № 1) дан уровень с точным периодом, принимая во внимание, что срок периода, примерно, равен 9 годам. Это наиболее вероятный срок, полученный рядом изысканий по методу периодограмм. Получается очень приятная кривая, но когда вы накладываете ее на живую кривую, то обнаруживаются очень неприятные разногласия. Приняты были все меры, зависящие от исследователя, чтобы найти наиболее точный период, и в некоторых местах можно видеть, что теоретическая и эмпирическая кривые сходятся хорошо, а в других местах получается несоответствие, — эмпирическяя кривая идет в одну сторону, а наш „средний“ период — в другую. Должно сказать, что мы

[1] Составлен проф. К. Оттоленчи (Турин).

[2] Составлен др. М. Эльзасом (Франкфурт), проф. Лотцем (Мюнхен) и проф. Шульце-Геверницем (Фрейбург).

лично не знаем ни одного удовлетворительного решения этой задачи. Если даже допустить, что циклические колебания периодичны, то ясно, что период эволюционирует. Раньше период был 11—9 лет, а в последнее время он сократился до 4 лет, а в отдельных случаях захватывал еще меньшие сроки.

Если вы обратите внимание на эволюторное движение уровня (диагр. № 1) и на циклы, то вы легко заметите, что на высоком уровне циклы дают бо́льшие колебания и более длительные, на низком уровне—меньшие и более короткие. Очевидно, что при отсутствии развитого транспорта, при обилии сравнительно мелких предприятий, высокой роли спекуляции, кризисы должны были действовать жесточе, чем в последнее время, когда функционирует ряд столь мощных предприятий (концернов), для которых кризис есть только временное сжатие операций и предвкушение экспроприации более слабых и мелких конкурентов. В этом сказывается связь циклов с уровнем и эволюция их.

Нужно сказать, что Гарвардский университет в своей работе начинает с заявления, что его работа не устанавливает никакого определенного среднего периода цикла. Мы, говорят американцы, —этого не делаем и никому не рекомендуем. Это, конечно, правильно, но интересно было бы поставить вопрос: считается ли с периодизмом Гарвардский Университет или нет?— При более подробном рассмотрении Гарвардского барометра надо принять во внимание следующее: всеми исследователями отмечалось, что последовательность волн стойко обнаруживается на целом ряде очень длительных кривых за большое количество времени. Раз подъем начался, то можно утверждать, что все пойдет автоматически. Но вот новый цикл кончился. Предсказания использовали все, что может дать цикл. Что же должно произойти далее? Здесь Гарвардская школа глухо говорит о том, что когда кривые „B“ и „C“ в минимуме, то это обычно служит сигналом для оживления на бирже, т. е. для подъема „A“. Что это служило на обследованном промежутке сигналом к повышению „A“, в этом нет оснований сомневаться, но принципиально вопроса это не разрешает. Если Гарвард предполагает, что цикл за циклом следуют автоматически, то, так как расстояние между „A“ и „C“ („C“ идет после „A“) зафиксировано, то, очевидно, что и все течение циклов друг за другом (в предположении, что „C“ предсказывает „A“) идет автоматически, а следовательно, кривые имеют некоторый средний период и, в сущности говоря, Гарвард мог бы обойтись одной кривой „A“. Эти обстоятельства заставляют полагать, что в основе Гарвардских изысканий все же лежит невысказанная презумпция периодизма, и вот это, конечно, возбуждает всякие возражения. Нет оснований думать, конечно, что высокая конъюнктура возникает потому, что прошло шесть месяцев со времени биржевого оживления, но автоматический подъем „A“ после подъема „C“ возбуждает еще большие сомнения. Эти обстоятельства значительно понижают принципиальную ценность Гарвардского барометра.

III

Есть, однако, возможность подойти к вопросу отставания и предсказаний совершенно по другому. Как сказано выше, Гарвард только обходит вопрос о периодизме, а в сущности предположение периодизма, почти априрное, в его работах имеется. Принципиально это вызывает возражения, но очень вероятно, что дело обстоит так, что совершенно отбросить предположение периодизма невозможно. В самом деле, уже самое подобие (не в строго геометрическом смысле, конечно) трех последовательных кривых („A“, „B“ и „C“) говорит о периодизме всего процесса в целом (не строгого периодизма, разумеется). Так или иначе, но о периодизме говорят все исследователи. Отсюда можно сделать простой вывод: периодизма строгого в циклах нет, но

какой-то рудиментарный периодизм все же имеется. Он неправилен, он очень сложен, он не может уложиться в простое выражение „среднего“ периода,—разницу в длительности циклов, например, за старое время и за новое Гарвардская школа объясняет изменением длительности периода депрессии, а не всего цикла в целом,—но все же он есть.

Ведя исследование с иной точки зрения, нежели это делает Гарвард, приходится снова притти к заключению, что ежели строгого периодизма мы и не можем констатировать, тем не менее, волнообразные кривые конъюнктур несут в себе некоторые особенности периодических кривых и при том такие особенности, которые с большой пользой могут быть использованы для исследования этих исключительно важных для народно-хозяйственной жизни кривых.

Выше указано на весьма важное явление — связь колебаний около уровня с высотою самого уровня. В конъюнктурных кривых обычно при повышении уровня повышаются и колебания около него—это правило выполняется как циклическими волнами, так сезонными и „остаточными“ колебаниями (в кривых урожайности, как это наблюдал проф. Н. С. Четвериков, дело обстоит как раз наоборот, — результат мелиоративно-хозяйственных мероприятий и интенсификация сельского хозяйства). Опыт исследования связи отклонений с уровнем показывает, что связь эта чрезвычайно трудно улавливается путем вычислений коэффициентов корреляции, которые, в сущности, хорошо обнаруживают лишь прямолинейную связь (одна из переменных может быть выражена через другую линейным уравнением, условие немного выше условия простой пропорциональности). Может быть в дальнейшем придется установить даже, что для связи некоторых явлений корреляционный анализ в его теперешнем виде вовсе непригоден,—но пока это, разумеется, не более, как предположение.

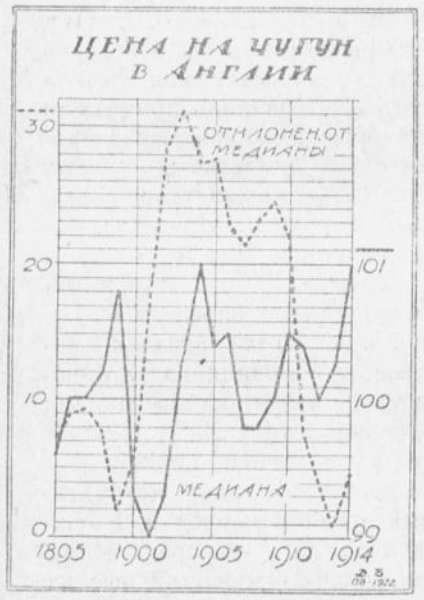

Диаграмма № 7

Исследуя, таким образом, связь отклонений с высотою самого уровня, пишущему эти строки пришлось заметить, что в некоторых случаях удается без большого труда обнаружить чрезвычайно важное явление: колебания вокруг уровня не только связаны прямой зависимостью с уровнем, но находятся с ним и в более сложной связи, а именно: при волнообразном движении уровня, когда (в виду указанной связи уровня с колебаниями) колебания имеют также волнообразный характер, максимумы колебания предшествуют максимуму уровня, что одинаково правильно и для минимумов. Связь, однако, чрезвычайно сложна,—она не может быть обнаружена сопоставлением высоты уровня с фактической величиной отклонений, связь обнаруживается лишь при сопоставлении высоты уровня с абсолютными значениями отклонений (именно так и наблюдал Н. С. Четвериков связь колебаний с уровнем на кривых урожайности). Эту поправку можно заменить другой, — брать не самые отклонения, а их квадраты, или, что то же—скользящую сигму (квадратическое отклонение) относительно уровня. Во 2-ом № „Планового Хозяйства“ за текущий год (стр. 145) мы приводили диаграмму московской цены на рожь (1896-1913 г.), из которой видно, что сглаженная кривая колеблемости упреждает сглаженную кривую цены. Здесь мы приводим еще одну аналогичную кривую—цены на чугун в Англии (диагр. № 7). В качестве уровня здесь взята медиана годовой цены, кривая колеблемости представляет собою сглаженные абсолютные величины разностей между медианой и помесячными данными, деленными на медиану (сезонные колебания элиминированы). На этой диаграмме, так же как и на диаграмме московских ржаных цен, легко наблюдать то же самое явление: кривая скользящей сигмы упреждает кривую уровня. Надо обратить внимание на то, что упреждение в случае сигмы ясно обнаруживается только тогда, когда абсолютные величины отклонений сглаживаются. Это добавочное условие (которому легко построить весьма показательную аналитическую аналогию, см. ниже) создавало большое неудобство в работе. Поэтому дальнейшие наши изыскания были направлены к построению такой формы скользящих отклонений от уровня, в котором необходимость сглаживания была бы уже учтена.

После многих неудачных попыток удалось, наконец, напасть на подходящий способ. Он заключается в следующем: эмпирическая кривая сглаживается скольжением параболы 3-го порядка, которая захватывает каждый раз (как и всякая скользящая средняя) определенный интервал (мы брали 9 членов соответственно средней длительности цикла). Для каждой параболы определяется точка перегиба и тангенс касательной в этой точке (очевидно, что, складывая эти тангенсы—первые производные—последовательно, вы получаете снова эмпирическую кривую, но уже сглаженную; для самой работы в этом сложении нет надобности). Вычисление идет следующим образом: определяются коэффициенты при первой, второй и третьей степенях независимой переменной и из этих трех величин получаем величину тангенса.

Далее определяется прирост эмпирической кривой от девятой точки (входящей в параболу) к десятой (не входящей в параболу), т. е. берется разность между десятой и девятой точками. Разность этого прироста и вычисленного ранее тангенса дает некоторый показатель, соответствующий скользящей сигме, с тем, однако, что он не образует добавочного уровня, как это случается с сигмой. Кривая этого показателя дает стойкое упреждение максимумов и минимумов эмпирической кривой. Надо сказать, что самое вычисление весьма кропотливо и длительно.

Таким образом, в большинстве циклообразующих кривых возможно, не выходя из пределов одной кривой, притти к такому показателю, который будет давать стойкое упреждение. Вообще говоря, это может удастся лишь в том случае, если в кривой сохраняются очевидные признаки периодизма. Если мы возьмем какую-нибудь строго периодическую кривую, то ее без труда можно трансформировать так, чтобы получить подобную данной кривую, максимумы и минимумы которой будут смещены относительно максимумов и минимумов основной кривой. Этим замечательным свойством периодических кривых мы в данном случае и пользуемся.

Сказать, что наши статистические кривые строго периодичны, нельзя, но тем не менее и в этих деформированных кривых остаются некоторые замечательные свойства, присущие строго-периодическим кривым, свойства, которые возможно использовать таким образом, что трансформированная кривая будет или предшествовать эмпирической кривой или отставать от нее.

На диаграмме № 1 дана кривая, о которой мы уже говорили выше: цена пшеницы в Лондоне На нижней части нашей диаграммы нанесены две кривых: 1) отклонения от параболического уровня; 2) полученный изложенным выше аналитическим путем упреждающий показатель (r_2). Как вы видите, кривая этого показателя дает максимумы и минимумы раньше эмпирической кривой. Это результат довольно сложных вычислений, но он показывает, что есть возможность так трансформировать волнообразную кривую, чтобы получить антиципатор (упреждающий показатель).

Надо указать, что и при самых элементарных исследованиях обычно применяются способы, имеющие нечто общее с нашим способом антиципатора. Если вы видите, что кривые (цен, например), растут, но при этом замечается, что с известного срока прирост за каждую декаду (или месяц) начинает уменьшаться, то вы с вероятностью будете утверждать, что максимум кривой близок, и в скором времени кривая изменит свое направление. Этим приемом пользуется буквально всякий исследователь конъюнктуры. Но что, собственно, вы утверждаете, когда умозаключаете от уменьшения приростов (за срок) к близости максимума кривой и неизбежному вслед за максимумом изменению направления кривой? Вы говорите, что поскольку максимум приростов уже пережит, то в недалеком будущем мы переживем и максимум самой кривой. А что такое прирост? Прирост есть первая разность (нумерусов или логарифмов—в случае отношения—в данном случае не важно), т. е. первое приближение к производной, с которой мы имеем дело, и в случае скользящей сигмы (если отвлечься от абсолютных величин и последовательного их сглаживания) и в случае нашего антиципатора, работу которого демонстрирует диаграмма. Принципиально, и изучение движения приростов и наши два способа идентичны. Для нас лично вопрос сводился здесь к тому, чтобы 1) выяснить связь колебаний с уровнем и 2) получить наиболее верный и удобный способ упреждения.

IV

Изучение колебаний эмпирических кривых около уровня привело американца Роберта Эджа к исключительно интересной постановке вопроса об изучении отставаний и использования упреждающих кривых для предсказания движений отстающих. Его работы были описаны в одном американском журнале, где был весьма отчетливо напечатан адрес конторы автора, который последовательно продает эти кривые, но было очень темно указано, каков метод Эджа. В объяснениях говорилось, что способ получения этих кривых, да и самые показатели, представляют собственность автора и его клиентов. Общие принципы изложены понятно, но ряд существенных подробностей опущен. Путем долгой работы, после многих неудачных попыток, нам удалось раскрыть, в чем заключается секрет этого производства. Считаем долгом отметить здесь с чувством сердечной дружеской признательности упорную и тонкую, сопряженную с массой самых утомительных вычислений, работу Н. М. Семеновой, в сотрудничестве с которой нам удалось не только раскрыть секреты мистера Эджа, но и установить принципиальный смысл работ по антиципаторам. Получились чрезвычайно интересные вещи.

Эдж пользуется теми же самыми замечательными свойствами периодических кривых, о которых была речь раньше, с тою лишь разницей, что он всегда, опираясь в работе своей на описанное выше явление отставания, берет по меньшей мере две конъюнктурные кривые и эксплоатирует отставание не в левую сторону, а в правую сторону, в сторону будущего. Как это можно сделать? Ясно, что если кривые, скажем, чугуна (продукция) и учетного % подобны (не в строгом, а в коррелятивном смысле, так сказать, „коррелятивно-подобны“) и только расходятся в фазах, т. е. максимум чугуна упреждает максимум учетного % и т. д., то, получив, путем исследования, способ необходимой трансформации кривой чугуна, вы можете добиться, чтобы трансформированная кривая чугуна, сдвинувшись направо, совпадала и в максимумах и минимумах с отстающей кривой учетного %. Тогда, пользуясь вашим способом трансформации кривой чугуна, вы можете предсказать движение кривой учетного %. Нет сомнений, что этот способ во всех отношениях превосходит способ Персонса. На диаграмме № 8 вы видите проработанные нами кривые продукции чугуна в Амер. Соед. Шт. за одинадцать лет

и резервов Нью-Иоркского банка. Уровень выбрасывается по прямой, потому что здесь важно оставить все циклы, а более сложный уровень может задеть и их. Берутся далее отклонения чугуна от его уровня, и отклонения резервов от их уровня; последние берутся с обратным знаком, так как ясно, что величина резервов стоит в обратной связи с конъюнктурой.

Кривые отклонений чугуна и резервов, как показывает диаграмма, идут параллельно, но одна отстает от другой. Каким образом можно использовать это отставание для цели предсказания? Вспомним Персонса. Он рассуждает так: кривая „Speculation“ на протяжении 11 лет идет на шесть месяцев раньше кривой „Business“, а, следовательно, можно полагать, что тот же промежуток должен сохраняться в дальнейшем. Тут напрашиваются все возражения, которые приводились выше. Отставание измеряется временем, что несообразно. Эдж поступает гораздо тоньше — он

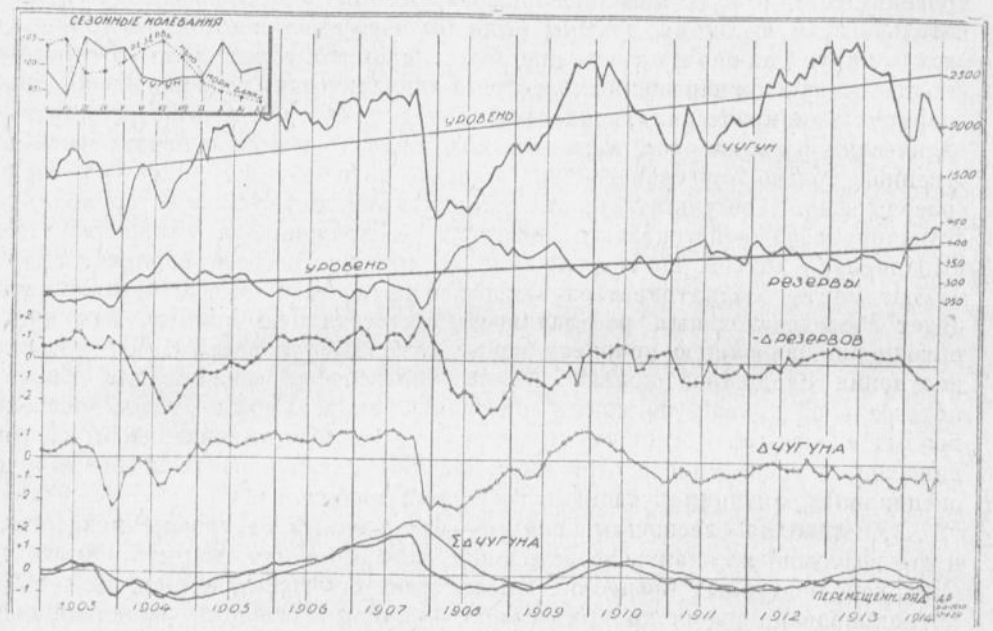

Диаграмма № 8

не накладывает на свои кривые никаких условий постоянных промежутков (которые ведь могут, ясное дело, и не оправдаться из-за эволюции циклов), а измеряет отставание долями цикла. Отставание измеряется даже не долями периода, а именно долями цикла, ибо, если меняется величина цикла, то в той же мере (хотя и по другому) меняется и трансформированная кривая. Трансформационный метод Эджа сводится, по нашим исследованиям, к получению интегральной кривой (последовательными суммированиями). Мы берем отклонения от уровня чугуна (△ чугуна на диаграмме) и интегральную кривую того же чугуна (Σ△ чугуна) и, путем определенного взвешивания, получаем третью кривую, которая уже сдвинута так, чтобы получить совпадение трансформированной кривой чугуна с живой кривой банковских резервов. Получив это, мы можем сказать, что будет с кривой резервов через определенное количество месяцев. Слова „количество месяцев“ не должны вводить читателя в заблуждение—здесь нет прямой аналогии с фиксированным промежутком Персонса; предсказание по способу Эджа не будет говорить непосредственно о количестве месяцев, которое осталось до наступления того или иного положения конъюнктурных кривых,—оно укажет

лишь на наиболее вероятную ожидаемую форму предсказываемой кривой на протяжении такой то доли цикла. Однако совершенно очевидно, что в каждом данном случае нет труда перевести это показание в количество долженствующих истечь месяцев, но это количество для каждого данного периода может быть разным,—вот в чем сила методов Р. Эджа.

Способ Эджа, на наш взгляд, несравненно более интересен и полезен, чем способ Гарварда. Рассматривая диаграмму, мы можем естественно задаться следующим вопросом: ясно, что кривые чугуна и банковских резервов имеют некоторое вещественное содержание,—каково же вещественное содержание интегральной кривой чугуна? В случае скользящей сигмы вопрос такой не представляет затруднений: там мы оперируем с приростами за срок, в случае интегральной кривой—дело несколько сложнее. Мы интегрируем отклонения от уровня (иной раз в интегральной кривой нарастает даже некоторый новый, паразитный уровень), которые суть приближенные выражения первых производных, следовательно, этим путем мы должны были бы вернуться к исходному (эмпирическому) ряду. Так оно и происходило бы, если бы мы имели дело со строго-периодическим рядом нарощенным на строго-аналитический уровень. Здесь, однако, оперируя с эмпирическими, конкретными рядами, где нет места строгости математических формулировок, а каждое колебание трепещет и бьется своей собственной, только ему свойственной жизнью, дело обстоит иначе — и гораздо более сложно. В результате наших манипуляций, интегральная кривая представляет собой действительно некоторое возвращение к эмпирической невыравненной кривой, но возвращение совершенно особого порядка. Уровень вообще может рассматриваться как развитие всего процесса; в таком случае будет последовательным рассматривать интегральную кривую, как кривую накопления, вносящую поправку на исключенный уровень. Здесь у нас для получения смещенной кривой чугуна употреблено взвешивание живой и интегральной кривой, но можно поступить иначе: можно взять несколько кривых с разными отставаниями и так подобрать отставание, чтобы получить наибольшее совпадение с отстающей кривой. Таким образом можно получить специальный антиципирующий аггрегатный индекс.

Употребляя взвешенные кривые—отклоненный от уровня и интегральную—возможно поставить исследования, которые могут вскрыть самую глубину конъюнктурных процессов. Высота учетного %, например, может быть антиципирована рядом кривых: таковы — кривые оборотов провинциальных расчетных палат, кривые индексов оптовых, а также и розничных цен, кривые продукции тяжелой индустрии, кривые резервов и др. Задавши одной из кривых (интегральной или кривой отклонений) определенный постоянный вес, мы сможем следить, как изменяется вес другой кривой при разрешении задачи точнейшего антиципирования. Это даст указание на участие уровня развития процесса, будь то производительные силы страны, кредитно-банковский аппарат и т. п.) в формулировании цикла на моменты роста этого участия и на моменты затухания этого участия. Составляя аггрегатный антиципатор, мы можем проследить участие отдельных кривых в формировании волны отстающей кривой. Возможности, которые обещает метод аналитических антиципаторов, чрезвычайно велики.

К чему сводятся методы антиципаторов—и метод скользящей производной, и метод Эджа (метод квадратуры) с точки зрения ортодоксального корреляционного исчисления? Это не трудно выяснить. Нет никаких сомнений, что, оперируя с волнообразными кривыми и их соответствующими колебаниями, мы отправляемся в путешествие по совершенно неизведанным корреляцией странам. Поэтому наши манипуляции с дифференцированием и интегрированием кривых имеют в виду такие трансформации совершающихся перед нами явлений, которые смогут настолько упростить явление, что оно может быть исследовано и корреляционным путем. Кривые, полученные способом квадратуры, дают значительно более высокие коэффициенты корреляции с теми кривыми, которые они должны предсказывать, нежели те показатели связи, которые получал Персонс при механических сдвигах, чего, конечно, и нужно было ожидать.

Диагр. № 9 дает кривые Квадратурного Бюро в Нью-Йорке, работающего по методам Р. Эджа.

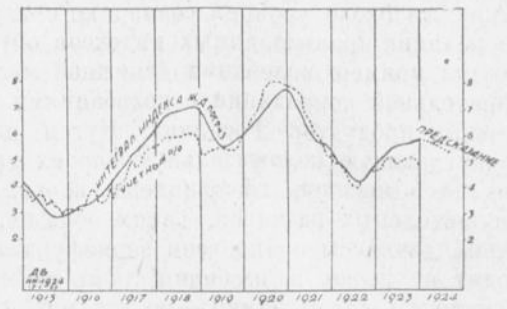

Диаграмма № 9

VI

Заканчивая наше изложение, мы должны сказать несколько слов об исследовании тех конъюнктурных колебаний, которые не образуют циклов. Надо думать, что раз депрессия и высокая конъюнктура на Западе могут быть предсказаны барометрами, то влияние циклов, вообще, должно будет понижаться. Трудно предугадать, к каким последствиям вообще должно привести использование барометрических предсказаний. Возможно, конечно, что это в свое время может вылиться в новую форму кризисов, но, во всяком случае, надо думать, что роль известных нам кризисов понизится, а, следовательно, внимание исследователей в будущем будет обращаться скорее на изучение необразующих циклов конъюнктурных колебаний.

В наших условиях СССР необходимы исследования именно таких нециклических конъюнктурных волн, складывающихся в значительной мере под влиянием рационального, планового фактора и не имеющих характера циклов.

Течение нашего реконструктивно-восстановительного процесса как будто бы напоминает первую фазу цикла—начинающийся подъем от нуля (условно рассматривая эпоху блокады, как депрессивную) к интенсивно поднимающейся конъюнктуре. Отнести это повышение целиком к уровню было бы затруднительно, ибо для этого срок его мал. Но это всего лишь предположение и настаивать на нем было бы трудно. Факт остается фактом,—ныне в СССР мы имеем дело именно с конъюнктурными колебаниями, но не с циклами. Возможно ли исследовать конъюнктурные колебания, не имеющие характера строгого цикла теми же методами, какие применяются к циклам? Мы полагали бы, что это возможно, поскольку эти конъюнктурные колебания связаны с волнами уровня так же, как эти последние связаны с самим уровнем. Выделение волнообразного уровня вообще не представляет каких-либо особых затруднений. Что до последовательности движений и оставаний, то и здесь не должно возникнуть каких-либо особых неясностей. Исследование, напр., связи между урожаем и хлебными ценами показывает чрезвычайно схожие результаты и при корреляции циклов и при корреляции конъюнктурных колебаний не циклического характера. Высота корреляции между ценами на пшеницу в Одессе и Лондоне (за сто лет) почти не меняется от того, изучаем ли мы связь циклов, или изучаем нециклические колебания, элиминируя в таком случае и уровень и циклы. Учитывая связь колебаний около уровня с самим уровнем, трудно было бы, впрочем, ожидать чего-либо другого.

Поэтому нам кажется, что построение экономического барометра СССР—вопрос времени. В настоящее время мы ведем эту работу. Она сильно затрудняется краткостью срока, имеющегося в нашем распоряжении (1922—1925), но все-же и на этом коротком сроке начинают уже появляться первые ласточки маленьких достижений. Правда, одна ласточка еще не делает весны, и обещать что-либо в этом направлении пока трудно. Но кое-что уже опре-

деленно выявляется. Так, напр., нам удалось путем подыскания довольно сложного уровня, установить высокую корреляцию между оптовым индексом Госплана и розничным Конъюнктурного Ин-та НКФ. Уровни их довольно близки друг к другу, а их расхождение имеет длительный и плавный характер. Колебания же около уровней совпадают с изумительной точностью,—коэффициент корреляции промышленных индексов оптовых и розничных цен равен +0,96. Другой пример: колебания денежной массы около ее уровня находятся в отрицательной корреляции с колебаниями (около уровня-же) индекса зернофуражных продуктов Госплана. Путем изыскания сдвига удалось нащупать точку дающую положительную корреляцию. Ежели сдвинуть зернофураж вперед на 5 месяцев, коэффициент корреляции достигает +0,82, т. е. весьма внушительных размеров. Таким образом, можно установить, что связь колебаний денмассы с индексом зернофуража вообще отрицательная: деньги выходят на рынок в изобилии лишь в моменты низких цен и сокращаются в моменты подорожаний,—но эти плановые колебания денмассы отражаются с примечательной правильностью на ценах через пять месяцев. Трудно было бы сказать, насколько это обязательно для будущего, но в существовании этого факта трудно было бы сомневаться. Понятно, что такого рода сведения дадут нам в руки незаменимый аппарат для направления нашего планирования.

Мы надеемся в ближайшем будущем подробнее ознакомить наших читателей с этой работой, пока еще далеко не законченной.

В заключение мы позволили бы себе так резюмировать изложенное:

1) практика исчисления индексов общих экономических условий, выросшая на Западе, среди чуждых нам интересов и фантастических теорий „добросовестной наживы", не взирая на это обстоятельство, стоит на большой высоте и должна быть подвергнута внимательному изучению в СССР, выступающем на мировой рынок;

2) мы должны обратить особое внимание на теории аналитических антиципаторов, в основании которых лежат более глубокие и более тонкие мысли, нежели в довольно грубой эмпирике Персонса, хотя и к последней надо отнестись со всей серьезностью;

3) наши статистические возможности несравненно шире, нежели в буржуазных странах (нигде в мире, кроме СССР, нет помесячных данных о числе рабочих и производительности труда, напр.); собрав все это драгоценное статистическое сырье, мы должны направить свои силы на создание экономического барометра СССР, который даст возможность заранее предугадать хотя бы некоторые результаты нашей плановой работы и выступить против стихийного начала рынка во всеоружии статистического предвидения.

Методологические дополнения

Аналитическая сторона дела не может заинтересовать широкого читателя, но будет самым любопытным и нужным пунктом для того, кто хотел бы продолжить нашу работу или глубже понять ее завлекательную для человека с математическими пристрастиями сущность.

Поэтому мы здесь вкратце,—щадя страницы журнала, не предназначенного для специальных исследований и отсылая читателя к готовящейся нами для Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов книге „Статистика временного ряда"—изложим некоторые особенности описанных методов.

А. Методы Персонса

Обозначая уровень o, сезонное колебание данного месяца (в %%) к средней годовой) s и эмпирическую кривую—y, Персонс пользуется формулой:

$$y' = \frac{y - so}{so},$$

эти ряды и исследуются. В дальнейшем эти ряды еще для уравнения амплитуд делятся на δy (квадратическое отклонение). Проще говоря, Персонс пользуется не разностями между эмпирическими кривой и уровнем, а отношениями. Так как уровень Персонс получает по годовым данным, то уровень его (в применении к месячным кривым) имеет ступенчатый характер.

Подробности читатель найдет в статье Персонса „Correlation of Time Series" в книге „Handbook of Mathematical Statistics", Cambridge, USA, 1924 (есть русский перевод—„Корреляция динамических рядов" в „Экономическом Бюллетене Конъюнктурного Бюро Госплана УССР", Апрель–1925,—сделанный И. В. Лебединским, п. р. проф. Н. С. Бернштейна).

О методах Персонса и Гарвардском барометре вообще см. статью М. Ленуара в книге XVII (1924) „Вестника Статистики"; статьи А. Л. Вайнштейна и М. В. Игнатьева (об английском барометре) в №№ 1 и 2 „Экономич. Бюллетеня Конъюнктурного Института" за 1925, а также в книге проф. С. А. Первушина: „Хозяйственная конъюнктура" (М. 1925), гл. III.

Б. Методы антиципаторов

Для того, чтобы уяснить вполне механизм метода скользящей сигмы и роль сглаживания отклонений, обратимся к следующей аналитической аналогии:

I) Мы имеем (эмпирический) периодический ряд . . . . . $y = \sin x$

II) Мы берем его первую производную (отклонения, как приближение) . $y' = \cos x$

III) Мы возводим наши отклонения в квадрат . . . . . $(y')^2 = \cos^2 x$

IV) Мы сглаживаем полученные данные . . . . . $\int \cos^2 x\, dx = \frac{x}{2} + \frac{\sin 2x}{4} + C$

Сопоставляя теперь первое выражение с последним, мы видим, что ряд приобрел уровень $\left(\frac{x}{2}\right)$, что особенно ясно на указанной нами диаграмме ржаных цен в Москве („Плановое Хозяйство" 1925, № 2, стр. 145), а кроме того, так как период в интегральной кривой (IV) уменьшился вдвое, то его максимумы будут лежать раньше максимумов основной кривой (I). В некоторых рядах аналогия может быть упрощена (минуя первую ступень или минуя две последних ступени—в зависимости от величины волн и интервала скольжения).

Та же аналогия может быть проведена и для метода антиципатора (скользящей производной), с тою лишь разницей, что там из производной ряда вычитается производная сглаженного ряда, так что дело сводится к отысканию второй производной.

Так как уравнение параболы третьего порядка есть:

$$y = a_0 + a_1 x + a_2 x^2 + a_3 x^3,$$

то tg касательной в точке перегиба, где он будет иметь место, его maximum или minimum будет равен:

$$r_1 = a_1 - \frac{a_2^2}{3a_3}.$$

Этот tg приближенно будет соответствовать первой производной данного участка эмпирического ряда, сглаженного параболой, антиципатор r_2 будет равен:

$$r_2 = (Y_{10} - Y_9 - r_1).$$

Для метода квадратуры достаточно следующей аналогии:

I) $y = \sin^2 x$

II) $y' = \cos x.$

Очевидно, что вторая кривая будет смещена влево на четверть периода.

Описание квадратурного метода см. в „Journal of the American Statistical Association", March, 1924, статью C. G. Karsten'a.

ОТДЕЛ II

Экономика и техника

Н. Макаров

Элеваторное строительство и плановое хозяйство

I

Элеваторное строительство не может не испытывать на себе давления той народно-хозяйственной системы, в условиях которой оно развертывается. В С. Штатах, Канаде и других странах Нового Света оно характеризуется огромным размахом, большой, выдержанной и густой сетью местных, терминальных и портовых элеваторов, строжайшим образом приспособленных по своей технической конструкции и по своему типу к тем задачам, которые на них возложены. Конкуренция предпринимателей, стихийность действий ведут к возведению по нескольку элеваторов одного и того же типа в одном и том же месте. Дороговизна рабочих рук еще более заставляет предпринимателей бросать огромные средства на подъем механизации элеваторного дела. Насыщенность капиталом, местами излишняя насыщенность — это основной тон элеваторного строительства Нового Света.

Элеваторное строительство в Индии, Южной Африке и даже отчасти в Ю. Америке носит другой характер, так как развертывается в другой обстановке. Бедность капиталами, дешевизна труда делают элеваторное строительство малопроникающим в глубь страны. Элеватором захватывается в большой мере лишь конечный этап транспортирования хлеба перед уходом зерна из страны — порты.

Россия 1880 — 1890-х годов с ее резко-консервативным укладом не хотела, да и не умела взяться за эту проблему: правы те, кто (как например Д. Шумский) указывает, что помещичье хозяйство сопротивлялось попыткам предприимчивого иностранного капитала овладеть хлебо-элеваторным делом. В следующие десятилетия период быстрого роста и развития капитализма, в особенности в девятьсотые годы и в первые годы войны, наблюдается более энергичный подход к элеваторной проблеме. Государственным Банком была намечена и начата осуществлением большая строительная программа, правда, далеко не свободная от влияния помещичьего хозяйства на географические очертания этой программы.

В условиях СССР проблема элеваторного строительства приобретает совсем другое, особое значение. Не будет звучать парадоксом, если сказать, что без системы элеваторов регулирование хлебного рынка не сможет быть организовано достаточно рационально и успешно. Элеваторная система для государственного регулирования является той технико-организационной предпосылкой, без которой реальное осуществление регулирования является крайне трудной задачей.

Мы определенно говорим о регулировании, или даже о плановом подходе к хлебному рынку, а не о государственной организации хлебной торговли. Планомерное передвижение хлебных потоков, планомерное образование хлебных запасов, планомерное развертывание и организация экспорта в условиях уровня цен, соответствующих урожаю, спросу и предложению и чуждого спекулятивного падения, так же как и спекулятивного роста цен,—вот основные задачи регулирования хлебного рынка. Выполнение этих задач государственными или кооперативными предприятиями было бы чрезвычайно облегчено и упрощено, если бы зерновой товарооборот был замкнут в элеваторной системе.

Участие биржевой торговли, равно как и частного предпринимателя в хлебном деле, занимает большое место в хлебном обороте. Поскольку хлеб не включается в элеваторную систему, постольку государству становится труднее не только воздействовать на товарный поток хлеба, но даже и наблюдать за ним как следует. Не нужно забывать, что в условиях мировой войны Канадскому и С. Америк. С. Штатов правительству удавалось регулировать хлебный рынок, влиять на уровень цен в значительной мере благодаря высокой организованности хлеботоргового аппарата, часть которого составляют элеваторные системы этих стран. Тем более в условиях народного хозяйства СССР развитие элеваторной системы должно рассматриваться, как организационно-техническая предпосылка планового подхода к хлебному рынку.

II

Влияние элеваторной организации хлебного товарооборота на регулирование хлебного рынка, а, следовательно, и на внедрение планового принципа в народном хозяйстве—является лишь одной стороной проблемы элеваторного строительства.

Другой стороной проблемы элеваторного строительства является влияние элеваторной системы на сельское хозяйство.

Присматриваясь к эмпирическим материалам С. Штатов и Канады, мы видим в зерновых районах, как взаимосвязанно совершается рост посевных площадей и элеваторной сети.

Г О Д Ы	К а н а д а			
	Число ж./д. станций с элеваторами	Число местных элеваторов	Тоже в ‰	Посевные площади в тыс. дес. под пшен., ячм. и овес в 3-х зерновых провинциях
1900	217	518	100	1.000
1910	840	1.898	366	4.898
1920	1.506	3.789	732	10.660

Мы видим, как посевная площадь в главных зерновых районах Канады идет быстро вперед и за нею быстро разрастается сеть элеваторов. Но при порайонном и более точном сопоставлении вскрывается и другая сторона связи: элеваторное строительство идет впереди роста посевных площадей.

Зерновые провинции	К а н а д а	
	Годы постройки 1-го элеватора	На 100 мер урожая зерна приходится емкости местных элеваторов
Монитоба	1900	13,9
Саскатчеван	1903	22,5
Альберта	1905	25,2
Брит. Колумбия	1906	13,0

Британская Колумбия не рыночно-зерновая провинция и скорее находится еще в первичном периоде зернового хозяйства. В настоящих зерновых районах, чем моложе провинция, тем большая доля урожая зерна может быть взята в элеватор. В более старой зерновой про-

ЗЕРНОВЫЕ ШТАТЫ	С. Ш т а т ы			
	Зерновые хозяйства	Урожай зерна в миллионах мер	Емкость местного элеватора в милл. мер	На 100 мер урожая зерна приходится емкости местных элеваторов
Минесота	старое	384	61	16
С. Декота	переходное	196	44	22
Монтана	молодое	30	23	77

винции—Монитоба зерновые посевы вышли за пределы соотношения урожая и элеваторной емкости молодых зерновых провинций.

В С. Штатах в зерновых районах (пшеничных) емкость местных элеваторов составляет 21% от среднего урожая, но в более старых зерновых пшеничных районах посевные площади, как и в Канаде, уже переросли среднее соотношение между посевом и емкостью местных элеваторов, а в более молодых зерновых районах пока еще элеваторная сеть выступила очень далеко вперед за пределы рационального соотношения между посевами и емкостью элеваторов.

Такое соотношение между элеваторным строительством и посевными площадями должно влиять стимулирующим образом на рост последних. Но эта связь должна быть большей: не только количественно посевные площади должны более форсированно расти в результате разрастания сети элеваторов, но и самые системы полеводства получают рыночное обоснование для своего прогресса: аме-

риканский фермер считает, что он благодаря местному элеватору (отсутствие мешков и механическая перегрузка) экономит около 5 коп. на 1 пуд. зерна; этот расчет груб и примитивен, как всякий частно-хозяйственный расчет; фактически фермер выигрывает благодаря местному элеватору более чем 5 коп. на 1 пуд., благодаря той организованности хлебной торговли, которая создается при помощи элеваторной системы, первым звеном которой является местный элеватор.

По исследованиям южно-африканской комиссии, произведенным в Соединенных Штатах, расходы на мешки, разгрузку и нагрузку, частью исчезали, а частью сокращались на 25% при экспортных операциях и на 28% при внутреннем обороте зерна. По исследованиям американского правительства в 1921 г. разгрузка 1 вагона в 40.8 тонн при ссыпном элеваторном методе обходилась в 2,90 рублей, а при мешечном методе в 11.74 рубля, не считая расходов на мешки, их ремонт, зашивку и т. п. Не останавливаясь пока на целом ряде других выгодных сторон элеваторной системы, можно считать, что в целом элеваторная система может дать от 5 до 10 коп. экономии на 1 пуд. зерна. Поскольку из всей системы расходов на пути зерна от производителя к потребителю создается возможность прямой экономии в 5—10 коп. на 1 пуд., постольку при рыночной „борьбе" за хлеб фермер имеет шансы, если не целиком, то в значительной мере эту экономию получить в свою пользу. Понятно, что в условиях рыночной депрессии он этого не получит. Получая же эту добавочную оплату 1 пуда зерна, фермер тем самым стимулируется не только к количественному увеличению своих зерновых посевов, но и к той интенсификации зернового хозяйства, которая может оказаться связанной с повышением себестоимости 1 пуда зерна.

Себестоимость производства пшеницы

Канада 1923 г.		Соединенные Штаты 1909 г.		
Провинции	На 1 бушель долларов		Себестоимость	Местная цена
Монитоба	1,00	Кукуруза-трава-зерн	118 к.	134
Саскатчеван	0,75	Пшеница-кукуруза-овес	116 „	123
Альберта	0,63	„ овес-ячмень	86 „	118

В районах более старых мы встречаем более высокую себестоимость производства 1 пуда зерна, в этих же районах это производство организовано более интенсивно. Более интенсивное производство

зерна должно стимулироваться соответствующим повышенным уровнем местных цен.

Таким образом, элеваторное хозяйство, как экономическая предпосылка для роста и интенсификации зернового хозяйства, должно быть признано другой стороной экспортно-строительной проблемы.

Та наличность элеваторной сети, которую СССР получил от старой России, на основании подсчетов Д. Шумского, может быть определена емкостью в 52 милл. пудов. Если товарооборот зерна в предстоящие годы считать около 1.000 милл. пудов, то становится понятным, что почти 20-ти кратное заполнение емкости за год должно составить совершенно непосильную работу. Если же из 52 милл. пуд. исключить портовые и другие элеваторы, в которые зерно может попадать, побывав предварительно в каком либо другом элеваторе, то картина будет еще более печальная. За годы революции элеваторная сеть частью сократилась, частью увеличилась. Засчитывая емкость вновь выстроенных и недооборудованных элеваторов, мы получим некоторое увеличение емкости, примерно, до 60 милл. пуд. Однако, положение попрежнему остается мало удовлетворительным: технически организационная предпосылка планового зернового товарооборота еще очень далека от своей полной развернутости.

Конечно, если закупка или заготовка зерна производится в уровень внутреннего текущего потребления и экспорта, тогда никаких торговых запасов зерна в стране не будет и потребность в элеваторах значительно суживается. Но если система товарных запасов зерна снова становится неотъемлемой частью зернового товарооборота, то проблема элеваторов, как зернохранилищ, а не только перегрузочных учреждений, становится активной. Плановый подход к хлебному рынку без системы торговых запасов не может нас удовлетворить; такой подход при наличии распыленного мелкого товаропроизводителя в любой момент может превратиться из планового в неплановую, нервную и напряженную работу, вынуждаемую быть может государственной необходимостью, но не стремлением организовать рационализированную систему товарооборота. Для тех, кто следит за вопросами хлебного дела в СССР, ясно, что до сих пор мы жили без системы товарных запасов и что эта проблема еще вся впереди.

Элеваторная система является не только организационно-технической предпосылкой планомерного товарооборота зерна, но и средством удешевить и качественно улучшить этот товарооборот.

В условиях капиталистических стихийных [1] отношений элеваторная система имеет перед собою три задачи: удешевить, качественно улучшить и технически организовать товаро-

[1] Хотя почти во всех странах государство регулирует элеваторное хозяйство, подчеркивая этим колоссальное его значение в организации зернового товарооборота.

оборот зерна. Но в этих странах самый товарооборот зерна и его система имеют другой характер, чем он должен быть в условиях СССР. Улучшение качества товара—очистка, лечение зерна, сушка, доведение до кондиционных условий, образование нужных однородных крупных партий и т. д.,—все это становится неотъемлемой технической функцией элеваторного хозяйства. Удешевление товарооборота зерна—это та экономическая предпосылка, без которой элеваторная система не может развиться. Дешевизна и избыток рабочих рук могут сделать элеватор убыточным предприятием. По одному этому в портах, в больших центрах элеваторы выгоднее, чем в сельских местностях с избытком труда. Поэтому также в степной Украине, на Северном Кавказе, на Юго-Востоке и в Сибири, где земельный простор создает недостаток рабочих рук, элеваторное хозяйство выгоднее, чем в малоземельном центрально-черноземном и отчасти средневолжском районах, где избыток дешевой рабочей силы велик.

Для элеваторного хозяйства избыток хлеба еще не является достаточной предпосылкой. Требуется еще и другое: машинная перегрузка хлеба из телеги в элеватор и из элеватора в вагон должна быть выгоднее ручной. Глубоко правильно в этом отношении намечаемое перспективным планом элеваторного строительства развертывание элеваторов в направлении Юго Востока, Северо-Кавказа и степной Украины. Зато более сомнительным представляется местное элеваторное строительство на юго-западе Украины и в некоторых местах Центрально-Земледельческой полосы. Если временно, в условиях недовосстановленности народного хозяйства СССР, избыток рабочих рук в деревне в скрытом или явном виде имел довольно большое значение, то в процессе быстро совершающегося восстановления народного хозяйства цены на рабочие руки несомненно будут расти. А этот фактор должен сказаться положительно на экономических предпосылках для увеличения выгодности работы элеватора. Не надо забывать, что именно недостаток и дороговизна рабочих рук в странах Нового Света форсировали развитие элеваторного хозяйства, как всякого машинного хозяйства. Развитие народного хозяйства СССР по самой своей природе будет связано с вздорожанием рабочих рук и, следовательно, с ростом благоприятных предпосылок для элеваторного дела. Таким образом, в разных районах и на разных ступенях зернового товарооборота экономическая выгодность развития элеваторного дела не одинакова. Плановому подходу государства к системе элеваторного строительства эта точка зрения должна быть ясна.

С другой стороны, и сельско-хозяйственные перспективы отдельных районов СССР глубоко различны с точки зрения перспектив элеваторного строительства. В Центрально-Земледельческом районе, равно как и в лесо-степной полосе, зерновое хозяйство подходит к пределам своего экстенсивного роста. Больше того, здесь все большее число губерний стоит перед вопросом об уходе от зернового хозяйства к другим направлениям (свиноводству, картофелеводству и т. п.),

более интенсивным и доходным. Рыночное зерновое хозяйство здесь постепенно будет затихать. К тому же и подъемом цен на зерно здесь уже многого не разрешишь: решение основных проблем хозяйства лежит все более вне зернового хозяйства.

Совершенно иное положение в степной Украине, на Северо-Кавказе, в Поволжье и Сибири. Здесь еще много залежей, которые уйдут под посевы; здесь еще много нераспаханных залежей, которые будут распаханы и засеяны. Здесь зерновое хозяйство еще на очень долгие годы будет господствующим. Взять хотя-бы так называемую засушливую область: несмотря на то, что в ней корень зла в зерновом хозяйстве, никто не предлагает его ликвидировать. Имеются предложения рационализировать, осложнить его продуктивным скотоводством и интенсифицировать; но для этого нужен стимул. Элеваторная система может дать такой стимул, помогая поднять местную цену на несколько копеек на 1 пуд зерна, благодаря той народно-хозяйственной экономии, о которой было сказано выше. Здесь и велики перспективы зернового хозяйства, а что особенно важно—оно нуждается для своей рациональной интенсификации в повышении местных цен, в развитии элеваторного хозяйства. Плановая элеваторная работа государства должна учесть и перспективы и нужды зернового хозяйства.

Экономические предпосылки (обеспеченность зерном и относительная выгодность машинной перегрузки зерна) накладывали раньше и будут накладывать в будущем свой отпечаток на элеваторное строительство в СССР.

Так, если подойти к этому вопросу, основываясь на порайонных статистических данных, то мы получим следующую характеристику резкого удельного веса элеваторного хозяйства в местном зерновом хозяйстве (см. табл. на обороте).

Предполагая для простоты расчета в среднем урожай 50 пудов с 1 дес., мы получаем, что существующая элеваторная емкость по районам может покрыть следующий % валового сбора зерна:

Районы	Емкость всех элеваторов в %%		Емкость элеваторов не свыше 200.000 пудов
Восточный	2,0	валового сбора зерна	0,2
Сев. Кавказ	2,5	„ „ „	0,4
Центр.-Землед.	2,8	„ „ „	0,6
Волжский	5,8	„ „ „	0,3

Если принять во внимание, что в С.-Штатах и Канаде емкость местных элеваторов составляет 20% валового сбора зерна (это—нормальное рабочее соотношение для рыночных зерновых районов), то мы увидим, как мы еще очень далеки от организованного элеваторного хозяйства. Но картина становится удручающей, когда мы несколько детализируем сопоставление американской и нашей сети местных элеваторов. Местные американские элеваторы, прини-

Элеваторы емкостью (в скобках число элеваторов)

ГУБЕРНИИ	До 50 тыс. пудов	От 50 до 200 тыс. пуд.	Имеющ. емкость свыше 200 тыс. пуд	Вся емкость в тыс. пуд.	Всего посева в 1924 г. (тыс. дес.)	Пудов емкости на 100 дес. пос.
Центр. Землед.						
Тульская	—	1.025 (9)	—	1.025 (9)	1.266	81
Орловская	45 (1)	60 (1)	1.170 (3)	1.275 (5)	1.391	92
Курская	40 (1)	200 (1)	—	240 (2)	2.084	12
Рязанская	—	634 (6)	300 (1)	934 (7)	1.641	57
Тамбовская . . .	30 (1)	1.065 (6)	8.700 (2)	9.795 (18)	1.837	532
Пензенская . . .	—	150 (1)	1.500 (3)	1.650 (4)	1.592	104
Воронежская . . .	—	200 (1)	1.500 (3)	1.700 (4)	1.954	87
Итого . . .	115 (3)	3.334 (25)	13.170 (21)	16.619 (49)	11.765	141
В среднем на 1 элеватор	38	133	627	340	—	—
Волжская						
Татреспублика . .	—	—	2.600 (2)	2.600 (2)	2.217	112
Саратовская . . .	—	1.000 (7)	7.400 (16)	8.400 (23)	2.347	358
Царицынская . .	—	—	1.500 (3)	1.500 (3)	952	151
Самарская	—	250 (2)	9.950 (11)	10.100 (13)	1.803	561
Немреспублика . .	—	—	750 (1)	750 (1)	709	106
Итого . . .	—	1.250 (9)	22.200 (33)	23.350 (42)	8.028	291
В среднем на 1 элеватор	—	139	673	556	—	—
Восточная						
Башкирия	—	—	1.000 (2)	1.000 (2)	—	—
Челябинская . . .	—	200 (1)	2.700 (4)	2.900 (5)	—	—
Оренбургская . .	—	200 (1)	1.100 (2)	1.300 (3)	—	—
Уральская	—	150 (1)	—	150 (1)	—	—
Уфимская	—	—	1.300 (2)	1.300 (2)	—	—
Итого . . .	—	550 (3)	6.100 (10)	6.650 (13)	6.513 [1]	102
В среднем на 1 элеватор	—	183	610	512	—	—
Северный Кавказ						
Донская	—	—	3.100 (5)	3.100 (5)	1.476	210
Кубанско-Черном.	—	800 (5)	3.000 (1)	3.800 (6)	2.586	147
Ставропольская . .	—	200 (2)	—	200 (2)	999	20
Терская	—	100 (1)	—	100 (1)	554	18
Итого . . .	—	1.100 (8)	6.100 (6)	7.200 (14)	5.615	129
В среднем на 1 элеватор	—	136	1.096	514	—	—

[1] Район взят приблизительно.

мающие зерно от фермеров (а не от хлеботорговцев), разбросанные почти по всем ж. д. станциям зерновых районов, своей емкостью не превышают 50—100 тыс. пудов. Превышение этой емкости для местных элеваторов, предназначенных принимать зерно от сельских хозяев, означает ненужное и безхозяйственное удорожание элеватора и его работы. Емкость наших местных элеваторов, не превышающих 200.000 пудов по рассмотренным выше зерновым провинциям, составляет от 0,2 до 0,6% валового сбора, т. е. почти равна нулю. Обслуженность местными элеваторами ничтожна и пока может быть сброшена со счетов.

У нас же мелкий тип элеватора емкостью до 50.800 пудов встречается крайне редко, исключительно в Центрально-Земледельческих губерниях. Основная часть элеваторов здесь была емкостью свыше 200.000 пудов. При этом, Тамбовская губерния была ими насыщена, захватывая много зерна из других губерний. В ней на 100 дес. посева приходится 532 пуда емкости. Если принять средний урожай на 1 д. 50 пуд., то это будет означать емкость равную 10% валового сбора: предполагая 2—3 оборота зерна за год, мы получим 20—30% валового сбора, которые могли быть пропущены через элеватор. Это обозначает возможность охвата элеваторами очень значительной доли товарного зерна. В общем-же по району при таком-же методе расчета лишь 2,8% валового сбора зерна может проходить через местные элеваторы при однократной за год нагрузке элеватора.

Такое-же крайне недостаточное обслуживание мы встречаем на Востоке, где зерновое хозяйство еще будет развиваться, и аналогично положение на Сев. Кавказе, хотя там наблюдается несколько лучшее обслуживание (в Донской и Куб.-Черном. области), но из-за наличия портовых элеваторов; если-же вычесть портовые элеваторы, тогда коэффициент элеваторообслуженности сильно понизится. Лишь в Волжских губерниях, с поправкой на строительство Госбанка, несколько поднимается цифра элеваторного обслуживания зернового хозяйства, особенно, в Самарской и Саратовской губерниях. Но и здесь также, как и в других районах, преобладает довольно крупный размер элеватора свыше 200.000 пудов (в среднем для этой группы 673.000 пуд.).

Таким образом перед нами несколько своеобразная картина в отличие, например, от американской элеваторной системы. Наши местные элеваторы значительно крупнее местных американских, так как они в среднем дают емкость 50.000—100.000 пудов емкости местных американских элеваторов.

Районы	Ср. емкость в тыс. пудах одного элев.
Ц.-Земледельч.	340
Восточн.	512
С.-Кавказск.	514
Волжск.	556

Такой тип наших элеваторов в значительной мере является не плюсом, а минусом в строительных перспективах нашего элеваторного хозяйства. Д. Шумский совершенно правильно оценивает отрицательную роль помещичьего хозяйства в насаждении этого ненужного типа элеватора. Эти элеваторы экономически могут быть выгодны не как местные элеваторы, принимающие зерно от крестьян, а как железнодорожные и водные, узловые, перегрузочные, распределительные и т. п. Недаром, по свидетельству Д. Шумского[1], „в кампанию 1915/16 г. ни одно из зернохранилищ емкостью в 300 тыс. пуд. не покрыло своих расходов; почти все зернохранилища емкостью в 500 тыс. пуд. дали убыток, а прибыльные элеваторы появляются только среди тех, емкость которых не ниже 600 тыс. пудов". Выстроенные Госбанком элеваторы были велики для местных, требовали больших расходов, которые не покрывались 4—5 оборотами зерна. Эти элеваторы недостаточны по своей емкости, чтобы выгодно обслуживать запросы о п т о в о г о товарооборота зерна. Они являются в значительной доле не местными, а терминальными элеваторами, т. е. элеваторами, накапливающими большие партии зерна или элеваторами, через которые ведутся главным образом оптовые операции. Не удовлетворяя заданию местных элеваторов (ч р е з м е р н о в е л и к и), они не удовлетворяют заданию терминальных элеваторов (н е д о с т а т о ч н о в е л и к и). Таково противоречие прошлого, порожденное недостаточно-плановым подходом к элеваторно-строительной проблеме.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с крупными элеваторами:

Элеваторы СССР, имеющие свыше 1 мил. пудов.

Внутренние:	Грязский	1.700.000
	Борисоглебский	1.600.000
	Кочетовский	1.000.000
	Балашевский	1.000.000
	Самарский	3.400.000
	Набережно-Чехнинский	2.000.000
	Челябинский	1.000.000
	Давлекановский	1.000.000
	Балаковский	2.000.000
Портовые:	Новороссийский	3.000.000
	Ленинградский	1.500.000
	Одесский	1.500.000
	Николаевский	1.700.000
	Моск.-Уральский	1.000.000

Надо отметить, что далеко не все большие внутренние элеваторы являются экономически обоснованными. Как только в стране разовьется система местных и центральных элеваторов, так, например, Давлекановский элеватор, не имеющий для себя задания обслуживать ни перегрузку, ни накапливание зерна для местного рынка, а накапливающий зерно для отдаленных рынков, при развитии рациональной элеваторной сети, остается без перспектив. И это, к сожалению, не единичный случай. Развертывание элеваторной системы в стране поставит вопрос о пересмотре существующей небольшой сети крупных внутренних элеваторов. Но это дело еще довольно отдаленного будущего.

[1] „Элеваторное дело". Вып. II. „Принципы элев. сети". 1925 г., стр. 38.

Гораздо проще обстоит дело с портовыми элеваторами, о которых можно лишь сказать, что их недостаточно.

Таким образом, наша современная действующая сеть элеваторов представляет собою нечто своеобразное: так называемые местные или линейные элеваторы вовсе не похожи на американские линейные, являясь на много крупнее их, в то же время основная масса их на много мельче американских терминалов.

Недаром в довоенное время в старой России такую большую роль играла емкость простых механически необорудованных зернохранилищ (амбаров), как жел.-дор., так и частных. По исследованию Совета Съездов Торг. и Пром., произведенному в 1913 г., емкость всех зернохранилищ определялась в 270.3 милл. пуд., в том числе 48.3 милл. пуд. падало на механическое оборудование зернохранилища, 39 милл. пуд. на постоянные необорудованные склады и 183 милл. пуд. на частные склады, приписанные к дороге.

Механизация труда в хлебном товарообороте была еще чужда старой России. Это нашло свое отражение в организации и составе зернохранилищ. Теперь, в связи с изменением социальной обстановки, меняются задания системе зернохранилищ, меняются условия ее работы и должна будет измениться степень ее механизации.

Изменится ли тип механизированного элеватора? Надо полагать, что да, хотя в ближайшем будущем может быть и будет развертываться тот же промежуточный тип элеватора, емкость которого будет несколько уменьшаться для местных заданий и увеличиваться для терминальных заданий; перейти же к мелкому элеватору, как к основе элеваторной системы подобно американской, мы сразу еще не сможем.

Более вероятным и целесообразным будет ход сверху вниз, от портовых и центральных (терминальных) элеваторов к местным. Это создает некоторое своеобразие нашей системы. Современные наши элеваторы емкостью в 300—400.000 пуд. работают в большой мере с зерном дальнепровозным, попадающим туда не из первых рук производителя. Цепь элеваторного оборота зерна начинается непосредственно от крестьянина производителя, как только соседние к элеватору деревни входят с ним в непосредственную связь.

Народно-хозяйственные выгоды от таких элеваторов уменьшались бы, даже если бы они сами по себе работали доходно. Если такой тип элеватора и может иметь некоторое значение для планирования зернового товарооборота, то его значение для развития зернового хозяйства будет крайне ослабленным. Рано или поздно, но проблема действительно м е с т н ы х элеваторов должна быть поставлена в интересах планирования зернового оборота.

Наличие местных (терминальных) крупных элеваторов на подобие 9 элеваторов, частью расположенных внутри рыночных зерновых районов, имеющих емкость свыше 1 милл. пуд. (каждый), может послужить вторым элеваторным звеном для организации оптового зернового товарооборота, в особенности товарных запасов.

Мы видим, как еще ничтожна роль и удельный вес этой группы элеваторов. Новый перспективный план элеваторостроительства удачно намечает ряд работ в этом направлении, выделяя для этой цели Краснодар, Сталинград, Саратов, Александровск, Елисаветград, Харьков, Киев. Однако фактическое элеваторное строительство в эти места еще не направлено.

Одновременно с этим планом предусматривается постройка больших перегрузочных элеваторов, больших терминалов на потребительных рынках и в портовых пунктах, как напр., Туапсе, Керчь, Феодосия.

Если в настоящее время главные порты имеют элеваторы, то вся их емкость менее 8 милл. пуд., что при годовом экспорте в 200 милл. пудов должно дать 15 оборотов в год, а при 400 милл. пуд. потребует 30 оборотов, т. е. совершенно непосильной работы. Таким образом, в этой части самой жизнью будут предъявлены главные требования и сюда должна быть направлена немалая доля элеваторного строительства в первую очередь.

Несомненно, что наше элеваторное строительство вначале сосредоточится на крупных и укрупненных (достаточно доходных) элеваторах и лишь постепенно перейдет к действительно местной сети элеваторов, полностью соприкасающейся с крестьянским хозяйством. Этот процесс раньше и сильнее обнаруживается (он уже, собственно говоря, начал обнаруживаться) в экстенсивных зерновых районах. Он труднее будет осуществляться в старых зерновых районах, направляющих все усилия на то, чтобы вырваться из власти малоземелья, соединившегося с господством зернового хозяйства. Внимание плана элеваторного строительства, направленное на грядущие, способные расцвести, зерновые районы, встретит живой отклик и запросы самой жизни. Намеченные пункты элеваторного строительства в старых изживающих зерновое хозяйство малоземельных районах, вероятно, не станут районами широкого элеваторного строительства.

В связи со всем сказанным необходимо уяснить, как будет модифицироваться и проблема регулирования хлебного рынка, который еще продолжительное время не сможет опереться на замкнутую цепь элеваторов. Чем больше пробелов в этой элеваторной цепи, тем сложнее и осторожнее придется строить систему регулирования хлебного рынка, опирающегося на систему хлебных торговых запасов. Но успешное развитие народного хозяйства СССР по изложенным выше причинам все равно потребует активного строительства в области элеваторного дела, с приданием ему полной законченности и целостности и с постепенным переходом от вершин элеваторной схемы к ее местным звеньям.

По мере того, как элеваторная система будет опираться на местную сеть, выявится и определится участие в элеваторном деле самого крестьянского населения. Элеватор, работающий на дальнепривозном зерне и даже на жел.-дор. зерне, мало интересен непосредственно крестьянским хозяйствам. Иное отношение будет складываться к местному элеватору (американского типа). Район деятельности такого элеватора ограничен пределами местного внимания, интересов и т. п. Кооперативная форма местной элеваторной сети наиболее целесообразна и с точки зрения вовлечения возможно большей доли зерна в плановой товарооборот и с точки зрения использования выгод элеваторного хозяйства для крестьянского хозяйства.

Другое дело с перегрузочными, терминальными и, в особенности, портовыми элеваторами. Поскольку такие элеваторы ведут операции с чужим зерном, выполняя те или иные поручения владельцев этого зерна, постольку они во всех капиталистических странах становятся „публичными“ элеваторами и подвержены довольно строгой регламентации. В условиях СССР такие элеваторы, как система, будут государственными. Не государственными, а кооперативными или собственностью отдельных заготовителей они могут становиться в меру работы этих заготовителей в данном районе, рынке, порту и т. п. и в меру действительной потребности для полной загрузки крупного элеватора. Предположения эти, однако, довольно гипотетические, мало изменяющие вырисовывающуюся систему элеваторного хозяйства.

Продолжающееся строительство так называемых местных элеваторов, поскольку они являются промежуточным типом, током сохраняющимся из-за неразвитости элеваторной системы, отодвигает кооперацию на более скромное место и более вперед выдвигает строительство госзаготовителями. Мы уже дали нашу экономическую оценку такому типу строительства. С этой точки зрения совершенно естественно, что само крестьянское кооперированное население не становится хозяином таких элеваторов. Если уж преследовать кооперативную линию в этом вопросе, то такой тип элеватора должен строиться союзом местных кооперативов, район деятельности которого может более или менее совпадать с районом деятельности крупного элеватора. Американская практика знает этот тип кооперативного союзного терминального элеватора, но ей еще более известна система местных кооперативных элеваторов, находящихся во владении кооперативов, составленных из одной-другой сотни фермеров.

Только замыкая элеваторную цепь на местной кооперативной сети, государство сможет построить такую систему зернового товарооборота, которая послужит здоровой материальной базой для планового подхода к этому основному нерву нашего народного хозяйства.

Но элеваторная система не дает нужного народно-хозяйственного эффекта без очистки, стандартизации и инспектирования зерна. Быстрота, рост оборота зерна, дешевизна его оборота и хранения, рациональное финансирование зернового оборота с максимальной экономией денежных

средств для государства, все это связано с элеваторной системой, выведенной снизу до верху, как целостная система. Все это получается в результате развития элеваторной системы; но и обратно: элеваторная система без этих спутников (стандарта, инспекции, кредита и т. п.) не дает того народно-хозяйственного эффекта, которым иногда только и может быть решен вопрос, что выгоднее,—ручная, мешечная разгрузка или ссыпная элеваторная система. Элеваторная система и требует и обосновывает собою этих трех главных названных спутников. В то же время и для планового подхода к вопросу необходимо наличие этих трех спутников элеваторной системы. Если интересоваться воздействием элеваторного хозяйства на сельское хозяйство, то не трудно видеть, что без этих спутников полного воздействия элеваторная система не дает, так как без них ее выгоды экономически могут не быть выявлены и осуществлены. Если интересоваться планированием зернового товарооборота, то и здесь ясно, что без сотрудничества этих трех спутников элеваторной системы нельзя думать ни о каком действительно планомерном подходе к товарообороту зерна.

Таким образом, плановый подход к элеваторному строительству требует его регулярного и систематического сочетания со стандартизацией, инспекцией и кредитом.

Только тогда можно получить нужные предпосылки для планового подхода через элеваторное строительство и к сельскому хозяйству, и к хлебному рынку.

А. А. Горев

Положение электрификации во Франции

Широкое хозяйственное значение электрификации было понято во Франции еще во время войны; хронический дефицит каменного угля заставил французов, в отличие, например, от англичан, приложить все усилия к рационализации его производства и использования, поставить вопрос о широком развитии строительства гидроэлектрических станций, выдвинуть проект кустования крупных районных станций в национальном масштабе и начать электрификацию магистральной железнодорожной сети с использованием, в качестве движущей силы, водной энергии. Если французам удастся справиться с теми трудностями, которые возникают при осуществлении хозяйственных сооружений национального масштаба в стране с резко выраженным чисто капиталистическим строем,—Франция окажется первой страной в мире, осуществившей полную централизацию производства и распределения электрической энергии.

Следует приветствовать ту смелость, с которой французы работают над осуществлением электрификации.

Будучи до войны одною из самых отсталых стран в отношении техники, Франция, осуществляя свою электрификацию, за последние девять лет не только поставила свою промышленность, производящую энергетические механизмы всякого рода, на современную высоту, но и успела поставить несколько европейских рекордов в области технических достижений. Так, французы утверждают, что паровая станция в Женевиллер около Парижа, имеющая ныне мощность в 240.000 кв.—самая большая в мире; что длина сети высокого напряжения, превышающая 10.000 километров, самая большая в Европе; линия Париж—Эгюзон, строящаяся сейчас железнодорожной компанией „Париж—Орлеан“, в связи с электрификацией ее магистралей, будет, вероятно, первой линией в Европе, построенной для напряжения в 220.000 вольт; кабельная сеть г. Парижа впервые для городских сетей применила напряжение в 60.000 вольт для подземной канализации электрического тока.

Следует далее отметить, что осуществление электрификации во Франции идет, главным образом, путем использования оборудования, производящегося в самой Франции; французы сами строят гигантские котлы высокого давления, паровые турбины мощностью в 35—40.000 кв.

и все необходимое им электрическое оборудование, и строят его, при вполне удовлетворительном качестве, не только не дороже, но во многих случаях дешевле, чем за границей.

Уже из этих общих замечаний видно, что электрификация Франции представляет для нас значительный интерес. Общая картина развития французского хозяйства во многих отношениях напоминает нашу картину; во Франции, в отличие от Германии, Англии и Америки, весьма быстрыми шагами идет восстановительный процесс во всех главнейших отраслях ее промышленности: добыча угля, выплавка чугуна и стали, текстильная промышленность обнаруживают быстрый и неуклонный рост, переходящий в некоторых случаях за довоенный уровень, делая картину ее развития схожей с картиной развития промышленности СССР.

Особенный интерес представляют для нас работы французов в области восстановления и реконструкции их каменноугольной промышленности. Разрушенные во время войны копи Севера и Па-де-Кале в настоящее время не только восстановили свою довоенную производительность, но и сильно модернизовали свое оборудование, пытаясь разрешить проблему наиболее полного использования энергии, содержащейся в ограниченных угольных запасах Франции. Подобная задача стоит перед нами в области топливоснабжения европейской части Союза. Период перепроизводства каменного угля в Донбассе, обусловленного задержкой в развитии нашей металлургии, прошел.

Основная характеристика европейской части Союза, как района с органическим недостатком минерального топлива, данная ему ГОЭЛРО, вступает в свои права. Нам приходится задумываться над теми же вопросами в этой области, над которыми думали и думают французы.

По всем этим соображениям, освещение нынешнего положения электрификации Франции может представить для нас известный интерес.

Топливный баланс Франции был дефицитным и до войны. При весьма скромном, по сравнению со своими соседями, запасе каменного угля (30 млрд. *т*), Франция в 1913 году получила 64 милл. *т* угля, из коих 41 милл. *т* был добыт внутри страны, а 23 милл. *т*—ввезено. В 1916 году потребление упало до 41 милл. *т*, из коих только половина была добыта внутри страны. В последующие годы росли импорт и внутреннее производство. В 1924 году потребление достигло 75 милл. *т*, из коих 45 приходится на добычу, а 30 милл. на импорт. Таким образом, Версальский мир не только не улучшил топливного положения Франции, но как будто обострил дефицит.

Репарационный уголь немного помог Франции. Присоединение Лотарингии и разрыв таможенной связи Люксембурга с Германией увеличили потребность Франции в угле в бо́льшей мере, чем дало ей присоединение Саарского каменноугольного бассейна. Франция стала обладательницей крупнейших в Европе залежей железной руды; против производительности довоенных французских железных рудников

в 21 милл. *т* Франция владеет теперь рудниками, довоенная производительность коих достигала 42 милл. *т*, не считая Люксембурга, с производительною способностью свыше 7 милл. *т*, который после Версаля попадает в сферу экономического влияния Франции. Фактическая добыча руды сильно упала; так в 1922 году Франция вместе с Люксембургом добыла только 25 милл. *т*. Лотарингские рудные запасы содержат сравнительно бедную железом руду (33%), поэтому наивыгоднейший способ ее переработки—на месте. Франция должна, таким образом, снабжать коксом свою металлургическую промышленность. Между тем, еще до войны, при выплавке чугуна в 5 милл. *т*, Франция ввозила около 3 милл. *т* кокса; в настоящее время выплавка возрасла до 8 милл. *т*, а полная переработка всей руды, добывавшейся в довоенное время на нынешней территории Франции (включая Люксембург), могла бы дать свыше 15 милл. *т* чугуна. Версальский мир поставил, таким образом, перед Францией новую задачу—развитие ее металлургической промышленности и снабжение ее коксом. Это наложило на угольную промышленность новые требования, удовлетворение коих, при ограниченности запасов и производственных возможностей, крайне трудно. Недостаток угля и ведет к повышенной, по сравнению с Англией, Германией и Бельгией, их цене,[1] удорожает металл и затрудняет его экспорт. Приспособление к новым условиям идет по двум линиям. С одной стороны, развивается каменноугольная промышленность и переработка угля в кокс в самой Франции; с другой стороны, осуществляется финансовое объединение некоторых металлургических предприятий Лотарингии с Рурской каменноугольной промышленностью, расчитанное на импорт во Францию рурского кокса и обратный вывоз металла.

При восстановлении разрушенных копей Севера и Па-де-Кале производство было существенно рационализировано. При самой добыче введены в широком масштабе механические средства — пневматические молоты и врубовые машины, что существенно увеличило производительность забойщика. При подземном транспорте широко применяются локомотивы, работающие сжатым воздухом. Электрифицируется водоотлив, вентиляция и подъем. В связи с широким применением сжатого воздуха развиваются компрессорные установки. Снабжение движущей силой централизуется в рудничных электрических станциях, работающих на нетранспортабельных отбросах угля. Старые предрассудки относительно большей надежности снабжения при индивидуальном приводе от паровых механизмов окончательно изжиты; однако, дальнейшая централизация снабжения путем объединения производства электрической энергии в масштабе всего каменноугольного района натыкается на серьезные препятствия по линии согласования многочисленных и противоречивых интересов частных компаний, не-

[1] См. В. Позин: „Хозяйство послевоенной Франции", журн. „Плановое Хозяйство" № 9, 1925 г., стр. 201.

смотря на то, что электрические сети района развиты достаточно для того, чтобы осуществить полное кустование всех крупных, как рудничных, так и городских электростанций района.

Особенное внимание обращено на промывку и сортировку угля. Сначала тщательно отделяются торговые сорта с содержанием золы не свыше 10%, при этом размер зерна не имеет существенного значения, так как техника сжигания угольной мелочи и угольной пыли сделала в последние годы крупные успехи. Сжигание каменного угля в пылеводном состоянии является сейчас вполне разрешенным вопросом для всех сортов собственно каменного угля. При этом достигается лучшая подсушка за счет теплоты отходящих газов или охлаждающего топку воздуха, упрощается внутренний транспорт, достигается лучшая смесь угля с воздухом и, следовательно, более полное сгорание. Попутно уголь освобождается от вкрапленных в него минеральных частиц, которые после раздробления легко от него отделяются и не попадают в топку. Повышение коэффициента полезного действия котла до 90% и выше, достигаемое при пылевидном топливе, экономически оправдывает те добавочные расходы, которые необходимы на соответствующие дооборудования. Самое серьезное внимание обращено на использование угля в многозольных отбросах, которые получаются в результате сортировки—шламмах, составных породах и собственно отбросах. Количество угля, получающегося в таких отбросах, достигает 28—30%. Утилизация его энергии ведется в двух направлениях. С одной стороны, применяются методы искусственного его обогащения. Так составная порода раздробляется, после чего промывкой достигается уменьшение зольности. Шламмы промываются флотационным способом. С другой стороны, развивается техника утилизации многозольного топлива на самых копях. Центральная станция копей Ленс работает на отбросах с 25% золы, расходуя 1,2 *кг* такого топлива на 1 кв. час. В копях Бетюн производятся опыты по сжиганию в пылевидном состоянии топлива, содержащего до 40—50% золы, обещающие полный успех. Разрешение этого вопроса дает возможность полностью использовать все углесодержащие отбросы копей, примешивая их к топливу с 30% золы. При сжигании многозольных топлив возникает вопрос об утилизации шлаков; делаются опыты получения из них стекла.

Развитие техники сжигания многозольного топлива открывает новые перспективы в области электрификации района. Специалисты указывают на возможность новых подходов к самой разработке угольных пластов. Во многих случаях может быть рациональным извлечение составных пород, которые сейчас не извлекаются вовсе, что ведет к потере содержащегося в них горючего. Полное извлечение таких отбросов и полная их утилизация на самых копях дает существенный дополнительный запас энергии. Приблизительные подсчеты показывают, что каменноугольный бассейн Севера Франции мог бы дать до 2.000.000 тонн чистого угля в тех неторговых отбросах и породах, которые сейчас отчасти утилизируются, а отчасти остаются

неиспользованными в отвалах и под землей. Из этого угля могло бы быть получено свыше 2 мрд. киловаттчасов электрической энергии, т. е. $^1/_4$ всего современного потребления Франции. Эта линия—линия использования нискосортных углей для получения из них электрической энергии—является основной линией электрификации Северного района Франции. Потребление в нем энергии достигает в настоящее время 1 мрд. кв. часов, из коих около половины потребляется в самых копях. Таким образом, Северный каменноугольный бассейн мог бы быть крупным поставщиком дешевой электрической энергии и для соседних районов, в частности Парижского района. Магистраль высокого напряжения Париж—Аррас, необходимая для передачи в Париж дешевой энергии, получаемой из отбросов угля на северных копях, не раз фигурировала в проектах электрификации Франции. Однако, выбран был вариант сооружения крупной паровой централи Женевиллер около самого Парижа, работающей на привозном угле, который может подвозиться туда как по р. Сене, так и по железным дорогам с Севера и Запада. Возможно, что при таком выборе сыграли свою роль не только экономические соображения. Как в этом случае, так и в некоторых других (напр. выбор очередности при электрификации железных дорог), соображения обороны, или, точнее, опасения возможности нового германского нашествия серьезно учитывались французами. Действительно, с этой точки зрения нахождение мощной станции в самом Париже представляется гораздо более надежным, чем перенесение центра снабжения в район, один раз уже подвергшийся разрушению.

Много внимания и средств было уделено во Франции и реконструкции коксовой промышленности. Крупное достижение в этой области — производство металлургического кокса из смесей разных сортов угля, которые, будучи взяты в отдельности, не коксуются. Благодаря работам в этой области, выход кокса, как из углей Северного каменноугольного бассейна, так и из Саарских углей, может быть значительно повышен. Вопрос вполне разрешается там, где одновременно имеются, как угли, обладающие недостатком летучих, так и угли, обладающие их избытком, что имеет место на Севере; в Саарском бассейне вопрос осложняется тем, что там имеются только коксующиеся угли и угли, содержащие избыток летучих. В этом случае вопрос решается или путем двукратного обжига, или путем смеси коксующихся углей с полукоксом, полученным из жирных углей. Вопрос этот представляет для Донецкого бассейна живой интерес, если не в данную минуту, когда запасы коксующихся углей еще не истощены, то в ближайшем будущем.

Вопрос об использовании газов коксовальных печей представляет громадный интерес. У нас в связи с предположениями о сооружении Днепровской гидроэлектрической станции и подаче ее энергии на металлургические заводы этот вопрос также горячо обсуждается. В тех случаях, когда производство кокса территориально отделено от собственно-металлургических предприятий, приходится считаться с налич-

ностью крупных избытков газа, достигающих 50% общего их количества. Там, где рядом с коксовальными печами расположены крупные металлургические предприятия, энергия избыточных газов находит себе полностью применение в этих производствах. Там, где этого нет, газ утилизируется иначе. Одно из важнейших применений, получивших широкое развитие в Рурском округе—это превращение энергии газа в электричество помощью больших газовых двигателей, работающих с отдачею порядка 25%. Однако, в последнее время во Франции избытки коксовального газа находят себе иное применение. Только на копях Ленс поставлены за последние годы три двигателя по 2.500 л. сил. Зато быстро развивается непосредственная канализация коксовального газа в окрестные города, где он широко применяется, как городской газ, для отопления, освещения и нагревания. Эга практика получила широкое развитие не только во Франции; в Бельгии, Германии и САСШ в последние годы также идут по этому пути. В САСШ в 1920 году половина всего городского газа была получена из коксовальных печей. Протяжение газовых магистралей достигает сотен верст; во Фландрии только два общества имеют магистрали протяжением свыше двухсот километров. Стоимость газа, получаемого в коксовальных печах, значительно ниже себестоимости его на городских газовых заводах, что оправдывает расходы на устройство сравнительно длинных газопроводов.

За удовлетворением потребности ближайших городов в газе остаток превращают, в новых коксовальных предприятиях, в водород для получения синтетического аммиака. Процесс Клодта применяется на копях Бетюн и рудниках Сент-Этьенна. Копи Аниш, Угре—Маригай и Деказвиллье устанавливают это производство. Такие же установки сооружаются на крупных рудниках Испании и Японии. Процесс Казалля вводится на копях Ленс, Ноэ, Дург, Анзии, Саар и Мозель. Печь, коксующая 300.000 тонн угля в год, дает до 90 милл. *куб. м* газа, причем 40 милл. остается свободным. Из них можно извлечь примерно 20 милл. *куб. м* водорода, весом около 1.800 тонн. Синтез с азотом, полученный непосредственно из воздуха, дает 10 тыс. тонн аммиака, из которого может быть получено 40 тыс. тонн сернокислого аммония. В то же время путем рекуперации из такой печи может быть получено только 3.500 тонн аммиака. Экономически получение синтетического аммиака по способам Габера, Клодта и Казалля упирается в стоимость водорода; поскольку в данном случае получающийся водород оказывается значительно дешевле электролитического, этому применению газов коксовальных печей предстоит огромная будущность. Рынок азотистых удобрений, каковым является серно-кислый аммоний, при достаточно низкой цене этого продукта практически не ограничен. Водород находит себе в настоящее время весьма обширные технические применения и в других отраслях промышленности.

Недавно в Германии закончены промышленные опыты по синтезу угля с водородом, давшие нефтяные масла (процесс Бергиуса).

Хотя разрешение этой задачи выпало на долю Германии, однако, значение ее для всех стран, не обладающих собственными источниками натуральной нефти, огромно. Бергиус получает в своей установке из 100 кило каменного угля зольностью в 6% 15 кило моторного топлива, 20 кило дизельного и пропиточного масла, 6 кило смазочных масел и 8 кило нефтяных остатков. Кроме сырого угля, окиси железа, играющей роль катализатора, и водяного пара, устройство не требует никакого иного сырья. В общей сложности на 1 тонну нефтепродуктов необходимо от двух до трех тонн сырого угля. Стоимость рабочей силы в процессе почти исключена, так как установка работает автоматически. Самое устройство является пока довольно сложным. Развитие этого или подобных способов получения „жидкого угля“ имеет для Франции огромное значение. Потребление ею нефтепродуктов достигло в 1924 году 1.800.000 тонн против 800.000 тонн 1913 года, причем почти все это количество ввозится сейчас из-за границы.

Электрическое хозяйство северного каменноугольного района представляет для нас значительный интерес. В настоящее время на 11 главных угольных копях установлено свыше 350.000 киловатт электрической мощности; в ближайшие годы предположено расширение этой мощности до 500.000 кв. Мощность отдельных рудничных станций колеблется около 30—50.000 кв. Машины имеют мощность в 6—10 т. кв.; поверхность нагрева котлов от 500 до 1000 кв. Поражает плохое использование установленной мощности. Сумма максимумов нагрузки станций не выше 160.000 кв. Это имеет место при наличии в районе соединительных сетей, фактически создающих полное кустование всех станций района. Однако, несмотря на это, станции, вследствие принадлежности их разным владельцам, будучи соединены между собой электрически, продолжают оставаться хозяйственно самостоятельными. Общего центра, который распределял бы нагрузку между станциями, увеличивая экономичность их работы и улучшая использование—нет. Каждая станция остается фактически замкнутым предприятием, работая по своему индивидуальному плану, что и ведет к необходимости дробления мощности на малые единицы и содержания громадных резервов. Объединение хозяйства станций при соединительной сети повело бы к сокращению персонала, удельного и общего потребления угля и значительно удешевило бы стоимость энергии. Возможно, что в ближайшем времени этот вопрос найдет себе практическое решение; пока, однако, приходится выбрасывать большие деньги за удовольствие иметь разрозненное частновладельческое хозяйство.

Коренное разрешение вопросов, связанных с недостатком минерального топлива, лежит в области широкой утилизации водных сил. Этому вопросу во Франции уделено большое внимание. Если сравнение количества энергии, которая может быть за двести предстоящих лет получена этим путем, с энергией, могущей быть полученной от полного использования угольных запасов земного шара, и приводит

к скромной величине в 5%, то в отдельных странах и, в особенности, в отдельные периоды их развития, водная энергия может играть крупную роль в области снабжения энергией. К числу таких стран несомненно относится и Франция, обладающая запасом водной энергии, могущей быть экономически превращенной в электричество в 5 милл. кв. Использование этой мощности в течение 200 лет может дать Франции 20% той энергии, которая заключена в ее угольных запасах. Таким образом, Франция резко выделяется как страна с относительным избытком водной энергии. 1 милл. киловатт уже используется существующими в настоящее время гидроэлектрическими станциями Франции. Получаемая от них энергия превышает 10% ее нынешнего энергетического потребления и достигая 20% от энергии, получаемой из угля, добываемого в самой Франции. Строительство гидроэлектрических станций идет весьма быстрым темпом. Мощность их больше чем удвоилась за период с 1914 по 1922 год. В настоящее время суммарная мощность гидростанций Франции наибольшая среди европейских стран, уступая только мощности станций САСШ и Канады.

Главным препятствием к широкому использованию водных сил является непостоянство расхода воды в реках.

Использование водной энергии рек Франции обходится, благодаря их горному характеру, как правило, сравнительно дешево. Однако, резкие колебания расхода воды требуют часто устройства водохранилищ, существенно удорожающих установку. Кроме того, энергия, которая может быть получена от водных потоков, использовалась часто далеко не полно, причем устройство станции ограничивало возможности дальнейшего использования. Вследствие этого французским правительством был изменен, ранее весьма льготный, способ получения прав на эксплоатацию гидроэлектрических станций. В настоящее время сдача в концессию обуславливается обязательством концессионера использовать полностью всю энергию данной реки или бассейна реки по плану, разработанному Комитетом Гидравлических Сил. Благодаря этому концессии получили большой масштаб (концессии на использование рек Дордонь, Грюэр, де ла Тине, Роны и др.) и финансирование таких предприятий уже встречает, подчас, затруднения. Наиболее грандиозный проект,—использование водных сил реки Роны, на-ряду с мелиорациями и улучшением условий судоходства, предполагающий создание 900 т. кв. новой гидроэлектрической мощности с 1921 года, не может найти источника финансирования, несмотря на то, что государство берет часть расходов на себя.

Широкие проекты использования водных сил Франции связываются обыкновенно с планами национальной электрической сети, долженствующей связать между собой центры производства и центры потребления энергии. Крупнейшие водные районы Франции обладают существенно различными режимами своих рек. В то время как альпийские реки, мощность которых составляет около половины общей мощности рек Франции, обладают резко выраженным ледниковым

режимом с максимумом расхода летом и минимумом зимой, реки остальных районов (Центральное плато и Пиринеи) берут свою воду из осадков, которые выпадают главным образом осенью и зимой ввиде дождя или быстро тающего снега и дают, таким образом, зимний максимум расхода.

Параллельная работа станций, часть которых будет построена на альпийских реках, а другая часть—на реках, обладающих дождевым режимом, даст возможность значительно лучше использовать водную энергию страны, уменьшив объем необходимых для ее полного использования водохранилищ и мощность паровых резервных станций.

Инж. Дюваль, базируясь на росте потребления энергии в предстоящие 10 лет в 2,5 раза (с 8 мрд. квчасов в 1923 году до 20 мрд. кв. часов к 1935 году), сравнивает два возможных варианта удовлетворения этой потребности. Первый вариант, основанный на изолированном снабжении отдельных районов, потребует по его мнению 2 милл. кв. новой гидроэлектрической мощности и 6 милл. кв. новой паровой мощности, часть которой должна играть роль парового резерва. Второй вариант предполагает постройку исключительно гидроэлектрических станций с суммарной мощностью в 5 милл. кв. в целях полного использования водных сил страны и проведения системы сверхмощных электрических линий общим протяжением около 6.000 *кл.* и напряжением в 220.000 вольт, служащих как для передачи гидроэлектрической энергии в центры потребления, так и для связи между собой новых гидростанций, использующих энергию рек различных режимов. Принимая единичные стоимости для паровых станций в 1000 фр. с установленного киловатта, гидравлических по 2.500 фр. и стоимость высоковольтных линий в 250.000 фр. с километра (эти стоимости интересно сравнить со стоимостями наших линий и станций), Дюваль приходит к тому заключению, что первоначальные расходы по второму варианту будут на 2.5 миллиарда франков выше однако, ежегодные эксплоатационные расходы, благодаря экономии угля;—на 1.5 мрд. фр. меньше, так что добавочное вложение капитала возвращается меньше, чем в два года.

Основы электроснабжения отдельных районов Франции рисуются в плане Дюваля так:

1. Северный район: Производство электрической энергии на паровых станциях, расположенных на каменноугольных копях и сжигающих нетранспортабельные отбросы топлива; передача избытков энергии в Париж.

2. Восточный район: Параллельная работа паровых станций угольных копей бассейна Ла Гув, Саарского бассейна и газовых централей металлургических заводов с гидравлическими станциями Рейна (здесь проектируется устройство восьми станций общей мощностью в 500.000 кв.). Передача избытков энергии в район Парижа.

3. Юго-Восток: Включая в себя бассейн всей Роны, мощность рек которого составляет около половины мощности всех рек Франции,

этот район будет иметь значительный избыток летней энергии. После покрытия потребности электрохимической промышленности, сильно развитой в этом районе, избытки ее пойдут в Париж, Марсель и для надобностей железных дорог.

4. Центральный район: Мощные источники водной энергии этого района обладают, в противоположность рекам бассейна Роны, летним минимумом и зимним максимумом. Связь этих двух районов системой электрических линий позволит наилучшим образом использовать энергию рек обоих районов. Часть таких линий ныне уже осуществлена. Их нужно будет продолжить до новых установок на р. Трюэр и связать с сетью общества Париж—Орлеан, которое уже строит ряд линий от Центрального плато на Париж.

Парижский район становится, таким образом, центром, собирающим летнюю энергию Альп и зимнюю энергию рек Центрального плато. Наличие в нем своих паровых станций позволит наилучшим образом использовать гидравлическую энергию, пополняя ее во время пиков нагрузки и маловодных периодов паровой энергией парижских станций.

5. Юго-Западный район будет получать энергию рек северного склона Пиринеев и притоков Гаронны; здесь электрическая сеть достигла уже сейчас значительного развития благодаря работам Общества Южных железных дорог, связанным с их электрификацией.

6 и 7. Запад и Северо-Запад Франции лишены собственных источников энергии и будут являться потребителями энергии, производимой в соседних районах. В дальнейшем возможно использование водной силы приливов и отливов, в нескольких установках, предполагаемых к устройству в бухтах побережья Атлантического океана, где условия для их устройства оказываются весьма благоприятными.

Необходимо, однако, отметить, что широкое развитие гидроэлектрического строительства и во Франции наталкивается на ряд трудностей. Весьма значительные сроки сооружения серьезно удорожают стоимость гидроэлектрической энергии. Вследствие необходимости оплачивать капитал во время постройки станции, основной капитал, необходимый для финансирования сооружения, при действующих сейчас во Франции условиях, при пятилетней продолжительности строительных работ, в 1,5 раза превышает сметную стоимость сооружения. Далее указывается на то, что первоначальная мощность гидроэлектрических станций убывает и часто весьма быстро во время эксплоатации, благодаря уменьшению коэффициентов полезного действия водных турбин и водоподводящих устройств. При высоком строении капитала гидроэлектрических станций эти обстоятельства выражаются в увеличении стоимости отпускаемой энергии.

Коммерческие расчеты себестоимости энергии, получаемой от угля или от воды, дают преимущество этой последней только при весьма значительной продолжительности использования, достижимой

часто в ущерб рациональному режиму эксплоатации паровых станций. Рациональное использование водной энергии бассейнов крупных рек требует одновременного производства весьма крупных работ, следовательно, значительных капиталов, собирание коих представляет значительные трудности. Действительно дешевая гидроэлектрическая энергия получается только для таких предприятий, которые согласны приостанавливать свою работу во время маловодья. Таких потребителей оказывается, однако, очень немного.

Обычными потребителями больших количеств гидроэлектрической энергии являются электрохимические и электрометаллургические производства. Производства эти получили особенное развитие во время войны, так как большинство из них тесно связано с промышленностью, работающею на оборону. В 1924 году во Франции было потреблено всего около 1,3 мрда кв. часов электрической энергии на эти производства (электросталь, ферро-сплавы, электролитическая очистка металлов, алюминий, магний, кальций-карбид, кальций-циан-амид и т. д., причем главная часть пошла на получение алюминия (400 милл. кв. часов) и кальция-карбида (450 милл. кв. часов). Лишь немногие из этих производств выгодно, однако, вести на дешевых периодических избытках водной энергии; в большинстве случаев расходы по оплате капитала, необходимость содержания больших складов сырья и продукта, равно как и технические затруднения, вызываемые необходимостью приспособляться к неправильному снабжению энергией, делают использование такой временной энергии невыгодным. Безусловно пригодными для такой энергии являются только производство азотной кислоты из воздуха по норвежскому способу и промышленный элекролиз воды.

Перечисленные здесь обстоятельства объясняют, почему развитие гидроэлектрического строительства идет во Франции далеко не тем темпом, который, казалось, является необходимым с точки зрения всемерного сокращения потребления угля. На самом деле, если гидроэлектрическое строительство и развивается быстрым темпом, то сооружение паровых централей идет еще быстрее. Перспективы ближайшего будущего—укрупнение машин и котлов, применение пылевидного топлива, высоких давлений и температур и, наконец, ртутных паров—позволяет ожидать в ближайшем будущем значительной экономии против нынешних достижений. Между тем, уже в настоящее время лучшие станции довели свою полезную отдачу до 20—25%, что более, чем вдвое, превышает среднюю отдачу существующих станций. Таким образом, реконструкция термических станций является, на ряду с использованием водной энергии, также могучим орудием в области экономии топлива. Достаточно указать, что термические двигатели современной Франции и ныне расходуют в среднем около 2 килограммов угля на 1 квчас, тогда как для больших электрических станций является характерной цифра в 1 *кг*, а новейшие станции требуют только 0,6 *кг*. Так как около 35% всей энергии угля расхо-

дуется на производство движущей силы, рационализация производства энергии, т. е. получение ее в больших электрических станциях могла бы дать экономию свыше 10 милл. тонн, так необходимых для металлургии.

Наихудшее использование угля имеет, однако, место в паровозных паровых машинах. Средняя полезная отдача их не превышает 5—6%, так что в пересчете на 1 кв. час развиваемой паровозной машинной энергии расходуется от 2,5 до 3,5 киллограммов угля. Так как общий расход угля на железных дорогах Франции составляет около 12 милл. тонн, экономия в этой области имеет громадное значение. Электрификация может сократить этот расход в 3—4 раза в том случае, если дороги будут питаться энергией современных паровых станций, и свести его к нулю, в случае питания от гидравлических станций. Работа по электрификации железных дорог ведется французами весьма энергично. Из общего протяжения сети в 41.000 *км.* предположено электрифицировать три группы железных дорог—Южную, Париж—Орлеан и Париж—Лион—Средиземное море. Протяжение подлежащих электрификации линий 7.000 *км.* Фактически работы первой очереди идут сейчас у Общества Париж—Орлеан на участках общей длиною в 916 *км.* (1615 *км.* одиночной колеи). Заказано 285 электровозов. Несколько меньший размах имеют работы Южного Общества, которое заказало 134 электровоза. Из сети Общества Париж—Лион—Средиземное море в первую очередь электрифицируется магистраль Кулоц—Модана (135 *км.*) и пригородное движение около Парижа. Заказано 34 электровоза. Во всех случаях снабжение энергией предположено главным образом от гидроэлектрических станций, которые и строятся для этой цели или самими Компаниями или независимыми Обществами.

Следует отметить, что в качестве объектов электрификации выбраны не те сети, которые обладают наибольшей густотой движения. С этой точки зрения, первоочередными должны были бы быть дороги Севера и Эльзас-Лотарингии, где плотность грузооборота достигает 7—8 миллионов тонно-километров на километр пути, тогда как дороги Обществ, вводящих электрификацию, имеют в среднем в два и три раза меньшую густоту движения. Правда, внутри каждой сети в качестве первоочередных выбираются наиболее загруженные линии; однако, при тех же затратах на электрификацию, экономия угля была бы значительно больше при ином выборе линий. Решающим моментом здесь были, повидимому, соображения обороны.

Естественно возникает вопрос о том, нельзя ли разгрузить угольную промышленность Франции путем перехода на электрическую выплавку чугуна, с использованием водной энергии, как это делается в широком масштабе в Швеции? Расчеты показывают, однако, что условия Франции недостаточно благоприятны для этого. Швеция обладает исключительно дешевой водной энергией, высокопроцентной рудой и изобилием лесов, необходимых для получения древесного угля, применяемого при электроплавке. Во Франции же металл, полученный на коксе, обходится дешевле, чем выплавленный на электрическом токе.

Необходимо отметить ту техническую смелость и широкий размах работ, которые характеризуют работу французов в области электрификации. В целом ряде случаев работа наталкивается на препятствия, лежащие за пределами техники. Осуществление тех проектов и программ, о которых мы упоминали, представляет собой работу государственного масштаба. Между тем, при частно-хозяйственном строе, проведение такой работы встречает ряд препятствий, подчас непреодолимых. Попытки правительства ввести работу в рамки плана, создать необходимые объединения, осуществляются весьма медленно или вовсе не осуществляются. Опыт непосредственного участия правительства в строительстве оценен был также, как неудачный.

Финансовый капитал выбирает наиболее легкие и доходные предприятия, что часто идет в разрез с государственно-рациональным планом. Трудности на пути осуществления генеральной электрификации Франции лежат в самом строе ее хозяйства. Досадно видеть, как смелые проекты и начинания часто разбиваются о непреодолимую преграду многочисленных мелких частных интересов.

Государственное воздействие ясно видно только в тех случаях, где необходимо считаться с интересами обороны. Боязнь повторения германского нашествия выразилась в том, что основные реконструкционные работы отодвинуты от Рейна вглубь страны, несмотря на то, что Север и Северо-Восток являются наиболее богатыми и промышленными районами. Ни версальский мирный договор, ни разоружение Германии, ни оккупация Рейна, не дают, повидимому, французам достаточных гарантий. Опасность войны, присущая капиталистическому строю, мешает рациональному развитию хозяйства.

ОТДЕЛ III

За Советским рубежом

К вопросу о тенденциях развития мирового хозяйства[1]

Первый вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это вопрос о том, можно ли покушаться на прогноз. Если имеется в виду отрицание точного прогноза по отношению к кризису на ближайшее трехлетие, то я к такому относительному и условному скептицизму готов присоединиться, но только очень условно, потому что без прогноза и без конъюнктуры в области прогноза, как рабочей гипотезы, не может быть сейчас для нас ориентировки не только теоретической, но и практической.

Мы торговая страна, мы купцы, мы покупаем и продаем; значит, нужно знать, где купить и где продать, использовать конъюнктуру, — а так как у нас торговля оптовая, то ее нельзя совершить в неделю, она совершается ряд месяцев и годы, и потому приходится заглядывать вперед. Без прогноза не обойдешься. Если прогноз ошибочен, — значит просчитались, и это отражается как-то на торговом балансе.

Но еще более неправилен будет пессимизм по отношению к прогнозу, если дело идет об общих линиях развития, потому что оценить развитие ближайших трех лет и изолировать их от общего развития хозяйственных сил Европы и всего мира нельзя. Если я думаю о ближайших трех годах, то я о них думаю не просто, как о продолжении всей предшествующей истории, — вот этот отрезок или кривую продлить еще на 3 года, — а я думаю об этом трехлетии, как об отрезке дальнейшей кривой. Именно так, мне кажется, и мыслим прогноз. В таком случае, если он окажется даже ошибочным по отношению к трехлетию, — он может оказаться правильным в общем, как многие прошлые революционные прогнозы, которые, казалось, были ошибочны в отношении темпа развития, но в общем оказались правильными.

Если бы мы пришли к выводу, что капиталистическое развитие идет к новому бурному подъему в Европе и во всем мире, то этот прогноз имел бы некоторое, отнюдь не маленькое, практическое последствие для нашей судьбы. Но и сейчас ясно, что бурное развитие

---

[1] Печатаемая статья представляет собою несколько литературно обработанную стенограмму речи тов. Л. Д. Троцкого, произнесенной в Деловом Клубе по докладу, организованному 18 января 1926 года Промэкономсоветом ВСНХ СССР, о тенденциях развития мирового хозяйства за 1919—1925 гг., сделанному профессорами Букшпаном, Кондратьевым, Спектатором и Фалькнером.

Стенограмма автором за недостатком времени не просмотрена. *Ред.*

капитализма, если бы оно было возможно, могло бы оказаться роковым, и в известных условиях оказалось бы роковым для нас. Вот почему вопрос прогноза имеет немалое значение. И прогноз возможен, разумеется, если правильно пользоваться методом материалистического анализа.

Насколько я понял основные мысли докладчиков, я думаю, что некоторые из них очень схематически и формально применяли экономический анализ по отношению к нынешнему периоду.

Профессор Букшпан настаивает на цикличности послевоенного хозяйственного развития. Циклично оно, или нециклично? Можно ли установить более или менее правильный цикл. Я думаю, что нет. Есть ли это мятеж против Маркса, против Марксовой теории циклического развития? Никакого мятежа нет. Почему? Потому что Марксова теория не есть сверх-экономическая теория. Цикл выражает внутренний ритм самой исторической материи во всех ее движениях. Но во всех ли условиях? Нет, не во всех. Так, например, война наступила на второй год кризиса. В 1913 г. начался кризис и, несомненно, что эти серьезные экономические данные и данные социального характера—потому что голой экономикой никак не обернешься—говорят о том, что в 1913 году начинался не просто очередной конъюнктурный кризис, а некоторый перелом всего, по крайней мере, европейского экономического положения, и что Европа все более и более упиралась в пределы рынков. Возможности дальнейшего развития производительных сил приблизительно тем темпом, который наблюдался в Европе в предшествующие почти два десятилетия, крайне затруднялись: рост милитаризма происходил не только потому, что милитаризм и война создают рынок, но и потому, что милитаризм есть некоторый исторический инструмент буржуазии в ее борьбе за самоопределение, за свое могущество и проч. и проч. Не случайно война началась на второй год кризиса, обнаружившего величайшие затруднения рынка. Буржуазия прощупала рынок через агентуру коммерческую, через агентуру экономическую, дипломатическую, она его прощупала так, как мы, молодое государство, стараемся прощупать сейчас через нашу агентуру мировой рынок. Буржуазия видела это. Это создавало классовую нервность, обострение на почве политики, и это привело ее к войне в августе 1914 г.

Во время войны капитал делал прекрасные дела. Что это значит? Куда делась конъюнктура? Суть в том, что конъюнктура-то была не по Марксу, а по интендантству. Что интендантство против Маркса, это беспорно, но конъюнктура была не против Маркса, ибо Марксова конъюнктура вовсе не есть кривая, которая сверху вбивается в экономику: вот тебе, жри,—хочешь не хочешь, а жри. Эта кривая проистекает из экономики. Если экономика проистекает из политики в этой конъюнктуре, как бы Европа не вооружилась, вы нормального цикла не найдете.

А первые годы после войны? Немцы назвали эту конъюнктуру — немцы, вообще, любят точную терминологию — шайн-конъюнктур,[1] потому что 1919 и 1920 гг. отчасти были продолжением в области хозяйства военных методов, — инфляция, грубейшие льготы рабочим, основанные на инфляции, т. е. на расточении основного капитала и т. д.

По существу это было истощением основного капитала в главнейших странах Европы, а по внешности подъемом. Под маской подъема шло разрушение в начале войны. Это и была шайн-конъюнктур. А затем начинается расплата за войну, которая помножается на затруднения, начавшиеся в 1913 г.

Вот эта расплата за войну вначале налегла на тот новый понижательный процесс, который начался в 1913 г. Что надо капитализму?—Капитализм барахтается, у него начинаются спазмы, он ищет выхода. Есть ли тут циклическая правильность?—Поищите, товарищи, в спазмах циклическую правильность, потрудитесь найти. Это, однако, не значит, что Марксова теория не годится. Она годится, но надо применять ее правильно.

Я приведу самый простой пример. Есть инструмент, который называется шагомером,—очень грубый прибор, не точно отсчитывающий шаги. Если вы ходите более или менее правильной человеческой походкой, то он вам скажет, сколько верст вы прошли. Если вы начнете плясать, то это будет уже не так точно. Но если вы свалитесь в лужу или на льду, будете барахтаться в течение 2—3 минут, то шагомер покажет 20, 30, 50 шагов, между тем как вы будете оставаться на месте. С капитализмом произошло нечто подобное: война была для него ужасающим экономическим провалом. Что мы после этого видим? Мы видим попытку его подняться с этой сниженной ступени хозяйственного развития в условиях новой Европы—пересеченной новыми границами, с десятком новых таможен, при новых величайших трудностях. Если эту кривую развития пытаться найти для отдельных отраслей промышленности, для отдельных стран, для Европы, то что будет изображать такая кривая? Она будет изображать только судорожное усилие капитализма подняться. Ее никак не подведешь под ритм нормальных шагов капитализма,—не выйдет. Тут нужен глубокий анализ, и многие элементы анализа нам даны. Эти таблицы многому нас научат, или, по крайней мере, обо многом напомнят, многое уточнят. Они будут очень полезны, но попытка подвести эти данные под правильный цикл, этот цикл изобразить, как начало циклического ряда, и на этом основании построить прогноз действительно все же оптимистический, с точки зрения капитализма, будет неправильна.

Правда, почтенные три докладчика, которые в этом немножко повинны, из научной осторожности об этом не говорили. Научная осторожность — прекрасная черта; не всякий обязан быть политиком и делать ошибки, которые уже лежат, так сказать, в профессии

[1] Кажущаяся конъюнктура.

политика. Экономисты могут позволить себе осторожность. Но иногда в осторожности эмбрионально скрывается неосторожность, и именно, в осторожной оценке опасностей и трудностей, стоящих перед капитализмом, заключается неосторожность слишком оптимистической оценки судеб его дальнейшего развития. И вот такой осторожный упрек я склонен сделать трем докладчикам.

В самом деле, цикличность здесь не только вопрос методологический, касающийся понимания Маркса и применения Марксовой теории, но и вопрос об оценке дальнейших путей развития. Цикличность Маркс объяснил намеками; исчерпывающего объяснения промышленных циклов Маркс не успел дать. Кое-что из его намеков, в высшей степени драгоценных, было разработано впоследствии Гильфердингом. Во всяком случае, цикличность, несомненно, связана коренным образом с расширением и обновлением основного капитала тяжелой промышленности, — это бесспорно. И поэтому указание тов. Спектатора, что колебание европейской промышленности происходит еще в рамках старого основного капитала, каким он вышел из империалистической войны, или из довоенной эпохи, объясняет с точки зрения чисто теоретической, почему нельзя говорить о правильной цикличности. По той же причине было бы неправильно теперешний темп роста промышленности — 40% — 50% в год — превращать в нормальный темп роста для всего дальнейшего развития. Это есть темп возрастания нагрузки доставшегося нам в наследство основного капитала. По той же самой причине, хотя и в других условиях, неправильно применение циклической теории и методологии, из нее вытекающей, для анализа послевоенного хозяйственного периода в Европе.

К этому я еще прибавил бы, что если в европейской экономике при так называемых нормальных условиях политика играет большую роль, то роль эта такова же, как роль атмосферы в дыхании.

В условиях же перелома, в условиях, когда хозяйство судорожно ищет какого-то равновесия, и политика и военные силы играют совершенно другую роль. Мы это видим на примере той же Рурской оккупации. Происходили чудовищные захваты сырья, имущество перетаскивалось из одной страны в другую, налагались различного рода контрибуции, ставились военные помехи хозяйственным операциям. И такие полувоенные меры, как создание искусственных коридоров, нынешняя борьба за каучуковое сырье между Англией и Соединенными Штатами,—есть еще продолжение рурских методов, которое может стать колоссальным, огромнейшим фактором в хозяйстве. Другими словами, мы здесь видим уже не ту свободную или полусвободную игру экономических сил, какую мы привыкли анализировать в довоенный период, а здесь более концентрированная государственная волевая сила врывается в экономику, и это тоже грозит прервать или прерывает правильную или полуправильную цикличность, если бы она даже намечалась. Следовательно, без учета политики итти вперед нельзя.

Еще хуже в этом отношении поступает, мне кажется, профессор Кондратьев, когда выдвигает теорию больших циклов. Я не знаю, какова история этой теории. Я лично на этот вопрос наткнулся, кажется, в 1920 г., когда увидел, чуть ли не в первый раз, логарифмическую кривую, которая дается в приложении к январскому новогоднему номеру английской газеты „Таймс". Там есть старый английский экономист Китчен, который дает эту логарифмическую кривую. И, глядя на эту кривую, я понял, почему была у Маркса ошибка в 1849/50 г. В первый раз он надеялся на близкое развитие революции. Затем в 1851 г. Маркс сказал, что революции сейчас ожидать нельзя, потому что начинается экономический подъем, „но,—сказал он,—с ближайшим кризисом, который неизбежен, также будет неизбежна революция". Тем не менее кризис явился, а революция не явилась.

Так вот, если посмотреть на кривую Китчена, изображающую условия развития основных хозяйственных процессов капитализма, то понимаешь, в чем была ошибка Маркса. В 1851 г. начался не просто подъем конъюнктурного цикла, а новый большой подъемный период капитализма. В чем же суть? Капитализм развивается циклами. Циклы состоят из подъема, заминки, депрессии, кризиса и т. д., но соотношение между подъемом и кризисом не всегда одинаково. Бывают периоды развития капитализма, когда подъем и кризис приблизительно уравновешивают друг друга,—это периоды стагнации, застоя (конечно, не полного). Бывают периоды, когда подъем в каждом цикле сильно превышает кризис, который ему предшествует и который за ним следует, а следующий подъем еще более превышает кризис, который ему предшествует и который за ним следует. Что отсюда вытекает? Что все эти верхушки снимает история, когда она характеризует подъемную кривую в целом. Вся линия капиталистического развития в целом бурно поднимается вверх.

Маркс тогда не мог учитывать,—он ведь наблюдал подъем конъюнктурный—что он имеет дело с новой подъемной эпохой, когда кризисы будут только временными и слабыми заминками, а подъем будет их немедленно преодолевать и вести хозяйство вверх; этого он не предвидел. Революция в 1859/60 году не наступила. Тут наступили войны, объединение Италии, затем у нас Крымская война, затем война между Францией и Пруссией, вопросы неотложные, вопросы государственного и национального порядка разрешались войнами. До 70-х годов начинается новая линия застоя, стагнации и проч.

Я против некоторых левых оппонентов на 3-м Конгрессе Коминтерна говорил и доказывал, что не следует думать, будто кризис, как конъюнктурное состояние, будет непременно и непрерывно обостряться, а что будут колебания кризиса, но на основе кривой стагнации с уклоном вниз, или с ничтожным уклоном вверх, но в общем будет процесс застоя, загнивания капитализма в Европе и судорожные усилия и попытки подняться. Будут, однако, и конъюнктурные колебания. Хотя это и издыхающий капитализм, но он дышет, и его дыхание,

его сердцебиение выражается вот этой конъюнктурной циклической кривой.

Я затем встретил в книге проф. Кондратьева попытку изобразить эти большие эпохи (кажется в 1923 или 1924 г.), характеризующие определенные отрезки капиталистической кривой, как новый цикл примерно в 50 лет. Помнится, даже я где то выступал, кажется, в „Вестнике Социалистической Академии". Я писал, что это в корне неправильно. В чем тут цикл? Цикличность свидетельствует о регулярности, о правильности, о ритмичности, о том, что выростает из внутреннего свойства самого процесса,—вот в чем смысл конъюнктурного цикла. Но как здесь можно говорить о цикле? Если бы случайно хронологически, чтобы ввести нас в заблуждение, история наша строилась бы так, что эти кривые оказались бы примерно одинаковой длины,—чего, по моему, вовсе нет,—так это, может быть, приблизительно и можно было бы установить, хотя и с большими натяжками. Но если попытаться проделать это для отдельных стран,—все распадается прахом. Между тем цикличность Маркса для отдельных стран подтверждается целиком; а вот эти большие циклы не подтверждаются для отдельных стран.

И по существу это неправильно. Опять таки, в чем тут дело? Этот перелом в развитии капитализма вырастает вовсе не из внутренней динамики капиталистического процесса, как такового, а из условий, в какие он попадает в собственном развитии, из открытия для капиталистического воздействия новых континентов, колоний, новых рынков, или из военных революционных потрясений, которые пересекают ему дорогу. Вот, напр., новая могущественная страна Соединенные Штаты Северной Америки,—способна ли она создать для Европы стагнацию? Способна. Вытекает ли это из внутреннего ритма экономического развития Европы? Нет. А надолго ли Соединенные Штаты могут застопорить революцию Европы? Если революции не случится, то на несколько столетий.

Я бы хотел, как любит это делать проф. Кондратьев, рассмотреть в большом цикле европейское гниение.—Не выйдет. Опять таки, если брать пример с ходьбой, который я брал по отношению к малым циклам, то циклические конъюнктурные колебания выражают динамику капиталистической ходьбы. Это—походка капитализма; а идет ли он в гору или вниз, или застрянет в трясине,—это уж от рельефа местности зависит. Конечно, здесь рельеф местности также не случайное явление, и он видоизменяется развитием самого капитализма, но он вовсе не есть имманентный процесс, свойственный капиталистическому развитию, как таковому. В этом глубокая разница, и в этом, мне кажется, ошибка проф. Кондратьева.

Мне не ясно, поскольку я уже формулировал это обвинение в некотором, так сказать, потенциальном оптимизме на счет возможностей капиталистического развития, мне не ясно у проф. Кондратьева, каким образом он доказывает, что американские производительные

силы передвигаются теперь от Америки к Европе. Этого я абсолютно не могу понять. Тут я прямо скажу: убей, не пойму. В каких размерах, в каких пределах, какой удельный вес этого процесса, этой передвижки? Это надо учесть и, мне кажется, в этом основа. Что означают такие частичные перемещения? Если принять во внимание тот общепризнанный факт, что гегемоном мирового хозяйства является Америка, то делать какие бы то ни было прогнозы относительно европейского развития или революции, не учитывая растущего мирородержавного положения Соединенных Штатов, значит писать счет без хозяина. Я думаю, что это теперь стало общепризнанным и спорить об этом не нужно.

Так вот, если так рассматривать Америку и если иметь в виду, что Америке нужна Европа, Европа, которая была бы достаточно сильна, чтобы оплачивать ей проценты, приобретать у нее те товары которых она в других местах сбыть не может, и в то же время достаточно слаба, чтобы не представить для Америки ни опасности в смысле вытеснения ее с рынков, ни в смысле сопротивления ее экспансии,—я не говорю о военной опасности, морской опасности или опасности дессантной войны, то станет ясно, что у Америки есть для Европы определенная линия, отведен определенный угол, и в рамках этого угла Америка должна Европу держать.

Это ее политика. Этим объясняется ее душительская пацификаторская роль по отношению к Европе. Она поступает, как поступил бы, скажем, расчетливый мощный банкир, который финансирует несколько конкурирующих друг с другом трестов. Она хочет от каждого из них иметь свой процент. Те конкурируют друг с другом. Они могут ненароком друг друга разорить. Разорение одного—есть разорение другого, это есть опасность убытков и этого допустить нельзя. И вот вся политика такого банкира будет сводиться к тому, чтобы прежде всего обеспечить свои проценты, не уничтожая, конечно, конкуренции, потому что это дало бы их объединению такую степень эмансипации, которая бы угрожала его банкирскому самодержавию. С другой стороны, допускать до полного взаимного уничтожения их также нельзя, потому что это уничтожает его собственные барыши. Это грубое сравнение, но в основе правильное, тем более правильное, что Америка действительно от промышленного капитализма переходит к промышленно-финансовому капитализму более высокого банкирско-ростовщического типа. Таково отношение Америки к Европе.

Если в процессе ее отношений к Европе, когда она господствует над европейским хозяйством так, как Англия никогда не господствовала, потому что господство Англии, с точки зрения нынешних перспектив, было провинциальным господством, ничтожным по рессурсам,—если в этом процессе Америка еще не развернула всех своих возможностей, то это не значит, что она их не реализует в будущем.

Если ей не помешает революция, она реализует их на все 100%, как выражаются американцы. При этом положение уже теперь таково,

что когда Англия попыталась отделаться от Америки посредством повышения цен на каучук, почти монопольной владетельницей которого она является, Америка ей погрозила пальцем; и можете не сомневаться в реальных результатах этой угрозы. У Америки есть могущественные комбинированные меры репрессии,—экономической репрессии, финансовой. Фунт стерлингов зависит целиком от банков Соединенных Штатов, причем мощь Соединенных Штатов так велика, что Соединенным Штатам не нужно ее приводить в движение целиком. Подобно тому, как в электротехнике большую массу энергии можно направлять при помощи небольшого ее количества,—Сединенные Штаты имеют возможность направлять линию Англии при помощи какого-нибудь жалкого займа, который они в необходимый момент подсовывают и который обеспечивает фунт стерлингов от конъюнктурных колебаний. Германский заем по плану Дуаэса в 800 милл. марок, или 400 милл. рублей, носит столь же мелкий характер,—ведь с точки зрения довоенной пропорции и даже с точки зрения современных остатков германского могущества это ничто. А что они сделали? Германию завязали узлом и печать свою приложили,—ведь вот что они сделали! И если в рамках такого невиданного в истории процесса происходит какая-то передвижка производительных сил и средств от заокеанского банкира к его европейским должникам, то это эпизод, который на балансе большой бухгалтерской книги совершенно не сказывается.

В Англии надо ожидать повышательной тенденции,—это несомненно. Она уже наступила. Конечно, в Англии на ее глубочайший исторический кризис, который начал резко проявляться с 80-х годов прошлого столетия, и который в конце-концов осложнился войной, наложен целый ряд временных частных кризисов. В последнее время в ней происходит дефляционный кризис в связи с восстановлением золотого паритета фунта стерлингов. Это вообще болезненная операция, а для Англии—экспортирующей страны, она еще более болезненна. Но когда острый период судорожного сжатия оборотных средств в результате резкого повышения учетного процента завершается, то остается просто болезненный процесс. Вот это в Англии теперь и происходит. Ведь известное неизбежное улучшение после сверхухудшения предвидеть было нетрудно.

Но что это означает? Это означает технический изгиб кривой, а ни в коем случае не перемену ее направления. Мне кажется, что докладчики об Англии выражались действительно слишком оптимистически, в том числе и проф. Фалькнер, который говорил о новом усилении международной роли Англии. Я допускаю, что наступит некоторое улучшение по отношению к тому худшему периоду, когда со шляпой в руках Англия просила в Нью-Йоркском Бюро, чтобы ей дали заем в 600 милл. Но это улучшение будет происходить на фоне продолжающегося фактического разорения Англии. У меня есть случайно один очень интересный документ, который автором не предназначался для печати (он, во всяком случае, не из печати получен,

а другим путем).—Это секретный доклад Клайна, директора Бюро по внутренней и иностранной торговле при Министерстве Торговли Соединенных Штатов, где он, характеризуя положение Европы, говорит о том, что в Европе замечается некоторое улучшение, конечно, благодаря просвещенному вмешательству американского капитала. Тут я с ним не согласен. Я согласен с Айзенштадт, что американский капитал идет для грабежа и что его отрицательные черты частично переменятся только в том случае, если мы его получим в займы.

Так вот этот самый Клайн в секретном докладе, где он довольно оптимистически изображает положение Европы—и с этой точки зрения мы могли бы его пригласить пятым докладчиком—он об Англии выражается так: „Единственное темное пятно в более общем смысле, если мы исключим, конечно, финансовое положение Франции и Италии“—(если мы исключим две мелочи)—то получим пятно—(тоже не маленькое)—„сравнительно медленного восстановления Германии“. Так что все в общем идет прекрасно: у Германии денег нет, у Франции денег нет и Италия никак не поднимется—„а также Англия как будто бы находится в сомнительном коммерческом состоянии“. Как видите, это тоже осторожный экономист. Я не хочу быть слишком пессимистичным, потому что Англия является нашим лучшим покупателем и самым надежным сторонником деловых принципов (это не может изменить оценку). „Но там развивается ряд факторов, которые, я думаю, дают пищу для серьезных размышлений“. Какие же это факторы?—„Там существуют ужасные налоги, которые, по мнению некоторых наблюдателей, можно приписать жадности, в частности, к деньгам, выражаясь вежливо“...

В общем картина совершенно правильна. Англия задыхается от собственного экономического и технического консерватизма, который вырос на основе ее привилегированного положения, на основе ее капиталистического первородства, которое раньше попыталась завоевать себе Германия, а теперь присвоили себе Соединенные Штаты Сев. Америки. Все эти наследственные черты технического и экономического консерватизма режут ее на каждом шагу. Электротехническая промышленность, например, находится в Англии в жалком состоянии, имеет низкую рентабельность. На-днях в наших газетах было телеграфное сообщение о том, что Болдуин создает какое-то Бюро в целях объединения электротехнической промышленности, электрических станций, чтобы выйти из того отчаянного положения, в котором находится английская электротехника по сравнению с американской. В каком же направлении Англия найдет выход из этого положения? Консерватизм Англии при росте Соединенных Штатов обозначается все больше и больше. Безработица не является там нормальной безработицей, образованием резервной армии; она превратилась там в подагрический сгусток, который не рассасывается в этом одряхлевшем организме. Какой же намечается выход? Никто из докладчиков на него не указал. Я его не вижу. Вот почему я думаю, что правы были те, которые критико-

вали проф. Кондратьева под углом зрения его прогноза. Откуда появился этот 49-й год? Из циклической теории, из теории больших циклов, но мы видим,—я постараюсь это доказать,—что и с малыми циклами рекомендуется обращаться осторожно, а тем более с большими. Быть может это вытекает из анализа экономического, из анализа хозяйственной ситуации, хозяйственных процессов? Хотя я не являюсь скептиком по части прогнозов, но если дается прогноз на основании материалистического анализа, то нужно заметить, что состояние наших нынешних методов возможности прогноза с такой точностью ни с какой стороны не допускает; а, между тем, прогноз оптимистов в отношении капитализма дает ему передышку на 15 лет. За 15 лет много можно сделать и в том числе и по нашему адресу. Нет, я думаю, что мы капитализму на этом вечере в сегодняшнем обсуждении передышку в 15 лет никак не обеспечим.

Профес. Букшпан говорил о том, что одной из возможных перспектив будет та, что Европа будет производить все больше аристократических товаров в противоположность Америке, которая все больше специализируется на товарной демократии. Но ведь Англия не знает, куда сбывать свою товарную аристократию. Кому же Европа будет сбывать? Надо указать, кто будет поглощать эти аристократические товары. Это совершенно не вытекает из обстановки. Для Америки Европа будет производить аристократические товары?—Не выйдет. Америка, несмотря на все свое богатство, очень жестко ведет линию в отношении ввоза предметов роскоши из Европы. В частности и по отношению к нам. Во всяком случае, если бы роль Европы свелась к тому, что она превратилась бы в ювелира Америки и поставляла бы американским дамам изящные туфли и веера, тогда—прощай Европа! На это дело ухлопать европейское население в несколько сот миллионов человек никак нельзя.

Более загадочным представляется тенденция развития Соединенных Штатов, которые именно и поставили Европу в такое положение, что прогноз относительно Европы безусловно ясен: это временное улучшение, это спазмы, это небольшие подъемы, при постоянно растущем нажиме Соединенных Штатов. О Соединенных Штатах можно говорить альтернативно. Я допускаю оба варианта. Если Соединенные Штаты будут экономически мощно расти в ближайшие 10—20 лет или в те 15 лет, которые предлагает капиталистическому миру проф. Кондратьев, если в течение этих 15 лет Соединенные Штаты будут развиваться тем же темпом, каким они развивались в последнее десятилетие—то на чей счет? Прежде всего за счет Европы. Они не дадут возможности Европе не только восстановить свое положение на мировых рынках, но будут оттеснять ее с тех позиций, на которых она сейчас стоит, а при американской организации и технике это, конечно, не трудно. Почитайте, что в последнее время пишут европейцы о темпе экономического развития Соединенных Штатов; наблюдатели экономисты, практики и теоретики выражаются о Соединенных Штатах в таком

стиле: „темп американского развития является страшной угрозой“... Если Америка пойдет в ближайшие 15 лет вверх, то это будет за счет Европы. А что это обозначает для Европы? Для Европы это будет революционная перспектива. А задержка экономического развития Америки что обозначает? Это обозначает бешеный рост американского милитаризма, ибо задержанные экономические пары найдут выход в этом направлении. Совершенно верно, что капитал, тяжелая металлургия будут требовать от президента, от правительства, от сената: стройте суда, расширяйте программы. И не случайно ведь американцы предлагают разоружить Францию, разоружить Советский Союз, но ни в каких конференциях не участвуют, и своего собственного разоружения не хотят. Им достаточно Вашингтонской конференции, где они разоружили Германию. Я говорил на одном из конгрессов Коминтерна, что около 1925 г. в отношении флотов американского и английского неизбежны столкновения Соединенных Штатов с Англией. Меня левые обвиняли, что я откладываю революцию до этой войны, долженствующей произойти только в 1923/24 г. Но я никакой революции не откладывал, ибо я революциями вообще не заведую. Я просто пытался определить тенденцию развития. Гегемония Англии покоилась на ее мировом положении и на колоссальном превосходстве ее флота, не только создававшего рынок для ее тяжелой промышленности, но и являвшегося орудием захвата рынков для тяжелой и легкой промышленности вплоть до того, что он заставлял китайцев покупать опиум из Индии. По программе судостроения Англии и Соединенных Штатов получилось так, что в 1923/24 г. Англия должна была отодвинуться на второе место, и я говорил: неужели Англия сдаст позицию? Тут дело идет о войне. Но Англия сдалась без боя, дипломатическим путем. Тогда я сказал себе, что, во-первых, Англия отныне есть не то что второстепенная держава, но держава, отстоящая на колоссальное расстояние от нынешней первой державы, от Соединенных Штатов, и что основной мировой антагонизм—это антагонизм между Соединенными Штатами и Англией и все остальные антагонизмы—Соединенных Штатов и Японии, Англии и Франции, Франции и Германии являются антагонизмом 2-го и 3-го порядка. Соединенные Штаты завоевали первую позицию, не вынув меча, не сделав ни одного выстрела, и ограничившись только одной Вашингтонской конференцией. Соединенные Штаты продолжают совершенствовать свой флот, уступающий английскому в смысле личного состава; но ценность английских флотских традиций еще надо доказать практически. Германский флот доказал свои качественные преимущества над Британским, хотя и чудовищно уступал ему количественно.

В статье тов. Фельдмана соображения насчет хода развития Соединенных Штатов приведены к логарифмической форме, и он делает вывод, что развитие Сев. Америки все более упирается в тупик и нынешний подъем ничто в сравнении с подъемом прошлого десятилетия. Если такова

ситуация, то она не дает оснований для построения мирных перспектив мирового развития. Подъем Америки вверх, поскольку он будет происходить без потрясений, загоняет Европу в хозяйственный тупик, и Европа либо загнивает, как когда то загнила римская империя, либо переживает революционное возрождение. Но о загнивании Европы говорить пока не приходится. Если Америка в своем экономическом развитии задержится, ее колоссальные силы найдут себе выход в войнах. Это будет для нее единственная возможность преодолеть ту деформацию, которая явилась в результате остановки ее экономического развития. Эта деформация двигалась как ядро. Такое ядро, пущенное с колоссальною силою и задержанное, может произвести колоссальное разрушение внутри страны.

Перейдем теперь к положению пролетариата. Что касается Англии, то от прошлого аристократического положения английского пролетариата не осталось ничего. Наше братание с британскими профсоюзами основано на хозяйственном упадке Англии. Привилегированное положение занимает теперь рабочий класс Соединенных Штатов. Задержка экономического развития обозначала бы для Америки крупнейшие изменения в соотношении внутренних сил и, следовательно, повлекла бы революционное движение, происходящее с характерной для Америки быстротою. Таким образом, при обоих возможных вариантах для Америки мы получаем перспективу величайших потрясений в ближайшее десятилетие, а вовсе не перспективу мирного развития. Недавно в Американском „Экономисте“ была статья, где говорилось: „мы достигли такого уровня развития, когда нам нужны широкие войны“. Подобно тому, как для прокормления большого города нужны откормленные телята, так и „Экономист“ заявляет, что американская индустрия достигла такого развития, что Америке, как показал опыт прошлой войны, нужны широкие войны. У американских империалистов ориентация не на мирное развитие.

Перейдем к Франции. Не верно, что Франция безболезненно переживет свой дефляционный кризис. Из чего это видно? Сперва во Франции существовал национальный блок, который в первый и во второй период чудовищно увеличил инфляцию, обманывал мелкую буржуазию, грабил ее и, в конце-концов, оттолкнул ее от себя, потому что от инфляции теряет мелкая буржуазия. На этой почве произошла смена правительства: национальный блок вынужден был уступить место левому блоку, потому что он не сумел разрешить финансовую проблему. Сперва Эрио, потом Пенлеве с первым и со вторым министерством, наконец, Бриан. Что Франция—богатая страна, это более или менее верно, но это страна обострившихся социальных противоречий, страна сильно пострадавшей мелкой буржуазии и крестьянства. Я охотно верю статистике, проведенной Фалькнером, насчет французского национального дохода, но ведь вообще очень трудно подсчитать национальный доход какой-либо страны и при этих подсчетах, конечно, темперамент и угол зрения некоторым коэффициентом входят. Я ни в малейшей степени не хочу говорить против компетентности или научной добросовестности Фалькнера, в которых я не сомневаюсь, но ведь можно критически отнестись к данным и более снисходительно, это зависит от основной установки в данном вопросе. Во Франции стоит вопрос о долгах, для разрешения которого до сих пор ничего не сделано, а между тем Америка требует разрешения этого вопроса и Франции без Америки не обойтись. Каким же путем он будет разрешен? Франция—богатая страна, в том смысле, что одни имеют, а другие не имеют. Но кто имеет, давать не хочет, а кто не имеет, тот не даст, и если будут обдирать и у рабочего класса и у буржуазии, получится колоссальнейшая разноголосица и нарекания. Французская мелкая буржуазия имеет революционные традиции. Разве Пуанкарэ, Клемансо, Мильеран не любят власти? Тем не менее они один за другим уходят, понюхавши этого горячего сала. Потому что знают, что обожжешься. Во Франции даже при слабости партии пролетариата, как революционного спектра со знамени Парижской Коммуны, даже при слабости профсоюзов, может сразу развернуться огромная динамическая революционная сила мелкой буржуазии и французского мужика, который потерял на войне и сына и сбережения. Правда, дефляции можно достичь, взяв за горло крупную буржуазию, банки, крупную металлургию и заставить их платить, но это привело бы к страшному повышению учетного процента, сжатию оборотных средств и промышленному кризису, потому что у Франции большие долги и кризис валюты. Французские политики смотрят не так радужно на вопросы дефляции, как наши советские профессора.

Нам говорят, что все же Европа находит какой-то выход из трудного положения. Действительно, Европа уже не живет в тех условиях, в каких она жила в ноябре 1918 г. или в январе 1923 г., когда Пуанкарэ захватил Рур. Такое положение долго длиться не могло, и связанные с ним затруднения в настоящее время преодолены. Европа живет. Метод преодоления: Вашингтонская конференция, отодвинувшая Европу на задворки и ухудшившая положение Англии, а затем Европы в целом, посредством плана Дауэса, завязавшая Европу американским узлом. С точки зрения момента это есть несомненный выход из положения отчаянного, из положения войн, но с точки зрения дальнейших перспектив это значит, что Германия находится в состоянии, в котором она вот-вот вздохнет, а потом опять задыхается. Два года назад развитие германской промышленности шло чрезвычайно быстро, теперь там налицо ужасающий кризис, происходит тысяча банкротств, продают заводы на вывоз и миллионами исчисляются безработные. Разве может быть более яркая характеристика безнадежного положения Германии и Европы? До войны Германия обладала колоссальной гибкостью и приспособляемостью, затем нажим Англии и война приучили ее к гибкости сугубой. Все эти навыки германских капиталистов, которые довольствуются маленькой

прибылью, непритязательность рабочих, которые довольствуются маленькой зарплатой после ужасающих голодных годов, все это, однако, не устраняет ужасающего кризиса. Разве это не есть показатель безвыходности положения Европы?

Теперь, после Вашингтона, Локарно и плана Дауэса, договорились до Соединенных Штатов Европы, и я, судя по словам профессора Фалькнера, являюсь чем-то вроде апостола в отношении этой теории.[1] Тем не менее это немножко не так. Я благодарен профессору Фалькнеру за то, что он помнит, о чем я писал, но я говорил об этом немножко другими словами. Здесь произошло нечто подобное тому, что было при объяснении Фауста с Гретхен: когда Фауст высказывается в довольно якобинском и атеистическом духе, то Гретхен говорит: „ты говоришь то же, что говорил пастор в церкви, но немножко другими словами". — Пастор в церкви говорил другое. Я говорил о социалистических Соединенных Штатах Европы и о диктатуре пролетариата, имея в виду, что Европа, загнанная в тупик, не выдержит этих перегородок внутри. Современное положение Европы и рост Соединенных Штатов подтверждают наш прогноз. Мы говорили, что положение Европы безвыходно при нынешних перегородках и раздробленности, что это есть балканизирование Европы, о котором я упоминал на 2-м конгрессе Коминтерна. Людек Дека, которого я цитировал, утверждает, что балканизированная Европа погибнет под натиском Соединенных Штатов. То же говорится и в книге немецкого буржуа, которая вышла недавно. Итак, с одной стороны, Бриан, с другой стороны немцы, пролившие реки крови для того, чтобы преодолеть конкурентов и расшириться, — все они теперь говорят о Соединенных Штатах Европы. Это означает полный упадок, неверие в возможность развития, сознание бессилия перед растущей мощью Соедин. Штатов. Мелкая буржуазия трусливо мечтает о каком-то

[1] Замечание тов. Троцкого является ответом на следующее место из речи проф. Фалькнера: „Очередной лозунг современной капиталистической Европы—это лозунг создания Соединенных Штатов Европы. Созданием Соединенных Штатов Европы имеется в виду определить те новые таможенные барьеры, которые были созданы после войны, то новое политическое разграничение, которое изменило Европу. Созданием Соединенных Штатов Европы имеется в виду разрешить актуальнейшие вопросы международной экономической политики.

Я должен напомнить, что лозунг Соединенных Штатов Европы был впервые выдвинут в Советской России Л. Д. Троцким и теперь, после нескольких лет, капиталистическая Европа сама выдвигает этот лозунг. Это доказывает, что лозунг этот был актуален. Но каковы шансы на осуществление этого лозунга, о котором так много говорят и пишут в настоящее время. Я считаю, что осуществление его, несмотря на конференцию, которая созывается по приглашению Лушера при Лиге Наций, экономическую конференцию, на которую наше правительство решило послать своих представителей, как два дня назад было сообщено в газетах, несмотря на насущную потребность в создании международной, межлугосударственной организации, я думаю, что шансов мало, я думаю, что эта проблема разрешена не будет, ибо слишком сложен комплекс противоречий и в слишком разные стороны тяготеют разные хозяйственные группы современной Европы.

Я думаю, что не задача федерирования явится разрешением важнейших организационных вопросов современной Европы. Федерирование руководящих капиталистических групп при активнейшем участии Соединенных Штатов, международное трестирование и картелирование важнейших отраслей промышленности—вот тот исход, который намечается капиталистическим характером хозяйства Европы для ближайшего времени".

(Стенограмма заседания). *Ред.*

объединении не для отпора, а просто для того, чтобы существовать: не до жиру, быть бы живу. Такова психология нынешних правителей Европы. Я не буду оптимистичен на их счет.

Теперь несколько слов насчет хозяйственного положения СССР. Конечно, на мировое развитие мы оказываем еще минимальное влияние, мы вышли на мировой рынок пока еще только в очень скромных размерах, но для социалистической Европы мы будем иметь решающее значение. Социалистическая Европа вместе с нами будет непобедима для Соединенных Штатов. Но если бы мы были враждебным тылом, то перед лицом капиталистических Соедин. Штатов пролетарская Европа могла бы оказаться бессильной. Имея же такой могучий тыл как наша страна, пролетарская Европа, которая будет социалистической федерацией, социалистическими Соедин. Штатами, вместе с нами разовьет огромную притягательную силу по отношению к Азии. Если сейчас при блоке нашем с социалистическими Соединенными Штатами Европы мы дадим по сходной цене товар Азии, мы ее целиком поведем за собою, а транзитная дорога из социалистической Европы будет лежать через СССР. Тогда Америке не удастся отодвинуть Европу в сторону. Соедин. Штаты Европы против Америки—эта перспектива вполне реальна, и подобный прогноз может быть сделан.

Если бы капиталистический мир стал сейчас перед возможностью нового органического подъема, нашел бы новое экономическое равновесие, как базу для дальнейшего развития экономических сил, то это означало бы, что мы, как социалистическое государство, погибли. Теоретически и практически это можно доказать в двух словах. Теоретически,—потому, что подъем капитализма в Европе создаст колоссальнейшую технику для буржуазии и изменит психологию пролетариата; если пролетариату будет доказано, что капитализм может поднять национальное хозяйство, то это не может не подействовать на рабочий класс, который пытался сделать революцию, который разбит, который пережил разочарование. Если капитализм двинет хозяйство вверх, то это значит, что он завоюет пролетариат во второй раз и поведет за собою рабочую массу. Ведь с теоретической точки зрения социализм имеет право на существование именно потому, что капитализм не способен развивать производительные силы. Наша революция выросла на экономической основе и до революции мы дошли, как основная часть мирового хозяйства. Если бы капитализм обнаружил, что он способен развивать производительные силы, то это значило бы, что мы в основном диагнозе ошиблись, что капитализм является прогрессивной силой, что он развивает свои силы быстрее, чем мы, что мы явились слишком рано, а история поступает очень круто с преждевременно родившимися. Вот что это обозначало бы, если бы оптимистический для капитализма прогноз имел основание. Имеет ли он основание?—Потрудитесь доказать. Буржуазия этого пока что не доказала и доказать не может.

В Европе нет развития производительных сил, происходит колебание, ломка наличных производительных сил—это основной факт. Поэтому надо сказать, что социализм имеет право на существование, на развитие и полную надежду на победу.

Европейский капитализм, для нас наиболее близкий и опасный, доказывает с каждым годом своего послевоенного существования, что Европа не увеличивает производительных сил; а Соединенные Штаты увеличивают не в такой степени, в какой это было бы возможно при применении к американской технике социалистических методов организации хозяйства. Если бы к американским стандартам, к конвейерному принципу Форда применить социалистические методы, то производительные силы росли бы много быстрее.

В Европе они вовсе не растут.

К рассматриваемому нами вопросу необходим новый подход,— не отвлеченно-теоретический, а подход волевого рационализаторского порядка. Надо выяснить печальное положение Европы, нажим на нее Америки и спросить: что нужно сделать с Европой и с нами, а отчасти и с Азией, чтобы наладить мировое хозяйство?

Эта тема вытекает целиком из нашей обстановки. Годом раньше или годом позже поставит ее история, и нам надо ее теперь поставить перед собою теоретически.

Г. С. Гордеев

„О новой аграрной программе английской либеральной партии“

В сентябре 1925 года была опубликована аграрная программа английской либеральной партии.[1] Программа представляет большой интерес для понимания современного хозяйственно-политического положения Великобритании.

Известно, что капитализм развился в Англии раньше других стран. С самого начала капиталистическое производство в Англии было построено не только для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, но и внешнего. Современем промышленная Англия превратилась в мирового поставщика товаров. Не большой остров сделался узлом мировых экономических связей.

В области сельского хозяйства экономическими мерами и еще больше внеэкономическим воздействием было насаждено капиталистическое фермерство. Крупные латифундии лэнд-лордов, выросшие на месте мелких хозяйств, сдавались в аренду. Арендатор обрабатывал землю с помощью наемных рабочих. В результате в Англии сложилась наиболее законченная тройная система взаимоотношений—лэнд-лорд, арендатор и сел.-хоз. рабочий. Насколько аренда сильно распространена в Англии, можно видеть из следующих сравнений:

СТРАНЫ	Годы	Число всех хозяйств	Из них хозяйств собственников	Процент собствен. хозяйств
Англия и Уэльс	1921	415.000	70.000	16
Шотландия	1913	77 000	5.600	7
Франция	1908	5.505.000	2.200.000	40
Германия	1907	5.736.000	5.250.000	91
Соед. Штаты	1920	6.445.000	3.925.000	61 [2]

Промышленное развитие сильно обогатило Англию. Обогатились не только буржуа, но и лэнд-лорды. Немало последних держались за землю уже не только, как за источник дохода. Следует отметить,

[1] По поводу опубликования „The Land and the Nation. Rural Report of the Liberal Land Committee“ 1923—1925.

[2] Hodder and Stougtton. „The Land and Nation“. Page 144.

что до избирательной реформы 1833 г. политическая система Англии предоставляла избирательное право в Палату Общин только земельным собственникам. Это обстоятельство заставило разбогатевшую буржуазию покупать землю, чтобы получить возможность влиять на политическую жизнь государства.

Разбогатевшая буржуазия скупала большие участки земли также и для того, чтобы найти отдых от городской жизни. Спрос на землю в связи с этим сильно возрастал. В результате земельные цены, как правило, стояли значительно выше доходности участков. Вот как об этом пишет либеральная программа: „Имеется известная ирония справедливости в том факте, что лэнд-лордизм, как институт, является твердой опорой расхождения между продажной ценностью и сел.-хоз. ценностью земли. Различие между капитализированной ценностью чистого дохода и продажной ценностью может быть объяснено иногда потенциальной ценностью строений, но гораздо чаще она представляет ценность, полученную землей при использовании ее для других целей, чем сельское хозяйство“... „Как странность, как закостеневший обычай, мы должны рассматривать готовность общества платить больше за землю, чем она того стоит, и только ложный смысл земельной ценности побуждает нас терпеть этот абсурд“.[1]

Конечно, нет ничего абсурдного в том, что разбогатевшая буржуазия скупала участки для увеселения и отдыха. Остров накопил богатств неизмеримо более, чем какая-либо другая страна. При этом не нужно забывать незначительный удельный вес сельского хозяйства в системе народного хозяйства Англии вообще.

Однако, как бы не объясняли мы этот факт, мы должны помнить, что большое расхождение земельных цен с доходностью участков не может считаться опорой развития производительности сельского хозяйства. В таком случае может развиваться спорт, парковое хозяйство для охоты и прогулок, но нормальная хозяйственная деятельность затрудняется этим фактом необычайно сильно.

Английское сельское хозяйство пережило славу в прошлом. Оно пережило свой золотой век, который продолжался около двух столетий. Но золотой век неожиданно резко кончился в 70-х гг. прошлого столетия в связи с американским пшеничным „наводнением“. Наступил затяжной сел.-хоз. кризис. Хлебные цены изменялись, примерно, таким образом:

За 1 квартер зерна платилось в:

1877 г.	56	шил.	9	пенсов.
1878 „	46	„	5	„
1884 „	35	„	8	„
1889 „	29	„	9	„
1894 „	22	„	10	„

[1] „The Land and the Nation“. Page 259.

Никогда с 1884—1915 г. цена зерна не достигала 40 шил. за квартер.[1]

Кризис прежде всего ударил по посевным площадям, в результате чего они уменьшились следующим образом:

ГОДЫ	Культивируемая площадь	Площадь под пшеницей	Под хлебами и травами
	В тысячах акров		
1871	18.403	3.571	30.838
1884	17.175	2.677	32.435
1913	14.360	1.756	31.927 [2]
1923	14.478	1.791	30.677

За счет уменьшения обрабатываемой площади увеличивались луга. С увеличением лугов не произошло, однако, увеличения скота. Так, если с 1873—1922 г. на 100 акров рогатого скота увеличилось с 19 до 22 голов, то число овец понизилось с 94 до 65, свиней с 8 до 7.[3] Абсолютное количество скота в Великобритании изменилось следующим образом: рогатый скот с 1873 по 1922 г. увеличился с 5.964.000 голов до 6.869.000; число овец понизилось с 29.427.000 до 20.122.000; свиней с. 2.500.000 до 2.499.000.[4]

Упадочность английского сельского хозяйства проявилась еще и в том, что оно оставалось почти с неизменной урожайностью в течение длинного ряда лет. Так, напр., урожай

	1886—1889 гг.	1919—1922 гг.
Пшеницы равняется	15 центнерами	17 центнерами
Ячменя „	14 „	14 „
Овса „	13 „	13 „
Картофеля „	5 „	6 „ [5]

Сельское хозяйство Великобритании, бывшее до кризиса лидером прогресса, уступило свое место после кризиса континентальным странам. Причину этого явления, однако, нужно искать не только в кризисе. Совершенно правильно земельная комиссия либеральной партии замечает: „Но Англия не имела монополии на засуху, ливни за 1875—1900 годы. Другие страны не менее жестоко были задеты ввозом американской пшеницы и муки“.[6] Если Германия при этом защищалась таможенной стеной, то Англия и Голландия остались свободными для хлебной торговли. „Каждая страна встретила кризис по своему, они обдумали

[1] The Land. Page 242.
[2] The Land. Page 140—41.
[3] Agricultural Tribunal of Investigation Final Report.
[4] Agricultural Tribunal of Investigation. Page 29, 31.
[5] Agricultural Tribunal of Investigation. Page 27.
[6] The Land. Page 243.

свои проблемы, вырешили их в том убеждении, что сельское хозяйство должно быть спасено и может быть спасено. Они вложили в свою землю не только новый капитал, но и громадный запас энергии".[1]

Кризис, как в промышленности, так и в сел.-хоз., оказывает одинаковое развивающее действие. Он подталкивает технические нововведения. Обычно промышленность и сельское хозяйство выходили из кризиса переустроенными на более высокой технической основе. То же самое наблюдалось в сельском хозяйстве континента.

В сельском хозяйстве Англии кризис остановил развитие. Число занятого сел.-хоз. населения неуклонно понижалось. Так, если возьмем число занятых в сел.-хоз. мужчин 15 лет и старше, то получим следующую таблицу.

ГОДЫ	В тысячах					
	Луговых фермеров	Рабочих на фермах	Садовод. и цветоводов	Рабочих при машинах	Лесоводов	Всех
1871	269	1.028	54	4	10	1.366
1881	251	972	76	7	11	1.319
1891	249	885	98	7	12	1.253
1901	248	800	130	14	16	1.208
1911	252	832	147	19	15	1.267
1921	295	734	127	38	15	1.211

Хотя в таблицах и отмечается увеличение числа работающих[2] в интенсивнейших отраслях сел. хоз., но это увеличение было не настолько значительно, чтобы оказать серьезное влияние на рост числа занятого населения. Если принять еще рост работающих на сел.-хоз. машинах, то мы получим картину переустройства незначительной части сел. хоз. Великобритании в то время, как вся остальная масса земельных площадей или превращалась в луга, или оставалась технически стационарной. В результате сельское хозяйство Великобритании, по мнению доклада либеральной партии, могло прокормить в 1834—1840 гг. 23,8 милл. человек, в 1903—1913 гг.—15,5 милл., а в 1914 г. количество собранной пшеницы могло удовлетворить лишь 8 милл. человек.

Было бы неправильным, как я уже указал, искать причину деградации, а частью застойности английского сельского хозяйства только в кризисе. Кризис явился только поводом или моментом, с которого начала обнаруживаться рельефно негодность социальной структуры в сельском хозяйстве. Нигде в такой мере, как в Англии, не развился класс землевладельцев. Нигде землевладельцы не проявляли такой силы, как в Англии.

Во время кризиса, несмотря на громадное снижение хлебных цен, а значит и понижение доходности, доходы земледельцев повы-

[1] The Land. Page 243.
[2] Agricultural Tribunal of Investigation. Page 173.

шались до 1881 г. Затем доходы несколько понизились, но в общем стояли на очень высоком уровне. Более точно динамика доходов представлена в следующей таблице.

Доходы от собственности на землю и дома:

ГОДЫ	Миллионы фунтов стерлингов
1814/15	37,0
1850/51	42,7
1860/61	43,0
1880/81	51,3
1890/91	41,6
1901/02	37,0
1910/11	37,0
1913/14	37,0
1918/19	36,9 [1]

Наличие неподвижных доходов лэнд-лордов от земли могло иметь место только из-за обирания арендатора и сел.-хоз. рабочего. Фактический нажим лэнд-лорда был настолько силен, что арендатор терял всякую возможность накоплять и вкладывать капитал в сельском хозяйстве. Иссяк источник накопления внутри самого сельского хозяйства. Пониженная доходность арендатора отвлекла оставшиеся капиталы из сельского хозяйства в промышленность. В самом деле, какой расчет капиталисту вкладывать свой капитал в сельское хозяйство, если он знает, что не получит минимального дохода. У сельского хозяйства был подорван жизненный нерв прогресса.

Доходность же самих лэнд-лордов шла, по преимуществу, на непроизводительные нужды. Достаточно отметить один факт, что только на охоту на лисиц, на стрельбу, на рыболовство и крокет с футболом лэнд-лорды тратили ежегодно 29,1 фунт стерлингов.[2]

Из вышеизложенного мы можем заключить, что социальная трехстепенная система в сел.-хозяйстве Англии является главнейшей, если не единственной причиной деградации сел. хозяйства.

Отсутствие капиталов, неорганизованность сел. хозяйства отзывались с большей тяжестью на мелком хозяйстве, чем на крупном. Поэтому на протяжении всего периода кризиса мы наблюдали концентрацию за счет поглощения мелких хозяйств крупными. Мы можем отметить, например, такой факт, что 1.688 пэров владели 14,2 милл. акров, а 4.488 лэнд-лордов владели 18,5 милл. акров. Однако, для нас более интересен динамический процесс поглощения мелких хозяйств. Этот процесс может быть иллюстрирован следующей таблицей (см. на обор.).

[1] The Land. Page 145.
[2] The Land. Page 259.

Число хозяйств ниже 15 акров.

ГОДЫ	Число хозяйств	Процент ко всем хозяйствам
	в тысячах	
1875	333	70
1885	314	69
1895	299	68
1908	287	66
1913	292	67
1919	272	65 [1]

Между 1908 и 1914 гг. было организовано по закону 1907 г. 14.962 мелких хозяйства и, тем не менее, к 1919 г. число их оказалось меньше, чем в 1908 г., а в целом сокращение произошло на 61 тыс. хозяйств.

Для уяснения роли лэнд-лордизма в задержке развития английского сел.-хозяйства мы приведем несколько сравнений состояния сел.-хозяйства Англии с тем же на континенте. Возьмем прежде всего посевные площади.

Движение посевных площадей в тыс. акров.

СТРАНЫ	Годы	Тысячи акров
Великобритания	1873	31.103
„	1922	30.751
Франция	1873	89.509
„	1913	90.910
Германия	1878	80.838
„	1913	82.241
Голландия	1873	4.992
„	1921	5.489
Дания	1876	6.624 [2]
„	1919	6.862

Кроме Англии все отмеченные страны дали некоторое расширение посевной площади; если из 30 милл. акров в Англии выбросить еще залуженные земли, то мы получим еще большее уменьшение посевной площади.

Подобное же явление мы наблюдаем в отношении скота. Если возьмем количество скота по отношению к 100 акрам, то получим следующие изменения в различных странах.

СТРАНЫ	Годы	Крупного рог. скота	Овец	Свиней	Единиц всего скота
Великобритания	1873	19	94	8	34
„	1922	22	65	7	33
Дания	1872	18	27	6	24
„	1922	33	6	25	39
Голландия	1873	28	18	7	32
„	1922	37	12	27	44
Германия	1873	19	30	8	25
„	1912	24	70	26	30
Франция	1873	13	24	6	17 [3]
„	1913	16	17	7	20

[1] The Land. Page 170.
[2] The Land. Page 140.
[3] Agricultural Tribunal of Investigation. Final Repag. Page 31.

Самая отсталая из приведенных стран—Франция все же следовала по пути общего прогресса сел. хозяйства, в то время, как Англия стояла почти на одном месте.

Еще больше деградация сел. хозяйства Англии отражается в сравнении урожайности отдельных зерновых злаков. В качестве иллюстрации мы приведем следующую таблицу.

СТРАНЫ	Годы	Пшеница	Ячмень	Овес
		в центнерах с акра		
Великобритания	1886—1889	15	14	13
„	1919—1922	17	14	13
Дания	1875—1878	16	12	10
„	1919	23	18	13
Голландия	1871—1874	13	18	15
„	1919	20	21	15
Германия	1879—1882	10	10	9
„	1911—1913	17	17	15
Франция	1878—1881	8	8	9 [1]
„	1911—1913	10	11	10

Если бы Великобритания имела такую же ступень производительности сел. хозяйства, как и Дания, то она могла бы иметь рогатого скота 15 милл. голов вместо 7 милл., свиней 17 милл. вместо 2 милл., птицы 120 милл. вместо 15 милл. и только овец 2 милл. вместо 20 милл. Англия собрала бы хлеба 10 милл. тонн вместо 4,7 (овес, пшеница, ячмень).

Наиболее наглядно отставание сел. хозяйства Англии видно при индексном сравнении развития различных стран. Так, если возьмем каждый данный период Англии за 100, то получим следующие отношения:

СТРАНЫ	1884/85	1909—1913
Великобритания	100	100
Бельгия	107	125
Дания	86	103
Франция	63	70
Германия	65	99 [2]
Голландия	99	101

Великобритания была второй страной в числе других, во второй период она оказалась уже четвертой, иначе говоря, рост производительности сел. хозяйства в Дании, Голландии и Бельгии был гораздо сильнее, чем это имело место в Англии. Да и другие страны, как Франция и Германия, несмотря на то, что они не догнали к 1913 г. Англии, по темпу развития все же опередили Англию.

Не лишне заметить, что сел.-хоз. кризис действовал и на остальные страны, как и в Англии, все же Англия показала сильное отставание в развитии от других стран. Следовательно, вовсе не напрасно беспокоятся все политические партии Англии о состоянии сел. хозяйства. Если еще до войны застойный характер сел. хозяйства Великобритании не

[1] Agricultural Tribunal of Invest. Page 27.
[2] Agricultural Tribunal of Invest. Page 154.

вызывал сильных возражений, то теперь стало общим местом ссылаться на кризис сел.-хоз., кризис затяжной и, при существующих социально-экономических условиях страны, весьма чреватый своими последствиями.

Послевоенный кризис осложнился большим количеством безработных. Пособия безработным достигали значительных сумм, а так как безработица приняла длительный характер, то впереди мало надежд на уменьшение пособия безработным. Одновременно в сел. хозяйстве имеются большие возможности для размещения безработных при условии устранения системы лэнд-лордизма.

Существующие формы землепользования объективно преуменьшают потребность сел. хозяйства в рабочих руках. Высчитано, что на луговых фермах требуется на каждые 100 акров 1,6 человек, на зерновых фермах—5,5 человек, а на интенсивных фермах 7,6 человек.[1] Так как в Великобритании в целом имеются высоко-интенсивные хозяйства и экстенсивные луговые хозяйства, то в среднем Великобритания занимает 4,6 человек на каждые 100 акров, в то время как Дания занимает 6—8 человек, а Германия даже 12.2 человека. Если предположить дополнительно, что громадные землевладения Англии будут разбиты на мелкие хозяйства, то число работников на 100 акров должно увеличиться еще значительнее. Но если даже принять немецкую норму занятости на 100 акров, то и тогда число сел.-хоз. работающего населения в Англии увеличилось бы с 1,2 до 3,5 милл. человек, т. е. почти в три раза. В такой связи разрешение вопроса о безработице получает легчайший выход. В самом деле, наличие безработных в августе 1925 года достигало 1.343.700 человек.

Указанная цифра безработных наблюдалась и прежде в Англии и она не вызывала такой тревоги, как теперь. Объясняется это тем, что промышленность Англии действительно очутилась в тяжелом положении. Колонии все в большей степени удовлетворяются продуктами собственной индустрии. Европа со своим расстроенным хозяйством сократила торговые сношения с Великобританией. Война истощила финансовые рессурсы в целом. Прогресс хозяйства Америки и промышленное переустройство Германии опережает реконструкцию британской промышленности и понижает конкурентную способность Англии. Пассивность торгового баланса является как бы суммированием всех неблагоприятных сторон хозяйственной жизни Англии. Так мы имеем превышение ввоза над вывозом в 1913 г. на 134 милл. фунтов стерлингов, в 1923 г. на 260 и в 1924 г. на 344[2]. При этом платежи, получаемые из-за границы поступают весьма туго, а платежи за границу, в связи с послевоенной задолжностью, выросли необычайно сильно.

При таком положении существующая безработица приобрела особенно неприятный характер. Факт ее существования является несомненным накладным расходом на промышленные товары, которые отправляются на мировой рынок. Отсюда прямая связь уничтожения безработицы, с повышением производительности сел. хозяйства, с уменьшением закупок хлеба за границей, а следовательно, и повышение конкурентной способности самой промышленности. Даже без реконструкции промышленность могла бы получить от реформы системы сел. хозяйства некоторое облегчение.

[1] Agricultural Tribunal. Page 181.
[2] The Statist. № 2495. December 19, 1925.

Либеральная партия вполне учитывает создавшиеся затруднения в хозяйстве. Поэтому она и ударила по существующей системе лэнд-лордизма. Когда хозяйственное положение не было так обострено, либералы не смели выставлять программу национализации земли, тогда как в 1925 году национализация земли пропагандируется с большим шумом. Национализация выставляется, как один из основных пунктов в будущей избирательной кампании.

Весьма любопытно, что все оружие против лэнд-лордов либералы позаимствовали из старых арсеналов национализаторов XIX века. Что вопрос национализации земли широко дискуссировался в Англии, будет ясно читателю из небольшого исторического экскурса Уже после политической революции XVII века против лэнд-лордизма начался идейный поход. С укреплением городской буржуазии правомерность существования лэнд-лордов подвергалась все большему сомнению. Давид Рикардо в своих абстрактных построениях с особой силой подчеркнул недовольство буржуазии тунеядческим характером лэнд-лордов. Давид Рикардо указал современникам на грозную опасность для общества в целом, которую несет с собой лэнд-лордизм. Еще раньше Давида Рикардо Томас Спенс в 1775 г. в Филосовском Обществе прочитал доклад, который потом был опубликован под названием „Земля безземельным“.[1] В докладе были впервые изложены идеи национализации земли. Однако, во времена Томаса Спенса лэнд-лорды были настолько еще сильны, что они не только вынудили его оставить родной город, но и приняли меры к тому, чтобы его идеи не получили большого распространения. Однако, за Спенсом последовал целый ряд других идеологов национализации, которые мало заметно, но подготовляли общественное мнение к восприятию идей Генри Джорджа.

В 1871 г. Генри Джордж опубликовал свою работу: „Наша земля и земельная политика“, а в 1879 г.—„Прогресс и бедность“. Книги Генри Джорджа появились на свет в момент большого общественного подъема в Англии. Дело в том, что в 1870 г. в Англии была организована „Лига реформы земельной собственности“. Земельный вопрос приобрел большую остроту. Арендаторы боролись против разорительных арендных плат. Безработица в городах усиливалась переводом целых поместий под парки или луга. В 1882 г. Альфред Уоллес опубликовал работу под названием „Земельная национализа-

[1] Geshichte der englischen Bodenreformtheorien. Von H. Niehuus 1910.

ция, ее необходимость и ее цели". Народился целый ряд лиг и комитетов, которые вели пропаганду идей Уоллеса или Генри Джорджа. Сам Генри Джордж, на-ряду с писанием книг, брошюр и листовок. лично разъезжал по всей Англии для пропаганды своих идей. В России идея национализации земли получила широкую известность в трактовке Генри Джорджа.

После 80-х гг. идея национализации стала временно все меньше и меньше привлекать общественное внимание. Незадолго до войны, именно, в 1908 г. рабочая партия включила национализацию земли в свою политическую программу. Профсоюзы сделали это несколько раньше.[1] Однако, решение рабочей партии и профсоюзов не имело существенного политического эффекта, так как никогда рабочая партия и профсоюзы не предполагали действовать революционно для проведения идей национализации. Поэтому вокруг вопроса о национализации не было сосредоточено большого общественного возбуждения. Только после войны снова оживился интерес к аграрному вопросу. Этому способствовала тяжелая зависимость Англии от подвоза хлеба из-за границы, трудность с набором солдат в армию. Одновременно после войны количество безработных увеличивалось чрезвычайно сильно. Землевладельцы также требовали вознаграждения за их военные жертвы. Все вместе взятое заставило искать новых путей в земледелии.

Консервативное правительство Болдуина пыталось путем субсидий и протекционных тарифов оживить сел.-хоз. Однако, правительство Болдуина на этом пути потерпело решительное поражение. В таких условиях либеральная партия попыталась отвоевать утерянный ею политический авторитет, объявив своим ударным программным пунктом национализацию земли. Декларации предшествовала многолетняя разработка проблем сел. хоз., для чего была выделена специальная аграрная комиссия. Обоснование аграрной программы либеральной партии сильно облегчилось в связи с опубликованием трех докладов специальных ученых комиссий о состоянии английского сельского хозяйства.[2]

Однако, очерк о состоянии сел. хоз. Англии является не главной частью либеральной аграрной программы. Нужны были убедительные доказательства не только ненужности, а и вредности существования лэнд-лордизма. Этот отдел аграрной программы либеральной партии нужно считать важнейшим после конструктивного. Сейчас мы остановимся на главнейших положениях критики существующей системы со стороны либеральной партии. Прежде всего программа нападает на трехстепенность существующей системы. Вот что по этому поводу говорит программа: „Система трех партнеров (лэнд-лорд, фермер и сел.-хоз. рабочий) в земледелии может быть защищаема постольку,

[1] A Policy for the Labour Party by Kamsay Macdonald Vage 77, 1928.
[2] Agricultural Tribunal of Investigation, Interim Report 1920, Second Report 1923, Final Report 1924.

поскольку из нее извлекается полностью выгода. Наша система никогда сознательно не копировалась нигде, и по поводу нее плачутся повсюду, где бы она ни возникала. Наши лэнд-лорды имели широкие возможности и использовали их безгранично в силу своего важного положения, при таких условиях система могла бы быть защищена своими собственными результатами. Но поскольку возникла недостаточность средств и исчезла обеспеченность и предприимчивость, постольку вместо прогресса явился лозунг осторожности и сдержанности. Система не может быть оставлена, препятствие, которое она доставляет прогрессу, полностью признается всеми, кто говорит с величайшим авторитетом. Система не вывела нас из напряжения сел.-хоз. депрессий. Война и что последовало за войной в огромной степени увеличили трудности. Революция была молчалива, но она все же должна быть реализована. Рабочие и земля пострадали от системы. Лэнд-лорды, будучи неспособными развить истинную ценность своих владений, стремятся развить ложные ценности, вплоть до понижения производительности, так как высокая ценность порождает низкую доходность сел. хоз. Деловая сторона не участвует в этом из-за отсутствия руководства. Мы не можем позволить делам итти и дальше по направлению к беспорядку и падению производительности. Новая политика должна быть намечена".[1]

„Неудача попытки консервативного правительства в 1925 г. собрать представителей трех интересов в сел. хоз., чтобы притти к общему соглашению относительно политики, показывает противоположность вовлеченных интересов и неэластичность покровительственных субсидий... Мы не верим, что какая-либо субсидия может быть допущена в сферу практической политики, или что покровительство сел.-хоз. производства может когда-либо получить согласие у населения, столь подавляюще городского, как это имеет место в Великобритании".[2]

Приведенный отрывок совершенно резонно указывает на недостатки правительственной деятельности консерваторов. Вполне понятно, что либералы хотели бы более радикальных действий для того, чтобы облегчить положение промышленности. Они сознают, что подавляющими интересами являются интересы промышленности и поэтому во имя промышленности доклад решительно обвиняет существующую систему сел. хоз. в семи смертных грехах. Система настолько обанкротилась, что ей никакие паллиативы не помогут. Крах консерваторов может быть объяснен причинами чисто объективного свойства. Прежде всего система покровительства принесла выгоду лэнд-лордам. Фермер и сел.-хоз. рабочий от этой политики или не выиграли, или выиграли очень мало. В то время, как городской потребитель от системы субсидий потерял весьма много. А так как субсидия не затрагивает

[1] The Land. Page 190; Manchestar Guardian Weekly, Friday October, 9, 1925.
[2] The Land. Page 191—2.

основного зла в сел. хоз., его системы, то вполне понятно, что субсидия не изменяла существа дела. И после субсидий сел. хоз. должно было остаться на той же низкой ступени производительности, на какой оно было до нее. В связи с этим комиссия либеральной партии вполне логично считает, что нельзя позволять хозяйственной жизни итти по тому же пути дальше, так как „множество диагнозов, поставленных на британское сел. хоз. в настоящее время, сходится с удивительным единодушием на одном. Все доктора держатся того мнения, что главное неустройство заключается в недостатке капитала". [1] А недостаток капитала является результатом существующей системы. Нет никакой гарантии, что выданные субсидии в большей части не пошли на непроизводительные расходы вроде расширения крокета, охоты и т. д.

„Положение в действительности очень просто. Главная защита лэнд-лордизма заключается в том, что он снабжает по очень низкому проценту капиталом. Если лэнд-лордизм в действительности перестает снабжать капиталом, в котором нуждается сел. хоз., то имеется ли какое-либо оправдание для существования лэнд-лорда в сел. хоз. Мы полагаем, что место лэнд-лорда в сел. хоз. не является привилегией, а полезностью. Право собственности на землю покоится не на чем ином, как на выполнении полезных функций. Отсюда следует, что если эта функция не выполняется теперь надлежащим образом, если государство вынуждено действовать вместо лэнд-лорда, то право земельной собственности должно быть пересмотрено". [2] (Разрядка произведена мной.—Г.).

„Очевидный повод для радикального реформирования держания земли возникает из того, что если это доказано, во-первых, сел. хоз. страдает от недостатка капитала, от недостатка руководства и от целой серии зол, как следствия недостатка капитала и руководства; во-вторых, что бы ни сделал лэнд-лордизм в прошлом, он не будет в состоянии в последующем снабжать соответствующим капиталом и успешным руководством сел. хоз.; в-третьих, что сел. хоз., если было бы соответственно снабжено капиталом и энергично руководимо, могло бы достигнуть более высокой продукции, могло бы поддержать большее население. Факты кажутся нам решительно подтверждающими все три положения".

„Аксиомой политического действия, которую комитет излагает, является то, что природа земли, поскольку она не используется для земледелия, такова, что абсолютная собственность на нее не может быть дарована или признана какой-либо нацией. Держание всякой порции земли должно быть основано на полном ее использовании для национальной выгоды, которая может считаться наилучшей".

„Принцип, который может быть назван „ограниченное владение", остается. Без этого сел. хоз. было бы невозможно. Принцип пожалования земли за службу нации остается. Без этого нация становится рабом земельной монополии. Поскольку собственность лэнд-лорда является формой службы нации и поскольку его права владеть землей покоятся на выполнении его функций, постольку владение землей арендатора является формой службы нации и постольку его право занимать землю покоится на надлежащем использовании земли". [1]

[1] The Land. Page 193.
[2] The Land. Page. 194.

В дальнейшем привлекается целый ряд юристов для выяснения юридической сущности земледелия. При этом оказывается, что „технически земля является не предметом абсолютной собственности, соответственно доктрине общественного права в Англии не имеется земель в руках, как предмета, но земля держится некоторыми лордами за какую-либо службу или за состояние". [2] Целый ряд юристов указывает также на своеобразие земельной собственности, на ее отличие от обычной собственности других предметов. Повидимому, этот пункт имеет большое принципиальное значение для либералов. Им важно отделить земельную собственность от собственности вообще, чтобы при уничтожении землевладения не получилось соблазнительной аналогии для собственности на фабрики и заводы. Поэтому Ллойд-Джордж, один из инициаторов программы, настойчиво в нескольких местах доклада подчеркивает различие в существе земельной собственности и собственности вообще.

Сделав такой реверанс в сторону земельной собственности, объяснив ее существование, как пережиток средневековья, либеральная буржуазия с откровенным цинизмом объявляет ее причиной всех социальных зол, переживаемых Англией. Причем трудно отказать в деловитости той аргументации, которую развивает доклад либеральной партии. Ведь, в самом деле, что может быть нелепее той надстройки, которую представляет из себя лэнд-лорд. Если еще можно было терпеть существующую систему в сел. хоз. во времена довольства, когда Англия шла по восходящей хозяйственного развития, то становится трудным переносить этот нарост в период экономической депрессии. Либеральная буржуазия показала полную готовность порвать с землевладельцами, выбросить их за борт потерпевшего аварию судна—капиталистического общества. Правда, эта решимость делается с опаской, свойственной всякому буржуа. [3]

[1] The Land. Page. 200.
[2] The Land. Page 277.
[3] В 50-е годы XIX столетия К. Маркс заметил следующее об отношении буржуа к системе лэнд-лордизма: „При предположении капиталистического способа производства капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним... Землевладелец столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет из себя бесполезный нарост. Поэтому радикальный буржуа, подбираясь бочком к уничтожению всех других налогов, теоретически приходит к отрицанию частной земельной собственности, которую он желал бы в форме государственности сделать собственностью класса буржуазии, капитала. На практике, однако, ему не хватает смелости, так как нападение на одну форму собственности—форму частной собственности на условия труда—было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам обзавелся „землей" (стр. 149. („Теории прибавочной ценности", К. Маркс, вып. 2-й, 1923 г.).

Общественное настроение Англии довольно решительно было за проект либеральной партии. Даже консервативный журнал „The Observer Sunday October“ 11, 1925 г. не был в состоянии полностью отвергнуть программу Ллойд-Джорджа. Возражая против принципов национализации, боясь больше всего за частную собственность, он мог только заметить: „Мы рекомендуем Ллойд-Джорджу две вещи—постепенность и градацию“.

Если вопрос свелся у консервативного критика лишь к степени, к темпу проведения аграрной реформы, то это обозначает беспомощность консерваторов с одной стороны и компромиссность либералов с другой стороны. Либералы, конечно, не против земельной собственности вообще, они даже и не против лэнд-лордизма. Они лишь против лэнд-лордизма на данной исторической ступени, при данных хозяйственных условиях. Так они и заявляют об этом в следующем отрывке: „Истина, кажется, заключается в том, что земельная система была практической, терпимой и успешной, когда лэнд-лорды имели деньги и охотно тратили их (на сел. хоз.), и когда фермеры естественно искали руководства и помощи у людей, лидерство которых они свободно признавали. Эта система стала нетерпимой, непрактичной теперь. Всякая попытка придумать другие средства выполнения того, что лэнд-лорд не выполняет больше, оставляя его позиции неизменными, разбивается о необходимость гарантии обществу, что рента не будет увеличена из-за какого либо эффекта. Там, где система лэнд-лорда и арендатора работает соответственно первоначальному плану, рента не является „нетрудовым доходом“, поскольку она пропорциональна капиталу, потраченному лэнд-лордом, и к выгоде арендатора. Но сумма ренты может быть повышена, как результат усилий, сделанных обществом, как целым, к выгоде фермеров. Эта сумма, конечно, была бы „нетрудовым доходом“ и отказ общества оставить ее лэнд-лорду не может быть противоречивым“. [1]

Следовательно, по докладу либералов, лэнд-лорд был полезной фигурой в производстве, но это было в давние исторические времена, а сейчас он является не только не полезной фигурой, но даже лицом, забирающим часть дохода, который получается в результате усилий общества. А так как лэнд-лорд, не будучи связан с производством, тратит получаемый доход непроизводительно, то с ростом общества доля, получаемая лэнд-лордом, увеличивается к ущербу всего общества.

В дальнейшем доклад лэнд-лордов перечисляет отдельные недостатки, вызываемые системой лэнд-лордизма. Благодаря произведенному огораживанию, а также и хозяйственному развитию Англии, в сел. хоз. произошел значительный процесс концентрации. В Англии имеются крупные состояния лэнд-лордов и очень небольшое число мелких собственников. С превращением крупных хозяйств в парки и леса для охоты, производительность сел. хоз. понизилась. Поэтому правильно

[1] The Land. Page 206.

замечает доклад либералов, что „имеется тесная причинная зависимость между безземельем и низким производством. Обладание землей не может, конечно, распространиться на всех, но число обладателей не должно падать значительно ниже точки, в которой максимальная плотность соединяется с максимальным производством“. [1]

Образовавшаяся система аренды, при наличии таких лэнд-лордов, не могла быть успешной. Неоднократно раздавались жалобы арендаторов, выражавшиеся в признании, что „способ быть популярным у лэнд-лордов состоит в том, чтобы быть плохим фермером“. [2] Иначе говоря, фермеру приходилось меньше тревожить лэнд-лорда, меньше требовать выполнения различных обязательств вроде починки домов, доставки некоторой части капитала и т. д. Если лэнд-лорд не особенно настроен платить на восстановление хозяйства ферм, то он очень охотно увеличивает земельную ренту, уменьшая нередко доходность арендатора. Отсюда вполне правомерны голоса о мерах „для предупреждения увеличения ренты лэнд-лордам“. [3] Это положение совершенно очевидное и его трудно избежать какими-либо паллиативами. От него страдают арендаторы, страдают сел.-хоз. рабочие и много теряет вся страна в целом.

„Это обдумывалось—заканчивает доклад—несколько раз. Время для действия пришло. Исследование фактов, которые этот доклад пытался изложить, связано не потому, что они новые, а потому, что они правильны, они должны убедить всякого, кто верит, что прогресс развивается усилиями, а не апатией, что нация должна порвать с ее настоящим положением сел. хоз.“.

[1] The Land. Page 201.
[2] The Land. Page 204.
[3] The Land. Page 231.

В. Позин

Хозяйство послевоенной Франции

(Окончание) [1]

III. Сельское хозяйство

Из всех стран, принимавших участие в мировой войне, Франция после войны претерпела наиболее глубокую хозяйственную эволюцию.

Короткий, но бурный экономический процесс, вызванный главным образом аннексией эльзас-лотарингского промышленного бассейна, привел к тому, что центр хозяйственной деятельности Франции переместился из аграрно-финансовой в промышленную область. Это глубокое перерождение самих основ экономической структуры страны вызвало к жизни длительный и, повидимому, неизлечимый кризис сельского хозяйства.

Основные признаки этого кризиса заключаются в следующем.

Падает численность сельско-хозяйственного населения. Этот процесс обезлюдения французской деревни был известен еще задолго до войны. О нем достаточно убедительно рассказывает целый ряд авторов. [2] Тяга крестьянской молодежи из деревень в города отмечается французской статистикой уже с 1846 года, когда впервые была произведена перепись сельского населения по департаментам. Распределение населения на городское и сельское с 1846 по 1921 год явствует из следующей таблицы.

Годы	Население	
	Городское	Сельское
1846	8.646.743	26.755.018
1872	11.284.899	24.868.022
1911	17.508.940	22.096.052
1921 (без Эльзас-Лотарингии)	17.380.420	201.19.349
1921 (включая Эльзас-Лотарингию)	18.205.492	21.004.026

Эта выразительная табличка ясно показывает, как, при почти стационарном населении страны, сельское население из года в год уменьшается абсолютно и как за его счет в абсолютных же цифрах

[1] Начало статьи в № 9 „Планов. Хозяйства“ за 1925 г.

[2] Из многих трудов, анализирующих затяжной кризис рабочих рук во французском сельском хозяйстве до войны, назовем Compère-Morel „Le socialisme et la question agraire en France“, 1913 г. (интересная попытка марксистского анализа положения сельского хозяйства); Augé-Laubé „L'évolution de la France agricole“, 1913 и Souchon „La criese de la main d'oeuvre agricole en France“, 1914. Из современных работ отметим прекрасный труд Augé Laubé „La paysan français après la guerre, 1924 (есть русский перевод Л. Дунаевского, вышедший в изд. Госуд. Издат-ва в 1925 г.); монографию Р. Гербера в сборнике „Очерки по аграрному вопросу“, Гамбург, 1924, немецкий перевод в изд. „Московский рабочий“, т. I, вып. III. М. 1924.

растет население городское. В процентном отношении падение сельского и рост городского населения за последние 45 лет выражены в следующей табличке.

Годы	Население	
	Городское	Сельское
1876 (Франция без Эльз.-Лотар.)	32,5	67,5
1881 „ „ „ „	34,8	65,2
1886 „ „ „ „	35,9	64,1
1891 „ „ „ „	37,4	62,6
1896 „ „ „ „	39,1	60,9
1901 „ „ „ „	40,9	59,1
1911 „ „ „ „	42,1	57,9
1921 „ „ „ „	46,3	53,7
1921 (включая Эльзас-Лотарингию)	46,4	53,6

Приведенные таблицы делят население Франции на 2 широкие основные группы: сельскую и городскую, не дифференцируя их в отношении профессионального состава. Если же мы присмотримся к движению населения по профессиям, то увидим, что число лиц, занятых во всех профессиях, кроме земледелия, относительно растет. Об этом говорит следующая таблица (профессиональный состав каждой 1000 человек „активного“ населения).

Годы	Земледелие	Промышленность	Торговля	Свободные профессии
1866	537	343	73	47
1881	530	315	108	47
1901	453	386	104	57
1911	442	388	106	64

Мы видим, как до войны регулярно уменьшалось число людей, регулярно занятых в земледелии. Послевоенной статистики населения по профессиям еще нет, но известно, что война нанесла деревне непоправимый удар, истребив физически около 1.200.000 крестьян в цветущем возрасте и разорив сотни тысяч вернувшихся с фронта.

Общую убыль самодеятельного крестьянского населения с 1914 года за отсутствием точных статистических данных определить трудно. Принято, однако, считать, что земледелие потеряло благодаря войне и тому перерождению народного хозяйства Франции, которое наметилось в послевоенные годы, около 2 миллионов людей. Приблизительный, но близкий к действительности, расчет этот строится следующим образом:

Из 7.935.000 мобилизованных убито за время войны 1.363.760 человек, из них на земледельческое население приходится 673.700 человек. Инвалидов, имеющих право на пенсию, насчитывается около 1.500.000 чел. Полагают, что на долю сельско-хозяйственного населения падает из этой цифры не менее 500.000 калек, не способных к труду. Кроме того, не менее 400—450.000 мужчин и женщин бросили деревню и ушли в города, разорившись во время войны и в первые послевоенные годы. Перепись населения указывает, что с 1911 по 1921 год французская деревня потеряла 1.973.000 своих обитателей.

Таково положение французского сельского хозяйства с точки зрения убыли рабочей силы. Правда, убыль эта отчасти пополняется организованной иммиграцией иностранной рабочей силы. Организация вербовочных агентств, занятых привлечением во Францию иностранных рабочих, началась еще и до войны. После войны правительство решило принять в этом отношении энергичные меры. Сейчас же, после заключения перемирия, при министерстве труда было образовано центральное иммиграционное бюро (Office central de la main d'oeuvre étrangère) и были заключены особые договоры об иммиграции с Италией, Чехословакией и Польшей. В сущности основу иностранной сельскохозяйственной рабочей силы во Франции составляют преимущественно польские и испанские рабочие, ибо чехословаки и итальянцы охотнее идут в промышленность, чем в сельское хозяйство. Вообще из всей массы иностранных рабочих, ввозимых во Францию центральным иммиграционным бюро, две трети направляются в промышленность (работы по восстановлению разрушенных областей, каменноугольные шахты, рудники, заводы) и лишь одна треть достается сельскому хозяйству.

По национальности иностранные рабочие распределяются в сельском хозяйстве следующим образом. [1]

Национальность	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Бельгийцы	15.213	20.737	13.293	8.305	10.935
Испанцы	41.442	27.266	41.851	28.980	8.227
Португальцы	—	996	—	9.462	7.491
Итальянцы	10.564	4.682	7.704	3.791	13.096
Поляки	1.893	2.241	9.077	23.226	14.783
Чехословаки	—	—	—	3.062	5.689
Других национальностей	—	—	1.051	1.293	3.314
Итого	69.112	55.922	72.976	78.119	63.535

Нужда сельского хозяйства в рабочих руках настолько велика, что иммиграция весьма неудовлетворительно решает эту проблему. Из 60—80.000 сельско-хозяйственных рабочих, ввозимых ежегодно во Францию, в стране остается весьма малая часть. Испанские рабочие приходят только на сезон сбора винограда, а затем уезжают домой; сезонный характер носит также и работа бельгийских рабочих, употребляемых преимущественно для работы на свекловичных плантациях.

Очень характерен отзыв Жоржа Туру (Georges Touroux), генерального секретаря иммиграционного бюро департамента Нор, содержащийся в его докладе национальному конгрессу поощрения рождаемости в 1923 году. [2] Туру, на основании своих долгих наблюдений, утверждает, что из каждых двух польских рабочих, завербованных для сельского хозяйства, во Франции остается лишь один, а из трех рабочих, оставшихся в стране, лишь один продолжает работать на земле; остальные уходят в промышленность. Таким образом, из каждых шести рабочих, ввезенных для нужд сельского хозяйства

[1] См. „Bulletin du Marché du Travail", март 1924 г.

[2] Цитирую по статье André Bouton—„Tentatives faites pour remédier à la crise agraire en France", „Economiste Européen", №№ от 20 и 27 марта 1925 г.

иммиграционными бюро, по истечении года лишь один остается на земле. К этому неутешительному выводу следует прибавить, что, по отзывам сельских хозяев, польские рабочие лишь с очень большим трудом акклиматизируются во Франции и, в общем, работают значительно хуже, чем у себя дома.

Заработная плата иностранного сельского рабочего крайне низка: от 150 до 200 франков в месяц; условия жизни на ферме—питание и жилище—очень незавидны. Этим и объясняется в первую очередь то, что безработные польские батраки, которых в иммиграцию толкает по-истине безысходная нужда, не могут ужиться во Франции и бегут на родину при первой же возможности. Деятельность иммиграционных бюро немало затрудняет еще и конкуренция иностранных вербовщиков; так французы жалуются на датчан, отбивающих у них польских батраков, которым датчане предлагают условия гораздо более выгодные, чем французы. Чехословаки идут еще более неохотно во Францию; большинство чехословацких батраков нарушают подписанные контракты и бегут из Франции через несколько дней после прибытия. Эксплоатация иностранных батраков настолько беззастенчива, что даже буржуазные польские газеты ведут кампанию против французских вербовочных бюро. Весьма консервативный французский экономический журнал, „L'Economiste Européen", затрагивая этот вопрос, пишет:

„Иностранный рабочий находит там (на французской ферме) слишком плохие гигиенические условия, плохой ночлег, слишком примитивную обстановку, недостаточную заработную плату и полное непонимание своих нужд. Это объясняется характером французского мелкого землевладельца".

Положение французского сельского хозяйства таково, что местная крестьянская молодежь бежит с земли, а иностранная иммиграция дает ничтожные результаты.

Обезлюдение деревни привело к естественным последствиям: к упадку интенсивности сельско-хозяйственного производства. Послевоенная статистика констатирует значительное уменьшение посевной площади под основными хлебами и увеличение за ее счет площади лугов и пастбищ. Об этом с очевидностью свидетельствуют цифры.

Площади посева в 1.000 гектаров

	1909/10	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Пшеница	6.540	4.703	5.094	5.382	5.290	5.526	5.511	5.570
Рожь	1.198	813	869	901	888	878	880	888
Ячмень	755	508	604	680	693	706	714	660
Овес	3.593	2.953	3.350	3.408	3.436	3.458	3.494	3.462
Итого	11.886	8.977	9.997	10.371	10.307	10.568	10.599	10.580

Мы видим из этой характерной таблицы, что со времени войны посевная площадь под основные хлеба уменьшилась в общем на 1.306.000 гектаров. Площадь пшеницы уменьшилась на 970.000 *га*, площадь ржи—на 310.000 гектаров, площадь ячменя на 95.000 гектаров и лишь площадь посева овса увеличилась на 59.000 гектаров. Для пшеницы уменьшение составляет 15%, для ржи свыше 25%, для ячменя—12,6%, для овса же увеличение составляет 1,7%.

Несмотря на то, что посевная площадь под пшеницу, рожь и ячмень показывает некоторую тенденцию к росту после войны, тем не менее темп роста крайне замедлен, и нет основания думать, что он в ближайшее время усилится.

Параллельно с этим статистика отмечает значительное увеличение площади под пастбищами и лугами. В 1913 г. под пастбищами было 10.077.000 *га*, а в 1922 году—11.103.000 *га*; в 1924 г., по данным, приводимым известным знатоком аграрных отношений во Франции, Пьером Казио, в 1924 году луговая площадь возрасла до 12.000.000 *га*. Тенденция превращения полей в пастбища проявляется с большой ясностью.

Несмотря на улучшившуюся за истекшие годы сельско-хозяйственную технику, на увеличение числа с.-х. машин, усиленное применение искусственных удобрений и проч., уменьшение посевной площади не могло не повлечь за собой и понижения сбора хлебов. В 1913 году пшеницы было собрано 86,9 милл. квинт., в 1923 г.—74,9 милл. квинт., а в 1924 г. при великолепном урожае—76.5 милл. квинт. Урожай 1925 г. еще не определен, но по сообщениям прессы, неблагоприятная погода настолько значительно испортила сбор хлебов, что предполагаемый урожай пшеницы даст не больше 60—62 милл. квинт. годного для употребления в пищу зерна, остальную часть—около 18 милл. квинт.—нужно рассматривать, как корм для скота.

Таковы наиболее явственные симптомы упадка, переживаемого сельским хозяйством Франции. Импортный хлеб из восточной Европы и из молодых заокеанских стран ставит деятельности французского земледельца неодолимые препятствия, и сельское хозяйство страны переходит от интенсивной хлебопашеской культуры к формам экстенсивным, но более соответствующим и тенденциям движения населения и новому хозяйственному строю Франции,—к скотоводству.

В самом деле, скотоводство, также еще не дошедшее до довоенного уровня, все же восстанавливается более быстрым темпом, чем землепашество.

Голов	Количество скота[1]		
	1913	1923	1024
Крупн. рогатого скота .	14.787.710	13.749.290	14.021 960
овец.	16.131.390	9.925.310	10.171,520
свиней	7.035.850	5.405.840	6.801.830
коз	1.435.970	1.352.630	1.376.510
мулов.	188.280	192.260	192.930
лошадей	3.222.080	2.847.970	2.859.400

[1] См. „Economiste Francais" от 29 августа 1925.

Из приведенной таблички явствует, что крупный рогатый скот восстановлен количественно почти до довоенной нормы. Близко к этой норме и количество свиней, коз и мулов. Несомненное уменьшение отмечается только в количестве голов овец и лошадей. Овцеводство во Франции развивается в настоящее время слабее, потому что овцеводы стремятся перенести свою деятельность в колонии, преимущественно в Сев. Африку, где условия для этого более благоприятны, а медленный рост количества лошадей следует объяснить тем, что, с развитием мотокультуры в сельском хозяйстве, потребность в рабочей лошади стала меньше.

При современной организации сельского хозяйства во Франции, при подавляющем преобладании мелкой земельной собственности, при существующем темпе индустриализации страны, отвлекающей живую рабочую силу из деревни, землепашество обречено на медленное, но неизбежное падение. Мелкий землевладелец не может бороться с конкуренцией дешевого иностранного хлеба, создающего крайне невыгодное для французского земледелия соотношение между ценами на продукты городской промышленности и сельского хозяйства. Следующая таблица, рисующая картину движения индексов оптовых цен на различные товары с июня по август 1925 г., с полной ясностью дает представление о „ножницах" во французском народном хозяйстве.

Пищевые продукты	ИНДЕКСЫ[1] Конец августа	Конец июля	Конец июня
Продукты растительн. происхождения	491	514	529
„ животного	480	480	448
Сахар, кофе, какао	513	498	477
Общий индекс пищевых продуктов .	490	497	486
Промышленное сырье и полуфабрикаты			
Минералы и металлы	577	562	550
Текстиль.	766	755	739
Различное промсырье.	601	597	577
Общий индекс промсырья.	639	631	614

Не вдаваясь в подробный анализ этой таблички, анализ, который вывел бы нас из рамок настоящей главы, укажем здесь, что общий индекс пищевых продуктов стоит ниже индекса промсырья в общем на 128—149 пунктов. Эта разница убедительнее всего показывает крестьянину относительную невыгодность сельского хозяйства и является главной причиной бегства крестьянской молодежи в города.

IV. Финансовое положение

Центральной проблемой французского народного хозяйства являются со времени войны государственные финансы. После войны главной

[1] За 100 приняты средние цены 1913 г. Цифры составлены Statistique Gènerale de la France (цитируем по газете „Temps" от 12 сентября 1925 г.).

задачей французского правительства стало восстановление разрушенных оккупационными войсками областей. Огромные суммы, которые на это понадобились—130 млрд бумажных франков до 1925 года—правительство не могло получить иначе, как путем внутренних займов. От этих займов и ведет свое действительное начало денежная инфляция, мало-по-малу снизившая реальную стоимость французского франка почти в шесть раз против золотого паритета.

Техническим аппаратом, проведшим этот сложный и мучительный для экономики страны процесс, является Trésor public—государственное казначейство. В государственное казначейство притекают все налоги, взамен этого казначейство финансирует все государственные нужды. Так как поступление налогов происходит обыкновенно в медленном темпе, то казначейство выпускает краткосрочные обязательства (боны), которые идут на покрытие текущих расходов государства и выкупаются по мере поступления в казначейскую кассу различных доходов. При нормальном бюджете доходы и расходы государства балансируются. Но после войны на казначейство легла непосильная задача—финансированне работ по восстановлению разрушенных областей. Версальский договор перенес все расходы по этой графе на побежденную Германию, которая, как известно, не выполнила этого навязанного ей обязательства. Таким образом, Франции пришлось авансировать огромные суммы на восстановительные работы, легшие тяжким бременем на ее бюджет. Для этой цели казначейство выпустило особые „боны национальной обороны", которые, благодаря высокому проценту доходности, краткосрочности и тому, что они освобождены от всяческих обложений, легко были приняты широкими кругами держателей и в настоящее время выпущены в количестве свыше 60 млрд франков. Одновременно с бонами национальной обороны, казначейство выпускает и другие краткосрочные обязательства; кроме того Crédit National, ставший в послевоенные годы фактически филиальным отделением казначейства, также выпускает краткосрочные облигации. Все это вместе с огромным внешним долгом создало колоссальную задолженность Франции, представление о размерах которой дает следующая таблица (в миллионах франков).

Внутренние долги:	1924	1923	1922
1) долгосрочные и „вечные долги" (ренты, облигации гос. жел. дорог, облигации Crédit National, различн. долгосрочные обязательства)	149.395	143.775	145.042
2) Краткосрочные долги (боны казначейства, обязательства Crédit National и пр.)	37.174	39.975	15.836
3) Текущий долг (боны национальной обороны, различные обязательства казначейства)	67.281	63.658	65.606
4) Задолженность по авансам Banque de France	23.000	23.300	23.600
Итого	276.850	270.708	250.084

Кроме внутреннего долга над страной тяготеет еще и внешний долг в размере 36 миллиардов золотых франков или, по современному курсу—144 миллиарда бумажных франков.

Мы видим, каким быстрым темпом растет внутренняя задолженность Франции. С 1922 по 1924 год внутренний долг увеличился на 25 с лишним миллиардов. Прогрессивный рост внутренней задолженности неизбежен при современном положении вопроса о репарациях и впредь, ибо в течение 1925 и 1926 гг. правительство обязано затратить по смете на восстановление разрушенных неприятелем областей не менее 20 миллиардов франков. Кроме этого, в течение этих двух лет казначейству предстоит погасить не менее 23 миллиардов краткосрочных обязательств и свыше 7 миллиардов иностранных коммерческих долгов (Японии, Великобритании, Аргентине и Уругваю). Т. е. к концу 1926 года, при непременном условии, что налоговые поступления будут не ниже сметных предположений и что Германия будет полностью оплачивать золотом и натурой в течение этого времени все обязательства, возложенные на нее планом Дауэса,—казначейство должно реализовать новых 50 миллиардов. Эту фантастическую цифру оно может получить не иначе, как путем новых явных или скрытых эмиссий.

Задача финансовой политики Франции состоит главным образом в том, чтобы покрывать уплату процентов по займам и производить регулярное их погашение из ординарных доходов государства, т. е. путем налогов. Вопрос о построении бездефицитного бюджета стал таким образом основной политической проблемой в стране. Нужно признать, что в этом смысле Франция сделала за последнее время очень много.

В первые послевоенные годы дефицит государственного бюджета был огромен. В 1920 г. он составлял 15,9 млрд. фр., в 1921 г.—14 млрд. фр., в 1922 г.—11,1 млрд. фр., в 1923 г.—10,2 млрд. фр., в 1924 г.—3,5 млрд. фр., бюджет текущего года будет формально совершенно уравновешен, а на 1926 год министр финансов Кайо обещает сверх равновесия еще и небольшой избыток. Это приближение бюджета к равновесию достигалось главным образом упорным нажимом на налогоплательщика и, отчасти, весьма запоздалой экономией в расходах на восстановление разрушенных областей.

Налоговый пресс работает в современной Франции по необходимости интенсивнее, чем до войны, но все же его давление нельзя назвать чрезмерным. В самом деле, в 1913 году сумма налогов, приходившихся на душу населения, определялась в 104 зол. франка, а в 1924 году—637 бумажных франков; принимая во внимание обесценение франка в 4 раза, это дает повышение среднего душевого обложения на 55%, т. е. приблизительно на коэффициент вздорожания жизни.

Бывший германский министр, д-р. Готейн, произвел любопытный подсчет, доказывающий, что французский налогоплательщик платит

подоходный налог в значительно меньших размерах, чем германский. Подтверждением этому служит следующая интересная таблица, которую мы приведем здесь целиком. [1]

В Германии первой облагаемой ступенью является доход в 500 марок,—во Франции в 1.500 марок.

При	2.000	мар.	дохода	немец	платит	7%,	француз—	2%
„	6.000	„	„	„	„	4%	„	3%
„	10.000	„	„	„	„	11%	„	4%
„	24.000	„	„	„	„	15%	„	6%
„	50.000	„	„	„	„	20,4%	„	11%
„	100.000	„	„	„	„	25,3%	„	21%
„	200.000	„	„	„	„	30,5%	„	31%
„	300.000	„	„	„	„	33⅓%	„	41%

Таким образом, французский налогоплательщик во всех случаях, кроме случаев исключительно высокого годового дохода, превышающего 200.000 марок, находится в гораздо более благоприятном положении, чем германский. Кроме того, во Франции финансово-налоговая инспекция крайне слаба и, таким образом, крупные налогоплательщики весьма легко ускользают от закономерного обложения, имея полную возможность скрыть значительную часть доходов, в то время как в Германии оценка доходов ведется с гораздо большей тщательностью и строгостью, чем во Франции. В результате этого поступления от подоходного налога в Германии за 1924 год дали около 2.400 миллионов марок, в то время как во Франции по бюджетной смете 1925 года подоходный налог должен был дать всего 1.350 миллионов марок. Разница в обложении тем более разительная, что национальное имущество Германии, по оценке экспертов Нью-Йоркского National City Bank, уменьшилось с 77,78 миллиардов долларов в 1912 году до 35,7 миллиардов долларов в 1922 г., а национальное имущество Франции возросло за тот же период (благодаря аннексии Эльзас-Лотарингии) с 57 до 67,7 миллиардов долларов.

Нам думается, что этих данных достаточно для оценки относительной интенсивности налогового обложения обеих сравниваемых стран, и мы можем отказаться от сравнения других видов прямого обложения, приводимого цитированным нами автором.

Перейдем теперь к краткому рассмотрению конструкции послевоенного бюджета Франции. Государственные доходы составлены из следующих основных статей: прямые налоги, косвенные налоги, доходы от государственных домэнов и предприятий и, наконец, чрезвычайные доходы. Движение этих статей в бюджете с 1922 по 1925 год дает следующую картину (в миллионах франков).

[1] См. статью д-ра Готейна: „Das Französische Finanzproblem“ в „Industrie und Handelszeitung“ от 7/IV 25. Налоги исчислены в золотых германских марках как для Германии, так и для Франции.

Актив франц. бюджета:	1922	1923	1924	1925	Увеличение с 1922 по 1925 в %%
Прямые налоги	3.130	4.143	5.607	6.172	91
Косв. налоги и доходы от гос. домэнов	14.118	16.059	20.028	22.223	57,4
Чрезвычайные доходы	2.602	1.975	1.740	3.469	33,3
Итого	19.850	22.177	27.575	31.864	60,5

Если вглядимся в эти цифры, мы заметим, что больше всего возросла за 4 последних года графа прямых налогов, но и возросши почти вдвое, она составляет менее ⅕ всего бюджета. Главной осью бюджета являются косвенные налоги, преимущественно на предметы продовольствия и широкого потребления, спичечная монополия и др., т. е. налоги, ложащиеся особенно тяжелым бременем на плечи трудовых слоев населения.

Эта система уравновешения бюджета путем увеличения косвенных налогов была основной причиной всех политических кризисов послевоенного периода. Рабочий класс и мелкое крестьянство требовали установления налогов на крупный капитал и на прибыль „новых богачей“, т. е. людей, разбогатевших на войне. Эррио, сменивший Пуанкарэ благодаря широковещательной программе „демократических“ и „радикальных“ финансовых реформ, оказавшись у власти, встретил такую яростную оппозицию объединенной торговой, финансовой и промышленной буржуазии, такую явную угрозу бегства французских капиталов за границу, что вынужден был уйти от власти, даже не попытавшись осуществить ни одного пункта своей программы. Его преемник Пенлеве понял тщету половинчатых мероприятий, увидел, что он лишь тогда может удержаться у власти и прекратить длительный правительственный кризис, если откажется от всякой мысли об обложении капитала и открыто протянет руку национальному блоку. Решительным шагом к этому явилась программа Кайо, министра финансов нового кабинета. Его проект бюджета 1925 года был принят в Палате голосами всех правых партий против голосов социалистов, коммунистов и некоторой части радикал-социалистов. Это голосование окончательно убило левый блок, вскрыв до конца истинную сущность радикальной партии, верной хранительницы интересов банковского капитала и колониальной экспансии.

Бюджет 1925 г. приведен к равновесию, после того как Кайо, увеличив на 565 милл. фр. прямые налоги, поднял сумму косвенных налогов на 2200 миллионов франков. Платежи по внутренним долгам составляют 55% расходной части бюджета, или 18,5 миллиарда франков (в бюджете 1913 г. эта графа составляла 25%). Но и этим не разрешается вопрос об урегулировании внутренней задолженности. Положение казначейства остается трагичным, ибо в текущем году ему предстоит погасить около половины краткосрочных обязательств, на что казначейству нужно почти в один срок не менее 14 миллиардов

франков. Чтобы помочь казначейству, Кайо вынужден был, подобно всем своим предшественникам, прибегнуть к выпуску новых 6 миллиардов бумажных франков, доведя количество обращающихся бумажных денег до 51 миллиарда.

Но, помимо этих мероприятий, направленных к удержанию шаткого бюджетного равновесия, Кайо наметил более широкую программу мер, долженствующих предохранить казначейство на будущее от повторения кризисов, подобных теперешнему.

Первым шагом в этом направлении является крупный внутренний долгосрочный заем, целью которого является консультация большей части огромного текущего долга, дезорганизующего государственные финансы страны. Заем этот задуман на весьма оригинальных для Франции началах. Впервые после войны французское правительство осмелилось оффициально признать разницу между золотым и бумажным франком и предложить французскому держателю премию, в случае нового падения курса бумажного франка. Облигации нового займа, стоимостью в 100 франков, приносят держателю 4% годовых при курсе фунта стерлингов в 95 франков. Если фунт подымется до уровня 100 франков, то процент автоматически повышается до 4,2%, при курсе фунта в 110 франков—до 4,6%, при курсе в 120 фр.— до 5,05%. Если же фунт упадет ниже 95 фр., процент не опускается ниже 4, облигации займа освобождаются от всяких налогов.[1]

Несмотря на эти заманчивые для держателя условия и на усиленную кампанию в прессе, заем, повидимому, не оправдывает возлагающихся на него надежд, ибо закрытие подписки на него, объявленное на 5-е сентября, отсрочено до 30-го сентября.

Осень и зима несут с собой много затруднений для правительства. 25-го сентября казначейство должно было погасить на 8 миллиардов фр. выходящих в тираж краткосрочных облигаций. Эта операция была проведена лишь при крайнем напряжении всех средств казначейства и при полном исчерпании авансов французского банка (предельная сумма которых фиксирована законом в 32 миллиарда франков). В декабре же этого года предстоит новое погашение краткосрочных облигаций на 10 миллиардов франков; здесь правительству придется, несомненно, перейти пределы аванса французского банка и произвести новой выпуск банкнот, что снова поставит под удар едва стабилизировавшийся курс франка.

Вопрос о дальнейшей судьбе франка является для Франции основным экономическим и политическим вопросом. Несмотря на огромные услуги, которые падающий франк оказал и оказывает экспортной промышленности и финансирующим ее банкам, несмотря на то, что лишь он один служил базой, на которой было построено все эфемерное здание внешней и внутренней политики национального

[1] Подробное изложение условий займа в оффициальном заявлении министерства финансов, напеч. в финансовом приложении к „Temps“ от 15 сентября.

блока (напр., вооружение и финансирование малой Антанты), несмотря, наконец, на то, что только невероятная эластичность инфляционный валюты дает возможность Пенлеве финансировать разорительные войны в Марокко и в Сирии и продолжать политику сухопутных и морских вооружений,—несмотря на все эти благодеяния, прямых защитников продолжения инфляционного хозяйства сейчас во Франции нет. Ни одно правительство не может открыто признать, что оно намерено продолжать дальше политику беззастенчивой экспроприации мелкой и средней буржуазии.

Но ни одно правительство не может решиться сейчас и на радикальную стабилизаию франка, ибо та же мелкая и средняя буржуазия вместе с представителями крупного банкового капитала еще больше боится немедленных последствий стабилизационного кризиса — дороговизны, резкого падения экспорта, безработицы и неизбежного обострения классовой борьбы, то есть всего того, что произошло и еще происходит в Германии, Австрии, Латвии и других странах, переживающих еще судороги ликвидации инфляционного периода. Кроме того, процесс падающей валюты еще не полностью использован государством, вернее, правящими классами Франции, которые стремятся использовать этот страх перед стабилизацией для того, чтобы на средства, экспроприруемые от мелкой городской и сельской буржуазии и у пролетариата, довершить процесс восстановления промышленности разрушенных провинций, довести до конца дело покорения Марокко и Сирии и по возможности обесценить общую массу внутреннего долга, связывающего дальнейшее капиталистическое развитие страны.

Приблизительно этой точки зрения, разумеется, в менее откровенной формулировке, держится по вопросу о возврате к золотому курсу франка и вся так называемая „ответственная“ пресса Франции. Тот же взгляд выказывает и недавно появившийся труд известного знатока финансов, парижского профессора Жермена Мартэна — „les Finances publiques de la France et la Fortune privée (1914—1925)“, который полагает, что стабилизация франка еще далеко не современна и что она будет возможна лишь тогда, когда „окончательно стабилизируется хозяйственное и финансовое положение Франции“. Пока же этого нет, Ж. Мартэн настаивает на том, что „франк равен франку“, что никакого обесценения франка нет, а есть лишь дороговизна товаров и ненормально высокий курс иностранных девизов. Поэтому, для Ж. Мартэна, как и для всякого французского обывателя, ясно, что все попытки ввести в финансовые расчеты понятие золотого франка означают оффициальное признание банкротства валюты, признание того, что старый франк выбыл из строя. Совершенно логично в таком аспекте то, что почтенный парижский профессор решительно выступает против проектов введения золотого исчисления таможенных ставок.[1]

[1] „Introduire le France-or dans les droit de douanes, c'est accepter la déchéance du franc, en admettant une dualitè de compté“ g. Martin, цитир. соч., стр. 87.

Положение французских финансов кажется на первый взгляд безысходным. Последовательное продолжение инфляции вызывает и сейчас уже весьма резкие протесты экспроприируемых избирателей и, следовательно, грозит привести к нежелательным политическим последствиям, что уже отчасти доказали выборы 14-го мая 1924 г., показавшие явный рост левых настроений рабочего класса, мелкой городской буржуазии и крестьянства. С другой стороны, установление устойчивой валюты, путем ли девальвации франка или путем его абсолютной стабилизации, сразу поставит предел дальнейшему расширению экспортной промышленности, урежет сверхприбыли крупного промышленного и банковского капитала, укоротит крылья экспансионистской политике, затруднит колониальные авантюры и, что самое страшное, может вызвать безработицу со всеми ее политическими опасностями. Что же делать?

Если-бы на майских выборах прошлого года победил не бесформенный левый блок, а партии, у которых хватило-бы демократизма хотя бы на проведение в жизнь обещаний, фигурировавших в их же избирательных программах и воззваниях, то вопрос о судьбе валюты и государственных финансов получил бы ясное и вполне выполнимое в рамках капиталистического хозяйства разрешение, а Франция уже теперь имела бы золотую валюту и уравновешенный государственный бюджет. Но эта реформа была бы проведена за счет крупного капитала. Первый крупный консолидационный золотой заем был бы разрешен в принудительном порядке между промышленными, торговыми и банковскими предприятиями; в дальнейшем крупному капиталу пришлось бы волей-неволей брать на себя заботу о поддержании бюджетного равновесия, ибо значительная часть налогового бремени была бы переброшена на его плечи. Но для такого решения финансовой (и всей народнохозяйственной) проблемы во Франции нет должных политических сил.

Революционный пролетариат не находит себе еще прочного союзника в крестьянстве и мелкой городской буржуазии, которые в лучшем случае идут за социалистами и за радикальными политиками типа Эррио и Пенлеве, которые сейчас же по окончании выборов положили под сукно свои широковещательные программы, и принялись пугать избирателей призраком стабилизационного кризиса и прекращения той дутой инфляционной конъюнктуры, в которой обыватель видит высший расцвет хозяйства страны.

Правительство прилагает все меры к тому, чтобы сделать процесс обеспечения франка как можно менее заметным. Действительно, уже более года, как падение франка замедлилось настолько, что временами наступало подобие стабилизации и одновременно с этим замедлялся и почти приостанавливался до того непрерывный рост экспорта. В промышленной конъюнктуре наступали заминки, переходившие моментами во временную депрессию, пока следующий сдвиг франка не давал нового толчка.

С другой стороны, в стране начинает все больше ощущаться стремление к „двойному счету“ — на золото и бумажные франки. Фикция, что „франк равен франку“, повидимому, теряет почву под ногами. Весьма знаменательны уже упомянутые нами условия последнего консолидационного займа, где держатель новых облигаций компенсируется за потерю на курсе франка (относительно к английскому фунту) повышением процентной ставки. Это оффициальное признание золотого курса в отличие от бумажного является первым заметным шагом по пути к ликвидации бумажного франка.

Консолидационный заем, облигации которого в действительности исчислены в золотых фунтах, весьма напоминает известный германский внутренний заем 1923 г., исчисленный в долларах (т. н. Dollarschatzanleihe), послуживший преддверием к уничтожению старой германской имперской марки и замены ее переходной валютой (рентной маркой), курс которой был приравнен к стандарту доллара.

Конечно, сейчас еще весьма преждевременно говорить о скором конце бумажного франка. Политические группы, заинтересованные в его поддержке, еще слишком сильны, чтобы сдать свои позиции без упорной борьбы. Косность, нерешительность, дезорганизованность т. н. демократии и ее суеверный страх перед последствиями девальвации, представляют собой еще далеко неисчерпанную арену для дальнейшей маневрировки франком; еще не окончательно исчерпана возможность еще более стимулировать экспорт, еще не окончательно обесценены обязательства государства по внутренним займам, еще не вполне иссякла наивная мужицкая вера, что жизнь „подешевеет“ и что франк обретет когда нибудь снова свою полновесную довоенную покупательную силу.

Экономический консерватизм масс еще не сломлен и, значит, не вполне иссякли еще возможности для его дальнейшей эксплоатации в интересах правящих классов, но уже теперь есть признаки, что переломный момент наступает. Затяжной финансовый кризис страны медленно приближается к своей неизбежной развязке: девальвации и переходу к золотой валюте, со всеми неизбежными их экономическими последствиями.

* * *

P. S. Статья эта была закончена, когда во Франции произошли события, приведшие к отставке Кайо и к полному крушению всех ближайших финансовых планов радикального правительства. События эти в высшей степени характерны для переживаемой Францией эпохи, и мы считаем нужным дать в дополнение и к уяснению общей картины финансового хозяйства страны краткое изложение и анализ новых фактов, с такой очевидностью обрисовавших тщетность попыток Кайо добиться бездефицитного бюджета и относительной стабилизации франка, не прибегая к налогу на капитал.

Кайо рассчитывал на два фактора, которые должны были помочь ему выиграть время для проведения в жизнь сложной программы финансового оздоровления страны: на внутренний стабилизационный заем и на снижение платежей по внешним военным займам. Обе эти надежды рухнули почти одновременно.

Внутренний „валютный" заем, механизм которого описан в главе IV настоящего очерка, дал вместо ожидавшихся 40—50 миллиардов всего 6 миллиардов франков. Причина этой катастрофической для правительства неудачи кроется, по объяснению финансовой прессы, в том, что подписка была объявлена в сентябре, когда крестьяне заняты полевыми работами; кроме того, газеты указывают, что сложность и непривычность метода расчета доходности облигаций (по движению курса фунтов стерлингов) сильно повредила успеху займа. Так или иначе, приток свежих средств в кассу государственного казначейства оказался настолько ничтожным, что для погашения ближайших казначейских нужд (10 миллиардов франков в декабре 1925 г.) правительство вынуждено снова прибегнуть к выпуску бумажных денег свыше установленного максимума. Неизбежность новой инфляции была первым резким ударом по почти стабилизировавшемуся было франку.

Вторым еще более сильным ударом была неудача переговоров Кайо в Вашингтоне. От исхода этих переговоров зависел весь вопрос о внешних долгах Франции и, следовательно, вопрос о поддержке Нью-Йорком и Лондоном французского франка. Франция должна Америке около 4 миллиардов долларов и Англии—около 620 миллионов фунтов стерлингов. Известно, что военных долгов Франция не платит, равно как не платит и процентов по ним. Французские эксперты все время безуспешно уговаривают своих английских и американских кредиторов в необходимости снизить сумму долга до пределов платежеспособности Франции. Французская буржуазная печать всех оттенков возлагала на переговоры в Вашингтоне весьма большие надежды, но американцы оказались весьма мало сговорчивыми. Они увазывали, что платежеспособность Франции значительно выше, чем это хотят представить французские эксперты. В доказательство этого New York Trust Company составила следующую интересную табличку относительной тяжести обложения в различных странах Антанты (в долларах): [1]

	Налог на 1 жителя	Национальн. доход на 1 голову населения	% дохода, поглощаемого налогами
Великобритания. . . .	86.94	374.74	23.2
Франция.	39.07	186.98	20.9
Италия.	19.04	99.17	19.2
Бельгия	24.83	146.06	17.0
Соед. Штаты	69.72	606.26	11.5

[1] Цитирую по „Information financiére" от 26 сентября, статья „La capacité de paiement de la France".

Из этой таблички явствует, что француз платит меньше, чем англичанин и что, следовательно, по мнению американцев, есть полная возможность для французского правительства нажать сильнее на налоговый пресс, достать несколько десятков новых миллионов долларов. Американцы соглашались на установление нового пятилетнего моратория (до 1930 года), во время которого Франция, не погашая основного долга, должна была бы платить лишь 1% со всей его суммы. По смыслу предложения, на этих же основах Франции предоставлялось договориться и с английскими кредиторами. Практически это означало, что Франции пришлось бы платить ежегодно до 1930 г. 40 миллионов долларов (около 850 миллионов бумажных франков) Америке и 6,2 миллиона фунтов стерлингов (свыше 650 миллионов франков) Англии. Такое решение вопроса отнюдь не устраивало министерство финансов, и без того не умеющее связать концы расползающегося бюджета, и Кайо, после бесплодной торговли, подписал в Вашингтоне „условное" согласие, подлежащее окончательной ратификации Кабинета.

Эта неудача окончательно подорвала еще недавно крупный престиж Кайо в глазах биржи. Франк начал стремительно падать. Этому способствовал и ряд других, побочных обстоятельств. Известно, что осенью прекращается поток иностранных туристов, а с ними и приток иностранной валюты в банки и меняльные кассы больших городов Франции. Кроме того, с конца сентября начинается в крупных размерах импорт иностранного продовольствия и промышленного сырья (для зимней промышленной кампании). Несмотря на отчаянную интервенцию правительства, бросающего на рынок значительные массы иностранной валюты, падение франка стало неудержимым, и фунт стерлингов, котировавшийся в Париже 26 сентября по 102.35 фр., поднялся к 3 октября до 104.70, 12-го—до 106, 19-го—до 110 и 23 октября—до 116. Те же прыжки вверх проделали и другие валюты. Попытки националистической прессы объяснить эту биржевую истерику спекуляцией иностранных, в частности, английских банков, играющих якобы на понижение франка, оказались явно несостоятельны, ибо, как отмечают биржевые отчеты, импульс к падению франка дается парижской биржей. Так, 23 октября фунт стерлингов котировался в Лондоне по 115 фр., а в Париже 116.

В общем падение франка происходило в октябре лишь в предвидении новой инфляции, ибо правительство в течение всего месяца не выпустило ни одного нового франка из под печатного станка. Таким образом, биржевой кризис, приведший к кризису Кабинета, является, в сущности, вотумом недоверия ко всей политике правительства со стороны магнатов финансового капитала. Помимо всех финансовых тягот, колониальная политика этого правительства взвалила на плечи страны новые чудовищные военные расходы. По подсчетам „Frankfurter Zeitung" (16/x 1925) военные операции на обоих фронтах обходятся от 200 до 250 миллионов золотых фран-

ков каждые 3 месяца, что в сумме дает около миллиарда золотых франков (или около 5 миллиардов бумажных франков) в год!

Кроме этого, плохая организация налогового аппарата и поблажки, которые правительство делает крупным налогоплательщикам, привели к тому, что за первые 3 квартала 1925 года отмечается очень большой недобор налогов по сравнению со сметными предположениями министерства финансов. Так по бюджетной смете за 1925 год за первые 8 месяцев года правительство предполагало собрать 22092 миллионов франков, в то время как в кассу поступило за этот срок всего лишь 17900 миллионов франков. Сохранить в таких условиях бюджетное равновесие крайне мудрено, и есть все основания предполагать, что бюджет даст в текущем году не активное сальдо, как предполагал Кайо, а дефицит по меньшей мере в 5 миллиардов франков.

Выход из создавшегося положения намечается для буржуазной Франции лишь один: стабилизация франка; а это в свою очередь требует: прекращения политики военных авантюр, обложения капитала, консолидации внутреннего долга и в завершение реформы—девальвации франка.

А. Больгар

Проблема резины в мировом хозяйстве и мировой политике

I

В конце мая 1925 года Департаментом Торговли Соединенных Штатов опубликован доклад о положении резиновой промышленности на мировом рынке. Важнейшие положения этого доклада сводятся к тому, что: а) американский импорт резинового сырья, который в 1924 календарном году составлял 185 миллионов долларов, в 1925 г., по всей вероятности, достигнет 400 миллионов, причем, по крайней мере, часть этого повышения официально приписывается британской ограничительной политике производства; б) движение цен, которое также в значительной мере должно быть связано с этой политикой, дошло до того, что фунт резинового сырья, стоивший в продолжении 1924 года 17 центов, в январе 1925 года достиг почти 46 центов и ко времени опубликования доклада поднялся до 60—70 центов; в) одновременно заметно уменьшаются наличные запасы мирового рынка, так что по предсказанию Hoover'a на 1928—1930 год придется считаться с чувствительным недостатком резины.

Соединенные Штаты, в особенности три отрасли их промышленности: нефтяная, автомобильная и резиновая сугубо заинтересованы в резиновом сырье, так как они одни потребляют свыше 70% общей мировой продукции его.

Доклад отмечает далее, что 69% резиновых плантаций находятся в руках англичан, из которых, правда, 29% расположены в голландских владениях, но и в них вложен значительный английский капитал.

В связи с тем, что незадолго до этого британский посол в Вашингтоне поднял вопрос о том, как собственно Соединенные Штаты могут ожидать, чтобы Англия уплатила Америке свои долги, когда импорт английских товаров в Америку, благодаря запретительной системе торговли последней значительно затруднен, в упомянутом сообщении отмечалось, что одних чрезвычайных доходов Великобритании от Остиндских резиновых плантаций было бы достаточно, чтобы уплатить Соединенным Штатам военные долги Великобритании.

Во время дебатов, последовавших в английской и американской прессе по этому докладу, выявилось много замечательных моментов этой проблемы, как с хозяйственной, так и с политической стороны, на которых стоит остановиться.

Прежде всего обращает на себя внимание проблема цен, с которой начались дебаты. Наглядно она может быть изображена в следующих, собранных американской резиновой промышленностью статистических данных:

Средняя годовая цена за фунт резинового сырья в Нью-Йорке равнялась:

В 1912	году	1,20 дол.
„ 1913	„	0,48 „
„ 1914	„	0,74 „
„ 1915	„	0,66 „
„ 1916	„	0,80 „
„ 1917	„	0,74 „
„ 1918	„	0,64 „
„ 1919	„	0,49 „
„ 1920	„	0,36 „
„ 1921	„	0,17 „
„ 1922	„	0,19 „
„ 1923	„	0,28 „
„ 1924	„	0,26¼ „

С мая этого года цены на резиновое сырье поднимались изо дня в день и, когда в начале июля цена в Америке поднялась на один доллар за фунт, положение с этим важным видом сырья, как писали газеты, стало „делом национального интереса".

При исследовании этого движения цен сходились на том, что оно объясняется, главным образом, тремя мотивами: 1) недостатком сырья, вызванным британской производственной политикой и ее монополистскими тенденциями, 2) повысившимся потреблением и 3) спекуляцией.

Когда в 1921/22 гг. цена на резину на мировом рынке значительно пала, в английском парламенте в октябре 1922 г. был принят так называемый Стефенсоновский ограничительный план (называемый так по имени С. Джемса Стефенсона, председателя Комиссии, которую Черчилль, тогдашний статс-секретарь колоний, образовал для выработки законопроекта по этому вопросу). Закон имел целью ограничение добычи резины и, как следствие из этого, более высокую ценность ее продуктов. Ограничительный закон, который распространялся на британские резиновые плантации, вступил в силу с 1 ноября 1922 года и облагал вывоз пошлинами, которые должны были уплачиваться экспортерами по следующим ставкам. Вместо пошлин, существовавших до сих пор, была установлена минимальная вывозная пошлина в 1 пенни за каждый английский фунт, причем эта наименьшая ставка действовала тогда, когда экспорт составлял не более 60 процентов стандартного количества. За стандарт была принята производительность отдельных предприятий за время с 1 ноября 1919 г. до 30 октября 1920 года. При 65%-м экспорте пошлина равнялась 4 пенсам и возростала с каждыми 5%-ми на один пенни, так что при экспорте всех 100% пошлина равнялась 1 шиллингу (Ср. статью „Die Gummi-Hausse" в „Франкфуртской Газете" от 28 июля).

Что касается обстоятельств, вызвавших это мероприятие, то англичане говорят, что оно является результатом американских махинаций. Особенно упрекают американских коммерсантов в том, что они делали большие усилия, чтобы задушить английскую резиновую промышленность и затем диктовать свои собственные условия по снабжению рынка и, главным образом, относительно цен, и что им почти удалось привести английскую промышленность к банкротству и разорению. Их тактика состояла в пассивном сопротивлении, т. е. в систематическом воздержании от покупок сверх самого необходимого количества, чем они автоматически создавали скопление непроданных запасов, которые 31/XII 1922 года в одном только Лондоне составляли более 72.000 тонн. Последствием было уже отмеченное падение цен, которое причинило производителям большой ущерб, после чего американские фабриканты считали, что британская резиновая промышленность ими побеждена. Таково, по британским сообщениям, было положение дел, с которыми столкнулся Стефенсоновский комитет и которое он пытался разрешить.

О влиянии этого мероприятия на рынок в английской печати сообщают (ср. брошюру Юлия Е. Дау „Is a Rubbr boom Coming? S. 3), что так называемая полная стандартная продукция на Цейлоне и британской Малаке в продолжение года действия ограничительного плана составляла—335.000, второго года—308.000, а вместе 643.000 тонн. Общий же вывоз из этих областей за эти два года равнялся только 432.000 тонн и, таким образом, благодаря Стефенсоновским мероприятиям свыше 200.000 тонн резинового сырья не попали на мировой рынок. Этот факт должен служить аргументом против того возражения критики, согласно которого ограничительные мероприятия не могли сократить увеличения производства в названных областях. Напротив того, утверждают, что целью Стефенсоновского плана было не уменьшение мировых запасов, но лишь ограничение их экспорта с тем, чтобы избыток, который давил на рынок и неизбежно понижал цены, был отдален от потребителя.

Влияние английских мероприятий на цены очень скоро выявилось. Начиная с 1923 года обнаружилось медленное, но постоянное повышение цен на резину, которое до средины августа этого года не прерывалось и которое при постоянно увеличивающемся потреблении резины в последние недели июля месяца приняло бешеный темп. Однако, не только ограничительные мероприятия по вывозу резины из британских колоний создали это резкое повышение цен: этому повышению чрезвычайно способствовало и увеличение потребления. Мировая продукция вопреки Стефенсоновским мероприятиям в последние годы поднялась, но в еще гораздо большей мере увеличилось потребление при чрезвычайном уменьшении запасов в Великобритании.

В Английской Нижней Палате со стороны министерства колоний, в компетенции которого находится этот вопрос, неоднократно указывалось на то, что скачки в ценах за последние месяцы объясняются спекуляцией, которой благоприятствовал временный недостаток товаров. Министр колоний Амери объяснял в заседании Нижней Палаты 26/VII. что низкие цены 1923 и 1924 года достаточно доказали, что теперешнее чрезмерное повышение цен объясняется не Стефенсоновским планом, а спекулятивными операциями и нет никаких оснований это высокое состояние цен рассматривать иначе, как временное явление. Во время дебатов его предшественник Томас, министр колоний в правительстве Макдональда, присоединился к политике правительства и разъяснил, что Великобритания не может продавать Соединенным Штатам ниже себестоимости, как не делали этого и последние во время войны, когда они продавали свои товары Великобритании.

Между тем, в Лондоне на месяц позже, к средине июля, цена на резину упала с 4,6 до 3,6 на фунт. Это вызвало новое исследование цен, причем оказалось следующее: повышенные английские цены стояли на наличные товары; промышленность, потребляющая каучук, например, которая имеет обыкновение запасаться на долгий срок и большую часть своей потребности покупать на срок, поскольку ей не приходится „еще что-нибудь немедленно прикупить", едва задевается чрезмерной спекуляцией, определяющей это повышение цен.

Цены на товары при сделках на срок также резко поднялись, но не в такой мере, как на наличные товары. Сделки на октябрь-декабрь, 1925 года можно было без особых затруднений совершать в начале года по цене 1 шиллинг, в начале июня нужно было положить уже 2,6 шиллинга, а в первой половине июля от 3,9 до 4 шиллингов. При сделках на дальние сроки (январь-декабрь 1926 г.) в средине июля 1925 г. цены были несколько выше 2,6. Они стояли на 2-х шиллингах в конце июня и в начале августа после временного падения снова стоят на 2,3. (Ср. статью „Понижение цены на резину" „Gummibaisse"—в газете „Deutsche Allgemeine Zeitung" от 29/VIII).

II

Америка, против которой открыто направлялись английские мероприятия и которой они действительно причинили некоторые затруднения, пытается теперь различными путями преодолеть столь неудобную для нее резиновую монополию Великобритании. Очень поучительно наблюдать, как Соединенные Штаты делают этот вопрос центральным пунктом своих империалистических устремлений и так называемые „чисто хозяйственные“ потребности сочетают с интересами политическими, как борьба за сырье вызывает с одной стороны аггресивную колониальную политику и эксплоатацию колониальных народов, а с другой усиливает жестокую борьбу интересов производителей и потребителей на мировом рынке.

Первым шагом в этом направлении был концессионный договор, который американские резинопромышленники заключили в июле с правительством республики Либерии. Дело здесь идет об устройстве вначале только для опыта ряда резиновых плантаций и об осуществлении давнего британского проекта, который не сбылся после объявления несостоятельности связанных с этим британских фирм, впоследствии право собственности на эти площади перешло вновь к Либерийскому правительству. Одновременно („по случайному совпадению“, как выражались американские газеты) с заключением концессионного договора был выпущен для Либерии американский заем, достигающий 5 миллионов долларов. Эти два события настолько между собою связаны, что концессия могла быть предоставлена Либерийскому правительству для утверждения лишь по возвращении из Америки либерийской финансовой комиссии и по совершении займа. Среди условий займа главную роль играет право надзора Америки за таможенными доходами и вообще за всей финансовой наличностью Либерии. Назначенная для этого американская финансовая комиссия должна, главным образом, заботиться о том, чтобы Либерийское правительство не принимало на себя больше других обязательств, не отдало бы под залог каких-нибудь государственных доходов, предназначенных для гарантии займа, или, наконец, не передало бы концессии кому-нибудь другому. От этого проекта ожидают начала новой эры в Либерийской республике, во время которой, быть может, возникнут и другие предприятия для эксплоатации либерийских природных богатств. Вместе с началом этого „колонизирования“ Соединенные Штаты используют настоящее положение с резиной, как повод для расширения своего уже намеченного империалистического курса на Филиппинах. Американский Департамент Торговли в докладе, который был опубликован в средине августа, сообщает, что на островах „при благоприятных обстоятельствах максимальная годовая продукция резинового сырья может достигнуть 70.000 тонн“. Но серьезное препятствие для американских устремлений представляет филиппинское законоположение, воспрещающее товариществам покупать или арендовать более 2500 акров земли. Пытались уже добиться изменения этого закона в том направлении, чтобы максимум заарендовываемой земли для каждого товарищества был повышен до 50.000 акров, однако филиппинские политики не хотят образования больших плантаций у крупных товариществ, ибо они знают, что „в этом случае лишь американский деловой люд будет извлекать выгоду за счет филиппинского народа“. Защитники независимых Филлипин отлично знают, что, „если американский капитал раз твердо ступит на острова, то со стремлениями к самостоятельности народа будет покончено навсегда“. Поэтому здесь приходится ожидать жестокой борьбы, в которой Соединенные Штаты, вероятно, должны будут пустить в ход все влияние и средства своего могущества.

Политическое могущество американских резинопромышленников ярко обнаружилось, когда в конце июля американское правительство непосредственно после приема депутации от них, жаловавшейся на последствия Стефенсоновского плана, поручило лондонскому посланнику Соединенных Штатов Houghton'y сделать представление английскому правительству относительно его ограничительной политики и пожаловаться на высокие цены на резиновое сырье. В другом случае самостоятельно выступил „Rubber Association of America“—„Резиновый Союз Америки“, руководящий объединением американских резинопромышленников, и обратился через посредство голландского посланника в Вашингтоне к голландскому правительству с предложениеи создать кооперацию с резинопроизводителями Явы и других голландских владений. Эти переговоры привели к благоприятному результату в том смысле, что голландское правительство заверило американских промышленников в своей готовности принять во внимание потребности последних в сырье и предоставить им таковое по выгодным ценам. Предложение же, сделанное английскому правительству,—с 1/VIII вместо предусмотренных 10% выпустить 20%—подлежащего вывозу производства резины—не нашло отклика. Дело в том, что английские правительственные круги стояли на той точке зрения, что Стефенсоновскими мероприятиями Америка не ставилась в исключительное положение, так как и туземные покупатели должны были платить такие же высокие цены.

В последнее время Стефенсоновский план подвергся со стороны английских фабрикантов такой же отрицательной критике, как и со стороны представителей американских интересов; и в то же время Стефенсоновские мероприятия в Соединенных Штатах, именно среди коммерческих кругов, стали находить достаточно сочувствия. Что касается последнего,—то это, главным образом, была газета крупной торговли „The Journal of Commerce“, которая с самого начала очень резко критиковала американскую травлю против ограничительных мероприятий. При этом все время указывалось на так называемую „планово-хозяйственную идею“, которая, по их мнению, содержится в этом ограничительном плане, в противоположность идее анархии рынка, к которой стремятся американцы. „Стефенсоновский план“—говорится в передовой статье газеты от 13/VI—„имеет в себе достойную защиты идею. Он предоставляет, учитывая колебания цен, значительный простор для изменения количеств, подлежащих экспорту. Случайно однако он осуществлялся при условиях, которые сопровождались исключительным спросом и ценами, поднявшимися сверх всякого разумного предела. Устранение этого, конечно, не в возвращении к анархическому способу производства и не в попытках распространить производство резины на новые области, которые до того, пока они принесут свои плоды, возможно уже будут излишними. К этому можно добавить, что наша таможенная и трест-проблемы уже достаточно осложнены попытками американских производственников достигнуть господства над чужим сырьем, в котором они очень нуждаются для своего производства. При этом далеко не достоверно, что самоудовлетворение, если предположить даже, что оно вообще может быть достигнуто, помогло бы нашей промышленности, взятой в целом“.

„Интересы резинового производства требуют“—говорится в другой статье от 20/VII—„более подробного осведомления о предвидимых потребностях в сырье. Возвращение же к нерегулируемому государством производству так же нежелательно, как и теперешняя неупорядоченная торговля, которая угрожает дискредитировать любой регулирующий план.

Если бы мир поднялся до предварительного систематического учета будущих производственных потребностей, которые базируются на планомерном спросе, то и производители резины и потребители при этом урегулировании производства выиграли бы, так как благодаря этому они могли бы получить сырье и тем самым быть обеспеченными потребными запасами“.

„Если в интересах наших фермеров мы считали бы правильным освободить их от действия мероприятий, вытекающих из законоположения против трестов, и, вместо этого, поощрить и поддержать их, назначить на их продукты искусственные цены как на местном рынке, так и для экспортной торговли, то мы, естественно, не могли бы ничего возразить против такой точки зрения, если где-нибудь в другом месте она была принята".

Та же газета разоблачала, наконец, политику американских резино-промышленников, как маневр торговцев, который имел ввиду при помощи „ложного шума" создать себе возможность получать с публики за всякого рода резиновые фабрикаты гораздо больше, чем это могло быть оправдано повысившейся ценой на сырье. Это положение, впрочем, подкрепляется двумя безусловно серьезными статистическими данными. Одно содержится в докладе „United States Kubber Company" за первое полугодие 1925 г., в котором сообщается, что это общество, крупнейший потребитель резинового сырья, в продолжение названного периода достигло на 32% большей прибыли, чем в такой же период прошлого года. Второе — статистика экспорта департамента торговли, которая показывает, что американским промышленникам в первые шесть месяцев этого года удалось экспортировать больше резиновых изделий, чем в любом предшествующем году, начиная с 1920 года.

Между тем, и в Англии оппозиция против ограничения производства возростала со дня на день. Уже в июне Сэр Эрик Гедд, председатель „Dunlop Kubber Company Ltd" (товарищества с ограниченной ответственностью) заявил как-то на чрезвычайном общем собрании этого общества, что наступил момент, когда Стефенсоновский план должен быть пересмотрен и обследован на предмет возможности его дальнейшего сохранения совершенно беспристрастной комиссией из производителей и потребителей. К этому побуждает как существующий недостаток в резиновом сырье, так и опасность, что положение английской резиновой монополии иначе не будет сохранено.

Газета „Manchester Guardian" от 14/VII резко нападает на решение правительства сохранить Стефенсоновский план, упрекая его в том, что он (план этот) является искусственным, чрезвычайно тяжелым стеснением торговли и в своем применении вреден своей неэластичностью. Несколько дней спустя Стефенсоновский план подвергся резким нападкам со стороны Индийского товарищества с ограниченной ответственностью „India Rubber Manufacturers Association Ltd" в заседании его Совета. Это общество, которое, как говорят, представляет 90% потребителей резинового сырья соединенных королевств, выпустило сообщение, в котором объяснялось, что „если Стефенсоновский план не будет отменен или, по крайней мере, настолько значительно улучшен, чтобы принести быстрое облегчение, то, как только цена на резину перейдет твердо установленный планом предел, очевидно, ничего другого не останется, как принять меры к ограничению потребления—мероприятие, на которое неохотно пошли бы фабриканты, так как оно могло бы привести к международным осложнениям".

Все это однако не произвело никакого впечатления на английское правительство. Вопреки всем американским и английским представлениям, вместо требовавшихся 20%, оно выпустило 1-го августа лишь предусмотренные Стефенсоновским планом 10% (всего теперь 75%) стандартизованной продукции, и требования промышленников о реформах почти не были приняты во внимание. Теперь возникает вопрос: что, собственно, этим разрешением вывоза вообще могло бы быть достигнуто и можно ли считать, как это, очевидно, и считают, что такой или даже еще более свободный вывоз имел бы своим последствием автоматически соответственное увеличение резиновой массы? На этот вопрос знаток этого дела отвечает следующим образом в большой статье газеты „Deutsche Allgemeine Zeitung" от 29/VIII: „Если 1/VIII

разрешено к вывозу регулярное повышение в 10% стандартизованной продукции и если 1/XI снова на 10% больше, а 1/II 1926 года еще на 10% (итого—95%) будет разрешено, то со всей энергией должно быть указано на то, что дело тут не в одном свободном вывозе, но что это увеличенное количество резины должно быть еще и добыто. В продолжение 1923/24 г. число рабочих на всех плантациях уменьшилось до минимума, они боролись за свое существование. Если бы уволенные за два года рабочие сразу появились вновь, то и тогда нужно было бы подумать о том, что должны быть обучены новые силы. На это уйдут месяцы. Уже теперь установлено, что очень хороших работников нельзя будет иметь в достаточном количестве; приходится рассчитывать в значительной мере на рабочих Китая, где все английское теперь ненавидят, как никогда раньше. Прилежный китайский кули нацедит за день 3 фунта, а за месяц, если он будет работать без перерыва—90 фунтов. Регулярное повышение вывоза на 10%—за август-октябрь обозначает увеличение на круг за месяц 2.400 *m*. Нужно 55.000 новых, обученных кули, беспрерывно работающих в течение месяца, чтобы это количество могло быть не на бумаге, а воплощено в действительность. Это не обойдется без трудностей, и когда 1 ноября вывоз снова увеличится на 10%, понадобится 55.000 новых привыкших к работе кули. То же самое и 1 февраля 1926 г. Можно ли рассчитывать, что батальоны опытных цедильщиков появятся на зов? Кроме того, при указанном расчете принималась во внимание лишь работа цедильщиков. Сюда нужно добавить еще работу по обработке резиновой смолы и по упаковке и транспорту готовых товаров.

При 75% вывоза уже началась погоня за рабочими руками. Что же произойдет, когда 85% и 95% стандартизованной продукции будет разрешено к вывозу? Можно ли будет тогда еще сохранить существующую теперь заработную плату?

Из всего изложенного ясно, что проблема „резины" в существенном все больше зависит от рабочих, что центром проблемы резинового производства рано или поздно станет проблема заработной платы, благодаря чему рабочий класс должен будет приобрести решительное влияние на весь вопрос. Но вместе с этим хозяйственным и социальным фактором благодаря революционным событиям в Китае возрастает и политическое значение упомянутых уже китайских рабочих масс, которое может служить политическим противовесом империалистическим устремлениям капитала так же, как и в чисто хозяйственной области противодействовать спекулятивным его махинациям.

С. А. Фалькнер

Об „Апологетах объективного знания“ и „Апологетах капитализма“

(Ответ Е. Варге)

I. Об апологиях и апологетах

Совсем недавно, всего несколько месяцев тому назад, я прочел в одной из статей проф. Варги следующее заявление: „Не существует ни «левого», ни «правого» анализа, равно как и не существует ни опортунистических, ни революционных перспектив. Я знаю только о существовании анализа верного или неверного и перспектив правильных или ошибочных“.[1]

Такая апология объективного знания не только дает право ее автору на внимательное и беспристрастное отношение к его суждениям, но и налагает на него столь же определенную обязанность анализировать все чужие построения только с точки зрения их правильности или неправильности. К сожалению, приходится констатировать, что гордые декларации Е. Варги пишутся, повидимому, только для того, чтобы их не исполнять. Или, во всяком случае, они пишутся тогда, когда ему самому приходится защищаться от обвинения в правизне, и он чрезвычайно охотно забывает о своих же собственных принципах, когда он получает возможность обвинять в правизне кого-нибудь другого.

Основной „теоретический“ тезис Е. Варги в его критике моего доклада [2] сводится к тому, что „представление Фалькнера о действительности есть представление апологета капитализма“. Это он повторяет на каждой странице и при каждом удобном случае. Как?—спросит удивленный читатель,—ведь только что мы слышали от того же Е. Варги, что не существует ни правых, ни левых представлений о действительности; больше того, не существует ни правых, ни левых перспектив развития, а только правильные и неправильные представления и перспективы. Почему же этот старый исследователь так быстро меняет свои мнения о природе экономического исследования? Не потому ли, что он надеется, что приведенные выше его суждения не дойдут до читателя

[1] La Correspondence Internationale № 53, 20 мая 1925 г. стр. 434.
[2] См. его статью в № 11 и стенограмму моего доклада в № 10 „Планового Хозяйства“.

„Планового Хозяйства“? Или быть может потому, что доказывать неправильность чужого анализа неизмеримо труднее, чем заявлять о том, что он является апологией капитализма? Последнее, как известно, не требует ни особого труда, ни таланта.

2. „Мировоззрение Фалькнера“

Построение статьи Е. Варги сводится к тому, что он противопоставляет изложение „мировоззрения Фалькнера“ своему собственному. При этом „мировоззрение Фалькнера“ излагается следующим образом: „Естественная вечная категория хозяйства есть капитализм“...; „капиталистическое мировое хозяйство и капиталистический общественный порядок будут вечно жить и развиваться, если только у капиталистов хватит настолько ума, чтобы обходить все внешние причины, вызывающие процесс деградации или деформации“.

Откуда взяты эти суждения? Они от первого до последнего слова вымышлены Е. Варгой.

Ни в тексте моего доклада, помещенного в № 10 „Планового Хозяйства“, ни в какой-либо иной из моих довольно многочисленных работ нельзя найти ни одной строчки, которая хотя бы отдаленно напоминала приведенные суждения. Капитализм является такой же исторической формацией, как и всякая иная система хозяйственного строя, и, стало-быть, неизбежно обречен на отмирание и замену его более совершенными формами общественного бытия. Вопрос заключается лишь в том,—разложился ли мировой капитализм уже настолько, что завтра его можно будет хоронить, или же у него есть шансы пожить еще некоторое время?

Как ясно видно из всего текста моего доклада, он был посвящен целиком и исключительно анализу сравнительно небольшого периода, протекшего со времени окончания мировой войны. При рассмотрении этого необычайно напряженного и бурного семилетия приходится не только преодолевать все разнообразие совершенно разнородных и часто хаотически нагромождающихся событий и сдвигов, но и находить адэкватные формы для сравнительного анализа динамики двух существующих ныне в мире социальных систем, несмотря на все различие их социального содержания. Доклад был лишь разрешением задачи, поставленной передо мною Президиумом Госплана СССР, задачи соизмерения темпа хозяйственного восстановления СССР, с одной стороны, и капиталистического запада, с другой. Разрешение этой задачи выявило в частности, что процесс хозяйственного восстановления СССР, начавшись во времени гораздо позже, чем на западе, и притом с гораздо более низкого уровня, шел зато гораздо более быстрым темпом. Поэтому, благодаря своеобразной иронии истории, хозяйство СССР подходит к довоенному уровню почти одновременно с хозяйством

крупнейшей страны победительницы—Англии, а весьма вероятно окажется у довоенной черты даже раньше, чем эта последняя.

Но разрешение указанной задачи требовало предварительной методологической работы по выделению процессов хозяйственного восстановления после войны из ряда смежных или противоборствующих им динамических процессов. В результате этого и появилась данная мной классификация 4-х типов динамических процессов послевоенного периода.

Может ли Е. Варга возразить что-нибудь по существу против указанной классификации? В противоположность Спектатору, Е. Варга знает реальное положение мирового хозяйства и знает часто больше, чем говорит. Он и не берется поэтому ничего возражать по существу против указанной классификации и вынужден констатировать, что наши формулы о борьбе восстановительных процессов с деформационными и т. д. „явно претендуют на значение общеобязательных положений, относящихся не только к капитализму". Единственно, что он может сказать по этому поводу—это, что „как чисто формальные бессодержательные положения, они не историчны, применимы ко всякому общественному порядку, ко всякой исторической эпохе".

Казалось бы, такая характеристика уже во всяком случае исключает обвинение в апологии капитализма! Но, согласно представления о мире Е. Варги, оказывается, что в применении к современному капитализму эти формулы „дают картину гармонического и восходящего, вечного капитализма,—лишь бы деградационные последствия мировой войны были нейтрализованы восстановительными процессами и лишь бы новые внешние причины не нарушали еще раз богом установленную гармонию".

Явная произвольность такого перетолкования наших положений вполне соответствует вымышленности цитированных выше суждений. О какой вечности капитализма может итти речь, когда исследованию подвергается семилетний период, протекший со времени окончания войны? О какой гармоничности капитализма можно говорить, раз основная моя характеристика эпохи заключается в борьбе восстановительных процессов с деформационными, даже после того, как период войны остается позади?

И если тенденция восстановления в целом ряде случаев все же преодолевает противоборствующие ей факторы и процессы и новая эволюция как-бы вновь начинается с того пункта, на котором она была прервана мировой войной, то это потому, что довоенные соотношения частей и элементов мирового хозяйства были не случайны, а подготовлялись и вырабатывались длительным процессом всего предшествующего развития. Нужны факторы очень большой силы для того, чтобы сдвинуть дальнейшее развитие в какую-либо совершенно новую сторону, но такие факторы не появляются, как deus ex machina.

Поскольку непосредственные последствия мировой войны все больше уходят в прошлое, постольку

новые решительные повороты в линиях развития мирового хозяйства и мирового капитализма должны подготовляться в недрах его в течение более или менее длительного периода, прежде чем они проявятся на поверхности явлений.

„Мистические восстановительные процессы, — иронизирует Е. Варга,—сами приводят все в порядок; мистические потому, что читатель не узнает, кто субъекты этих восстановительных процессов, что их направляет и т. д." Это требование субъекта для стихийно, но тем не менее весьма закономерно эволюционирующего капиталистического хозяйства звучит по истине замечательно в устах человека, называющего себя марксистом. С тем же правом можно было бы утверждать, что в капиталистическом хозяйстве не может происходить никаких процессов концентрации, пролетаризации и т. д., потому что нет единого субъекта, который бы „концентрировал" производство, „пролетаризировал" население и т. п.

Впрочем, в примечании, проф. Е. Варга, ошеломляя читателя ссылкой на свой марксизм, говорит еще более замечательные вещи. „Для марксиста,—пишет он,—ведь совершенно ясно: от высоты нормы прибыли зависит, сохранится ли возникшая во время войны промышленность в заокеанских странах, или погибнет под тяжестью конкуренции старых промышленных стран (деформация Фалькнера). Высота земельной ренты или нормы прибыли — вот что определит, будет ли засеваться хлеб, главным образом, в Европе, в Соединенных Штатах или в Аргентине и т. д." — Но ведь сама высота прибыли и ренты определяется какими-то объективными факторами! Или, по мнению Е. Варги, она зависит только от воли субъектов, получающих ее, т. е., иными словами, от их умения выжать путем эксплоатации большую или меньшую прибавочную ценность из пролетариата? Если же она непроизвольна и определяется сочетанием объективных условий, то именно эти последние и нужно анализировать. В противном случае никакие ссылки на марксизм не скроют от читателя, что под видом марксизма Е. Варга подносит им субъективизм чистейшей воды.

3. Мировоззрения проф. Е. Варги

„Мировоззрение Фалькнера" Е. Варга противопоставляет „наше мировоззрение". Чье наше? Марксистское? Коммунистическое? Нет, оказывается пока только личное мировоззрение проф. Варги.

„Современная действительность,—пишет он,—являет несравненно более сложный и противоречивый вид, чем нарисованная Марксом картина развивающегося „свободного" капитализма или набросанная Лениным в его главных чертах картина империализма."—В виду этого, проф. Е. Варга берется вместо Маркса и Ленина „в своем грубом виде" обрисовать эту сложную современную действительность. Однако, если поверить Е. Варге, то эта сложность оказывается совсем

не такой уж сложной. А именно, она сводится к 4-м основным процессам: „Советская Россия быстро шагает вперед, Азия охвачена революционным брожением, капиталистическая Европа клонится к упадку, Америка еще продолжает подниматься вверх на капиталистической основе.“ Такова картина, которая, по мнению Е. Варги, достойна заменить анализ Маркса и Ленина. Можно усомниться в том, чтобы нашлось много людей, готовых разделить это мнение. Нам, однако, достаточно констатировать следующее.

Во-первых, почти все эти процессы выходят далеко за пределы того периода, анализу которого Е. Варга их противопоставляет.

Как мы показали в только что вышедшей в свет работе „Соединенные Штаты в мировом хозяйстве“, хозяйственный рост Америки весьма закономерно и последовательно развивался на протяжении ряда десятилетий до мировой войны. Столь же последовательно и закономерно шел соответствующий ему процесс падения роли Европы в мировом хозяйстве. Даже в темпе перемещения этих двух ролей мирового хозяйства за последнее десятилетие особенно существенных сдвигов не произошло (хотя эта устойчивость темпа и создавалась чрезвычайно своеобразным сочетанием условий).

С другой стороны, однако, замедление темпа экономического развития Европы и падение ее относительного значения в мировом хозяйстве не означают еще абсолютного упадка Европы. Если когда нибудь такие времена и настанут, то еще не так скоро.

Далее: бесспорное подчинение Европы хозяйственной и финансовой гегемонии Америки делает для последней выгодной роль организатора международно-хозяйственных отношений на капиталистической основе.

Именно поэтому Америка и выступает в качестве инициатора или покровителя важнейших международных актов последнего времени: Вашингтонской конференции, плана Дауэса, гарантийного договора, проекта международного размежеваняя рынков капиталистического сбыта и пр.

Не подлежит сомнению, что львиная доля при этом достается Америке. Но не подлежит сомнению также и то, что, нуждаясь в рынках экспорта капиталов, Америка и с этой точки зрения заинтересована в определенном урегулировании международных отношений.

Именно, осознание этой решающей роли Америки и побудило Англию, ее единственного возможного соперника, так безоговорочно подчиняться всем пожеланиям С. Штатов (уплата междусоюзнических долгов, разрыв союза с Японией, уравнение броненосного флота и многое другое). Противоречия интересов Англии и Америки в разных частях мирового хозяйства общеизвестны. Но важнейший факт последнего времени заключается в том, что несмотря на все возникавшие между ними разногласия, Англия в решающий момент всегда подчиняется Америке.

Иного выхода у нее нет, ибо хозяйственная и военная мощь Англии просто несоизмерима с мощью С. Штатов.

Третий факт, указываемый Е. Варгой—революционное брожение в колониях—также бесспорен. Но в такой формулировке он лежит в иной плоскости, чем первые два. Экономически его нужно определить, как индустриализацию колоний, создающую новые кадры пролетариата и новую национальную буржуазию. Только на этой основе революционное движение и приобретает большое значение.

Но означает ли это непосредственный подрыв хозяйства Европы? Кому неизвестно, что целый ряд французских колоний стоят Франции гораздо больше, чем дают ей, и только в расчете на грядущие возможности хозяйственного развития удерживаются ею?

Далее: самый процесс индустриализации совершается по определенным экономическим законам. Сокращая спрос на одни товары, он увеличивает спрос на другие. Иначе, как возможен был бы тот факт, что крупнейшие индустриальные соперники на мировом рынке—Англия и Германия—являлись в то же время крупнейшими покупателями и потребителями товаров друг у друга?

Вместе с тем мало замечен факт, что едва ли не единственной отраслью промышленности, действительно заметно развивавшейся в молодых странах за последнее десятилетие, является промышленность хлопчато-бумажная, и только. Но помимо этого всякое создание новых отраслей индустрии само по себе является фактором расширения спроса на продукцию старых индустриальных стран (машины, оборудование индустрии и транспорта и пр.).

Все эти констатации показывают, что сложная схема Е. Варги нуждается в дальнейшем и весьма значительном усложнении. В анализе совершающихся сдвигов нельзя оперировать качественно-неопределенными тенденциями, как бы бесспорны они ни были, а нужно измерять и соразмерять их между собой.

4. Будущее Советской России

Стараясь во что бы то ни стало поставить меня в затруднительное положение, Е. Варга задает мне вопрос, имеющий целью, по его заявлению, сделать „гораздо более ясным“ мое „мировоззрение“: „как представляет себе Фалькнер хозяйственное будущее Советской России?... Будут ли Советская Россия и тоже, по его мнению, поднимающиеся империалистические державы вечно жить в мире друг с другом, как волк и ягненок после второго пришествия? Или же он думает, что образование Советской России есть тоже только продукт деформации, случайно возникший в силу внешних причин и долженствующий, согласно смысла его пятого тезиса, исчезнуть после победы восстановительных процессов, т. е. долженствующий вернуться путем мирного преобразования или контр-революционного поворота в лоно единоспасающего капитализма?“

Хотя эти вопросы явно не имеют ничего общего с содержанием моего доклада, хотя они касаются периода столь отдаленного, что на них вряд ли согласится ответить совершенно определенно и сам Е. Варга, я не отказываюсь удовлетворить его праздное любопытство, по крайней мере, о том, какие линии дальнейшего развития я считаю наиболее вероятными. Но прежде всего нужно констатировать, что мой тезис 5-й, на который ссылается Е. Варга, никакого отношения к этим вопросам не имеет и нужно было не обладать, действительно, никаким материалом для критики для того, чтобы решиться перетолковать его так, как это делает Е. Варга.[1]

Прежде всего раздельное и параллельное существование двух социальных систем при определенном минимуме хозяйственно-торговых связей отнюдь не представляется невозможным в течение весьма длительного времени. Не исключена возможность, однако, и попыток вооруженного вмешательства западно-европейского капитализма, в случае его укрепления, в целях уничтожения силой враждебной ему социальной системы Советской России. Хозяйственные силы СССР, однако, уже в настоящее время настолько значительны, а активное противодействие европейского пролетариата всем попыткам интервенции настолько бесспорно, что такие попытки можно считать неизбежно обреченными на неудачу. Вместе с тем существование СССР, вопреки предположениям Е. Варги, не только не является „продуктом деформации, случайно возникшим в силу внешних причин", но, наоборот, необходимо признать одним из весьма существенных факторов деформации всего современного мирового хозяйства, который для полноты картины необходимо прибавить к перечисленным нами в тезисе 3-м пяти другим важнейшим факторам деформации разного рода. Наибольшее значение СССР лежит, конечно, в сфере социально-политической, а не чисто-хозяйственной деформации мировых отношений. Но и в системе хозяйственных связей такие специфические черты, как монополия внешней торговли, особые условия импорта капиталов и проч. оказывают, бесспорно, деформирующее влияние на совокупность мировых экономических отношений.

5. Отдельные недоумения Е. Варги

На них мы остановимся совсем кратко.

1) Е. Варга полагает, что оффициальные индексы зарплаты в Германии преувеличены. Так, действительно, всегда бывало в былые времена. Но в настоящее время две души живут в душе германской статистики: желание преувеличить для того, чтобы оказать влияние

[1]) Тезис 5-й (см. „Плановое Хозяйство" № 10, стр. 215) гласит: „Основным содержанием экономической эволюции послевоенного времени является борьба восстановительных процессов с деформационными, причем результаты этой борьбы в целом предопределяются либо экономической целесообразностью, либо социальной силой факторов деформации".

на внутреннюю социальную борьбу, и желание преуменьшить для того, чтобы облегчить нажим союзников, требующих репараций. За последние два года германская статистика вся пошла по второму пути. Отсюда общеизвестные преуменьшения цифр экспорта, сбора хлебов и пр. Впрочем, мое суждение в докладе на этот счет формулировано крайне сдержанно: „является сомнительным, в какой мере новый индекс (стоимости жизни) обоснован реальными бюджетами довоенного времени". (стр. 210). Я полагаю, что истина лежит где-нибудь посредине между новым и старым индексом.

2) Цифры душевного потребления, на которые ссылается Е. Варга, относятся к предшествующему, а не к последнему времени, и потому не показательны. При этом также не мешает помнить о преуменьшенности сбора хлебов, внешней торговли и проч.

3) Отставание индексов народного дохода от индексов зарплаты не обязательно, как думает Е. Варга, должно быть обосновано „огромным понижением нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли". Оно может происходить за счет снижения доходов ряда промежуточных групп и прежде всего крестьянства.

В частности, по Франции у меня речь идет о 106% довоенной зарплаты, а не о 113—117%, которые сопоставляет с оценкой народного дохода Е. Варга.

4) Зато весьма дельное замечание делает Е. Варга о новых пошлинах на пшеницу во Франции. Они действительно составляют 14 бумажных, а не золотых франков, как значится в стенограмме моего доклада. Эта поправка имеет весь возможный вес и значение! К сожалению, остается неясным, в чем ее принципиальное значение?

5) Наконец, агентство Гаваса сообщило всему миру о неудаче французского золотого займа, давшего, вместо предполагавшихся 30 млрд. франков, только 6 млрд. Я также охотно готов подтвердить это сообщение Гаваса, как и Е. Варга. В докладе я говорил, что французская печать довольно единодушно говорила все время о 30 млрд. Рискованная ставка Кайо, предложившего новую ренту с крайне низким для нынешних условий процентом, оказалась битой. Вместе с тем я продолжаю считать, что Франция будет вынуждена несмотря на это в сравнительно недалеком будущем стабилизовать свою валюту и урегулировать бюджет.

Самая ходовая пословица во Франции в настоящее время, как сообщил в „Известиях ЦИК'а" Н. А. Семашко, гласит: „Страна богата, правительство бедно". Я считаю, что она вполне соответствует реальному положению вещей. А при таких условиях задача урегулирования финансов не может считаться неразрешимой.

А. Мендельсон

К вопросу о динамических процессах в современном мировом хозяйстве

В дискуссии по вопросу о динамических процессах в современном мировом хозяйстве[1] обсуждению подверглись вопросы теоретического порядка, методология анализа и, наконец, „факты“—статистические данные.

К „обще-теоретическим положениям“ автор доклада относит свои рассуждения об основных „типах динамических процессов послевоенного времени: 1) процессах деградационных, 2) процессах восстановительных, 3) процессах деформационных и 4) процессах обще-эволюционных“. Эта схема подверглась в первую голову жестокой критике.

Лучшим критерием для определения познавательной ценности предложенной докладчиком классификации послевоенных динамических процессов могут служить два момента: во-первых, насколько облегчает данная схема понимание анализируемых явлений? Во-вторых, степень органической связи—в рамках данного исследования—теоретических положений, как предпосылок анализа, с исследуемым конкретным материалом.

Мы констатируем, что органической связи между „обще-теоретическими положениями“ и материальной частью нет. Все то, что сообщено автором во II—VII разделах, может быть усвоено и понято без знакомства с первым разделом. Мы не отрицаем „субъективной ценности“ для автора доклада его схемы. Быть может, ему они были нужны для того, чтобы разобраться в хаосе фактов. Но читателю они в этом не помогают. Мало того, они затрудняют правильное понимание и оценку действительности; место общепринятых в марксистской литературе и всем понятных социально-экономических категорий заступают искусственно подобранные, не всегда с достаточной убедительностью обоснованные, абстрактные „процессы“.

Тов. Фалькнер думает, что требование т. Варги указать субъекта „процессов“ равносильно требованию указать „субъекта“, который „пролетаризирует“ население, „концентрирует“ производство и т. п. в капиталистическом обществе. Ссылка на то, что у Маркса фигурируют „процессы“, должна послужить защитой и оправданием „динамическим послевоенным процессам“.

[1] См. „Плановое Хозяйство“, 1925 г., №№ 10 и 11.

Дело обстоит не так, как пытается изобразить его автор. У Маркса фигурируют „процессы“, фигурируют и субъекты процессов—классы. Это—во-первых. Во-вторых, и самое главное, нигде у Маркса „процессы“ не заменяют действующих лиц—классы. В Германии в период инфляции 1921—1923 гг. происходил „процесс“ перераспределения национальноto достояния. Происходили—в марксистской терминологии—процессы пролетаризации, пауперизации широких масс на одном полюсе, процессы аккумуляции и централизации капитала—на другом полюсе. Для нас совершенно ясно, что субъектом этих процессов была крупная германская буржуазия, прекрасно сумевшая использовать и механизм „эмиссионнаго хозяйства“, и свое влияние на правительство.

Когда место классовой борьбы, национальной борьбы, империалистических устремлений и т. п. занимает в анализе докладчика борьба восстановительных процессов с деформационными, как основное содержание экономической эволюции послевоенного времени—см. пятый тезис,—то нельзя сказать, чтобы это внесло ясность в задачи, которые стоят перед СССР в области взаимоотношений с внешним капиталистическим миром.

Само собой разумеется, что в полной своей силе остается обвинение в неисторичности схемы. Схема, которой охватываются явления самых различных эпох, не может быть признана удачной схемой для облегчения понимания явлений данной специфической эпохи.

Если к этому прибавить, что характеристика основных типов динамических процессов и их взаимодействия оставляет желать многого—как это выяснено в критических статьях в №№ 10 и 11 „План. Хоз.“—и что совершенно не выявлено fundamentum divisionis установленной т. Фалькнером классификации, то мы будем иметь достаточно ясное представление об „общетеоретических положениях“ доклада.

Переходим к методологии анализа. Ставя себе задачей дать анализ „динамических процессов“ в современном мировом хозяйстве, тов. Фалькнер ни единым словом не обмолвился о динамике социальных отношений. Экономика сводится к кривым посевов, к сборам хлебов, к бюджетам, валюте и т. п. Ни единого слова о динамике субстрата хозяйственного процесса, о социальной стороне его. Так анализировать экономические явления значит фетишизировать их, сводить все к вещам,—отношения людей, классов подменять отношениями вещей.

В СССР уже ученики совпартшкол „заражены“ марксизмом и просвещены на счет товарного фетишизма. Даже их, думаем мы, не удовлетворит такой метод исследования. Экономический анализ не может сводиться только к статистическим рядам и подсчетам рессурсов в натуральном выражении. Это только часть анализа.

При фетишистском подходе к анализу мирового хозяйства совершенно понятным становится игнорирование принципиальных раз-

личий природы СССР и остальных объектов анализа—капиталистических стран. Понадобилось „праздное любопытство“ т. Варги, чтобы исследователь вспомнил о такой мелочи, как своеобразие социально-экономического комплекса, именуемого СССР.

При исследовании динамических процессов, при намечении путей развития и постановке проблем мирового хозяйства, поставить вопрос о хозяйственном будущем СССР значит, по мнению докладчика, проявить „праздное любопытство“. Мы не можем с этим согласиться: ни для нас, ни для большинства читателей журнала—мы в этом уверены—вопрос так не стоит.

Не можем также признать правильным и то, что в анализе динамических процессов послевоенного мирового хозяйства совершенно не затронуты процессы, имеющие место на Востоке. Если статистический материал не позволяет этого сделать с достаточной полнотой и точностью, то следовало бы сослаться на затруднения и обосновать невозможность включения этого объекта в поле своего зрения, либо коснуться этих процессов, используя тот материал, который все же имеется.

Под углом зрения динамики развития удельный вес того или иного социально-экономического комплекса определяется не только процентом его участия в „сумме богатств мирового целого“. Мы думаем, что картина динамических процессов послевоенного мирового хозяйства не может быть правильной, если в ней отсутствует такой элемент, как Восток.

Наконец, к дефектам методологического порядка нельзя не отнести также метод трактовки мирового хозяйства, как такового. В докладе о динамических процессах в мировом хозяйстве мы имеем анализ ряда показателей в пяти странах. Анализ показателей ведется по каждой стране отдельно. Можно ли такое исследование назвать исследованием мирового хозяйства? Не есть ли это исследование динамики народного хозяйства отдельных стран, механически включенное в рамки одного доклада? Мы считаем, что слишком мало внимания уделено динамике процессов, выявляющих усиление, либо ослабление связей, скрепляющих отдельные комплексы в единое мировое хозяйство.

В настоящей небольшой заметке мы имеем ввиду отметить главным образом дефекты в области теоретических и методологических предпосылок анализа, ибо они являются решающим моментом при использовании большого и интересного фактического материала, концентрирующегося в Секторе мирового хозяйства. Мы не допускали возможности недоразумений в цифрах, поскольку они черпаются в большинстве случаев из печатных источников и подвергаются перекрестному контролю и проверке. Но и здесь в цифрах, приведенных в докладе, оказались кое-какие навязки—величина аграрных пошлин во Франции, данные о реализации французского золотого займа и друг.

Быть может, мы предъявляем слишком большие требования к автору? По заявлению тов. Фалькнера, доклад был лишь разрешением задачи, поставленной Президиумом Госплана СССР, задачи „соизмерения темпа хозяйственного восстановления СССР, с одной стороны, и капиталистического Запада—с другой“. Но если такова была задача, поставленная автору, к чему было ставить доклад о „динамических процессах“. Для всякого исследователя обязательна адэкватность темы и трактовки ее. „Соизмерение темпа хозяйственного восстановления СССР и капиталистического Запада“ как-будто не то же самое, что „динамические процессы“ в современном мировом хозяйстве“. Да и архитектоника доклада не соответствует решению поставленной исследователю задачи. В докладе идет речь о „динамических процессах“ в каждой из пяти стран без специального сопоставления темпа развертывания хозяйства СССР в сравнении с темпом развертывания остальных стран. Мало того, в итоге исследования мы получили — восьмая глава доклада — разделение не на „СССР“ и „капиталистический Запад“, а деление на „континентальные страны Европы: Франция, Германия и СССР“ и „англо-саксонские страны“.

Анализ „темпа хозяйственного восстановления СССР“, с одной стороны, и капиталистического Запада, с другой, приводит исследователя к выводу, что „основной проблемой наступающей фазы мировой экономической эволюции является проблема взаимоотношений между Европой и Америкой“. Проблема „СССР и капиталистический Запад“, к которой сводится соизмерение темпа их хозяйственного восстановления, подменена проблемой „Европа и Америка“. Можно ли, сохраняя объективность, отметить, как основную проблему, взаимоотношение Европы и Америки и не заметить, хотя бы не как самую главную, но все же специфическую проблему послевоенного мирового хозяйства— „СССР и капиталистический Запад“. Мы полагаем, что научная объективность и инстинкт беспристрастного исследователя должны были бы предостеречь от этого. Случайны ли эти „ляпсусы“? Думаем, что нет.

Преувеличение успеха золотого займа во Франции, игнорирование пробуждающегося Востока, игнорирование своеобразия СССР, выпадение проблемы „СССР и капиталистический Запад“ и т. д.—все это факты одного порядка. Психологической реакцией на них были выступления критиков. Если „раздражительность является в большинстве случаев биологической функцией организма, ощущающего свое бессилие“, и если психическим корреллятом раздражительности является брань, то нужно признать, что в „Теоретической беспомощности и полемической развязности“ (см. „Пл. Хоз.“ № 11) мы имеем наиболее яркое проявление этих феноменов. Букет „ароматных“ эпитетов, которыми обильно насыщена статья, мало вяжется с обычным спокойствием уверенного в себе беспристрастного исследователя.

Разница в квалификации своих противников участниками дискуссии ясна каждому. В статьях тт. Спектатора и Варги дается оценка теоретиче-

ских и прочих построений докладчика. Положения оцениваются под углом зрения общепринятого в марксистских кругах разделения на идеологию буржуазную и пролетарскую, реакционную и революционную. „Теоретическая беспомощность и политическая развязность“ т. Фалькнера содержит не только антикритику, но и ряд личных выпадов. „Духовная беспомощность“, „вульгаризация и передержка“, „слабая способность к теоретическому мышлению“, „мыслительные пробелы“, „духовное убожество“, „безответственный журналист“—вот что получил критик в ответ на свои замечания. Быть может, такие приемы и могут быть оправданы с точки зрения „физиологической“ теории раздражительности, но вряд ли они способствуют убедительности теоретической аргументации.

В подтверждение правильности своих выводов т. Фалькнер ссылается на тт. Сталина и Зиновьева („Пл. Хоз.“ № 11). Мы знаем, что тт. Сталин и Зиновьев в качестве учеников Маркса и Ленина пользуются в своем анализе диалектическим методом. Вскрывая противоречия, этот метод позволяет одновременно охватывать и положительные и отрицательные стороны изучаемых явлений—процессов. Его основная постановка не „или—или“, а „и—и“, и „да—и нет“. Тов. Фалькнер из заявлений ответственных товарищей взял отдельные фразы. Неубедительно. Когда т. Сталин говорит о стабилизации, он говорит одновременно о „гнилой стабилизации“; когда тов. Сталин говорит об относительном равновесии, он одновременно вскрывает не только динамику восстановительных, „обще-эволюционных“ и др. процессов, но и динамику аккумулирующихся противоречий, которые взорвут—не могут не взорвать—это равновесие. Подпишется ли тов. Фалькнер под заявлением тт. Сталина и Зиновьева в целом, а не только под отдельными фразами. Подпишутся ли те, кого избрал тов. Фалькнер себе в качестве союзников, под его докладом в целом?

Мы не говорили о статистическом материале. Маркс и современные ему экономисты из другого лагеря пользовались одним и тем же статистическим и бытовым материалом. На одном полюсе получился „Капитал“, на другом—историческая и австрийская школы.

Тов. Фалькнер элиминирует „решение проблемы гибели капитализма как социального строя“ из числа задач, стоящих перед Сектором мирового хозяйства Госплана („Пл. Хоз.“ № 11). Мы не предполагаем ставить задач Сектору мирового хозяйства и не думаем нарушать прерогативы Президиума Госплана. Одно замечание мы все же в связи с этим хотели бы сделать.

Госплан есть орган пролетарской диктатуры. Госплан—это штаб экономической политики взявшего в свои руки власть пролетариата. Здесь осознаются основные народно-хозяйственные процессы в их общей взаимной связи и в связи с мировым хозяйством. Противоречие между страной пролетарской диктатуры и странами диктатуры буржуазной временно диалектически разрешается в относительном

установившемся равновесии. В процессе движения противоречия нарастают и по временам объективируются совершенно недвумысленно: политика Англии в отношении СССР. Ленинское „Кто кого“? сохраняет свое значение не только в пределах СССР, но и в масштабе мирового хозяйства. „Проблема гибели капитализма, как социального строя“, в другой формулировке звучит как „проблема победы пролетарской диктатуры, проблема победы СССР“. Сомневаемся, следует ли и можно ли Госплану исключать эту проблему из круга проблем, которыми он занимается.

С. А. Фалькнер

Об экономической основе социальных отношений

(ответ А. Мендельсону)

1. Исходным соображением тов. А. Мендельсона является то, что в анализе послевоенной эволюции мирового хозяйства можно было бы отлично обойтись без всяких разграничений основных динамических процессов; нет органической связи, утверждает он, между обще-теоретическими положениями и материальной частью моего доклада: „место общепринятых в марксистской литературе и всем понятных социально-экономических категорий заступают искусственно подобранные абстрактные процессы".

Как же предполагает тов. А. Мендельсон исследовать при помощи одних только общепринятых в марксистской литературе категорий специфическое своеобразие послевоенного периода? К счастью, он не ограничивается одним утверждением возможности обойтись при помощи этих категорий, но и дает образец использования их для такого анализа. „В Германии, — пишет он, — в период инфляции 1921—1923 гг. происходил процесс перераспределения национального достояния. Происходили — в марксистской терминологии — процессы пролетаризации широких масс на одном полюсе, процессы аккумуляции и централизации капитала на другом полюсе".

Здесь мы имеем великолепный образчик того, насколько недостаточными оказываются общепринятые, выработавшиеся задолго до войны, понятия для анализа специфических условий послевоенного периода. Разве только пролетаризация, с одной стороны, и аккумуляция—с другой являются характерными сдвигами исследуемой эпохи? Разве в этих процессах заключается ее специфическое своеобразие, ее характерные черты в отличие от столетнего развития довоенного времени? Разве пролетаризация широких масс и аккумуляция капитала не происходили в течение всей эпохи капиталистического развития? И разве, исследуя продолжение процессов, которые имеют столетнюю давность, можно определить те черты, которыми отличается наше время от всей предшествующей эпохи?

Мы полагаем, что это не так, что попытка тов. А. Мендельсона выявить специфические условия послевоенного периода при помощи старых и „всем понятных" категорий лучше чем что-либо обличает недостаточность этих категорий, неразрешимость задачи при пользовании только ими. Нужны новые и своеобразные понятия, рождающиеся из хаоса нашего времени и преодолевающие этот хаос.

Пусть попытается кто-нибудь из моих критиков противопоставить моей схеме и классификации послевоенных процессов другую, лучше выявляющую природу совершающихся сдвигов, пусть преодолеет он данную в моем докладе систему понятий какой-нибудь другой, более совершенной. Это будет самый убедительный метод критики, после чего все остальное станет просто ненужным. К сожалению, однако, мои критики не оказались в состоянии сделать этого. А при этих условиях, даже если бы их критические аргументы были хоть отчасти правильными, — творческое позитивное значение их было бы равно нулю.

2. Двумя дальнейшими аргументами тов. А. Мендельсона являются предположения о неисторичности и несоциальности развитой мной схемы. Обвинение в неисторичности обосновывается тем, что эта схема охватывает явления самых различных эпох. Дело, однако, в том, что в самые различные исторические эпохи бывают периоды, экономическая природа которых тожественна.

Проблема хозяйственного восстановления не впервые ставится перед человечеством условиями мировой войны и не впервые исследуется экономической мыслью. Все периоды великих разрушений ставили в той или иной форме эту проблему и создавали теоретические концепции, пытавшиеся ее разрешить. Эпоха Наполеоновских войн и последовавший за ними послевоенный период создали в английской экономике целую литературу, посвященную проблемам хозяйственного восстановления. Постановка проблемы в то время, правда, значительно отличалась от нынешней. Английские экономисты спорили в начале XIX века о том, почему так быстро восстанавливается хозяйство после военных разрушений. Никто иной, как известный противник Рикардо и всей классической школы — Чомерс построил целую теорию, которая в существе сводится к тому, что быстрота послевоенного восстановления объясняется сравнительной незначительностью всего основного капитала народного хозяйства и быстротой его нормальной амортизации.

Наша эпоха ставит проблему восстановления в иную плоскость. Основной вопрос, над которым размышляют экономисты и политики нашего времени, заключается в том, почему так медленно восстанавливается мировое хозяйство после войны. Но если присмотреться ближе к истекшему семилетию и расчленить зигзаги хозяйственного положения важнейших стран Европы на их составные элементы, то легко увидеть, что дело заключается не столько в медленности самого восстановительного процесса, сколько в постоянных срывах его по большей части внешними, силовыми факторами. Вот это расчленение хозяйственной эволюции послевоенного времени на ее составные элементы, вот это противопоставление реально

противоборствующих друг другу факторов и процессов и было положено мною в основу анализа послевоенного периода. И это оно и дало возможность понять основные противоречия и зигзаги европейского хозяйства.

3. Однако, центром атаки тов. А. Мендельсона является заявление о том, что в моем докладе отсутствует анализ социальных отношений. „Экономика сводится к кривым посевов, к сборам хлебов, к бюджетам, валюте и т. п. Ни единого слова о динамике субстрата хозяйственного процесса, о социальной стороне его. Так анализировать экономические отношения значит фетишизировать их, сводить все к вещам"...

Я не берусь судить о том, каким образом в одной и той же фразе социальные отношения можно называть и стороной и субстратом хозяйственного процесса. Как будто субстрат не может быть стороной, а сторона не может быть субстратом. Но дело не в этом. Дело в том, что согласно логике марксизма в капиталистическом обществе не социальные отношения определяют собою уровень развития производительных сил и объем производственного процесса, а, наоборот, развитие производительных сил и производственный процесс определяют собою динамику социальных отношений.

Тезисы Маркса о товарном фетишизме, которые привлекает для оправдания своих суждений тов. А. Мендельсон, ничего общего с ними не имеют. Под товарным фетишизмом Маркс понимает замещение товарными, меновыми отношениями классовых соотношений. Между тем, в данном случае речь идет об объеме производственного процесса, который предопределяет собою характер и напряжение классовой борьбы. Исследование производственного процесса не имеет ничего общего с рыночными, ценностными отношениями, которые имеет ввиду Маркс, говоря о товарном фетишизме. Направление и напряженность классовой борьбы, когда объем производства достигает 40—50% довоенной нормы (как то было в Англии во время промышленного кризиса 1921 года или в Германии во время оккупации Рура 1923 года), не имеют ничего общего с картиной социальной борьбы, в то время как производственный аппарат работает в объеме 90% нормы (Англия в 1924 году) или на 110% ее (Франция в настоящее время).

4. За всем тем, однако, я должен констатировать, что анализ социальных отношений в капиталистических странах с большой легкостью включается в систему четырех типов динамических процессов послевоенного времени. Заслуживает всяческого внимания тот факт, что важнейшие показатели социальной борьбы — стачки и локауты, с одной стороны, и объем профессионального движения — с другой стороны, — проявляют в своей динамике те же закономерности, что и исследованные нами в докладе показатели производства, транспорта, и т. д.

Вместе с процессом позитивного восстановления объема производства, а с ним и довоенного жизненного уровня пролетариата важнейших стран, идет процесс резкого снижения числа и размаха трудовых конфликтов, процесс отлива волны рабочего движения. Падение забастовочного движения (после огромного подъема его в первые годы после войны) и приближение его к довоенным нормам является одним из замечательных образцов негативного восстановительного процесса. Довоенные нормы и соотношения восстанавливаются не путем повышения низкого послевоенного уровня первых послевоенных лет, а путем снижения повышенных послевоенных норм.

Аналогичный процесс негативного восстановления мы имеем и в динамике мирового профессионального движения. Численность профессиональных союзов во всех важнейших странах, колоссально возросшая в первые послевоенные годы, затем стала систематически снижаться, приближаясь и здесь к довоенным нормам. Этот процесс нельзя объяснить, как это делают иногда, влиянием послевоенного кризиса и массовой безработицей, ибо этот процесс идет также и в странах с высоким или повышающимся жизненным уровнем: его мы наблюдаем одинаково как в Англии, так и в Соединенных Штатах, как в Германии, так и во Франции. Его нельзя также объяснить и пассивностью социал-демократических руководителей профсоюзов Запада, ибо и до войны социал-демократические профсоюзы были оппортунистичны и не вели активной революционной политики. Процесс падения численности мирового профессионального движения и приближения его в ряде важнейших стран к довоенным нормам может быть объяснен лишь тем, что новые кадры пролетариата, поднятые первой революционной волной послевоенного периода, оказались недостаточно подготовленными для длительной повседневной борьбы и недостаточно дисциплинированными для того, чтобы постоянно координировать свои действия с организованными уже ранее кадрами пролетариата.

Этот их уход из рядов организованного профдвижения является, конечно, временным; но процесс всеобъемлющего охвата мирового пролетариата профсоюзами, который казался таким близким в первые годы после войны, потребует гораздо более продолжительного времени. Вместе с тем не подлежит сомнению, что новый обще-эволюционный процесс, начинающийся с момента окончания послевоенного сжатия профессионально организованных кадров пролетариата, пойдет гораздо более быстрым темпом, чем до войны, ибо опыт первого послевоенного периода оставил неизгладимый след и был подготовительной школой, через которую прошел мировой пролетариат.

5. На других вопросах, которые затрагивает тов. А. Мендельсон и которые не имеют принципиального значения, я остановлюсь совсем кратко.

Тов. Мендельсон недоумевает, зачем было вообще разграничивать различные типы динамических процессов послевоенного времени, раз основным заданием моего доклада было соизмерение темпа хозяйственного восстановления СССР и капиталистического Запада. Его неприязнь к динамическим процессам так велика, что он хоть таким образом хочет устранить их из своего поля зрения. Между тем, разве не ясно, что для того, чтобы соизмерять процессы восстановления в разных странах, нужно прежде всего выделить периоды восстановления, которые подлежат соизмерению? Разве не ясно, что нельзя непосредственно сравнивать хозяйственную эволюцию различных стран в течение всего послевоенного периода в целом, раз она нарушалась войнами, оккупациями и пр.? И разве, наконец, выделение восстановительных процессов из ряда смежных с ними или противоборствующих им тенденций не есть ничто иное, как классификация важнейших типов хозяйственной эволюции послевоенного времени?

Тов. Мендельсон решительно не согласен также с примененным мною методом сравнительного анализа эволюции 5-и важнейших стран. „Можно ли такое исследование назвать исследованием мирового хозяйства?“—спрашивает он. „Не есть ли это исследование динамики народного хозяйства отдельных стран, механически включенное в рамки одного доклада?“.—Однако, во вступлении к докладу выделение этих 5-и важнейших стран было мотивировано мною не только тем, что сумма их составляет примерно 70% всей мировой хозяйственной активности, но и тем, что мы имеем здесь дело с 5-ю важнейшими типами послевоенной хозяйственной эволюции, в промежутки между которыми укладывается хозяйственная эволюция и всех остальных стран.

6. Небезынтересен следующий эпизод. Е. Варга в своей статье, направленной против моего доклада, задает, между прочим, вопрос о том, что я думаю о будущем Советской России, считая, что разъяснение его сделало бы гораздо более определенным мое „мировоззрение“. От прямого ответа на прямые вопросы я никогда не уклонялся и ответил также и на этот вопрос Е. Варге. Вместе с тем, однако, я констатировал, что этот вопрос не имеет решительно никакого отношения к теме моего доклада: последний был посвящен анализу послевоенного семилетия, и его прогнозы не выходили за пределы одного года. Поэтому, я сдержанно назвал вопрос Е. Варги, имеющий целью, по его собственному заявлению, уяснить не содержание моего доклада, а мое „мировоззрение“—праздным любопытством. Теперь тов. А. Мендельсон пишет: „При исследовании динамических процессов, при намечении путей развития и постановке проблем мирового хозяйства поставить вопрос о хозяйственном будущем СССР значит, по мнению докладчика, проявить праздное любопытство“.—Я заявляю: ставить вопросы докладчику, которые никакого

отношения к теме его доклада не имеют и которые имеют целью выяснить его „мировоззрение“, ставить вопросы, на которые (поскольку идет речь не о ближайшем, а об отдаленном хозяйственном будущем Советской России) не в состоянии точно ответить сам „критик“—значит заниматься делом, не имеющим ничего общего с научно-экономической критикой.

7. Тов. А. Мендельсон вырабатывает также новую теорию цитат. Оказывается, для того, чтобы сослаться в подтверждение своей мысли на кого-нибудь другого, необходимо согласие обоих не только по данному вопросу, но и по всем вопросам, о которых только может итти речь. В подтверждение мысли о том, что современный капитализм не дает более единообразной картины застоя и упадка, непосредственно ведущего к социальной революции, а являет нам сочетание противоположных тенденций и противоборствующих друг другу динамических процессов, я сослался на заявления тт. Сталина и Зиновьева. А. Мендельсон считает эти ссылки не убедительными. „Подпишется ли тов. Фалькнер под заявлением тт. Сталина и Зиновьева в целом, а не только под отдельными фразами? Подпишутся ли те, кого избрал тов. Фалькнер себе в союзники, под его докладом в целом?“—спрашивает он. Я полагаю, что новая теория цитат тов. А. Мендельсона не выдерживает критики. Если бы существовало полное согласие по всем без исключения вопросам, то не нужны были бы никакие новые доклады, а вместо них достаточно было бы вновь зачитывать старые доклады и комплексы суждений авторитетных лиц.

Когда же постоянно читаются все новые и новые доклады и постоянно исследуются все новые и новые комплексы явлений, то ссылки на авторитеты имеют место лишь по тем вопросам, которые остаются за пределами непосредственного анализа докладчика и служат для последнего подразумевающимся основанием.

8. В разных местах статьи тов. Мендельсон высказывает, кроме того, целый ряд пожеланий, напр., об исследовании: связи между различными частями мирового хозяйства, процессов, имеющих место на Востоке, проблемы отношений СССР и капиталистического Запада и т. д. Я констатирую, однако, что право отграничения того или иного объекта исследования является неотъемлемым правом всякого докладчика. Пожелания о расширении круга исследуемых вопросов и упреки в том, что докладчик рассматривает не те вопросы, которые являются интересными данному лицу, являются традиционнейшим методом „критики“, неизбежно фигурирующим в прениях по каждому докладу.

9. Наконец, тов. Мендельсон высказывается и по вопросу о задачах Сектора мирового хозяйства. Мое мнение сводилось к тому,

что проблема гибели капитализма, как социального строя, исследуется, в силу естественного разделения труда, другими органами и учреждениями — Коминтерном, Коммунистической Академией и т. д. На обязанности же Сектора мирового хозяйства Госплана, как одного из высших органов внутренней и внешней экономической политики СССР, лежит исследование положения и тенденций развития мирового хозяйства, поскольку такое исследование имеет практическое значение и может служить базой для тех или иных экономических мероприятий. Возможно, однако, что задачи Сектора будут определены иначе. Но в настоящее время все же дело не в этом. Дело в том, что в докладе Сектора мирового хозяйства, о котором идет речь, проблемы гибели капитализма не обсуждались, а были подвергнуты анализу совершенно иные вопросы. Поэтому, я констатирую, что и эта проблема была искусственно притянута за волосы моими почтенными критиками.

ОТ РЕДАКЦИИ

Последними статьями тов. Фалькнера и тов. Мендельсона по вопросам об основных тенденциях послевоенной мировой экономики мы считаем дискуссию на эту тему законченной. В общем и целом Редакция разделяет точку зрения, защищаемую тов. Мендельсоном. Не лишне, однако, сделать некоторые оговорки.

Мы считаем тов. Фалькнера одним из крупнейших работников в этой области. Но у тов. Фалькнера, как это частенько бывает, есть своя шуйца и своя десница. Десница тов. Фалькнера в его пристальной и талантливой штудировке огромного материала, представляемого в трудах западно-европейских и американских экономистов и статистиков. Здесь можно многому у него поучиться. Его цифровые материалы всегда свежи, всегда относятся к ценнейшим первоисточникам.

Но у него есть и своя шуйца. Она заключается в том, что, вооружаясь превосходным цифровым материалом, тов. Фалькнер переоценивает возможности, проистекающие лишь из этого обстоятельства. Отмечая вопрос о методе анализа, тов. Фалькнер забывает, что математика и статистика не содержат еще в себе ответа на вопрос об интерпретации протекающих процессов так же, как и не создают еще никаких моментов над-историчности. А раз это так, то ему не мешало бы подумать с несколько большей напряженностью на некоторые темы из истории методологии в области экономического анализа. Он тогда вспомнил бы иронию, с которой Маркс выявил тщету стараний так называемых „объективных“ историков.

Если вы не хотите „двигать“, вы непременно будете „движимы“, вы непременно попадете не в ту дверь...

Только и всего.

ОТДЕЛ IV

По районам

М. Б. Вольф

Промышленность северо-западной области и ее положение в общей системе промышленности союза ССР [1]

Стремительный рост нашей промышленности, наблюдаемый в течение последнего времени и превзошедший самые смелые ожидания последних пятилетних перспективных планов, ставит на очередь задачу широкого промышленного строительства. Это строительство должно будет, в отличие от строительства в капиталистических странах, производиться со строгим учетом всех трех факторов, которые в той или иной степени влияют на ход работы промышленности. Этот учет полусознательно - полустихийно проводится и в капиталистических странах, у нас же он должен проводиться в максимальной мере. Наша относительная бедность капиталами требует, чтобы каждая копейка была использована наиболее рационально. А для этого необходимо детальное знакомство с характером наших важнейших промышленных районов и с существующими в них условиями, из которых важнейшими являются условия снабжения сырьем, топливом и рабочей силой, и расположение промышленности по отношению к рынкам сбыта.

Приводимый ниже очерк является попыткой дать общую характеристику промышленности одного из важных промышленных районов Союза—Северо-Западной Области, — отличающейся от других районов целым рядом особенностей, учет которых крайне важен при плановом строительстве и развертывании промышленности страны. [2]

I

Необходимые для развития промышленности природные рессурсы области довольно скромны. Важнейший для современной промышленности источник энергии—каменный уголь почти отсутствует. Добыча его производится в самых ничтожных размерах в районе г. Боровичи, в Новгородской губернии. Громадные запасы белого угля еще почти совсем не используются. В достаточной степени область обеспечена своим торфом и дровами, являющимися, однако, „мало теплоплотными" видами топлива. Таким образом, первоклассное топливо—уголь и нефть—Северо-Западная область должна получать извне. Из полезных ископаемых область обладает только озерной и болотной железной рудой, добываемой в ничтожных размерах, разными видами строительного камня, глиной, шпатом, кварцем и проч. Немногие отрасли промышленности смогли в Северо-Западной области обосноваться на местном сырье. Таковыми являются обработка дерева и бумажная промышленность, льняное производство, керамическая и стекольная промышленность, неко-

[1] Редакция, помещая интересную работу М. Б. Вольфа, полагает, что некоторые положения, выдвинутые автором, нуждаются в дополнении и проработке.

[2] Ко времени составления настоящей статьи в распоряжении автора еще не имелось полных данных за 1924/25 г., вследствие чего большая часть приводимого статистического материала относится к 1923/24 году.

торые химические производства, производство минеральных строительных материалов и некоторые другие второстепенные отрасли. Важнейшие же отрасли промышленности Северо-Западной области—металлическая, текстильная (кроме льняной), пищевкусовая, резиновая и проч.—базируются исключительно, или почти исключительно, на привозном сырье.

Очевидно, что не богатство местными залежами сырья, а какие-то другие факторы сделали Северо-Западную область одним из важнейших промышленных центров СССР. Большое значение имели исторические условия и особое географическое положение области. Сельское хозяйство уже с давних времен не могло полностью удовлетворить спросу местного населения, что вынуждало последнее искать приложения своего труда в разных промыслах и в торговле. На развитие промышленности Северо-Западной области громадное влияние оказало ее приморское положение и, следовательно, относительная близость к западно-европейским промышленным странам. Сравнительно молодая русская промышленность не могла развиваться самостоятельно, нуждаясь в целом ряде привозных материалов, полуфабрикатов, в машинах и проч., и потому, естественно, тяготела к районам, ближе и удобнее всего расположенным по отношению к Западной Европе. Такими областями являлись Северо-Западная область, бывшие польские губернии и прибалтийские губернии. Именно в этой западной пограничной полосе и развилась крупная фабрично-заводская промышленность вне зависимости, или в слабой зависимости, от расположения сырьевых рессурсов. В этом отношении развитие промышленности Северо-Западной области отличается от развития промышленности Центрально-промышленного района, менее связанного с Западной Европой и лучше обеспеченного русским сырьем.

Контакт Северо-Западной области с заграницей установился в результате длительного исторического процесса. Тысячу лет тому назад через область проходил знаменитый торговый путь „из варяг в греки", затем наступает эпоха оживленной торговли „Господина Великого Новгорода" с Западом, борьба славянских племен за область с западными соседями и, наконец, перенесение административного и культурного центра России Петром I в С.-Петербург. Последний факт весьма знаменателен и оказал серьезное влияние на ход развития промышленности Северо-Западной области. Если, например, рассмотреть историю развития текстильной, в частности хлопчатобумажной промышленности Ленинградского района, сравнительно с Московской, то особенно бросится в глаза наличие преимущественно иностранных (английских) техников, сильное участие иностранного капитала и использование, главным образом, привозного (иностранного сырья).

Итак, основные причины, вызвавшие развитие крупного индустриального очага в Северо-Западной области, могут быть сведены к следующим важнейшим пунктам:

1) Сельское хозяйство не могло прокормить всего населения, что заставляло последнее обращаться к торговле и промыслам.

2) Некоторые промыслы нашли благоприятные природные условия (наличность сырьевых рессурсов) и развились на местном сырье. Примером могут служить деревообрабатывающая, керамическая и некоторые другие отрасли промышленности.

3) Некоторые отрасли развились не благодаря, а скорее вопреки местным природным условиям (металлическая, хлопчато-бумажная и др.), вследствие особенно благоприятного географического положения области у моря, содействовавшего необходимому сближению с промышленными западно-европейскими странами.

Правильность противоположения друг другу двух групп производств, развивавшихся самостоятельно на местном сырье и развивавшихся в зависимости от заграницы, находит себе доказательство в следующем обстоятельстве. Вся металлическая и текстильная промышленность Северо-Западной области концентрирована в Ленинграде, [1] в то время, как те же производства в Центрально-промышленной области сильно децентрализованы, будучи разбросанными по целому ряду городов (Москва, Иваново-Вознесенск и др.). Если же взять те производства Северо-Западной области, которые работают на местном сырье (стекольное, деревообрабатывающее и пр.), то они разбросаны по области так же, как и в Центрально-промышленном районе.

В стране сравнительно молодой промышленностью новые производства не могут сразу нарождаться вполне самостоятельными, ибо требуют обычно для своего существования наличия других производств для снабжения машинами, материалом и проч. Естественно, что эти новые производства в первое время питаются необходимыми материалами из-за границы. Именно для установления таких новых производств Северо-Западная область и обладает, несмотря на свои собственные скромные сырьевые рессурсы, наиболее благоприятными условиями по сравнению с прочими районами. Действительно, рассматривая карту довоенной Европейской России, не трудно усмотреть, что из всех пограничных ее районов только Ленинградский район хорошо связан и с западной Европой и с центральной частью России (морской путь на запад и система внутренних водных путей, соединяющих Финский залив с Волгой); бывшие польские и западные губернии находились в этом отношении в несколько худшем положении.

4) На-ряду с природными условиями и трудовые возможности области благоприятствовали промышленному ее развитию, поскольку сельское хозяйство не могло прокормить всего населения и тем самым обеспечивалось снабжение города рабочей силой из сельских местностей.

Таким образом, существование Ленинградского промышленного района вполне объясняется историческим ходом развития промышленности довоенной России. Вопрос же о целесообразности существования этого промышленного района в современных условиях может быть решен лишь после рассмотрения важнейших элементов областной промышленности и условий ее работы. Для этого рассмотрим состав и размеры фабрично-заводской промышленности Северо-Западной области как до войны, так и в настоящее время.

II

Для анализа довоенной промышленности Северо-Западной области воспользуемся данными анкеты Министерства Торговли и Промышленности 1908 года, так как обследование 1912 года страдает неполнотой, особенно чувствительной для Ленинградской губернии.

Если взять по старому административному делению Петербургскую, Новгородскую, Псковскую и Олонецкую губернии, то получим район, в промышленном отношении мало чем отличающийся от современной Северо-Западной области и потому вполне сравнимый с ней. [2]

Продукция фабрично-заводской промышленности названных выше четырех губерний равнялась в 1908 году 475,6 милл. руб., что составляло 10,4% ценности продукции фабрично-заводской промышленности всей бывшей Рос-

---

[1] За исключением разве принадлежавшей до революции России Кренгольмской мануфактуры в г. Нарве и расположенной в окрестностях Ленинграда Шлиссельбургской мануфактуры.

[2] В этот район не входит лишь та часть Архангельской губернии, которая ныне составляет Мурманскую губернию и северную часть Карельской республики, в которых фабрично-заводская промышленность почти отсутствует, и несколько уездов Витебской губернии, ныне присоединенных к Псковской. Зато, с другой стороны, в состав Северо-Западной области в настоящее время не входят отошедшие к Прибалтийским государствам части Петербургской и Псковской губерний.

сийской Империи. Если же откинуть от России отошедшие от нее после войны губернии, то доля Северо-Западной области в производстве страны поднимется до 12½%. Если принять во внимание, что население рассматриваемых четырех губерний составляло около 4% населения всей бывшей империи, или около 4½% довоенного населения современной территории СССР, то указанная выше доля промышленности (10,4 или 12½%) должна быть признана значительной. Она подчеркивает промышленный характер народного хозяйства Северо-Западной области.

В Петербургской губернии сконцентрировалось 94,4% всей промышленности рассматриваемых четырех губерний, на долю Новгородской губернии приходилось 3,5%, Псковской—1,3% и Олонецкой—0,8%.

Рассмотрим, как сумма производства в 1908 году распределялась по отдельным отраслям.

Сумма производства фабрично-заводской промышленности Петербургской, Олонецкой, Псковской и Новгородской губерний в 1908 г. по отраслям

Отрасли промышленности	Четыре губернии		В том числе Петербургская		% участия Петербургской губернии
	Тысячи рублей	%	Тысячи рублей	%	
Текстильная . . .	102.785	21,6	102.052	22,6	99,3
Бумажная и полиграфическ. . . .	35.408	7,4	32.646	7,2	92,2
Деревообраб. . . .	16.593	3,5	11.958	2,7	72,1
Металлическ. . . .	128.926	27,1	127.565	28,4	98,9
Минеральная . . .	13.015	2,7	6.889	1,5	53,0
Обработка животн. продукт.	31.357	6,6	30,001	6,7	95,7
Пищевкусовая . .	84.711	17,8	77,143	17,3	91,1
Химическая . . .	55.342	11,7	53,460	11,9	96,6
Прочие производства	7.491	1,6	7.491	1,7	100,0
ВСЕГО . .	475.628	100,0	449.205	100,0	94,4

Приведенная таблица наглядно показывает нам, в какой сильной степени промышленность Северо-Западной области географически концентрирована в Ленинградской губернии (в частности—в городе Ленинграде). Степень такой концентрации для различных отраслей различна. Для производств, работающих на сырье, получаемом из соседних районов или из-за границы (а эти производства составляют большую часть промышленности области), доля Ленинградской губернии стоит выше 95%. Что касается производств, использующих и местное сырье, то в них, как видно из таблицы, доля Ленинградской губернии значительно ниже—они равномернее распределены по всей области. К этим производствам относятся минеральная (стекольная, фарфорово-фаянсовая, цементная и проч.), деревообрабатывающая и отчасти пищевкусовая промышленности. Сюда же следует отнести и бумажное производство. Рассматривая его независимо от полиграфического, мы тоже получим пониженный процент участия Ленинградской губернии. Если разбить на составные части текстильную промышленность, то окажется, что доля Ленинградской губернии в обработке льна равна всего 91% против 100% во всех остальных текстильных производствах, ибо обработка льна является

единственным текстильным производством области, использующим местное сырье.

Состав промышленности Северо-Западной области по отраслям несколько отличается от состава промышленности всей довоенной России. По размерам производства на первом месте в области идут металлическая, текстильная, пищевкусовая и химическая промышленность, дающие в сумме почти четыре пятых всей промышленности. В ином порядке располагаются производства во всей довоенной России, что видно из следующего сопоставления.

Процентное распределение суммы производства по отраслям в 1908 году.

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	В четырех губ. Сев.-Западной области	По всей довоенной России
Металлическая	27,1	15,1
Текстильная	21,6	30,2
Пищевкусовая	17,8	34,4
Химическая	11,7	3,9
Итого	78,2	83,6
Остальные отрасли	21,8	16,4
Всего	100,0	100,0

При сравнении бросается в глаза относительно сильное развитие в рассматриваемой области металлической и химической промышленности и сравнительно меньшее значение текстильной и, особенно, пищевкусовой. Слабое развитие пищевкусовой промышленности объясняется тем, что сельское хозяйство области не давало значительных количеств сырья для этой отрасли. Более низкий процент текстильной промышленности вызывается относительной отдаленностью области от районов производства текстильного сырья в России (в этом отношении Московская область находится в более благоприятном положении). Сравнительно высокое развитие химической промышленности также нетрудно объяснить. В Северо-Западной области сосредоточена значительная часть тех химических производств, которые пользуются исключительно, или почти исключительно, привозным заграничным сырьем, в частности резиновая промышленность и производство искусственных органических красок (которое до войны работало исключительно на германских полупродуктах и только в настоящее время переходит частично на русский полупродукт).

Несколько непонятным может показаться „металлический" уклон промышленности Северо-Западной области. Действительно 27,1% является высоким процентом участия металлической промышленности во всей промышленности области и в этом отношении Северо-Западная область не уступает даже нашим горнозаводским районам—Южному и Уральскому. Не имея ни руды, ни пригодного для металлургической и металлической промышленности топлива, Северо-Западная область вынуждена привозить и то и другое из-за границы или же с Юга и Урала. Поэтому развитие мощной металлической промышленности в таком районе может показаться нерациональным.

Между тем, несмотря на такие, казалось бы неблагоприятные, условия снабжения, металлообрабатывающая промышленность области (без горнозаводской) составляла перед войной свыше четверти всей металлообрабатывающей промышленности России. Причины развития металлообрабатывающей промышленности в Ленинграде довольно сложны. Несомненное влияние оказали некоторые исторические условия. Особое внимание, которое уделялось С.-Петербургу, как молодому административно-культурному и торгово-промышленному центру Петром I и некоторыми из его преемников, тяготение молодой русской промышленности к месту, где ей всего удобнее было быть в контакте с западно-европейской промышленностью и ряд других причин—все это содействовало укреплению ленинградской металлообрабатывающей промышленности в прежние времена. Впоследствии все эти причины, конечно, отпали, но в результате их продолжительного действия в ленинградском районе осталась мощная отрасль, оторванная от своих сырьевых центров. Она продолжала развиваться, ибо, будучи неблагоприятно расположена по отношению к сырью, она оказалась в более удачном положении по отношению к рынкам сбыта, что ее отчасти поддерживало в смысле дальнейшего существования. Вопрос о целесообразности дальнейшего существования и даже развития ленинградской металлообрабатывающей промышленности неоднократно поднимался как до революции, так и в последние годы, в связи с более общей проблемой рационализации географического расположения всей промышленности страны.

Выше указывалось, что Северо-Западная область давала в 1908 году 10,4% всей суммы производства фабрично-заводской промышленности довоенной России. По отдельным отраслям доля области в производстве страны сильно колебалась. Наибольшее значение область имела в химической промышленности (30% производства довоенной России), а затем в металлической (без горнозаводской) и бумажной и полиграфической, в которых доля участия в производстве страны равнялась 27%. Далее следуют обработка животных продуктов и минеральных веществ и деревообрабатывающая промышленность. С другой стороны, следует подчеркнуть весьма скромное значение области в производствах текстильном (7%), пищевкусовом (5% всего производства довоенной России) и в горнозаводской обработке металлов (меньше 1%), каковая имела место в области в ничтожных размерах, главным образом, в Олонецкой губернии и несколько меньше в Петербургской губернии.

Довоенная промышленность Ленинградской губернии отличалась довольно сильной концентрацией производства, что видно из следующего сопоставления среднего числа рабочих, приходящегося на одно заведение (в 1908 году).

Псковская губерния	31 чел.
Олонецкая „	76 „
Новгородская „	136 „
Петербургская „	203 „
В среднем по четырем губерниям	175 чел.
В среднем по всей довоенной России	110 „
Московская губерния	242 „

Средний размер предприятий в Петербургской губернии почти вдвое превышал средний размер по всей довоенной России. В Новгородской губернии мы тоже имеем более высокое среднее, чем по России. Наоборот, Псковская и Олонецкая губернии отличаются сравнительно низкими размерами предприятий. Концентрация заметна также при сравнении числа предприятий с суммой производства: давая 10,4% всей суммы производства России, рассматриваемые нами четыре губернии имели всего 5,5% всего количества предприятий страны и 8,7% рабочих. Сопоставление числа рабочих с суммой

производства (8,7% и 10,4%) говорит нам о более высокой производительности труда рабочего в Северо-Западной области и о распространении в ней более ценных производств.

Средний размер предприятий в Петербургской губернии был выше, чем по всей России во всех отраслях промышленности за исключением двух, находившихся вообще в губернии в зачаточном состоянии—обработке шелка и в горнозаводской обработке металлов. При этом по целому ряду производств средний размер предприятий по Петербургской губернии даже в несколько раз выше, чем по всей стране. Гораздо характернее сравнить Петербургскую губернию с каким-либо другим промышленным центром, а не со всей страной. Сравнивая с Московской губернией, мы видим, что Петербургская губерния от нее несколько отставала по среднему размеру предприятия (203 против 242), но это отставание шло исключительно за счет пищевкусовой промышленности и обработки шелка, тогда как по всем прочим отраслям средние размеры предприятия в Петербургской губернии стояли значительно выше, чем в Московской. Такая выделяющаяся концентрация производства может быть объяснена рядом причин. Одной из них, между прочим, являлось значительное участие иностранных капиталов, что влекло за собой и более высокую технику. Другой важной причиной являлась сравнительная молодость ленинградской промышленности и условия ее возникновения, вследствие которых она создавалась сразу (в важнейших отраслях) в виде крупных фабрично-заводских предприятий.

Географическая концентрация, т. е. сосредоточение главного ядра областной промышленности в Ленинграде (около 90% общего числа фабричных рабочих области) и техническая концентрация (т. е. преобладание сравнительно крупных предприятий) сильно содействовали образованию и соответствующему воспитанию рабочих кадров и являлись одной из причин, почему ленинградский пролетариат играл видную роль как в дореволюционном рабочем движении страны, так и в революции и современном хозяйственном и политическом строительстве.

III

В виду того значения, которое имели до революции иностранные капиталы в русской промышленности, и в виду того, что и в настоящее время этот вопрос является довольно актуальным (в связи с привлечением иностранных капиталов концессиями к работе в нашем народном хозяйстве), представляется интересным выяснить, в какой степени проявлялось их участие в промышленности Северо-Западной области. Учесть этот фактор можно только с известным приближением. Во-первых, приходится ограничиваться сведениями, имеющимися лишь по капиталам акционерных обществ, во-вторых, не всегда возможно географически определить район действия данного капитала, ибо нередко предприятия одного общества оказывались разбросанными по разным районам страны; нет возможности учесть размеры участия в промышленности банковского и торгового капитала. Но, несмотря на указанные препятствия, все-таки можно составить себе общее представление о значении иностранного капитала в промышленности области сравнительно со всей довоенной Россией.

В дореволюционную промышленность рассматриваемой нами области было вложено около 350 милл. рублей иностранных капиталов (в подсчет входит только акционерный и облигационный капитал промышленных акционерных компаний, следовательно, не входят капиталы кредитных, страховых, транспортных и пр. предприятий).

На первом месте по размерам стояли германские капиталы (33%), на втором—французские (28%), на третьем—английские (23%) и на четвертом—

бельгийские (12%). Участие капиталов других стран было ничтожно. Это распределение капиталов по странам происхождения в Северо-Западной области несколько отличается от распределения их по всей довоенной России, что видно из следующего сопоставления:

Процентное распределение иностранных капиталов, вложенных в дореволюционную промышленность

	Сев.-Зап. область	Вся Россия
Французские	28	32
Английские	23	25
Германские	33	18
Бельгийские	12	16
Прочие	5	9
Итого . . .	100	100

Таким образом, для нашей области можно было констатировать повышенное участие германского и английского и пониженное участие французского и бельгийского капиталов. Это может быть объяснено сильным участием французского и бельгийского капиталов в горнозаводской промышленности дореволюционной России, отсутствующей в Северо-Западной области.

Почти половина всего иностранного капитала в области была вложена в металлическую и электротехническую промышленность (около 49%). Около 20% было вложено в электрические станции, газовые заводы и пр. коммунальные предприятия и около 16%—в текстильную промышленность. Участие иностранного капитала в других отраслях выражалось значительно меньшими цифрами. Из них интересным представляется участие иностранного капитала в химической промышленности и в пищевкусовой промышленности (табачная фабрика Лаферм и пивоваренные заводы „Бавария“ и Калинкин). И в смысле распределения иностранных капиталов по отраслям Северо-Западная область сильно отличалась от всей России. Из приблизительно двух миллиардов рублей иностранных капиталов, вложенных в промышленность дореволюционной России, около 44% приходилось на горнозаводскую промышленность, отсутствующую в нашей области. На металлическую и электротехническую падало только 21%, на текстильную только 10% и на коммунальные предприятия—14%. Если же исключить капиталы, помещенные в горную промышленность, то распределение по отраслям в России и в области в процентном отношении совпадут довольно близко.

Весьма своеобразным представляется распределение в области капиталов различного происхождения по разным отраслям промышленности. Французские капиталы были вложены почти исключительно в металлическую и электротехническую промышленность и в небольшой доле в электрические станции. Германские капиталы также распределялись преимущественно между названными двумя группами, но у них на долю электростанций приходилось свыше трети всей суммы. Бельгийские капиталы почти на две трети были вложены в электрические станции и на одну треть в металлическую и электротехническую промышленность. Совершенно иную картину представляло распределение английских капиталов, на две трети помещенных в текстильную (в частности хлопчатобумажную) промышленность, с распределением остальной трети между обработкой животных продуктов („Скороход“), металлической и электротехнической и пищевкусовой (Лаферм и Калинкин) промышленностями.

В пределах каждой отрасли областной промышленности иностранные капиталы распределялись следующим образом: в металлической и электротехнической промышленности главное значение имели французские и германские капиталы, в текстильной почти исключительно английские, на электрических станциях германские и бельгийские. В остальных отраслях распределение очень пестро, с участием голландского, шведского, австрийского, северно-американского и проч. капиталов. В частности представляется интересным отметить преобладание английского и германского капиталов в обработке животных продуктов и в пищевкусовой промышленности и преобладание германского капитала в химической промышленности.

Имели ли иностранные капиталы в довоенной промышленности Северо-Западной области большее значение, чем в промышленности всей России, или нет? Как уже указывалось выше, из общей суммы иностранных капиталов, вложенных в промышленность довоенной России, на долю Северо-Западной области приходилось около 350 миллионов, т. е. около 18%. Между тем, доля участия промышленности области в промышленности всей России определялась в 10%. Если еще учесть и топливную промышленность России (каменноугольную и нефтяную), в которой также имелись иностранные капиталы и которая отсутствует в Северо-Западной области, то доля области в продукции страны еще понизится. Таким образом, сопоставляя долю участия области в промышленной продукции страны и долю вложенных в область иностранных капиталов, мы видим, что участие последних в областной промышленности было приблизительно вдвое сильнее, чем в промышленности всей довоенной России. Это обстоятельство тесно связано с сравнительно более сильной концентрацией областной промышленности (большой размер предприятий), на что указывалось выше. Представляется вполне естественным, что иностранные капиталы учреждали крупные предприятия, или же вливались в крупные предприятия.

Однако по отдельным производствам соотношение доли продукции области и доли вложенного в области иностранного капитала сильно колебалось, что видно из следующего сопоставления:

ПРОИЗВОДСТВА	Доля области в продукции страны	Часть иностр. капит., помещ. в данное производство, приходящаяся на Сев.-Запад. область
	В процентах	
Пищевкусовая	5	41
Текстильная	7	28
Обработка животн. продуктов	19	67
Металлическая и электро-техническая	27	50
Деревообрабатывающая	14	16
Электрич. станции и проч.	32	26
Химическая	30	23
Минеральная	13	9
Бумажная и полиграфическая	27	7
Горнозаводская	1	0
В среднем по всей промышленности	10	18

Давая всего 5% продукции пищевкусовой промышленности страны, Северо-Западная область поглотила 41% иностранного капитала, вложенного

в России в данное производство. Такое же несоразмерно сильное участие иностранных капиталов наблюдалось в текстильной промышленности, обработке животных продуктов и металлической и электро-технической промышленности. Близкое совпадение мы замечаем в деревообрабатывающей промышленности. Наоборот, в прочих отраслях степень участия иностранного капитала меньшая, чем по всей России. Первые четыре отрасли, в которых участие иностранного капитала было особенно сильно, дают нам важнейших гигантов областной металлической, электротехнической, текстильной, пивоваренной, табачной и обувной промышленности (б. Путиловский, Металлический, Леснер, „Скороход“, Калинкин, „Бавария“, Сименс-Шуккерт и др.).

В общем можно сказать, что заметное участие иностранных капиталов в дореволюционной промышленности области, в особенности в ее важнейших производствах — металлическом, электротехническом и текстильном, — имело громадное влияние как на самый ход интенсивного развития, так и на особенности в области технической, хозяйственной и организационной.

IV

Последние годы перед войной явились для фабрично-заводской промышленности Северо-Западной области периодом быстрого роста. Это видно хотя бы из сопоставления данных по Ленинградской губернии за 1908—1913 гг.

	1908 г.	1913 г.	% прироста
Число заведений	824	941	14%
Число рабочих	166 тыс.	278 тыс.	68%
Сумма производства	449 милл. р.	764 милл. р.	70%

Приведенные цифры в высшей степени характерны. Они говорят не только о быстром росте промышленности Ленинградской губернии перед войной, но также о все продолжающемся процессе концентрации и о техническом процессе. Сумма производства растет гораздо быстрее числа предприятий и даже несколько быстрее числа рабочих. Последнее обстоятельсто указывает на поднимающуюся производительность труда и на технические улучшения.

Аналогичные явления имели место и в остальных губерниях, входящих в состав Северо-Западной области.

Империалистическая война 1914—1918 гг. внесла серьезные осложнения и изменения в ход развития промышленности, как всей страны, так, в частности, и рассматриваемой нами области.

С точки зрения частно-хозяйственной, вернее—с точки зрения капиталиста-спекулянта и лиц, метко прозванных во время войны „мародерами тыла“, война создала весьма благоприятную конъюнктуру в смысле обилия военных заказов, повышения цен и пр. Однако исполнение этих заказов при все ухудшающихся условиях производства, при недостаточном снабжении и необходимости нередко пользоваться суррогатами, при неполном ремонте и проч., должно было усилить процесс изнашивания основного капитала промышленности — оборудования фабрик и заводов. С этой стороны война нанесла нашему народному хозяйству вред, последствия которого ощущаются до настоящего времени. Ленинградская промышленность особенно остро должна была испытать это в виду того, что для работы на оборону была привлечена значительная часть заводов — металлическая, химическая, резиновая, текстильная, обувная промышленность и др. На целом ряде заводов были установлены новые „военные“ производства, и это приспособление заводов, построенных для иных целей, конечно, не могло не отразиться отрицательным образом на состоянии их оборудования.

Итак, изменение характера производства, вызванное войной, коснулось областной промышленности в сильной степени и оставило на ней заметные следы. Другим моментом, характерным для войны, являлись перебои в снабжении. И в этом отношении Северо-Западная область оказалась в довольно неблагоприятном положении. Здесь с особенной остротой сказалась оторванность Ленинградской промышленности от сырьевого базиса и ее зависимость от подвоза материалов не только из внутренних районов страны, но и из-за границы. В частности, особенно сильно стал ощущаться недостаток угля, в виду сократившегося, и даже почти прекратившегося, подвоза его из Англии через Балтийское море. Спешная постройка Мурманской железной дороги, правда, несколько улучшила положение к концу войны, но, конечно, не могла полностью заменить закрывшийся путь через Балтийское море. Ленинградской промышленности, в виду недостатка угля, пришлось частично перейти на местное топливо, усиливая добычу торфа и дровозаготовки. Этот переход также не мог не отразиться на работе фабрик. Недостаток привозного топлива был единственным, который мог быть частично ослаблен обращением к местным рессурсам. Недостаток в других материалах не мог быть восполнен таким путем, за отсутствием соответствующих местных запасов. Хуже всего обстояло дело с теми материалами, которые до войны получались из Германии, в частности с продуктами коксо-бензольной промышленности, идущими в мирное время для красочной промышленности и необходимыми во время войны для производства взрывчатых веществ. Приходилось налаживать получение их из других стран, а также с юга России, где спешно, с действительно американской быстротой, выросла наша собственная коксо-бензольная промышленность. Наконец, снабжение материалами из внутренних районов России (металл, кожа и проч.) испытывало также серьезные перебои как в виду недостатка этих материалов, так и в виду транспортных затруднений. Война показала всю недостаточность путей сообщения, соединяющих ленинградский промышленный район с другими районами страны. Наконец, массовые мобилизации значительно ухудшили состав рабочих кадров заводов. Сильно увеличился процент женщин и подростков и упала средняя квалификация рабочего.

Итак, во время войны ярко сказались последствия особенностей промышленности Северо-Западной области. Резко выявились отрицательные стороны оторванности от сырья, зависимости от иностранного топлива и материала пр. Положительно сказалось относительно высокое техническое оборудование заводов, концентрация производства и связанная с последней производственная дисциплинированность рабочих кадров.

Уроки, которые русская промышленность испытала во время войны, заставили нас внимательно отнестись к вопросу об использовании собственных сырьевых рессурсов в ряде производств, с целью ослабления нашей зависимости от иностранных государств. Это направление, вполне рациональное с точки зрения интересов всей страны, однако, должно было отрицательно сказаться на промышленности Северо-Западной области, которая не могла при этих условиях расчитывать на дальнейший свой интенсивный рост. И, действительно, во время войны центр внимания был обращен на проектирование и постройку новых заводов во внутренних частях страны, в районах сырьевых залежей. Однако, несмотря на это обстоятельство, за Северо-Западной

областью всегда оставалось то громадное значение, которое она и до и во время войны имела в промышленности страны.

Наконец, необходимо отметить то обстоятельство, что во время как империалистической, так и гражданской войны Ленинград не подвергался нашествию неприятеля, хотя и был в отдельные моменты весьма близок к тому (например, при наступлении Юденича). Вследствие этого оборудование ленинградской промышленности не подверглось тем разрушениям, которые имели место в районах, бывших театрами военных действий. Но все-таки в этом отношении положение Ленинградской промышленности оказалось худшим, чем положение промышленности внутренних районов, ибо из Ленинграда производилась частичная эвакуация некоторых заводов. Сама по себе эвакуация наносила громадный вред области, прерывая и приостанавливая ее промышленность, а условия, в которых проводилась эвакуация, и привели к тому, что часть эвакуированных заводов пришла в полное разрушение и фактически перестала существовать не только для Ленинграда, но и вообще для страны.

V

Период 1917—1920 гг. характеризуется для Северо-Западной области теми же явлениями, которые имели место и во всей стране. Этими явлениями были резкое снижение производства, падение производительности труда, закрытие ряда предприятий, неполная нагрузка действующих заводов и пр. под влиянием кризисов в снабжении материалами, топливом, продовольствием и других причин. В частности 1918 год был особенно труден еще по одной причине. На вновь созданный и еще не вполне сконструированный аппарат управления областной промышленностью—Совет Народного Хозяйства Северного Района (СНХСР)—пала задача спешной демобилизации военной („оборонной") металлообрабатывающей промышленности, в виду постановления Совнаркома (в декабре 1917 года) о прекращении большинства хотя бы и начатых военных заказов. Для Северо-Западной области, промышленность которой во время войны была милитаризована сильнее, чем в других районах, эта задача была особенно трудной. К началу 1919 года были уже созданы удовлетворительные организационные формы для национализированной промышленности и была вполне закончена демобилизация военных производств. Если же 1919 год дал, тем не менее, дальнейшее падение продукции, то причины этого лежат в плоскости тех кризисов и перебоев в снабжении, на которые указывалось выше. Не было возможности получать металл и уголь с юга, в виду происходившей там гражданской войны, Бакинский нефтяной район был занят англичанами, внешняя торговля отсутствовала, получению материалов и продовольствия из средней части страны и с Урала препятствовала разруха транспорта. Своих ресурсов для основных отраслей промышленности область не имеет, и поэтому приходилось пользоваться почти исключительно имеющимися на заводах и складах запасами и мелкими, случайно прорывавшимися в область партиями привозного из других районов сырья.

С 1921 года начинается период постепенного подъема промышленности, как по всему СССР, так и, в частности, по Северо-Западной области. 1922/23 и 1923/24 года дают нам по области картину довольно заметного роста промышленности. Это наглядно видно из следующей таблицы, в которой приведены данные о сумме продукции промышленности в довоенных рублях и в процентах к 1913 году по четырем губерниям области (без Мурманской губернии и Карельской АССР, по которым сведений нет, что, однако, не нарушает общей картины, в виду ничтожных размеров их промышленности).

ГУБЕРНИИ	1913 г. милл. руб.	1922/23 г. милл. довоенных руб.	%	1923/24 г. милл. довоенных руб.	%
Ленинградская	764,0	212,2	28	256,4	34
Псковская	8,9	3,0	33	3,9	44
Новгородская	25,9	10,6	41	13,7	53
Череповецкая	8,5	3,1	37	3,6	42
Итого	807,3	228,9	28	277,6	34

Из приведенной таблицы видно, что промышленность области дала в 1923/24 операционном году одну треть довоенной продукции. При этом характерно отметить, что размеры производства в Псковской, Новгородской и Череповецкой губерниях скорее приближались к довоенным, чем в Ленинградской губернии. Это объясняется особенностями состава их промышленности. Развитые в этих губерниях производства в большинстве случаев проще ленинградской промышленности, в значительной степени базируются на местном сырье и, главным образом (за некоторыми исключениями), работают на вольный рынок, изготовляя предметы широкого потребления (спички, стекло, бумага и пр.). В ленинградской же промышленности большой удельный вес принадлежит тяжелой промышленности (в частности крупному машиностроению), работающей не для рынка, а по заказам для восстановления основного капитала промышленности всего Союза.

Промышленность области дала в 1923/24 году 34% довоенной продукции, в то время как промышленность всего Союза дала уже 47%. Эта отсталость происходит, главным образом, за счет отсталости тяжелой промышленности, которая и по всему Союзу дает гораздо меньшую часть довоенной продукции и которая в ленинградской промышленности обладает бо́льшим удельным весом, чем в промышленности всего Союза.

Рассмотрим современное состояние промышленности области по отдельным отраслям.

Отрасли промышленности	Сумма производства в 1923/24 году: По четырем губерниям [1] — Милл. дов. рублей	%	По Ленинградск. губернии — Милл. дов. рублей	%	Доля Ленинградской губ. в промышленности всей области
Металлическая	50,9	18,3	50,6	19,8	99,4
Электро-техническая	17,4	6,3	17,4	6,7	100,0
Текстильная	44,3	16,0	42,5	16,6	94,7
Пищевкусовая	41,1	14,8	40,8	15 9	99,3
Химическая	36,7	13,2	35,4	13,8	96,6
Электростанции и пр.	25,2	9,1	24,9	9,7	98,8
Деревообрабатывающая	15,6	5,6	9,0	3,5	58,1
Бумажная	14,7	5,3	11,1	4,3	75,5
Полиграфическая	7,7	2,8	7,5	2,9	96,5
Обработка животных прод.	13,8	4,9	11,7	4,6	84,8
Минеральная	7,2	2,6	2,5	1,0	34,6
Горная [2]	0,9	0,3	0,8	0,3	88,9
Прочие производства	2,2	0,8	2,2	0,9	100,0
Вся промышленность	277,6	100,0	256,4	100,0	92,4

[1] Т. е. по Ленинградской, Псковской, Новгородской и Череповецкой, без Мурманской и без Карельской республики.

[2] Т. е. добыча торфа и сланцев.

Рассматривая таблицу, мы видим, что в настоящее время в области имеют наибольшее значение металлическая, текстильная, пищевкусовая и химическая промышленности, т. е. те же отрасли, которые являлись важнейшими и в довоенной промышленности области. Процентное соотношение между отраслями в настоящее время несколько изменилось по сравнению с довоенным временем, но эти изменения не особенно резки. Точно так же, как и прежде, на долю Ленинградской губернии приходится свыше девяти десятых областной промышленности. Наиболее слабое участие Ленинградская губерния принимает в деревообрабатывающей, минеральной и бумажной промышленности области. Это как раз те отрасли, которые сильнее всего развиты в остальных губерниях области, в виду наличия в них соответствующих сырьевых рессурсов.

Промышленность Северо-Западной области занимает в настоящее время видное место в промышленности всей страны. В 1908 году участие области в промышленности всей довоенной России определялось в 10,4%. Затем эта цифра должна была подняться, ибо, во-первых, от России отошли некоторые промышленные районы, а, во-вторых, промышленность области в последние годы перед войной и даже в годы войны росла интенсивнее промышленности всей страны. В 1923/24 году участие промышленности Северо-Западной области в промышленности СССР определялось в 10,8%. По отдельным производствам цифра сильно колеблется, что видно из следующего сопоставления:

Участие отдельных отраслей промышленности Северо-Западной области в производстве Союза в 1923/24 году:

Отрасли	% участия
Бумажная	42,0
Химическая	34,4
Металлическая и электротехническая	30,1
Электростанции и водопроводы	20,5
Полиграфическая	18,2
Деревообрабатывающая	17,5
Минеральная	14,7
Обработка животных материалов	14,6
Текстильная	7,3
Пищевкусовая	7,1
Горная	0,2
Прочие отрасли (худож.-научная)	46,3
Вся промышленность	10,8

При рассмотрении приведенных данных необходимо иметь в виду, что в подсчет по области не включены Карельская ССР и Мурманская губерния, что чуть-чуть уменьшает общую цифру участия и несколько заметнее уменьшает цифру по деревообрабатывающей промышленности, являющейся главной отраслью производства в названных частях области. Наибольшее значение область в настоящее время имеет в производстве в Союзе бумаги, затем в химической и металлической промышленности. Сравнительно меньшее значение имеют текстильная и пищевкусовая и совсем ничтожное участие области в горной промышленности Союза. Чрезвычайно высок процент участия в небольшой отрасли художественно-научной промышленности (46,3%). По сравнению с долей области в производстве по отдельным отраслям в довоенной России существенных изменений не произошло. Главные отрасли областной промышленности—металлическая, текстильная и пищевкусовая—дают в настоящее время приблизительно такой же процент участия в производстве страны, как и в довоенное время.

Значение промышленности области, в особенности Ленинградской губ., для всей страны громадно. Целый ряд производств далеко выходят за рамки губернского или областного масштаба и обслуживают своими изделиями весь Союз. Это касается как тяжелой, так и легкой индустрии. Из последней можно привести следующие примеры: производство резиновых изделий, в особенности галош (68% общесоюзного производства), механическое производство обуви (39% общесоюзного производства), табачная промышленность (29% общесоюзного производства) и проч. Естественно, что, имея всего 4,5% населения Союза, область сама не поглощала всего этого количества изделий и в большом количестве вывозила их за свои пределы. То же можно сказать и по отношению к тяжелой промышленности области. И здесь ряд производств рассчитан отнюдь не для обслуживания области, а, по крайней мере, для обслуживания всего Союза. Примерами могут служить Ленинградские гиганты металлической и электротехнической промышленности: „Красный Путиловец", „Большевик", Невский Судостроительный имени Ленина, меднопрокатный завод „Красный Выборжец" и многие другие.

VI

Рассмотрим вкратце состав и характер остальных (кроме Ленинградской) губерний, входящих в состав Северо-Западной области.

Промышленность Новгородской губернии имеет довольно скромные размеры. В 1913 году сумма производства составляет всего 25,2 милл. руб., в годы войны и революции эта цифра резко сокращается и достигает своего минимума в 1920 и 1921 году — 3,9 милл. руб. Таким образом, продукция сократилась в шесть с половиной раз. С 1922 г. начинается период подъема и восстановления Новгородской промышленности, и в 1923/24 операционном году губерния дала уже около 54% довоенной суммы производства, заняв в этом отношении первое место среди всех губерний Северо-Западной области и превзойдя даже среднюю цифру по Союзу (47%).

Из минеральных производств наибольшее значение имеют в губернии фарфорово-фаянсовое, огнеупорно-керамическое, стекольное и цементное. В деревообрабатывающей промышленности главнейшими производствами являются лесопильное и фанерное. Из текстильной промышленности развита только льняная. Химическая промышленность состоит преимущественно из спичечного производства. В довоенной пищевкусовой промышленности 90% приходилось на винокуренное, пивоваренное и проч. производства. Горная промышленность слагается из добычи угля в Боровичском районе и из добычи торфа.

Из важнейших производств губернии ближе всего подошла уже к размерам довоенного выпуска деревообрабатывающая промышленность (три четверти довоенного производства). На две трети работает бумажная промышленность, почти на половину — минеральная и химическая (спичечная). Одно из важнейших производств довоенного периода—пищевкусовое состояло почти целиком из производства алкоголя и потому в настоящее время работает в сильно сжатом виде. Две отрасли—текстильная (льняная) и обработка животных продуктов (кожевенная) — сильно выросли за последние годы и дают в настоящее время выпуск, превышающий довоенные размеры в два и три раза.

В общем почти вся Новгородская промышленность состоит из производств, базирующихся на местном сырье. К ним относится вся минеральная, бумажная, деревообрабатывающая, текстильная (льняная) и химическая (спичечная) промышленность, что дает в сумме 95% всей промышленности губернии. Такое явление представляется вполне естественным, ибо Новгород-

ская губерния, кроме своего славного исторического прошлого, не имеет никаких предпосылок для развития производств на привозном сырье, как в Ленинградской губернии. Железнодорожная сеть губернии не очень густая, к тому же все линии, кроме Октябрьской (Ленинград—Москва), сравнительно, новые и потому еще не успели полностью оказать своим существованием влияния на развитие производительных сил. Важнейшие водные артерии области также проходят не через губернию (из трех систем, соединяющих Финский залив с Волгой, через губернию проходит только Вышневолоцкая, имеющая исключительно местное значение и находящаяся в очень запущенном состоянии). Что же касается существующих производств, опирающихся на местный сырьевой и трудовой (сельское хозяйство не может прокормить всего населения) базис, то они имеют вполне здоровые корни. Это видно хотя бы из того, что Новгородская промышленность сравнительно быстро оправилась от потрясений, вызванных войной и революцией, утроила за время 1921—1924 гг. свою продукцию и дала в 1923/24 г. свыше половины довоенного производства. Это было возможно именно в виду самодовлеющего характера губернской промышленности, нуждающейся для своих производственных процессов лишь в небольшом количестве привозных материалов. Само оборудование промышленности относительно простое и в довольно большей своей части может быть восстанавливаемо местными же средствами (например, печи для обжига керамических изделий и проч.). И в смысле характера спроса Новгородская промышленность находится в благоприятных условиях,—посуда, стекло, спички, лесоматериалы и проч. пользовались большим спросом даже в годы застоя народного хозяйства, являясь преимущественно предметами широкого массового потребления. Следует отметить, что многие изделия Новгородской промышленности, в частности спички, лесоматериалы, фанера, стекло и бумага находили до войны и находят в настоящее время спрос не только в пределах губернии, но даже и за пределами области.

Размеры фабрично-заводской промышленности Череповецкой губернии еще скромнее по сравнению с промышленностью Новгородской. Если в последней сумма производства в 1923/24 году дала по 14 довоенных рублей на жителя, то в Череповецкой губернии эта величина равна всего пяти довоенным рублям. И по своему составу промышленность Череповецкой губернии примитивнее Новгородской промышленности. На первом месте стоит обработка дерева, дающая две трети промышленной продукции губернии, причем эта обработка развита в форме наиболее простой, т. е. в форме лесоматериалов в Ленинградскую губернию, в центральные губернии и для экспорта за границу. Более квалифицированных производств по обработке дерева (фанерное, мебельное и пр.) в губернии не имеется. Все остальные отрасли губернской промышленности немногочисленны и развиты в очень небольших размерах. Что касается современного состояния промышленности по сравнению с довоенным, то губерния дает свыше двух пятых довоенной продукции, причем по двум отраслям (спичечной и кожевенной) выпуск современный превосходит по своим размерам довоенный.

Подобно Новгородской промышленности, и Череповецкая в значительной своей части базируется на местном сырье. Настоящее время только 14% той части оборотного капитала, которая затрачивается на приобретение сырья, вывозится за пределы губернии, а до войны эта цифра была еще ниже, составляя всего 6%. Еще до недавнего времени промышленность губернии, в особенности лесопильная, носила явно выраженный хищническо-экстенсивный характер, работая почти исключительно на „подножном корму". Некоторые лесопилки строились с целью использования прилегающих лесных дач в возможно короткий срок, а затем переносились на новые места. Однако, последние годы уже характеризуются известной концентрацией лесопильного

производства на нескольких более или менее крупных постоянных заводах и закрытием мелких лесопилен.

Несомненно благоприятные перспективы развития в будущем имеют в губернии деревообрабатывающая, бумаго-картонная и стекольная промышленность, как богато обеспеченные сырьем. Развитию, в частности, обработке дерева должна содействовать широкая сеть водных путей, дающая возможность дешевой перевозки этого товара. В последнем отношении положение губернии может быть признано вполне благоприятным, поскольку через нее проходят как Мариинская, так и Тихвинская системы, обеспечивающие дорогу лесоматериалам, как вглубь страны, так и в Ленинград и за границу.

Чрезвычайно скромны также размеры фабрично-заводской промышленности Псковской губернии. Выпуск изделий составлял в 1923/24 году на душу населения всего около двух довоенных рублей, т. е. в семь раз меньше, чем в Новгородской губ., и в два с половиной раза меньше Череповецкой. Оценивая это обстоятельство, в особенности в связи с сравнительно высокой плотностью населения и западным положением губернии, необходимо учесть более благоприятные условия в ней для сельского хозяйства сравнительно с Новгородской и Череповецкой губерниями.

Двумя важнейшими отраслями являются кожевенная и деревообрабатывающая. Другие отрасли развиты гораздо слабее. Текстильная промышленность представлена заведениями „Псковольна" по изготовлению шпагата и веревки из низких №№ льна, непригодных для вывоза. Минеральная промышленность представлена стекольным производством. В обработку животных продуктов (кроме кожи) входит главным образом обработка щетины (объединение Витщеткомбинат, т. е. Витебский щетинный комбинат, вошедший в состав промышленности Псковской губернии после присоединения к губернии Невельского уезда в апреле 1924 года). Из важнейших отраслей губернской промышленности только одна кожевенная нуждается в некоторой части привозного сырья, остальные же базируются почти целиком на местном сырье.

В 1923/24 году Псковская промышленность дала около 44% довоенной продукции. При этом она обслуживает не только местный рынок, но и вывозит свои изделия и за пределы губернии и даже области. В частности это имеет место с изделиями Псково-льна и с кожевенными товарами, которые Псковский кожтрест сдает в большом количестве (свыше трех четвертей своей продукции) Кожевенному Синдикату для реализации на рынках разных районов.

Если внимательнее всмотреться в характер Псковской промышленности, то следует признать, что, подобно Новгородской и Череповецкой промышленности, она далеко не полно использует даже те скромные природные рессурсы, которые имеются в губернии, и что возможно еще многое сделать в области рационализации и интенсификации использования производительных сил губернии.

Автономная Карельская ССР является районом, в котором фабрично-заводская промышленность находится еще в самом зачаточном состоянии. Редкое население (плотность 1,8 на кв. *км*), суровые природные условия, бедность естественных рессурсов (Карелия богата только лесом, гидравлической энергией и кой-какими минеральными рессурсами, как шпат, кварц, диабаз и др.), географическое положение, недостаток путей сообщения—все это ставит промышленность республики в довольно тяжелое положение. Важнейшее место принадлежит деревообрабатывающей промышленности, занимающей две трети общего числа промышленных рабочих и существующей главным образом в форме лесопильного производства. Лесопильные заводы Карелии расположены тремя группами: Беломорская группа (заводы треста Северолес—эта группа является самой мощной), Западно-Онежская группа

(трест Кареллес) и Восточно-Онежская группа (трест Севзаплес). Лесопильное производство имеет большое значение как для снабжения лесоматериалами ряда районов Союза, так и для экспортных операций. Второе место принадлежит обработке металлов. Металлическая промышленность Карелии базируется отчасти на собственном сырье (местная руда). В Паданском (бывшем Петрозаводском) уезде на Сеговецком чугунно-плавильном заводе имеются две доменные печи, являющиеся единственными во всей северо-западной области и ныне бездействующие. Горная промышленность Карелии пока еще находится в зачаточном состоянии. В течение последнего времени производится разработка полевого шпата, кварца, горшечного камня и начинается разработка разных строительных камней в частности диабаза.

В общем можно считать, что Карельская республика имеет большие возможности как в области развития лесной промышленности, так и горной, так как запасы полевого шпата и кварца достаточны не только для удовлетворения в будущем потребности Союза, но и для вывоза значительных количеств за границу.

В Мурманской губернии вся фабрично-заводская цензовая промышленность представлена всего лишь несколькими предприятиями, обслуживающими нужды Мурманской железной дороги и порта.

Рассмотренная нами промышленность отдельных губерний, а также промышленность Ленинградской губернии (взятой без города Ленинграда и его окрестностей) отличаются от промышленности г. Ленинграда не только по своему составу (о чем уже упоминалось выше). Глубокая разница лежит в плоскости размеров и технического оборудования отдельных предприятий, а, следовательно, и в плоскости производительности труда, степени рационального использования сырья (примером может служить хищнически-экстенсивный характер работ некоторых лесопильных заводов) и пр. В этом отношении Северо-Западная Область может быть разбита на две части, резко отличающиеся друг от друга—город Ленинград с окрестностями, с одной стороны, и вся остальная территория области с другой—производственная столица и провинция.

VII

В типично-промышленных странах, как например в Великобритании, обрабатывающая промышленность весьма слабо зависит от местного сельского рынка. Последний поглощает лишь небольшую часть промышленных изделий, главная же масса их поглощается самой промышленностью (производство машин и пр.), промышленным населением и внешними рынками (экспорт). И обратно: местное сельское хозяйство лишь в незначительной части снабжает сырьем промышленность, главная же масса сельско-хозяйственного сырья привозится из-за границы. Совершенно обратную картину представляют взаимоотношения между сельским хозяйством и промышленностью СССР, где сельское население является, конечно, одной из важнейших составных частей рынка промышленных изделий. Завися от покупательной способности сельского населения, наша промышленность тем самым зависит от состояния сельского хозяйства страны, так как именно этим состоянием и определяются как потребности, так и покупательная способность сельского населения. Взаимная связь между промышленностью и сельским хозяйством проявляется и в другом направлении,—в отличие от промышленных стран Западной Европы, наше сельское хозяйство является важнейшим поставщиком сырья для целого ряда производств: деревообрабатывающего, пищевкусового, текстильного, мыловаренного, свечного, кожевенного и пр. Наконец, третий момент связи заключается в том, что земледелие не везде может прокормить всего населения и часть сельского пролетариата вынуждена итти на фабрику, пополняя кадры промышленного пролетариата.

Таким образом, мы видим, что в СССР между промышленностью и сельским хозяйством существует тесная связь, обусловленная разносторонней взаимной зависимостью этих двух отраслей народного хозяйства. С этой связью русской промышленности приходится весьма считаться, ибо при экстенсивности нашего земледелия колебания урожайности чрезвычайно велики, а, следовательно, сильно колеблется по годам как снабжение промышленности сельско-хозяйственным сырьем, так и спрос на промышленные изделия со стороны сельского населения.

С точки зрения взаимоотношений с сельским хозяйством страны, промышленность Северо-Западной области несколько отличается от промышленности всего Союза. Если взять отрасли промышленности, работающие на сельско-хозяйственном сырье (не считая лесного сырья), т. е. текстильную, пищевкусовую, обработку животных продуктов, частично химическую и пр., то эти производства занимают в настоящее время в промышленности СССР по сумме около 55—60%. В промышленности Северо-Западной области их участие выражается значительно низшей цифрой—около 40%. Если к тому же принять во внимание, что промышленность Северо-Западной области в большей степени пользуется иностранным привозным сельскохозяйственным сырьем (хлопок и др.), чем промышленность всего Союза в целом, то будет очевидно, что в смысле снабжения сырьем она находится в несколько меньшей зависимости от состояния сельского хозяйства страны, чем промышленность других областей. Кустарная промышленность области тоже уделяет сравнительно мало внимания переработке продуктов сельского хозяйства (перерабатывая преимущественно продукты лесного хозяйства). Из сказанного, однако, отнюдь не следует делать выводов о какой-то эмансипации областной промышленности от сельского хозяйства в деле снабжения сырьем. Здесь можно говорить только о несколько меньшей степени зависимости областной промышленности в целом, и только. Отдельные же производства могут стоять в такой же зависимости, как и в других районах страны. Ярким примером этого может служить наша областная табачная промышленность (Ленинградский Табачный Трест), которая в очень сильной степени ощущала недостаток в СССР высокосортных выдержанных табаков в 1924 и в предшествовавших годах.

Упомянем еще, что в области снабжения сельскохозяйственным сырьем Северо-Западная областная промышленность связана преимущественно с сельским хозяйством других районов СССР, ибо местное сельское хозяйство, кроме льна, почти никакого сырья дать не может.

Какое значение имеет сельский рынок для реализации изделий промышленности Северо-Западной области? И здесь приходится признать, что Ленинградская промышленность слабее связана с сельским рынком, чем промышленность Союза в целом, так как на деревенский рынок может работать только небольшая ее часть.

Действительно, металлическая промышленность области почти ничего не дает деревне, ибо производство тракторов только сейчас постепенно налаживается, а производство сельскохозяйственных орудий, будучи сосредоточено преимущественно на Украине, почти не развито в нашей области. Производство разных металлических предметов крестьянского обихода тоже ничтожно. Такую же почти картину являет и химическая промышленность и целый ряд других отраслей. Даже текстильная промышленность Ленинграда меньше приспособлена по своему оборудованию, производственным навыкам и традициям к обслуживанию сельского рынка, чем текстильная промышленность Центрально-Промышленной области.

Итак, взаимоотношения между промышленностью Северо-Западной области и сельским хозяйством страны могут быть формулированы следующим образом:

1. Связь с сельским хозяйством в областной промышленности выражена несколько слабее, чем в промышленности всего Союза в целом, в виду того, что областная промышленность исторически создавалась для обслуживания промышленности же (задача восстановления основного капитала промышленности) и для обслуживания городского рынка в большей степени, чем сельского.

2. Связь областной промышленности с сельским хозяйством всего Союза в целом — двусторонняя, поскольку область получает сельскохозяйственное сырье для промышленной переработки из разных районов страны и вывозит часть товаров для сельского рынка тоже за пределы области.

3. Связь областной промышленности с областным же сельским хозяйством носит более односторонний характер, ибо идет главным образом по линии распространения некоторых промышленных изделий по области и в очень небольшой лишь мере по линии снабжения промышленности сырьем со стороны сельского хозяйства области.

Та оторванность Ленинградской промышленности от сырьевого базиса, о которой говорилось в начале настоящей главы, заставляет производить вне области заготовку сырья и полуфабриката не только сельскохозяйственного происхождения. Металлы, топливо и пр. являются товарами, которые Северо-Западная областная промышленность вынуждена доставлять из других, нередко довольно отдаленных районов. В этой плоскости связь между областью и всем Союзом несомненно носит тесный характер, причем она устанавливается главным образом за счет именно Ленинградской губернии, а не за счет прочих губерний области, промышленность которых, как видно было выше, в значительной доле базируется на местном сырье.

И обратно, большинство отраслей ленинградской промышленности работают не только на областной рынок, но и на рынки других районов, т. е. имеют большое значение для народного хозяйства всего Союза. Действительно, в течение 1923/24 года ленинградские тресты продали через свои иногородние отделения приблизительно одну четверть всей своей продукции. По отдельным трестам эта цифра сильно колеблется, составляя, например, 60% для Табачного, 50% для Электромашиностроительного, около 40% для Текстильного, около 30% для Кожевенного и Бумажного, около 10% для Спичечного, Красочного и Древтреста и т. д. Однако, эти цифры не дают еще полной картины вывоза промышленных изделий из Северо-Западной области в другие районы, так как часть товаров вывозится путем сдачи их соответствующим синдикатам или путем продажи в Ленинграде представителям других областей (которые уже сами затем этот товар вывозят из области).

Что касается внешнего (иностранного) рынка, то он имеет для Северо-Западной областной промышленности только значение в смысле вывоза продукции деревообрабатывающей промышленности. Действительно, вывоз изделий трестов в 1923/24 году составлял всего 12 милл. рублей, т. е. ничтожную часть всей продукции, и распределялся следующим образом: на $10^1/_2$ милл. руб. изделий деревообрабатывающей промышленности, преимущественно лесопильной (пропсы, балансы, доски и пр., т. е. фактически не изделия, а лишь полуфабрикат), затем на 1 милл. рублей резиновых изделий и приблизительно на полмиллиона прочих изделий (канаты, спички, немного радиооборудования и пр.).

Рынок самой Северо-Западной области в большей части удовлетворяется изделиями областной же промышленности. Монопольного владычества на „своем“ рынке, конечно, нет, ибо в области расходится также некоторое количество товара из других районов (московская мануфактура, московские и украинские табачные изделия, спички из Северо-Восточной области и т. д.), но безусловно главную массу товара поставляют свои же областные тресты.

VIII

Каковы перспективы дальнейшего развития промышленности Северо-Западной области, в частности ленинградской промышленности? В течение последних 10—15 лет Западная Европа и Северная Америка сделали громадные шаги в области промышленного развития. Отчасти увеличились размеры некоторых производств, главным же образом имел место качественный (технический) прогресс, возникли новые приемы, некоторые новые производства, новые промышленные очаги. Достижения мировой электрификации внесли серьезные изменения в взаимоотношения отдельных отраслей, в частности в вопросы географического взаимоотношения энергетических и сырьевых рессурсов. СССР сильно отстал, фактически почти не участвовал в техническом прогрессе последнего десятилетия, но сможет участвовать в нем в будущем, в связи с развертыванием проблемы обновления нашего основного капитала (оборудования промышленности). При плановом характере нашего народного хозяйства это обновление несомненно будет производиться с учетом всех положительных и отрицательных сторон существования того или иного производства в том или ином районе страны. Поэтому перед нами возникает вопрос: должна ли в будущем Северо-Западная область (в сущности Ленинград) продолжать быть одним из важнейших промышленных очагов СССР, или же, наоборот, рационализация народного хозяйства требует ослабления роли ленинградской промышленности за счет усиления значения иных районов (в виду отдаленности Северо-Западной области от угля, железа и прочего сырья)? Подходить к разрешению этого вопроса следует с большой осторожностью. В ближайшие годы, конечно, о создании новых мощных промышленных районов вместо Северо-Западного не может быть и речи.[1] В этот период, безусловно, расширение производства Союза сможет итти преимущественно путем более или менее значительного улучшения промышленного оборудования в существующих районах, в том числе и Ленинградском. При этом, конечно, необходимо будет обратить внимание на максимальную рационализацию использования возможностей района, чему до сих пор уделялось недостаточно внимания. Если мы затем обратимся даже к более отдаленному будущему, то, поскольку вообще возможно заглядывать вперед, можно думать, что все-таки ленинградская промышленность будет продолжать занимать видное место в народном хозяйстве Союза. Правда, ее удельный вес сможет несколько понизиться, благодаря созданию новых промышленных очагов в районах сырьевых залежей, но, даже при уменьшении относительных величин, абсолютные размеры производства будут несомненно расти. Для этого имеется налицо целый ряд предпосылок, из которых основными являются следующие:

1. Наличность в Ленинграде кадров высококвалифицированного промышленного пролетариата.

[1] Достаточно указать на трудности не только в области постройки самих заводов, но и на рабочий вопрос, на жилищное обеспечение и пр. Например, при полувековом существовании Донецкой каменноугольной промышленности ни рабочий, ни жилищный вопросы не нашли еще полного рационального разрешения.

2. Возможность постоянно пополнять рабочие кадры из местного же населения, которое не может все прокормиться сельским хозяйством. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Такое пополнение носит более постоянный характер, чем в черноземной полосе (например, в Донбассе), где оно сезонно, и где поэтому сезонные колебания числа рабочих осложняют вопрос об обеспечении производства рабочей силой.

3. С точки зрения планировки и рационализации всего народного хозяйства Союза в целом (а не только его промышленности, которая иногда должна подчиняться более общим интересам), индустриализация районов, в которых сельское хозяйство не может прокормить всего населения и занять весь его труд, необходима в целях равномерного распределения труда по территории государства. Здесь иногда даже нельзя останавливаться перед необходимостью ввоза в район и топлива и сырья.

4. При географическом размещении промышленности необходимо считаться не только с удобствами производства, но и с расположением наилучших рынков сбыта изделий. С этой точки зрения, для целого ряда производств Северо-Западная область представляет большие удобства, являясь, с одной стороны, сама по себе довольно емким рынком, а с другой стороны—и удобным рынком-распределителем для сбыта промышленных изделий в другие районы СССР и, возможно, в будущем и за границу.

5. Один из важнейших доводов против развития ленинградской промышленности—отсутствие в области первоклассного топлива—через некоторое время потеряет свою остроту в связи с широкими возможностями полной электрификации промышленности при помощи местных энергетических рессурсов (белый уголь и торф).

6. И другой основной довод против развития ленинградской промышленности — отсутствие важнейшего сырья, т. е. черного металла — тоже далеко не так основателен, как это обычно кажется. Конечно, никто не станет оспаривать нецелесообразность развития в Ленинграде первичной металлургической промышленности. Но изготовление металлических изделий для областного и для ближайших внеобластных рынков из привозного металла оказывается отнюдь не таким нерациональным, как это принято думать. Дело в том, что стоимость перевозки разницы в весе между сырьем и готовыми изделиями (которые почти всегда легче сырья) обычно покрывается более низкими тарифами на перевозку сырья. При этом надо иметь в виду, что разница в тарифах не есть переложение „убытков“ на железную дорогу, так как сырье допускает более полное использование грузоподъемности вагона, и, следовательно, фактически может быть перевозимо дешево. Это положение легко может быть доказано рядом примерных расчетов, не приводимых здесь за недостатком места.[1]

7. В Северо-Западной области в будущем на местном сырье должны развиться новые производства безусловно общесоюзного значения. Таковым, например, будет получение алюминия из Тихвинских бокситов, что станет не только возможным с получением дешевой энергии с Волховстроя, но даже необходимым для более полного использования Волховской станции в периоды меньшего потребления энергии городом.

Северо-Западная область имеет еще много богатств и многое может быть сделано для более полного использования ее производительных сил. В частности, можно указать на необходимость интенсификации химической и механической обработки дерева, которая до сих пор носит еще хищнически-экстенсивный характер. Все эти новые производства требуют значительного оборудования. Затраты на это оборудование безусловно целесообразны с точки зрения планового хозяйства, ибо содействуют развитию использования местных производительных сил и дают новое приложение труда населению. Ясно также, что задача переоборудования промышленности Северо-Западной области должна быть возложена на ленинградскую тяжелую индустрию.

[1] При перевозке металлических изделий (например частей машин) грузоподъемность вагона может быть использована только на 40—60%, при перевозке же тяжелого сырья—на 100%.

Итак, мы видим, что в пользу дальнейшего планового развития Северо-Западной области, как промышленного района, говорит очень многое. Необходимо только несколько изменить соотношения между отдельными производствами. Металлическая промышленность Ленинграда должна иметь в первый ближайший период безусловно общесоюзное значение, но в дальнейшем, при развитии в СССР новых промышленных центров и усилении южной металлической промышленности, за Ленинградом, по всей вероятности, останется только задача обслуживания области и ближайших внеобластных рынков. Но так как промышленность области должна будет интенсивно развиваться, то снабжение ее соответствующим оборудованием может быть вполне достойной для ленинградской металлопромышленности задачей. За счет уменьшения удельного веса металлопромышленности увеличится, конечно, удельный вес производств, пользующихся местным сырьем. Одни из них возникнут заново (например, проектируемое получение алюминия из бокситов), другие же должны быть коренным образом переоборудованы, так как, в противоположность ленинградской металлической и текстильной промышленности, их современная постановка с технической точки зрения отнюдь не „современна“ и совершенно неудовлетворительна (конечно, за некоторыми частными исключениями). Сокращению могут подлежать разве только производства по первичной переработке дешевого привозного (из других районов) сырья, каковые производства и без того не имеют большого значения для области. Однако, и тут надо быть чрезвычайно осторожным при оценке каждого отдельного случая.

Наконец, существование текстильной промышленности Ленинграда вполне оправдывается тем, что мы еще в течение некоторого времени, вероятно, будем нуждаться для этой отрасли в привозном сырье, по отношению к которому географическое положение Ленинграда не оставляет желать ничего лучшего.

Итак, мы видим, что существование промышленного очага в Северо-Западной области обусловливается и оправдывается целым рядом факторов. Что же касается доводов, говорящих против, то, как это было видно из вышеизложенного, эти доводы далеко не имеют того веса, который им обычно приписывается, и к целому ряду производств вообще неприменимы. Не будучи даже „патриотом областного масштаба“, можно совершенно беспристрастно признать всю целесообразность дальнейшего развития промышленности Северо-Западной области на-ряду с промышленностью всего Союза СССР.

Лучшим подтверждением правильности этой точки зрения является недавнее утверждение плана постройки в Ленинграде ряда новых предприятий, в частности—трех крупных текстильных фабрик, а также обоснования именно в Ленинграде Института для проектирования новых заводов металлической промышленности.

К. М. Трояновский

Проблема реконструкции хозяйства Карачаево-Черкасской Автономной Области[1]

Карачаево-Черкасская Автономная Область (в сокращении просто: КЧАО) принадлежит к наиболее дефицитным Областям Северо-Кавказского Края.

Сама по себе дефицитность бюджета не всегда является доказательством отсталости, поскольку она (дефицитность) находит себе оправдание в соответственном хозяйственном росте. При доходе Области в 1924/25 бюджетном году в 692 тыс. руб. (с закруглением), она расходовала около одного миллиона руб., получив, таким образом, дефицит больше чем в 300 тыс. руб., причем главная тяжесть расходов падала на содержание административного аппарата и проч. Дефицитная сумма по отношению доходной части бюджета равна почти 50% последней, причем не приняты во внимание сверхсметные ассигнования.

По своей дефицитности КЧАО стоит на 3-м месте после Кабардино-Балкарской и Адыгейской Автономных Областей. Причем Кабарда среди всех Автономий С. Кавказа являет образец экономического строительства, что нельзя сказать о КЧАО.

Говоря о непроизводительном бюджете КЧАО, мы, конечно, имеем в виду не сжатие, а изменение его направления, следствием чего может произойти даже и его расширение. Дело, конечно, не всегда в сокращении бюджетных расходов, а в реконструкции всего бюджета, при которой последний носил бы больше характер широкого производственного или восстановительного финансирования, чем простой дотации.

Но так как изменение направления или реконструкция областного бюджета находится в тесной зависимости от реконструкции всего народного хозяйства Области, а это последнее—от заложенных в ней естественных и других возможностей, а также и учета этих возможностей и рессурсов, то целесообразно начать именно с этого последнего.

1. Земельный вопрос

Корень зла финансового хозяйства Области в том, что основные отрасли хозяйства КЧАО—земледелие и скотоводство—постепенно пришли в большой упадок, не будучи в состоянии прокармливать все увеличивающегося населения Области. Кроме того, большой прирост населения, благодаря сильной иммиграции из северных губерний, создал новые трудности в виде избыточного населения, которое не может найти приложения даже для своего дешевого труда. Таким образом, первая и основная проблема Карчеробласти есть проблема избыточной живой рабсилы, не могущей в данных условиях и формах экономики Области найти себе надлежащего применения и меньше всего и в первую очередь не находит его, можно сказать, в единственной здесь области земледелия и скотоводства (о применении ее в местной промышленности говорить не приходится, так как таковой почти не существует).

Если мы чисто-арифметическим способом разделим весь земельный фонд КЧАО, составляющий, по одним сведениям, 888 слишком тысяч дес. „в о о б щ е“ удобной земли, независимо от рода и качества ее, а по другим даже свыше миллиона, то на каждого жителя Области (которых насчитывают здесь кругло 160 тыс.) пожалуй пришлось бы больше земли, чем даже на жителя северных или черноземных губерний (по 5 слишком десят. против 4-х на душу). Но такой метод был бы совершенно неправилен. На самом деле, только около 100 тыс. десятин является годной к обработке землей, остальная же часть находится под лесом и кустарником, летними пастбищами, сенокосом и выгоном и часть совершенно неудобная (скалы, овраги, мочаки и т. п.). Т.-е., всего только о 9,5—10% всей земли можно говорить, как о реальном земельном фонде. Техническое улучшение сколько-нибудь существенного значения на увеличение земельного фонда не будет иметь так же, как и расчет на привлечение земель из других смежных Областей, хотя бы в силу сложившейся политической обстановки.

П о с е в н а я площадь, по данным Областного Статистического Бюро, равнялась в нынешнем году 42.460 дес., по данным же Обфо она на 1925/26 г. составит 53 тыс. дес. Следовательно, если разделить всю посевную площадь на число едоков, или на общее число хозяйств (28.370), то на долю одного хозяйства придется, в среднем, от 1,7 до 2 дес., а на душу—приблизительно по $^1/_4$ дес. запаханной под разные культуры земли.

Такая доля является не только малой, но просто-таки нищенской, голодной.

„По топографическим и почвенным условиям большая часть области как бы самой природой предназначена для эксплоатации земли под чисто скотоводческие хозяйства. Большую часть горного района составляют земли, совершенно непригодные для хлебопашества, как скалы, ущелья, склоны гор, овраги и проч., которые могут быть использованы под пастбища для скота“.[1] Львиная доля „удобной“ земли падает на эти именно угодья: пастбищно-покосной земли всего 561 тыс. дес., что составляет добрую половину всего земельного фонда КЧАО. И тем не менее этих угодий оказывается недостаточно для развития скотоводства в области. Мы сейчас убедимся, что скотоводство обнаруживает здесь сильную и неуклонную тенденцию к упадку. В то время, как в 1913 г. во всей Области имелось скота 1.092.370 голов (в том числе 215.655 крупного рогатого), в 1925 г. насчитывается скота всего 530.345 голов (в том числе 182.424 кр. рог.), т. е. немногим больше половины. Сокращение произошло, главным образом, за счет лошадей, овец и свиней.

При разделении количества скота на каждые 100 душ населения получатся след. нормы для след. годов:

	В 1916 г.	1922	1924	1925
Лошадей	36	22	19	20
Кр. рог ск.	147	95	102	103
Овец	380	152	150	171
Свиней	17	6	—	—

[1] От редакции. Летом этого года по инициативе и на средства Облисполкома Карачаево-Черкасской Автономной Области впервые была организована Научно-Исследовательская Экспедиция по всестороннему эконом. обследованию Области под руководством члена-сотрудника К. М. Трояновского.

Настоящая статья представляет из себя обобщение опыта экспедиции, сделанной ее председателем, автором данной статьи.

[1] См. недавно вышедшую небольшую, но весьма ценную брошюру: „Район Теберdинской ж. д. в экономическом отношении“. 1925 г. Ростов н/Д, стр. 54.

Но падение скотоводства отмечается уже с 1906 г.

По данным Абрамовской комиссии, на 1 хозяйство приходилось в 1906 г. по 5,7 лошадей, 21,4 гол. рог. скота, 83,8 гол. овец—всего по 111 голов разного скота, а в 1916 г. приходилось: по 2,6 лошадей, 11,5 кр. рог. скота и по 50,9 овец,—всего по 65 гол. скота на 1 хозяйство, т. е. за 10 лет мирного „развития" скотоводство Карачая понизилось от 40 до 50%.

Причиной тому служил и продолжает служить недостаток зимних пастбищ и сенокосов, что видно из следующей сравнительной таблички:

Округа	Сенокос	Выгон	Летн. пастбище
Баталпашинский	0,9	0,7	только для Карачая
Зеленчукский	1,0	0,8	
Элбурганский	1,08	0,9	
Хумаринский	0,08	0,5	По всем трем карачаевским округам по 2,5 дес., а выгона—по 1,3 дес.
Учкуланский	0,9	0,5	
Мало-Карачаевский . . .	1,2	2,27	

Мы видим, таким образом, что в то время, как летних пастбищ приходится на Карачай по 2,5 дес., сенокоса приходится на 1 голову крупного рогатого скота всего около 1 десятины. Это—для скотоводческого района, каким является Карачай (Хумаринский, Учкуланский, Мало-Карачаевский) мало. Ибо таким же приблизительно количеством сенокоса наделены и не скотоводческие районы,—Зеленчукский и Баталпашинский, не живущие исключительно от животноводства и располагающие другими видами корма для своего преимущественно рабочего скота. По нашим вычислениям для прокормления всего наличного количества скота зимой Карачаю потребовалось бы еще 27—30 тыс. дес. одной сенокосной земли, которой взять ему теперь неоткуда.

Переходя к вопросу об обеспеченности населения как скотом, так и пахотной землей не по территориальному, а по национальному признаку с одной стороны и социальному—с другой, мы убедимся в том, что здесь распределение еще более неравномерное.

Из приводимой ниже сводки № 1 мы видим, что в скотоводческом районе нашей Области хуже всех обеспечены землей карачаевцы, — по 0,02 дес. на едока и лучше всех русские,—по 0,12 дес. на едока. В отношении владения скотом,—главным богатством района,—на первом месте стоят черкесы (по 1,91 шт. на едока)[1]; за ними следуют карачаевцы (по 1,90 шт. на едока); на последнем месте стоят осетины (по 0,72 шт. на едока). В среднем, в скотоводческом районе КЧАО приходится по 1,74 голов скота и по 0,02 дес. посева на едока. Преобладающими же жителями этого района являются карачаевцы, которых насчитывается здесь 45.603 души против 9.731 души всех прочих 5-и национальностей.

Что касается земледельческого района (сводка № 2), то лучше всех обеспечены посевом немцы и эстонцы (по 1,76 дес. на душу), но количественно их число не велико и удельный вес незначителен (148 хоз. с количеством едоков в 652 чел.). За ними следуют: ногайцы (0,65 дес.), русские (0,64 дес.) и т. д.; черкесы же стоят на последнем месте (0,43 дес. на едока). В отношении незаливных лугов (сенокосных) ногайцы в наилучшем положении, имея по 1,39 дес. на душу, черкесы же—в наихудшем (0,10 дес. на едока). В среднем по данному району величина площади посева = 0,58 дес., незаливных сенокосов — 0,46 дес. на едока, а крупного

[1] Как здесь, так и в дальнейшем, где не указано обратного, количества указаны в пересчете на крупный рогатый скот.

С В О Д К А № 1

учетных объектов обложения с начисленным налогом по сельхозналогу кампании 1925/26 г.

в скотоводческом районе КЧАО по национальностям

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	Число облаг. хозяйств	Количество едоков	Количество облагаемого скота в хозяйстве в головах					Всего скота в пересчете на крупн. рогатый скот	Всего посева в хозяйстве в каз. десятинах	Сумма исчислен. налога		Скота в пересчете в кр. рогат. скот на 1 едока	Посева на 1 едока
				Крупный рогатый скот	Лошади	Верблюды и мулы	Волы, овцы и буйволы	Овцы и козы			Руб.	Коп.		
1	Русские	609	2.790	2.298	330	—	—	572	2.723.76	336,2	1.159	59	0,97	0,12
2	Греки	123	585	472	23	—	—	82	508,70	30,1	169	73	0,87	0,05
3	Осетины	407	2.885	1.451	170	—	—	2.803	2.086,51	157.6	1.156	67	0,72	0,05
4	Карачаевцы	8.485	45.603	51.612	6.144	38	1.242	166.399	86.624.65	979.2	66.146	25	1,80	0,02
5	Черкесы	179	1.183	1.320	128	—	3	4.178	2.273,84	81,9	2.146	33	1,91	0,07
6	Абазинцы	463	2.428	2.737	69	—	—	1.683	2.767	—	1.027	99	1,14	—
	Итого по области в скотоводческом районе КЧАО .	10.266	55.474	59.290	6.864	38	1.245	157.517	97.002.46	1.585,0	71.797	56	1,74	0,02

СВОДКА № 2

учетных объектов обложения с начисленным налогом по сельхозналогу кампании 1925/26 г.

в земледельческом районе КЧАО по национальностям

№№ по порядку	Наименование национальностей	Число обложенных хозяйств	Количество едоков	Площадь посева		Сады, виноградные усадьбы, приусадебн. земли и др. культ. насажден.	Незаливные сенокосы	Количество облагаемого скота					Сумма исчислен. налога		Площадь посева на 1 едока	Незаливн. сенокоса на 1 едока	Крупного рогатого скота на 1 едока
				Озимого	Ярового			Крупн. рогат. скот	Лошади	Верблюды и мулы	Волы, ослы, буйволы	Овцы и козы	Рублей	Копеек			
1	Немцы, эстонцы	143	652	601,85	548,25	—	308,45	210	178	—	2	389	5.979	02	1,76	0,47	0,31
2	Русские	11.195	56.864	17.506,02	18.943,88	2.186,90	24.137,15	21.061	6.852	15	14.788	28.570	155.292	10	0,64	0,42	0,37
3	Абазинцы	1.707	9.877	1.266,64	3.473,44	104,43	6.065,97	4.674	940	—	2.018	7.491	21.584	88	0,46	0,61	0,47
4	Ногайцы	1.396	6.205	1.515,96	2.558,45	139,24	8.630,89	2.563	517	—	1.170	2.694	16.986	59	0,65	0,39	0,41
5	Черкесы	2.471	14.773	2.186,40	4.215,45	151,72	155,00	6.039	1.373	—	2.988	7.964	24.875	03	0,43	0,10	0,40
	Итого по Области в земледельческ. районе КЧАО .	16.912	88.371	23.076,87	29.739,47	2.582,29	40.699,46	34.547	9.861	15	20.961	5.961	224.917	52	0,58	0,46	0,39

СВОДКА № 3

по распределению скота

в беспосевном районе скотоводства

Наименование округов	Группы по обеспечению скотом	I До 5 голов на хоз.	II Свыше 5 до 10 гол.	III Свыше 10 до 20 гол.	IV Свыше 20 до 30 гол.	V Свыше 30 до 40 гол.	VI Свыше 40 до 50 гол.	VII Свыше 50 на хоз.	ИТОГО
1. Мало-Карачаевский .	Число хозяйств . . .	1.908	961	479	122	44	21	16	3.551
	Число голов скота в переводе на крупный рогатый скот	6.321,80	7.144,80	6.714,50	2.959.80	1.513,80	936,40	1.190,50	26.781,10
2. Хумаринский . . .	Число хозяйств . . .	1.759	710	316	90	32	12	10	2.929
	Число голов скота в переводе на крупный рогатый скот	5.619.40	5.347,90	4.585,30	2.172,30	1.079,60	516,20	772,60	20.093,30
3. Учкуланский	Число хозяйств . . .	1.209	886	654	260	88	57	71	3.225
	Число голов скота в переводе на крупный рогатый скот	3.824,50	6.836,10	9.407	6.332,60	3.021,50	2.519,90	5.742	37.683,60
ИТОГО по району .	Число хозяйств	4.876	2.557	1.449	472	164	90	97	9.705 хоз.
	в %/%	(50,1%)	(26,4%)	(15%)	(5%)	(1,7%)	(0.9%)	(1%)	(100%)
	Число голов скота в переводе на крупный рогатый скот	15.765,70	19.328,80	20.706,80	11.464,70	5.614,40	3.972,50	7.705,10	84.588 гол.
		(18,4%)	(24%)	(24,6%)	(13,5%)	(6,6%)	(3,5%)	(9,1%)	(100%)

рогатого скота здесь приходится по 0,39 голов на едока. Преобладающее здесь население—русское (11,195 дворов и 56.864 человека). В смысле землепользования они, как и ногайцы, занимают среднее положение (по 0,64 и 0,65 дес. на едока), но в отношении сенокоса русское население этого района в гораздо худшем положении, нежели те же ногайцы (0,42 дес. против 1,39 дес. на душу), несмотря на то, что скота у них почти поровну.

Второй, после русских, доминирующей здесь группой являются черкесы (2.471 двор и 14.773 едока). Она беднее всех остальных национальных групп почти во всех отношениях. (См. сводки № 1 и № 2).

Социальная дифференциация особенно далеко зашла в Карачае, в скотоводческом районе, как это можно видеть из сводки № 3.

Если для скотоводства принять за минимальную норму количество скота до 10 голов на хозяйство, то таких в сущности бедняков окажется 76,5% всех хозяйств Карачая, владеющих вместе только 42,6% всего его скота. Середняков только 15%, остальные—богатеи. Так как в эту таблицу не вошли необлагаемые хозяйства, которых очень много, то социальные контрасты среди скотоводческого населения на самом деле еще больше, еще разительнее.

Переходим, наконец, к земледельческому району. Из приводимой ниже сводки № 4 мы видим, что на долю бедняков, владеющих по $^1/_4$ дес. на едока, приходится всего 3,8% всей пахотно-сенокосной земли этого района. Но эта бедняцкая группа здесь не так велика, как, например, в скотоводческом районе (13,5% здесь против 50,1% там). Затем идут 3 группы, владеющих от $^1/_4$ до 1 дес. на душу, которые составляют вместе 70,8% всех хозяйств, и т. д. (Сводка № 4).

В общем можно сказать, что в земледельческом районе середняцкое хозяйство преобладает, в то время, как для скотоводческого района крайне характерным является преобладание бедноты при большом количественном и удельном весе крупных скотоводов, задающих тон во всей здешней экономической и даже политической жизни Области.

СВОДКА № 4

по распределению земли (пахотно-сенокосной)

А. Количество едоков по группам в % отношении к общему количеству едоков—(81.131 чел.)				Б. Количество пахотно-сенокосной земли по группам в % отношении к общей площади (51.071 дес.).	
Группа.	Размер посева	Кол. едоков	% к общ. колич. едоков	Кол. дес.	% к общ. площади
I	до 0,25 д. на ед.	10.932	13,5	1.935	3,8
II	Св. 0,25 д. до 0,50 д	31.139	38,4	12.227	24,0
III	„ 0,50 „ „ 0,75 „	18.312	22,6	11.029	21,6
IV	„ 0,75 „ „ 1,0 „	7.891	9,8	6.829	13,4
V	„ 1,0 „ „ 1,5 „	8.254	10,2	10.180	19,9
VI	„ 1,5 „ „ 2,0 „	3.278	4,0	5.600	10,9
VII	„ 2,0 „ „ 2,5 „	871	1,0	1.919	3,7
VIII	„ 2,5 „ „ 3,0 „	316	0,4	849	1,7
IX	„ 3-х десятин	138	0,2	503	1,0

В результате вышеочерченной земельной тесноты и нехватки сенокоса для прокорма скота зимою (лето он проводит в горных пастбищах на так называемых „кошах“ или „стоянках“), сильнее всего ощущаемой в нагорной полосе, с одной стороны, и неравномерного национального и социального распределения небольшого и без того общеземельного фонда—с другой, все усиливается экспансия наиболее утесненной части населения, а именно, карачаевцев, вниз с целью осесть на землю и перейти на зерновую культуру.

Стремясь на плоскость, эти, гонимые нуждой карачаевцы, невольно производят давление на плоскостное население, которое также нуждается в земле и пастбищах. Естественно, что нажим одних вызывает от пор других и в результате получается такой сложный переплет национально-социально-аграрных взаимоотношений, который в обычном и, конечно, паллиативном порядке не распутать, не разрешить. „Action directe“, к которому прибегает само население, т. е. самочинный и неорганизованный захват земель, вытеснение одних групп населения другими, чему потворствует,—нечего этого скрывать!—и власть, только усугубляет и без того сложное положение и создает еще больший тупик.

После более или менее тщательного анализа земельных отношений КЧАО мы подошли, наконец, к непосредственной теме нашей статьи,—к вопросу о том, как же разрешить при данных условиях земельный вопрос в КЧАО?

Было бы чрезвычайно близоруко, как это иногда и поступают на местах сводить более общие и основные вопросы экономики Области к частному, правда острому вопросу, каким является в данном случае вопрос о малоземелии и малоскотности КЧАО, которого ни отрицать, ни затушевывать не приходится. Наоборот, ясно подчеркивая его, к а к ф а к т, необходимо найти наиболее целесообразный и наиболее осуществимый выход из него, хотя-бы и не прямой, не трафаретный, какой, к сожалению, практикуется населением и самой местной властью, затеявшими в последнее время форменное „переселение народов“; также и в возникшем в последнее время движении в пользу „выделения“, как панацеи от земельной и проч. тесноты мы не видим спасения именно для э т о г о (земельного) вопроса. Мы считаем, что с „выделением“ лучше не связывать никаких земельных иллюзий, ибо количества земли оно не повысит, а спора о земле оно тоже не предотвратит. Спорят же и притязают на земли друг друга карачаевцы и кабардинцы, несмотря на то, что границы между ними давно установлены и все земельные споры разрешены!..

Полагая, что выдвигаемый некоторыми группами и лицами, как на местах, так и в центре, проект „нового определения границ“ или, попросту, п е р е районирование, быть может само по себе и полезная и нужная вещь, ибо оно, быть может, позволит лучше административно-хозяйственно организовать ныне Объединенную Автономию, но с земельным спором его, по нашему, связывать не следует, ибо он основного вопроса об „аграрном перенаселении“ Области, хотя бы даже частично, не решает и решать не может. Если же этот проект в отношении земельного вопроса означает, что все остается по старому, если он просто означает признание Status quo ante bellum, то, пожалуй, против его проведения в жизнь можно и не возражать. Но что он тогда внесет нового? Ровно ничего!...

По нашему, центр тяжести аграрного вопроса надо перенести в область ф о р м п р о и з в о д с т в а,—из плоскости землевладения в плоскость з е м л е д е л и я. Распределение и без того не великого фонда земли всей Области в лучшем случае могло бы дать р а в е н с т в о в б е д н о с т и, между тем как речь идет об обогащении, о поднятии уровня благосостояния всей Области в целом.

Нам кажется, что из всего предыдущего уже с достаточной ясностью вытекает недостаточность метода экстенсивного землепользования, который попросту упирается здесь в объективную невозможность дальнейшего развития. Мы считаем, поэтому, что вопросы интенсификации земледелия должны доминировать над всеми остальными вопросами сельского хозяйства КЧАО.

Однако, мы и при таком вышеприведенном решении вопроса не должны питать никаких иллюзий насчет того, что качественное изменение форм ведения хозяйства постепенно разрядит чрезвычайно сгустившуюся атмосферу и постепенно введет земельные отношения в мирное русло. В условиях КЧАО развитию земледелия положен предел, особенно скотоводству. Совершенно правильно говорится в упомянутой книжке о Тебердинской железной дороге, что „думать о развитии сельского хозяйства в этих районах (в предгорьях и горах Сев. Кавказа) до пределов промышленного не приходится, так как самое количество удобной земли там слишком ничтожно и население, можно сказать, ведет суровую борьбу за существование“ (стр. 28). Введение более культурных форм хозяйства, правда, значительно притупит остроту земельной нужды и земельного вопроса и то только на известное время, помогая крестьянскому населению кое-как продержаться на поверхности, быть может лишь до перехода Области на новые хозяйственные рельсы. Но если даже и допустить, что скотоводство будет в будущем развиваться, то это произойдет скорее в плоскостной части, где оно сможет перейти на стойловое хозяйство. Кочевое же и полукочевое скотоводство Карачая и отчасти Черкессии, зажатое в горах и лишенное необходимых зимних пастбищ и „стоянок“ в плоскостной части,—нечего закрывать глаза на это,—обречено на постепенное вырождение: такова участь всякого первобытного хозяйства, столкнувшегося с хозяйством современным, рациональным,—особенно если оно сталкивается с другими отраслями хозяйства, как добывающая и обрабатывающая промышленность и проч.

На примере Донбасса мы можем видеть, как на изменение физиономии Области, обладающей такими большими данными для значительного развития своего сельского хозяйства, повлияло нахождение в ней полезных ископаемых. То же, несомненно, случится, разумеется, в гораздо меньшем объеме, и с Карачаем, на территории которого сконцентрированы почти все важнейшие недровые богатства Области. Конечного разрешения проблемы „аграрного перенаселения“ КЧАО приходится искать не в самой аграрной области, а в ее недровых богатствах, к ознакомлению с которыми мы теперь и перейдем [1].

2. Ископаемые богатства и перспективы развития добывающей промышленности КЧАО

Собственно говоря, горные богатства Карачая еще только ждут своего всестороннего обследования. Обследование этого лета носило лишь рекогносцировочный характер и имело в виду лишь намечение пунктов, достойных более углубленного и детального обследования. Но то, что уже удалось установить как прежними изысканиями, так и нашей экспедицией, вполне позволяет сделать некоторые важные выводы относительно перспектив горной промышленности КЧАО.

[1] В силу ограниченности места, мы должны опустить целую отрасль хозяйства, ныне очень запущенную здесь, но сулящую в будущем при надлежащей постановке дела, давать значительный доход Области. Мы подразумеваем леса КЧАО. Проводя лесоустроительные работы, необходимо одновременно перейти к механизации лесозаготовок и развитию лесохимической промышленности.

Список полезных ископаемых КЧАО, образцы которых собраны инж. А. П. Колодяжным во время экспедиции
(Хранятся в Госплане СССР)

№ 1. Каменный уголь в верховьях Маринского ущелья.
№ 2. Каменный уголь Хумаринского рудника.
№ 3. Уголь с Каракента.
№ 4. Барит из Маринского ущелья.
№ 5. Красная глина из Учкульки (близ Красноярска).
№ 6. Огнеупорная глина близ Учкульки (прав. берег Кубани).
№ 7. Гипс из месторождений близ Учкульки.
№ 8. Породы с кобальтовыми цветами—Тебердинский курорт.
№ 9. Мел близ Джегонаса.
№ 10. Мраморы Даутского ущелья.
№ 11. Каменный уголь из Кой-Бавла.
№ 12. Сера самородная—ледник Кукюртлы горы Эльбрус.
№ 13. Метаморфизованный известняк—близ Верхне-Тебердинского аула.
№ 14. Охра и каолиновая глина—гора Шисса близ Зеленчукской станицы.
№ 15. Цветной песок и песчаник—оттуда-же.
№ 16. Асбест—долина реки Кубани.
№ 17. Огнеупорная глина близ аула Карт-Джюрт.
№ 18. Пробирный камень (лидит)—там-же.
№ 19. Породы Даутского ущелья.
№ 20. Точильный камень (песчаник)—Хумара-Георгиево-Осетинское.
№ 21. Свинцовый блеск—рудник „Эльбрус“.
№ 22. Барит из месторождения у аула Архыз.
№ 23. Огнеупорная глина на лев. берегу р. Учкекен (в м. Карачае, в 3-х в. от аула Учкекен).
№ 24. Сульфат и лечебная грязь из озер близ Баталпашинска.

Дав сначала перечень прежде установленных и проверенных теперь чл. экспедиции, инжен. А. П. Колодяжным полезных ископаемых, мы остановимся теперь на тех из них, которые несомненно имеют промышленное значение и к эксплоатации которых можно приступить уже в настоящее время.

А. Каменный уголь

Он встречается в нескольких пунктах области: на Кубани, на Маре, на Индыше и на Уллу-Коле. На Кубани он в разных местах, на протяжении 20 верст, выходит на поверхность пластами разной мощности, от 6 до 16 вершк. Наилучший из них Хумаринский, запас которого одни определяют в 2, а другие в 4 млрд. пудов. Он хорошего качества: мало зернист, хорошо спекается, малозольный и содержит небольшое количество серы. Количество кокса достигает 70%, теплопроизводительность его до 7.000 единиц. Он может вполне заменить средние сорта донбассовских углей.

Добыча Хумаринского угля весьма удобна технически и коммерчески очень выгодна. Рельеф местности позволяет заложить много штолен сразу, дабы немедленно получить большую продукцию по выгодной, при том, цене. По данным довоенного времени, 1 п. хумаринского угля обходился около 4—5 коп. на копях. Себестоимость-же одного пуда угля обходится работающей ныне на этих копях небольшой рабочей артели, добывающей до 10 тыс. пудов угля в сутки кустарным способом,—в 15 коп., причем каждый рабочий при 6-ти часовом дне зарабатывает от 3 до 5 руб. в день. При мало-мальски правильной постановке дела, стоимость 1 пуда угля в штабелях при руднике может обойтись не свыше 10 коп., в то время, как минимальная стоимость донбассовского угля—14 коп. с пуда.

Оставляя без внимания уголь в верховьях р. Мары, близ аула Нижне-Маринского, как невысокосортный и нерыночный товар (годен только для

домашнего потребления и для отопления паровых котлов), и упомянув еще об Индышском угле, запасы которого инженером Фениным определяются в 90 милл. пудов, мы остановимся на каменном угле „Кой-Бавла“,—урочища, расположенного на левом берегу Кубани, неподалеку от рудника (серебро-свинцового) „Эльбрус“, для которого до 1907 г. и производилась разработка этого угля из пласта мощностью в 14 вершков. Запас его на левом берегу определен в 90 милл., а на правом—в 30 милл. пудов. Это—запасы лишь разведанной части, на самом-же деле его здесь значительно больше. При возобновлении работ на этом руднике, этого угля хватит надолго. Он шел и может дальше итти на отопление паровых котлов, а кокс на выплавку свинца из этого-же рудника. Кокс плотный, хорошо спекшийся.

Уголь „Кой-Бавла“ относится также, как и хумаринский, ко 2-ой группе Грюнера. По анализу лаборатории Ленинградского Горного Института он дает: золы—4,90%, влаги 1,68%, серы 1,75%, кокса 69,40% и летучих 30,60%.

Имеются угли и около селения Хассаута-Греческого на Аксауте, а также на противоположном левом берегу этой реки. Здесь выходы пласта достигают 1 аршина. Уголь дает хороший кокс. Он несомненно принадлежит к юрским углям и относится к разряду хумаринских. Имеются угли и близ б. Женского Сентинского монастыря (на Теберде), и на Б. Зеленчуке (в Богословской балке, недалеко от б. Селенчукского мужского монастыря), но все они не столь ценны, как хумаринские и Кой-Бавлинские.

Приведем место из письменного доклада инж. А. П. Колодяжного, которое гласит следующее:

„Преимущество здешних месторождений каменного угля заключается в том, что они выходят на поверхность в склонах балок или гор и имеют при этом пологое падение. Таким образом, для добычи каменного угля здесь не надо проходить дорого стоющих шахт, устраивать паровое хозяйство, устанавливать механические двигатели, водоотливные машины, заводить дорогие приспособления для борьбы с рудничным газом, которого нет ни в одном здесь месторождении. Сразу можно закладывать штольни на выходах углей и вместе с прохождением .выработки сейчас-же давать товар. Так как рельеф местности позволяет заложить сразу много штолен, добычу можно развить быстро и очень большую,—такую, какую надо для насыщения рынка. Рынком-же можно считать весь Северный Кавказ от линии Новороссийск-Кавказская-Ставрополь на Юг, включая Пятигорье, Кабардино-Балкарскую Область и кончая почти Горской Республикой“. И немного дальше он пишет еще след.: „К отличительным свойствам здешних месторождений необходимо прибавить еще и то, что уголь залегает среди крепких юрских песчаников и для добычи требует минимального количества крепежного леса. Важно еще и то обстоятельство, что месторождение не содержит почти совсем воды“ (стр. 35—36).

Строющаяся Тебердинская железная дорога и возможные в будущем другие дороги явятся не только хорошим потребителем, но и стимулирующим средством более дешевого транспорта местного угля.

Б. Серебро-свинцово-цинковые месторождения рудн. „Эльборус“.

Месторождения белых металлов встречаются на территории области во многих местах. По некоторым данным установлено свыше 100 жил свинцового блеска (свинцов. руды). Большинство из них содержит в себе и небольшой % серебра. (В 1 п. свинца 0,131%). Однако, эти жилы до сих пор не обследованы, не уточнены. Предстоит еще большая и нелегкая задача, требующая и времени и средств, так как всякие жилы вообще и данной местности в частности не постоянны по своей мощности: бывает, что на выходах они ничтожны, а вглубь они вздуваются и могут быть постоянными. Считаясь с возможными сюрпризами, не следует поэтому пренебрегать ни одним выходом в смысле его разведки

Инженер Колодяжный рекомендует сперва заняться обследованием всех рудных выходов, имеющихся как вблизи самого рудника, так и по системам рек: Кубани (в верховьях), Учкулана, Хурзука, Уллукама, Худеса, Индыша, Даута, Джеланкола, Аманкола, с целью описания и нанесения их на карту, т. е. он рекомендует произвести пока лишь инженерно-геологическую работу, не произведя больших взрывных работ. Завод же пустить в ход по составлению кадастра и по выяснению количества жил и их видимой мощности, но одновременно приступить и к более серьезным разведочным работам. Разведочные работы явятся вместе с тем и эксплоатационными. Имеющийся на руднике, оставшийся от прежних работ запас как обогащенной классированной руды, так и добытой, но не сортированной, дающей в пересчете на готовый продукт до 80.000 п. цинка и до 15.000 п. свинца, обеспечит безперебойную работу завода почти на один год.

Итак, завод немедленно пустить в ход, тут же приступив к поверхностному обследованию рудных жил и вместе с тем эксплоатации рудных выходов и только потом перейти к детальным разведкам, иначе мы рискуем безрезультатно затратить много времени и большие средства. В случае же отрицательного результата такого „поверхностного“ обследования, А. П. Колодяжный предлагает „заложить вертикальную шахту с целью эксплоатации нижних горизонтов месторождения“.

Правильность организационного подхода А. П. Колодяжного находит себе полное подтверждение в выводах некоторых компетентных исследователей карачаевских серебро-свинцовых месторождений. В книжке И. Г. Кузнецова, изданной в прошлом году Геологическим Комитетом в Ленинграде[1], также указывается на то, что „рудные полосы характеризуются своей неустойчивостью и непостоянством в смысле сохранения мощности, степени концентрации руды и минералогического состава. Одна и таже полоса то раздувается до 1 саж., то съеживается или даже совсем выклинивается и т. д.“. Эти черты, пишет он, позволяют „говорить о распыленном и рассеянном характере месторождения, свойственном ему, по крайней мере, в пределах известной пока только самой верхней его части“. (Курс. мой. К. Т.). „Ни одна горная выработка не углубилась еще ниже уровня Кубани. Поэтому месторождение заслуживает большего внимания, чем было ему уделено до сих пор“.[2]

Как верхняя часть, так и более глубокая часть рудоносной площади может вознаградить нас не одним неожиданным сюрпризом. Практичнее и осторожнее всего подходить к этому большому, имеющему несомненно общесоюзное значение, делу по развитой выше программе инж. А. П. Колодяжного.

Что дает нам основание надеяться на успех?

Карачаевское свинцово-серебряное месторождение еще задолго до войны привлекало внимание крупного капитала. Эксплоатация руды началась с 1891 г., а в 1893 г. было основано акц. общество „Эльборус“. Рудник прекратил работу в марте 1918 г. по причине гражданской войны. В настоящее время завод находится на положении консервации. По нашему тщательному обследованию завод хорошо сохранился (% изношенности не более 30—40).

Начиная с 90-х годов добыча колебалась от 18.000 до 253.000 пуд. в год. Инженер Клопов, бывший директор этого завода и вообще хороший знаток данного месторождения, пишет, что приблизительно за год до закрытия предприятия последнее управление рудника предполагало добывать в ближайшее время до 6—8 тыс. пуд. металлического (товарного) цинка и до

[1] И. Г. Кузнецов. Геолого-петрографический очерк и генезис Карачаевского серебро-свинцово-цинкового месторождения. Стр. 55.

[2] Там-же.

1.000 пуд. свинца в месяц, что дало-бы в год около 100.000 пуд. белых металлов, и он тут же правильно замечает: „Если принять во внимание при этом, что старейшее в России производство белых металлов на заводах „Кавцинка“ в 1923/24 г. ограничилось выпуском металлического цинка в количестве 31.500 пуд. и свинца 14.000 п., а намечено по производственной программе 1924/25 года выплавить цинка 75.000 п. и свинца 26.000 п.,—то нельзя не признать, что для восстановления предприятия „Эльборус“ выпуск белых металлов в количестве 100.000 пудов является весьма значительным, тем более, что содержание металлов в рудах рудника „Эльборус“ не ниже содержания Садонских руд, а работа по системе тонких жил менее производительна, чем работа на одной мощной жиле как в Садоне. [1]

Последними работами на руднике было установлено, что в 1.000 пудов рудной массы заключается металлического (торгового) цинка 35 пудов и свинца 5 пуд.—Качества эльбрусских концентратов значительно выше по содержанию в них металлического цинка, чем качество садонских концентратов (см. там-же сравнит. табл.). Содержание очень вредной примеси в руде, как железа, в эльбруских рудах в несколько раз меньше, чем в рудах „Кавцинка“. Содержание же металлического свинца в обеих рудах одинаково—около 60%, но лучший концентрат „Эльборуса“ содержит свинца до 75,7%.

Итак, качество руды рудника „Эльборус“ выше, например, Садонской, все дело теперь за количеством. И мы опять приходим к тому же выводу, что нужно начать, вернее, продолжать производить серьезную разведку, как около рудника, так и вокруг него. Геолком полагает, что действительный запас для разведанных руд $1^1/_2$ милл. п., возможный запас до уровня Кубани около $6^1/_2$ милл. пудов.

Что касается руд, которые расположены ниже уровня Кубани, и месторождение которых не разведано, то по мнению Геолкома геологические данные позволяют предполагать вглубь не меньшую степень концентрации. „По подсчетам Н. В. Экка в 1899 году до глубины 100 саж. ниже уровня Кубани запас определяется до 39 милл. п. металлов (цифра не проверенная, но не невероятная“ (курс. мой. К. Т.).

Наша потребность в белых металлах и до войны не покрывалась собственным производством. Так, в довоенное время из-за границы ввозилось: цинка 1.719.000 п. при собственном производстве в 681.000 п., причем Кавказ давал 180.000 п., а остальное падало на Польшу, цинк которой теперь сам собою отпадает. Свинца было ввезено 3.600.000 пудов при собственном производстве в 100.000 п., в том числе Кавказ давал до 90.000 п. В наше время потребность, конечно, возросла, быть может, в большей мере, нежели понизилась норма ее удовлетворения от собственного производства.

По своему общесоюзному значению и по значительности средств, потребных для того, чтобы двинуть это дело вперед, Эльборусское предприятие выходит за пределы местного хозяйства и должно быть внесено в список предприятий СССР.

В. Глауберова соль (Баталпашинские горько-соленые озера)

—В 16 верстах от Баталпашинска (административного центра КЧАО) находятся 2 горько-соленых озера с общей площадью, по данным Геолкома, в 10,8 *кв. км.* Средняя глубина 0,3 метра. Концентрация рассола от 12 до 27° Бомэ. 1 литр рассола содержит в себе: глауберовой соли 293,28 г, поваренной соли 48,34 г, сернокислой магнезии 11,35 г. Теоретическое содержание глауберовой соли в растворе по данным Геолкома же 500.000

[1]) Цит. книжка „Район Теберд. ж. д.“, стр. 36—37.

тонн. Практически простым охлаждением рассола можно извлечь глауберовой соли около 150.000 тонн.

Годовая добыча равнялась в 1893 г.—310.626 п., в 1910 г.—101.855 п., в 1911 г.—228.480 п., в 1912 г.—447.700 п., а за время от 1885 по 1887 из одного большого озера было извлечено около 1,5 милл. пуд. глауберовой соли.

Добыча глауберовой соли из обоих озер около Баталпашинска превысила в 1912 г. добычу таковой по всей России в 1911 г. в два раза (228.480 п.)

Анализ обезвоженной соли, произведенный в 1911 г. в лаборатории мальцовских заводов, дал следующий результат: воды—0,13%, кремнезема—0,36%, сернокислого кальция 0,46%, сернокислого натрия 99,05%. Относительно силы возобновляемости солеродности прямых указаний не имеется; косвенные же данные таковы: когда в упомянутых 1884—1887 гг. было выволочено около $1^1/_2$ милл п. соли из одного только большого озера, впервые, то инженер Каншин, впервые обследовавший эти озера, заметил, что означенное озеро не обнаружило никаких даже признаков начавшегося истощения.

Себестоимость при эксплоатации озер Тов-ством „Кубань“ (арендатор Малышев) обходилось в 19—20 коп. с пуда на озере, гужевой подвоз пуда соли до ст. Невинномысской (Влдк. ж. д.)=7,5 к., продавалась же она Мальцовским заводам по 38 коп. пуд.

„Но помимо этого (выгодности разработки озер), пишет инж. Клопов, при организации дела с достаточными средствами надо обратить внимание на выработку производных сульфата, к каковой относится сода и едкий натр. Благодаря близости нахождения от озера Хумаринского каменного угля и прекрасной по качеству Красногорской извести производство этих химических продуктов, подлежащих вывозу, надо считать до 3-х миллионов пуд. в год.“ (стр. 42 цит. уже не раз книжки о Тебердинской ветви).

Дно озер под рассолом представляет собой слой соленосной лечебной грязи, запасы которой инж. Колодяжный определяет в 30 милл. п. По сведениям Геолкома, добыча глауберовой соли велась из Большого озера, а из малого добывалась в небольшом количестве минеральная грязь, по составу относящаяся к группе солено-щелочных. „Лечебная грязь, говорится в записки Геолкома, высокого качества. Ее запасы позволяют значительно увеличить количество больных (которых прежде было человек 150, а в этом году, первом по возобновлении лечения, не меньше)“. По отзывам врачей эта грязь не уступает известной Тамбуканской грязи, что около Пятигорска.

Г. Огнеупорная глина

В районе будущей Тебердинской жел. дороги, у самого предполагаемого полотна ее, на Учкурке, в 8-ми верстах от станицы Красногоровской и в 67 в. от ст. Невинномысской, на правом берегу Кубани имеется в громадном изобилии огнеупорная глина высокого качества, занимающая второе после немецкой (Кливенбергской) место в Европе. Она идет на потребности металлургических заводов или на выработку керамических изделий и посуды. В настоящее время металлургия ощущает большую нужду в огнеупорных материалах вообще и огнеупорной глины в частности.

Условия разработки этой глины весьма удобны. Залегание в форме линз до 500 саж. по выходу; толщина 2—5 саж. Мощность залегания точно не установлена, но надо полагать, что весьма значительна и ее хватит на много десятков лет даже при интенсивной эксплоатации. Качество ее позволяет перевозить ее на далекие расстояния, а по цене она конкурентноспособна даже с заграничной глиной. Будучи расположена поблизости каменного угля и на весьма удобном месте, она дает полную возможность

также и устройства большого предприятия для производства огнеупорных материалов и изделий.

Помимо пластов сероватой глины, имеются здесь в изобилии пласты совершенно белого, чистого каолина, мощностью от 2 до 5 саж. „Между прочим, пишет инж. Клопов, при возрождении рудника „Эльборус“ глина эта, несомненно, должна будет сыграть не только роль строительного материала для этого рудника при постройке печей, но и найти себе там постоянное применение при выделке реторт (тиглей) для плавки цинка, так как опыт с так называемой „карджутской глиной“ (находящ. вблизи рудника) оказался неудачным.

Анализ красногорской глины следующий: влаги 0,71%, кремнезема 68,90%, глинозема 20,90%, окиси железа, извести-следы, магнезии-следы, щелочей 1,188%. Начало спекания в 1620°.

Такого же качества, повидимому (анализ еще не произведен), и огнеупорная глина, расположенная в 3-х в. от аула Учкекена на левом берегу речки того же наименования (или Эшкакон). Пласт глины, повидимому, большой мощности, определить который однако трудно.

Д. Барит

Это полезное ископаемое встречается на протяжении всей области в 3-х местах: 1) на берегу реки Мары, в 3—4 в. от впадения в р. Кубань; 2) в долине р. Кубани в склонах Джеланкольского ущелья. В 5-ти верстах от устья имеются 2 богатые жилы, разрабатывавшиеся в довоенное время. Месторождения эти заслуживают серьезного внимания, как по мощности (одна жила около $1^1/_2$ арш., а другая—около 2 арш. толщины), так и по условиям разработки, не требующей ни дополнительных разведок, ни больших материальных затрат. Работы могут вестись здесь штольнями самым экономным способом, а для промалывания барита можно построить на реке Дауте небольшую мельницу. Но, однако разработка этого ископаемого может начаться только при проведении Тебердинской ветки, ибо выдержать конкуренцию с заграничным и батумским баритом оно может только при железнодорожной перевозке, и в 3) барита имеется в верховьях Большого Зеленчука близ аула Архыз („Старое жилище“) две жилы: одна мощностью около 2-х аршин, другая—10 вершков. Этот барит отличается прекрасным белоснежным цветом, жилы чисты, без посторонних включений. Первое месторождение заслуживает особого внимания.

Имеются определенные указания на весьма редкий вообще хромистый железняк и на асбест и на многое другое, но мы пока воздержимся от оценки их промышленного значения впредь до более точной разведки.

III. Будущие высоко-горные курорты КЧАО

Приведенное выше сравнение баталпашинских озер с Тамбуканским озером не говорит в пользу последнего. „Слабые стороны этого дела (грязелечение в курортах Кавминвод), пишет бальнеолог В. Н. Котович (на 67-ой стр. той же книжки о Теберд. ветке): ограниченность грязелечебных установок, затруднительность гужевой доставки грязи из Тамбуканского озера, недостаточность грязи в последнем (курс. мой. К. Т.), поднявшая вопрос о повторном использовании уже отработанной грязи (Э. Э. Карстенсом), отдаленность грязелечебниц от озера—все эти недостатки могут быть совершенно устранены при устройстве грязелечебницы на берегу малого Баталпашинского озера и железнодорожной ветки к ней. Но возможен

и другой вариант: курорт можно устроить в самом Баталпашинске при организации перевозки грязи из озера в город (16 верст).

Карчеробласть богата и другими бальнеологическими возможностями. На ее территории в разных местах бьет из земли не менее дюжины минеральных источников, среди которых имеются и такие, которые являются единственными во всем Союзе. Мы не станем здесь перечислять всех посещенных экспедицией источников, из которых членом экседиции Э. Э. Карстенсом были взяты пробы для анализа в лаборатории Бальнеологического Института в Пятигорске (результаты в ближайшем будущем станут известны), а пока что скажем словами этого знатока наших кавказских минеральных вод, что „повидимому, государственное значение будут иметь красногорские источники на Кубани, вследствие единственного в СССР состава (углекислые, соленоземлистые) и довольно значительного дебита; Махарская группа источников (углекисло-щелочно-желудочные, но мало минерализованные) и вышеупомянутые грязи Баталпашинских озер“.

Все же курортная *будущность нашей области* не в минеральных водах и грязях, а *в царстве высокогорного воздуха*. Мы не отрицаем местного значения минеральных вод, между тем как климатическим станциям Кчао приписываем безусловно значение государственное и общественное в виду того, во 1-х, что в Союзе нет ни одного серьезного высокогорного курорта, если не считать Аббас-Тумана, стоящего ниже любого из будущих карачаевских курортов и, во 2-х, в виду чрезвычайной распространенности у нас Туберкулезных заболеваний, требующих как раз климатического лечения. Целебный воздух Карачая представляет поэтому специфический интерес для нашей терапии и вносит в лечебное дело Союза нечто новое. Это важное обстоятельство заставляет несколько более подробно остановиться на трех главных будущих климатолечебных курортах Кчао: Теберде, Архызе („Старое жилище“) и Красном Карачае („Новое жилище“).

Теберда. Расположена в глубоком ущельи, окруженном высокими горами, покрытыми хвойными лесами. Высота над уровнем моря 1.491 метр.

Будучи с трех сторон совершенно защищена от ветров, она открыта под тупым углом лишь северо-восточным ветрам, вентелирующим ущелье в продолжение всего лета. Осенью и зимой дуют чаще южные и юго-восточные ветры.—Климат местности, в общем ровный, летом прохладный, не выше 22° по Реом., морозы зимой бывают не выше 17° по Реом.

Средняя месячная температура (по Цельсию) следующая:

Январь	— 4,2	Июль	+ 15,9
Февраль	— 1,1	Август	+ 15,0
Март	+ 2,8	Сентябрь	+ 19,5
Апрель	+ 6,8	Октябрь	+ 8,1
Май	+ 10,5	Ноябрь	— 1,3
Июнь	+ 14,0	Декабрь	— 1,1

Средняя годовая температура + 6,69.

Температура по временам года следующая: весною + 6,47; летом 15,04; осенью 6,61 и зимою—0,45. Следовательно, разница между температурой зимы и лета всего 15°.

Среднее количество осадков (по наблюдениям за 10 лет) в течение года 744,5 *мм.*, по временам года: весною 100,2, летом 201,87, осенью 219,4 и зимою 220,06 *мм.* Среднее атмосферическое давление 650,2. Средняя разница между минимальным и максимальным давлением 14,36 *мм.* (в Аббас-Тумане 16,5 *мм.*). Поэтому резких колебаний атмосферического давления здесь не наблюдается.

Ясных дней на Теберде 145, пасмурных 81 (в Аббас-Тумане 89, в Давосе 94), безветренных 130, дождевых 110 (в Аббас-Тумане 86, в Да-

восе 99). Туманов здесь не бывает. Климат оказывает замечательное влияние на легочные заболевания, особенно в первой стадии болезни, на неврастеников, малокровных и проч.

Курорт Теберда вытянут в меридиональном направлении, т. е. с севера на юг. В этом крупный недостаток курорта: ибо это обстоятельство позволяет неприятным северо-восточным ветрам врываться в ущелье.

Неоспоримо высокие климато-лечебные качества этого курорта значительно ослабляются не вполне достаточной инсоляцией долины, вытекающей из не продолжительности дня в данной местности: узость долины и крутизна соседних гор значительно сокращают продолжительность солнечного освещения местности. Летом, напр., солнце прячется за горы уже к 5 часам пополудни.

Как раз в этом последнем отношении, в отношении инсоляции, будущий курорт Архыз („Старое Жилище"), расположенный в верховьях Большого Зеленчука, имеет значительное преимущество, помимо всех прочих, как-то в отношении высоты, безветренности, озонирования и проч. Это объясняется тем, что долина Архыза, в отличие от Тебердинской, расположена не в меридиональном, а в широтном направлении с осью долины с Запада на Восток.

„Старое Жилище". В силу отмеченного обстоятельства условия солнечного освещения здесь в высшей степени благоприятны: лучи солнца попадают на урочище „Старое Жилище" в 6 часов утра и уходят за далеко отступившими горами левого берега только в 7 часов вечера, причем освещается вся огромная долина „Старое Жилище". Освещается великолепно и вся долина реки Архыза, примыкающая к „Старому Жилищу", простирающаяся в длину на 20 верст и в ширину от 1 до 2 в.

В климатологическом отношении „Старое Жилище" совершенно не было обследовано. Имеются некоторые наблюдения по минимуму и максимуму температуры некоего Соляного за время с мая по сентябрь 1916 г.

Сравнение температур различных горных курортов, в том числе и „Старого Жилища", дает следующие показатели:

Сравнение температуры с другими горными курортами:

Название местности	Средняя дневная температура за несколько лет				
	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Кисловодск	13,4	16,5	19,0	18,9	13,8
Нальчик	15,2	18,7	21,2	20,5	15,2
Боржом	12,0	17,7	21,3	20,4	16,0
Аббас-Туман	11,0	14,3	17,0	17,1	12,6
Теберда	10,5	14,0	15,9	15,0,	10,5
Давос	—	14,4	17,3	16,5	—
Старое Жилище за 1916 г.	16,0	18,5	18,0	16,5	14,2 [1]

[1] „Долина Зеленчука" („Старое Жилище" на Кубани) СПБ. 1917.

По сравнению со многими русскими и заграничными климатическими станциями, вся система долин, объединенных общим названием „Старое Жилище", занимает в отношении высоты почти первенствующее положение. Позволим себе привести еще одну сравнительную таблицу.

Название местности		Высота над уровнем моря
Кисловодск		2700 фут.
Боржом		2630 „
Аббас-Туман		4178 „
Теберда		4208 „
Красная Поляна		2100 „
Меран		1664 „
Давос		4990 „
Лейзен		4600 „
„Старое жилище"	Долина р. Архыза	5300 „
	„ „ Кизгича	4970 „
	„ „ Софии	5180 „
	Собственно „Старое жилище"	4700 „

Некий д-р Смирнов, описавший свою поездку по Верхнему Кубаногорью в журнале „Целебные силы России" (№№ 17—18 за 1915 г.), приводит следующий интересный расчет возможной вместимости „Старого Жилища", как курорта. „Если учесть, пишет он (цитируем по упомянутой книжке о долине Зеленчука, стр. 13), что само „Старое Жилище" имеет площадь в 4.000 десятин, долина Архыза—тоже 4.000 десятин, а на долины Псыша, Софии и Кизгича положить еще (на все вместе) 4.000 дес. (что безусловно мало), то мы придем к 12.000 дес. отличных курортно-пригодных мест.

Считая, что можно разместить на каждой десятине только 10 человек, получим курорт с вместимостью в 120.000 человек (курсив мой. К. Т.).

Итак, „Старое Жилище" обладает всеми данными для процветания на нем здравницы всесоюзного масштаба, которая при условии обращения на нее должного внимания сможет со временем даже и превзойти наилучшие курорты Западной Европы.

Заканчивая характеристику и оценку этого замечательного места на Кубани, мы позволим себе привести последнюю цитату, содержащую выводы компетентных авторов упомянутой книжки о так называемой ими „Казацкой Швейцарии".

1) „Старое Жилище" расположено на такой высоте над уровнем моря, какая вполне позволяет использовать его в климато-лечебном отношении наравне с лучшими европейскими горными курортами;

2) Обилие солнечного света на „Старом Жилище" весьма значительно и все условия для инсоляции—этого главнейшего фактора в климатологии—здесь выражены в наивысшей мере;

3) „Старое Жилище“ с примыкающими к нему долинами настолько обширно по своей площади, что допускает развернуть здесь грандиознейший курорт на десятки тысяч больных (курсив мой. К. Т.).

4) Сплошной хвойный вековой лес, которым покрыто все „Старое Жилище“, умеряя, с одной стороны, потерю тепла вследствие излучения его почвой днем и ночью, с другой стороны, богато озонируя воздух, усиливает целебное значение местности, и

5) Удачное расположение горных кряжей гарантирует „Старому Жилищу“ защиту от холодных северных ветров (стр. 9—10).

В. Красный Карачай („Новое Жилище“).

Между Тебердой и „Старым Жилищем“, даже выше обеих предыдущих горных станций (1.640 метр. над уровнем моря), расположен дивный по красоте и по климату уголок в ущельи р. Аксаута—так наз. „Красный Карачай“. Климатозоических сведений об этом урочище не имеется, но если судить по самочувствию человеческого организма, этого, по выражению нашего известного климатолога проф. Воейкова, „самого важного из всех метеорологических инструментов“, то Красный Карачай уступает своим соседям справа и слева только количественно, т. е. размером своей площади (судим „на-глаз“). Развивая вышеописанные два курорта, никоим образом не следует игнорировать и этот, хотя и более скромный на вид, но не менее ценный по своим качествам уголок Кубаногорья. Инсоляция, безветренность, изонированность в нем, насколько мы могли „почувствовать“ и понаблюдать за чрезвычайно короткое время, какое мы могли там пробыть, нам кажется такими же, как и в „Старом Жилище“. „Новое Жилище“ не только территориально, но и по сумме своих качеств занимает, как нам кажется, по крайней мере, среднее место между Тебердой и Архызом. При предстоящей электрификации Области не представится трудным соединить все три курорта перевальными дорогами через разъединяющие их небольшие возвышенности, что в высшей степени облегчит их доступность, хозяйственно-административное управление, эксплоатацию и контроль. В дальнейшем их можно будет соединить с помощью электрических же дорог с Черноморскими курортами с одной стороны и Минераловодской группой—с другой.

Перед курортным делом Союзных Республик в этом благодатнейшем углу Северного Кавказа, в Карачае, с одной стороны, и в соседней Терской Области и в Черноморьи—с другой открываются широчайшие перспективы. На сравнительно небольшом пространстве щедрая природа Кавказа наделила нас целым комплексом разнообразнейших и разнотипных курортов, удивительным образом сочетающих в себе все виды лечения с постепенным переходом от одного вида лечения к другому, от одного климата к другому и т. д. В этом своего рода курортном „комбинате“ до сих пор не доставало одного важного звена:—климатолечения горным воздухом. КЧАО счастливо заполняет этот пробел.

Курорты Карачая достойны самого серьезного внимания!

IV. Дорожная проблема КЧАО

Если иметь в виду горную часть области, то правильнее говорить об отсутствии дорог, за весьма разве небольшими исключениями, каким, например, является шоссейная дорога от Баталпашинска до Теберды (участок б. военно-Сухумской дороги), годный для автомобильного движения. Остальные дороги находятся в таком ужасном положении, что состояние их надо признать угрожающим.

Но прежде, чем перейти к намечению ряда необходимых дорог, мы считали бы нужным предварительно установить несколько общих положений относительно направления дорожного строительства в области вообще.

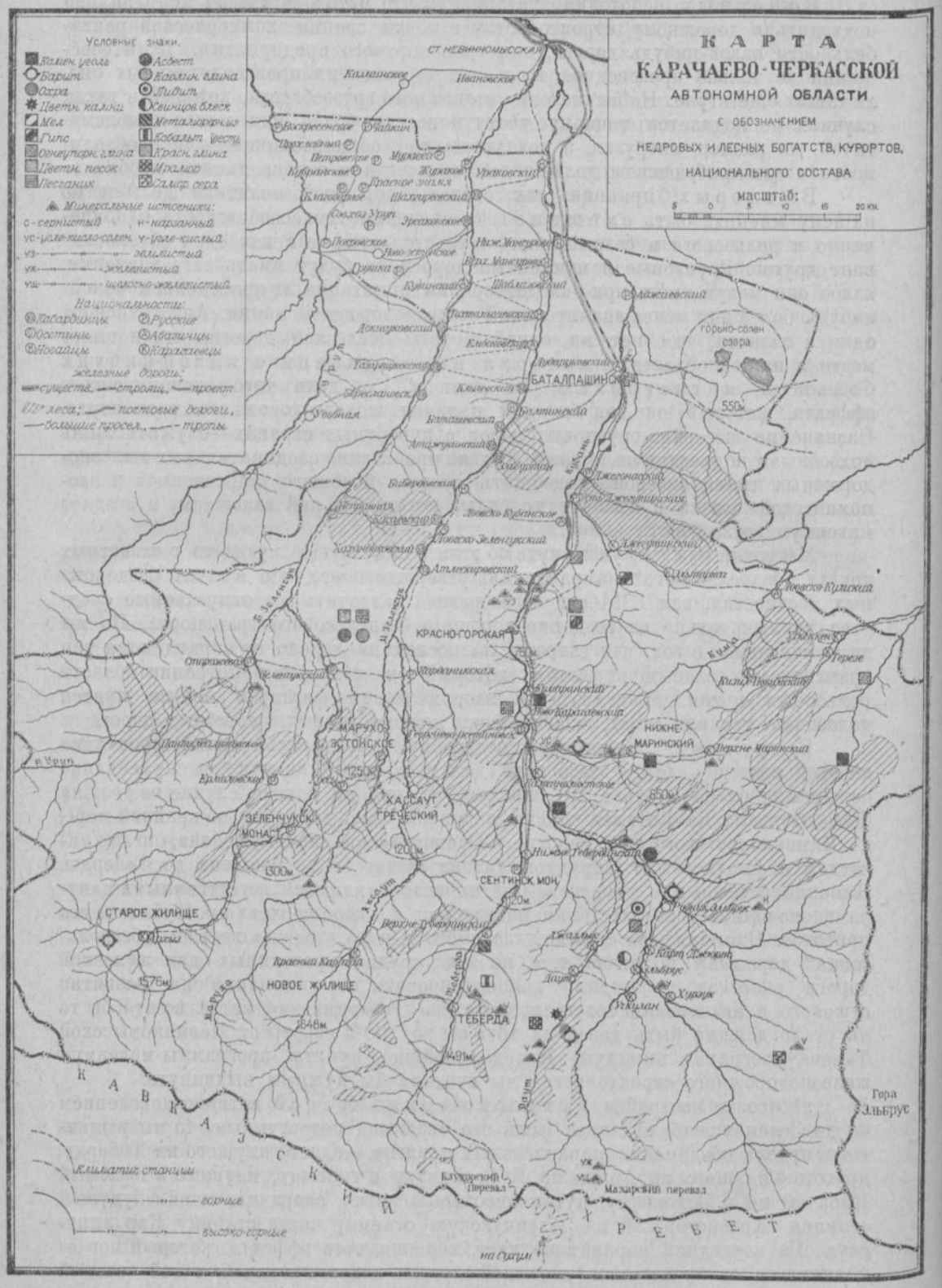
Во-первых, необходимо установить, что методологически неправильно подходить к дорожному строительству с точки зрения коммерческой рентабельности какой-нибудь дороги, как транспортного предприятия. Пути сообщения не только производное, но и фактор развития производительных сил, лежащих еще втуне. Не вычисление возможного грузооборота, который в таких случаях не поддается точному учету и всегда более или менее проблематичен, не размер нагрузки, а доказательство обще-экономической необходимости и целесообразности должно лежать всегда в основе данной проблемы.

Во-вторых, принцип, так сказать, дорожной политики должен, по нашему мнению, быть смешанный: признание целесообразности одновременно и рельсового и безрельсового строительства, так как одно обусловливает другое. Грунтовые и шоссейные дороги не будут иметь того значения, какое они могут иметь при оплодотворении и питании их проведением какой-нибудь более или менее значительной железнодорожной линии. Автотранспорт один в области, где нет ни одной версты железной дороги, что и имеет место в нашей области, и которая не соединена с какой-нибудь большой магистралью, не даст и $^1/_{10}$ доли того экономического эффекта, который он дал бы при наличии железнодорожного транспорта. Назначение шоссейно-грунтовых дорог в курортных странах—служить лишь подсобными подъездными путями. Только проведение соединительных железнодорожных линий способно приобщить область к общегосударственной и экономической жизни и вызовет те силы, которые в ней заложены, и создаст максимум грузооборота в ней.

Мы сочли нужным упомянуть об этом в виду существующего в известных кругах „безрельсового“ направления, утверждающего, что в таких бездорожных местностях, как КЧАО, целесообразнее затратить все отпускаемые средства исключительно на создание хорошего безрельсового транспорта. Но мы не сомневаемся в том, что затраты на последний далеко не оправдаются тем сравнительно слабым эффектом, который он даст без пенетрации области рельсовым путем. Решающим экономическим фактором все-же явится положение тех или иных, экономически целесообразных, рельсовых дорог.

В третьих, приветствуя постройку Тебердинской ветви, прокладка которой началась летом этого года, для того, чтобы получилась справедливо ожидаемая от нее польза, мы считаем, что она ни в коем случае не должна быть оборвана на Баталпашинске, а должна быть доведена, по крайней мере, до Каменномостского или Георгиево-Осетиновского, если уже она, по техническим и финансовым затруднениям, не может быть доведена до Теберды. Каменномостское или Георгиево-Осетиновское являются естественными центрами экономического тяготения населенных пунктов верховья р. Кубани и его притоков. Начиная отсюда и до указанного центра, должна вестись „безрельсовая“ дорожная политика, т. е. на этих трудно проходимых для железной дороги участках необходимо концентрировать все внимание на развитие гужевого и автомобильного транспорта. Но Тебердинская ветка во что бы то ни стало должна быть доведена хотя бы до 100-й версты от Невинномысской Такова программа минимум. Как дальнейшие пункты программы-максимум железнодорожного строительства мы считали бы нужным выдвинуть:

а) проэкт постройки Архызско-Армавирской ветви с доведением ее до Зеленчукской станицы. Если это окажется недоступным, то мы выдвигаем проект соединения параллельных трактов,—одного идущего на Теберду, другого—идущего на Архыз по Б. Зеленчуку и третьего, идущего в Красный Карачай по М. Зеленчуку, путем небольшой ветки, сворачивающей с будущей станции Красногорской на Зеленчукскую станицу через станицу Карданикскую. Но последний вариант не даст, конечно, того эффекта, который мог бы получиться от проведения железной дороги, захватывающей такой богатый хлебородный район, как район Б. и М. Зеленчуков, тяготеющий почти исклю-

чительно к Армавиру, как центру для вывоза казацкого и русско-поселенческого зерна. Такая недорогая соединительная линия могла бы разрешить только проблему соединения двух будущих курортов Старого и Нового Жилища с Владикавказской железной дорогой, не затронув, однако, всей остальной экономики районов Б. и М. Зеленчуков, б) при положительном решении вопроса о судьбе рудника „Эльборус" диктуется необходимость продления Тебердинской ветки, независимо от того, пойдет ли она дальше 95-й или 100-й версты, или нет, до рудника. Этот проект, нам кажется, не нуждается в дальнейших объяснениях.

Как программу-максимум железнодорожного строительства, т. е. как дороги, подлежащие во 2-ю очередь, следует наметить доведение одной, строющейся, и другой, нами проектируемой, ветвей до их естественного конца, т. е. до курорта (функционирующего). Теберды с одной стороны и другой—до курорта (будущего) Старого Жилища. Это—дороги второй очереди и положительное решение будет уже определяться дальнейшим развитием означенных курортов и вообще курортного дела в Кчао. До тех пор существующие каменистые дороги во все эти три места курортного значения, особенно запущенные по Б. Зеленчуку и Аксауту, надо привести в нормальный вид и состояние.

Впрочем, мы не можем, в силу нашей темы, а также и ограниченности места, заняться рассмотрением всех дорог, имеющих то или иное экономическое значение для области. Наша задача была указать на такие, которые связаны с реконструкцией хозяйства области и которые сами могут способствовать таковой. Поэтому мы упускаем целиком все те грунтовые дороги в равнинной части и каменистые в горной части области, как нуждающиеся лишь в улучшении, дальнейшем развитии и совершенствовании, но не могущие радикально повлиять на экономику области в целом, признавая, тем не менее, за ними все их серьезное значение для того или иного района (хлебопашеского, скотоводческого, лесопромышленного и проч.). Скажем только, что в особенно плачевном состоянии находятся дороги скотопрогонные и лесовозные, т. е. фактические горные дороги с каменистым грунтом и изрезанным рельефом, требующие больших затрат труда и средств. В каком-бы направлении ни развивалась область, эти дороги должны во всяком случае быть реставрированы и усовершенствованы по всем правилам современной техники безрельсового дорожного строительства.

В. А. Голгофский

Вятско-Ветлужский край [1]

Экономико-географическое описание

I. Территория. Вятско-Ветлужский край образуется из Вятской губернии, Марийской и Вотской автономных областей и соседних (отчасти полных, отчасти неполных) уездов Нижегородской и Северо-Двинской губерний. В отношении к прежнему административному делению это означает присоединение к Вятской губернии, как основному ядру будущего края, Ветлужского и Варнавинского уездов Костромской губернии в полном их составе, южных частей Никольского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, частей Семеновского, Васильсурского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии, а также частей Чебоксарского, Козьмодемьянского и полностью Краснококшайского уезда Казанской губернии.

Очерченная таким образом территория находится между 50°50′ и 60°10′ северной широты и 13°15′ и 23°55′ восточной долготы от Пулкова, составляя 185.970 кв. верст или 19.351 тыс. десятин, если не считать Саранульского, части Осинского и Оханского уездов, ныне находящихся в пределах Уральской области, но по многим условиям ближе подходящих к составу Вятско-Ветлужского края, нежели к Уральской области. Если присоединить эти уезды к Вятско-Ветлужской области, то территория ее составит 200 с небольшим тыс. кв. верст.

Северная часть области—плоская возвышенность, болотистая и лесистая—служит водоразделом, откуда берут свое начало притоки р. Вятки Молома, Летка, Кобра и др. Слагается она из юрских пластов, преобладающей породой в среде которых является темно-серая или черная глина в качестве наслоения на серый песок; иногда в этой глине наблюдаются прослойки серого известняка и горючего сланца. В этих отложениях юрской системы залегают известные Вятские фосфориты на крайнем северо-востоке области по левому берегу р. Камы.

Несколько южнее этой возвышенности преобладают песчано-глинистые образования с довольно мощными прослойками известняка; на водоразделе рек Чепцы и Вятки, в северо-восточной части области господствуют образования из пластов глины и песков с месторождениями железных руд сферосидерита и бурого железняка. Южная часть области носит преимущественно равнинный характер с отдельными возвышенностями, служащими водоразделами речных систем; сложение этих возвышенностей из песчано-известковых пластов пермской формации сменяется в низменных местностях образованиями с значительным присутствием в них прослоек торфа мощностью, доходящей местами до 30—35 сажен.

Сообразно с отмеченным выше различием геоморфологических условий края и лесные насаждения в нем расположены неравномерно, приспособляясь к рельефу и почвенным особенностям отдельных его районов.

Преобладание песчаных и сухопесчаных почв содействует распространению обширных лесных насаждений в пониженных равнинах с разбросанными по ним грядами возвышенностей. Таких сплошных малонаселенных

[1] Редакция, помещая обзор Вятско-Ветлужского края, надеется, что с помощью местных товарищей ей удастся на страницах журнала дать место освещению вопроса о перспективах края.

лесных массивов в области имеется четыре: 1) на крайнем севере области (весь Омутнинский и северные части Вятского, Слободского, Орловского, Котельнического уездов Вятской губернии и южной части Никольского уезда Северо-Двинской губернии, 2) на юго-востоке области (в большей части Уржумского уезда, центральной части Вотской области и юго-восточном углу Вятского уезда), 3) по бассейну реки Ветлуги (по направлению с северо-восточной части Ветлужского уезда, через Котельнический в юго-западную часть Вятского уезда), 4) в Марийской области, по левобережью р. Волги, в качестве продолжения Ветлужских лесных массивов.

Таким образом, лесные массивы тянутся по периферии области, уступая в центре ее место безлесным пространствам (Котельнический, Яранский, отчасти Советский уезды и в особенности Нолинский уезд), и если периферия дает 75—80% лесистости, при средней по области лесисости в размере 55%, то безлесный центр дает всего 30—32%, а в Нолинском уезде даже только 17%. Центр этот захватывает главным образом районы подзолисто-суглинистых почв на возвышенных холмистых плато; отсюда большая их приспособленность к земледелию и более густая заселенность.

На-ряду с почвенными условиями большое значение для земледелия имеют и климатические условия, весьма различные в лесистом севере и безлесном центре. Так, средняя годовая $t°$ от — 0,5° на севере повышается до +3° в южной части области, средняя же $t°$ вегетационного периода с мая по сентябрь с 12,5% на севере повышается до 15,5% в южной части земледельческого центра. Точно также и в количестве осадков наблюдается в этих районах значительное различие; тогда как север дает около 600 *мм* в год, земледельческий район в своей южной части дает всего 423 *мм* осадков и приближается к типу засушливых районов с их значительными колебаниями в урожайности зерновых культур—от полного недорода до высоких урожаев в благоприятные по влажности годы.

Распределение территории по современному административному делению представлено в следующей таблице (в кв. верстах).

Вятский уезд	6.324	Омутнинский уезд	23.674
Котельнический уезд . . .	12.992	Слободской уезд	17.377
Малмыжский уезд	9.782	Советский уезд	2.482
Нолинский уезд	11.065	Уржумский уезд	6.218
Орловский (Халтурин. у.) .	13.982	Яранский уезд.	11.214
		Итого по Вятской губ. . .	115.110
Бывш. Варнавинский уезд.	8.656	Васильсурский уезд . . .	986
Ветлужский уезд	13.299	Воскресенский уезд . . .	3.439
Ковернинский уезд . . .	2.284	Семеновский уезд	1.876
		Итого по Нижегород. губ.	30.540

Входящая в состав края Вотская автономная область занимает пространство в 28.933 кв. верст, Марийская 11.387 кв. верст. При намеченном районировании предполагается такое распределение территории области по округам:

Омутнинский округ . . .	38.346 кв. в.	Ветлужский округ	29.860 кв. в.
Вятский округ	31.074 „	Яранский округ	13.705 „
Котельнический округ . .	15.656 „	Уржумск. или Нолинск. окр.	16.329 „

В отношении к существующему административному делению состав проектируемого окружного деления области представляется в следующем виде: 1) Омутнинский округ образуется из существующего Омутнинского и северо-восточной части Слободского уезда; 2) Вятский из Вятского уезда, юго-западной части Слободского и восточной части Орловского уезда;

3) Котельнический—из Котельнического уезда, западной части Орловского уезда, юго-восточной части Никольского уезда Северо-Двинской губернии; 4) Ветлужский—из Ветлужского, Варнавинского (Краснобакинского уезда), Макарьевского, Воскресенского, Васильсурского и Семеновского уезда в их северных частях; 5) Яранский—из Яранского, Советского, юго-западной части Котельнического уезда и северо-западной—Уржумского уезда; 6) Нолинский—из Нолинского уезда, южной части Вятского уезда, Уржумского и Малмыжского; 7) Вотская область в ее национальных границах—из частей Глазовского, Сарапульского и Елабужского уездов; 8) Марийская область в национальных границах (уезд Краснококшайский, Козьмодемьянский, Чебоксарский Казанской губернии и южная часть Уржумского); 9) Сарапульский—из Сарапульского и западных частей Осинского и Оханского уездов Пермской губернии. Присоединен к Уральской области впредь до утверждения Вятско-Ветлужского края.

Вотская и Марийская автономные области представляются в виде отдельных областей-округов. Следует оговориться, что здесь представлен вариант окружного районирования, первоначально принятый Вятским Губпланом, без учета неизбежных к нему поправок в сторону значительного расширения территории Нолинского (Уржумского) округа насчет Вятского и Вятского насчет Омутнинского.

II. Население. Разнообразие природных особенностей края не могло не оказать свое влияние на размещение населения по территории, и на-ряду с относительно густо населенным земледельческим центром области ее периферия, покрытая лесными массивами и мало приспособленная на севере к развитию земледелия, заселена слабо, а местами представляется в виде совершенно не заселенной, покрытой девственным лесом территории.

В качестве общего правила здесь, как и всюду, плотность населения тем выше, чем меньше лесистость района, и наоборот.

Общая численность населения достигает в области 3.673.804 человек, что дает среднюю плотность на 1 кв. версту 19,3 человека при средней плотности населения в европейской части Союза в 20,8 человека.

Численность населения и его плотность в связи с лесистостью (по проектируемым округам) представляется в следующем виде (в порядке убывания плотности населения):

Округа	Всего населения	Плотность	Лесистость	Округа	Всего населения	Плотность	Лесистость
Яранский	462.054	33,7	32,8	Марийская обл. .	395.444	21,8	42,6
Вотская область .	677.157	27,4	46,9	Вятский	592.577	20,5	42,3
Нолинский	427.205	26,1	46,3	Ветлужский . . .	379.833	12,7	75,5
Котельнический .	383.484	24,5	30,3	Омутнинский . . .	311.612	8,1	78,8

Доля неземледельческого населения в общей массе населения слишком незначительна. На городское население приходится всего 188.661 человек, что составляет 5,1% в отношении ко всему населению области, тогда как по европейской части союза городское население составляет 14% или $^1/_7$ долю всего населения. Столь слабый состав городского населения объясняется медленным темпом промышленного развития области, ее значительной оторванностью от широкого внутреннего рынка при полном почти отсутствии путей сообщения.

Из рассмотрения роста населения в отдельных городах с полной очевидностью устанавливается отмеченная связь хозяйственного развития с жел.-дор. сетью. Так наибольший прирост населения за 25-летие с 1897 по 1923 г. дали города: Вятка—на 96,6% и Котельнич—на 53%, тогда как иные города (Нолинск, Омутнинск, Советск, Яранск), дают самый незначительный прирост, а г. Слободской даже уменьшился по составу своего населения на 17%.

Таким образом движение неземледельческого населения в области, всецело зависящее от развития промышленности, замедляется, а в известных пределах даже приостановлено, поскольку транспорт не допускает ее развития.

Но в том же приблизительно положении находится и сельско-хозяйственное население области. Предоставленное самому себе, земледельческое население за последнее 25-летие с 1897 по 1923 г. дало прирост всего 6,2%, тогда как в среднем по Европейской России за этот период население возросло на 17,1%, т. е., несмотря на замедленный вообще рост населения республики в результате военных действий 1914—1918 г. и последовавшей затем гражданской войны. Таким образом, область дает для сельского, как и для городского населения, втрое более слабый темп прироста населения.

Разница между движением городского и сельского населения лежит в том, что первое идет всецело за развитием промышленности и ростом транспортной связи, второе же представляется в виде естественного движения, проистекающего из соотношения между числом рождающихся и умерших.

Так, среднее количество рождений по Европейской России на 10.000 человек составляло за последнее время 441 чел., тогда как по Вятско-Ветлужской области 501 чел. Среднее количество умерших по Европейской России составляло 272 чел., а по области 358 чел. Превышение рождаемости над смертностью по области составляет 143 чел. против 169 по Европейской России, т. е. при большей рождаемости и смертности в области по сравнению с Европейской Россией естественный прирост населения значительно ниже, а этим именно и характеризуется низкий культурный уровень населения, свидетельствующий о том, что общие культурно-хозяйственные условия его жизни значительно отступают от среднего уровня.

К такому состоянию жизни населения его влекут все условия хозяйственной жизни и природные данные, с которыми вынуждена считаться всякая мало культурная среда.

Слабо развивающееся сельское хозяйство пребывает в полной зависимости от капризных климатических условий области, где благоприятные для урожая годы сменяются часто засушливыми, где поздно наступающая весна и ранние осенние заморозки поражают не успевшие дозреть яровые посевы; идущая на подкрепление сельского хозяйства домашняя кустарная промышленность, являясь в большинстве случаев сезонным промыслом и используя имеющееся под руками сырье в качестве материала для переработки, не ушла в деле своего оборудования, техники производства, далее самых примитивных средств; столь же элементарные формы лесного хозяйства в связи с изобилием леса во многих районах, сводившиеся к произвольной рубке подросшего леса без какого-нибудь планового начала; недоразвившаяся горная промышленность, для которой, судя по имеющимся сведениям, имеются все данные в виде богатых залежей железных руд высокого качества и столь же слабо прогрессирующая индустрия, носящая при том случайный характер—все это свидетельствует о застое в хозяйственной жизни и слабой промышленной культуре края. Природные рессурсы эксплоатируются населением лишь в меру местной потребности.

Главными природными рессурсами края, как уже отчасти было сказано, являются сравнительно благоприятная для земледелия и связанного с ним животноводства почва, огромные лесные богатства, местами не тронутые рукой человека, значительные железо-рудные залежи, наконец, существование на крайнем северо-востоке области (Кайский край) громадных запасов фосфоритов, залегающих на поверхности.

При всем этом Вятско-Ветлужская область не может итти ни в какое сравнение с соседним Уралом, горные богатства которого оставляют далеко позади за собой все открытые до сих пор ископаемые Вятского края.

Дальнейшее изложение имеет в виду охарактеризовать современное состояние этих, наиболее существенных в экономике края отраслей хозяйства.

III. Сельское хозяйство. Положение земледелия края предопределяется его почвенными особенностями. В этом смысле прежде всего должно быть отмечено значительное разнообразие почвенных формаций и, сообразно северной природе края, преобладание почв дерново-подзолистого типа.

В качестве характерных следует отметить: а) песчаные почвы на песчаных и песчано-глинистых отложениях ледниковых наносов на юрских глинах или на песчаных отложениях, б) супеси на отложениях супесчаного состава, в) подзолистые почвы возвышенностей на светлобурых лесовидных суглинках в прежде бывших елово-пихтовых насаждениях, г) суглинистые почвы на отложениях тех же суглинков в лиственных насаждениях, д) мергелисто-глинистые и супесчаные почвы, образовавшиеся на мергелистых глинах и известковых песчаниках, е) глинистые почвы на краснобурых глинах, ж) каменистые и хрящеватые почвы, з) торфяные и перегнойные почвы на торфяных или травянистых болотах пониженного рельефа с подстилом в виде водонепроницаемой глины.

Наибольшего распространения—до $^2/_3$ поверхности области достигают суглинистые почвы, расположенные в более или менее возвышенных районах, преимущественно в центральной части области; меньшее, хотя и значительное распространение — на $^1/_4$ территории — имеют песчаные и супесчаные почвы в лесистых, малонаселенных равнинах северной и юго-восточной части, а также в Марийской области.

Значительное разнообразие почв на протяжении области, равно как и различные климатические условия северной ее половины и южной, как было указано в начале статьи, оказывают заметное влияние на растительные процессы и приводят в своем совокупном действии к разнице в результатах сельско-хозяйственного производства на севере области и юге.

Какова же структура сельского хозяйства области и каковы тенденции его развития?

Прежде всего в связи с основными природными условиями края, о чем шла речь выше, земледельческое полевое хозяйство конкурирует с эксплоатацией леса.

В общем по области площадь, покрытая лесом, составляет 55,1% всей удобной земли.

В предполагаемой таблице приведены данные о лесистости отдельных округов в порядке ее убывания (в % ко всей площади).

ОКРУГА	Лес	Прочие угодья	ОКРУГА	Лес	Прочие угодья
Омутнинский	78,8	21,2	Сарапульский	44,6	55,4
Ветлужский	75,5	24,5	Вятский	42,3	57,7
Марийская обл.	57,1	42,9	Яранский	32,8	67,2
Вотская область	46,9	53,1	Котельнический	30,3	69,7
Нолинский	46,3	53,7	Итого по обл.	55,1	44,9

Наиболее лесные округа тянутся по периферии области, причем Омутнинский окаймляет ее с севера, Ветлужский с запада, Марийская область с юга, Вотская область с востока и южные уезды (Уржумский и особенно Малмыжский), входящие в состав Нолинского округа с лесистостью для крайнего Малмыжского уезда в 58,5%, замыкают область с юга. Обратно с этим наиболее земледельческими оказываются округа центральные — Нолинский с его безлесным Нолинским уездом, Вятский, Яранский и Котельнический, являясь в то же время и наиболее распаханными.

Соотношение полевой площади к луговой к общей площади под этими угодьями, предопределяющее структуру земледельческого хозяйства, представляется по округам в следующем виде (в порядке убывания роли луговодства):

ОКРУГА	Луга (покос)	Пашня	ОКРУГА	Луга (покос)	Пашня
Омутнинский	34,1	65,9	Нолинский	13,7	86,3
Ветлужский	32,7	67 3	Яранский	13,3	86,7
Котельнический	31,6	68,4	Марийская обл.	5,9	94.1
Вятский	25,2	74,8			
Вотская обл.	14,3	85,7	Итого по обл.	20,5	79,5

Северные округа (размещенные в левой половине таблицы) показывают значительное превышение роли лугов по сравнению с южными округами, в которых значение их резко падает, сводясь в Марийской области к совершенно ничтожной величине — 6% к площади под пашней и покосом. Порядок, в котором следуют округа в рассматриваемом отношении, несколько иной в частностях,[1] нежели при распределении их по местности. Однако общая характеристика области, данная выше, находит себе здесь полное подтверждение.

В связи с этими условиями находится различие северной и южной половин области по той роли, какую играет в хозяйстве животноводство (о нем речь будет ниже), и соответственно с этим по структуре полеводства.

УЕЗДЫ	Омутнинский	Слободский	Нолинский	Вятский	Котельнический	Халтуринский	Советский	Уржумский	Малмыжский	Яранский
Отношение переложной пашни ко всей в %	21,3	10,5	5,2	3,9	3,8	3,4	2,1	1,1	0,5	0,3
Отношение количества выселков к совокуп. населен. пунктов в %	64,6	24,6	35,2	23,5	26,2	50,8	43,2	28,4	13,7	40,2

[1] Именно, отступление наиболее заметно для Котельнического округа, наименее лесистого, но, благодаря своему северному положению, менее благоприятного для зерновых культур, а также для Марийской области, использующей все свободные от леса площади для распашки, в виду нахождения ее в иной климатической зоне (крайний юг).

Если исключить Нолинский уезд, роль переложной системы земледелия падает по мере перехода к южным уездам, характеризующимся большей распаханностью. Не так правильно располагаются они по распространенности выселков, что объясняется сплетением здесь действия разных условий севера и юга, приводящих, однако, к одинаковым результатам,— на севере расселение связано с расчисткой лесной площади и вызывается, следовательно, техникой сельского хозяйства, на юге же оно сопряжено с отрывом от прежнего очага в поисках иногда далеко лежащей нераспаханной территории, что представляет, конечно, большие затруднения.

Последнее характеризуется усиленной распашкой бывших выгонов и покосных земель. Распаханность здесь зашла за пределы допустимого при трехполье; поскольку полевая земля засевается почти исключительно зерновыми культурами, земледелие южных округов беднее навозным удобрением, нежели северных, сообразно количеству скота, приходящегося на одинаковые площади земли при расширении запашки.

В предлагаемой ниже таблице приводятся по округам данные о количестве пашни, приходящейся на 1 двор — хозяйство в десятинах и количество голов скота на 100 десятин.

ОКРУГА	Ветлужский	Омутнинский	Котельнический	Вятский	Марийская область	Яранский	Нолинский	Вотская область
Количество пашни на 1 двор .	4,6	6,2	7,0	7,3	7,9	8,4	8,7	10,3
„ голов скота на 100 десятин пашни	144	115	107	87	77	77	60	84

И в том, и в другом отношениях округа распределяются сообразно с нашими выводами в направлении с севера на юг, причем южные наиболее распаханы и наименее обеспечены скотом для удобрения пашни.

Если в северном хозяйстве на пашню приходится больше скота, то это означает лишь то, что пашня у него сравнительно не велика, и на ее долю выпадает больше скота даже при пониженном количестве последнего в хозяйстве. Так на 1 хозяйство в 1916 году приходилось в переводе на крупный скот в:

	Голов		Голов		Голов
Ветлужском . . .	2,81	Марийск. обл.	3,70	Яранском	4,18
Вятском	3,65	Нолинском . . .	3,99	Вотской	5,52
Омутнинском . . .	3,83	Котельническ. . .	4,10		

Многочисленными в хозяйственном смысле, таким образом, являются южные округа, но у них зато и посевы возрастают значительнее, нежели обеспеченность скотом, как это является из сопоставления последней таблицы с предыдущей. Отсюда понятным становится значительное распространение в северной половине области кустарных промыслов и различного рода внеземледельческих заработков; если бы полевое или животноводческое направление северного хозяйства давало положительный баланс, как в южной половине, ему не было бы надобности прибегать к внеземледельческим заработкам для покрытия своего продовольственного бюджета. Как известно, наибольшего развития кустарные промыслы достигли преимущественно в северной части области (Вятском, бывшем Глазовском уезде, ныне Вотской области, на ее севере), а в связи с крупной промышленностью, которая в южной половине области не развилась отчасти по тем же самым основаниям, северное сельское хозяйство получает в них значительное подспорье.

Другим признаком, характеризующим относительно слабое развитие земледелия на севере, является иная его структура по сравнению с югом, связанная со слабой населенностью лесистых районов. Выражается она встречающейся чаще на севере, более отсталой, нежели обычное в области трехполье, системой полеводства (переложной), и связана с продолжающимся процессом отвоевывания у лесной площади удобных для распашки земель, о чем свидетельствует образование починков, выселков и займищ.

Так для Вятской губернии, о которой имеются данные, оба эти явления выражаются следующим образом:

Таковы условия сельского хозяйства в области и в частности северной и южной ее половины.

Характер земледелия Вятско-Ветлужского края, несколько различный на севере и на юге, все же представляется обычным для нечерноземной полосы с некоторым уклоном в сторону посевов пшеницы благодаря более континентальному климату, нежели в западных губерниях — Костромской, Череповецкой, лежащих в той же широтной зоне.

Как уже говорилось, в земледелии области происходил длительный процесс вовлечения в пахотную площадь земель, состоявших под другими угодьями, благодаря чему площадь эта с течением времени расширялась— на юге за счет луговой, а на севере—лесной земли. Так, по Вятской губ. на 100 десятин пашни в 1861 г. приходилось в 1881 г. 143 дес., а в 1887 г.— 151 дес. [1] Процесс этот, хотя и более замедленным темпом, продолжался до довоенного времени, и если в 1887 г. под посевом находилось 3.017.591 дес., то в 1900 г. размер посевов доходил до 3.121.048 дес., то есть увеличился на 3,4% и до 3.200 тысяч с лишним к 1910 году (губерния взята в старых границах).

Военное время привело к значительному сокращению посевной площади, и эта сократительная тенденция продолжалась и далее, дойдя до своего апогея к 1922 году. Так, в 1916 году посевная площадь с 3.200 тысяч дес., бывших до войны, упала до 2.632 тысяч, т. е. на 18%, а в 1920 году до 1.939 тыс. дес., то есть еще на 22%. Площадь посевов 1922 года достигала уже только 1.342 тыс. дес., то есть 42% довоенной, иначе сказать, к 1922 году посевная площадь по сравнению с довоенной уменьшилась более, чем вдвое, и только за последние годы наблюдается, как и повсюду, процесс ее восстановления—с 1.342 тыс. дес. в 1922 г. она поднялась до 2.497 тыс. дес. в 1924 г., то есть в отношении к довоенной она ныне составила уже 78%.

Сокращение посевной площади не могло не сказаться на роде посевов, и в этом смысле оказывали свое влияние две основных тенденции, наблюдавшиеся в последнее время в связи с политикой твердых цен на продукты земледелия. Изъятие этих продуктов из рыночного оборота, с одной стороны, и изъятие их у населения в порядке продразверстки с другой приводило к: 1) сокращению посевов рыночных технических культур (лен, ячмень), 2) снижению посевов продовольственных, зерновых хлебов, так как население не заинтересовано было в засеве излишней против абсолютно необходимой для собственного своего прокормления площади.

---

[1] В соседних губерниях наблюдалась обратная картина. Соответственные показатели для Костромской губ. были 97—92, Тверской—77—83, то есть в конце XIX века наблюдалось в них падение земледелия по сравнению с 60-ми годами.

Естественным результатом сокращения была замена посевов одних культур другими, как это видно в прилагаемой таблице.

ГОДЫ	% отношение культур ко всей посевной площади: Рожь, пшеница ячмень		Овес	Картофель	Лен	Прочие [1]	ИТОГО
1900 год	55		35,6	1,1	3,8	5,5	100
	Рожь, пш.	Ячмень					
1916 год	4,96	8,0	33,7	2,1	6,4	0,2	100
1922 год	57,4	4,1	32,6	1,5	4,1	0,3	100
1924 год	44,9	4,5	35,5	3,2	4,5	7,4	100

Из сопоставления данных за военные годы вытекает значительный рост доли посевов ржи и пшеницы за счет других культур и, главным образом, ячменя и льна—основных рыночных культур; начиная с 1922 г., подъем сельского хозяйства сказался в восстановлении прежнего соотношения культур и даже некоторого улучшения их качества по сравнению с довоенными, что сказывается, например, в усилении посадки картофеля и травосеянии.

В отношении сбора продуктов отмеченные выше различия в северной и южной половине области совершенно стираются. Наименее благоприятным округом по сборам является Котельнический, дающий по всем культурам пониженный урожай. [2] Если его исключить, то колебания в урожайности ржи незначительны—от 42 до 54 пуд.; овса—от 39 до 48, льна от 12 до 14 (только в Ветлужском—20 пуд.), картофеля 231—321 пуд., причем в них не усматривается правильности в географическом размещении между севером и югом, если не считать ячменя и пшеницы, дающих значительно повышенные сборы в южных округах, что и вполне понятно по самому характеру этих культур.

Столь незначительные различия в сборах севера и юга объясняются выравнивающим влиянием повышенного удобрения, падающего на бедные северные почвы благодаря большому количеству скота, приходящегося на посевную площадь. В этом смысле округа располагаются в следующем нисходящем порядке по среднему количеству крупного скота, приходившегося на 1 десятину посева в 1916 году:

Омутнинский	1,10
Ветлужский	0,95
Котельнич.	0,84
Вятский	0,82
Вотская обл.	0,88
Марийская обл.	0,87
Уржумский	0,78
Яранский	0,75

[1] Имеются в виду незначительные посевы под яровой пшеницей, полбой, яровой рожью, просом, горохом, коноплей и посевными травами.

[2] За 1912—1917 г. собиралось в нем в среднем ржи 39 пуд., ячменя 38 пуд., пшеницы 35 пуд., гороха 25 пуд., льна 9 пуд., овса 34 пуд. с десятины. См. об этом и в следующем работы Вятского Губплана. Кн. III Матер. по организ. и районир. Вятско-Ветлужской области, стр. 30—32.

Впереди всех идут крайние северные округа, в особенности Омутнинский, дающий повышенные сборы для всех культур.

Таким образом в продукции на 1 десятину нет почти никакой разницы между севером и югом области, но разница будет значительной при расчете на душу населения, если принять во внимание большую распаханность удобных земель в южной ее половине.

Так в 1916 году на 1 душу населения приходится посевов (в десятинах):

Яранском	1,02
Вотской обл.	1,02
Марийской обл.	0,82
Вятском	0,79
Уржумском	0,96
Котельническ.	0,85
Омутнинском	0,61
Ветлужском	0,53

Иначе сказать, в северных округах посевная площадь вдвое ниже, чем в южных. В результате слабой распаханности северной части области она не в состоянии была в довоенное время прокармливать себя собственным хлебом и ввозила его из южной половины, дававшей значительные излишки; их хватало не только для прокормления северной половины области, но значительное количество зерновых продуктов (особенно овса) ежегодно направлялось водным путем (по р.р. Вятке, Каме, Волге) и в последнее время по Северной дороге в Ленинград.

В довоенные годы вывозилось из области ежегодно в среднем из одной Вятской губернии до 9 милл. пудов зерновых продуктов. Но и в 1916 году, относительно которого ниже приводятся сведения об излишках и недостатках продуктов по округам, излишки области исчисляются в 5.269.507 пуд., несмотря на значительное понижение посевов и выхода наиболее хлебных уездов (Сарапульского и Елабужского) из состава области с заменой их мало производящими Ветлужским и Варнавинским уездами бывшей Костромской губернии, из которых один Ветлужский требовал до 3 милл. пуд. ржи.

ОКРУГА	Излишек (+), недостаток (—) в тыс. пудов: Ржи	Овса	Всех хлебов	ОКРУГА	Излишек (+), недостаток (—) в тыс. пудов: Ржи	Овса	Всех хлебов
Ветлужский	— 2.094	— 1.060	— 3.154	Нолинский	+ 582	+ 1.188	+ 1.770
Котельнич.	— 2.441	+ 327	— 2.114	Марийск. обл.	+ 980	+ 1.158	+ 2.138
Омутнинский	— 1.895	+ 296	— 1.599	Яранский	+ 1.123	+ 1.747	+ 2.871
Вятский	— 1.030	+ 766	— 264	Вотская обл.	+ 1.330	+ 4.293	+ 5.622

В конечном итоге области не хватало 3.447 тыс. пудов ржи, но зато избыток овса достигал 8.715 пудов.

На-ряду с продовольственными излишками область вывозила значительное количество льна, посевы которого доходили до 140 тыс. десятин (преимущественно в северных Ветлужском и Котельническом уездах) и давали до $1^1/_4$ милл. пудов льняного семени и более $2^1/_4$ милл. пудов волокна,

возмещавших с лихвой при высокой своей ценности недоборы в хлебных продуктах.

Само собой разумеется, значительное снижение посевной площади за последнее время привело область из вывозящей продовольственные излишки в состояние едва прокармливающей себя, но, конечно, восстановительный процесс, начавшийся с 1922 года, не преминет сказаться на размере сельско-хозяйственной продукции, и в перспективе область выступит в общесоюзном масштабе с положительным хлебным балансом.

Животноводство. Как один из элементов сельского хозяйства, животноводство разделяет его судьбу наравне с другими элементами, в особенности, если оно не имеет самодовлеющего значения, то-есть если сельское хозяйство не имеет животноводственного направления.

Как в северной, так и в южной части области количество скота поддерживается на уровне, допускаемом наличностью кормовых рессурсов используемых с этой целью лугов с тем существенным различием между севером и югом, что недостаток в кормовой площади в южной половине восполняется здесь зерновой площадью в качестве поставщицы не только продовольствия, но и кормов. Однако, и при этих условиях, то-есть некотором избытке продовольственных средств, предельное количество допустимого в хозяйстве скота ограничивается в конце-концов слабой рыночностью продуктов животноводства.

Поэтому для сельского хозяйства области животноводство имеет лишь подсобное значение — лошадь, как рабочий скот в полеводстве, крупный рогатый и мелкий, как носитель удобрения и отчасти в целях продовольствия, но за отсутствием близкого и выгодного рынка не дает оснований для выделения его в системе сельского хозяйства в качестве направляющего элемента.

При значительном расширении посевной площади во 2-й половине XIX века количество лошадей в Вятской губернии, например, оставалось неизменным с 50-х годов, держась на уровне около 650 тыс. голов.[1] На том же неизменном уровне за этот период стоял и крупный рогатый скот, не переходя цифры в 900 с небольшим тысяч голов. Некоторое повышение дало овцеводство за это время — с 1.150 до 1.300 тыс. голов; в противовес ему наблюдалось значительное падение свиноводства—с 350—360 тыс. голов в 50-х годах до 170—180 тыс. голов в 90-х, то-есть вдвое.

Характер отмеченных изменений в численности скота по его породам свидетельствует скорее об упадке животноводства,[2] приобретении им более экстенсивного характера (рост овцеводства и значительное падение свиноводства, как типичной для интенсивного животноводства породы), нежели о животноводственном направлении сельского хозяйства.

Довоенное 15-летие произвело некоторый сдвиг в составе животноводства: количество лошадей с 650 тыс. голов поднялось к 1916 г. до 753 тыс. голов; общее же число голов крупного рогатого скота — с 900 тыс. до 1.487 тыс., т. е. возросло в $^1/_2$ раза; менее быстро эволюционировало овцеводство и свиноводство, возросши первое с 1.300 тыс. голов до 1.535 тыс. голов и с 175 тыс. до 215 тыс. голов второе (имеется в виду взрослый мелкий скот).

Однако и отмеченный небольшой сдвиг является в значительной мере лишь результатом роста количества хозяйств, соответственно с которым и возрастало общее количество скота. Если численность хозяйств с 1895 года

[1] См. П. Голубев: „Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Края. Вятка. 1896 г.".

[2] Неизменное количество скота есть на самом деле его сокращение, если принять во внимание рост населения и число хозяйств.

по 1916 год поднялась с 522 тыс. до 591 тыс., т.-е. на 14%, количество лошадей дает рост в 15%, коров—в 50%, овец—в 15% и свиней—в 35%. Но так как к концу XIX века наблюдался упадок скотоводства по сравнению с 50-ми годами, на период начала XX века следует смотреть лишь как на естественный восстановительный процесс.

Годы войны, революции, в особенности бескормица 1921 г. подорвали, и при том довольно серьезно, состояние животноводства. Если посевная площадь с 2.813 десятин в 1916 г. сократилась к 1920 году до 1.939 тыс. десятин, или на 31%, и после голодного года она достигла снова уровня 1920 года лишь к 1923 году, за это время число лошадей упало всего на 12%, а рогатого скота на 40% (в том числе крупного на 12%), овец—на 55%, и свиней—на 61%, то-есть снова удар постиг мелкое животноводство, но в еще большей степени и стремительнее, чем во второй половине XIX века. Так, по Вятской губернии (в нынешнем составе) в 1922 году, непосредственно следовавшем за голодным 1921 г., количество лошадей по сравнению с 1916 годом было на 24,8% меньше, а рабочих даже на 26,5%; рогатого скота на 45,8% (в том числе коров уже не на 12, а на 34,2%), овец—на 73,2%, а свиней—на 80,2%. Таким образом, наблюдается почти полная потеря стада мелкого скота и значительный ущерб в крупном, оставляемом в хозяйстве до последней крайности.

В 1923 и 1924 г.г. в крае наблюдается некоторый подъем, менее заметный в отношении крупного скота, и значительный в отношении мелкого:

ГОДЫ	Количество голов скота в тысячах (всех возрастов)			
	Лошадей	Коров	Овец	Свиней
1916	774	1.511	3.111	796
1923	508	887	1.486	204
1924	605	1.256	2.472	552

По характеру своему расширение животноводства идет пока по экстенсивному пути—в первую очередь оно коснулось мелкого скота, который приближается к уровню 1916 года, наиболее же отсталым остается крупное животноводство, для подъема которого нет еще достаточных условий—повышения земледельческой продукции за пределы продовольственных потребностей.[1]

Если, таким образом, животноводство в настоящий момент значительно отстало от уровня 1916 года и потребуется еще ряд лет для его восстановления, было бы во всяком случае неосновательно говорить о довоенном уровне, как об идеальном перспективном пределе развития сельского хозяйства области. Из изложенного ранее становится ясной вся условность значения этого уровня в деле поддержания равновесия в полеводстве. На самом

[1] Продукция животноводства при уровне его в 1916 г. достигала по подсчетам Вятского Губплана 1.400 тыс. пуд. в виде мяса от рогатого скота и 1.388 тыс. пуд. баранины и свинины. Из них сбывалось главным образом мясо рогатого скота в виде солонины; баранина и свинина не находили сбыта и потреблялись на месте. Еще менее был обеспечен сбыт молока и его продуктов, которых добывалось в год до 42 мил. пуд.

деле, в условиях трехпольного севооборота, который является типичным для полеводства области, в целях обеспечения достигнутой урожайности зерновых культур на долгое время необходимо вдвое с лишком большее количество удобрения против того, какое вкладывалось в землю при уровне хозяйства в 1916 году. А раз расширение животноводства встречает препятствие в отсутствии рынка, достаточно для него рентабельного, дальнейшее развитие этой отрасли сельского хозяйства в первую очередь должно быть поставлено в связь с нахождением рынка.

В этом рынке одинаково заинтересовано и полеводство, почему вовлечение сельского хозяйства области в широкий меновой оборот становится неотложной задачей, которую должно разрешить плановое руководство главными отраслями сельского хозяйства—земледелием и животноводством. Для установления же интенсивного менового оборота необходима интенсивная связь производителя с потребителем, которая выражается в развитии транспортных средств,—возможной замене рабочего скота, как тяговой силы, паровой и электрической, иначе сказать, в устройстве по крайней мере жел. дор. подъездных путей к проходящим по области магистралям в лице Северных и Казанбургской жел. дор.

IV. Лесное хозяйство. Лесная площадь Вятско-Ветлужского Края составляет 8.354.182 десятин, или 55% всей территории его, почему можно было бы ожидать, что лесное хозяйство займет первое место в области. Однако, на самом деле лес эксплоатируется не в достаточной степени, будучи слишком неравномерно распределенным по области. Значительная часть его, пространством около 3 миллионов десятин, расположена в виде сплошного массива на севере области по Омутнинскому, Вятскому и Котельническому округам в малонаселенных их частях, и остается поэтому мало использованной, принимая во внимание, что и средствами передвижения в виде сплавных рек она не изобилует,—в этом смысле могут служить лишь верховья реки Камы и Вятки, и ее притоками: Леткой, Коброй, Федоровкой и Моломой. Другой, несколько меньший, массив удобно расположен по бассейну реки Ветлуги и заходит одним своим отрогом к центру области, используя приток реки Вятки, Пижму (в Яранском округе). Наконец, третий лежит в южной части края (Нолинском округе и Марийской области) по бассейнам притока реки Вятки, реки Кильмези, и притокам реки Волги—Б. и Малой Кокшаги.

Большая часть этих лесов находилась в распоряжении государства и только 1,5 милл. десятин являлась лесами местного значения; в настоящее время происходит передача их в распоряжение населения.

По характеру насаждений край расположен в области хвойных пород, при этом ель преобладает в северной части края, в Ветлужском, Яранском и Кильмезском районах, на почвах подзолисто-супесчаного и суглинистого типа, тогда как сосновые насаждения разбросаны в большинстве случаев островами на песчаных и супесчаных почвах, и только в южной части наблюдается некоторое увеличение лиственных пород.

Относительное значение этих насаждений таково: ели—54.8%, сосны—20,9%, лиственных (березы и осины) 24,3%, или, в десятинах, еловых—4.074.000 десятин; сосновых — 1.554.000 дес. и березовых с осиновыми—1.807.000 десятин.

Ежегодный прирост древесины в лесах государственного значения определяется в 0,3 куб. саж. с 1 десятины, что дает 2.230.500 куб. саж., но из этого числа 734.000 куб. саж. находится в малонаселенных местностях. Таким образом, доступных для эксплоатации имеется 1.495.500 куб. саж., что представляется довольно значительной величиной.

По своим ассортиментам эта древесина представляется в следующем виде: строевого (крупного и пиловочного) леса—10%, среднего—30%, мелкого—10%, дровяного—50%, а по породам ассортименты дают следующие количества: [1]

	Строев. и поделочн. крупного, мелкого и среднего леса (в куб. саженях)	Дров куб. саж.	ВСЕГО куб. саженей
Ель	493.500	329.000	822.500
Сосна	188.400	125.600	314.000
Лист. пор.	35.900	323.100	359.000
Итого . . .	717.800	777.000	1.495.500

Из этого количества на удовлетворение потребностей местного населения требуется 671.000 куб. саж., в том числе и строевого леса 132.000 куб. саж., и остальное в дровяном — запросы населения на леса государственного значения вызываются недостаточным наличием в распоряжении населения и плохим качеством для технических надобностей лесов местного значения.

Сверх этого для учета внутриобластного потребления леса необходимо иметь в виду сбыт его для нужд учреждений, железно-дорожного и водного транспорта, местной промышленности. По некоторым исчислениям на внутриобластной рынок поступает около 100.000 куб. саж. лесоматериалов и до 240.000 куб. саж. дров (для Вятской губернии в прежнем ее составе, т. е. включая Вотскую и часть Марийской области, а также Елабужский и Сарапульский уезды, требуется 80.000 куб. саж. лесоматериалов и около 240.000 куб. саж. дров).

Таким образом, дровяной лес всецело оседает на внутриобластном рынке; что же касается до строевого леса и поделочных лесоматериалов, то на областном рынке расходится около 230—235 куб. саж., возможное же при полной эксплоатации прироста древесины поступление составляет 717.800 тыс., то-есть около 485.000 куб. саж. может служить предметом экспорта за пределы области, в том числе крупных пиловочных материалов до 140.000 куб. саж.

Самым крупным рынком сбыта лесных материалов, потребляющим наиболее ценные ассортименты древесины, является низовье Волги и в частности Сталинград, где сосредоточены лесопильные заводы для ее переработки. Вообще же рынок сбыта простирается вплоть до Баку, куда лес идет для надобностей нефтяных промыслов.

За отсутствием данных трудно определить, какая доля ежегодного прироста остается неиспользованной, но несомненно, что в сбыте лесных материалов не будет задержек, в особенности в случае прорытия Волго-Донского канала, когда вятский лес может найти доступ и на заграничном рынке.

Последние годы принесли с собой некоторое нарушение плана лесного хозяйства в связи с усиленными, и что особенно важно, экстренными запросами, предъявлявшимися в годы топливного голода к лесным заготовительным операциям. Производство заготовок происходило при этом без всякого плана, вырубки производились сплошь, без необходимой очистки опустошен-

[1] См. протокол заседания Бюро Плановой Комиссии В. В. Края от 21 февраля 1925 года, стран. 2 по докладу Лопатина о водном пути Царицын-Дон-Азовское море.

ной площади, и притом в местностях, ближайших к железно-дорожным и сплавным путям. Помимо этого недостаток охраны лесов приводил к массовым порубкам, а лесные пожары в 1920/21 гг. по некоторым предположениям принесли потери, превышающие 10-летний прирост древесины.

Поэтому к выведенному выше балансу лесного хозяйства области нужно ввести поправку на потерю древесины примерно в 20%, если исходить из 50-летнего оборота рубки, что, конечно, слишком мало для хвойных пород. Однако, и преувеличив таким образом размер потери, мы будем иметь около 340.000 куб. саж. древесины за покрытием спроса внутриобластного рынка.

V. Кустарная промышленность. Вятский край издавна занимал видное место по развитию в нем мелкой промышленности. Короткое лето и малая продуктивность земледелия в северных уездах в связи с обилием сырья способствовали этому развитию. Наибольшее количество кустарей наблюдается в Яранском, затем в бывшем Глазовском, в Котельническом и Вятском уездах. Статистические данные, однако, слишком разноречивы и очень устарели. Тогда как проф. А. А. Рыбников, основываясь на земских обследованиях крестьянских хозяйств 1884—1891 гг., определяет число кустарей в Вятской губ. в 211 тыс. В. Тиханов, на основании тех же данных, но подвергшихся исправлениям, насчитывает их 473.317 тыс.,[1] причем по его сведениям Вятский уезд уступает место южному Нолинскому, а Глазовский, как отошедший в Вотскую область, совершенно не фигурирует в подсчете. В присоединенных к Вятско-Ветлужскому краю Ветлужском и Варнавинском уездах бывшей Костромской губ. и Козьмодемьянском, Краснококшайском и Чебоксарском уезде Казанской губ. число кустарей незначительно, колеблясь по отдельным уездам от 4 до 6 тыс. человек.

На первом месте стоит по количеству занятых лиц производство тканей и валяной обуви, портновский промысел; затем производство лаптей и бураков, кузнечный промысел, выжигание угля, смоло-и-дегтекурение; далее кожаные изделия, изготовление телег и саней. По данным, приводимым Рыбниковым, количество лиц, занятых в них, достигает 25 тыс. человек в первых и спускается до 7 тыс. в последнем из приведенных промыслов. Остальные промысла, не приводимые выше, насчитывают меньшее количество занятых в них лиц и не характеризуют кустарную промышленность края.

Значение ее для крестьянского хозяйства края лежит в том, что заработок от нее давал до 30% его бюджета, а во всей совокупности кустарные промыслы приносили до войны населению до 85 милл. руб. в год.

Военные годы, отвлекшие мужское население от занятий в своем хозяйстве, не могли не отразиться самым гибельным образом на состоянии промышленности, а в последнее время к этому присоединилось и другое препятствие—недостаток сырья для некоторых видов промыслов (металлических) и тяжелое обложение кустарей при ограниченности рынка сбыта их изделий, в особенности в связи с дороговизной современных транспортных услуг. Так по имеющимся отрывочным данным—производство валяной обуви снизилось с 250 тыс. пар до 50 тыс., холста—с $1^1/_4$ милл. руб. до 125 тыс. руб.; металлические кустарные промыслы совершенно прекратили свое существование из-за недостатка в настоящее время надлежащего сырья в связи с недоразвитием металлургической промышленности после военного ее распада. Несмотря на все эти недомогания кустарная промышленность края быстро оправляется и имеет все данные для будущего развития.

Однако, несмотря на широкое распространение ее в прошлом, едва ли правильно было бы делать вывод о тенденции развития кустарной промышленности на будущее в сторону лишь воспроизведения достижений довоенного

[1] См. Рыбников: „Мелкая кустарная промышленность". Стр. 32 и 33. В. Тиханов: „Вятская жизнь" 1923 г. № 3, стран. 46.

периода. Развитие тех или иных промыслов здесь, как и всюду, обусловливается не столько выгодностью их, сколько наличностью под руками того или иного сырья. Вот отчего можно всюду наблюдать чрезвычайное разнообразие в размере заработков кустарей по тем или иным родам промыслов, равно как и различную технику производства, начиная от самой примитивной, унаследованной от предков, и кончая применением механических двигателей, хотя последние встречались до войны в виде исключения.

Так, тогда как ткачество и валяльный промысел давали заработка в год (сезон) от 50 до 70 рублей, производство, например, бураков, распространенное в Вятской губернии, давало до 30 руб., а смоло- и дегтекурение всего 20—30 руб., равно как и промысел по изготовлению телег и саней.

Отсюда в качестве плановой наметки следовало бы исходить не из рабского поклонения прошлому величию кустарных промыслов, а из целесообразного использования труда освобождающегося после сельско-хозяйственных работ населения в тех областях производства, которые сулят более или менее сносный сбыт изделий.

Поэтому при построении в дальнейшем перспективного плана развития кустарной промышленности едва ли правильно говорить о восстановлении в том же объеме мало рентабельных отраслей кустарного производства.

(Окончание следует)

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Итоговая брошюра

Г. И. Крумин: „В борьбе за социализм".

Советская действительность ввела в употребление двоякого рода летоисчисления. С одной стороны, мы имеем хозяйственный календарь, по которому год начинается с первого октября, а с другой стороны—запаздывающий в сравнении с ним на целую четверть года обычный календарь, европейский, так называемый, григорианский.

К началу нового календарного года имеются уже более полные и более точные данные за истекший хозяйственный год. Кроме того, некоторые черты нового хозяйственного года выявляются более рельефно и определенно, конкретизируются до некоторой степени и открывают возможность уже в свете действительности проверить перспективные планы и предположения.

К началу нового календарного года имеются хотя бы вчерне итоги первого квартала, который отличается одной специфической особенностью: он делает вполне определенным важнейший фактор нового хозяйственного года—размеры урожая.

Поэтому нельзя не приветствовать тот факт, что к началу нового календарного года т. Крумин выпустил работу, которая подытоживает прошлый хозяйственный год и намечает перспективы развития в предстоящем году.

Новая брошюра тов. Крумина „В борьбе за социализм" представляет собою весьма сжатый „компендиум", в котором даны главные подытоживающие цифры истекшего хозяйственного года, основные выводы и ближайшие перспективы. Обозревая динамику нашего хозяйства, тов. Крумин умело отбирает из всей груды фактов, цифр, идей, мыслей и мыслишек, которые рассеяны в различных уголках нашей разветвленной хозяйственной работы, только то, что является самым ударным, основным, определяющим. Поэтому вся брошюра, за исключением отдельных мест, проникнута особой четкостью формулировок, ясностью постановки вопросов и ответов на них.

Тов. Крумин последовательно рассматривает наши достижения в области сельского хозяйства, промышленности, торговли, кредита и денежного обращения, отмечает в связи с этим те процессы, которые выявились в народном хозяйстве, и указывает стоящие перед нами задачи экономической политики.

Анализируя процессы, происходящие в сельском хозяйстве, правильно отмечая основные достижения и неудачи на этом громаднейшем участке хозяйства, тов. Крумин останавливается на проблеме рынка и цен СССР, отмечая, что в период „лимитной" политики „именно на хлебном рынке плановому началу в нашем хозяйстве были нанесены наиболее чувствительные удары". Указывая, что „стихия праздновала здесь ряд побед" (стр. 17), тов. Крумин приходит к выводу, что „политика цен становится отныне важнейшим элементом в конкретных взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством. Разногласия между рабочим классом и крестьянством могут пойти и в значительном большинстве случаев пойдут (поскольку пойдут) по линии цен" (стр. 20).

Жаль только, что автор, правильно указывая на роль цен и рынка в нашем хозяйстве, не оттеняет того обстоятельства, что обмен представляет собою явление производное от сферы производства, и что основные недостатки, имеющие место в сфере товарооборота, уходят своими корнями в производственный процесс.

Третья глава специально посвящена вопросам смычки и внутренней торговли.

Нельзя не отметить с удовлетворением, что здесь дается если не объяснение, то, по крайней мере, указание на существенную связь между рыночными явлениями и производством; например, такое место: „Не может быть «уничтожения» ножниц". Речь может итти лишь об их изживании, о постепенном преодолении их в процессе реконструкции хозяйства (стр. 55). Здесь автор увязывает рыночный разрез проблемы изживания ножниц с общехозяйственными проблемами, с производственным процессом в целом. Тут же дается увязка „ножниц" с мировым рынком: „ножницы" должны сжиматься таким образом, чтобы нижнее лезвие—сельско-хозяйственное—„оглядывалось" в своем движении на движение сельско-хозяйственных цен на мировом рынке" (стр. 56).

В той же главе о товарообороте особого внимания заслуживает табличка товарных эквивалентов, которая показывает покупательную силу деревни по отношению к городу. Табличка эта убедительно иллюстрирует успехи в борьбе с ножницами, достигнутые в истекшем году. Так, в 1923/24 г. крестьянин отдавал за пару сапог 512 фунтов муки, а в 1924/25 хоз. году—только 372,25 фунта. За аршин ситцу деревня платила в 1923/24 г.—15,4 ф. муки, а в 1924/25 г.—8,25 ф., за аршин сукна соответственно 275 и 133,01 ф. муки. Правда, это далеко еще от довоенных соотношений, ибо до войны пара сапог стоила 222 фунта муки, аршин ситцу—$5^1/_2$ фунтов, аршин сукна—95 фунтов. Но все же достижения в 1924/25 г. налицо, или, говоря словами автора, „тенденция к улучшению совершенно явственная" (стр. 53).

Блестящая главка о промышленности яркими штрихами рисует картину количественного и качественного роста социалистических моментов нашей страны. Характеризуя рост производства средств производства, происходящий у нас в связи с процессом восстановления, тов. Крумин указывает, что это явление, свойственное капиталистическому обществу, по существу характерно и для социалистического общества с той только разницей, что в последнем оно освобождается от „своей фетишистской оболочки". Было бы вполне правильно и уместно тут же указать, что уже в настоящее время, когда мы находимся только на первых ступенях переходного периода, национализация крупной промышленности и плановая политика способствуют освобождению некоторых сторон народного хозяйства от товарно-фетишистских явлений. Вообще изучение процессов отмирания и деформации капиталистических категорий при Нэп'е становится в настоящее время особенно важным в связи с вопросом об удельном весе капиталистических и социалистических элементов в нашем хозяйстве и в связи с теми ошибками оппозиции, которые отметил XIV съезд партии.

Указывая на положительные стороны нашего роста, тов. Крумин вместе с тем с достаточной решимостью отмечает и теневые стороны. Так, говоря о кустарной промышленности, он заявляет: „следует еще помнить и социально-политическую сторону вопроса, а именно: выростание „свободного", „отечественного" капитала из смычки частного торгового капитала с кустарем. Советское хозяйство обязано экономически побороть эту капиталистическую „смычку" (стр. 42).

Ответ на опасности один и совершенно правильный: „Предполагаемый темп развертывания крупной промышленности, конечно, превосходит темп развертывания сельского хозяйства. Иначе и быть не может (курсив наш. Р. В.). Иначе не устранить диспропорциональности между промышленностью и сельским хозяйством, которая является серьезнейшим бичем нашей экономики, и замазывать наличие которой недопустимо" (стр. 45).

Среди отдельных вопросов, связанных с промышленностью, тов. Крумин уделяет внимание и вопросам районирования.

Тов. Крумин ставит проблему районирования не во всю ширь, а только в плоскости географического размещения промышленных предприятий и приступа к новому строительству. Отрадно отметить, что в такой итоговой книжке, как Крумпнская, проблема районирования хотя бы частично затронута, ибо этой важной, с точки зрения планирования народного хозяйства, проблеме в нашей исследовательской и научно-популярной литературе уделяется до сих пор недопустимо мало внимания.

Общим вопросам посвящены введение и две заключительные главки, в которых развита в общем и целом правильная концепция, верно трактуется вопрос о „государственном капитализме" и о темпе нашего хозяйственного развития и пр.

Из тех общих вопросов, которые затронуты тов. Круминым, нам хотелось бы остановиться на одном чрезвычайно интересном и важном вопросе: о струвистской опасности со стороны нарождающейся буржуазной идеологии. „Под влиянием тех или иных временных затруднений,—пишет тов. Крумин,—возможны и неизбежны отклонения от правильной линии, отклонения, идущие по линии недооценки достижений в области социалистического строительства (умаления роли и значения государственной промышленности, непонимание ее ведущей роли, недооценка середняка, непомерное выдвижение процессов дифференциации в деревне и т. д.) или недооценки трудностей в строительстве социализма, недооценки, ведущие прямехонько к струвизму в новом издании (игнорирование роста кулака, недооценка роли частного капитала и вырастающих на базе мелкого хозяйства капиталистических процессов и т. д.)" (стр. 8).

Читатель видит, что здесь сформулированы те две опасности, которые отмечены XIV съездом партии.

Логически тов. Крумин прав: недооценка капиталистических тенденций в стране, недооценка, которая кроется под переоценкой социалистических возможностей — такая недооценка граничит с защитой свободы капитала и ведет в наших условиях к своеобразному „советскому струвизму".

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в экономической литературе все чаще и чаще появляются струвистские нотки и течения. Они касаются, главным образом, теоретической экономии и исходят от той части старой и слабо осоветизировавшейся профессуры, которая не только недооценивает, но по-просту игнорирует социалистические тенденции в нашей стране. Тут отдельные черты струвизма идут рука об-руку не с недооценкой капитализма, а с переоценкой его и преклонением перед ним.

Отметим еще, что в недавно вышедшем „Сборнике статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности (1890—1925)", [1] самые горячие сторонники Струве трактуют вопросы советской экономики примерно в духе того меньшинства, которое стало в оппозиции к XIV съезду партии.

Товарищам, еще не осознавшим своих ошибок, над этим стоит призадуматься.

Скрытые и не осознавшие самих себя струвисты, равно как и открыто признающие Петра Бернгардовича своим апостолом, трактуют вопросы совет-

[1] Издано в Праге.

ской экономики в духе оппозиции. Если „ленинградская“ ориентация усматривает в советской экономике преувеличенные капиталистические опасности, то „пражская“ ориентация не видит ничего, кроме „естественных“ капиталистических законов, которые были нарушены „военным коммунизмом“ и теперь возвращаются к своему исходному положению, к состоянию равновесия.

Нельзя не приветствовать того, что тов. Крумин именно в популярной брошюре остановился на струвистской опасности. Струвистские миазмы носятся в воздухе, и борьба с ними необходима.

В заключение отметим, что в общем и целом книжка тов. Крумина является вполне своевременной и полезной. Ее можно рекомендовать широкому кругу читателей в качестве сжатого изложения основных проблем текущей экономической политики.

Р. Вайсберг

Otto Neurath. Wirtchaftsplan und Naturalrechnung. E. Laub'sche Verlags buch handlung, Berlin. 1925.

Автор предусмотрительно оговаривается уже в предисловии, что расхождения между марксистами и Марксом в некоторых пунктах вполне возможны и что, собственно, „Mitarbeiter an der Geistes welt des Marxismus“ отнюдь не связаны каким-либо общим мировоззрением. В качестве типичного представителя австро-марксизма, автор, конечно, считает своей священной обязанностью подновлять, дополнять и исправлять экономическую систему Маркса „в соответствии с новейшими явлениями“, сдабривает ее изрядной долей рассуждений о „счастье для возможно большего количества людей“, о „довольстве и недовольстве жизнью“, об эпикуреистическом характере социализма и т. п. Центральной проблемой марксистской экономической теории Нейрат считает исследование влияния различных „жизненных условий“ (Lebenslage) индивида. Марксизм, который, в интерпретации Нейрата ограничился лишь задачей обнаружения зол и бедствий капиталистического общества (задача, выполненная, как известно, еще утопистами!) не дал теоретического анализа этого новейшего понятия Lebenslage, „жизненных условий индивида“. Задача эта посильна, конечно, только для идущих в ногу с эпохой, умеющих соединить и приспособить марксову экономическую систему ко всей премудрости Grentznutzler'овских учений, с их шкалами потребления, „нормами довольства и недовольства жизнью“ и прочими открытиями беспредельной бесполезности. Насколько методы марксистской теории устарели и неподходящи для этой самоновейшей задачи — видно уже из того, что, по мнению Нейрата, загадку проблемы Lebenslage хозяйствующего индивида можно разрешить не путем изучения средств производства и производственных отношений его, а лишь путем описания, подсчета и сравнения его норм потребления. Центральная задача экономической науки, таким образом, лежит не в сфере анализа общественных производственных отношений, а в области потребления индивида, описания потребительских возможностей, типовой классификации их, расположения по шкалам, кадастрам и пр. Предположим общество или класс из 6 персон (почему не Бем-Баверковский путешественник в пустыне?); каждый член этого общества пользуется различной нормой потребления и от величины этой нормы зависит его довольство или недовольство жизнью (Lebenstimmung). Эти „настроения“ Нейрат располагает по убывающему или возрастающему ряду, в соответствии со схемами сравнения предельной полезности, словом, идет вполне в ногу с родной буржуазной теорией. Сделанные в предисловии оговорки о необязательности марксистского мировоззрения, как видим, отнюдь не лишены были основания. В этой общетеоретической

части рецензируемая книжка ничем не отличается от тысячи других, более или менее удачных перепевов и вариаций буржуазной субъективной школы, и, в этом смысле, вряд ли заслуживает дальнейшего внимания с нашей стороны. Но автор посвящает свою брошюру в целом одному из сложнейших и актуальнейших для нас экономических вопросов—проблеме планового хозяйства. Чем же радует нас в этом отношении заслуженный представитель австрийского ревизионизма?

Может быть, „рассудку вопреки“ и наперекор своим реформистским стихиям, автор оказывается под довольно сильным влиянием русского опыта в области построения планового социалистического хозяйства. Характернейшим примером может служить его оценка роли электрификации в построении социалистического хозяйства (стр. 89—90) „В России—говорит Нейрат—городской индустриальный пролетариат выступил в союзе с крестьянской массой против господствующих классов. Но в то время, как пролетариат был подготовлен к централизованной организации и солидарности в эпоху капитализма, крестьянство не могло преодолеть узкие рамки общинных учреждений. Тем не менее, многие серьезные русские марксисты надеются, что крестьянство постепенно врастет в систему нового общества организационно и духовно, несмотря на препятствующий этому хозяйственный индивидуализм. Но марксисты не надеются на возможность социалистического перерождения деревни путем одной лишь пропаганды, без одновременного изменения производственных основ крестьянского хозяйства. Решающее значение придается электрификации деревни. Крестьянин привыкнет пользоваться электрической энергией для освещения жилых и хозяйственных построек, для пуска сел.-хоз. машин, для домашнего хозяйства. Пройдет небольшой срок, и все, включенные в электрическую сеть, будут требовать различных новшеств и будут объединяться для этой цели. Несмотря на то, что крестьянин еще сохраняет свое обособленное хозяйство, он уже пользуется централизованной энергией. Он заинтересован в центральной организации, в плановом контроле производства энергии, учится принимать участие в этой организации, постепенно воспитывается как часть общественного целого. И в психике крестьянина происходят, может быть и бессознательно, глубокие сдвиги. Даже противники марксизма не могут отрицать, что электрифицированное хозяйство приблизит русское крестьянство к социализму. Ибо совершенно очевидно, что электрификация мелкого крестьянского хозяйства поставит крестьянство в зависимость от тех социалистических органов, которые руководят этими центральными электростанциями“.

Не менее характерен и самый подход Нейрата к проблеме планового преобразования хозяйства. По сравнению с откровениями собратьев Нейрата, теоретиков „социализации и хозяйственной демократии“ вроде Реннера или Гильфердинга, насчет стремлений большевизма „ввести социализм посредством одних декретов“, ссылки Нейрата на русский опыт, указания, что „социалистическое общество будет изживать остатки капитализма лишь постепенно“, что в переходный период ограниченное денежное обращение и кредит будут окутывать социалистические начала в хозяйстве“, нельзя не признать шагом вперед. Нейрат ограничивается, впрочем, лишь довольно беглыми указаниями на неизбежность переходного периода после экспроприации капитала и на существенные, по глубине и охвату, отличия между переходным от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму временем.

Основным тезисом рецензируемой книги является положение о неизбежности натурально-расчетного основания для хозяйственного плана социалистического общества. Деньги и товар, как специфически капиталистические категории, не могут быть перенесены на плановое социалистическое хозяйство. Но вместе с отмиранием рынка отмирает и, по мнению Нейрата,

всякая возможность менового сравнения благ, будь то посредством номинальных „счетных единиц“, „трудовых свидетельств“ и т. д. Здесь Нейрат вступает в резкое противоречие с распространенным почти во всей „социализаторской“ литературе мнением, что социалистическое хозяйство нуждается при построении плана и регулировании хозяйственной жизни в какой-либо денежной единице расчета, хотя бы в виде номинальной величины. (Как известно, это мнение разделяет и Каутский, в своей книге „Пролетарская революция и ее программа“, на-ряду с буржуазными теоретиками вроде Мизеса). Нейрат довольно удачно опровергает это рассуждение, указывая, что, собственно, денежный расчет обнаруживает не хозяйственную пригодность данного предприятия с точки зрения хозяйственного целого, а лишь его рентабельность, что отнюдь не совпадает. Категория же издержек производства в качестве регулирующего мотива частично отмирает уже в трестированном хозяйстве, ибо издержки производства в крупном концерне распределяются произвольно, исходя из рентабельности—убытки на одних товарах покрываются прибылями на других. Но в социалистическом хозяйстве выгодность отдельного предприятия вообще установить невозможно, ибо механизм рынка отсутствует. Хозяйственная целесообразность той или иной части производства может быть установлена лишь с точки зрения хозяйственного целого, с точки зрения плана. План же оперирует исключительно натуральными величинами, хозяйство выступает в качестве единой персоны.

И ссылаясь на резкую критику всяких проектов „трудовых денег“ у Маркса, Нейрат справедливо отвергает реставрацию этих утопий в новейших произведениях гильдейского социализма. Однако, несмотря на удачную в целом критику теоретических построений, провозглашающих деньги и все аттрибуты товарного хозяйства действующими и „ныне и присно и во веки веков“, Нейрат в своей положительной формулировке проблемы плана дает мало конкретного, ограничиваясь больше образными сравнениями с трудностями сложной архитектурной постройки в пустыне и т. п. Приводимые им схемы планового расчета весьма примитивны и прикроены на манер Робинзоновского „Haushalta“ с сильным гренцнутцлеровским душком. Заключительная глава посвящена вопросу о духовном перерождении социалистического индивида и главная ее задача состоит в доказательстве любвеобильности и гуманности социализма, его близости к христианским идеалам и пр. Есть и неизбежные реформистские прожекты постепенной подготовки социализма путем устройства рабочей статистики для критики зол капитализма и пр.

Несмотря на довольно ярко выраженный австро-реформистский дух, книга несомненно представляет интерес и знаменательна уже хотя бы эволюцией ее автора. Один из главнейших сторонников „военного социализма“, певец военного хозяйства, как нового этапа на пути к социалистическому обществу, вынужден признать, что военное хозяйство не было плановым хозяйством, ибо в нем сохранялось классовое господство и эксплоатация, и ищет новых путей к плановому социалистическому хозяйству, не пугаясь и не открещиваясь от русского опыта.

Е. Хмельницкая

Д. Боголепов. Краткий курс финансовой науки. Изд. „Пролетарий“. Тир. 7000. Харьков, 1925 г. Стр. 280. Ц. 1 р. 85 к.

Отсутствие выдержанного марксистского учебника по узко-специальным вопросам экономики является, как будто бы, и по сей день неоспоримым фактом. Особенно остро это отсутствие ощутимо в такой области, как финансовая наука. Правда, у нас имеется ряд статей и отдельных работ, посвя-

щенных тем или иным финансовым вопросам, которые пригодны в качестве пособий для студентов (Кузовков, Сокольников, Юровский и др.). Но, во-первых, эти работы посвящены, главным образом, отдельным вопросам финансовой науки—преимущественно вопросам денежного обращения—и, во-вторых, касаются почти исключительно современных проблем Советской политики, таким образом учебник заменить не могут.

„Курс“ тов. Боголепова в значительной степени восполняет этот пробел.

Книга отличается марксистской выдержанностью. Автор подходит к задачам финансовой науки не как к самодовлеющей, изолированной от всех экономических явлений не финансового порядка дисциплине, но как к науке, которую и следует изучать в связи с экономическими системами и государственными организациями“.

„Следует различать финансы феодального общества, пишет автор, буржуазного общества и финансы общества. переходного к социализму; 2) финансы буржуазного общества нельзя изучить вне связи с мировым хозяйством (также как и финансы переходной эпохи, где эта связь еще более сложная); 3) необходима тесная связь изучения финансовых явлений с политической экономией и учением о государстве; 4) при изучении финансовых явлений всегда следует исходить из классовой точки зрения...

Этих элементарных, научно единственно правильных методологических положений не понимают многие авторы буржуазных учебников (профессор Х. И. Озеров, автор курса „Финансовая наука“, и автор недавно выпущенной в свет книги „Финансовой политики“, проф. М. Н. Соболев).

Одним из интересных мест книжки является, по нашему мнению, разрешение автором проблемы налогов и государственных доходов. „Налог, пишет тов. Боголепов, приводя слова одного из финансистов, является одним из лучших помещений капитала, даже в том случае, если он уплачивается господствующими классами; с другой стороны, то обстоятельство, что нередко он взваливается на другие классы, придает ему, с точки зрения господствующих классов, еще более выгодное положение (стр. 13). Автор считает, что „лучшее вложение капитала“ путем налога носит двойственный характер. С одной стороны—налог орудие для расширения сферы влияния на внутреннем и мировом рынке, а с другой—орудие прямой эксплоатации угнетенных классов“ (там же). При помощи налогов буржуазия получает средства для укрепления своего влияния на колониальных рынках при посредстве аппарата государственной власти и, кроме того, при помощи того же аппарата содействует развитию производительных сил собственной страны, т. е. расширяет внутренний рынок, строя железные дороги, затрачивая средства на народное образование и т. д. и т. п. Двойственный характер налогов, равно как и государственных займов, по мнению автора, сбивает с правильного пути исследователей этого вопроса, в том числе и некоторых марксистов, которые в налогах видят лишь одну из их сторон—средство расширения общественного капитала или же только средство эксплоатации.

Как на пример такой односторонности, автор указывает на точку зрения тов. Кузовкова, считающего финансовую систему „орудием внеэкономического присвоения“. Нельзя не признать, что положение тов. Боголенова о том, что налог „является не только средством внеэкономической эксплоатации непосредственно, сколько средством расширения среды эксплоатации и притом вовсе не исключительно путем внешней политики, а посредством всей деятельности государства в целом“ (стр. 29) является более углубленной и правильной постановкой вопроса, нежели кузовковская точка зрения.

Как учебник, рецензируемая книжка вполне удовлетворяет проявляемым к учебному пособию требованиям. Общие рассуждения в достаточной сте-

нени иллюстрированы богатым фактическим и цифровым материалом, причем цифровой материал не перегружает книжки и не утомляет читателя, но является совершенно необходимым дополнением, логически вытекающим из предшествующего текста. Поэтому книга легко читается, тем более, что написана она простым и вполне литературным языком.

Но с сильной стороной рецензируемой книжки, как учебника, связывается вместе с тем и ее слабые стороны. Мы имеем в виду следующее: автор затрагивает целый ряд сложных теоретических вопросов, но так как характер учебника не позволяет сколько нибудь их углублять, то автору приходится ограничиваться только общей постановкой вопроса, „наметкой" разрешения проблемы, но не самым ее разрешением.

Поэтому, по целому ряду вопросов,—как, например, по вопросу о косвенном обложении в СССР и ряду других—у читателя создается впечатление некоторой незаконченности проработки и ее поверхностности. Правда, валить вину на автора за это не приходится, во-первых, потому, что, как мы указывали, размеры учебника не позволяют сколько нибудь углублять разрешение той или иной проблемы, и, во-вторых, по той причине, что ряд вопросов ставится автором в марксистской теоретической литературе впервые.

Обычно учебник, как в теоретической, так и в фактической своей части, опирается на целый ряд специальных исследований и работ, посвященных отдельным вопросам, затрагиваемым в учебнике, и, таким образом, просто использует уже готовые, теоретически проверенные и общепринятые формулировки и их положения. Автор же рецензируемой книжки далеко не всегда мог применять этот метод составления учебника, потому что в значительной мере он вынужден был пользоваться работами буржуазных финансистов. Теоретические положения буржуазных авторов необходимо принимать критически, перерабатывая их в горниле марксистского мировоззрения, что требует колоссальной теоретической работы не одного лица „всерьез и долго". Поэтому некоторую незаконченность ряда вопросов, затрагиваемых в книжке, надо отнести к тем объективным трудностям, с которыми автор столкнулся в своей работе.

Как нам кажется, наименее удачной частью книжки является глава о бумажных деньгах (глава XII). Проблема денег, в том числе и бумажных денег, по вузовским программам прорабатывается в несколько иной связи, чем она поставлена у автора. Вузовец соприкасается с деньгами, помимо курса финансовой науки, дважды: при прохождении курса политической экономии и при изучении экономической политики. Как в фактической своей части, так особенно теоретической, наш студент проходит вопросы денег в значительно большем объеме, чем они представлены у автора. Таким образом, включение главы о деньгах в книжку тов. Боголепова, во-первых, дает студенту такой материал, с которым он уже встречался в процессе своей работы в Вузе, а, во-вторых, материал значительно меньший по своему объему, чем тот, с которым студент ознакомился.

Отдельные недостатки не могут затемнить положительных сторон книжки тов. Боголепова, которую нужно характеризовать, как первый, марксистски выдержанный хороший учебник финансовой науки. Мы уверены в том, что по своим качествам „Краткий курс финансовой науки" ляжет в основу изучения этой дисциплины в наших Вузах и послужит основным источником для самообразования.

Вл. Лаврентьев

„Металлопромышленность СССР на 1924/25 операционный год. Итоги и ближайшие перспективы".[1] Под редакцией и со вступительной статьей В. И. Межлаук.

Рецензируемую книжку следует приветствовать, как вполне своевременную, ибо она выпущена в такое время, когда крайняя диспропорция между производственными возможностями металлопромышленности и спросом страны делает особенно острыми вопросы металлопромышленности. Краткая, но исчерпывающая вступительная часть сразу же вводит читателя в круг тех обширных и многогранных задач, которые поставила себе металлопромышленность в отношении нормализации сортамента производительности труда, качества изделий, вопросов сбыта и увеличения и рационализации производства, в связи с тем бурным темпом роста спроса на металл, который начал обнаруживаться еще в средине прошлого операционного года, а также и в связи с тем первенствующим значением, которое имеет металл в деле восстановления всего народного хозяйства страны.

Все содержание книги разбивается на следующие отделы, в общем достаточно полно характеризующие положение основных вопросов и главных отраслей металлопромышленности:

„Производственные итоги и перспективы на 1925/26 операционный год".
„Финансовое положение металлопромышленности".
„Вопросы труда и заработной платы".
„Металлургия черных металлов".
„Металлургия цветных металлов".
„Общее машиностроение".
„Судостроение".
„Метиз (линии металлич. изделия)".
„Сел.-хоз. машиностроение".

Первый отдел „Производственные итоги и перспективы на 1925/26 год" представляет собою сводную часть, охватывающую программу металлопромышленности в целом, причем эта последняя представлена здесь исключительно в ценностном выражении.

В этой части на стр. 29 должно быть отмечено весьма досадное недоразумение, которое читателя, недостаточно знакомого с металлопромышленностью, может невольно привести к совершенно неправильным выводам относительно размеров производства в 1924/25 и в 1925/26 году по сравнению с довоенным.

Таблица указанной выше страницы дает по отдельным отраслям металлопромышленности нижеследующие соотношения по сравнению с 1913 годом.

	1924/25 г.	1925/26 г.
Черная металлургия	58%	98%
Цветная „	92%	122%
Общее машиностроение	46%	81%
Судостроение	35%	71%
Сельмашстроение	116%	222%
Метиз	59%	98%
В общем	60%	101%

Из таблицы этой читатель имеет полное право сделать заключение, что по черной металлургии мы достигли уже почти довоенного выпуска, по цветной на 22% превысили таковой, а по сельскохозяйственному машино-

[1] Настоящий отзыв является коллективной работой Металлической Комиссии при Промсекции Госплана СССР. *Ред.*

строению увеличили этот последний по сравнению с довоенным почти в $2^1/_4$ раза, тем более, что строчкой ниже мы имеем в тексте: „уже в 1924/25 г. заводы цветной металлургии почти достигнут довоенного выпуска и т. д.“ и далее „в 1925/26 г. лишь заводы общего машиностроения и судостроения по программному выпуску не достигнут довоенных размеров, по прочим же отраслям намечается полное достижение или даже значительное превышение“. Тоже самое подтверждает и аналогичное сопоставление выпусков за эти годы по районам, где Юг, Урал и Центр фигурируют цифрами выпуска в 103, 122 и 110% от довоенного.

Этих недоразумений не было бы, если бы в таблицах и тексте было бы добавлено одно слово:—„по работающим предприятиям“.

Дальнейшие главы этого материала, иллюстрируемые богатым цифровым материалом, достаточно подробно касаются вопросов топлива и кратко-технических показателей.

Весьма обстоятельно, подробно и интересно составлены отделы металлургии черных и цветных металлов. Приходится сожалеть об отсутствии полного по годам сортамента прокатных изделий, данных о ввозе черных металлов, сортамент за истекшие годы и предположений в этом отношении на 1925/26 г., а также об отсутствии несколько больших подробностей по техническим достижениям заводов черной металлургии и намечаемых новых производствах и хотя бы ориентировочной программы на ближайшее трех или пятилетие, как это имеется в отделе цветной металлургии и отчасти машиностроения.

В связи с тем, что издание это имеет между прочим целью дать всем органам и ведомствам материал для справок и соображений по вопросам металлопромышленности, пробелом является то обстоятельство, что данные по машиностроению за истекший год и программы составлены исключительно в ценностном выражении; здесь совершенно отсутствуют данные в материальном выражении даже для отраслей, как паровозо-вагоно-тракторо-и дизелестроения.

Не останавливаясь на весьма серьезно и подробно разработанном отделе „финансовое положение металлопромышленности“, отметим, в заключение, что книжка в общем вполне отвечает намеченной цели, издана весьма тщательно и достаточно изящно, вполне сохраняя общий стиль и физиономию предыдущих изданий Главного Управления Металлопромышленности.

И. Д. Михайлов. „Эволюция русского транспорта 1913—1925 г.“ Изд. „Экономическая Жизнь“, Москва, 1925 г., стр. 246, тир. 7.000 экз.

В предисловии автор справедливо отмечает, что дать исчерпывающий обзор эволюции транспорта за годы войны и революции невозможно, ибо слишком велики и сложны те события, какие имели место за это время в стране. Поэтому он ограничивается лишь задачей обрисовать работу транспорта за указанные годы и облегчить будущему историку ее изучение. Но даже в этих пределах автор не считает свой труд исчерпывающим вопрос.

В своей работе И. Д. Михайлов, последовательно год за годом, излагает ход событий в их отражении на работе и состоянии всех видов транспорта. Изложение ведется по такой примерно схеме: а) общая характеристика условий, в которых протекала работа транспорта, б) состояние путей и сооружений, в) снабжение топливом, металлами и прочими материалами г) вопросы организации управления и д) финансовое положение транспорта (тарифы).

По этой схеме с некоторой модификацией для отдельных лет он дает картину эволюции отдельных отраслей транспорта с приведением соответствующих статистических данных, основанных на ряде большей частью оффициальных изданий, вышедших за описываемые годы.

Поскольку труд И. Д. Михайлова опирается на оффициальные источники, вышедшие за годы войны и революции, постольку он носит на себе следы некоторой неточности и неполноты описания. Это объясняется также и срочностью составления отчетов для высших правительственных органов по предварительным данным, отчасти состоянием самого дела статистики и учета в первые годы революции. С этой стороны приводимые в книге данные нуждаются в поправках, основанных на дальнейших уточненных материалах.

Так, например, приведенные на стр. 158 данные о работе подвижного состава за 1921/22 г. на основании вышедшего 36 выпуска материалов по статистике путей сообщения о работе жел. дор. транспорта за 1923/24 год должны быть скорректированы таким образом: 1) средне-суточный пробег рабочего товарного вагона вместо 32 вер. — 35,5 вер., 2) средний состав товарного поезда вместо 75,8 осей—76,4 оси, 3) средняя нагрузка (нетто) товарного поезда (в пудах) вместо 14.088—13.920, 4) средняя нагрузка гружен. вагона (в пудах) вместо 523—533 и, наконец, 5) средняя коммерческая скорость товарного поезда (верст в час) вместо 11,2 — 11,5. (См. стр. 16-19 выпуска 36). Аналогичные погрешности имеются в других местах книги.

Таким образом, полный и углубленный научный анализ хозяйства транспорта за описываемое десятилетие еще впереди, так как и другая книга, посвященная истории железных дорог в 1913—1922 г.г. и вышедшая 2 года тому назад, а именно работа М. Шмукера—„Очерки финансов и экономики жел. дор. транспорта России за 1913—1922 г.г.“—также не исчерпывает вопроса; но поскольку основные штрихи эволюции каждой из отраслей транспорта в книгах И. Д. Михайлова и Шмукера, хотя и в общем виде, уже намечены, постольку дальнейшее углубление и исследование отдельных явлений на транспорте в связи с анализом изменений в хозяйстве страны действительно будут облегчены. Таким образом, труд автора ценен уже потому, что ему удалось на протяжении немногих страниц сконцентрировать разбросанный по разным оффициальным источникам довольно значительный материал и красочно изобразить этап за этапом картину постепенного сначала упадка, потом разрушения, а потом постепенного восстановления и оздоровления нашего транспорта.

Говоря о разрухе железно-дорожного транспорта под влиянием войны и революции, автор подчеркивает одну из причин этой разрухи, заключающуюся в неподготовленности транспорта в техническом отношении, вследствие неправильной политики Министерства Путей Сообщения и Госуд. Думы в эпоху, непосредственно предшествующую войне.

Заслуживают быть отмеченными опыты регулирования, к которым принуждено было обратиться старое правительство для ликвидации тех затруднений с топливом, продовольствием и металлом, какие испытывала страна в связи с расстройством, вызванным войной. Это — деятельность четырех особых совещаний: по обороне, по перевозкам, по топливу и продовольствию, пытавшихся смягчить переживаемые страной затруднения.

Во всяком случае на событиях 1914—1920 года сказалось то грандиозное значение транспорта, какое он имеет для народного хозяйства. В особенности это заметно на 1919 годе, когда транспорт был в минимуме и когда по нему строилась вся жизнь. Это обстоятельство, а равно уроки предвоенного периода должны послужить предуказанием дальнейшей политики по отношению к транспорту. Автор совершенно прав, когда в п. II

своего заключения на стр. 243 говорит, что „при дальнейшем возрастании темпа сельско-хозяйственной и торгово-промышленной жизни, транспорт, если не будут капитально восстановлены некоторые элементы его хозяйства (путь, сооружения) и своевременно произведены переоборудования сети, может оказаться неподготовленным к проблеме большого грузооборота и затормозить нормальный ход развития хозяйства страны".

Что касается прочих видов транспорта, то их эволюция изложена в более сжатой и краткой форме, нежели эволюция железнодорожного транспорта.

В отношении водного (речного и морского) транспорта мы находим в книге более общую характеристику условий работы флота с приведением данных о грузообороте без детальной систематической обрисовки отдельных отраслей народного хозяйства. Случайные указания на состояние водопутей, гидротехнических сооружений, на землечерпание и обстановку, на финансовое положение госпароходств, тарифы и т. д. являются недостаточными, чтобы судить о всех органических изменениях, происшедших за описываемый период в различных областях водного транспорта, но и здесь неполнота изложения относится скорее не к вине автора, а к отсутствию надлежаще разработанных и опубликованных материалов. Слабо также описание деятельности наших портов, в частности Ленинградского порта с его ледокольной кампанией, несмотря на наличие имеющихся по этому вопросу оффициальных материалов (например, отчет о работе Ленинградторгпорта за 1924 год).

Но в общем и целом труд И. Д. Михайлова является весьма интересным и может быть рекомендован не только всем, стремящимся к самообразованию и к ознакомлению с транспортом, как с одной из областей нашего народного хозяйства, но и работникам транспорта, могущим почерпнуть здесь немало ценных и полезных для себя сведений.

С. Белюнов

Библиография

„Труд в СССР". Статистический справочник за 1924/25 г. изд. РИО ВЦСПС. Стр. 222. Цена 1 р. 60 коп. 1926 г. М.

Рецензируемый сборник содержит весьма большое количество данных по вопросам труда: численность и состав промышленных рабочих за 1924/25 г.; распределение промышленных заведений по числу в них занятых рабочих и по формам владения; численность рабочих железно-дорожного транспорта и государственных учреждений; число и состав безработных по 70 биржам труда; заработная плата и движение тарифных ставок промышленных рабочих и служащих, а также служащих государственных учреждений в столичных и губернских городах; движение бюджетного индекса и различных цен на товары, входящие в состав последнего; состав приходо-расходного бюджета промышленного рабочего в ноябре 1924 г.; динамика месячного бюджета московского рабочего за весь год; продолжительность рабочего дня и число дней работы в году промышленных рабочих; движение числа застрахованных в кассе социального страхования и среднего размера пенсий и пособий; численность членов профессиональных союзов.

Помимо этих отделов, освещающих положение труда в 1924/25 г., дано приложение о движении производства по главнейшим отраслям промышленности, об оборотах М.Т.Б. и провинциальных бирж, обороты синдикатов и производственных объединений, движение хлебозаготовок, ввоз и вывоз товаров из СССР.

Вопросы труда освещены в сборнике, как видим, довольно полно; однако, огромный отдел вопросов труда—движение производительности труда в сопоставлении с заработной платой—совершенно отсутствует в сборнике. Между тем, исключительный интерес, который представляет этот вопрос в условиях нашего времени, оправдал бы уделение этому отделу соответствующего большого места. Вопросам труда в сельском хозяйстве точно также в сборнике не уделено ни одной страницы. Между тем, в настоящее время наша статистика располагает целым рядом данных, как о заработной плате, бюджете, так и численностью сельско-хозяйственных рабочих. Точно также положение целого ряда более мелких видов труда (работники связи, работники водного транспорта и др.), о которых есть достаточные данные, как о численности, так и о заработной плате—этих двух основных показателей труда,—остались совершенно не освещенными.

Что касается промышленного труда, то о последнем даны весьма подробные сведения. Достаточно подробные сведения сообщаются также и о служащих государственных учреждений. Положение рынка труда освещено по состоянию имеющихся материалов достаточно подробно. Жаль только, что основной показатель, по которому можно судить об объеме современной безработицы—число безработных среди членов союзов—дано только по территориальному признаку, что не дает возможности судить о наиболее интересном моменте—числе безработных в отдельных союзах.

В общем, однако, весь этот отдел справочника представляет весьма большой интерес. Единственное пожелание, которое надо было бы сделать, это, чтобы в таких справочниках, наряду с подробными месячными показателями за тот год, которому посвящен справочник, давались годовые данные и за предыдущие годы. Этим ценность такого справочника чрезвычайно повысилась бы.

Что касается второго отдела—основных показателей народного хозяйства—то последние подобраны в большой мере случайно. Например, нет ни одного показателя по денежному обращению, бюджету, финансам, по производству сельско-хозяйственных продуктов. В сущности, в сборнике, посвященном вопросам труда, не надо было помещать и тех показателей, которые даны, ибо они представляют простую перепечатку данных, публикуемых в периодических журналах, а если редакция сборника хотела дать возможность работникам профсоюзов иметь под руками основные конъюнктурные показатели, то достаточно было перепечатать сводные таблицы этих показателей, публикуемых „Плановым Хозяйством" или „Бюллетенем Конъюнктурного Института". Но, конечно, ценность сборника не только в этом отделе. Надо надеяться, что Центральное Бюро Статистики Труда не ограничится выпуском этого справочника и что в последующих справочниках те недочеты, которые имеются в этом первом опыте, будут исправлены. Сборник несомненно будет интересен и явится необходимым для всякого экономиста и практического работника в области труда.

Обычный упрек РИО ВЦСПС: бумага скверная, а цена дорогая.

Б. Гухман

Бюллетени Волховстроя №№ 1, 2, 3 под названием **„Как строится волховская гидроэлектрическая станция"** и № 4 под названием **„Бюллетень волховской гидроэлектрической установки"**.

Волховская гидроэлектрическая станция является первым в СССР крупным гидроэлектрическим сооружением, значительно превышающим по своему масштабу все другие гидроэлектрические станции, как строящиеся

одновременно с ней, так и построенные раньше. Как известно, она начала строиться в неимоверно тяжелых условиях. Но и помимо этого, в работе неизбежны были более или менее крупные технические и организационные промахи, раз это грандиозное сооружение было первым в нашей стране. И достижения и ошибки в технике, в организации и в плане работ должны стать известны всем тем, которым в будущем предстоит проектировать и строить крупные гидроэлектрические станции. С этой точки зрения следует горячо приветствовать появление Бюллетеней Волховского Строительства под редакцией первоначально: Г. О. Графтио, В. И. Пуговкина, К. Н. Отс, а затем: Г. О. Графтио, В. Г. Джикия, Б. Е. Веденеева, С. И. Строева, С. Дегефтер, Н. М. Лукницкого, М. А. Шателен, В. М. Родевича, И. И. Бентковского.

Первый Бюллетень вышел в ноябре 1923 года. В то время Редакционная Коллегия ставила себе задачи не только „накапливать опыт технический и организационный, так необходимый для ведения предстоящих небывалого масштаба работ", и „давать авторитетный научно-технический материал для правильной информации страны о том, что и как делается на Волховстрое", но и создать „боевой орган", всесторонне освещающий жизнь и деятельность строительства в целом и, с другой стороны,—„отбивающим те злостные нападки, которые ведутся на строительство".

В связи с такой двойной задачей Бюллетени, на-ряду со строго-научно-техническими статьями и строительной хроникой, уделили вначале место и злободневным вопросам, и статьям, описывающим жизнь на строительстве. Но начиная с № 3, Бюллетени постепенно превращаются в узко-технические. В вышедшем уже № 4 и печатающемся № 5 остаются только два отдела: научно-технический, значительно расширенный по сравнению с соответствующими отделами прежних №№, и строительная хроника. Нам кажется, что журнал, став исключительно техническим и съузив таким образом свои задачи, много выиграл. Статьи, помещенные в научно-техническом отделе, и по содержанию, и по роли их авторов в работах строительства, представляют в общем большой и длительный интерес. Отметим некоторые статьи. В № 4 помещена статья инж. В. А. Ларина: „Деревянные сооружения на прокладках Буффо". Статья содержит, кроме непосредственного описания применения введенных впервые в СССР главным инженером строительства, на основании шведского опыта, прокладок или шайб Буффо (из рафленного железа) описание с чертежами и расчетами целого ряда ответственных деревянных сооружений, основанных строительством с применением вышеназванных прокладок. Описаны не только достижения, но и ошибки, причем последние, по мнению автора, объяснялись недостатком у нас опыта вследствие новизны дела. В заключение автор отмечает среди многих других преимуществ деревянных сооружений на прокладках Буффо „возможность достижения весьма простых схем сооружений типа железных конструкций, которые безусловно выше схем типично деревянных сооружений на прокладках Буффо" и вместе с тем дешевле последних.

В статье инженера Порывкина описан процесс образования донного льда при отсутствии ледостава, и приводится опыт искусственного регулирования этого процесса. К сожалению, опыт этот, произведенный в 1922/23 г., остался одиночным. Автор заканчивает статью, оставляя вопрос о практических результатах опыта открытым до соответствующих работ по его применению. Со времени опыта до его описания прошло две зимы. Жаль, что вопрос не был разработан дальше.

Обе статьи в № 4, посвященные железобетонным кессонам, иллюстрированы многочисленными чертежами и фотографиями, содержат подробные расчетные данные и дают исчерпывающие сведения о кессонах, сыгравших большую роль при сооружении плотины Волховстроя.

В том же научно-техническом отделе помещены описания отдельных сооружений, например, „Главные и вспомогательные турбины" в № 3, „Генераторы" и „Здание Главной Понижающей Подстанции" в № 4, а также статья „Металлические конструкции гидротехнических сооружений" в № 3.

В описании Здания Главной Понижающей Подстанции в Ленинграде мы не нашли обоснования размеров огромного здания. На рисунках в статье не показано расположение приборов и механизмов. Правда, описание дано только в отношении строительно-архитектурном, но хотелось бы найти опровержение или подтверждение впечатления, что кубатура здания по сравнению с мощностью подстанции слишком велика.

В отделе Строительной хроники помещается регулярно очень интересный хронологический обзор важнейших строительных работ инж. И. И. Кандалова, под заглавием „По работам", иллюстрированный многочисленными рисунками, графиками и фотографиями. В № 4 надо отметить описание ледохода весны 1924 года и борьбы строительства с ним.

В № 1 Бюллетеня автор дал общее описание основных сооружений на реке Волхов и излагал свой обзор в популярной форме. В дальнейшем обзоры содержат все более интересные технические детали. Но обзоры И. И. Кандалова имели бы еще большую ценность, чем теперь, если бы по ним можно было получить представление о состоянии работ в момент выпуска Бюллетеня. К сожалению, они опаздывают более чем на год, и в № 4, выпущенном в 1925 году, описаны лишь работы за март — май 1924 года.

С внешней стороны Бюллетени издаются очень тщательно: хороший шрифт, бумага, очень ясные чертежи.

Приходится пожалеть, что за 2 года существования издания вышло только 4 Бюллетеня, хотя это понятно: в разгар работы некогда было ее описывать. Но вместе с тем надо высказать пожелания, чтобы по мере завершения работы отдельные участники ее делились бы своим опытом в статьях, описывающих наиболее интересные моменты и затрагивающие отдельные технические вопросы. Лучшее место для таких статей технического характера на страницах будущих №№ Бюллетеня Волховской гидроэлектрической установки, число которых, надо надеяться, будет расти без ущерба для содержательности, и с сохранением серьезного научно-технического направления. Интересно было бы также видеть в следующих №№ Бюллетеня статьи, обсуждающие организационные вопросы строительства, что также будет иметь большое значение для избежания в будущем ошибок прошлого и настоящего.

С. Кукель

„Труд и Хозяйство". Ежемесячный орган Экономсовещания ТССР. № 3—11 (март—ноябрь) 1925 г. Казань.

Скромный журнал „Труд и Хозяйство", тем не менее, производит на внимательного читателя очень приятное впечатление. Любителям широких обобщающих „интересных" статей, с оригинальными и смелыми выводами, журнал вряд ли что-нибудь даст. Но для местных работников, в их повседневной специальной работе, рецензируемый орган, без сомнения, дает очень много. В пределах Татреспублики вряд ли может долго работать агроном, не следящий внимательно, из месяца в месяц, за книжками Казанского журнала. Вероятно не без пользы и интереса заглядывает в него и иной передовой крестьянин-опытник. Много ценных сведений почерпнет в журнале каждый читатель, желающий ознакомиться с экономикой современного Татарстана.

Вопросам сельского хозяйства уделяется в журнале наибольшее внимание, как и должно быть, пропорциально значению этой отрасли в общем хозяйстве области. Помимо ряда статей по вопросам агрономии, агропомощи и агропропаганды, на-ряду со статьями, характеризующими состояние сельского хозяйства ТР в целом и отдельных его отраслей, встречаются и ценные статьи исследовательского характера. Наиболее богаты статьями такого рода последние №№ журнала.

В № 9 (сентябрьском) обращает на себя внимание статья С. Тумановского о производительности наемного труда в сельском хозяйстве. Ограничив свое исследование рамками крупного хозяйства, автор излагает результаты детальных наблюдений, произведенных в Казанской Областной сельско-хозяйственной опытной станции и на учебной ферме Сельско-Хозяйственного Института. Обследованию подвергались работы с плугами (2-х и 4-х лемешными) и с сеялками. Изучены вопросы о продолжительности рабочего дня и отдыха, о влиянии групповой и индивидуальной работы и ряд других. Сопоставление наблюдений одновременно по 2-м предприятиям дало автору возможность сделать существенные указания о дефектах работы в каждом из них. В частности, анализ показал, что 10-ти часовой рабочий день (принятый на опытной станции) по сравнению с 8-ми часовым рабочим днем (на ферме) лишь весьма незначительно поднимает дневную выработку при весьма сильном вздорожании продукта. Надо полагать, что в специальной литературе по вопросу о рационализации труда в земледелии статья Тумановского не останется незамеченной.

Наиболее содержателен отдел сельского хозяйства в № 11 (ноябрьском). Статья Л. Н. Григорьева о динамике сельского хозяйства ТР очень интересна, но еще не закончена. Прекрасное статистическое исследование Г. М. Шарафа и В. М. Ермолаева, посвященное „сравнительной характеристике экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в ТР", сделало бы честь любому Московскому журналу. Статья ясно показывает всю нищету крестьянства и русского и татарского, причем татарин по всем основным статьям хозяйства идет позади русского. Хозяйств с посевом до 4-х дес. у татар 63%, у русских—57%, с посевом свыше 4-х дес. у татар—37%, у русских—43%; скота всех видов на 100 хозяйств у татар—570 гол., у русских—793 гол.; инвентаря у татар также меньше, чем у русских: весной 1925 г. обработали землю только своим инвентарем татарских хозяйств—46%, русских—37%. Средняя стоимость всех капиталов на 1 татарское хозяйство — 417 руб., на одно русское — 505 руб. Средняя стоимость валовой продукции на 1 хозяйство у татар—198 руб., у русских—241 руб., условно-чистый доход на 1 хозяйство у татар — 176 руб., у русских — 213 руб.

Слабо обстоит дело с освещением процессов расслоения крестьянства. Вопрос о диференциации в просмотренных нами номерах лишь слегка, мимоходом, был затронут всего в 2-х статьях: Ар. Ал. об „Экономическом подходе к задачам управления" (№ 11) и в указанной статье Шарафа и Ермолаева. Отметим, кстати, что статья Ар. Ал. представляется нам довольно слабой; для нас так и осталось непонятным, что именно понимает автор под этим громким названием „экономический подход к задачам управления"? Неужели только включение в доклады кантисполкомов большого количества статистических цифр? Или автор имеет в виду изменения характера деятельности кантонных органов в сторону большего обслуживания маломощных групп крестьянства? И почему в таком случае называть это „экономическим подходом", а не социальным подходом, не классовым подходом или еще каким-нибудь более общепринятым выражением?

В отделе „Промышленность" совсем не освещено современное состояние кустарной и ремесленной промышленности, при весьма значительном

внимании, уделенном трестированной промышленности. В отделе „Торговля" почти совсем не затронута кооперация.

Хорошо поставлен отдел „Жизнь кантонов". Главное внимание здесь уделено крестьянству, его стремлению перейти к новым, более совершенным способам ведения хозяйства, его успехам, трудностям и неудачам, которые он встречает на этом пути. Заметно широкое участие в этом отделе журнала местных агроработников.

В общем, журнал „Труд и Хозяйство" заслуживает весьма положительной оценки. Некоторые дефекты и пробелы в освещении отдельных промблем Редакция, надеемся, исправит в процессе дальнейшей работы.

Я. Абрамович

Dr. Alfred Schmidt Noepke. (Schmidt—Essen). Die Grundlagen des neuen deutschen Geldwesens. Verlag für Wirtschaft und Verkehr Stuttgart 1925.

Альфред Шмидт Гепке. Основы новой германской денежной системы. Штуттгарт. 1925.

Процесс относительного хозяйственного оздоровления Европы нашел свое выражение, прежде всего, в подготовительной работе к восстановлению нарушенного нормального денежного обращения. И это понятно; без твердого устойчивого мерила ценности не может быть речи о нормальном развитии капиталистического хозяйства. Но первым шагом к оздоровлению денежного обращения является прекращение инфляционной политики и стабилизация валюты. После СССР этот медленный путь оздоровления прошла и Германия. Инфляция и связанное с ней расстройство народного хозяйства проявились в Германии мучительнее и острее, чем где бы то ни было. Явления, так называемого, „валютного дэмпинга" расцвели пышным букетом именно на германской почве. Расшатанная хозяйственная система Германии могла притти к твердой валюте не прямо, как СССР, а лишь окольным путем через Рентный Банк и Golddiskontbank. Поэтому денежная реформа Германии представляет собою очень сложный процесс. Переходные ступени, пройденные Германией, наложили свой отпечаток на ее современной денежной системе. В Германии нет еще единой системы. Кроме банкнот Рейхсбанка, имеются в обращении еще так называемые рентные марки (Rentenbankscheinen), которые исчезнут из обращения окончательно только через 10 лет.

Отдельные моменты и этапы денежной реформы Германии освещались в целом ряде статей в „Die Bank" „Bank-Archiv" и т. п., но полного систематического изложения и освещения основ новой денежной системы Германии до сих пор не было.

Шмидт Гепке взялся за выполнение этой задачи. В предисловии автор заявляет, что он не намерен вмешиваться в „теоретическую борьбу" в области валютной политики. Но тут же добавляет, что „стоит на почве номиналистической теории денег". Последняя, по словам автора, дала ему возможность дать стройное изложение и правильное освещение запуганной денежной системы Германии. Автор на протяжении всей книги старается доказать, что переход к золотой валюте является заблуждением и что лучшим рецептом для оздоровления валюты был бы номинализм. Но надо прямо сказать, что теоретические рассуждения автора мало поучительны; описательная часть книги полезна.

Трагедия номиналистов очень велика. Каждая денежная реформа является для них ударом. Вся Европа (об Америке говорить не приходится: там все время золотая валюта) спешит связать свое денежное обращение

прямо или косвенно с желтым металлом, с которым номинализм давно вступил в решительный бой. Бендиксен, который подвел под номиналистическую теорию „хозяйственный фундамент", заявил еще в ноябре 1916 года, что он ведет борьбу „за освобождение немецкой денежной системы от насилия со стороны золота". („Um die Befreiung des deutschen Geldwesens vom Zwange des Coldes").

А неблагодарный „фатерлянд" опять переходит к золоту.

В своем введении автор дает сжатое освещение отдельных этапов пройденных денежной системою Германии за последнее время. Сравнивая инфляционную политику с современной налоговой системою Германии, автор приходит к выводу, что по существу нет разницы между ними. Автор справедливо доказывает, что налоговой пресс выжимает не только доход, но и основной капитал народного хозяйства Германии.

Но он не видит другой стороны медали. Правда, в 1924 году государство получило от налогов на 2 миллиарда марок больше, чем это нужно для бюджетного равновесия, а в 1925 году излишек будет еще более значителен. Однако, налоговой пресс является своеобразным, оригинальным средством принудительного накопления капиталов, от недостатка которых так страдает в настоящее время промышленность Германии. Это, во-первых, а во вторых—усиленный налоговой нажим имеет еще своею целью уменьшить покупательную способность широких масс Германии для сохранения устойчивости валюты. Следовательно, тяжелые налоги являются скрытым средством борьбы против инфляции, о которой так много говорят в последнее время в Германии.

Валюта Германии находится в стадии реконструирования. Она еще не упрочилась окончательно. Поэтому вся экономическая политика Германии в настоящее время направлена на ее укрепление. Признак инфляции бродит по Германии. Опасность инфляции сигнализирует повышательная тенденция уровня цен. А последний в Германии, несмотря на борьбу правительства за его снижение, растет. (Lebenshaltungsindex в июле 1925 г. составлял 143,3, а в августе 1925 г.—145). Налоговая политика, борьба за снижение цен, ограничение Рейхсбанком кредитов промышленности, борьба против коммунальных заграничных займов—все эти мероприятия имеют своею целью сохранить устойчивость валюты. Из всех этих мер, разумеется, самое тяжелое—налоговой пресс. Чрезмерно тяжелые налоги ложатся непосильным бременем на населении и народном хозяйстве в целом. Рабочему классу Германии стабилизация валюты обходится в 10% налога на заработную плату. Но в неменьшей степени эти налоги тяжелы и для промышленности: они повышают производственные цены и этим ослабляют конкуррентную способность Германии (на Рейнско-Вестфальских предприятиях налоги поднялись в сравнении с довоенным временем на каждую тонну стали на 250—280 процентов). Но долго такая налоговая политика продержаться не может. Такой способ укрепления валюты, — справедливо замечает автор — „означает шаг вперед постольку, поскольку он представляет переходную ступень к валюте устойчивость которой будет базироваться на устойчивом народном хозяйстве... Эта переходная ступень не избежна, но она не должна превратиться в длительный период" (страница 18).

Рецензируемая книга разбивается на 7 глав, каждая из которых освещает определенную сторону денежной системы Германии. В первой главе автор останавливается на валютных учреждениях Германии, он знакомит с организацией Рейхсбанка, с взаимоотношениями последнего с государством, с его операциями. Кроме Рейхсбанка право выпуска банкнот имеют так называемые „частные эмиссионные банки, на деятельности которых автор вкратце останавливается. Вся эта глава носит чисто описательный характер.

Вторая глава посвящена вопросу о денежной единице Германии. Денежная реформа 1924 года ввела новую и вместе с тем старую, точнее обновленную денежную единицу—рейхсмарку. Автор считает такое слово неудачным: „оно дает повод к смешению со старой денежной единицей... можно было бы выбрать немецкий гульден или немецкую крону", но нам кажется, что творцы денежной реформы Германии оставили старую марку, прибавив к ней лишь одно слово для того, чтобы доказать населению, что новая денежная единица будет такой-же устойчивой, как старая довоенная марка. Кроме рейхсмарки в обращении находятся еще рентные марки. Эта денежная единица связана с рейхсмаркой тем, что Рейхсбанк и казначейство принимают ее при платежах.

Автор пытается доказать, что золотая марка, к которой Германия опять перешла в 1924 г., является „случайно-историческим фактом" (ст. 49). При этом он рассуждает таким образом: „если-бы в Германии случайно до войны была бы устойчивая серебряная валюта и одновременно устойчивые цены, то ввели бы при денежной реформе серебряную марку". Значит, золотая валюта—чистая случайность. Далее, касаясь вопроса об отношении марки к иностранной валюте, автор продолжает свою „теорию случайностей". Курс немецкой марки по отношению к доллару равнялся в довоенное время 4,19, но так как обе эти страны имели до войны золотую валюту, то это отношение рассматривалось, как отношение золотых валют (Goldrelation). Но с таким же успехом можно было бы установить это отношение и при другой, не золотой валюте. „И здесь—заключает с триумфом автор — золотая марка является только исторически-случайным фактом" (ст. 49). Итак, по мнению автора, случайностью должен являться также и переход почти всех европейских стран в 19-м веке к золотой валюте. Все эти рассуждения автора имеют своею целью доказать, что золото—лишний элемент в денежной системе. Ведь и в мирное время золотая марка представляла из себя фикцию, поскольку государство могло в любой момент приостанавливать размен банкнот. „Во всяком случае, говорит автор, золотая марка является исключительно расчетным средством, масштабом измерения долгов и обязательств, абстрактным понятием" (стр. 51).

Итак, золото—фикция. Но чем мог бы объяснить автор явления инфляции, валютного дэмпинга и т. д.? Номиналистическая теория бессильна объяснить причины и механику обесценения бумажных денег. Ведь если ценность денег прокламируется государством, то она должна была бы быть всегда устойчивой.

Автор, сам этого не замечая, противоречит основной мысли, проникающей все его сочинение. Золотая марка—утверждает он—расчетный знак, ценность которого не зависит от материала. Единица ценности устанавливается государством. Тем не менее, автор вынужден признать, что старые золотые марки, пущенные в обращение ликвидированной государственной властью, выполняют все функции денег. „Германия—восклицает он—имеет республиканскую форму Правления и, несмотря на это, золотые деньги с символом монархии имеют в ней хождение" (страница 67). Эта цитата подкапывается под основы номиналистической теории денег, на почве которой стоит автор. Старая золотая марка выполняет функции денег—мерила ценности и орудия накопления—зависят исключительно от ценности денежного материала. Поэтому государственная санкция не важна.

В главе 6-й автор высказывается категорически против золотого покрытия. Но он забывает, что связь эмиссионного права Рейхсбанка, как центрального эмиссионного института, с золотыми его запасами, является необходимостью в настоящее время, так как инфляционистские тенденции еще не окончательно изжиты. Разумеется, что Германия не так скоро сможет

перейти к размену банкнот на золото, но это не говорит против необходимости накопления золотых запасов. Для предотвращения всякой возможности злоупотребления эмиссионным правом новый банковый закон относится строже к выпуску банкнот. Согласно нового банкового закона от 30 Августа 1924 г., выпускаемые в обращение банкноты должны быть на 40% покрыты золотом и девизами. При нарушении этого отношения, Рейхсбанк должен платить специальный налог (Notensteuer); если покрытие опускается до 33$^1/_3$%, Рейхсбанк платит ежегодно 3% с превышающей суммы банкнот, ниже 33$^1/_3$%—8%. Кроме того, при падении нормы покрытия в течение одной недели ниже 40%, дисконт Рейхсбанка должен быть не менее 5%. Эти ограничения слишком суровы для нормального времени, но для переходного периода от инфляции к твердой валюте они необходимы. Рейхсбанк предпочитает даже повысить эту норму покрытия. (Согласно баланса Рейхсбанка от 15 октября 1925 г. банкноты имели покрытие золотом и девизами в 60,6%, а одним золотом 48,3%).

Касаясь вопроса о выпуске банкнот под товарные векселя, автор правильно подчеркивает, что такие векселя должны быть краткосрочными с тем, чтобы выпущенные банкноты при истечении срока векселя немедленно возвращались в Рейхсбанк.

Последняя глава посвящена валютной политике. Состояние валюты находится в теснейшей зависимости от платежного баланса страны. В Германии, как известно, этот вопрос осложняется так называемой репарационной проблемой. Автор совершенно правильно указывает, что „репарационный вопрос может считаться разрешенным только тогда, когда платежный баланс Германии снова станет активным и даст излишки, из которых смогут быть выплачены репарации“ (страница 125). Но торговый баланс Германии пассивен в течение всего 1925 года: январь 1925 г. дает превышение ввоза над вывозом на 674,7 милл. марок; август 1925 г.—на 576 милл. марок; сентябрь—323,4 милл. марок. Вся денежная реформа Германии прошла по указаниям плана Дауэса и при активном участии представителей Антанты. Судьбы валюты Германии теснейшим образом связаны с планом Дауэса, с вытекающей из него, так называемой, проблемой „трансфера“. Валютная политика Германии должна одновременно охранять, как интересы народного хозяйства Германии, так и интересы Антанты, требующей репарации. А это неосуществимая задача. Это понимают не только в Германии, но и заграницей. Кейнс еще в октябре 1924 г. утверждал, что план Дауэса имеет своей целью „выжать из немецкого народа последние соки“.

В заключение отметим еще раз, что рецензируемая книга может быть очень полезна русскому читателю не своими теоретическими рассуждениями, а конкретным описанием современной денежной системы Германии. И с этой точки зрения мы ее рекомендуем.

С. Розенберг

The Railways 1825—1925.

J. T. Walton-Newbold. Foreward by the Rt. Hon. J. H. Thomas. M. P. London, 1925.

Железные дороги 1825—1925 г.

I. T. Вальтон-Ньюбольд, с предисловием I. Г. Томаса. Лондон, 1925.

Столетний юбилей железных дорог, праздновавшийся 27 сентября 1925 г., вызвал появление ряда книг по истории железных дорог на английском рынке. Среди них одно из первых мест по своему содержанию занимает рецензуемая книга. Новая работа Ньюбольда, небезызвестного ренегата и бывшего члена парламента, представляет собою интерес и для русского

читателя. Основной задачей автора является выяснение роли железных дорог в общей системе империализма. Но этим далеко не исчерпывается все содержание книги.

Несмотря на небольшой размер работы, охватывающей всего 100 страниц, автор умудрился затронуть почти все вопросы, так или иначе связанные с историей развития железнодорожного строительства и железнодорожной политики.

Начальные главы посвящены истории изобретения паровой машины, первых локомотивов и постройке первых пионерских железных дорог в Англии и сводятся к нагромождению хронологических данных и имен. В последующих главах автор останавливается на роли английского банковского капитала в постройке первых железнодорожных линий вне Англии.

Автор излагает историю финансирования почти всех наиболее крупных железнодорожных построек и показывает, что субъектами финансирования почти исключительно являлась небольшая группа финансовых кругов, тесно между собою связанных.

Не останавливаясь на других моментах, затронутых автором, как например, на влиянии постройки железных дорог на возникновение новых городов и многих отраслей промышленности, на роли частного и государственного капитала в финансировании железнодорожного строительства в разных странах, на истории профессиональных союзов и т. д., мы перейдем к центральному пункту его работы, изложенному в двух главах: „Железные дороги, империализм и великая война“ (Railways imperialism and the great war national railway power).

Оперируя огромным числом фактов из мировой истории за последние 30 лет, автор стремится доказать, что, во-первых, все могущественные финансовые группы выросли из железнодорожных предприятий и, во-вторых, что причины империализма и необходимо связанные с ним военные конфликты, кроются в борьбе финансового капитала отдельных государств за обладание теми или другими железнодорожными линиями.

В Соединенных Штатах могущество Морганов, Гарримана, Рокфеллеров и других обязано исключительно богатству, приобретенному от обладания железнодорожными предприятиями в Америке. Финансовый капитал Соединенных Штатов, выросший из железнодорожного капитала, тесно связан с такими же группами Англии и Франции. Все крупнейшие банки Англии заинтересованы во всевозможных железнодорожных компаниях в Южной Африке, Канаде, в Южной Америке и в других частях света. Во Франции группами, финансирующими железные дороги, являются: Schneider & Kruso, Rotschild, Credit National и другие.

Эти финансовые группы являются виновниками всех конфликтов. Так, например, вражда между Англией и Германией, приведшая к войне 1914 г., началась из-за соперничества за обладание железными дорогами в Турции, в первую очередь из-за Багдадской. Непосредственным поводом к войне, по мнению автора, явился конфликт между Сербией и Австрией из-за Македонских железных дорог, соединявших Австрию с Салониками. Автор цитирует длинную телеграмму Извольского—тогдашнего русского посла в Париже, относящуюся к октябрю 1913 года, в которой Извольский передает мнение М. Пижона о возможности чрезвычайно серьезных последствий — конфликта между Сербией и Австрией—за обладание этой дорогой.

И послевоенная история есть не что иное, как история борьбы за железные дороги. Характерно, по мнению автора, то обстоятельство, что в основе плана Дауэса лежит передача в руки международного концерна железных дорог Германии. Смысл этого заключается в том, что финансовый капитал Соединенных Штатов, господствующий на железных дорогах своей страны, накладывает свою руку на лучшую железнодорожную систему Европы.

„То, что случилось в Германии, будет, без сомнения, повторено позже хотя и при помощи других методов, во Франции и Англии“ — говорит далее автор (стр. 99). Уже теперь во Франции группы Ротшильдов, Credit National и др. владеют наиболее важными железнодорожными линиями. „Банки, страховые компании являются действительными, контролирующими собственниками британских четырех железных дорог (стр. 122).[1]

Тесно переплетенные между собою международные монополистические железнодорожные группы „угрожают захватить всю систему капиталистического производства“ (threatens with is exactions to strangle the whole system of capitalist production). Таков один из заключительных аккордов автора. Концепция В. Ньюбольда не является новой для русского читателя, она фактически лежит в основе уже первой работы Павловича: „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего“ — повторяется и во всех его последующих исследованиях.

У Ньюбольда эта проблема поставлена еще резче, поскольку происхождение современных могущественных финансовых групп он приписывает исключительно первоначальным вложениям капитала в железнодорожное строительство, развитие тяжелой индустрии, а также военной промышленности.

Несмотря на подкупающую стройность и монолитность этой теории, она неправильна и не дает ключа к пониманию корней империализма. Здесь не место излагать единственно верную теорию империализма, данную Лениным, но достаточно указать, что основная ошибка Ньюбольда сводится к тому, что нельзя рассматривать связь финансового капитала с железными дорогами и борьбу за железные дороги, как самостоятельный фактор, а тем более как фактор самодовлеющий. Железные дороги играют, конечно, важнейшую роль в борьбе за рынки сырья, сбыта и приложения капитала между империалистическими державами. Обладание железнодорожной сетью существенно облегчает монопольное господство над данной страной. Это одна из причин, почему почти при всех военных конфликтах, которые в сущности возникают из-за одного из указанных выше трех факторов или всех их вместе, фигурирует какая-либо железная дорога. Но из этого никак нельзя вывести положения, что единственной причиной военных конфликтов является борьба за железные дороги, а тем более, что финансовый капитал обязан своему возникновению исключительно железнодорожному строительству.

Все это, однако, не умаляет достоинства работы, в которой яркими чертами описано внедрение финансового капитала в железные дороги и постепенное распространение его господства над мировой железнодорожной сетью. В этом отношении картина, нарисованная автором, вполне соответствует действительности.

В заключение необходимо остановиться на взгляде автора относительно целесообразности национализации железных дорог в Англии. Этому вопросу автор посвящает лишь несколько строк в конце книги. Исходя из того, что английские железные дороги представляют собою сложнейшую финансовую организацию, связанную, кроме того, с международными финансовыми группами, Ньюбольд приходит к заключению, что конфискация или выкуп железных дорог не совпадает с интересами рабочего движения. Такова эволюция бывшего коммуниста, защищающего теперь фактически взгляды крайнего крыла буржуазии.

М. Иоэльсон

---

[1] Как известно, в 1921 г. все железнодорожные компании Великобритании были объединены в четыре большие частновладельческие группы.

М. Нахимсон (Спектатор). Мировое хозяйство до и после войны. Том II. Мировое хозяйство за годы 1914 по 1918.

Война 1914—1918 гг. оказала столь значительное влияние на мировое хозяйство, что без изучения этого периода останется непонятным целый ряд процессов в послевоенном капитализме. Однако, это изучение встречает на своем пути много, часто непреодолимых, трудностей, объясняющихся самыми различными причинами.

С одной стороны, скрываются или фальсифицируются сведения, касающиеся положения „военных“ отраслей промышленности, которые, как известно, и играли в ту пору доминирующую роль. С другой стороны, материалы, опирающиеся на данные в ценностном выражении, совершенно ненадежны, поскольку инфляция и связанное с ней падение ценности денег становится всеобщим явлением для воюющих стран.

Наконец, военные действия, захватившие большую площадь, сделали, вообще, невозможным более или менее точный учет хозяйственных процессов военного периода. Вот почему нельзя не приветствовать появление книги т. Спектатора, пытающегося дать не только сводку фактического материала о мировом хозяйстве во время войны, но и теоретическое освещение этого материала.

К богатому материалу, собранному автором, можно подойти двояко. Или мы изучаем происшедшие под влиянием империалистической войны изменения в мировом производственном аппарате, направлении торговли, вывозе капитала и т. д. Или же нас интересуют специфические черты „военного“ хозяйства, и при такой постановке мы можем позволить себе сравнение империалистической войны с войнами совершенно другого характера, как Наполеоновские, Тридцатилетняя и др. Очевидно, что при изучении мирового хозяйства теоретическую ценность представляет только первая постановка вопроса. Тов. Спектатор делает попытку объединить обе эти точки зрения. Но от этого интересная сама по себе работа приобретает характер некоторой раздвоенности и недостаточной связанности.

Например, в главе об организации военного хозяйства автор очень много внимания уделяет военному регулированию хозяйственной жизни Англии, между тем действительно важный процесс картелирования и трестирования английских предприятий, заметно усилившийся во время войны, остается в тени.

При рассмотрении отдельных отраслей промышленности чрезвычайно важно выяснить, как конкретно потребности войны выпятили одни отрасли в ущерб другим. Автор сам признает, что, „ослабляя и разрушая производственные силы в одной отрасли, война толкала к расширению производства других отраслей, создавая неравномерность в общем росте производства и подготовляя промышленный кризис“. В связи с этим автор приводит детальные данные о размерах продукции. Непонятно только, почему химической промышленности, которая больше всего испытала на себе влияние войны, посвящается всего две странички, в которых Соединенным Штатам уделяется больше всего внимания. Между тем в одной только Германии количество рабочих в химической промышленности поднялось с 181 тыс. в 1913 г. до 489 тыс. в 1918 г.

Автором недостаточно выявлен тот толчек, который произвела война в связи с нарушением мирового товарообмена на развитие собственной промышленности в более отсталых странах. Нельзя недооценивать влияния на послевоенный капитализм таких явлений, как укрепление во время войны хлопчатобумажной промышленности в Японии и Индии, железной промышленности в Индии и Канаде и т. д. Так как соответствующие данные включены в общие таблицы, то действительное их значение теряется на фоне абсолютных цифр наиболее крупных производящих стран.

При анализе торгового баланса отдельных стран следовало бы более выпукло подчеркнуть усиление удельного веса Соединенных Штатов в мировой торговле. Несколько неправильные выводы делаются, благодаря неучету падения ценности денег, относительно изменений в торговом балансе Англии.

Серьезное углубленное изучение мирового хозяйства настоятельно требует выяснения роли эксперта капиталов. Война внесла огромные перемены в распределение ценных бумаг, так как последние служили одним из источников покрытия ввоза товаров и иностранных займов. В Англии, например, было установлено принудительное отчуждение ценных бумаг, которые в главной своей массе попали в руки американцев. Автор, возможно по объективным обстоятельствам, не дает подробного анализа этого процесса в мировом масштабе.

Выясняя влияние инфляции на так называемый „Mittelstand", тов. Спектатор почему-то считает аксиомой, что потери, которые средние слои понесли в качестве обладателей ценных бумаг, компенсировались тем, что эти круги заняли различного рода должности в государственных и частных учреждениях. На основании каких данных автор полагает, что средние слои продолжали получать во время войны такую же долю народного дохода, как и до войны,—неизвестно. Вернее обратное, что, в результате войны мы наблюдали значительную пауперизацию мелких собственников, рантье, интеллигенции и пр.

При всех указанных недочетах книга т. Спектатора, тем не менее, может оказаться весьма полезной всякому, изучающему мировое хозяйство. Она содержит очень много ценного, и притом добросовестно подобранного, материала об экономике военного времени.

С. Харин

Enguête sur la Production. Rapport gèneral. Tome I и II (en deux volumes). Bureau International du Travail. 1924 г.

Исследование о производстве. Генеральный доклад. Том I и II (в двух частях). Международное Бюро Труда. 1924 г.

Как известно, мировая война повлекла за собою во всех капиталистических странах мобилизацию промышленности для целей войны, вследствие чего нужды населения, оставаясь неудовлетворенными, все более возрастали. В связи с этим вопросы производительности труда приобрели в капиталистической Европе первостепенное значение. Буржуазия старается свалить всю вину на „лень" рабочих. Между тем, ее собственные обследования говорят о противоположном.

Так, Международным Бюро Труда произведено исследование экономических результатов введения 8-мичасового рабочего дня. Между тем, в условиях недостатка товаров в первые годы после войны, когда со всех сторон раздавались лозунги увеличения продукции, интенсификации производства и т. п., подобное исследование, вследствие сокращения рабочего времени, могло подорвать самый принцип 8-мичасового рабочего дня, в силу чего, под давлением так наз. „рабочей" группы Международного Бюро Труда (в котором, как известно, представлены правительства, организации работодателей и рабочих организаций), было решено произвести изучение всех факторов, влияющих на уровень производства, а не только 8-ми часовой рабочий день.

Результаты этого исследования и должны были представить генеральный доклад о производстве, причем вся работа должна была собрать данные, во-первых, об общем положении производства, во-вторых, объясняющие кризис производства и, в третьих, изложение мероприятий по борьбе с этим кризисом.

Первый том этой огромной работы посвящен целиком предварительной информации. В вводной части изложены общие элементы кризиса: нехватка товаров, кризис безработицы, проблема производительности в связи с проблемой восстановления Европы от разрушений войны, а также приведены те новые моменты, которые должны были влиять на условия труда.

Далее в этом томе излагается, как была задумана анкета и как составлялись и рассылались анкетные листы, какие правительства, организации работодателей и рабочих ответили на анкету (всего около 200 ответов), а также имеется глава об источниках информации. В этой последней указаны библиографические источники, которыми пользовались при составлении ответов, а также те источники, которые необходимы для разработки вопросов, выдвинутых анкетой,—и потому материал этот для изучающих мировое производство и его элементы представляет большую ценность.

Том II-й посвящен изложению собранного фактического материала „о производстве вообще и средней продукции одного рабочего" и соответственно состоит из 2-х частей.

В 1-й части собраны весьма обширные данные о состоянии производства, а также о колебаниях цен на показательные продукты производства по отдельным странам и в масштабе мирового рынка. Эти данные касаются производства угля, нефти, железа, чугуна и стали, меди, олова, цинка, алюминия, ртути, серебра и золота; удобрительных веществ: каучука, хлопка, шерсти, льна, шелка, сахару, злачных, бобовых и корнеплодов, а также судостроительной, текстильной и строительной отраслей промышленности.

2-я часть этого тома, посвященная изучению колебаний средней продукции одного рабочего, представляет значительный интерес, а самый сырой фактический материал по отдельным странам—большую ценность.

Часть эта начинается с изложения проблемы методики определения производительности рабочего и излагает все те составные элементы, которые необходимо принять во внимание при изучении статистических данных.

Только ознакомившись с этими теоретическими положениями, можно составить представление о том, сколь далеки от подлинного научного характера и от точности взятые сами по себе статистические материалы и как зачастую они неправильно отражают действительную картину движения производительности труда.

Изучая добытые по отдельным странам материалы, составители генерального доклада, прежде всего, пришли к необходимости установить строгое различие между собственно производительностью рабочего, которая главным образом определяется объективными условиями (степенью разделения труда, степенью усовершенствования орудий производства, качества сырья и т. д.) и интенсивностью его труда, зависящей от уровня целесообразно затрачиваемой им энергии. Между тем, в большинстве случаев полученные анкетным путем материалы совершенно этого не учитывают и зачастую изменения в количестве продукции, происшедшие в результате изменения технических условий работы, объяснялись изменениями в интенсивности труда рабочих.

На-ряду с этим вырастает вопрос о способе вычисления средней производительности. Так, обычный метод заключается в том, что в производственном предприятии годовая продукция последнего делится на все число работающих в предприятии (включая и неучаствующих в производственном процессе непосредственно—чернорабочих, служащих, работающих по ремонту и расширению предприятия и т. п.), а для определения суточной производительности рабочего общая продукция делится на число рабочих дней в году. Здесь явно допускаются крупные ошибки, так как, во-первых, лишь в немногих отраслях промышленности работа ведется в течение года равномерно при значительных колебаниях сезонного харак-

тера, во-вторых, продукция в среднем исчисляется для всего персонала, а не для производственной его части; в третьих, плохая организация труда или устарелое оборудование во многих предприятиях не принимается во внимание, хотя интенсивность рабочего в них и не ниже по сравнению с другими предприятиями. Помимо того, ряд других соображений еще более усложняет проблему методики определения производительности труда.

Далее, в этой части II тома сосредоточены материалы о производительности труда, которые распределены по следующим группировкам стран: а) воевавшие страны центральной Европы, западно-европейские государства, нейтральные европейские государства и страны внеевропейские. Наиболее полные сведения представлены по Англии, Германии, а также Сев.-Америк. Соед. Штатам. Но даже и по этим странам нет возможности установить последовательное (во времени) изменение производительности труда по важнейшим отраслям промышленности, за исключением разве угольной. Вообще же добытый по разным странам материал чрезвычайно пестр и неравноценен и в нем наблюдаются поразительные несоответствия даже в одной и той же отрасли промышленности одной и той же группы стран. Рассматривая эти материалы, можно заключить, что вышеприведенная классификация стран является в значительной мере искусственной.

Однако, несмотря на всю пестроту и неравноценность материала, на искусственный характер группировок стран, рассматриваемый генеральный доклад стремится все же сделать общие выводы на основе изученных материалов. И даже эти оффициальные материалы, представленные в подавляющем большинстве государствами и организациями работодателей, при всем несовершенстве метода определения средней производительности, устанавливают, что после некоторой тенденции в конце войны и в первые послевоенные годы к понижению производительности (причем у неквалифицированных рабочих оно сильнее, чем у квалифицированных; в Европе—сильнее, чем в заокеанских странах, а из европейских стран—сильнее всего в странах центральных и восточных), тем не менее уже в 1920/21 гг. эта производительность стала существенно повышаться, что, как указывает доклад, в ряде случаев привело к отпадению самого вопроса о кризисе производительности труда.

Таким образом, уже первые два тома этого важного исследования не дают никакого основания связывать кризисы недопроизводства с падением средней производительности труда. Это тем очевиднее, что из заключений самого доклада мы видим, что уже в 1920/21 гг., т. е., в годы, когда „кризис недопроизводства“,—этот фактор капиталистической анархии, сменился все возрастающим и постепенно охватившим весь капиталистический мир другим фактором этой анархии—кризисом сбыта, повлекшим за собой сокращение производства во всемирном масштабе, средняя производительность труда стала проявлять тенденцию к повышению.

Таким образом, „кризис производительности труда“ уже очень скоро перестал существовать как проблема.

Основная ценность обследования не в его выводах, а в тех статистических и библиографических материалах, которые в этом обследовании даются.

М. Шерешевский.

Новые книги

Автономная Карельская ССР. Статистический обзор за 1924/25 г. Петрозаводск. Стат. Управление. 1925 г. разн. нач. Приложение. Список статистических изданий по Карелии и б. Олонецкой губ.

Бернштейн-Коган С. В. Введение в экономию промышленности. М. ЦУП ВСНХ. 1926. 213 стр.

Работа проф. Бернштейн-Коган ставит себе целью дать краткий вводный очерк в экономию промышленности.

Очерк начинается анализом понятия „промышленность“, характеристикой форм промышленности и изложением развития промышленности в XIX в.

В дальнейшем автор анализирует два основных вопроса: 1) вопрос об укрупнении производственных единиц, его причинах, условиях и пределах; 2) вопрос об интеграции хозяйственных единиц (концентрация). Кроме этого, книга кратко разбирает следующие проблемы: промышленность и пространство (проблема географического размещения); промышленность и время (проблема сезонности).

Б. Борисов, Ф. В. Обще-географический очерк и административное деление Псковской губернии. Вып. под рук. и ред. и с пред. В. А. Феофарова. Гл. Управл. Уполн. ЦСУ Сев. Зап. Области 1925 г.

Гухман Б. А. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М. „Экономическая Жизнь“ 1925 г. 191 стр.

Работа Б. А. Гухмана представляет собою подробное исследование динамики взаимоотношений заработной платы и производительности труда в русской промышленности. Автор начинает с методических соображений о постановке данной проблемы в обстановке народно-хозяйственного восстановления и с анализа принципов учета промышленной продукции. Основной материал охватывает следующие периоды:

1. Довоенное время.
2. Период мировой войны.
3. Первые годы революции (1917—1921 г.).
4. Период Нэп'а.

Денике, Ю. Америка на историческом перепутьи. Сборник статей. М. „Плановое Хозяйство“. 1925 г.

Статьи тов. Денике освещают основные вопросы внутренней и внешней политики Соединенных Штатов за последние годы.

Дзержинский Ф. Э. Промышленность СССР — основа социалистического строительства. М. ЦУП ВСНХ. 1925 г.

Настоящая работа представляет доклад Ф. Э. Дзержинского на XIV Московской Губернской конференции РКП (б) и дает обозрение достижений госпромышленности за 1924/25 г. и перспектив ее роста на ближайшее будущее.

Дитякин, Ф. Г. Основы сельско-хозяйственного счетоводства. М. „Эконом. Жизнь“. 1926 г. 270 (1) стр.

Дрезен. На путях рационализации госаппарата. Сборник статей. М. НКРКИ 1925 г. 81 стр.

Сборник посвящен вопросам рационализации структуры госаппарата, организационным центрам его, профессиональному подбору совработников и роли экономкомиссии в улучшении госаппарата.

Западная Область. Плановая Комиссия. Материалы по изучению и организации Западной Области. Том I. Организация и районирование. Вып. I. Внешние границы Западной Области. Смоленск. 1925 г. 76 (8) стр. 9 карт на отдельных листах.

Вышедший выпуск материалов по Западной Области начинается изложением принципов установления областных границ. Затем он переходит к характеристике экономики Западной Области в ее целом, причем привлекаются и физико-географические ее признаки (речные системы, климат, ископаемые богатства). Далее следует обзор границ области. Заканчивается работа приложением деления области на округа с краткой экономической характеристикой этих округов. К книге, между прочим, приложены список волостей в границах 1916 г. и список современных крупнейших волостей.

Индустриализация Сибири. Перспективные планы развития Сибирской промышленности (пятилетние программы). С предисловием М. М. Лашевича. Ново-Николаевск Сиб. ЦУП. 1925 г. 187 стр.

Исланкин, Р. Счетоводство сельско-хозяйственных и кредитных товариществ. М. „Экон. Жизнь“ 1925 г. 335 (1) стр.

Квиринг Э. Товарный голод и перспективы промышленности. М. ЦУП ВСНХ 1925 г. 41 (1) стр.

Автор анализирует сущность и причины товарного голода, наблюдавшегося в отношении ряда промтоваров, начиная с осени 1925 г., а также меры борьбы с этим явлением. Параллельно он рассматривает движение оптовых и розничных цен соответствующих промтоваров и намечает основные принципы политики цен.

К вопросу об индустриализации Сибири. С предисловием М. М. Лашевича. Под общей ред. А. Тамарина. Ново-Николаевск Сиб. ЦУП 1925 г. 91 стр., 12 табл.

Вышедшие пятилетние планы развития Сибирской промышленности дают подробные статистические данные о перспективе эволюции сибирской промышленности.

Вышедший одновременно с ними сборник Сибсовнархоза дает те данные в более краткой форме и в связи с общей экономической характеристикой края и с общими соображениями об индустриализации Сибири.

Левин, Р. Бюджет РСФСР на 1925/26 год. М. Госиздат. 1926 г. 43 стр.

Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 36. Железнодорожный транспорт в 1923/24 г. М. Транспечать. 1925 г. 222 стр.

Меерсон Г. Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства в России. С предисловием Л. Крицмана. М. Изд. „Плановое Хозяйство“. 1926 г.

Автор на обширном статистическом материале показывает, что семейно-трудовая теория не соответствует фактам динамики крестьянского хозяйства уже в самый первый период развития денежного хозяйства в России (15—16 в.). Раз это доказано, то отсюда, повидимому, должна следовать неприложность этой теории и к более поздним стадиям денежного хозяйства.

Мокеев, В. На переломе. Опыт исследования экономики деревни. М. Госиздат. 1926 г. 80 стр.

По материалам Андреевской волости Костромской губернии автор дает очерк общего экономического положения и расслоения деревни перед войной (1905) и во время войны и революции (1917, 1920, 1924).

Нахимсон, И. Мировое хозяйство до и после войны. Т. 2-й. Мировое хозяйство за годы 1914—1918 г. М. ЦУП ВСНХ 1926 г., 224 стр. Второй том работы т. Нахимсона по мировому хозяйству дает анализ проблем „военного хозяйства“ и влияния войны на мировое хозяйство.

Нурс, Эдвин Г. Американское сельское хозяйство и европейский рынок. Перевод Ст. Вольского и П. Б. Румера под редакцией и с предисловием М. И. Спектатора. М. „Плановое Хозяйство“. 1926 г.

„Плодовинсоюз“. Деятельность. Задачи. Планы. Нужды. Вып. I. М. Центр. товарищество кооперативного издательства. 1925 г. 127 (1) стр.

Рейнгольд, И. Основные вопросы нашего бюджета. М. Фин. Издат. НКФ СССР. 1925 г. 51 стр.

Автор останавливается на природе твердого годового бюджета СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 гг. (по главным группам доходов и расходов, а также в сопоставлении с национальным доходом), на источниках доходов в бюджете СССР, налогах и кредите. Кроме того, дается сравнительный удельный вес расходов на оборону, народно-хозяйственные и культурные нужды в бюджете СССР. Анализ бюджетов союзных республик. В приложении даны статистические данные по бюджету СССР и союзных республик на 1925/26 г.

Рынин, И. А. Воздушные сообщения. Общие вопросы и статистика. М. Транспечать. 1926 г. 228 стр.

В первой части книги автор анализирует общие свойства воздушных сообщений и факторы, от которых зависит его конкурентноспособность.

Вторая часть книги дает описательный материал по организации аэростатики в некоторых странах. В статистической части работы приведены данные по аэротранспорту Союза, Франции, Германии, Соединенных Штатов и др.

Саратовский губернский Совет Народного Хозяйства. Обзор и показатели работы промышленности Саратовского Губернского Совета Народного Хозяйства. Сведения за 1924/25 хоз. г. в сопоставлении с данными 1923/24 г. и предположениями на 1925/26 г. Саратов. 1925 г.

Кроме данных, относящихся к организации промышленности ГСНХ, и общих показателей, характеризующих ее работу за отчетный период обзор содержит более подробные данные по следующим видам промышленности: маслобойной, кожевенной, деревообделочной, полиграфической, химической, металлообрабатывающей и некоторым другим.

Сахаротрест Перспективный план сахарной промышленности (проект). М. Сахаротрест. 1925 г. VI. 440 (4) стр.

Северо-Кавказский Край. Земельное Управление. Материалы к перспективному плану восстановления и развития сельского хозяйства Сев.-Кавк. Края, под ред. А. Г. Рязанова и М. А. Шапошникова. Том 2. Борьба с засухой. (На путях к устойчивому хозяйству на Северном Кавказе), с картой. Ростов Дон. 1925 г. 560 (1) стр.

Кроме материалов собственно по борьбе с засухой настоящий том содержит также ряд данных по сельско-хозяйственным коммунам Северного Кавказа.

Спектор, И. Е. Правовые основы внутренней торговли СССР по действующему законодательству. М. Издат. „Наука и Школа“. 1925 г., 232 стр.

Смит, М. Н. Экономические основы калькуляции. М. Госиздат. 1926 г., 152 стр. (Ассоциация научно-исследовательских институтов. Институт Экономики).

Новая работа т. М. Н. Смит стремится осветить основные вопросы нашей современной промышленной калькуляции с точки зрения марксистской экономики. Опираясь на учение Маркса о цене производства и строении капитала, автор дает анализ важнейших элементов учета входящих в калькуляцию рентабельности предприятий и определяющих его тип.

СССР. Народный Комиссариат Внутренней Торговли. Внутренняя торговля СССР и ее регулирование в 1924/25 г. Материалы к XIV съезду РКП(б), составленные Экономическим Управлением НКВнуторга СССР со вступительной статьей А. М. Кактыня. М. 1925 г. 225 (1) стр.

Отчет НКВнуторга содержит сведения о торговой сети, торговых оборотах, движении цен, проблеме регулирования внутренней торговли в истек-

шем 1924/25 г., а также обзоры отдельных товарных рынков (хлебный, мясной, масляный, яичный, льняной, хлопчатобумажных товаров, металлоизделий, кожевенно-обувной и сахарный).

СССР. Высший Совет Народного хозяйства

Государственная промышленность СССР за 1924/25 операционный год. Статистико-экономический обзор под ред. проф. Л. Б. Кафенгауза. М. ЦУП ВСНХ 1926 г. 191 (1) стр.

Настоящий обзор воспроизводит предварительные отчетные данные по государственной промышленности за 1924/25 г., печатавшиеся уже в ежемесячном Статистическом Бюллетене ЦОС ВСНХ, но с значительными исправлениями и дополнениями за 1-ю четверть года.

СССР. Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Достижения и недочеты текстильной промышленности (по материалам текстильной секции НКРКИ). М. 1926 г. 221 (1) стр.

Сборник, представляющий собою итоги 2-х летней работы, распадается на три главные части по видам текстильной промышленности: шерстяная, хлопчато-бумажная, льняная. Кроме того, отдельная глава посвящена рабочему вопросу на текстильных предприятиях.

Что касается материала по отдельным видам текстильной промышленности, то в применении к каждому из них он освещает следующие группы вопросов: 1) сырьевую проблему; 2) вопросы первичной обработки сырья (сортировки и очистки); 3) вопросы собственно промышленной обработки (изготовление полупродукта и готового продукта).

Материал, касающийся обрабатывающей промышленности (по каждому виду сырья), останавливается на следующих основных вопросах: 1) нагрузка и оборудование; 2) теплосиловое хозяйство; 3) качество сырья, топлива и материалов и своевременность снабжения ими; 4) простои, в частности налаженность внутреннего распорядка и состояние производственной дисциплины; 5) себестоимость и калькуляция.

Фиск, Гарвей. Финансовое положение Европы и Америки после войны. Перевод с англ., под ред., с пред. и заключит. статьей Спектатора. М. „Экономическая Жизнь". 1926 г. 424 стр.

В заключительной статье т. Спектатор приводит данные относительно задолженности европейских государств к концу 1924 г.

Уральская Область. Плановая Комиссия. Хозяйство Урала в 1924/25 г. Конъюнктурный Обзор. Свердловск. 1925 г. 167 (1) стр.

Обзор стремится дать срочные предварительные цифры, подвергнутые лишь первоначальной обработке и проверке. Кроме общих показателей конъюнктуры Урала он специально останавливается на сельском хозяйстве, промышленности, торговле, финансах (бюджете) области. Текст сопровождают многочисленные таблицы и графики, составляющие около половины всего издания.

Хозяйство и Управление. Вместо отчета Томского Губисполкома за 1924/25 год Первому окружному съезду Советов. Томск. 1925 г.

Вся работа распадается на две части. Вторая занята отчетами отделов Губисполкома. В первой дан ряд очерков по народному хозяйству Округа (заготовки продуктов сельского хозяйства, сельско-хозяйственный план на 1925/26 г., лесное хозяйство, местный бюджет).

Особое место (между первой и второй частью книги) занимает конъюнктурный обзор за истекший год.

ОТДЕЛ VI

Статистика

Б. Гухман

Сумма доходов СССР [1]

II. Чистый доход обобществленного хозяйства СССР

Государственное хозяйство СССР охватывает собою все отрасли народного хозяйства; следующие основные категории предприятий принадлежат государству:

1) советское земледельческое и лесное хозяйство (совхозы и т. п.), 2) государственные промышленные предприятия, 3) железнодорожный и водный транспорт, 4) почта, телеграф и телефон, 5) кредитные и банковские учреждения, 6) коммунальные предприятия—водопроводы, трамваи, электрические станции и т. д. Этот перечень далеко не полон и исчерпывает лишь наиболее крупные предприятия. Доход этого огромного хозяйства предыдущими исчислениями пока не учтен. Не учтен доход всей кооперации—сельско-хозяйственной, промысловой и потребительской, смешанных (с участием частного и государственного капитала) обществ. К определению доходов этой огромной группы предприятий мы и перейдем. По государственному бюджету СССР можно установить, что лесной доход составил 14,6 милл. руб. в 1922/23 г., 39,8 милл. руб. в 1923/24 г., а в 1924/25 г. 97,5 милл. руб. Расходы же соответственно—1,2 милл. руб., 7,5 милл. руб. и 13,4 милл. руб. Чистый доход от лесов, таким образом, в 1922/23 г. равен был 13,4 милл. руб., в 1923/24 г.—32,3 милл. руб. и в 1924/25 г. 84,1 милл. руб. По отчету Госсельсиндиката за 1923/24 г., обнимающему все трестированные совхозы (за исключением Украинского и Белорусского трестов), можно установить следующее. По совхозам, с общей площадью 745 тыс. десятин в 1923 г., общая сумма прибылей за 1923/24 г. составила 287 тыс. руб., а убытков—1.387 тыс. руб. [2] Таким образом, в 1923/24 г. дефицит советских хозяйств составил 1.100 тыс. руб. За предыдущий период соответственные цифры—283 тыс. руб. прибыли, 1.033 милл. руб убытков и дефицит 750 тыс. руб. Эти данные, однако, еще не определяют доходности совхозов, ибо по тем же балансам значится начатых и неоконченных в 1923/24 г. новых построек и капитального ремонта на 1.140 тыс. руб.; если учесть это обстоятельство, то придется признать, что учтенные этими балансами совхозы, в общем, были бездефицитны, или размеры последнего были настолько ничтожны, что ими можно пренебречь. То же можно принять и для 1922/23 г.

Вопрос о размерах прибылей государственной промышленности в достаточной мере спорен. Органы управления промышленностью имеют тенденцию к преуменьшению ее размеров, органы фиска—к преувеличению. Основной источник познания—балансы государственной промышленности—в огромной мере являются отражением этих борющихся противоречивых тенденций. Во всяком случае, размеры прибылей государственной промышленности, определяемые балансами, являются минимальными. Оценивая по различным источникам прибыль государственной промышленности в 1922/23 г., А. Б. Штерн приходит к средней цифре 190 милл. руб. [3] Исчисления НКФ определяют эту величину для 1923/24 г. в 220 милл. руб., [4] соответственная цифра на

---

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 12 за 1925 г.

[2] Указ. издание, стр. 95—96.

[3] См. сборник „Государственная промышленность СССР и ее финансовое положение в 1921-1923 г.г.", под редакц. В. Громана, стр. 11, Гос. изд.

[4] „Государственный Бюджет на 1924/25 г.".

1 октября 1925 г. по предварительному подсчету ВСНХ составит около 340 милл. руб.[1] Эти цифры являются минимальными, так как не подлежит сомнению, что под видом текущего ремонта в течение всех последних лет госпромышленные предприятия производили капитальные и новые работы, черпая средства из прибылей текущего года. Судить о размерах последних нам, к сожалению, не дано. Да и вряд ли по состоянию существующих материалов это возможно. Поэтому, указанные выше суммы являются минимальными.

Все огромное транспортное хозяйство и народная связь проходили в 1922/23 г. по государственному бюджету и лишь в 1923/24 г. водный транспорт был переведен на хозяйственный расчет путем образования акционерных пароходных обществ. По отчетным данным НКПС и по балансам акционерных пароходных обществ может быть установлено следующее (в милл. черв. руб.):[2]

А. ДОХОД	1922/23 г.	1923/24 г.
1. НКПС	364,0	630,4
2. НКП и Т . . .	27,9	45,7
Итого . .	391,9	676,1
3. Сверх того госпароходства . .	—	63,0
Всего по 1—3 .	391,9	739,1
Расход за вычетом затрат на новые работы	484,4	735,1
Прибыль (+), убыток (—) . . .	—72,5	+4,0

Б. РАСХОД	1922/23 г.	1923/24 г.
1. НКПС	506,6	678,6
В т. ч. на новые и восст. работы.	(50,0)	52,0
2. НКП и Т . . .	29,0	51,3
В т. ч. на новые и восст. работы.	(1,2)	1,1
Итого по 1—2 . .	535,6	729,9
В т. ч. на новые и восст. работы.	51,2	53,1
3. Сверх того на пароходства . .	—	64,0
В т. ч. на новые и восст. работы.	—	5,7
Всего по 1—3 . .	535,6	793,9
В том числе на новые и восстановит. работы .	51,2	58,8

Таким образом, государственные транспорт и связь в 1922/23 г. были убыточны и дефицит составил изрядную сумму—свыше 70 милл. руб., в следующем же году транспорт перестал быть дефицитным. Предварительный подсчет за 1924/25 г. определяет чистый доход НКПС в 94 милл. руб., а НКПИТ в 3 милл. руб.

По прочим государственным имуществам и предприятиям государственный бюджет имел в 1922/23 г. дохода 5,5 милл. руб, в 1923/24 г.— 6,2 милл. руб. и в 1924/25 г. 43 милл. руб. Для определения доходов государственных торговых предприятий единственным источником являются балансы последних. К сожалению, эти балансы еще в большей степени, чем балансы промышленных предприятий, отражают не действительное положение того или иного предприятия, а борьбу коммерческого расчета с интересами фиска. Те прибыли, которые показаны на балансах этих предприятий, в большой мере являются фиктивными. Однако, так как в этой борьбе в наиболее выгодном положении находятся предприятия, то те прибыли, которые ими показаны, во всяком случае являются минимальными.

По балансам государственных и кооперативных торговых организаций можно установить, что прибыль их достигала в 1923/24 г. следующих сумм (в милл. черв. руб.):

[1] Сообщено нам А. Б. Штерном.

[2] „Единый государственный бюджет СССР на 1924/25 г.", ч. II, изд. НКФ прил. №№ 1—2.

Категории предприятий	Число	Оборот	Прибыль	Прибыль в % оборота
А. Синдикаты				
1. Учтенные	11	625,1	5,3	0,9
2. Неучтенные	4	29.3	0.3	0,9
Итого по А . .	15	654,4	5,6	0,9
Б. Торговые Общества				
1. Учтенные	22	166,6	0,9	0,6
2. Неучтенные	38	303,3	1,8	0,6
Итого по Б .	60	469,9	2,7	0,6
В. Акционерные Общества				
1. Учтенные	19	305.8	19,7	6,4
2. Неучтенные	12	217,0	13,9	6. 4
Итого по 1—2 .	31	522,8	33,6	6,4
Сверх того „Экспортхлеб"	1	237,5	0 5	0,2
Итого по В . .	32	760.3	34,1	4,5
Г. Прочие гос. организации	—	1659,8	41,5	2,5
Итого по А—Г .	—	3544,4	83,9	2,4
Д. Потреб. кооперация .	—	2050,8	35,5	1,7
Всего по А—Д .	—	5595.2	119,4	2,1

Таким образом, прибыль государственных торговых и кооперативных организаций составила всего 2% к обороту в 1923/24 г. Столь низкий процент объясняется двумя обстоятельствами: тем, что, вообще, у таких крупных предприятий, с которыми мы здесь имеем дело, этот процент должно быть относительно низок; с другой стороны, многие государственные торговые предприятия в этом году были убыточны. Исходя из динамики оборота государственной и кооперативной торговли, можно принять, что прибыль первой в 1924/25 г. составит не менее 155 милл. руб., а кооперации— 64 милл. руб. По отчетам соответствующих банков и кредитных учреждений можно установить, что прибыль этой группы предприятий составила следующие суммы.

Прибыли кредитных учреждений СССР

(в милл. руб.)

НАИМЕНОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ	В червонных рублях		В тов. руб. по оптовому индексу Госплана		1923/24 в %% к 1922/23 г.	
	1922/23 г.	1923/24 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	Червон. руб.	Товарн. руб.
1	2	3	4	5	6	7
1. Государ. Банк	20,9[1]	28,6	17,4	16,8	136,8	96,6
2. Пром. Банк	2,1	8,5	1,7	5,0	404,0	294,3
3. Мос. Гор. Банк . . .	0,6	1,7	0,5	1,0	283,5	200,0
4. Прочие	2,1	4,5	1,7	2,6	214,2	154,8
Итого . . .	25,7	43,3	21,3	25,4	168,1	119,0

[1] Исчислено по данным за январь—сентябрь 1923 г.

Итак, прибыль кредитных учреждений СССР за рассматриваемый период реально возросла на 19%. По абсолютной величине она составляет относительно небольшую сумму—всего 43 милл. руб. в 1923/24 г. и 26 миллионов руб. в 1922/23 г. В действительности прибыль была гораздо выше; но весьма значительные суммы были списаны на увеличение капиталов банков. Исчисление Б.-Фин. Секции определяет вероятную прибыль кредитной системы в 1924/25 г. в 130 милл. руб.

Теперь остается определить доходы коммунальных предприятий. Последние за 1923/24 г. сведены в издании НКФ: „Местный бюджет СССР в 1923/24 г.“ По последнему они определятся следующим образом.[1]

Доходы коммунальных предприятий в 1923/24 г. по СССР

(без Закавказья и ДВО)

(в милл. руб.)

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ	Общая сумма		Чистый доход (гр. 2—3)
	Доходов	Расходов	
1	2	3	4
А. Предприятия общего пользования			
1. Водопроводы	13,1	12,1	1,0
2. Канализация	6,4	7,5	—1,1
3. Трамваи и кон. жел. дор.	35,3	31,9	3,4
4. Электрич. станции	6,8	5,8	1,0
5. Прочие	10,2	9,0	1,2
Итого по А	71,8	66,3	5,5
Б. Технико-пром. и сел.-хоз. характера	14,0	12,7	1,3
В. Переведенные на хозрасчет	4,8	—	4,8
Г. Сданные в аренду	2,1	—	2,1
Д. Земли (аренда площадей, сады и т. п.)	23,3	—	23,3
Е. Строения	58,2	18,3	39,9
Ж. Прочие предприятия	2,5	0,7	1,8
Всего по А—Ж	176,7	98,0	78,7
Исчисление на всю территорию СССР	—	—	(90,0)

Исчисление на всю территорию СССР произведено, исходя из соотношений общего расходного бюджета по учтенным республикам и по всему Союзу.

Как видим, чистый доход от коммунальных предприятий даже по этому весьма неполному их списку достигает 90 милл. руб. по СССР.

Для 1922/23 г. таких подробных данных в нашем распоряжении нет. Единственную возможность для суждения о доходах этой группы предприятий дает следующее сопоставление. По ориентировочному бюджету на 1922/23 г. общая сумма доходов от коммунальных предприятий, имуществ и т. п. исчислена НКФ в 126,3 милл. руб. по оптовому индексу Госплана на 1/VIII

[1] Указ. изд., в. I, стр. XVII и сл.

1923 г. или в 200 милл. руб. червонных.[1] Соответствующая цифра для 1923/24 г.—249 милл. руб., таким образом, валовой доход 1922/23 г. по этой статье равен 80% дохода 1923/24 г. Если принять этот коэффициент, то вероятные размеры чистого дохода от коммунальных предприятий в 1922/23 г. определятся в 72 милл. руб. Для 1924/25 г. приблизительная величина дохода коммунального хозяйства, судя по данным местного бюджета по РСФСР, определится не меньше 110 милл. руб.

Таким образом, доходы основных государственных коммунальных и кооперативных предприятий учтены. Общая их сумма определяется следующими данными.

Чистый доход обобществленного хозяйства СССР за 1922—1925 г.г.

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ	В милл. червон. руб.			В %% к 1922/23 г.		1924/25 г. в %% к 1923/24 г.
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	
1	2	3	4	5	6	7
А. Госхозяйство						
1. Сельское и лесное	13	32	84	246,2	646,2	262,5
2. Промышленность	190	220	340	115,8	178,9	154,5
3. Транспорт и связь	—72	4	97	—	—	2.425,0
4. Торговля	(64)	84	156	131,3	243,8	185,7
5. Кредит	26	43	131	165,4	503,8	304,7
6. Прочие	5	6	43	120,0	860,0	716,7
Итого по А	226	389	851	172,1	376,5	218,8
Б. Коммун. хозяйство	72	90	110	125,0	152,8	122,2
В. Кооперация	(28)	36	64	128,6	228,6	177,8
Итого по А—В	326	515	1.025	158,0	314,4	199,0
Тоже в тов. руб. по опт. индексу Госплана	267	302	572	113,1	214,2	189,4

Данные, относящиеся к 1924/25 гг., конечно, являются весьма приблизительными и преуменьшенными. Однако, и по этому предварительному расчету, очевиден огромный рост доходности государственного хозяйства, от года к году прогрессирующий. Эти данные, вероятно, преуменьшают размеры накопления в государственном хозяйстве, но во всяком случае не преувеличивают его, ибо в них показаны те суммы прибылей, которые значились на балансах в большинстве преуменьшенные; помимо этого, здесь совершенно не учтено накопление товарных ценностей, несомненно, имевшее место в течение всего этого периода.

С другой стороны, нами не учтена амортизация основного капитала государственного хозяйства, за исключением промышленности и коммунального хозяйства; размеры последней в остальных отраслях в эти годы, вероятно должны были превышать затраты по восстановительным работам, производившимся в течение года. На разницу между суммой аммортизации и

[1] Указ. изд. стр. VI.

произведенными восстановленным затратами надо было бы уменьшить величину чистого дохода государственного хозяйства. Вряд ли, однако, эта сумма могла бы покрыть собою наш недоучет. В общем, это исчисление скорее преуменьшает, чем преувеличивает чистый доход обобществленного хозяйства СССР, тем более, что некоторые мелкие группы предприятий, за отсутствием достаточных данных, пока в этом расчете не учтены (сел. хоз. и промысловая кооперация, артели НКСобеза и т. п.).

Эти данные, разумеется, определяют лишь прибыль обобществленного хозяйства. Заработная же плата, выплаченная за этот период рабочим и служащим, занятым в последнем, учтена выше в сумме заработных плат пролетариата.

Теперь возможно в порядке приблизительных, конечно, расчетов подсчитать общую сумму доходов по СССР в 1922—1924 г.г. и ориентировочно в 1925 г.

Сумма доходов по СССР (1922—1925 г.г.)

(Исчисление в милл. рублей)

КАТЕГОРИИ ХОЗЯЙСТВ	Червонные рубли			Товарные рубли по опт. инд. Госплана			В %% к итогу		
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.[1]	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Население									
1. Земледельческое . .	4.410	6.910	8.360	3.606	4.060	4.665	59,7	58,7	55,2
2. Не земледельческое.	2.650	4.340	5.770	2.167	2.550	3.220	35,9	36,9	38,1
Итого по А . . .	7.060	11.250	14.130	5.773	6.610	7.885	95,6	95,6	93,3
В том числе пролетариат	1.475	2.924	4.254	1.203	1.715	2.374	20,0	24,9	28,1
Б. Государств. хоз-во .	226	389	851	185	228	475	3,0	3,3	5,6
В. Коммунальное хоз-во	72	90	110	59	53	61	1,0	0,8	0,7
Г. Кооперация	(28)	36	64	23	21	36	0,4	0,3	0,4
ВСЕГО по А и Г .	7.386	11.765	15.155	6.040	6.912	8.457	100,0	100,0	100,0
В том числе обобществленное хозяйство .	326	515	1.025	267	302	572	4,4	4,4	6,8

Итак, мы констатируем значительный рост суммы доходов СССР. При чем максимально растут доходы пролетариата и обобществленного хозяйства. В связи с этим и удельный вес первого с 20% повышается до 28%, а второго с 4,4% до 6,8%. Этот рост совершается в большой мере за счет падения удельного веса доходов городской буржуазии и отчасти земледельческого населения.

[1] Рост доходов земледельческого населения принят в соответствии с ростом продукции сельского хозяйства по контрольным цифрам Госплана (21%), рост доходов городской буржуазии принят как минимум в том же размере, что и от 1922/23 г. к 1923/24 г. Сумма доходов безработных принята равной ее размерам в 1923/24 г. (как минимум).

Итак, сумма доходов всего СССР определяется в 1922/23 г. в 7,4 млрд. руб. и в 1923/24 в 11,8 млрд. руб.

Прирост суммы доходов в 1923/24 г. определяется в 60% в червонных рублях (номинально) и в 13% в товарных (реально), а для 1924/25 г.— в 28 и 22%.

Соответствующее исчисление для 1922/23 и 1923/24 гг. было произведено Л. Н. Литошенко. Выводы, им полученные, существенно разнятся от полученных выше. Подвергнуть сопоставлению цифры Л. Н. Литошенко с исчисленными выше чрезвычайно трудно, так как все свое исчисление Л. Н. Литошенко произвел, как выше было указано, по совершенно фантастическим индексам цен. Трудно даже сказать, что это за цены были им применены; поэтому мы лишены возможности произвести достаточно детальное сопоставление исчислений Л. Н. Литошенко с выше произведенными.

Если, однако, принять на веру утверждение автора, что сумма доходов равна в 1922/23 г. 8.276 милл. бюджетных рублей, а в 1923/24 г.—9.061 милл. тех же рублей,[1] то при средне-годовом бюджетном индексе за 1922/23 г. 1,46 и 1923/24 г. 1,96 его цифрам противостоят нашим—5.060 милл. бюджетных рублей в 1922/23 г. и 5.980 милл. бюджетных рублей в 1923/24 г. Как видим, наши абсолютные цифры суммы доходов значительно ниже исчисленных Л. Н. Литошенко. Однако, прирост этого показателя по его исчислению равен всего 9,4%, а по нашему—13%, если пользоваться оптовым индексом Госплана и 18%, если пользоваться бюджетным индексом.

Эти расхождения всецело объясняются тем, что Л. Н. Литошенко исчислил доход крестьян в той его части, которая связана с натуральным хозяйством, по довоенным ценам,—более высоким, чем современные, но от года к году неизменявшимся,—в то время как в течение этого именно периода рост сельско-хозяйственных цен совершался, и довольно интенсивно.

Произвольность и ошибочность приема, примененного Л. Н. Литошенко, ясна.

Вследствие этого и распределение суммы доходов у Л. Н. Литошенко совершенно искажено (в %% к итогу):

Группы хозяйств	Л. Н. Литошенко		Наше исчисление	
А. Население	1922/23 г.	1923/24 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
1. Крестьяне	66,5	63,4	59,7	58,7
2. Рабочие и служащие .	13,9	17,4	19,9	23,5
3. Прочие	19,6	19,2	16,0	13,4
Итого по А . .	100	100	95,6	95,6
Б. Гос. и кооп. хозяйство .	—	—	4,4	4,4
Итого по А и Б .	—	—	100	100

Как видим, и структура суммы доходов по исчислению Л. Н. Литошенко совершенно отлична от нашего исчисления, причем в первом исчислении значительно преувеличена доля крестьян и значительно преуменьшена доля прочих категорий населения. Это связано именно с неправильным подсчетом Л. Н. Литошенко дохода крестьян. Но всего любопытнее, что исчисляя народный доход такого государства, в котором $^2/_3$ средств производства обобществлены, Л. Н. Литошенко забыл подсчитать чистый доход государственного и кооперативного хозяйства. Этих и указанных выше ошибок Л. Н. Литошенко вполне достаточно для того, чтобы до их исправления автором, не считаться с произведенным им исчислением. А тем самым и все его выводы:

[1] Указ. соч., стр. 47.

о малом темпе роста национального дохода, о распылении доходов и т. д.— также неверны. Ибо, изменив все цифры своего исчисления, Л. Н. Литошенко изменит и большинство своих выводов.

Итак, сумма индивидуальных доходов определяется этими расчетами так (в милл. рублей в ценах и валюте соответствующего года, для 1913 г. приблизительный расчет):

ГОДЫ	Весь доход	В т. ч. лица наемн. труда	В %% ко всему доходу
	В миллионах рублей		
1913	15.200	3.300	21,9
1922/23	7.386	1.410	19,9
1923/24	11.765	2.770	23,5
1924/25	15.155	4.100	26,7

Как видим, и в 1924/25 г. продолжается рост доли пролетариата в сумме доходов СССР. Этот факт является основным, и в дальнейшем рост или падение этого коэффициента явится отражением основных тенденций развития хозяйства СССР. Во всяком случае, в противоположность довоенной динамике этого коэффициента, пока он растет, свидетельствуя о все возрастающем значении пролетариата в народном хозяйстве страны.

Национальный доход является тем фондом, из которого государство может черпать необходимые ему средства. Поэтому можно a priori предполагать некую зависимость между объемом национального дохода и размерами государственного бюджета. Последние менялись так (в миллионах рублей, в ценах и валюте соответствующего года):

ГОДЫ	Сумма доходов	Гос. и местный бюджет	
		В миллионах рублей	В %% ко всему доходу
1922/23	7.386	1.560	21,2
1923/24	11.765	2.662	22,2
1924/25	15.155	3.586	23,6

Для довоенного периода мы не приводим данных в виду того, что по государственному бюджету чрезвычайно трудно получить их достаточно сравнимыми с современными данными.

Как видим, в течение этих лет государственный бюджет растет быстрее, чем национальный доход. Последнее связано с ростом доходности государственного хозяйства. И в дальнейшем, очевидно, с ростом государственного хозяйства в большой мере связан и рост государственного бюджета и в то же время и самого национального дохода.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 11—12 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

Под. ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Конъюнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

1. Заготовки зернопродуктов основными плановыми заготовителями в 1925/26 г.
2. То же по культурам.

II. Промышленность

1. Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы.
2. Динамика главнейших отраслей производства крупной промышленности СССР в 1924/25 году.

III. Труд

1. Заработная плата промышл. рабочих и работников жел.-дор. транспорта в 1924/25 г. в червон. копейках.
2. То же в условно Московских копейках.

IV. Транспорт

1. Месячный грузооборот, средне-суточная погрузка и валовой доход железных дорог.

V. Товарооборот

1. Сводная таблица по внешней и внутренней торговле.
2. Торговые операции по условиям расчета на Московской товарной бирже за 1924/25 г.

VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены.

1. Сводная таблица за 1923/24 и 1924/25 бюджетные годы.
2. То же за ноябрь 1925 г.
3. Отношение розничных цен к оптовым в г. Москве в 1924/25—1925/26 гг.
4. Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР.
5. Заготовительные цены „Хлебопродукта".
6. Индексы квартирной платы и бюджетный индекс.
7. Квартирная плата в среднем по СССР.

А. Основные показатели динамики народного хозяйства в 1923/24—1924/25 и 1925/26 г. г.

№№ по порядку	Показатели	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 год				1925/26 год			
			Средне-месячные за год		В средн. за месяц по кварталам				За месяц			
					I	II	III	IV	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	I. Хлебные заготовки											
1	Заготовка хлеба	Тыс. тонн	581,1	558,8	725,2	434,1	204,3	871,7	1.091,5	810,3	—	—
2	Заготовит. цена ржи . .	Товарн. копейки	28	48	37	47	68	54	43	—	—	—
3	То-же	Червон. „	47	86	63	85	132	95	75	—	—	—
	II. Промышленность											
4	Добыча угля	Тыс. тонн	1.315	1.338	1.434	1.432	1.121	1.366	1.901	1.888	—	—
5	Добыча нефти	„ „	495	579	551	533	606	616	647	629	—	—
6	Выплавка чугуна . . .	„ „	55,0	108,6	79,7	96,8	120,2	137,8	157,5	153.0	—	—
7	Прокатка металла . . .	„ „	57,5	111,2	105,9	111,6	121,1	126,2	165,5	150,8	—	—
8	Производ. хл.-бум. пряжи	„ „	8,5	15,5	13,5	15,0	16,6	17,0	22,3	20,1	—	—
9	„ „ „ ткани	Милл. *м*	69,6	124,2	111,1	124,0	132,8	128,8	171,2	153,1	—	—
10	Сумма продукц. промышл.	Милл. черв. руб.	278,8	397,1	354,8	390,7	408,7	433,0	557,0	515,4	—	—
11	„ „ „	По довоенн. ценам: в милл. руб.	129,4	206,5	181,3	203,9	215,0	225,8	284,2	261,5	—	—
12	Выработка на 1 ч. в день	По довоенн. ценам: в рубл.	—	7,39	6,44	7,43	7,07	7,73	—	—	—	—
	III. Труд											
13	Число раб. ценз. промышл.	Тысячи	1.615	(1.898)	1.794	1.803	(1.904)	(2.094)	—	—	—	—
14	Ср. дневн. зарпл. пром. раб. реальная . . .	В усл. Моск. коп.	91,5	109,8	102,8	103,0	105,7	127,7	—	—	—	—
15	Ср. дневн. зарпл. номин.	В червон. коп.	155,1	189,8	172,0	180,7	192,0	214,4	—	—	—	—
	IV. Транспорт											
16	Жел.-дорожн. перевозки	Милл. *т-кл*	5,62	6,92	6,60	6,33	6,61	8,15	(9,95)	(9,24)	—	—
17	Средн.-суточн. погруз. .	Тысячи вагонов	13,5	17,4	16,3	16,4	16,6	20,2	25,1	23,9	(23,2)	—
18	Валов. доход жел. дор. .	Милл. черв. рубл.	56,7	(77,5)	72,3	73,0	78,8	(85,8)	(100,1)	(101,0)	—	—
	V. Торговля											
19	Оборот 70 провинц. бирж	Милл. черв. рубл.	121,9	283,5	239,4	218,9	277,1	398,6	569,3	447,1	—	—
20	Оборот Московск. товарной биржи	„ „ „	129,6	249,3	209,7	225,1	218,1	344,0	465,7	399,0	—	—
21	Реализац. по 150 производ. объедин. ВСНХ .	„ „ „	74,1	122,2	111,7	105,4	111,6	160,2	177,4	134,7	—	—
22	Вывоз из СССР	„ „ „	—	42,3	39,8	37,2	39,7	52,6	76,5	53,9	—	—
23	Привоз в СССР	„ „ „	—	52,8	33,7	44,0	70,5	62,9	73,1	64,9	—	—
	VI. Финансы											
24	Поступл. обыкн. доходов в т. ч. налог. и пошл.	Милл. черв. руб. „ „ „	122,6 53,9	196,1 94,9	203,7 113,7	184,6 89,8	180,9 78,0	215,2 97,8	268,4 139,9	262,8 136,6	— —	— —
	VII. Кредит											
25	Сумма вклад. и тек. сч. по Госбанку и 4 акц. банк. на 1 число мес.	Милл. черв. руб.	277	367	415	525	634	693	757	811	778	—
26	Остаток задолж. по уч.-ссудн. операц. на 1 число месяца . .	„ „ „	586	1.251	941	1.107	1.322	1.632	1.855	1.979	2.050	—
	VIII. Денежное обращение											
27	Денежн. масса на кон. мес.	Милл. черв. руб.	406	799	695	731	792	975	1.247	1.287	—	—
28	„ „ „ „ „	„ тов. „	238	446	415	403	411	555	711	718	—	—
29	Эмиссия за месяц . . .	„ черв. „	49,9	43,3	38,5	7,7	26,8	98,9	104,0	39,8	—	—
30	„ „ „ . . .	„ тов. „	29,4	24,5	24,1	3,8	13,8	56,2	55,2	22,3	—	—
	IX. Индексы цен на 1-е число месяца											
31	Оптовый Госплана . . .	1913 г. = 100	170,2	179,2	167,0	180,7	193,5	176,9	174,2	175,3	179,3	—
	а) промышленный . .	„	215,7	192,4	196,4	191,6	190,1	191,6	194,9	196,4	197,6	—
	б) сельско-хозяйств. .	„	134,2	166,9	142,0	170,6	193,9	163,5	155,6	156,3	162,6	—
32	Всесоюзный бюджетный	„	195,7	202,0	195,6	202,1	215,9	194,4	192,3	201.0	205,3	—
	а) промышленный . .	„	253,9	228,3	245,0	228,9	221,9	216,7	225,0	232,3	233,5	—
	б) сельско-хозяйств. .	„	163,2	187,5	167,5	187,1	212,2	183,0	174,0	183,4	189,5	—

1. Заготовка хлеба показана по 9 планов. организац. учитыв. Наркомвнуторгом.
2. Источники помещаемых в сводной таблице данных и методологические указания—см. в частных таблицах.

ТЕКУЩИЕ ДИНАМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

(по материалам Наркомторга СССР)

Отдел I. ХЛЕБНЫЕ ЗАГОТОВКИ

Заготовки зернопродуктов (включая маслосемена) основными плановыми заготовителями в 1925/26 году

I. По районам

(в тысячах тонн)

МЕСЯЦЫ \ РАЙОНЫ	Потребляющий	Производящий										
		Вотско-Вятский	Татреспублика	Башреспублика	Поволжье	Центр. Землед.	Итого	Урал	Северн. Кавказ	Сибирь	Казахстан	Крым
Июль	10,5	1,2	16,6	13,8	28,1	5,6	65,3	19,2	51,3	20,3	2,7	4,4
Август	5,0	0,9	34,3	18,9	105,6	26,9	186,6	31,9	357,5	8,2	19,4	41,3
Сентябрь	18,1	4,5	40,6	20,3	160,5	73,7	299,6	20,1	522,5	14,9	48,4	52,4
Итого за IV кварт.	33,6	6,6	91,5	53,0	294,2	106,2	551,5	71,2	931,3	43,4	70,5	98,1
Октябрь	20,5	1,5	23,2	17,7	111,8	124,7	278,9	29,7	304,7	58,0	55,9	18,5
Ноябрь	9,0	1,2	7,4	10,2	78,2	58,2	155,2	41,2	195,0	75,2	39,8	13,5
Итого с начала кампании на 1/XII	63,1	9,3	122,1	80,9	484,2	289,1	985,6	142,1	1.431,0	176,6	166,2	130,1

МЕСЯЦЫ \ РАЙОНЫ	Итого по РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего по СССР
Июль	173,7	41,7	1,2	0,1	216,7
Август	649,9	307,3	2,2	0,6	960,0
Сентябрь	976,0	456,6	4,6	1,1	1.438,3
Итого за IV кварт.	1.799,6	805,6	8,0	1,8	2.615,0
Октябрь	766,2	320,6	4,2	0,5	1.091,5
Ноябрь	528,9	277,3	4,0	0,1	810,3
Итого с начала кампании на 1/XII	3.094,7	1.403,5	16,2	2,4	4.516,8

II. По культурам

МЕСЯЦЫ \ КУЛЬТУРЫ	Рожь в зерне	Пшеница в зерне	Овес	Ячмень	Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных хлебов	Масличные	Прочие	Всего
Июль	114,8	51,1	3,6	20,2	1,6	0,1	1,8	193,2	22,9	0,6	216,7
Август	310,6	348,3	24,3	243,3	4,5	6,1	7,7	944,8	14,9	0,3	960,0
Сентябрь	251,1	540,4	59,7	287,6	9,0	12,6	42,3	1.202,7	231,3	4,3	1.438,3
Итого за IV кварт.	676,5	939,8	87,6	551,1	15,1	18,8	51,8	2.340,7	269,1	5,2	2.615,0
Октябрь	135,4	448,4	51,1	97,3	6,8	9,6	54,0	802,6	256,3	32,6	1.091,5
Ноябрь	111,8	350,1	53,9	51,0	24,9	4,4	43,7	639,8	121,3	49,2	810,3
Итого с начала кампании на 1/XII	923,7	1.738,3	192,6	699,4	46,8	32,8	149,5	3.783,1	646,7	87,0	

Таблица № 1

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы

№№ по порядку	СРОК	Ср. мес. число рабоч. в тыс. человек		Валовая продукция											
				В миллионах рублей				В %%% к нач. соот. года				В %%% к соот. пер. пред. года			
				По довоен. ценам		По соврем. ценам		По довоен. ценам		По соврем. ценам		По довоен. ценам		По соврем. ценам	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.377	1.676	181,3	284,2	359,9	557,0	100	100	100	100	150	157	118	155
2	Ноябрь	1.375	1.718	173,0	261,5	339,3	515,4	95,4	92	94,2	93	150	151	125	152
3	Декабрь	1.380	—	189,6	—	369,2	—	104,6	—	102,6	—	162	—	138	—
4	Январь	1.390	—	196,9	—	380,2	—	108,6	—	105,6	—	159	—	136	—
5	Февраль	1.408	—	201,9	—	386,4	—	111,4	—	107,4	—	153	—	130	—
6	Март	1.424	—	213,0	—	405,6	—	117,5	—	112,7	—	164	—	146	—
7	Апрель	1.426	—	212,5	—	405,2	—	117,2	—	112,6	—	166	—	154	—
8	Май	1.437	—	213,1	—	404,7	—	117,5	—	112,4	—	161	—	152	—
9	Июнь	1.481	—	219,4	—	416,2	—	121,0	—	115,6	—	170	—	161	—
10	Июль	1.515	—	199,7	—	379,4	—	110,1	—	105,4	—	157	—	147	—
11	Август	1.550	—	219,4	—	419,1	—	121,0	—	116,4	—	161	—	152	—
12	Сентябрь	1.612	—	258,4	—	500,5	—	142,7	—	139,3	—	160	—	155	—
	Б. За квартал														
I	Октябрь—Декабрь	1.377	—	543,9	—	1.608,4	—	100	100	100	100	154	—	127	—
II	Январь—Март	1.407	—	611,8	—	1.172,2	—	112,5	—	109,7	—	159	—	137	—
III	Апрель—Июнь	1.448	—	645,0	—	1.226,1	—	118,6	—	114,8	—	166	—	155	—
IV	Июль—Сентябрь	1.559	—	677,5	—	1.299,0	—	123,0	—	121,7	—	159	—	152	—
	В. За год	1.448	—	2.478,2	—	4.765,7	—	—	—	—	—	160	—	142	—

Валовая продукция по современным ценам получена переводом из довоенной по промышленному индексу Госплана. Цифры за октябрь и ноябрь предварительные.

Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1924/25 году *Таблица № 2*

МЕСЯЦЫ	Добыча угля		Добыча нефти		Металлургическое производство						Текстильное производство							
					Выплавка чугуна		Выплавка мартена		Прокатка металла		Хлопч.-бум. пряжа		Шерстяная пряжа		Льняная пряжа		Хлопч.-бум. готов. ткань	
	В тыс. тонн	В % к соответ. месяцу предыд. года	В тыс. тонн	В % к соответ. месяцу предыд. года	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. предыд. г.	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. предыд. г.	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. предыд. г.	В тоннах	В % к соотв. мес. предыд. г.	В тоннах	В % к соотв. мес. предыд. г.	В тоннах	В % к соотв. мес. предыд. г.	В милл. м	В % к соотв. мес. предыд. г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1924/25 г.																		
Октябрь	1.582,9	115	580,4	126	74,3	171	131,4	159	90,3	145	14.197	179	2.336	141	4.428	118	112.8	177
Ноябрь	1.322,0	91	556,1	121	75,7	154	123,6	144	88,2	157	12.341	167	2.051	125	3.682	107	101,4	171
Декабрь	1.396,6	102	516,9	106	89,1	181	139,5	177	96,7	189	13.958	197	2.290	144	3.923	128	119,1	214
Январь	1.383,0	99	518,1	105	92,0	184	148,6	199	102,2	227	14.648	184	2.306	143	4.216	126	122,2	206
Февраль	1.446,8	102	506,0	111	89,7	184	141,4	189	107,6	211	14.905	175	2.314	132	4.331	120	123,3	182
Март	1.464,9	108	574,0	119	108,8	186	161,1	195	107,9	189	15.370	190	2.297	149	4.401	137	126,4	187
Апрель	1.064,7	94	583,5	128	107,3	183	147,8	196	111,6	191	15.949	196	2.249	149	4.325	130	130,9	195
Май	1.043,4	90	618,9	131	123,8	218	173,4	193	126,1	196	15.999	182	2.252	139	4.152	125	128,8	166
Июнь	1.254,0	106	614,2	125	129,5	213	173,3	209	125,7	205	17.772	204	2.324	157	3.970	127	138,7	180
Июль	1.264,4	95	613,6	106	125,6	197	156,9	206	108,0	217	12.874	184	1.981	172	3.355	178	100,0	147
Август	1.272,3	104	612,7	108	142,4	243	170,2	210	120,7	224	17.200	173	2.358	140	4.176	134	122,4	167
Сентябрь	1,562,4	114	651,3	120	145,6	230	196,5	182	149,8	189	20.900	171	2.882	139	5.081	133	164,1	165
1925/26 г.																		
Октябрь	1.901,0	120	647,0	111	157,5	212	225,6	172	165,5	183	22.321	157	3.107	133	5.442	123	171,2	152
Ноябрь	1.888,0	143	629,0	113	153,0	202	207,7	168	150,8	171	20.100	163	2.924	143	4.773	130	153,1	151

Цифры за октябрь и ноябрь 1925/26 г. предварительные.

Таблица № 1

Заработная плата промышленных рабочих и работников железнодорожного транспорта в 1924/25 году в условных Московских руб. и коп.

Производственные группы	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	В среднем за год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Рабочие крупной промышленности													
А. Месячная в рублях													
По металлообрабатыв.	29,26	26,30	27,03	27,44	25,61	27,28	26,35	27,77	29,36	34.41	33,38	35,88	29,17
„ текстильной	21,07	18,50	19,49	20,05	19,32	19,22	18,96	19,23	20,92	25,32	24,17	25,27	20,96
„ горной	25,15	20,60	20,45	19,64	19,71	20,80	20,43	21,35	23,36	27,38	28,60	29,01	23,04
„ химической	25,56	23,54	24,09	24,41	24,28	24,25	23,58	24,98	25,98	28,64	29,71	30,20	25,77
„ кожевенной	36,03	31,84	34,66	35,08	33,74	33,21	33,21	34,14	37,93	34,12	39,34	39,86	34,43
„ полиграфической	36,87	38,59	37,67	36,06	36,99	34,19	34,68	39,42	37,96	40 47	39,30	39,74	37,66
„ пищевкусовой	29,88	30,23	31,71	29,53	29,16	27,43	27,10	30,15	31,24	30,41	31,20	33,61	30,14
„ писчебумажной	26,31	24,27	25,64	25,37	22,80	25,29	23,97	24,95	25,29	29,35	32,14	29,86	26,27
„ деревообделочной	29,31	25,80	24,88	25,61	24,77	23,13	25,24	26,74	26,53	30,28	29,06	34,36	27,19
„ всей промышлен.	25,58	22,92	23,54	23,56	22,72	23,02	22,79	23,78	25,24	29 34	29,03	30,26	25,15
Б. Дневная в коп.													
По металлообрабатыв.	114,2	117,4	115,0	118,4	115,1	119,8	118,1	122,1	125,5	141,3	151,6	151,0	125,8
„ текстильной	84,7	85,8	84,5	86,9	88,6	87,6	86,7	85,7	91,1	106,4	109,2	106,0	91,9
„ горной	101,5	95,6	88,8	88,9	90,5	91,2	93,8	97,5	102,4	118,7	126,8	129,7	102,1
„ химической	102,6	108,1	103,0	107,2	109,7	108,9	104,8	112,2	109.2	119,6	133,2	127,8	112,2
„ кожевенной	142,7	147,0	150,3	154,2	152,1	147,8	146,0	153,3	154,0	152,4	173,1	170,2	153,6
„ полиграфической	147,1	173,1	163,0	158,6	164,5	153,0	152,6	166,8	166,0	172,8	185.8	166,7	164,2
„ пищевкусовой	119,8	139,9	136,2	128,9	133,6	126,9	121,3	133,4	129,4	131,0	143,5	144,7	132,4
„ писчебумажной	101,7	107,8	107,1	107,8	101,4	107,3	105,5	105,9	107,6	119,6	136,4	131,4	111,6
„ деревообделочной	115,1	114,0	106,4	114,7	114.6	104,5	113,7	121,0	117,8	120,7	133,3	142,5	118,2
„ всей промышлен.	102,4	104,5	101,4	102,9	103,2	102,9	102,7	105,6	108,8	123,2	131,1	128,7	109,8
II. Работники жел.-дор. транспорта													
Месячная в рублях													
Управление	36,98	37,33	37,79	37,18	36,77	35,31	35,64	37,97	38,45	43,07	46,30	46,71	39,12
Тяга	32,34	30,34	30,76	29,91	29,53	29,68	30,07	31,75	33,21	38,70	42,48	43,19	33,50
Путь	19,63	18,17	18,16	18,40	18,18	17,70	18,56	19,20	20,43	23,36	25,95	26,95	20,39
Движение	22,45	22,05	22,03	22,20	21,42	21,25	21,97	23,25	24,32	27,02	30,06	30,00	24,00
Связь	24,53	23,78	23,59	23,56	22,76	21,93	22,97	24,16	25,28	28,87	32,02	33,07	25,54
По всем службам	26,60	25,35	25,44	24,55	24,70	24,43	25,04	26,36	27,50	31,54	34,78	35,38	27,64

Примечания: 1. Заработная плата промышленных рабочих взята по данным Центрального Бюро Статистики Труда. Данные охватывают крупную промышленность (предприятия с числом рабочих 250 человек и выше)

2. Заработная плата полиграфической и пищевкусовой промышленности отно сится, преимущественно, к рабочим столиц.

3. Пищевкусовая промышленность представлена производствами — табачным, кондитерским и пивоваренным.

4. Заработная плата работников железно-дорожного транспорта взята по дан ным ЦСК НКПС.

Таблица № 2

Заработная плата промышленных рабочих и работников железнодорожного транспорта в 1924/25 году

(в червонных рублях и коп.)

Производственные группы	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	В среднем за год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Рабочие крупной промышленности													
А. Месячная в рублях													
По металлообрабатывающей	47,08	43,53	44,98	45,59	44,91	48,50	47,81	50,16	52,64	58,16	53,92	59,23	49,71
„ текстильной	36,42	32,48	34,17	34,53	33,77	35,22	35,30	35,67	38,69	45,59	41,79	44,35	37,33
„ горной	38,43	33,03	33,49	34,88	34,89	36,74	35,84	38,26	39,64	44,05	44,63	45,73	38,22
„ химической	42,46	39,60	30,30	40,80	41,01	42,75	42,35	45,10	46,99	49,21	48,67	50,79	44,17
„ кожевенной	60,21	53,39	57,26	59,46	58,00	60,03	61,04	61,52	69,08	57,09	62,50	66,12	60,47
„ полиграфической	69,28	72,64	69,91	66,78	69,22	67·18	67,92	76,15	74,84	75,32	71,69	73,36	71,19
„ пищевкусовой	55,17	55,73	58,83	53,99	53,93	53,28	51,95	57,16	60,31	55,60	55,74	60,99	56,06
„ писчебумажной	41,04	38,23	40,68	39,86	37,25	42,05	40,65	42,40	43,53	46,87	48,57	46,69	42,32
„ деревообделочной	51,91	44,28	42,15	43,41	42,02	41,07	45.52	47,95	46,93	51,82	49,72	57,67	47,04
„ всей промышленности	42,25	38,54	39,71	40,07	39,77	41,74	41,53	43,33	45,65	50,27	47,80	50,78	43,45
Б. Дневная в коп.													
По металлообрабатывающей	197,5	194,2	191,2	197,0	201,7	213,0	215,1	222,3	225,0	238,3	245,3	249,4	215,0
„ текстильной	146,3	150,7	148,2	149,6	155,0	160,6	161,5	159,1	168,4	192,6	188,5	186,0	163,9
„ горной	155,6	153,6	144,0	153,3	165,5	160,9	164,4	173,7	173,7	190,4	198,8	204,3	169,4
„ химической	170,6	181,8	172,4	179,5	185,4	191,9	188,4	202,7	196,8	205,2	219,0	215,0	192,4
„ кожевенной	238,7	246,8	248,8	261,4	262,2	267,3	263,2	276,4	278,1	254,4	285,5	282,3	263,8
„ полиграфической	276,4	325,9	302,5	293,7	308,0	300,6	296,6	322,3	327,2	321,2	338,8	307,7	310,1
„ пищевкусовой	221,3	257,9	252,6	235,5	247,1	246,4	231,5	251,3	247,6	240,6	257,2	262,5	246,0
„ писчебумажной	160,3	169,8	169,9	168,4	165,1	178,3	180,5	178,9	183,4	190,9	206,2	205,8	179,8
„ деревообделочной	203,4	195,1	180,2	194,6	194,6	185,9	205,0	216,3	207,9	206,4	223,5	239,2	204,3
„ всей промышленности	169,2	175,8	170,9	175,2	180,8	186,1	187,3	192,7	196,1	211,0	216,4	215,8	189,8
II. Работники жел.-дор. транспорта													
Месячная в рублях													
Управление	61,10	61,70	62,78	62,29	63,01	63,07	65,13	67,89	68,13	69,35	73,24	75,16	66,07
Тяга	49,87	47,51	48,40	47,71	48,59	50,87	52,46	54,94	56,40	59,81	63,37	66,22	53,85
Путь	29,43	27,56	27,89	28,63	29,07	29,65	31,75	32,72	34,15	35,79	38,31	40,62	32,13
Движение	34,43	34,27	34,07	35,28	35,11	36,40	38,13	40,14	41,07	41,72	44,86	45,88	38,45
Связь	37,45	36,87	37,01	37,52	37,31	37,33	40,09	41,88	42,64	44,35	47,65	50,51	40,88
По всем службам	40,98	39,57	39,88	40,10	40,50	41,81	43,64	45,58	46,69	48,79	51,99	54,20	44,48

Примечание 1. Заработная плата промышленных рабочих взята по данным Центрального Бюро Статистики Труда. Данные охватывают крупную промышленность (предприятия с числом рабочих 250 чел. и выше).

2. Заработная плата полиграфической и пищевкусовой промышленности отно сится, преимущественно, к рабочим столиц.

3. Пищевкусовая промышленность представлена производствами—табачным, кондитерским и пивоваренным.

4. Заработная плата работников жел.-дор. транспорта взята по данным ЦСК НКПС

Отдел IV.—ТРАНСПОРТ

Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог в границах СССР

ПЕРИОДЫ НАБЛЮДЕНИЯ	Перевозка всех грузов в коммерч. движении	Общий пробег всех грузов	Средне-суточная погрузка	Перевозка отдельных грузов в коммерческом движении						Валовой доход
				Хлеб	Камен. уголь	Нефть	Дрова	Лесо-матер.	Прочее	
	Милл. тонн	Милл. *т км*	Тыс. вагонов	В тысячах тонн						Милл. черв. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1913 год	11,04	5,28	26,0	1.507	2.195	491	721	1.016	5.111	—
1923/24 г.	5,62	2,81	13,5	895	1.021	290	1.036	—	2.378	56,7
1924/25 год										
Октябрь—декабрь	6,60	3,67	16,3	1.075	1.083	292	763	418	2.971	72,3
Январь—март	6,33	3,87	16,4	1.224	816	343	810	540	2.599	73,0
Апрель—июнь	6,61	3,82	16,6	1.062	805	450	390	816	3.094	78,8
Июль—сентябрь	8,15	4,45	20,2	(1.055)	(1.358)	(502)	(577)	(854)	(3.804)	(85,8)
В среднем за 1924/25 г.	6,92	3,95	17,4	(1.104)	(1.015)	(397)	(635)	(657)	(3.117)	(77,5)
1925/26 год										
Октябрь	(9,95)	(5,34)	25,1	—	—	—	—	—	—	(100,1)
Ноябрь	(9,16)	—	23,9	—	—	—	—	—	—	(101,0)
Декабрь	—	—	(23,3)	—	—	—	—	—	—	—

Примечания: 1. Данные „Ежемес. Бюл. Трансп. Статист. ЦСК".
2. За сентябрь, октябрь и ноябрь вместо валового дохода показана более низкая цифра фактической выручки.
3. Данные в скобках предварительные.
4. Средне-суточная погрузка за декабрь по данным за две декады.

Отд. V. — ТОВАРООБОРОТ

Сводная таблица по внешней и внутренней торговле

ФОРМЫ ОБМЕНА	В миллионах червонных рублей			В %/% к прошлому месяцу текущего года			В %/% к соответств. месяцу прошлого года		
	Сентябрь 1924/25 г.	Октябрь 1925/26 г.	Ноябрь 1925/26 г.	Сентябрь 1924/25 г.	Октябрь 1925/26 г.	Ноябрь 1925/26 г.	Сентябрь 1924/25 г.	Октябрь 1925/26 г.	Ноябрь 1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Внешняя торговля									
Вывоз	70.067	76.453	53.930	135,5	109,1	70,5	—	182,2	164,6
Привоз	76.320	73.139	64.933	163,5	95,8	88,8	—	198,8	233,0
Общий оборот	146.387	149.592	118.863	150,3	102,2	79,5	—	189,9	196,0
Баланс	— 6.253	+ 3 314	— 11.003	—	—	—	—	—	—
Б. Внутренняя торговля									
Общий оборот М. Т. Б.	465,6	465,7	399,0	186,6	100,0	85,6	226,5	189,2	211,9
В том числе:									
Оборот с.-хоз. товаров	56,9	45,4	179,4	162,5	79,8	395,2	92,1	83,9	494,2
Оборот промтоваров	408,7	420,3	219 6	190,6	102,8	52,2	284,2	218,8	144,5
Общий оборот 70 провинциальных бирж	514,1	569,3	447,1	141,5	110,7	78,5	244,6	225,3	189,6
В том числе:									
Оборот с.-хоз. товаров	100,6	112,0	72,1	146,9	111,3	64,4	178,4	190,2	116,5
Оборот промтоваров	413,5	457,3	375,0	140,3	110,6	82,0	268,8	235,9	215,6
Сбыт продукции 12 синдикатами	99,1	111,9	91,1	122,5	112,9	81,4	174,5	152,2	161,5
В том числе:									
За наличные	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В кредит	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сбыт продукции 150 произв. объедин.	217,8	177,4	134,7	159,2	81,5	75,9	201,3	130,7	143,3
В том числе:									
За наличные	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В кредит	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оборот Центросоюза	23,4	21,2	24,6	—	90,6	116,0	—	—	—
„ Цербсекции	5,5	5,8	7,3	—	105,5	125,9	—	—	—
„ Транссекции	4,2	6,3	6.4	—	150,0	101,6	—	—	—
„ центров с.-хоз. кооперации	19,8	14,7	19,9	—	74,2	135,4	—	—	—

Торговые операции по условиям расчета на Московск. тов. бирже за 1924/25 г.

(в тысячах червонных рублей)

ПЕРИОДЫ	Весь оборот	Из сумм общего оборота				
		Уплочено наличными	Кредитовано	В том числе		
				До ½ месяца	До 3-х месяцев	Свыше 3-х мес.
1	2	3	4	5	6	7
Октябрь	246.168	83.682	162.486	20.746	72.478	69.262
Ноябрь	188.170	69.611	118.559	19.063	66.725	32.771
Декабрь	195.309	77.916	117.393	19.110	68.840	29.443
Январь	227.927	72.343	155.584	25.419	100.236	29.929
Февраль	222.435	79.381	143.054	17.079	64.548	61.427
Март	225.072	78.246	146.826	22.020	87.496	37.310
Апрель	225.128	93.988	131.140	27.697	69.627	33.816
Май	199.476	85.229	114.247	19.805	66.736	27.706
Июнь	229.769	80.776	148.993	21.564	97.722	29.707
Июль	317.069	88.686	228.383	31.929	89.325	107.129
Август	249.387	91.283	158.104	29.378	77.823	50.903
Сентябрь	465.592	135.269	330.323	53.903	172.659	103.761
Итого за год	2.991.502	1.036.410	1.955,092	307.713	1.034.215	613.164
В %% ко всему обор.	100,0	34,6	65,4	—	—	—
В %% к общему кред.	—	—	100,0	15,7	52,9	31,4

Отдел VI—IX

ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Индексы цен за ноябрь 1925 г.

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1925 г. Ноябрь	В %% к итогам за ноябрь 1924 г.
1	2	3
I. Финансы		
Обыкновенные доходы и налоги (милл. черв. р.)	262,8	122,1
В том числе:		
1) Прямые налоги	53,0	61,3
2) Косвенные налоги	71,8	211,8
3) Пошлины	11,7	151,9
4) Неналоговые доходы	126,3	145,0
В том числе по п. 4		
НКПС	101,0	160,6
НКП и Т	10,0	153,8
II. Кредит (милл. черв. р.)		
Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам на конец месяца	777,9	193
Остаток задолженности по учетно-ссудным операциям по Госбанку и 4 акц. банкам	2.049,5	211
III. Денежное обращение		
Денежная масса на конец мес. (милл. руб.) червон.	1.286,7	178
„ „ „ „ „ (милл. руб.) товарн.	717,6	167
Эмиссия за месяц (милл. руб.) червон.	39,8	91
„ „ „ (милл. руб.) товарн.	22,3	85
IV. Индексы (1913=100)		
Оптовый индекс Госплана на конец мес.	179,3	106,6
„ „ „ средн. за мес.	177,8	107,1
а) Промышлен. индекс Госплана на конец мес.	197,6	101,2
„ „ „ средн. за „	197,1	100,5
б) Сельско-хоз. „ „ конец мес.	162,6	112,3
„ „ „ средн. за мес.	160,3	114,2
в) Раствор „ножниц“ „ на конец „	121	89,6
„ „ „ средн. за „	123	87,9
Всесоюзн. бюджетн. индекс „ на конец „	205,3	103,8
„ „ „ „ средн. за „	203,3	103,1
а) Промышлен. „ „ на конец „	233,5	95,3
„ „ „ „ средн. за „	232,3	92,9
б) Сельско-хоз. „ „ на конец „	189,5	110,6
„ „ „ „ средн. за „	187,0	111,6
в) Раствор „ножниц“ „ на конец „	123	86,0
„ „ „ „ средн. за „	124	83,2
Покупательная сила червонца:		
а) по оптовому индексу Госплана на конец мес.	5,58	93,8
„ „ „ „ средн. за „	5,62	93,2
б) по всесоюзн. бюдж. индексу Госплана на конец мес.	4,87	96,2
„ „ „ „ „ средн. за „	4,92	97,0

Примечания: 1. Доходы и налоги даны по СССР, включая ДВО и ЗСФСР. Включены отчисления в местные средства, так как они проходят по доходной и расходным частям госбюджета 1925/26 г.
2. Данные по отд. I, II, III предварительные.

Сводная таблица по финансам, кредиту, денежному обра

щению и индексам цен за 1923/24 и 1924/25 бюдж. г.г.

(Квартальные и годовые итоги)

№№ по порядку	ПОКАЗАТЕЛИ			В среднем за месяц по кварталам									Всего или в среднем в год		
				I			II			III			IV					
				1923/24 г.	1924/25 г.	В % % 1924/25 к 1923/24 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	В % % 1924/25 к 1923/24 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	В % % 1924/25 к 1923/24 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	В % % 1924/25 к 1923/24 гг.	1923/24 г.	1924/25 г.	В % % 1924/25 к 1923/24 гг.
1	2			3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
	I. Финансы																	
1	Поступл. обыкнов. доходов	млн. рублей	чер.	116,2	203,7	175	113,6	184,6	163	116,6	180,9	155	143,8	215,2	150	1.470.6	2.353,4	160
			тов.	75,4	121,9	162	61,7	102,3	166	67,9	93,5	138	83,9	121,9	145,3	866,6	1.318,7	152
	В том числе налогов и пошлин		чер.	59,4	113,7	191	52,4	89,8	171	44,5	78,0	175	61,9	97,8	158	646,8	1.138,4	176
			тов.	38,6	68,1	176	28,4	49,9	176	25,9	40,2	155	36,2	55,5	153	382,7	651,1	170
	II. Кредит																	
2	Сумма вкладов и тек. счет по Гос. банку и 4 акционер. банкам на конец месяца		чер.	184	415	226	252	525	208	297	634	213	374	693	185	276,8	566.7	205
			тов.	117	249	213	136	289	213	174	330	190	218	394	181	161,3	315.4	196
3	Остаток задолженности по учетно-ссудн. операциям на конец месяца		чер.	423	941	222	517	1.107	214	632	1.322	209	775	1.632	211	586,4	1.250,6	213
			тов.	271	565	208	280	610	218	369	686	186	452	928	205	342,7	696,8	203
	III. Денежное обращение																	
4	Денежная масса на конец месяца		чер.	298,0	695	231	342,3	731,5	214	445,7	792,4	178	539,2	975,0	181	406,2	798,6	196
			тов.	190,8	415	218	185,3	403,4	218	259,9	410,7	158	315,9	554,6	176	238,0	446,1	187
5	Эмиссия за месяц		чер.	59,4	38,5	67	63·7	7,7	12	29,1	26,8	92	47,3	98,9	209	598,6	520,1	86,9
			тов.	38,7	24,1	62	34,4	3.8	11	16,8	13,8	82	27,6	56,2	204	352,6	294,1	83.4
	IV. Индексы цен																	
6	Оптовый индекс Госплана			154,5	167,0	108,1	183,9	180,7	98,3	171,7	193,5	112,7	172,2	176,9	108,5	170,2	179,2	105,3
	а) промышленный			238,3	196,4	82,4	221,8	191,6	86,4	203,2	190,1	93,6	201,6	191,6	95,0	215,7	192,4	89,2
	б) сельско-хозяйственный			100,2	142,0	141,7	152,4	170,6	111,9	145,2	193,9	133,5	147,0	163,5	111,2	134,2	166,9	124,4
	в) отнош. промышл. индек. к общему			154	118	76,6	121	106	87,6	118	98	83,1	117	108	92,3	127	107	84,3
	г) отнош. с.-хоз. индекса к общему			65	85	130,8	83	94	113,3	85	100	117,6	85	92	108,2	79	93	117,7
	д) раствор „ножниц"			238	138	58,0	146	113	77,4	140	98	70,0	137	117	85,4	160	115	71,9
7	Всесоюзный бюджетный индекс			168,9	195,6	115,8	201,3	202,1	100,4	207,6	215,9	104,0	205,2	194,4	94,7	195,7	202,0	103,2
	а) промышленный			265,1	245,0	92,4	260,3	228,9	87,9	245,0	221,9	90,6	245,3	216,7	88,3	253,9	228.3	89,9
	б) сельско-хозяйственный			115,1	167,5	145,5	168,8	187,1	110,8	186,3	212,2	113,9	182,5	183,0	100,3	163,2	187,5	114,9
	в) отнош. промышл. индекса к общему			157	126	80,3	130	113	86,9	118	103	87,3	120	111	92,5	130	113	86,9
	г) отнош. с.-хоз. индекса к общему			68	86	126,5	84	93	110,7	90	98	108,9	89	94	105,6	83	93	112,0
	д) раствор „ножниц"			233	147	63,1	156	122	78,2	132	105	79,5	135	118	87,4	164	122	74,4
8	Покупательная сила червонца по оптовому индексу Госплана			6,51	5,99	92,0	5,45	5,54	101,7	5,83	5,16	88,5	5,80	5,66	97,6	5,90	5 59	94,7
	По всесоюзному бюджетному индексу			5,91	5,12	86,6	4,98	4,95	99,4	4,82	4,63	96,1	4,88	5,16	105,7	5,15	4,96	96,3

Примечание: 1. Доходы и налоги даны по СССР включая ДВО и ЗСФСР.
2. По финансам, кредиту и денежному обращению данные предва

рительные.

Отношение розничных цен к оптовым в г. Москве в 1924/25—1925/26 гг.

(Оптовая цена = 100)

МЕСЯЦЫ	Сел.-хоз. тов. (5 тов.)		Пром. тов. (8 тов.)		Все товары (13 тов.)		В % % к одноимен. итогу 1924/25 г.		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	Сел.-хозяйств. товары (5 тов.)	Промышл. товары (8 тов.)	Все товары (13 товаров)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. В среднем за месяц									
1. Октябрь	143,3	149,1	163,8	152,0	149,1	149,9	103,9	92,8	100,5
2. Ноябрь	140,8	147,8	158,9	151,1	145,8	147,8	105,0	95,0	101,4
3. Декабрь	141,9	144,5	140,1	147,6	141,4	145,2	101,3	105,4	102,7
4. Январь	136,9	—	139,1	—	137,5	—	—	—	—
5. Февраль	139,1	—	140,4	—	139,6	—	—	—	—
6. Март	128,1	—	140,3	—	130,8	—	—	—	—
7. Апрель	122,0	—	133,4	—	125,2	—	—	—	—
8. Май	125,0	—	142,3	—	129,0	—	—	—	—
9. Июнь	138,7	—	140,3	—	139,1	—	—	—	—
10. Июль	134,7	—	141,5	—	136,3	—	—	—	—
11. Август	153,0	—	143,4	—	150,6	—	—	—	—
12. Сентябрь	151,1	—	150,2	—	150,8	—	—	—	—
В среднем за год	137,9	—	144,5	—	139,6	—	—	—	—

Примечания: 1. Отношение розничых и оптовых цен для 1913 г.—сел.-хоз. товары 121,6 промышленные товары 119,0, все товары 121,0.

2. Приняты цены на следующие товары: мука ржаная и пшеничная, крупа (пшено), мясо, масло коровье, масло растительное, сельди, сахар-рафинад, соль, ситец, керосин, мыло простое, спички.

3. Оптовые цены взяты по данным Кон. Совета Госплана, розничные—по данным Ц. Бюро Статистики Труда.

4. Цены взвешены по нормам и соотношениям групп товаров в бюджетном индексе Статистики Труда.

Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР в 1924/25 г. в червонных копейках

(Средние за месяц)

№№ по порядку	ТОВАРЫ \ МЕСЯЦЫ	Единица счета	1925 г. Октябрь	1925 г. Ноябрь
	1	2	3	4
	А. Товары, входящие в состав бюджетного набора			
1	Мука ржаная	пуд.	156,2	160,8
2	„ пшеничная	„	419,0	426,2
3	Крупа (пшено)	фунт.	7,7	7,6
4	Картофель	пуд.	55,6	62,6
5	Капуста (квашеная)	фунт.	2,4	2,7
6	Свекла	„	2,8	3,1
7	Лук репчатый	„	5,4	6,1
8	Мясо	„	18,2	17,6
9	Масло коровье	„	73,6	79,3
10	Молоко цельное	бут.	8,5	10,4
11	Яйца	шт.	3,7	4,3
12	Масло растительное	фунт.	28,7	27,2
13	Сельди обыкновенные	„	17,4	18,1
14	Сахар-рафинад	„	33,7	34,2
15	Соль	„	2,9	2,2
16	Сапоги простые	пара	1.677,8	1.717,3
17	Ситец	арш.	40,3	41,3
18	Полотно	„	88,5	81,2
19	Сукно гражданское	„	493,2	515,6
20	Керосин	фунт.	5,4	5,6
21	Мыло простое	„	20,7	20,6
22	Табак 2 сорт	„	289,2	288,3
23	Спички	кор.	1,6	1,6
24	Дрова	к. саж.	4.552,1	5.073,1
	Стоимость набора по СССР	—	1.534,6	1.590,2
	В том числе:			
	По I группе городов (столицы)	—	1.927,6	2.004,5
	„ II „ „ (крупн. города)	—	1.574,8	1.662,6
	„ III „ „ (средн. „)	—	1.474,3	1.522,1
	„ IV „ „ (мелк. „)	—	1.459,5	1.496,8
	„ V „ „ (сам. мелк. гор).	—	1.484,8	1.537,3
	Б. Товары, не входящие в состав бюджетного набора			
1	Хлеб печеный	фунт.	4,5	4,6
2	Крупа гречневая	„	7,9	7,9
3	Баранина	„	18,7	18,2
4	Сахарный песок	„	27,8	27,9
5	Галоши мужские мелкие	пара	360,3	384,9
6	Чугунная посуда	фунт.	19,7	20,1
7	Стаканы	шт.	15,0	15,3

Примечание. По данным Центрального Бюро Статистики Труда.

Заготовительные цены „Хлебопродукта"

(за пуд)

№№ по порядку	МЕСЯЦЫ	В червонных копейках								В товарных копейках							
		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень		Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	В среднем за месяц																
1	Июль	80	114	112	126	94	109	69	71	46,1	62,1	64,6	68,6	54,2	59,3	39,8	38,4
2	Август	91	93	119	124	96	73	69	76	51,7	53,8	67,7	71,7	54,6	42,2	39,2	43,9
3	Сентябрь	71	85	98	129	73	78	62	75	42,4	48,9	58,6	74,1	43,6	44,8	37,1	43,1
4	Октябрь	60	75	89	119	56	73	60	59	36,5	42,8	54,2	67,9	34,1	41,6	36,5	33,7
5	Ноябрь	62	—	90	—	55	—	66	—	37,3	—	54,2	—	33,1	—	39,8	—
6	Декабрь	65	—	92	—	67	—	81	—	38,0	—	53,8	—	39,2	—	47,4	—
7	Январь	69	—	110	—	72	—	97	—	39,7	—	63,3	—	41,4	—	55,8	—
8	Февраль	80	—	133	—	93	—	117	—	41,5	—	94,0	—	51,7	—	65,1	—
9	Март	108	—	161	—	121	—	126	—	57,3	—	85,5	—	64,2	—	66,9	—
10	Апрель	134	—	185	—	135	—	140	—	68,4	—	94,4	—	68,9	—	71,4	—
11	Май	138	—	182	—	144	—	136	—	71,1	—	93,7	—	74,2	—	70,0	—
12	Июнь	126	—	165	—	112	—	124	—	66,2	—	86,7	—	58,8	—	65,1	—
	В среднем за год	86	—	118	—	85	—	85	—	48,3	—	66,3	—	47,7	—	47,7	—
	В средн. за июль—октябрь	79	92	101	124	67	76	64	73	45,8	52,4	59,9	71,4	40,1	43,6	37,7	42,2
	В %%	100	116,5	100	122,8	100	113,4	100	114,1	100	114,4	100	119,2	100	108,7	100	111,9

Примечания: 1. Цены средние для районов заготовок „Хлебопродукта" и взвешены по сумме заготовок этих районов.
2. Пересчет в товарные копейки сделан по оптовому индексу Госплана.

Таблица № 2

Индексы квартирной платы и бюджетный индекс в среднем по СССР в 1924/25 г г (цены 1913 г. приняты за 100).

Исчислено Центральным Бюро Статистики Труда

Д А Т Ы	Бюджетн. индекс (24 товар.)	Индекс квартирн. платы	Бюджетн. индекс со включен. кв. платы
1924 г.			
1 января	181,9	49,0	167,9
1 февраля	199,2	47,5	183,3
1 марта	206,5	48,4	189,8
1 апреля	208,1	48,9	191,4
1 мая	212,2	49,5	195,0
1 июня	202,5	50,9	186,5
1 июля	207,6	52,3	191,2
1 августа	213,7	54,9	196,8
1 сентября	201,6	55,9	186,1
1 октября	191,2	56,7	177,0
1 ноября	194,8	59,1	180,5
1 декабря	197,8	60,3	183,3
1925 г.			
1 января	197,6	60,6	183,1
1 февраля	198,8	66,1	184,7
1 марта	204,5	63,9	189,6
1 апреля	213,6	63,3	197,7
1 мая	219,2	65,2	202,9
1 июня	214,3	64,3	198,4
1 июля	211,0	63,4	195,4
1 августа	193,5	66,8	180,0
1 сентября	186,8	72,3	174,2
1 октября	192,3	74,2	179,8
1 ноября	201,0	72,4	187,4

Примечание: Индекс вычислен по ценам на квартиру, полученным в результате текущей регистрации (см. табл. 1-ю).

Текущий учет квартирной платы показывает только оплату за площадь и не учитывает единовременных расходов.

При включении в бюджетный индекс весом для квартирной платы служила 1,2 кв. саж.

Таблица № 1

Квартирная плата (за площадь) в среднем по СССР в 1913—1924/25 гг. (в червонных коп. за кв. сажень)

Исчислено Центральным Бюро Статистики Труда

ДАТЫ	Квартирн. плата (1 кв. саж.)	ДАТЫ	Квартирн. плата (1 кв. саж.)
1913 г.	76,5		
1924 г.			
1 января	37,5	1 января	46,4
1 февраля	36,3	1 февраля	50,6
1 марта	37,0	1 марта	48,9
1 апреля	37,4	1 апреля	48,4
1 мая	37,9	1 мая	49,9
1 июня	38,9	1 июня	49,1
1 июля	40,0	1 июля	48,5
1 августа	42,0	1 августа	51,1
1 сентября	42,8	1 сентября	55,3
1 октября	43,4	1 октября	56,8
1 ноября	45,2	1 ноября	55,4
1 декабря	46,1		

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С 1 июля 1924 г. квартирная плата имеется только по провинции, без Москвы и Ленинграда.

Данные по СССР исчислены, исходя из оплаты помещения в столицах и провинции по бюджетному обследованию 1924 г.

По этим данным квартирная плата в столицах выше на 17%, чем в провинции. Учитывая вес столиц (I-я группа городов), имеем, что включение этих данных увеличит данные по провинции на 1,7%.

2. Сведения за 1913 г. показаны со включением расходов на ремонт и воду, исходя из норм расходования 1913 г. утвержденных Междуведомственной Индексной Комиссией в половинном размере. Оплата 1 кв. саж. составит со включением этих расходов 83,8.

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Сектора мирового хозяйства
Бюро Конъюнктурного Совета Госплана

под редакцией **С. А. Фалькнера**

№ 1 (11) **Январь 1926 г.**

СОДЕРЖАНИЕ БЮЛЛЕТЕНЯ № 1 (11)

А. Конъюнктура мирового хозяйства

(Сводная таблица показателей)

Б. Диаграммы

Движение цен некоторых чувствительных к конъюнктуре товаров.
Движение индексов курса ценных бумаг на Нью-Йоркской и Лондонской биржах.
Курс европейских валют.

В. Динамика отдельных отраслей

I. Сельское хозяйство

1. Посевные площади сбора табака в 1919—1925 гг.
2. Мировая продукция зерновых хлебов в 1923—1925 гг.

II. Промышленность

3. Движение строительных контрактов по 36-и штатам Соед. Штатов в 1919—1925 гг.
4-а. Строительство в Англии. Стоимость разрешенных к постройке зданий в 1911—1924 гг.
4-б. Строительство в Англии (стоимость разрешенных к постройке зданий по кварталам года в фунтах стерлингов) в 1923—1925 гг.
5. Строительство во Франции в 1919—1924 гг.
6. Строительство в Германии в 1922—1925 гг.
7. Мировая продукция свинца.

III. Транспорт

8. Судооборот главнейших стран.

IV. Потребление

9. Потребление кожи (обуви) по 14 странам.

V. Денежный и капитальный рынок

10. Чистая прибыль акционерных обществ Соединенных Штатов в 1924/25 г.
10-а. Дивиденды акционерных обществ в Соединенных Штатах в 1913—1925 гг.
11. Дивиденды в английской промышленности в 1924/25 г.
12. Балансы германских акционерных обществ в 1913—1924 гг.

VI. Государственные финансы

13. Репарационные платежи Германии (отчет генерального агента).

VII. Обобщающие показатели

14. Годовые показатели экономического положения Чехо-Словакии.
15. Годовые показатели экономического положения Венгрии.

Сводная таблица Сектора Мирового Хозяйства

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1925 год										
		Месячные средние				Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I. Промышленность																		
1. Общий объем продукции крупной промышленности. (Индексы в %% к 1913 г.)	а) Соед. Штаты [1]																	
	a) добывающ. .	100	103 0	142,0	132,2	130,1	134,4	144,2	122,5	127,9	125,7	142,0	142,0	147,2	153,9	136,6	—	—
	b) обрабатыв. .	100	119,7	141,0	133,9	130,4	132,7	144,6	136.3	151,7	152,9	150,5	148,1	151,7	143,4	145,8	—	—
	б) Англия [2] . .	100	80,9	88,8	90,9	93,9	93,9	91,6	91,6	91,6	87,0	87,0	87,0	81,2	81,2	81,2	—	—
	в) Франция [3] . .	100	—	96,9	111,6	109,8	117,4	127,9	111,0	116,8	109,8	108,5	109,8	111,4	111,6	123,0	—	—
	г) СССР [4]. . . .	100	—	35,0	48,1	57,3	62,8	65,2	66,9	70,5	70,4	70,6	72,6	66,2	72,6	85,6	94,1	86,6
2. Добыча угля (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	43.088	34.565	49.268	42.278	43.100	48.222	53.840	41.878	40.536	37.342	39.561	40.798	43.432	48.542	42.829	48.328	46.205
	б) Англия . . .	24.336	21.133	23.450	22.646	21.453	22.341	22.914	21.456	22.849	20.415	20.735	17.864	21.551	16.726	19.010	21.231	20.034
	в) Франция [5] .	3.654	2,595	3.140	3.675	3.599	3.770	4.084	3.731	4.056	3.835	3.754	3.799	3.851	3.791	3.967	4.186	—
	г) Германия [6] .	11.782	9.928	5.185	9.902	10.688	11.233	11.929	10.535	11.412	10.362	10.437	9.891	11.240	11.061	11.355	11.943	—
	д) СССР	2.642	865	1.075	1.259	1.322	1.397	1.383	1.447	1.465	1.065	1.043	1.254	1.264	1.272	1.562	1.901	1.888
	е) Мировой показатель. [7]	95.058	78.240	91.730	90.178	90.071	97.371	104.673	88.935	90.700	82.718	84.877	82.560	90.177	90.505	88.449	97.936	—
3. Добыча нефти (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты	2.880	6.462	8.489	8.197	7.830	7.874	8.278	7.517	8.405	8.544	9.469	9.273	9.363	9.303	9.027	8.939	8.576
	б) СССР	715	399	435	516	556	517	518	506	574	584	619	614	614	613	651	647	629
4. Выплавка чугуна (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты .	2.622	2.305	3.417	2.634	2.550	3.009	3.424	3.266	3.621	3.311	2.978	2.716	2.707	2.747	2.770	3.071	3.064
	б) Англия . . .	869	415	630	620	593	590	584	551	618	579	584	518	501	452	455	482	502
	в) Франция [5] .	757	440	453	638	634	665	669	637	689	686	706	703	724	713	711	739	—
	г) Германия [6] .	910	783	411	651	786	873	910	873	991	896	961	941	886	766	735	742	760
	д) СССР	351	17,0	32,5	62,2	75,7	89,1	92,0	89,7	108,8	107,3	123,8	129,0	125,6	142,4	145,6	157,5	153,0
	е) Мировой показатель [8]а.	6.160	4.328	5.383	5.141	5.121	5.759	6.213	5.927	6.637	6.162	5.957	5.522	5.399	5.274	5.280	5.699	—
5. Выплавка стали (в тыс. метрических тонн)	а) Соед. Штаты .	2.650	3,015	3.805	3.117	3.171	3.627	4.266	3.817	4.266	3,645	3.514	3.259	3.137	3.479	3.549	3.955	3.970
	б) Англия . . .	649	494	718	696	684	560	615	663	696	607	662	595	600	485	650	663	664
	в) Франция [5] .	581	373	415	576	558	605	608	569	607	587	596	600	625	617	632	668	—
	г) Германия [6] .	981	976	525	820	969	1.049	1.181	1.155	1.209	1.064	1.115	1.109	1.031	899,5	880	928	876
	д) СССР	354	29,8	61,7	33,8	123,6	139,5	148,6	141,4	161,1	147,8	173,4	173,3	156,9	170,2	196,4	225,6	207,7
	е) Мировой показатель [9].	5.797	5.284	5.982	5.952	5.714	6.165	7.465	7.001	7.727	6.796	6.841	6.406	6.167	6.248	6.541	7.163	—
6. Хлопчатобумажная промышленность	а) Соед. Штаты (потреблен. хлопка в тыс. кип) . . .	482	513	536	459	492	532	590	550	583	597	531	494	484	449	483	544	543
	б) Франц [10] выраб. хл.-бум. пряж.	—	17,14	17,49	17,37	16,65	18,55	18,76	17,27	18,87	18,11	17,19	17,75	17,47	18,13	18,53	—	—
	в) СССР в тысячах м/тонн.	25,30	4,86	6,45	9,78	12,34	13,96	14,65	14,91	15,37	15,95	16,00	17,77	12,87	17,20	20,90	22,32	20,10
	г) Англия [10-а] экспорт. хл.-бумажн. тканей в милл. *кв. м* . .	—	291,8	288,5	309,7	275,1	342,8	336,9	352,8	348,7	278,4	310,2	282,6	310,2	287,5	301,0	306,8	272,6

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1925 год										
		Месячные средние				Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
7. Судостроение. Строящийся тоннаж (в тыс. брутто тонн)	а) Соед. Штаты	148[12]	139[12]	42[12]	42[12]	—	42	—	—	41	—	—	68	—	—	70	—	—
	б) Англия	1.957[12]	1.469[12]	1.395[12]	1.297[12]	—	1.297	—	—	1.165	—	—	1.094	—	—	1.009	—	—
	в) Франция	229[12]	189[12]	111[12]	197[12]	—	197	—	—	187	—	—	169	—	—	150	—	—
	г) Германия	545[12]	416[12]	324[12]	355[12]	—	355	—	—	405	—	—	407	—	—	307	—	—
	д) Мировой показатель[11]	3.179[12]	—	2.580[12]	2.546[12]	—	2.470	—	—	2.397	—	—	2.370	—	—	2.207	—	—
II. Товарообмен. 1. Движение оптовых цен (в золотом исчислении) индексы: 1913 г.=100[13]	а) Соед. Штаты (Bradstreet)	100	133	143	141	147	151	151	150	149	145	148	150	155	153	154	155	156
	б) Англия (Economist)	100	146	152	158	170	175	174	174	171	167	166	161	165	165	164	161	160
	в) Франция (Statistique gén.)	100	139	130	135	137	142	143	141	138	138	140	134	136	136	136	132	125
	г) Германия (Stat. Reichsamt)	100	82[14]	95,1[14]	122,5	129	131	138	137	134	131	132	134	135	132	126	124	121
	д) СССР (Госплан)	100	—	135	174	168	172	178	183	195	197	191	190	175	173	174	175	179
2. Движение стоимости жизни. Официальные индексы: 1913 или 1914 г.=100	а) Соед. Штат.[15]	100	169	171	171	—	173	173	173	173	173	173	173,5	—	—	—	—	—
	б) Англия[16]	100	181	174	175	181	180	179	179	175	173	172	173	173	174	176	176	177
	в) Франция[16]	100	297	327	364	377	—	—	386	—	—	390	—	—	401	—	—	—
	г) Германия[17]	100	42[14]	59[14]	115	123	123	124	125[19]	126[19]	127[19]	126[19]	128[19]	134[19]	133[19]	132[19]	—	—
	д) СССР[18]	100	—	149	201	198	198	199	204	214	219	214	211	194	187	192	201	205
3. Внешняя торговля (ценность в милл. зол. ден. единиц). а) Привоз (только для потребления внутри страны)	а) Сеед. Штаты (доллары)	147,9	256,0	311,8	298,4	296,5	320,5	335,4	318,0	375,8	328,9	320,6	319,9	318,0	333,1	342,4	366,3	378,0
	б) Англия (фунт. стерл.)	54,9	68,3	76.6	86,3	101,3	116,0	113,6	94,4	98,2	96,4	89,5	100,3	87,3	78,1	87,0	95,0	100,8
	в) Франция (фр.)	701,8	835,1	848,6	903,9	933,1	1.153,5	886,3	916,7	888,9	820,2	795,9	738,6	738,1	802,3	1.052,9	1.026.7	942,3
	г) Германия (марки)	933,8	516,7	506,8	755,6	1.047,7	1.308,7	1.369,9	1.123,1	1.109,4	1.079,9	1.083,2	1.069,8	1.180,0	1.303,4	1.089,1	1.118,9	—
	д) СССР (руб.)[20]	101,7	22,5	12,0	18,2	16,7	20,6	17,7	24,8	31,6	36,1	47,9	34,9	36,5	27,0	43,2	48,5	38,7
б) Вывоз (только товаров внутренней продукции)	а) Соед. Штаты (доллары)	204,0	313,8	340,9	374,8	486,5	438,7	440,4	364,8	445,5	391,6	362,8	315,4	331,6	372,5	412,7	482,9	448,0
	б) Англия (фунт. стерл.)	43,8	54,6	60,1	60,2	64,9	67,2	67,9	67,9	69,0	60,0	64,0	58,8	64.7	60,9	60,5	66,7	60,7
	в) Франция (фр.)	573,4	720,4	790,0	933,7	938,0	1.132,2	995,3	1.030,7	1.011,4	983,2	975,9	865,8	847,8	792,8	939,0	1.003,4	1.144,8
	г) Германия (марки)	849,9	330,8	508,5	544,2	643,3	739,8	697,4	631,4	711,1	672,2	732,2	687,7	746,5	727,5	780,2	851,4	—
	д) СССР (руб.)[20]	118,4	6,8	17,2	25,2	22,4	23,7	23,2	20,3	21,8	18,8	21,7	32,0	26,7	38,0	47,5	55,4	36,9
III. Денежное обращение. 1. Количество всех видов денег в обращении в милл. ден. единиц (на конец месяца)	а) Соед. Штаты (долл.)[21]	2.575[12]	4.733[12]	4.951[12]	4.993[12]	4.994	4.993	4.752	4.804	4.776	4.725	4.774	4.734	4.720	4.784	4.827	4.901	4.972
	б) Англия (фун. стерл.)[22]	29,6[12]	398,3[12]	397,8[12]	397,6[12]	389,5	397,6	378,7	379,1	383,0	384,2	390,4	386,2	391,3	384,5	381,5	377,0	374,4
	в) Франция (фр.)[22]	5.714[12]	36.359[12]	39.114[12]	40.885[12]	40.447	40.885	40.516	40.729	40.904	43.050	42.703	43.800	44,496	45,445	46.354	46.689	48.085
	г) Германия (зол. мар.)[23]	6.070[12]	1.293,5[12] мрд. бум. м.	2.274[12]	4.274[12]	3.956	4.274	4.209	4.391	4.479	4.503	4.771	4.775	4.891	4.983	5.056	5.066	4.977
	д) СССР (черв. руб.)[21]	2.299,6[12]	117,5[12]	306,2[12]	742,5[12]	720,7	742,5	710,5	730,0	765,6	780,0	791,5	846,1	915,2	1.015,6	1.142,9	1.246,9	1.286,7

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1925 год.										
		Месячные средние				Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
2. Валютные курсы	а) Соед. Штаты																	
	б) Англия	100[22]	100 [19]	100 [12]	100[19]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	в) Франция	100[22]	95,2 [12]	89,3[12]	97,0[12]	95,2	97,0	98,3	98,0	98,1	98,5	99,7	99,9	99,9	99,8	99,6	99,5	99,6
	г) Германия	100[22]	37,6 [12]	26,9[12]	28,0[12]	27,3	28,0	27,9	27,4	26,9	26,9	26,9	24,7	24,4	24,3	24,5	23,0	20,6
	д) СССР	100[22]	0,06[12]	—	100[19]	101	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Индексы курсовой цен. данной валюты на Нью-Иоркской бирже.	е) Мировой показатель[23a]	100[22]	62,1	60,5	75,6	77,8	78,6	100,3	100,5	100,4	100,5	100,2	100,2	100,1	100,2	100,1	100,2	100,1
								79,1	78,9	78,9	79,0	79,5	79,9	79,3	79,4	79,5	79,4	79,2
3. Обороты расчетных палат	а) Соед. Штаты (Нью-Иорк, доллары)	7,89	18,16	17,83	20,82	22,43	25,63	26,72	21,06	23,35	22,85	23,85	24,02	23,40	20,22	21,77	26,65	25,11
	б) Англия (Лондон, фунт. стерл.)[5]	1,37	3,10	3,05	3,50	3,56	3,26	3,58	3,58	3,55	3,11	3,40	3,21	3,21	3,14	2,97	3,20	3,45
(в миллиардах денежных единиц)	в) Франция (Париж, франки)	1,53	13,14	19,89	30,76	22,98	27,13	23,91	24,65	29,17	27,89	25,29	33,90	29,45	24,28	24,72	39,81	42,10
	г) Германия (Рейхсбанк, зол. марки)	6,10	—	—	2,52	2,99	2,59	3,94	3,64	4,09	4,17	4,10	4,30	4,61	4,43	4,38	4,65	4,27
IV. Транспорт	а) Соед. Штаты																	
1. Погрузка железных дорог	(в тыс. груж. вагонов)[5]	—	3.601	4.150	4.044	4.223	3.760	3.857	3.921	4.003	4.031	4.207	4.285	4.211	4.648	4.655	4.799	4.265
	б) Англия	33,78	26,84	29,00	28,38	27,90	28,09	28,87	26,82	28,86	26,22	26,81	24,05	28,51	22,00	—	—	—
(Месячная—в милл. тонн, кроме Соед. Штатов)	в) Германия[24]	35,00	33,25	20,02[24a]	21,70	29,43	29,59	30,52	29,60	31,98	29,30	30,03	28,94	32,90	31,32	32,07	—	—
	г) СССР	13,09	—	5,07	5,85	6,28	6,10	5,99	6,02	6,99	6,35	6,48	6,79	7,06	8,04	8,84	9,94	9,16
2. Судооборот морских портов	а) Соед. Штаты	8.923	10:836	11.073	11.427	11.512	10.042	9.582	9.077	10.278	11.056	11.259	13.068	13.530	13.532	12.376	12.912	—
	б) Англия	9.741	8.590	10.149	10.045	10.063	10.136	9.624	8.568	9.515	9.300	9.940	10.186	10.618	9.631	10.099	10.788	9.866
	в) Франция	5.052	5.183	6.047	6.268	6.155	5.931	5.838	5.462	6.198	6.793	7.346	7.156	7.545	7.379	6.856	7.521	—
	г) Германия[24]	4.435	3.735	5.106	5.104	5.626	5.715	5.225	4.774	5.228	5.428	6.049	6.610	6 002	6.234	5.854	5.983	—
(в тыс. регистровых тонн).	д) СССР	2.599	308	428	500	1.229[25]	1.213[25]	1.015[26]	1.059[26]	1.493[27]	1.963[27]	2.275[27]	2.367[28]	2.678[27]	3.072[27]	3.342[27]	2.852[28a]	—
	е) Мировой показатель[30]	56.313[30]	54.093	60.786	64.145	67.050	66.429	62.406	58.983	65.939	66.225	71.228	73.007	74.488	73.979	—	—	—
V. Труд	а) Соед. Штаты																	
1. Безработица	(индекс числа занят. раб. в промышл.)	100[31]	89,4	101,1	91,3	88,3	90,4	91,0	92,6	93,3	93,1	91,9	91,1	90,3	90,9	91,9	93,3	—
	б) Англия %%[32]	—	14,0	11,6	10,3	11,0	10,9	11,5	11,6	11,4	11,2	11,2	12,2	11,5	12,5	12,0	11,4	11,0
	в) Герман. %%[33]	2,9	1,5	10,2	14,2	7,3	8,1	8,1	7,3	5,8	4,3	3,6	3,5	3,7	4,3	4,5	5,8	—
	г) Франция (в тысяч.)[34]	—	5,5	1,3	0,7	0,5	0,5	0,7	1,0	1.0	0,9	0,7	0,6	0,6	0,6	0.6	0,5	0,6
2. Реальная заработная плата	а) Соед. Штаты (шт. Нью-Иорк)[35]	100	118	126	128	126	128	128	127	129	125	127	127	127	128	—	—	—
	б) Англия[36]	100	107,9	99,0	101,1	98,9	99,4	100,6	101,1	103,4	104,6	105,2	104,6	104,0	103,4	102,3	102,3	101,7
Индексы в %%% к довоенной	в) Франция (углекопы)	100	104	107	106,3	100,9	—	—	100,8	—	—	102,7	—	—	—	—	—	—
	г) Германия:[37]																	
	а) необуч. рабочих	100	80,8[38]	79,5	6	91,2	94,2	96,5	97,6[39]	99,4	101,0	104,0	103,7	100,9	102,8	104,8	—	—
	b) обуч. рабочих	100	62,2[38]	62,2	85	84,1	86,7	89,4	90,4[39]	92,2	93,8	96,8	96,4	95,0	96,4	99,1	—	—
	д) СССР[40]	100	31,5	53,7	—	75,2	77,2	77,3	74,5	75,5	74,8	78,0	82,8	96,5	94,4	—	—	—

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г	1923 г.	1924 г.	1924 г.		1925 год										
		Месячные средние				Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
3. Стачки и локауты	а) Соед. Штаты																	
	А	—	1.083	1.506	1.227	59	40	90	85	83	153	155	104	—	—	—	—	—
	Б	—	1.608	774	654	34	7	15	37	49	42	34	20	—	—	—	—	—
А—число конфликт.	б) Англия . . .																	
Б—число участник.	А	1.459	576	628	709	72	65	58	64	80	70	81	79	78	75	69	80	72
(в тысячах)	Б	664	552	405	612	15	16	12	13	44	25	27	34	216	220	41	43	50
	В	9.800	19.850	10.670	8.320	134	92	67	85	161	122	202	281	1.857	2.850	410	440	575
В — Число потерян.	в) Франция. . .																	
человеко-дней	А	1.219	—	—	105	65	66	77	93	105	95	77	54	—	—	—	—	—
(в тыс.).	Б	229	—	—	20	14	11	7	14	9	10	6	10	—	—	—	—	—
VI. Денежный и капит. рынок																		
1. Учетный процент центральн. эмиссионных банков	а) Соед. Штаты.	3,5	4,21	4,43	3,6	3	3	3	3	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
	б) Англия . .	4,77	3,70	3,49	4,0	4	4	4	4	5	5	5	5	5	4,5	4,5	4	4
	в) Франция . .	4	5,08	5	6,0	6	7	7	7	7	7	7	7	6	6	6	6	6
	г) Германия . .	5,87	6,58	39,5	10,0	10	10	10	10	9	9	9	9	9	9	9	9	9
	д) СССР	6	12	10	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
2. Эмиссия ценных бумаг (в милл. долларов)	а) Соед. Штаты .	—	359,4	358,7	464,1	417,8	464,6	588,1	573,3	427,1	516,7	492,2	564,7	598,3	297,2	462,6	423,1	—
	б) Англия . .	100,7	215,7	109,0	89,3	102,0	130,2	235,1	170,4	111,7	102,1	241,3	135,6	90,3	12,9	163,3	127,8	—
	в) Франция . .	42,4	113,6	59,2	23,6	20,3	22,6	13,7	14,3	18,7	16,3	21,4	31,7	15,7	5,7	8,1	26,9	—
	г) Германия . .	24,5	3,7	2,4	5,4	2,7	4,8	18,6	9,6	37,0	10,4	14,4	11,8	20,5	10,1	10,6	25,7	—
А—Вся эмиссия	Мировой показатель[41] . .	—	587,1	568,3	628,4	569,8	671,6	929,7	808,5	651,2	705,0	817,4	824,9	789,8	344,3	—	—	—
	% Соед. Штатов к миров. показат.	—	61,2	63,1	73,9	73,3	69,2	63,3	70,9	65,6	73,3	60,2	68,5	75,8	86,3	—	—	—
	% Англии к миров. показателю .	—	36,7	19,5	14,2	17,9	19,4	25,3	21,1	17,2	14,5	29,5	16,4	11,4	3.7	—	—	—
Б—В—В том числе внешняя эмиссия (включая колониальн.)	а) Соед. Штаты .	—	56,9	22,9	84,1	113,2	127,8	55,0	114,3	59,4	49,8	20,4	135,8	160,8	35,0	85,1	85,8	—
	б) Англия . . .	80,1	54,1	49,6	49,9	43,6	72,2	17,6	39,3	31,0	16,3	95,4	10,3	54,6	7,0	3,7	46,7	—
3. Курсы акций Индексы	а) Соед. Штаты (Harward Econ. Service—20 акций)	—	—	94,9	99,5	108,2	114,2	122,2	121,1	120,9	119,8	126,1	128,8	133,6	139,6	144,0	149,9	153,9
	б) Англия—(Bankers Magazine)[42] .	—	113,8	119,3	121,3	126,2	126,9	129,0	129,2	127,2	126,9	125,6	125,5	124,2	127,1	126,6	129,5	132,2
	в) Франция (Lond. a. Cambr. Ec. Serv.—10 металлопр. акций)[43]	114,0	133,5	172,5	155,4	136	120	124	117	115	109	109	103	114	122	116	111	106
	г) Германия (W. u. St.—265 акций).	—	58,5	118,5	93,3	83,8	96,0	116,9	113,7	108,6	103,5	96,0	84,5	82,1	75,6	79,7	75,7	69,2
4. Банкротства (число)	а) Соед. Штаты .	1.336	1.888	1.597	1.643	1.471	1.911	2.340	1.654	1.654	1.667	1.572	1.437	1.451	1.353	1.284	1.407	1.468
	б) Англия . . .	294	423	451	427	432	418	440	432	513	369	475	451	479	315	352	—	—
	в) Германия . .	815	84	22	504	621	616	796	723	776	687	807	766	797	751	914	1.164	1.343

Примечания к сводной таблице.

[1] Индексы Survey of Current Business, перечисленные по основанию 1913 г. Изменение цифр, по сравнению с прежде опубликованными, объясняется изменением коэффициентов перечисления по новым данным Гарвардской Revew of Economic Statistics.

[2] Индексы London and Cambridge Economic Service, исчисляемые по кварталам.

[3] Индексы Société d'études économiques.

[4] По данным о крупной промышленности, подведомственной ВСНХ.

[5] В послевоенных границах (включая Эльзас-Лотарингию).

[6] В послевоенных границах (без Эльзас-Лотарингии, Саарской Области и Польской части Верхней Силезии). Для довоенной Германии месячная средняя 1913 г. составляла 15.843 тыс. метр. тонн угля, 1.397 тыс. метр. тонн чугуна и 1.429 тыс. метр. тонн стали. Цифры за 1924 и 1925 гг. по данным журнала „Stahl und Eisen".

[7] Добыча 12 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Нидерландов, Франции, Саарской Области, Германии, Польши Чехо-Словакии, Брит. Индии, Южной Африки и СССР.

[8] Продукция 10 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Франции, Германии, Швеции, Канады и СССР.

[9] по 11 странам: Соед. Штаты, Англия, Франция, Бельгия, Люксембург, Италия, Швеция, Германия, Польша, СССР и Канада.

[10] Приближенные цифры, исчисленные нами на основании данных Statistique générale de la France.

[10a] Экспорт хлопч.-бумажных тканей из Англии составляет около 80% общего итога ее продукции.

[11] По 14 странам: Соединенным Штатам, Англии, Ирландии, Английским колониям, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Дании, Германии, Данцигу, Японии и проч. странам.

[12] К концу года.

[13] Индексы на конец месяца, кроме Германии, для которой дана мес. средняя.

[14] 1922 и 1923 гг. в золотом исчислении по курсу доллара.

[15] Индексы на конец квартала (Соед. Штаты, 1913 г.=100) или месяца (Англия, июль 1914 г.=100).

[16] Квартальный индекс; 1 января—30 июня 1914 г.=100. Полный индекс г. Парижа.

[17] Месячная средняя; 1913/14 г.=100.

[18] На конец месяца; 1913 г.=100.

[19] Старый индекс; новый расширенный индекс, публикуемый с февраля 1925 г., составляет: в феврале—136, марте—136, апреле—137, мае—135,5, июне—138, июле—143, августе—145, сентябре—145, октябре—143,5, ноябре—141,4.

[20] Только по Европейской границе; в милл. руб. по ценам 1913 г.

[21] Все виды денег, включая звонкую монету.

[22] Только бумажные деньги: банкноты (Франция), банкноты и казначейские билеты (Англия).

[23] Паритет=100.

[23a] Индекс Wirtschaft und Statistik, взвешенный по доле участия отдельных стран и частей света в мировой торговле в 1913 г.

[23b] Месячные показатели, полученные путем умножения недельной средней за данный месяц на $4^1/_2$.

[24] В послевоенных границах без ж.-д. Эльзас-Лотарингии, в границах сети современных Reichseisenbahnen.

[24a] Неполные цифры вследствие оккупации Рура.

[25] По всем портам, кроме Ленинграда и портов Тихого Океана.

[26] Кроме портов Тихого Океана.

[27] Кроме Владивостока.

[28] Кроме Ленинграда и Владивостока.

[28a] Кроме портов Белого моря, Печоры и Мезени и портов Тихого океана.

[29] Исчислено по 28 странам: Соединенным Штатам, Великобритании, Ирландии, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Норвегии, Германии, Данцигу, Болгарии, Греции, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве, Чили, Японии, Сиаму, Британской Индии, Палестине, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканскому Союзу, Египту и СССР.

[30] Без судооборота Греции, Чили и Палестины.

[31] Данные Bureau of Labor Statistics, перечисленные по основанию июнь 1914 г.=100.

[32] % безработных среди застрахованных рабочих.

[33] % полных безработных среди членов профсоюзов.

[34] Число безработных, получающих пособие от государства.

[35] Исчислено по индексу стоимости жизни г. Нью-Йорка.

[36] Исчислено по индексам о номинальной плате проф. Боули (8 производств).

[37] До сентября 1924 г. исчислено по индексу стоимости жизни за период реализации платы (с 7 числа отчетного месяца по 7-е число следующего месяца), а за последующие сроки—по индексу соответствующего месяца.

[38] Средняя за апрель, июль, октябрь, ноябрь и декабрь.

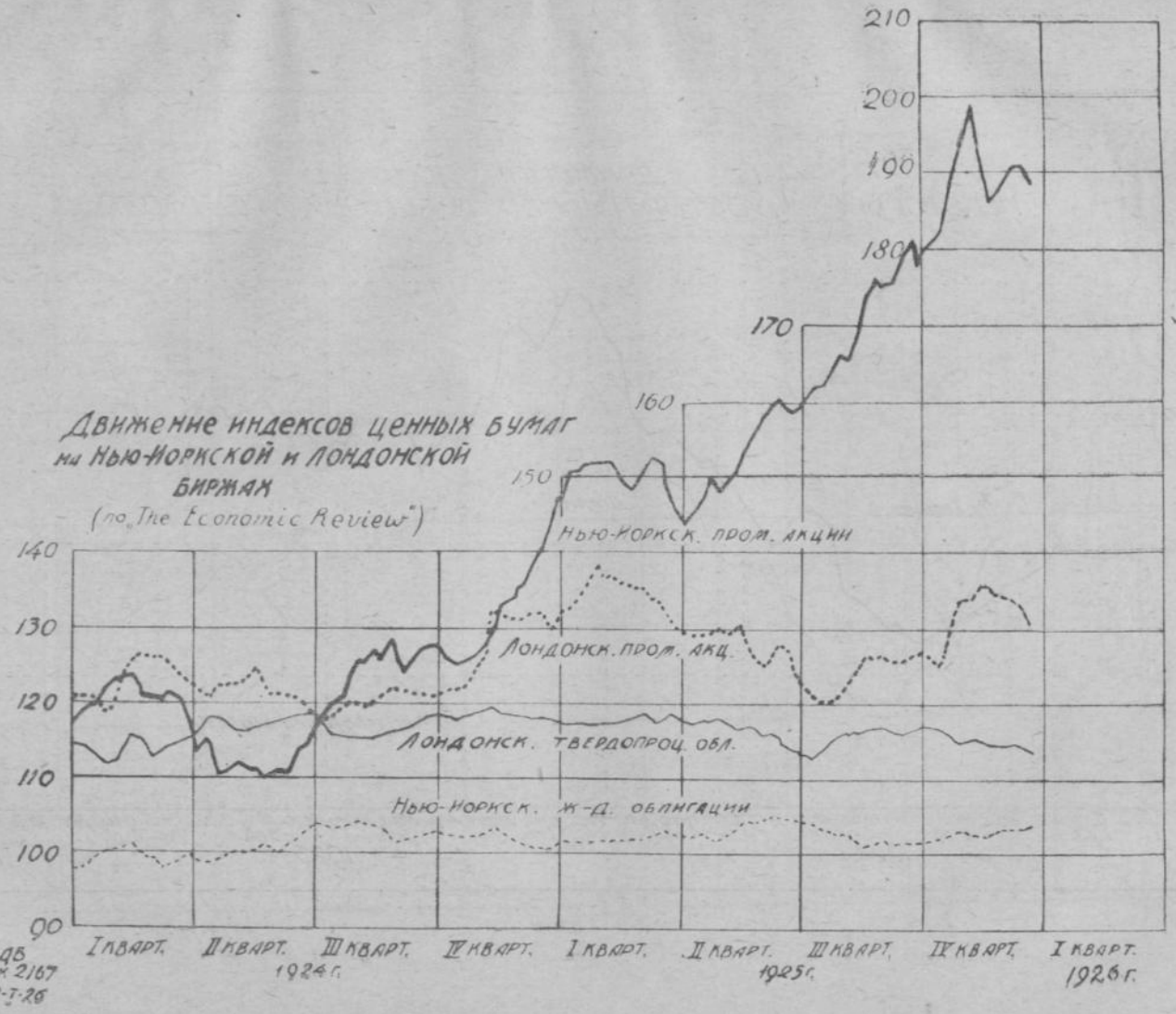
[39] По старому индексу стоимости жизни; по новому индексу (см. выше примечание 19-е), получаются следующие показатели уровня реальной платы: для необученных рабочих: февраль—90,0, март—91,85, апрель—93,7, май—96,4. июнь—96,1, июль 94,1, август—94,4; сентябрь—95,2, октябрь—96,52; для обученных рабоч.: февраль—83,4, март—85,2, апрель—87,0, май—89,7, июнь—89,4, июль—88,6, август—89,2, сентябрь—90,1, октябрь—91,4.

[40] Данные Ц. Б. Статистики Труда.

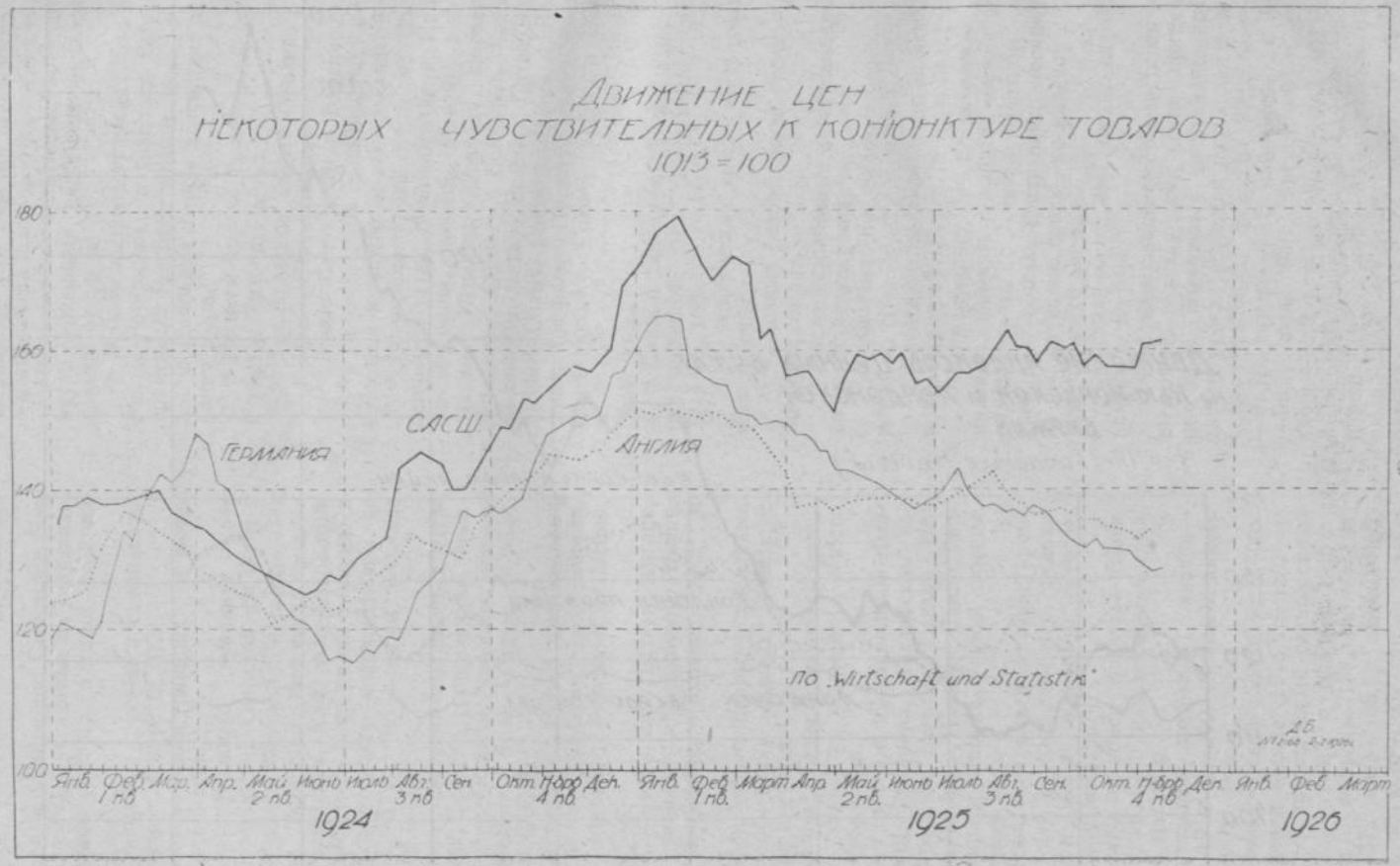
[41] Эмиссия 9 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Дании и Германии.

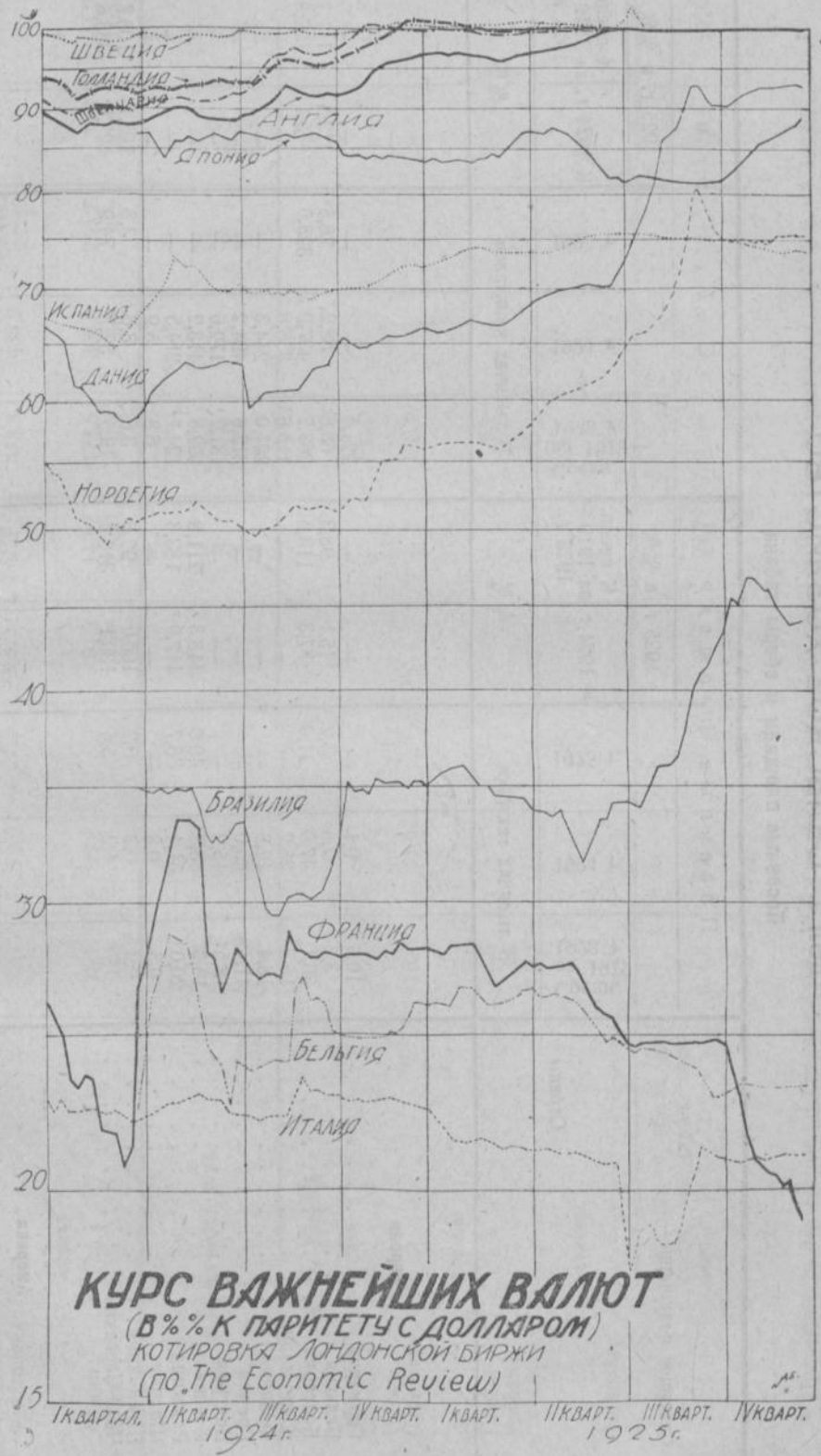
[42] Декабрь 1921 г.=100.

[43] Средняя за 1904—1913 г.г.=100.

ДВ
КН 2167
2-I-26

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН
НЕКОТОРЫХ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ К КОНЪЮНКТУРЕ ТОВАРОВ
1913 = 100
180
160
140
120
100
ГЕРМАНИЯ
САСШ
АНГЛИЯ
по „Wirtschaft und Statistik"
Янв. Фев. Мар. Апр. Май Июнь Июль Авг. Сен. Окт. Ноябр. Дек. Янв. Фев. Март Апр. Май Июнь Июль Авг. Сен. Окт. Ноябр. Дек. Янв. Фев. Март
1 п.б. 2 п.б. 3 п.б. 4 п.б. 1 п.б. 2 п.б. 3 п.б. 4 п.б.
1924
1925
1926

КУРС ВАЖНЕЙШИХ ВАЛЮТ

(В % % К ПАРИТЕТУ С ДОЛЛАРОМ)

КОТИРОВКА ЛОНДОНСКОЙ БИРЖИ

(ПО The Economic Review)

Таблица № 1

Отдел I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Посевные площади и сборы табака

Северное полушарие / Страны	Посевные площади					Сборы				
				1925 г. в %%					1925 г. в %%	
	Средн. за 1919—1923 г.	1924 г.	1925 г. *	К 1924 г.	К средн. за 1919—1923 г.	Средн. за 1919—1923 г.	1924 г.	1925 г.	К 1924 г.	К средн. за 1919—1923 г.
	В тысячах гектаров			%%		В тысячах квинталов			%%	
Европа										
Германия	10,6	9,1	—	—	—	221,5	—	—	—	—
+ Бельгия	3,2	2,8	3,2	115,1	98,3	68,6	68,2	76,5	112,3	111,7
+ Болгария	36,1	47,0	41,0	87,3	113,6	267,2	437,0	328,0	75,1	122,8
Юго-Славия	15,3[1]	35,2	—	—	—	115,6[1]	356,9	—	—	—
Франция	13,4	12,8	—	—	—	227,0	244,3	—	—	—
Греция	41,4[2]	60,0	—	—	—	312,6	494,2	—	—	—
Венгрия	18,5[1]	15,2	—	—	—	181,2[1]	172,6	—	—	—
Италия	18,9	33,8	40,0	118,3	211,8	192,8	413,2	—	—	—
Румыния	20,0[1]	31,4	36,7	117,0	183,3	124,7[1]	214,5	—	—	—
Швеция	0,3	0,3	—	—	—	6,8	5,9	—	—	—
+ Швейцария	0,2	0,3	0,2	100,0	92,6	3,6	3,6	3,8	105,1	106,7
+ Чехо-Словакия	1,7[1]	4,2	5,4	130,1	312,4	19,5[1]	57,7	74,9	129,8	383,6
Америка										
Канада	10,9	8,6	—	—	—	115,1	84,9	—	—	—
Коста-Рика	0,9[3]	0,8	—	—	—	—	3,1	—	—	—
+ С. Штаты	714,1	696,1	685,1	98,4	95,9	6.156,9	5.636,4	5.731,4	101,7	93,1
Мексика	5,2[4]	—	—	—	—	107,5[5]	—	—	—	—
Порто-Рико	16,0	9,6	—	—	—	106,9	60,3	—	—	—
Азия										
+ *Большой Ливан*	*1,2*[3]	*0,8*	*0,9*	*112,5*	*77,3*	*4,5*[3]	*7,2*	*8,0*	*111,1*	*177,8*
+ Япония	36,0	37,7	36,7	97,4	101,8	612,3	562,5	637,5	113,3	104,1
Корея	15,5	16,3	—	—	—	132,0	145,9	—	—	—
Формоза	1.0	—	—	—	—	13,3	—	—	—	—
+ Палестина	0,4[5]	2,7	1,2	45,2	313,6	5,3[5]	18,4	7,4	40,1	138,4
Филиппины	78,1	72,0	—	—	—	473,8	433,2	—	—	—
Африка										
+ Алжир	18,1	29,6	27,0	91,3	149,2	173,5	300,0	250,2	83,4	144,2
+ Тунис	0,3	0,3	0,4	126,7	125,0	3,5	3,9	3,5	90,1	100,9
Южное полушарие	Средн. 1919/20—1923/24	1924/25	1925/26	1924/25 = 100	Средн. = 100	Средн. 1919/20—1923/24	1924/25	1925/26	1924/25 = 100	Средн. = 100
Южная Америка										
Аргентина	10,2	8,3	—	—	—	122,4	—	—	—	—
Бразилия	82,6[6]	67,4	—	—	—	740,9	—	—	—	—
Чили	1,4	—	—	—	—	34,2	—	—	—	—
Парагвай	10,9	11,6	—	—	—	112,4	—	—	—	—
Африка										
Ниасса	6,5	—	—	—	—	22,7	—	—	—	—
Родезия	3,6	—	—	—	—	15,0	—	—	—	—
Ю.-Африк. Союз	9,2[7]	—	—	—	—	54,1[7]	—	—	—	—
Океания										
Австралия	1,0	—	—	—	—	8,1	—	—	—	—
* Итоги и общие индексы для стран, отмеченных (+)	811,3	821,4	801,1	97,5	98,7	7.314,9	7.094,9	7.124,2	100,4	97,4

* Предварительные данные. [1] Средняя 1920—1923 гг. [2] Средняя за 1919—1921 и 1923 гг. [3] Средняя за 1922/23 г. [4] 1922 г. [5] Средняя за 1921—1923 гг. [6] Средняя за 1919/20, 1922/23 и 1923/24 гг. [7] Средняя за 1919/20—1922/23 гг.

Источник: Bulletin de Statistique Agricole et commerciale. Rome, November 1925.

Мировая продукция зерновых хлебов в 1923—1925 г. *Таблица № 2*

(В миллионах квинталов)

ХЛЕБА	Средняя 1909—1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Пшеница				
Европа (24 страны)	365,4	337,5	283,8	371,6
Северн. Америка (3 стр.)	244,5	349,8	311,7	307,5
Аргентина	40,0	67,4	52,0	58,4
Азия (5 стран)	106,0	113,2	110,6	101,8
Африка (5 стран)	27,3	30,7	24,7	31,6
Австралия	24,6	34,0	43,9	27,2
Итого	807,8	932,6	826,7	898,1
СССР	205,0	—	104,0	180,0
Общий итог (40 стран)	1.012,8	—	930,7	1.078,1
Рожь				
Европа (22 страны)	245,6	204,4	161,2	232,2
Америка (3 страны)	9,9	22,9	20,0	18,0
Итого	255,5	227,3	181,2	250,2
СССР	189,0	—	176,0	208,0
Общий итог (26 стран)	444,5	—	357,2	458,2
Ячмень				
Европа (24 страны)	146,9	137,5	117,3	138,6
Америка (4 страны)	52,0	63,2	62,6	77,9
Азия (4 страны)	26,5	24,3	25,8	26.8
Африка (4 страны)	21,3	22,5	18,6	23,0
Итого	246,7	247,5	224,3	266,3
СССР	91,0	—	38,0	60,0
Общий итог (37 стран)	337,7	—	262,3	326,3
Овес				
Европа (23 страны)	267,4	248,8	221,9	242.1
Сев. Америка (2 стр.)	220,2	276,5	286,4	293,9
Аргентина	7,9	11,1	7,8	12,3
Африка (3 страны)	2,6	3,3	1,7	3,0
Итого	498,1	539,7	517,8	551.3
СССР	134,0	—	74.0	102,0
Общий итог (30 стран)	632,1	—	591,8	653,3
Кукуруза				
Европа (10 стран)	126,0	96,0	109,7	121,5
Сев. Америка (3 стр.)	727,2	804,8	649,0	785,0
Голландская Индия	12,8	15,5	17,0	15.5
Итого	866,0	916,3	775,7	922,0
СССР	14,0	—	24.0	45,0
Общий итог (15 стран)	880,0	—	799,7	967,0

Примечание. Сведения по СССР исчислены Римским институтом по данным ЦСУ. За 1923 г. полных сведений не имеется.

Источник: Bulletin de Statistique Agricole et Commerciale. Rome, Décembre 1925.

Таблица № 3

Отдел II.—ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Движение строительных контрактов по 36-ти Штатам Соединенных Штатов

ГОДЫ и МЕСЯЦЫ	Таргпредприятия		Промпредприятия		Жилстроительство		Строительство для нужд народного просвещения		Обществен. и полуобществен. учреждения		Предприят. обществен. польз.	ВСЕГО	
	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.	Тысячи доллар.	Тысячи кв. фут.	Тысячи доллар.
Месячные средние													
1919 г.	10.897	38.882	15.065	50.051	22.218	77.465	2.399	11.722	2.864	17.450	49.977	53.382	245.089
1920 г.	8.107	30,639	12.564	57.459	12.642	51.669	2.745	16.903	2.824	20.765	56.374	38.275	240.677
1921 г.	6.413	31.803	3.518	16.893	18.812	80.139	4.239	23.918	4.298	26.268	45.719	36.859	224.070
1922 г.	9.363	47.545	6.448	31.674	28.338	123.014	5.701	29.754	4.921	31.653	55 960	54.552	318.403
1923 г.	9.120	42.743	6.119	36.932	32.562	144.541	4.641	26.719	3.912	25.386	55.456	56.352	331.776
1924 г.	9.420	49.695	4.169	29.606	35.192	170,841	4.854	30.620	4.643	32.728	60.326	58.869	373.816
1924 г.													
Январь	7.778	38.393	3.795	24.769	37,945	170.185	3.114	18.519	3.225	21.705	28.381	56.624	301.952
Февраль	9.420	47.124	4.096	19.060	31.348	142.079	5.839	31.155	3.706	22.556	37.956	54.879	299.929
Март	11.455	64.432	4.744	24.763	49.838	227.461	5.748	34.062	6.017	40.726	44.895	78.326	433.340
Апрель	9.615	49.724	4.994	56.361	47.536	219.139	5.757	83.522	4.795	32.511	88.841	73.169	480.097
Май	11.232	56.380	4.625	28.901	39.755	185.419	6.908	40.582	5.812	39.283	68.708	68.784	419.273
Июнь	9.308	35.556	3.294	24 968	34.101	161.443	5.262	34.807	4.734	37.963	71.784	57.754	387.521
Июль	8.993	49.346	3 017	19.664	25.474	128.072	6.150	39.511	6.059	38.875	71.717	50.522	347.184
Август	8.361	41.151	3.967	30.380	27.998	148.232	4.401	31.771	4.968	37.613	65.296	50.767	354.443
Сентябрь	8.751	43.316	4.216	35.222	28.236	143.706	4.857	31.728	5.234	38.310	52.034	51.631	344.316
Октябрь	9.664	55.969	4.478	29.033	32.143	166.199	4.127	27.675	4.195	29.991	101.224	55.087	410.091
Ноябрь	10.038	55.255	4.101	34.373	34.779	191.319	2.825	18.311	3.181	22.947	57.455	55.258	379.660
Декабрь	8.424	38.696	8.705	30.776	33.153	166.839	3.254	25.797	3.785	30.259	35.620	53.625	327.986
1925 г.													
Январь	10.919	67.372	4.335	19.454	26.791	127.232	2.371	15.339	3.217	31.614	35.462	48.536	296.473
Февраль	7.467	38.825	3.308	20.767	27.850	136.023	3.809	20.278	3.746	30.501	52.865	46.861	299.260
Март	11.772	54.871	4.836	53.133	5.534	220.872	5.557	42.193	5.571	41.917	67.931	73.555	480.916
Апрель	12.261	63.969	6.496	46.568	51.453	256.414	5.203	33.155	6.431	51.433	95.432	82.565	546.971
Май	14.183	80.280	5.278	27.562	48.101	231.182	4.623	29.313	6.106	49.928	77.759	78.910	496.024
Июнь	13.713	92.152	3.973	25.161	42.988	208.583	9.002	64.585	6.597	57.214	92.916	76.755	540.610
Июль	13.153	67.166	5.643	58.148	49.081	224.713	7.645	57.572	—	48.586	72.743	—	528.928
Август	17.295	95.849	4.773	22.693	52.096	263.485	5.246	33.667	—	67.996	96.000	—	589.690
Сентябрь	13.262	80,172	8.643	43.298	46.790	250.417	4.744	35.217	—	59.445	79.668	—	548.217

Источники: По регистрации F. W. Dodge Corporation,—„Survey of Current Business"—Dep. of Commerce, Washington, 1925. Babson's Reports, Babson Park, Florida 1925.

Таблица № 4а

СТРОИТЕЛЬСТВО В АНГЛИИ в 1911—1924 гг.

Стоимость разрешенных к постройке зданий

Отдел II

(По 80 городам)

ГОДЫ	Жилые помещения	Фабрики и заводы	Магазины, склады и проч.	Церкви, школы и общественные постройки	Прочие строения	ИТОГО
	В фунтах стерлингов					
1911 г.	5.187.000	1.431.000	1.139.000	2 034.000	1.483.000	11.274.000
1912 „	4.276.000	2.376.000	923.000	1,612.000	1.656.000	10.843.000
1913 „	4.585.000	2.422.000	1.263.000	2.065.000	1.874.000	12.209.000
1914 „	4.617.000	1.997.000	1.168.000	1.723.000	1.715.000	11.220.000
1915 „	1.935.000	2.689.000	751.000	754.000	1.189.000	7.318.000
1916 „	631.000	2.697.000	461.000	211.000	1.266.000	5.266.000
1917 „	250.000	3.087.000	282.000	102.000	1.217.000	4.938.080
1918 „	212.000	2.774.000	450.000	91.000	1.729.000	5.256.000
1919 „	6.572.000	8.502.000	2.677.000	2.535.000	844.008	25.130.000
1920 „	21.953.009	11.030.000	3.404.000	3.286.000	156.000	45.829.000
1921 „	8.297.000	2.027.000	1.649.000	2.985.000	711.000	18.669.000
1923 „	17.182.000	2.061.000	2,250.000	2.330.000	5.270,000	19.093.000
1924 „	21.935.000	2.601.000	2.036.000	2.268 000	5.222.000	34.062.000
	В процентах					
1911 г.	46	13	10	18	13	100
1912 „	39	22	9	15	15	100
1913 „	38	20	10	17	15	100
1914 „	41	18	11	15	15	100
1915 „	27	37	10	10	16	100
1916 „	12	51	9	4	24	100
1917 „	5	62	6	2	25	100
1918 „	4	53	8	2	33	100
1919 „	26	34	11	10	19	100
1920 „	48	24	7	7	14	100
1921 „	44	11	9	16	20	100
1923 „	59	7	8	8	18	100
1924 „	64	8	6	7	15	100

Источник: Ministry of Labour Gazette.

Отдел II *Таблица № 46*

СТРОИТЕЛЬСТВО В АНГЛИИ в 1923—1925 гг.

Стоимость разрешенных к постройке зданий по кварталам года (в фунтах стерлингов)

(по 140 городам приблизительно)

ДАТЫ	Жилые дома	Фабрики и заводы	Магазины, склады и проч.	Церкви, школы и др. общ. учрежд.	Прочие строения	ВСЕГО
1923 г.						
1 кварт.	5.965.800	747.400	892.300	829.300	2.096.700	10.531.500
2 „	7.547.200	1.029.700	1.158.500	735.400	2.093.400	12.564.200
3 „	6.792.000	832.700	1.071.300	623.500	1.997.300	11.316.800
4 „	9.844.500	916.800	986.900	754.100	1.708.500	14.210.800
Всего	30.149.500	3.526.600	4.109.000	2.942.300	7.895.900	48.623.300
1924 г.						
1 кварт.	8.803.200	611.500	1.224.700	999.100	1.765.400	13.403.900
2 „	9.253.000	834.300	1.176.200	870.200	2.417.700	14.551.400
3 „	8.233.500	1.101.600	1.108.000	691.900	1.851.100	12.986.100
4 „	9.054.400	816.200	1.196.500	669.200	1.949.100	13.685.400
Всего	35.344.100	3.363.603	4.705.400	3.230.400	7.983.300	54.626.800
1925 г.						
1 кварт.	8.885.800	1.423.200	1.071.900	770.000	1.769.100	13.920.000
2 „	12.213.100	855.700	1.190.800	973.000	2.316.700	17.549.300
3 „	9.163.900	583.000	1.158.400	974.900	1.759.600	13.639.800

Исчислено по данным Ministry of Labour Gazette.

Отдел II

Таблица № 5

Строительство во Франции в 1919—1924 гг.

Даты	Париж		Лион
	Количество заявок на строительство	Количество этажей по заявкам	Количество заявок на строительство
Месячная средн.			
1919 г. (10 месяцев)	51	95	39
1920 „	63	109	42
1921 „	42	96	32
1922 „	67	180	44
1923 „	88	297	54
1924 „ (9 месяцев)	122	437	61
1924 г.			
Январь	109	395	39
Февраль	112	411	60
Март	156	539	59
Апрель	150	453	75
Май	127	460	80
Июнь	135	560	71
Июль	137	493	47
Август	88	287	53
Сентябрь	83	235	68

Источник: Исчислено по данным Bulletin de la Statistique Générale de la France, Paris, Octobre 1924.

Таблица № 6

Строительство в Германии в 1922—1925 гг.

По 86-ти городам с населением свыше 50.000 жителей

Даты	Число всех строений	В том числе	
		Число жилых строений	Число торговых, промышленных, обществен. и прочих строений
Квартальная средн.			
1922 г.	5.455 [1]	3.513 [1]	1.942 [1]
1923 „	5.652	3.564	2.088
1924 „	4.237	2.305	1.932
1924 г.			
I квартал	4.341	2.631	1.710
II „	3.080	1.544	1.536
III „	4.017	1.959	2.058
IV „	5.512	3.085	2.427
1925 г.			
I квартал	6.009	3.286	2.723
II „	6.082	3.458	2.624

[1] По 85-и городам.

Источник: Исчислено по данным Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs, Berlin.

Отдел II

Таблица № 7

Мировая выплавка свинца

(в метрических тоннах) [1]

Страны \ Годы	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
	1	2	3	4	5	6	7
Испания	198.772	125.685	125.998	122.998	96.998	109.998	140.000
Германия (включая Верхн. Силезию)	187.946	51.485	58.999	74.999	71.999	51.200	61.200
Бельгия	53.574	4.224	16.040	29.749	43.574	51.100	53.700
Франция	28.808	10.925	11.997	15.475	14.000	14.000	21.000
Австрия [2]	24.093	1.764	3.973	3.347	3.725	4.255	—
Италия	21.668	16.525	15.946	12.486	10.850	17.132	—
Англия	18.419	10.438	11.136	2.474	5.036	6.815	5.400
Греция	18.304	3.840	5.032	5.570	4.403	4.234	—
Польша (без Верхн. Силезии)	2.700	—	1.500	1.010	1.000	2.000	—
СССР	1.522	—	—	—	—	—	—
Швеция	1.235	911	899	559	379	200	—
Чехо-Словакия и Юго-Славия	—	8.766	6.683	7.008	10.724	12.200	—
Вся Европа	557.042	234.563	258.202	275.674	262.687	272.793	326.100
Соединенные Штаты	395.227	412.583	431.031	365.121	426.375	480.805	535.200
Мексика	61.982	78.623	85.207	60.646	120.818	167.141	161.300
Канада	17.075	19.870	16.499	31.190	41.587	48.896	78.800
Вся Сев. Америка	474.284	511.075	532.737	456.957	588.780	696.842	775.300
Остальная Ю. Америка	2.476	2.599	2.764	2.664	2.466	2.268	—
Аргентина	—	3.963	3.499	2.500	3.616	3.629	—
Вся Южн. Америка	2.476	6.563	6.263	4.664	6.082	5.897	11.600
Турция Аз.	13.806	1.000	1.000	8.845	5.400	1.400	—
Индия	5.928	18.821	24.203	34.234	39.842	46.483	—
Япония	3.776	5.770	4.179	3.138	3.239	3.000	—
Вся Азия	23.510	25.591	29.382	45.717	48.481	50.883	59.700
Австралия	114.492	84.054	6.933	57.217	107.105	124.749	127.600
Родезия	—	12.856	14.835	17.969	20.831	11.381	—
Тунис	—	10.324	11.407	12.620	13.115	14.292	—
Африка	—	23.180	26.242	30.589	33.946	25.673	22.100
Мировая выплавка	1.171.804	885.026	859.759	870.818	1.047.081	1.176.837	1.312.400

[1] С 1919 г. без Венгрии.
[2] Перечислено по данным, опубликованным в „Wirtschaftsdienst".

Отдел III.

ТРАНСПОРТ

Таблица № 8

Судооборот 23-х стран в 1913—1925 гг.

Нетто—тоннаж приходящих и уходящих судов в тысяч. регистр. тонн

СТРАНЫ / СРОКИ	1. Соед.-Штаты			2. Англия			3. Ирландия			4. Франция			5. Бельгия			6. Италия			7. Голландия			8. Швеция		
	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего[1]
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Средне-месячные																								
1913 г.	4.440	4.483	8.923	4.089	5.652	9.741	—	—	—	2.876	2.176	5.052	1.409	1.408	2.817	1.560	1.579	3.139	1.429	918	2.347	1.147	1.147	2.294
1919 г.	3.892	4.271	8.163	2.464	2.880	5.344	—	—	—	1.903	782	2.685	388	368	756	715	732	1.447	501	305	806	704	706	1.410
1920 г.	5.342	5.651	10.993	3.041	3.060	6.101	—	—	—	2.399	1.412	3.811	954	942	1.896	776	764	1.540	741	544	1.285	959	970	1.929
1921 г.	5.190	5.222	10.412	3.094	3.033	6.127	—	—	—	2.276	1.803	4.079	1.215	1.194	2.409	988	941	1.929	1.017	823	1.840	677	675	1.352
1922 г.	5.433	5.403	10.836	3.616	4.974	8.590	—	—	—	2.955	2.228	5.183	1.431	1.438	2.869	1.149	1.115	2.264	1.331	871	2.202	881	896	1.777
1923 г.	5.521	5.552	11.073	4.258[2]	5.891[2]	10.149	—	—	—	3.485	2.562	6 047	1.704	1.692	3.396	1.182	1.169	2.351	1.356	961	2.317	1.016	1.020	2.036
1924 г.	5.677	5.750	11.427	4.614[2]	5.431[2]	10.045	501	378	879	3.548	2.720	6.268	1.860	1.862	3.722	1.372	1.329	2.701	1.552	1.314	2.866	1.033	1.032	2.065
1924 г.																								
Январь	4.324	4.735	9.059	3.916	5.101	9.017	435	345	780	2.926	2.238	5.164	1.752	1.855	3.607				1.240	1.122	2.362	730	697	1.427
Февраль	4.545	4.600	9.145	3.459	4.868	8.327	442	296	738	2.825	2.046	4.871	1.617	1.656	3.273	1.297	1.264	2.561	1.182	1.122	2.304	603	606	1.209
Март	4.600	4.539	9.139	4.093	5.096	9.189	496	342	838	3.429	2.473	5.902	1.772	1.720	3.492				1.432	1.226	2.658	677	640	1.317
Апрель	5.107	5.308	10.415	4.067	5.289	9.356	460	369	829	3.427	2.507	5.934	1.768	1.792	3.560				1.511	1.504	3.015	864	889	1.753
Май	6.469	6.546	13.015	4.879	5.884	10.763	509	381	890	3.972	3.090	7.062	1.923	1.900	3.823	1.369	1.341	2.710	1.795	1.283	3.078	1.093	1.022	2.115
Июнь	6.311	6.060	12.371	4.873	5.290	10.163	529	374	903	3.641	2.975	6.616	1.751	1.692	3.443				1.632	1.072	2.704	1.284	1.248	2.532
Июль	6.637	6.630	13.267	5.305	5.790	11.095	536	404	940	3.853	2.954	6.807	1.848	1.907	3.755				1.596	1.299	2.895	1.275	1.327	2.602
Август	6.276	6.713	12.989	5.112	5.630	10.742	559	444	1.003	3.747	3.170	6.917	1.824	1.867	3.691	1.422	1.351	2.773	1.573	1.372	2.945	1.329	1.353	2.682
Сентябрь	6.395	6.479	12.874	5.010	5.694	10.704	525	401	926	3.846	3.109	6.955	1.982	1.881	3.863				1.611	1.356	2.967	1.241	1.275	2.516
Октябрь	6.492	6.804	13.296	5.113	5.861	10.974	543	444	987	3.951	2.953	6.904	1.997	2.058	4.055				1.420	1.521	2.941	1.168	1.170	2.338
Ноябрь	5.813	5.699	11.512	4.568	5.495	10.063	489	392	881	3.548	2.607	6.155	1.933	1.978	3.911	1.399	1.362	2.761	1.830	1.382	3.212	1.095	1.088	2.183
Декабрь	5.157	4.885	10.042	4.962	5.174	10.136	493	350	843	3.409	2.522	5.931	2.148	2.036	4.184				1.799	1.503	3.302	1.033	1.066	2.099
1925 г.																								
Январь	4.456	5.126	9.582	4.272	5.352	9.624	454	373	827	3.243	2.595	5.838	1.938	1.950	3.888				1.681	1.491	3.172	831	814	1.645
Февраль	4.527	4.550	9.077	3.818	4.750	8.568	450	379	829	3.021	2.441	5.462	1.767	1.869	3.636	1.461	1.430	2.891	1.464	1.346	2.810	732	718	1.450
Март	5.227	5.051	10.278	4.421	5.094	9.515	532	391	923	3.442	2.756	6.198	1.985	1.914	3.899				1.758	1.435	3.193	818	756	1.574
Апрель	5.434	5.622	11.056	4.325	4.975	9.300	485	355	840	3.774	3.019	6.793	1.852	1.871	3.723				1.753	1.453	3.206	912	844	1.756
Май	5.490	5.769	11.259	4.525	5.415	9.940	533	456	989	3.942	3.404	7.346	1.818	1.924	3.742	1.505	1.458	2.963	1.989	1.523	3.512	1.155	1.202	2.357
Июнь	6.690	6.378	13.068	5.121	5.065	10.186	507	417	924	3.890	3.266	7.156	1.940	1.836	3.776				2.120	1.452	3.572	1.406	1.419	2.825
Июль	6.698	6.832	13.530	4.973	5.645	10.618	578	450	1.028	3.925	3.620	7.545	2.056	2.053	4.109				1.900	1.692	3.592	1.430	1.470	2.900
Август	6.615	6.917	13.532	4.822	4.809	9.631	505	431	936	4.155	3.224	7.379	2.011	1.945	3.956	1.312	1.218	2.530	1.958	1.750	3.708	1.429	1.422	2.851
Сентябрь	6.137	6.239	12 376	4.865	5.234	10.099	—	—	—	3.468	3.388	6.856	2.099	2.080	4.179				1.816	1.572	3.388	1.375	1.305	2.680
Октябрь	6.340	6.572	12.912	5.061	5.727	10.788	—	—	—	4.108	3.413	7.521	—	—	—	—	—	—	1.810	1.685	3.495	—	—	—
Ноябрь	—	—	—	4.753	5.113	9.866	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

СТРАНЫ / К И	9. Норвегия			10. Германия			11. Данциг			12. Финляндия			13. Латвия			14. Эстония			15. Греция			16. Аргентина
	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришл	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло
	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
Средне-месячные																						
1913 г.	313	395	708	2.215[2]	2.220[2]	4.435	77	78	155	310	304	614	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1919 г.	211	186	397	—	—	—	45	47	92	140	140	280	29	28	57	—	—	—	27	206	233	—
1920 г.	238	283	521	—	—	—	82	81	163	208	208	416	40	38	78	53	52	105	309	331	640	—
1921 г.	186	290	476	1.318	1.296	2.614	131	134	265	181	182	363	65	65	130	75	75	150	400	394	794	—
1922 г.	241	381	622	1.858	1.877	3.735	119	119	238	254	255	509	108	107	215	89	89	178	407	360	767	581
1923 г.	266	341	607	2.531	2.575	5.106	142	143	285	288	288	576	120	119	239	91	90	181	402	368	770	639
1924 г.	290	403	693	2.551	2.553	5.104	136	137	273	287	289	576	125	124	249	83	82	165	451	409	860	—
1924 г.																						
Январь	241	285	526	2.153	2.152	4.305	107	114	221	70	102	172	93	102	195	48	52	100	544	379	923	763
Февраль	223	297	520	1.950	1.979	3.929	77	78	155	49	49	98	41	51	92	17	18	35	550	411	961	782
Март	293	309	602	2.049	1.753	3.802	135	126	261	38	32	70	47	44	91	17	16	33	496	508	1.004	1.004
Апрель	291	376	667	2.614	2.792	5.406	163	161	324	109	64	173	103	85	188	43	35	78	502	452	954	907
Май	250	498	748	2.841	2.932	5.773	176	197	373	245	206	451	161	173	334	111	126	237	490	347	837	985
Июнь	257	409	666	2.632	2.698	5.330	145	136	281	488	412	900	126	120	246	114	113	227	335	404	739	985
Июль	328	455	783	2.617	2.649	5.266	140	150	290	531	603	1.134	173	175	348	128	126	254	474	392	866	728
Август	310	446	756	2.673	2.680	5.353	90	94	184	530	529	1.059	176	176	352	136	137	273	481	374	855	837
Сентябрь	339	471	810	2.607	2.616	5.223	114	99	213	439	423	862	148	148	296	106	108	214	398	393	791	789
Октябрь	313	409	722	2.847	2.773	5.620	163	167	330	422	455	877	139	148	287	105	97	202	362	408	770	815
Ноябрь	306	455	761	2.799	2.827	5.626	166	161	327	362	372	734	146	142	288	89	88	177	379	383	762	660
Декабрь	333	426	759	2.879	2.836	5.715	160	165	325	160	227	387	142	125	267	83	72	155	397	453	850	777
1925 г.																						
Январь	232	426	658	2.595	2.630	5.225	121	129	250	78	87	165	118	144	262	54	64	118	437	230	667	822
Февраль	262	411	673	2.343	2.431	4.774	90	103	193	77	78	155	84	93	177	47	42	89	414	413	827	686
Март	304	586	890	2.731	2.497	5.228	139	123	262	90	82	172	89	78	167	49	49	98	539	502	1.041	814
Апрель	275	517	792	2.653	2.775	5.428	133	137	270	155	130	285	118	111	229	76	79	155	405	407	812	709
Май	246	501	747	3.007	3.042	6.049	127	139	266	409	358	767	125	133	258	124	126	250	442	386	828	703
Июнь	298	458	756	2.796	2.814	5.610	130	122	252	512	427	939	122	111	233	118	111	229	396	373	769	708
Июль	334	415	749	3.018	2.984	6.002	158	156	314	569	612	1.181	155	160	315	127	133	260	452	374	826	587
Август	352	455	807	3.104	3.130	6.234	174	179	353	627	589	1.216	135	134	269	130	128	258	428	399	827	—
Сентябрь	298	405	703	2.819	3.035	5.854	171	169	340	506	544	1.050	125	122	247	111	110	221	484	428	912	—
Октябрь	—	—	—	2.953	3.030	5.983	207	201	408	388	397	785	136	141	277	122	120	242	—	—	—	—
Ноябрь	—	—	—	—	—	—	200	184	384	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

СТРАНЫ / СРОКИ	17. Чили			18. Япония			19. Британ. Индия			20. Южн. Африка			21. Египет			22. Австралия			23. Нов. Зеландия			ПРИМЕЧАНИЯ
	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	Пришло	Ушло	Всего[1]	
	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	
Средне-месячные																						
1913 г.	—	—	—	2.060	2.075	4.135	565[5]	688[5]	1.253	446	440	886	471	468	939	448[6]	436[6]	884	—	—	—	
1919 г.	90	87	177	1.902	1.927	3.829	431	512	943	304	299	603	192	195	387	337	337	674	123	125	248	
1920 г.	124	125	249	2.178	2.216	4.394	547	585	1.132	340	344	684	337	334	671	396	395	791	172	165	337	
1921 г.	121	121	242	2.332	2.324	4.656	552	541	1.093	350	348	698	366	368	734	(8)381	(8)381	762	162	162	324	
1922 г.	134	134	268	2.988	2.969	5.957	565	610	1.175	374	368	742	392	395	787	(8)396	(8)386	782	149	149	298	
1923 г.	257	233	490	3.129	3.088	6.217	548	649	1.197	428	417	845	435	436	871	(8)404	(8)418	812	176	172	348	
1924 г.	266	276	542	3.562	3.608	7.170	574	700	1.274	415	395	810	494	498	992	(8)412	(8)412	824	184	186	370	
1924 г.																						
Январь	257	318	575	3.419	3.377	6.796	577	653	1.230	357	353	710	412	428	840	478	416	894				
Февраль	254	263	517	3.663	3.500	7.163	594	719	1.313	385	368	753	441	414	855	385	455	840				
Март	295	290	585	4.325	4.282	8.607	600	843	1.443	364	407	771	517	545	1.062	435	460	895	182	194	376	
Апрель	243	246	489	3.392	3.500	6.892	603	683	1.286	446	386	832	458	434	892	344	400	744				
Май	242	194	436	3.666	3.709	7.375	581	752	1.333	455	428	883	460	497	957	401	404	805				
Июнь	271	222	493	3.497	3.475	6.972	517	683	1.200	458	395	853	463	464	927	375	350	725				
Июль	281	251	532	3.472	3.481	6.953	514	664	1.177	431	414	845	544	539	1.083	398	438	836	183	188	371	
Август	205	401	606	3.238	3.440	6.678	557	640	1.197	380	394	774	523	553	1.076	365	366	731	180	158	338	
Сентябрь	246	235	481	3.448	3.511	6.959	510	643	1.154	456	357	813	530	508	1.038	421	341	762	177	194	371	
Октябрь	275	280	555	3.418	3.520	6.938	652	700	1.352	459	484	943	558	557	1.115	452	427	879	175	165	340	
Ноябрь	307	297	604	3.484	3.671	7.155	586	735	1.321	359	377	736	504	514	1.018	412	361	773	186	183	369	
Декабрь	315	316	631	3.723	3.823	7.546	596	687	1.283	431	377	808	512	520	1.032	480	530	1.010	220	176	396	
1925 г.																						
Январь	329	314	643	3.525	3.546	7.071	652	747	1.399	415	416	831	482	467	949	555	477	1.032	200	194	394	
Февраль	303	297	600	3.246	3.255	6.501	582	775	1.357	456	452	908	475	551	1.026	601	551	1.152	183	212	395	
Март	299	276	575	3.839	3.795	7.634	640	885	1.525	518	469	987	658	674	1.332	583	611	1.194	208	163	371	
Апрель	282	281	563	3.587	3.540	7.127	574	715	1.289	525	455	980	551	554	1.105	446	492	938	182	177	359	
Май	326	271	597	3.917	3.941	7.858	564	734	1.298	460	516	976	575	586	1.161	497	548	1.045	188	223	411	
Июнь	271	235	506	—	—	7.170	568	718	1.286	426	498	924	540	520	1.060	371	474	845	144	195	339	
Июль	235	279	514	—	—	7.170	557	634	1.191	474	423	897	587	592	1.179	406	351	757	173	176	349	
Август	270	283	553	—	—	7.170	518	614	1.132	—	—	810	614	618	1.232	424	431	855	179	157	336	
Сентябрь	222	219	441	—	—	7.170	583	615	1.198	—	—	810	580	581	1.161	—	—	824	149	147	1.296	
Октябрь	—	—	—	—	—	—	626	673	1.299	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170	168	338	

Источники: 1. Bulletin Mensuel de statistique société des Nations, Généve. 1925 г.
3. Recueil Mensuel de L'Institut International du Commerce. 1925 г. и друг.

1. С балластом. 2. С I/IV—1923 г. данные относятся к судообороту Великобритании и Сев. Ирландии с своб. госуд. Ирландии, исключая внешнюю торговлю последнего. 3. До 1922 г. по 12 портам; с января 1923 г. по 18 портам; с мая 1923 г. по 19 портам. 4. Включая каботаж 5. До 1919 г. год начинается с 1 апреля; 1920 г. календарный год, начинающийся с 1 июля с 1921 г. календарный год.

Таблица № 9

Отдел IV. ПОТРЕБЛЕНИЕ

Потребление кожи (обуви) по 14 странам

СТРАНЫ	Годы	Продукция	Импорт	Экспорт	Потребление	Потребление на душу населения (в парах)
		В тысячах пар				
1. Соединенные Штаты	1914	252.516	300	9.914	242.912	2,38
	1919	331.224	62	21.683	309.603	2,81
	1920	—	—	16 836	—	—
	1921	285.516	—	8.946	—	—
	1922	323.880	—	5.412	—	—
	1923	351.114	399	7.581	343.932	3,09
	1924	313.230	587	6.464	307.353	2,68
2. Великобритания и Ирландия	1913	108.000	2.500	17.500	93.000	2,26
	1924	705.000	—	11.500	95.000	2,14
3. Германия	1913	110.000	1.175	8.750	102.425	1,59
	1924	90.000	735	4.627	86.108	1,38
4 Франция	1913	49.000	1.492	275	50.218	1,26
	1921	50.000	391	510	49.881	1,27
	1924	55.000	—	100	54.250	1,37
5. Чехо-Словакия	1921	42.000	—	7.200	35.000	2,60
	1924	40.000	54	3.966	36.087	2,64
6. Испания	1913	30.000	15	1.500	28.515	1,31
	1919	36.000	11	4.200	31.811	1,59
	1924	30.000	21	450	29.571	1,38
7. Италия	1913	16.500	1.281	50	17.731	0,50
	1924	22.000	270	165	22.105	0,55
8. Польша	1924	20.000	4.000	—	24.000	0,90
9. Канада	1923	18.000	500	100	18.400	2,09
10. Швейцария	1922	5.500	510	2.100	4.000	1,05
	1923	6.000	900	1.620	5.280	1,33
11. Голландия	1921	5.200	3.500	170	8.536	1,26
	1923	4.600	2.241	67	6.774	0,95
12. Дания	1913	2.400	900	—	3.300	1,14
	1922	2.240	2.400	—	4.640	1,42
	1923	3.170	1.500	—	4.670	1,42
13. Норвегия	1922	2.000	150	24	2.126	0,83
14. Швеция	1913	5.000	40	8	5.032	0,80
	1923	5.700	300	60	5.940	0,99

Таблица № 10

Отдел V. ДЕНЕЖНЫЙ И КАПИТАЛЬНЫЙ РЫНОК

Чистая прибыль акционерных обществ Соединенных Штатов в 1924 и 1925 гг.

(В тыс. долларов)

ГРУППЫ ПРЕДПРИЯТИЙ	1924 год				1925 год		
	I кварт.	II кварт.	III кварт.	IV кварт.	I кварт.	II кварт.	III кварт.
А. Промышленность							
1. Автомобильн. пром. (10 компаний)	28.790	17.214	17.645	20.559	31.376	49.784	47.850
2. Химическая пром. (4 компании)	2.280	2.378	2.316	2.814	2.954	3.095	3.195
3. Горная промышленность (4 компании)	1.320	1.403	1.282	183	1.443	1.260	1.717
4. Пищевая промышленность (7 компаний)	10.372	11.604	12.832	10.386	10.628	13.532	14.442
5. Железодел. и сталелит. промышл. (8 компаний)	43.905	28.971	16.950	20.590	31.445	31.117	31.730
В том числе:							
U. S. Steel Corp	31.919	23.775	15.078	14.176	21.205	21.889	23.805
6. Кожевенная промышлен. (3 компании)	+ 136	+ 684	409	592	874	+ 352	311
7. Машиностроительная промышл. (3 компании)	1.062	662	648	853	1.045	1.309	1.170
8. Нефтяная промышл. (6 компаний)	13.227	9.909	9.096	7.233	13.206	17.673	16.267
9. Прочие отрасли пром. (5 компаний)	4.344	4.587	4.641	5.077	4.603	5.146	5.892
Всего по 9 групп. (50 компан).	105.165	88.665	65.821	68.287	97.574	122.564	122.573
Б. Железные дороги							
1 класса	302.800	299.257	412.346	418.316	309.713	346.558	438.000

Примечание. + Дефицит.

Источник: Babson's Reports.

Отдел V

Таблица № 10-а

Дивиденды акционерных обществ в Соединенных Штатах

(в тысячах долларов)

ГОДЫ и МЕСЯЦЫ	Промышлен. и разные	Железно-дорожные	Трамвай-ные	Всего
Средние месячные				
1913 г.	38.527	24.733	4.906	69.838
1919 г.	48.264	23.705	5.977	79.745
1920 г.	50.140	23.832	6.074	80.248
1921 г.	45.200	23.668	5.970	76.965
1922 г.	43.723	23.508	5.902	77.554
1923 г.	45.120	24.093	6.313	80.271
1924 г.	46.649	24.993	6.467	83.657
1924 г				
Январь	62.395	25.765	15.600	151.335
Февраль	41.900	28.130	6.650	76.680
Март	49.750	30.100	4.200	84.059
Апрель	58.375	24.200	9.150	92.725
Май	27.975	23.100	5.400	56.475
Июнь	39.075	22.050	3.900	65.025
Июль	55.300	29.350	9.950	107.750
Август	43.900	31.175	4.795	79.870
Сентябрь	40.250	16.150	4.515	60.815
Октябрь	62.110	24.350	9.400	95.860
Ноябрь	28.415	32.200	6.190	66.805
Декабрь	52.025	14.350	4.375	70.750
1925 г.				
Январь	64.415	27.170	16.825	158.580
Февраль	43.100	29.075	7.125	79.300
Март	51.875	31.250	4.825	87.950
Апрель	59.950	25.025	9.475	94.450
Май	29.600	24.075	6.050	59.725
Июнь	58.915	30.510	10.900	115.200
Июль	46.300	32.275	5.115	83.690
Август	44.900	17.250	5.375	67.525
Сентябрь	66.365	25.905	10.650	102.920
Октябрь	32 350	33.950	7.295	73.595

Источник: New-York Journal of Commerce.

Отдел V

Таблица № 11

Чистая прибыль английских предприятий в 1913—1925 гг.

Д А Т Ы	Капитал в фунт. стерл.	Прибыль в фунт. стерл.	% прибыли
Средние за квартал			
1913 г.	151.478.525	17.627.604	11,7
1921 г.	—	31.144.522	—
1922 г.	316.840.800	22.082.629	7,0
1923 г.	313.496.025	30.646.016	9,8
1924 г.			
1-й квартал	390.545.000	40.382.901	10,3
2-й квартал	517.002.000	51.292.944	9,9
3-й квартал	186.170.600	18.069.800	9,7
4-й квартал	260.143.703	29.616.628	11,4
1925 г.			
1-й квартал	404.258.351	45.306.369	11,2
2-й квартал	554.033.191	56.985.863	10,3
3-й квартал	189.651.020	18.626.799	9,8

Источник: The Economist. London.

Отдел V

Таблица № 12

Балансы германских акционерных обществ в 1913 и 1924 гг. [1]

ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА	Число акц. о-в	Балансы 1913—1914 гг. в 1.000 марок					Начинательные балансы 1924 года в 1.000 рейхсмарок					
		Акционерн. капитал	Действ. резервы	Облигации и ипотеки	Прочие обязат.	Фонд рабоч. и служащ.	Акционерн. капитал	Действ. резервы	Облигации и ипотеки	Прочие обязат.	Фонд рабоч. и служащ.
1. Сельск. и лесн. хозяйство	27	40.154	3.569	10.311	5.294	35	32.420	3.263	72	3.548	—
2. Горная промышленность	79	643.054	145.069	231.334	144.928	7.647	919.612	85.747	27.573	128.556	3.283
3. Предприят. связанные с горной промышл.	42	1.019.742	250.620	417.760	313.556	21.423	1.475.413	223.541	44.538	571.428	6.781
4. Каменоломни, обработка камня и силикатн. промышлен.	228	395.390	62.988	139.17[illegible]	110.165	5.985	468.435	39.718	7.066	60.355	1.200
5. Добыча железа и друг. металл.	79	481.059	111.718	123.71[illegible]	294.488	28.072	555.132	103.653	24.573	265.466	2.924
6. Производства, связан. с добычей металл.	15	49.657	10.689	11.23[illegible]	18.771	1.490	50.493	6.793	765	13.971	355
7. Доставка железа, стали и друг. металл. товаров	83	130.166	27.180	35.568	32.951	6.440	174.899	29.909	3.449	30.685	1.249
8. Машиностроение и судостроение	321	845.532	209.404	285.747	502.493	36.191	1.186.273	145.253	26.238	367.731	12.990
9. Электротехнич. промышл., точн. механика и оптика	69	620.492	185.771	306.602	202.712	30.261	633.187	88.284	39.102	167.107	7.844
10. Химическ. промышлен.	146	532.255	205.778	147.448	277.725	37.833	1.207.845	161.325	18.890	273.727	49.635
11. Текстильная промышлен.	248	508.109	121.233	143.461	281.283	28.550	657.536	88.472	10.779	269.701	12.572
12. Бумажная промышлен. и печатное дело.	144	235.838	59.514	95.630	115.316	4.547	223.698	24.787	9.760	47.527	1.168
13. Кожевен. промышлен.	26	61.365	14.946	21.557	47.686	1.272	87.863	3.957	661	25.044	175
14. Обработка каучука и азбеста	26	71.608	33.169	19.572	52.476	2.886	86.084	10.357	1.335	21.416	206
15. Деревообдел. промышлен.	53	70.386	10.350	23.325	34.948	1.567	81.633	5.775	2.043	18.200	398
16. Музык. инстр., произв. игруш.	13	18.170	3.298	4.731	7.485	136	29.500	5.140	530	5.229	104
17. Пищевая и вкусовая промышленность	553	786.442	164.121	394.84[illegible]	418.730	17.841	992.585	93.670	39.706	325.712	6.044
18. Швейная промышленность	17	35.625	5.915	5.77[illegible]	11.516	383	37.866	4.583	257	12.412	203
19. Строительное дело	44	87.384	15.821	26.294	55.388	457	67.146	6.132	2.553	12.098	1.130
20. Вода, газ и электричество	163	718.004	94.819	425.396	211.916	2.925	1.276.391	119.669	83.041	133.679	5.712
21. Торговля	443	3.463.473	1.001.631	11.310.058	10.678.058	58.146	1.362.008	327.267	290.642	2.513.479	11.324
22. Страхование	103	139.083	224.941	8.038	2.722.090	25.158	127.228	52.032	5.103	435.875	72
23. Пути сообщения	316	1.174.501	163.135	527.564	307.755	8.215	991.618	105.296	42.473	204.411	8.092
24. Гостиницы	42	55.505	18.207	137.553	20.777	31	62.449	10.264	7.784	10.818	—
25. Театр, музыка, спорт	27	11.341	634	11.779	3.035	44	6.544	1.892	912	635	48
26. Другие общества	40	20.102	2.504	18.960	2.190	271	18.566	1.621	1.350	2.209	21
Итого	3.347	12.214.537	3.147.024	14.883.327	16.867.732	327.861	12.812.424	1.748.400	691.095	5.921.030	133.530

[1] Начинательные балансы 3.347 акц. о-в, существующих с довоенного времени.

Источник: Wirtschaft und Statistik 14/XII 1925 г.

Таблица № 13

Отдел VI. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Отчет генерального агента по репарациям за период сентябрь 1924 г.—ноябрь 1925 г. [1]

НАЗВАНИЕ СТАТЕЙ	За первый год с сентября 1924 г. по август 1925 г.	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	За три мес. 2-го года репарацион. платежей
	В тысячах рейхсмарок				
А. Баланс поступлений и платежей					
Общая сумма поступлений	1.000.458	58.225	96.405	96.032	250.662
Общая сумма платежей	893.444	89.522	93.583	85.655	258.335
Остаток по текущему счету в Рейхсбанке в конце месяца	—	75.717	—	99.340	99.340
В. Поступления					
1. Поступило наличными от реализации „Займа Дауэса"	800.000	—	—	—	—
2. Пошлины	—	—	—	26.062	79.936
3. Поступило наличными процентов по репарационным облигациям от О-ва германских государственных железных дорог	200.000	28.011	75.863	50.000	100.000
4. За угольные поставки сверх репарационного счета Бельгии и Люксембургу	—	—	—	—	—
5. Курсовая разница и банковский процент	458	214	542	139	726
С. Платежи					
1. Платежи и поставки натурой государствам—кредиторам:					
а) Великобритании	189.863	16.644	18.811	18.279	52.217
б) Франции	396.579	40.592	44.457	43.225	120.434
в) Италии	60.374	6.386	5.523	3.390	15.299
г) Бельгии	93.487	9.198	7.299	7.234	2.662
д) Японии	3.809	0,2	—	—	0,2
е) Юго-Славии	30.081	2.229	4.620	2.670	9,519
ж) Разным государствам	14.801	1.182	1.704	1.248	4.134
2. Оплата содержания международных Комиссий	23.017	1.880	2.134	1.911	5.925
3. Оплата процентов и погашения по германскому долгу	77.530	11.410	7.826	6.730	25.966
4. Расходы по содержанию Бюро генерального агента по репарационным платежам	3.700	—	—	—	—
5. Дисконт за досрочные платежи Об-ва германских государственных железных дорог	203	—	1.211	967	2.178
Сверх того:					
Платежи в силу Reparation Recovery Act	180.262	17.558	19.031	19.737	56.326
Платежи на основании соглашения о Рейнской области	104.663	6.400	—	—	—

[1] Распределение платежей по Рейнскому соглашению между отдельными государствами и комиссиями дано на основании германской информации и подлежит в отдельных статьях исправлению

Источники: Magazin der Wirtschaft, 1925, Wirtschaftsdienst, 1925.

Отдел VII. ОБОБЩАЮЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Таблица № 14

Годовые показатели экономического развития Чехо-Словакии после войны

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
I. Сельское хозяйство	А. Главные хлеба и технические культуры							
	1. Посевные площади (в тыс. гектаров)							
	а) Пшеница	—	337	634	630	618	610	606
	б) Рожь	—	733	900	882	880	859	838
	в) Ячмень	—	361	692	653	675	687	678
	г) Овес	—	554	798	794	816	842	846
	д) Сахарная свекла	—	175	209	220	210	232	303
	2. Сборы (в тыс. квинталов)							
	а) Пшеница	—	4.183	7.175	10.528	9.150	9.859	8.774
	б) Рожь	—	8.315	8.368	13.649	12.979	13.549	11.363
	в) Ячмень	—	4.694	8.108	10.336	10.092	11.971	9.707
	г) Овес	—	6.691	8.659	10.754	10.386	13.308	12.042
	д) Сахарная свекла	—	36.364	47.805	40.717	52.401	60.244	83.744
	Б. Численность скота (в тыс. голов)							
	а) Лошади	—	—	592 [1]	—	—	—	—
	б) Крупный рогатый скот	—	—	4.391 [1]	—	—	—	—
	в) Овцы	—	—	987 [1]	—	—	—	—
	г) Свиньи	—	—	2.058 [1]	—	—	—	—
II. Промышленность	А. Добывающая промышленность							
	Добыча (в тыс. метр. тонн)							
	1) Каменный уголь	14.271 [2]	10.806	12.281	12.023	10.465	12.347	14.359
	2) Бурый уголь	[illegible]	173	[illegible]	21.335	19.174	16.266	20.507
	Б. Металлургическая промышленность							
	а) Продукция чугуна	1.048 [2]	649	695	543	345	750	1.050
	б) „ стали	1.237 [2]	786	973	918	640	1.0.0	1.350
	В. Хлопчато-бумажная промышленность							
	1) Число действующих веретен (в тыс. шт.)	—	—	1.604	2.733	2.868	3.056	—
	2) Потребление сырого хлопка (в тыс. кип) [4]	—	—	—	351	289	329	444
	Г. Продукция сахара сырца (в тыс. квинт.)	12.440 [2]	5.015	7.232	6.629	7.444	10.022	14.268
III. Товарообмен	А. Движение цен (месячные средние за год)							
	1. Индексы оптовых цен (основ.: июль 1914=100)	—	—	—	—	1.334	977	997
	2. Индекс розничных цен пищевых продуктов (основ.: июнь 1914 г.=100)	—	—	—	1.423	1.289	918	914
	Б. Внешняя торговля (специальная)							
	1. Вес в тыс. метр. тонн							
	Ввоз	—	—	—	3.991	3.194	4.191	5.666
	Вывоз	—	—	—	9.743	9.490	11.310	12.430
	2. Ценность (в милл. бум. крон)							
	Ввоз	—	6.552	23.380	22.258	12.650	10.221	15.859
	Вывоз	—	5.320	27.569	27.095	17.873	12.450	16.963
	3. Ценность (в милл. зол. крон).							
	Ввоз	—	—	1.844	1.380	1.506	1.491	2.312
	Вывоз	—	—	2.175	1.676	2.128	1.816	2.473

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
	4. Торговый баланс (% вывоза к ввозу)	—	81,2	117,9	121,4	141,3	121,8	107,0
IV. Денежное обращение и кредит	А. Денежное обращение (к концу года—в милл. крон).							
	1. Общая сумма банкнот в обращении (в милл. бум. крон) . .	—	4.723	11.289	12.130	10.064	9.599	8.810
	2. Запас золота Банковск. ведом. (в милл. зол. крон.)	—	—	20,0	61,9	101,0	133,4	133,4
	Б. Курс Чехословацкой кроны на Ньюиоркской бирже (средн. месячн.)							
	а) В центах за 1 крону	—	—	1,62	1,22	2,43	3,04	2,94
	б) В % к паритету (паритет=100) [5]	—	—	8	6	12	15	14,5
	В. Движение вкладов в сберегательных кассах (к концу года в милл. бум. крон) . .	—	5.339	5.887	7.311	8.705	10.421	11.354
	Г. Обороты Пражской расчетной палаты (в милл. бум. крон)	—	—	41.536	82.337	90.311	71.317	86.666
V. Труд	А. Безработица							
	Число безработных (в тысячах) (месячные средние)	—	—	—	88,6[6]	196,9[7]	281,9	119,2
	Б. Индекс реальной заработной платы [8] (в угольной промышленности)	—	—	—	106,9	98,7	116,2	
	В. Трудовые конфликты (стачки и локауты).							
	1. Число конфликтов	—	—	—	356	247	202	—
	2. Число участников	—	—	—	109.713	228.619	44.519	—
	3. Число потерянных рабочих-дней	—	—	—	1.949.120	2.530.667	521.534	—
VI. Денежный и капитальный рынок	А. Официальный учетный процент (месячные средние) . .	—	5	6	5,79	5,29	4,86	5,95
	Б. Эмиссия ценных бумаг (в милл. бум. крон—мес. средн.) .	—	—	—	161	98	48	31
	В. Банкротства							
	1. Число предприятий	—	—	—	416	2.865	3.634	2.446
	2. Пассив (в милл. крон)	—	—	—	—	1.750,6	1.607,5	646,0
VII. Народонаселение	А. Численность населения (на конец года, в тыс.)	—	13.500	13.600	13.730	13.850	14.000	14.150
	Б. Эмиграция (континент. и заокеанская)	—	—	33.335	33.436	38.860	32.115	25.667

[1] Данные переписи.

[2] Данные, исчисленные для современной территории.

[3] На 31-е июля каждого года, по данным International Cotton Federation.

[4] Годы: 1921/22 по 1924/25 с февраля по февраль по данным International Cotton Federation.

[5] Паритет: 1 крона=20,263 пент.; 1 доллар=4.93519 кр.

[6] Исчислено по данным за 4 месяца: март, июнь, сентябрь и декабрь.

[7] Исчислено по данным за 5 месяцев: декабрь 1921 и март, июнь, сентябрь, декабрь 1922 г.

[8] 1912 г.=100.

Источники: Annuaire Internationale de Statistique Agri ole, Rome; Statistiches Jahrbuch für das Deutsche Reich, Berlin; Bulletin Mensuel de Statistique Société des Nations, Genève. 1925.

Таблица № 15

Годовые показатели экономического развития Венгрии после войны

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г.[1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
I. Сельское хозяйство	А. Главные хлеба и технические культуры[2]							
	1. Посевные площади (в тысячах гектаров)							
	а) Пшеница	1.511	—	1.077	1.169	1.426	1.333	1.416
	б) Рожь	680	—	597	543	673	653	663
	в) Ячмень	525	—	512	479	463	455	408
	г) Овес	345	—	325	358	328	325	287
	д) Виноградники	219	—	190	210	216	219	222
	е) Сахарн. свекла	59	—	31	42	42	55	68
	2. Сборы (в тысячах квинталов)							
	а) Пшеница	19.950	—	10.322	14.347	14.895	18.427	14.035
	б) Рожь	8.042	—	5.143	5.880	6.388	7.944	5.615
	в) Ячмень	7.141	—	4.719	4.661	4.827	5.938	3.203
	г) Овес	4.405	—	3.238	3.188	3.274	3.986	2.281
	д) Виноградный сок (в тыс. гектолитр.)	1.998	—	2.450	3.476	4.614	4.697	1.368
	е) Сахарн. свекла	15.020	—	6.398	5.429	7.111	8.816	12.742
	Б. Численность скота (в тысач. голов[3]							
	а) Лошади	896	—	636	—	717	815	850
	б) Крупн. рог. скот	2.150	—	1.971	—	1.828	1.819	1.896
	в) Овцы	2.406	—	1.284	—	1.352	1.587	1.814
	г) Свиньи	3.322	—	2.524	—	2.473	2.133	2.458
II. Промышленность	1. Добыча камен. угля (в тыс. метрич. тонн)	10.274	—	4,469	6.120	6.356	7.709	—
	2. Продукция сахара - сырца[4] (в тыс. кгр.)		114	333	660	819	1.232	[illegible]
III. Товарообмен	А. Движение цен (на конец года)							
	1. Индексы опт. цен 1913 г.=100	100	—	—	—	—	791.500	2.346.600
	2. Индексы розничных цен пищев. прод. 1913/14 г.=100	100	3.578	6.993	4.289[5]	16.590[6]	773.226	2.180.000
	3. Индексы стоимости жизни рабочей семьи Дальноки-Коватса 1913/14 г.=100	100	2.435	4.696	6.072	25.624	502.292	1.675.830
	Б. Внешняя торговля							
	1. Вес (в тыс. метр. тонн)							
	а) Ввоз	—	—	—	2.328	3.352	3.754	4.514
	б) Вывоз	—	—	—	838	1.044	1.209	1.696
	2. Ценность (в милл. зол. крон)							
	а) Ввоз	—	—	417,3	520,7	539,4	422,9	702,8
	б) Вывоз	—	—	164,3	253,9	330,1	338	575
	в) Торгов. баланс (% ценности вывоза к ценности ввоза)	—	—	39,4	48,8	61,2	79,9	81,8
IV. Денежное обращение и кредит	А. Денежное обращение (к концу года)							
	1. Общая сумма банкнот в обращении (в милл. бум. крон)	2.494	—	14.308	25.175	75.887	931.337	4.513.990
	2. Запасы золота Национального Банка (в милл. зол. крон)	—	—	—	12,2	15,6	22,8	33,9
	Б. Курс венгерской кроны на Нью-Иоркской Бирже (средн. за год)							
	а) В центах за крону	—	—	0,035	0,021	0,0069	0,00092	0,000014
	б) (Индексы в %% к паритету)[7]	—	—	0,171	0,104	0,034	0,00455	0,000705
	В. Движение вкладов в почтов. сберегательн. кассах (к концу года—в милл. бум. крон)	—	734	1.109	1.477	1.687	2.278	10.705
V. Труд	А. Безработица (% безработных среди членов союзов)	—	—	—	—	—	8,1[8]	14,4[9]

Отрасли хозяйства	НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	1913 г. [1]	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
		1	2	3	4	5	6	7
	Б. Реальная заработн. плата (средняя часовая зарплата в металлич. и машиностроительной промышленности по индексу Дальноки-Коватса 1913/14=100)							
	а) Квалифиц. рабочих	100	26,61 [9a]	37,28 [9a]	53,98 [9a]	67,39 [9a]	61,91	—
	б) Неквалифиц. рабочих . . .	100	30,19	47,83	67,35	75,13	66,20	—
VI. Денежный и капитальный рынок	А. Учетный процент (годовые средние)	—	—	5 [10]	6	8	13,64	14,06
	Б. Число банкротств	—	—	6 [11]	34	31	15	58
VII. Население	А. Численность населения (в тысячах)	—	—	7.920	7.980	8.040	8.100	8.160
	Б. Движение населения Естественное (на 1.000 жителей)							
	Движение браков	—	—	13,6 [12]	11,7	10,9	9,5	—
	„ рождений	34,5	—	32,7	32,0	31.0	28,3	—
	„ смертности	23,5	—	22,2	21,3	21,5	19,2	—
	Прирост населения	11,0	—	10,5	10.7	9,5	9,1	—
	В. Эмиграция (в тыс.)	—	—	—	1.218	1.701	11.935	673
	Иммиграция (в тыс.)	—	—	—	1.709	1.022	222	323
	Баланс (превышение иммиграции (+) или эмиграции (—) .	—	—	—	+ 491	— 679	— 1.713	— 350

[1] В современных границах.
[2] Довоенные цифры относятся к средней за 1911—1915 г.
[3] Довоенные цифры—данные переписи 1911 г.
[4] Сахарные кампании с 1 сентября по 31 августа с 1919/20 по 1924/25 гг.
[5] Средняя за 1921 г.
[6] Средняя за 1922 г.
[7] Паритет: 1 крона=20,263 цент.; 1 доллар=493.519 крон.
[8] Средняя за март, сентябрь и декабрь.
[9a] Декабрь.
[9] Средняя за декабрь 1923 г. и март—декабрь 1924 г.
[10] *Конец* 1920 г.
[11] С июня по декабрь.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

№ 10 Бюллетеня Мирового Хозяйства

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
323	16	9 сверху	11.335	11.355
325	17	8 снизу	2.006,1	1.006,1
327	13	13 снизу	5.610	6.610
327	16	5 сверху	101,1	100,1
327	16	14 снизу	6.556	6.856,
327	16	13 снизу	5.834	5.854
327	16	13 снизу	3.342.27	3.342 „
329	13	3 снизу	1.737	1.437
341	1	1 сверху	—	95,3 ¹
342	6	5 сверху	62,4	462,4

В статье Ф. Р. Дунаевского „О своевременности индустриальной поправки к нашей сельско-хоз. политике", напечатанной в № 11 „Планового Хозяйства" за 1925 г., вкрались некоторые существенные опечатки, которые приводятся ниже:

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
33	6 снизу	общественных	общегосударственных
35	2 сверху	ЦК РКП	ЦКК КП (б) У
36	1 сверху	увеличения	увлечения
36	13 снизу	в мясе и земле	в мясе и масле
39	19 снизу	трудоспособность	трудность
40	5 снизу	24%	240%
40	5 снизу	30%	300%
40	4 снизу	1925	1935
42	1 сверху	существования	осуществления
50	13 снизу	коллективного	коллекторного
50	13 снизу	промышленного	производственного

Ленинградский Гублит № 8791. Тираж 7.000. Зак. № 255. Ответ. ред. Н. А. Ковалевский

Военная Типография Гл. Упр. Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10).

Р. С. Ф. С. Р. В. С. Н. Х.

ПРОВОЛОЧНЫЙ и ГВОЗДИЛЬНЫЙ ЗАВОД „КРАСНЫЙ ГВОЗДИЛЬЩИК“

ИЗГОТОВЛЯЕТ:

Стальные канаты, круглые, плоские всех размеров; **стальную железную проволоку**, светлую, отожженную, оцинкованную и луженую; **проволочные гвозди всех размеров, разные проволочные изделия**, как-то: сетки, маты и мебельную пружину; **заклепки, болты, винты, гайки**, черные и точеные; **фасонные и точеные изделия**, обручное железо до самых тонких и узких размеров.

Адрес: Вас. Остр. 25-я линия, д. № 8.

ТЕЛЕФОНЫ:

Директор Завода . . . . . 2-25-13 Материальный Отдел . . . 2-25-13 и 4-91-04
Техническая часть . . . . . 6-38-10 Управляющий Делами 89-11

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЗАВОДОВ МАССОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

„ТРЕМАСС“

ПРАВЛЕНИЕ в **Ленинграде**, ул. Желябова, д. № 19/8.

ПРОИЗВОДСТВО ЗАВОДОВ ТРЕСТА:

Тросы стальные всех конструкций. Проволока железная и стальная. Гвозди и заклепки всех размеров и сортов. Паро- и водопроводная бронзовая арматура, медные ванные колонки. **Аппараты для борьбы с вредителями Сельско - Хозяйственных Культур.**

ПРОТИВОПОЖАРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. Огнетушители пенные „Богатырь-Тремасс“, мотопомпы, авто-насосы и авто-лестницы и другие предметы противопожарного инвентаря; безопасная от взрыва посуда для легко-воспламеняющихся жидкостей.

Проектирование и установка систем водоснабжения, отопления и вентиляции.

Спринклерные установки „Гриннелля“.

Кипятильники и холодильники сист. „Я. Борю“. Соединители „Джексона“. Вилы, лопаты, топоры, колуны, петли. Столовые приборы белого металла и латунные высеребренные ножи, вилки, ложки.

Прием заказов и продажа изделий в Коммерч. Отд. Правления Треста.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА—Москва, Рождественка, д. № 8.

Издательство „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАН СССР.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

Журнал „**ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО**“ под общей редакцией Л. Б. Каменева и Г. М. Кржижановского. М. 1925 г. № 1 — 12. Цена в переплете 1 р. 75 к.

БЮЛЛЕТЕНЬ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ.
Ред. А. М. Михайлов. М. 1925 г. № 1—16. Цена номера 30 к.

ОБЗОР СОЮЗНОЙ и ИНОСТРАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ.
Под общей ред. Д. Бухарцева и А. Михайлова. М. 1926 г. № 1—2. Ц. 75 к.

Трест „Т Э Ж Э“

ПРОИЗВОДСТВО

Стоимость оборудования силовых установок и технических сооружений Треста „Жиркость“, организованного осенью 1921 г., составляла на 1/X 1924 года 2.560 руб.

За первое полугодие 1924/25 г.г. выработка продукции равна 25.896 тыс. рублей, то-есть 146,8% полугодовой довоенной выработки или почти в 11 раз больше, чем в 1921/22 гг.

В то время, как производство свечей только приближается к довоенному уровню (88,2%), глицерин дает уже 120%, туалетное мыло—155,8%, хозмыло 172,2% пудра—236%, а косметика—273,2% по отношению к довоенной выработке. Что же касается парфюмерии, то она плетется в хвосте остального производства и дает лишь 62% довоенной выработки.

ТОПЛИВО

В отношении снабжения топливом, за время работы Треста, произошли резкие изменения. Так, по годам снабжение выразилось следующими цифрами:

	1921/22 г.г.	1922/23 г.г.	1923/24 г г.	1924/25 г.г.
Дрова	1.052 с.	5.673 с.	1.143 с.	
Нефть	48.575 п.	83.382 п.	60.966 п.	101.448 п.
Кам. уголь	350.766 п.	309.165 п.	213.855 п.	541.253 п.
Торф	1.466 п.	—	—	—
Лузга	—	—	171.754 п.	230.154 п.
Кокс	—	—	7.925 п.	—

РАБОЧАЯ СИЛА.

Достижения Треста в отношении роста числа рабочих и служащих и роста годовой выработки продукции в расчете на одного человека представляются таковыми:

1913 г.			1921/22 г.			1922/23 г.			1923/24 г.			1924/25 г.		
Колич. чел.	Выраб. на 1 чел.	%	Колич. чел.	Выраб. на 1 чел.	%	Колич. чел.	Выраб. на 1 чел.	%	Колич. чел.	Выраб. на 1 чел.	%	Колич. чел	Выраб. на 1 чел.	%
—	13037	100	1116	43307	33	1534	7232,2	55	2648	7548,5	60,4	4575	11500	88,8%
300	—	—	231	—	—	236	—	—	240	—	—	331	—	—

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА.

Трест вынужден был произвести крупные затраты на дооборудование, переоборудование и улучшение производства, так как повышение производительности труда в значительной мере зависит от этих мероприятий.

Вот главнейшие из них.

1) Оборудована новая водородная установка на гидрогенизационном отделении завода „Стеол“, дающая возможность вырабатывать вместо прежних 5—6 тыс. пудов в месяц 40 тыс.

2) Полученный саломас высокого титра позволяет вырабатывать стеарин прямо после расщепления и дистилляции жиров без отжимки.

3) Вместо старого костообрабатывающего завода № 3 построен новый, большой, хорошо технически оборудованный с производительностью в 1.200.000 п. переработки кости в год.

4) Переданный Тресту завод „Трансмиссия“ оборудован новыми станками и на нем заново организован котельный цех. Вся работа завода значительно расширена.

5) На заводе № 4 приспособлены новые помещения для отделки товаров, более соответствующие растущим размерам производства.

6) На заводах № 4 и № 5 произведен ряд улучшений в пудровых отделениях, дающих возможность улучшения качества и увеличения количества выработки пудры.

В ближайшее же время Трестом намечено улучшение производства по ряду предприятий.

Кроме того, во второй половине операционного года предположено значительное расширение производства. Общая выработка за второе полугодие, включая и товары внутреннего оборота, предположена 25.000.000 руб. Выработка же товаров для продажи в 200.000.000 руб. Общая выработка за весь 1924—25 г. предположена в сумме 45.000.000 руб., или 15% задания, а выработка товаров для продажи—37.000.000 руб., то есть 175% задания.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОДУКЦИИ

Торговый аппарат Треста не ограничен центральным аппаратом, а разветвлен по периферии, где имеются конторы и отделения, занятые реализацией продукции Треста и одновременно ведущие заготовительные работы.

В настоящее время Трест имеет:

контор и отделений	11
и их филиалов	7
при них магазинов	41
ларьков	3

Намечен к открытию еще филиал Курского Отделения в Туле. Из этого числа в Москве 9 магазинов, ремонтируются и будут открыты в ближайшие дни еще 4 магазина. Всего предположено иметь в Москве 25 магазинов.

В торговой деятельности Треста все большее место начинают занимать отделения и конторы, обороты которых в текущем году почти удвоились и достигают 80% общей торговли Треста.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕСТА

Трест почти с начала своего существования начал давать прибыль, которая возрастала следующим образом:

1922 г.	108.078 руб.
1923 „	681.650 „
1924 „	1.703.420 „

Прибыль прошлого года распределялась так:

В резервный капитал	306.615 руб.
В фонд улучшения быта рабочих	293.263 „
Промышленный фонд	306.615 „
Местный бюджет	689.585 „
Подоходн. налог	107.342 „

В текущий операционный год Трест предполагает получить значительно большую прибыль.

ЗАВОД ВРАЧЕБНЫХ ЗАГОТОВЛЕНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДСНАБТОРГА.

Ленинград, Аптекарский пр., д. № 5. **Телефоны:** 116-36, 241-76 и 142-89.

Завод Врачебных Заготовлений организован 1 июня 1925 года в арендованном Медснабторгом помещении Аптечного Отдела Завода „КРАСНОГВАРДЕЕЦ".

В состав Завода входят: а) бывш. Химико-Фармацевтическая Лаборатория и б) Центральный Аптечный Склад Медснабторга, помещавшийся ранее на ул. Плеханова, д. 12.

Задачей производственной части Завода является выработка, по заказам Медснабторга, галеновых и химико-фармацевтических препаратов, которые передаются ею на Центральный Склад. Последний же, по заданиям Медснабторга, снабжает медицинскими товарами все его аптеки, лечебные учреждения Губздравотдела, Оптово-розничный Склад и магазины санитарии и гигиены.

За последние полгода, в связи с организацией производства в заводских условиях, выпуск собственных товаров Медснабторга значительно возрос, благодаря чему у него явилась возможность снабжать медицинскими товарами не только лечебные и медицинские учреждения г. Ленинграда и губернии, но всей Северо-Западной Области и других губерний.

Продажа товаров Медснабторга производится в его Оптово-Розничном Складе (ул. Гоголя, 11), во всех аптеках и магазинах санитарии и гигиены.

„СЕВЗАПЛЕС"

Государственный Крестовский Лесопильный Завод имени тов. КАЛИНИНА.

При заводе имеются ящичная мастерская и строгательное отделение.

Адрес: Ленинград, Б. Зеленина, 43. Тел. 542-90.

Лесные биржи:

1. При заводе . . . . . „ 561-02.
2. Рыбацкая ул. 13 . . . . . „ 104-21.

На складах всегда имеются в неограниченном количестве пиломатериалы, бревна и строганые лесоматериалы из первосортных бревен Олонецких заготовок.

Прием заказов на специальную распиловку досок по специальным размерам.

Прием заказов на изготовление всевозможных ящиков.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОКСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕСТНЫМ ФЛОТОМ В. Г. Р. П.

ТОВАРО-ПАССАЖИРСКИЙ ФЛОТ

По производственному плану на 1925 г. предусматривались следующие товаро-пассаж. линии:

Местные:	1) Нижний—Рязань	5 раз в неделю	5 пароходами
	2) Нижний—Муром	ежедневно	3 „
	3) Нижний—Вязники	3 раза в неделю	1 пароход
	4) Москва—Рязань	3 „ „	2 пароходами
	5) Вязники—Шуя	3 „ „	1 пар. с двумя тезянками
Пригородные:	1) Нижний—Доскино	2 раза в сутки	1 пароход
	2) Москва—Дорогомилово	через каждые 1½ часа .	4 пар. барказа
		Всего . . .	17 пар., общ. мощн. 2.774 инд. с.

Перевозки предусматривались в следующих количествах:

пассажиров по всем линиям . . 553.650 чел. при ср. пр. 82 в.= 45.787 тыс. пасс. верст
грузов и багажа по всем линиям . 2.972.100 пуд. „ „ „ 144 в.=427.591 „ пудоверст.

Предварительные данные по выполнению этого плана дали следующие количества:

Перевезено пассажиров	Пассажир. верст в тысячах	Перевезено груза и багажа	Пудоверст в тысячах
629.823	56.560	5.298.630	999.856

Таким образом против плана более пассажиров . . . 76.173 чел. 10.773 тыс. пасс. верст
„ груза и багажа . . 2.326.530 пуд. 572.265 „ пудоверст.

Качественные результаты этой работы находятся в стадии подсчетов, но во всяком случае при той нагрузке флота, которая была в истекшую навигацию, их можно считать удовлетворительными.

Из новых линий обращает на себя внимание линия Вязники—Шуя по системе реки Тезы. Введена она вследствие открытия Южской фабрики Иваново-Вознесенского текстильного треста, предоставив таким образом крестьянам и рабочим прибрежной полосы дешевое и скорое сообщение с городами Шуя и Вязники, вместо дальнего объезда по железной дороге или гужевым сообщением.

Следует также обратить внимание, что развитие пассажирооборота и грузооборота на р. Оке стоит в прямой зависимости от развития местной промышленности, из которых существенным является Павловский район.

На предстоящую навигацию 1926 года по товаро-пассажирскому флоту намечены те же линии с следующим увеличением:

линия Вязники—Шуя . . . до 6 раз в неделю,
„ Москва—Рязань . . . 5 „ „

Общее количество пассажиров по перспективному плану предусматривается в 600.800 чел. при 47.482 тыс. пас. в.
„ „ грузов и багажа предусматривается в 6.033.000 пуд. при 1.206.271 пуд./в.

Тарифы как на перевозку пассажиров, так равным образом и грузов большой скорости предполагается оставить прошлогодние с незначительными уточнениями по классификации.

ПО БУКСИРНОМУ ФЛОТУ.

По производственному плану на 1925 год предусматривались перевозки следующих грузов:

а) разного (хлеб, соль, сено и пр.) 5.000.000 пуд. при средн. пробеге 300 в. или 1.500.000 тыс. п в.
б) дров в судах 10.000.000 п. при средн. пробеге 190 верст или 1.900.000 тыс. пудоверст,
в) плотов 3.000.000 пуд. при средн. пробеге 37 верст или 110.000 тыс. пудоверст.
Всего таким образом 18.000.000 пудов при 3.510.000 тыс. пудоверст.

Для этих перевозок выпущено было следующее рабочее ядро:
буксирных пароходов вместе с резервом 21 единица, общей мощностью 3.596 инд. сил.
непарового флота „ „ 174 единицы, „ грузоподъемн. 3.054.000 п.

Выполнение плана прошло в следующем порядке:

	Пудов	Пудоверст в тысячах
Перевезено: Хлебного	456.341	390.663
Соли	437.126	390.538
Рыбы	7.564	18.157
Металлов	159.311	110.785
Хлопка	96.563	11.287
Цемента	317.932	246.183
Камня буг. и алеб.	4.308 870	1 690.367
Лесных материалов и дров	7.137.011	1.967.737
Мазута	981.307	837.688
Прочих грузов	2.644.777	946.024
Плотов	924.699	41.716
Итого . . .	17.471.501	6.651.150

Таким образом абсолютный недовоз грузов выразился в 528.499 пудов при превышении пудоверстного пробега в 3.151.150 тысяч пудоверст.

Материальный успех от буксирных перевозок можно считать только с технической точки зрения, а именно по нагрузке на индикаторную силу; касаясь финансового успеха, который пока находится в стадии подсчетов, то таковой в силу экономических условий 1925 года, связанных с предложениями центральных органов о понижении тарифов, является далеко недостаточным на самоокупаемость по эксплоатации.

В настоящее время все органы водного транспорта заняты подтягиванием своих тарифов с таким расчетом, чтобы они с одной стороны отнюдь не являлись тяжелыми для отдельных классификаций, и с другой, дали бы возможность подойти к самоокупаемости по эксплоатации.

В связи с предпосылками о повышении перевозок в 1926 году, производственный план на предстоящую навигацию предусматривает следующий грузооборот по буксирному флоту:

в судах 20.224.000 пудов при 9.556.179 тысяч пудоверст
„ плотах 1.200.000 „ „ 104.106 „ „

Чтобы выполнить этот план, вводится ряд пароходов из консервированных 10, представляя таким образом флот до 30 паровых единиц, общей мощностью в 5.683 индик. силы и до 241 единицы непарового флота с общим тоннажем 6.601.000 пудов.

Происходящий в настоящее время ремонт дает основания предполагать, что принятые Окским Управлением задания по перевозкам будут выполнены полностью.

КАБЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
„СЕВКАБЕЛЬ“

ЛЕНИНГРАД, Кожевенная линия, 40.

Завод производит всякого рода электрические провода и кабели как слабого тока—телефонные и телеграфные, так и сильного тока высокого и низкого напряжения, шнуры, обмоточные динамомашинные провода, провода всех размеров, подземные, подводные и шахтовые кабели и пр. Кроме того на заводе имеется отделение по изготовлению кабельной гарнитуры и изолирующих материалов, главным образом, частей и полуфабрикатов для установочного материала и электротехнических аппаратов, контролеров, трамвайного подвесного оборудования, реостатов и т. п. Также организовано отделение для изготовления эмалированной проволоки, которое работает уже как производство массового характера.

Выпуск готовых изделий за истекший операционный 1924/25 г. в сравнении с прошлым 1923/24 г. и текущего 1925/26 г. и взятое по отношению 1913 г. составляет следующее:

Года	Заводская себестоимость	% % отношение	Довоенная прейскурантная цена 1913 г.	% % отношение
1913	11.159.924 61	100%	15.500.000 —	100%
1923/24	5.836.869 31	52,3%	8.730.036 —	55%
1924/25	7.852.003 29	70,4%	11.962.281 68	77,1%
1925/26	11.880.950 —	106,4%	17.129.000 —	110%

Таким образом завод постепенно твердым уверенным шагом в текущем операционном году не только восстановит свое производство довоенного уровня, но и перешагнет его вероятно. На изготовление вышеуказанного выпуска было занято рабочих и служащих:

Года	1913	1923/24	1924/25	1925/26
Рабочих	1388	859	1.150	1.450
Отношение	100%	62,25%	83,33%	105%
Служащих	202	183	190	198
Отношение	100%	91, 5%	95%	99%

Распределение стоимости выпуска на одного рабочего списочного состава в месяц дает следующую таблицу:

Года	1913	1923/24	1924/25	1925/26
Рубли	668	566	569	683
Отношение	100%	84,48%	85%	102%

Необходимо отметить, что выпуск на одного рабочего в истекшем году повысился только на 0,5%, вследствие неравномерной в течение сего года загрузки вызвавшимся как недостатком заказов, так и главным образом вследствие частого перебоя снабжением сырыми материалами, вследствие чего приходилось довольно часто производить перегруппировку рабочих, а также отвлекая их часть и не на производственную работу.

Несмотря на частые перебои в производстве, вследствие отсутствия заказов частично и главным образом хронического отсутствия полного снабжения материалами, рост зарплаты постепенно повышается, что ясно показывает таблица.

	На 1 Января				В Сентябре
Года	1913	1923	1924	1925	1925
Сумма	70	43	51	66,52	76,36
Отношение	100%	61,4%	72,86%	95%	109%

При сравнении зарплаты рабочих с выпуском на одного рабочего и принимая во внимание перебои снабжения, то смело можно сказать, что оба эти элемента дружно шли в ногу и мы надеемся, что и дальше рост зарплаты будет соответствовать росту производительности труда, порукой чему служит усиленная и упорная работа Производсовещания совместно с техперсоналом и Заводоуправлением.

Необходимо отметить, что завод не только возобновил все виды производства довоенного времени, но и наладил некоторые совершенно новые, как-то: изготовление эмалированной проволоки, пока еще не всех размеров, из-за отсутствия необходимого оборудования, которое ожидается к получению в ближайшие месяцы, но уже с месячным выпуском 3.500—4.000 кг. Развил отдел изолирующих материалов, для подвесочного трамвайного оборудования контролеров, реостатов и прочей электротехнической аппаратурой, установочного материала, бумагу баккелитовую и лак. Одно из самых главных достижений завода это применение совершенно новой конструкции трехжильного кабеля для рабочего напряжения в 35.000 вольт, а также поставка и производство реотановой проволоки. Большую энергию завод развивает в области научно-исследовательной и лабораторной работы, для чего Лаборатория, главным образом электротехническая, расширена помещением, пополнена аппаратами и уже заказана за границей высоковольтная установка на 500.000 вольт, имеется связь с высшими учебными заведениями, которые по заданиям завода в тесном контакте с заводскими лабораториями производят различные исследования. Намечено расширение Химической Лаборатории, которая имеет большое значение в кабельном производстве, где употребляется дорогой материал высшего качества.

В. С. Н. Х. ОБЪЕДИНЕНИЕ Р. С. Ф. С. Р.

ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФАРФОРО-ФАЯНСОВЫХ ФАБРИК

ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РСФСР

„Ц. ФАРФОРОТРЕСТ“

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Мясницкая, уг. Б. Златоустинского, 2.
Телефоны: 2-17-05, 4-48-40, 4-81-65 и 4-49-11.

ОБЪЕДИНЯЕТ самые мощные фарфоровые фабрики: Дулевскую им. „Правды“, Тверскую им. тов. Калинина, Дмитровскую фарфоровую фабрику, Первомайскую (б. Рыбинскую), Ленинградский завод им. М. В. Ломоносова.

ВЫРАБАТЫВАЕТ: хозяйственную посуду—фарфоровую и фаянсовую, фарфор технический, химический и электротехнический, пироскопы, шамотные муфеля и пр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД
на ежемесячный журнал

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ“,

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
под редакцией Г. И. Крумина, В. А. Базарова и М. И. Боголепова.

Год издания ТРЕТИЙ.

БЛИЖАЙШИЕ СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА: Б. Авилов, проф. Я. Букшпан, проф. В. Голгофский, проф. В. Г. Громан, А. Гурьев, Д. Дезен, Н. Дубенецкий, М. Кауфман, А. Локшин, проф. А. Лосицкий, проф. П. Лященко, В. Макаров, проф. А. Манулов, проф. П. Маслов, Л. Е. Минц, И. Михайлов, А. Михайловский, проф. И. Огановский, проф. С. Первушин, Г. Поляк, Ф. Радецкий, проф. М. Рамзин, А. Рашин, проф. Н. Сидин, проф. М. Сиринов, проф. М. Соболев, А. Стрикис, проф. С. Струмилин, А. Фишгендлер, А. Хрящева, Л. Шанин (Шапиро), П. Шох, Н. Якушкин и др.

Программа журнала значительно расширена.

Объем книжки не менее 18—20 печ. листов.

Адрес Редакции: МОСКВА, Мясницкая, 20. Телефон 4-88-90.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год—22 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: в Главной конторе газеты „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“, Тверская, 38; в конторе объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“—Тверская, 42 и в книжном магазине „Экономической Жизни“, Петровка, № 16.

В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях конторы объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, во всех почтово-телеграфных конторах, во всех отделениях Госбанка, кроме Москвы и Ленинграда, и во всех местных контрагентствах печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

на ежемесячное издание

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

МАТЕРИАЛОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Выходит ежемесячно 18—20 числа.

„Указатель“ систематизирует по определенной схеме наиболее существенный статейный и фактический материал, охватывая 18 ежедневных газет всесоюзного масштаба и масштаба федеративных автономных республик и свыше 50 ежемесячных и еженедельных изданий хозяйственных органов, Наркоматов, плановых учреждений и ЭКОСО.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 12 мес.—9 руб., на 6 мес.—5 руб., на 3 мес.—3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: в Главной Конторе газеты „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“, Тверская, 38; в конторе объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, Тверская, 42 и в книжном магазине „ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ“, Петровка, 16.

В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях конторы объявлений „ДВИГАТЕЛЬ“, во всех почтово-телеграфных конторах, во всех отделениях Госбанка, кроме Москвы и Ленинграда, и во всех местных контрагентствах печати.

„СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ,

издаваемый ГОСПЛАНОМ БССР.

Общей задачей журнала является стремление дать возможно полное и точное отражение народного хозяйства БССР и общего уклада общественно-культурной жизни республики и Союза. Наряду с этим журнал будет внимательно следить за всеми проявлениями хозяйственно-общественного уклада зарубежной Белоруссии и связанных с нею Польши, Литвы и Латвии.

Журнал будет иметь в виду двоякого рода читателей: во-первых, белоруссов, которые найдут статьи по вопросам хозяйства и общественности БССР, сжатые отчеты о наиболее важных явлениях союзной жизни и хозяйства, а равно и о важнейших явлениях общемирового значения; во-вторых, тех читателей других республик, или заграничных, которые интересуются вопросами белорусского хозяйства, национально ти и культуры.

Таким образом, содержание журнала отливается в следующие рубрики:

1. Статьи по вопросам советского строительства БССР, равно и статьи общего характера по тем же вопросам.
2. Статьи по вопросам народного хозяйства БССР.
3. Статьи по вопросам хозяйства и общественно-культурной жизни зарубежной Белоруссии, Польши, Литвы и Латвии.
4. Статьи по общим вопросам советской экономики.
5. Статьи во вопросам культуры как белорусской национальности, так и других национальностей, населяющих Белоруссию.
6. Ежемесячные обзоры хозяйства: по БССР и зарубежной Белоруссии, сжатые по Советскому Союзу, Польше, Литве и Латвии с учетом важнейших явлений мирового хозяйства.
7. Библиография.

В журнале принимают участие: И. А. Адамович, Б. Д. Архангельский проф. А. М. Арцимович, проф. Я. Афанасьев, А. В. Балицкий, М. И. Барсуков, П. Бишард, проф. Н. Ф. Блюдухо, Ф. А. Бровкович, Р. А. Бонч-Осмоловский, И. А. Василевич, Ф. С. Володкович, проф. С. Я. Вольфсон, Б. Ганжа, С. Л. Гельтман, Г. И. Горешкий, Г. Ф. Горин, Н. М. Гутковский, О. Л. Дыло, проф. А. Дубах, проф. Н. А. Дубровский, проф. В. М. Игнатовский, В. С. Калиновский, А. М. Каплан, А. А. Капорский, М. М. Карклин, С. Б. Карп, проф. А. Т. Кирсанов, И. А. Кисляков, С. Л. Козюра, доц. И. И. Красковский, А. А. Криницкий, проф. Л. Н. Литошенко, проф. А. А. Лосицкий, доц. М. Макаров, М. И. Мороз, проф. П. Н. Огановский. И. П. Ошерович, проф. В. И. Переход, И. А. Петрович, проф. В. И. Пичета, Д. Ф. Прищепов, Л. С. Розенгауз, Я. П. Смирнов, А. А. Смолич, проф. Челинцев, А. Г. Червяков, Д. С. Чернушевич, А. И. Шейнин, М. И. Шкубер, Г. Н. Юнгерц и другие.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

(без пересылки):

На 12 мес. . . . . **15** рублей.
„ 6 „ . . . . . **8** „
Цена отдельного номера . . . . . **1** р. **50** к.

Редактор, профессор *М. В. Довнар-Запольский.*

Члены Редакционной Коллегии: *Л. М. Бунин.* *Ф. С. Володкович.*

Подписка принимается в РИО Госплана БССР—Минск, пл. Свободы, № 5 и во всех отделениях Белгосиздата.

Открыта подписка на 1926 год

на

ТОРГОВЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

еженедельный орган Торгового Представительства СССР в Германии

(V год издания)

Торговый Бюллетень ставит себе задачей давать широкую информацию о торговой, финансовой и экономической жизни Европы и внеевропейских стран и о деятельности наших торговых организаций за границей.

Торговый Бюллетень в точных еженедельных сводках освещает положение мировых и специальных рынков: товарных, денежных, фрахтовых и труда, характеризует деятельность наиболее значительных иностранных предприятий и банков, печатает статистические данные о мировом хозяйстве и дает рецензии о ценных изданиях в экономической литературе Западной Европы и Америки.

Торговый Бюллетень обращает особое внимание на установившуюся практику и правила внешней торговли и сообщает все ценные сведения, которые интересуют наших хозяйственников при ведении импортно-экспортных операций.

Торговый Бюллетень выпускает время от времени специальные номера, посвященные той или иной отрасли народного хозяйства (радио, текстильному, импорту, горной промышленности, сельскому хозяйству и т. п.).

Торговый Бюллетень является незаменимым пособием в каждом советском хозоргане, в каждом тресте и синдикате, в каждой библиотеке.

Торговый Бюллетень содержит большое количество объявлений от крупнейших германских промышленных фирм и, по желанию подписчиков, бесплатно рассылает их каталоги и прейскуранты.

Подписывайтесь на „Торговый Бюллетень“!

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

в СССР —на 1 год 28 зол. руб., на $^1/_2$ года 15 зол. руб.
за границей—на 1 год 14 долларов, на $^1/_2$ года $7^1/_2$ долларов.

Информационный Отдел Торгпредства СССР в Германии.

АДРЕС:

Deutschland, Berlin SW 68, Lindenstr. 20-25.
Handelsvertretung der U. d. S. S. R.
Informations-Abteilung.

При всех запросах просим ссылаться на „Торговый Бюллетень“.

С 1-го ЯНВАРЯ

начинает выходить два раза в месяц

„Обзор союзной и иностранной экономической прессы“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Дм. Бухарцева и А. М. Михайлова.

Обзор выходит вместо издаваемого раньше двухнедельника „Русской Экономической Прессы“ и преследует те же цели.

В Обзор включаются обзоры всей нашей прессы как центральной, так и местной по важнейшим проблемам. Обзор иностранной прессы охватывает общие вопросы мирового хозяйства, хозяйства отдельных стран, а также и то, что пишут заграницей о нашем хозяйстве.

В Обзоре используются все центральные органы и местные, а также важнейшие европейские и американские газеты и журналы по указанным выше вопросам.

Каждый номер состоит из 6 печатных листов.

Годовая подписка—12 р. На полгода—7 р.

Цена отдельного номера 75 коп.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

II ПОЛУТОМ

ЕЖЕГОДНИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ,

под редакцией А. М. МИХАЙЛОВА и Я. Г. РАЕВСКОГО.

(Обзор за 1924/25 хозяйственный год).

II полутом включает следующие основные главы:

1. Теория Советского хозяйства (обзор за весь год).
2. Контрольные цифры Госплана и дискуссия о них.
3. Вопросы конъюнктуры (за весь год).
4. Сельское хозяйство (за 2-ю половину хозяйств. года).
5. Промышленность „ „ „ „ „
6. Внешняя торговля „ „ „ „ „
7. Концессии „ „ „ „ „
8. Кооперация „ „ „ „ „
9. Финансы „ „ „ „ „
10. Коммунальное хозяйство „ „ „ „ „
11. Транспорт (за весь год).
12. Труд (за весь год).
13. Экономика и техника по важнейшим проблемам энергетики и т. д. (за весь год)
14. Районное хозяйство.

    (Обзор **всей местной прессы**—газет и журналов **за весь год**, также и центральной—в части вопросов, затрагивающих районное хозяйство).

    Обзор районного хозяйства охватывает **все** экономические районы СССР, **со включением национальной литературы**, специально для этого переведенной.

15. Иностранная экономика в оценке союзной прессы:
    а) Вопросы мировой экономики,
    б) Положение отдельных стран.

Цена II полутома 5 руб. (до 40 печ. листов).

Заказы направлять в Торговый Сектор Издательства «ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО:» Москва, Воздвиженка, 5.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНК СССР

„ПРОМБАНК“

АКЦИОНЕРНЫЙ КАПИТАЛ 40.000.000 рублей

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Карунинская (б. Биржевая) пл., 2/7.

Телефоны: Коммутатор 3-27-10; 3-41-12,
Управление делами 1-78-68.

КОНТОРЫ

Белорусская (Минск), Всеазербайджанская (Баку), Всегрузинская (Тифлис), Всеукраинская (Харьков), Северо-Западная (Ленинград), Северо-Кавказская (Ростов на/Дону), Сибирская (Ново-Николаевск), Средне-Азиатская (Ташкент), Урало-Башкирская (Свердловск).

ОТДЕЛЕНИЯ

Армавирское, Артемовское, Астраханское, Барнаульское, Витебское, Воронежское, Вятское, Екатеринославское, Иваново-Вознесенское, Иркутское, Киевское, Кокандское, Краснодарское, Красноярское, Крымское (Симферополь), Казакское (Кзыл-Орда), Курганское, Курское, Ленинградское 1-е Городское, Ленинградское 2-е Городское, Ленинградское 3-е Городское, Луганское, Новогородское, Новороссийское, Одесское, Омское, Оренбургское, Пермское, Полтавское, Псковское, Самаркандское, Самарское, Саратовское, Ставропольское, Сталинградское, Сталинское, Татарское (Казань), Тюменское, Уфимское, Череповецкое, Читинское, Челябинское, Ярославское.

КОМИССИОНЕРСТВА

Бухарское, Винницкое, Грозненское, Житомирское, Запорожское, Зиновьевское, Керченское, Кременчугское, Николаевское, Полторацкое, Севастопольское, Сумское, Томское, Ферганское, Ходжентское.

АГЕНТСТВА

Андижанское, Бердичевское, Мервское, Наманганское, Одесское Городское, Петровское (Киев), Симферопольское Городское, Старогородское (Ташкент), Харьковское 1-е Городское, Харьковское 2-е Городское.

ГОРОДСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ В МОСКВЕ

1) на Арбате; 2) на Кузнецком Мосту, 3) на Мясницкой, 4) на Спартаковской пл., 5) на Сретенке.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ВО ВСЕХ ГОРОДАХ СССР

ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Крупные Банки и банковые Отделы Торговых Представительств СССР в Лондоне, Берлине, Данциге, Париже, Риме, Стокгольме, Осло, Роттердаме, Амстердаме, Вене, Праге, Риге, Ревеле, Ковно, Варшаве, Гельсингфорсе, Копенгагене, Константинополе, Софии, Нью-Йорке, Чикаго, Тегеране, Яффе, Шанхае, Харбине, Мельбурне.

Промбанк производит все банковые операции, имея назначением кредитование Государственной Промышленности СССР, а также содействие внутренней и внешней торговли, кооперации, транспорту и провинциальным банкам.

Промбанк страхует имущества промышленных предприятий, подведомственных ВСНХ СССР.

Промбанк совершает переводы с заграницей в русской и иностранной валюте.